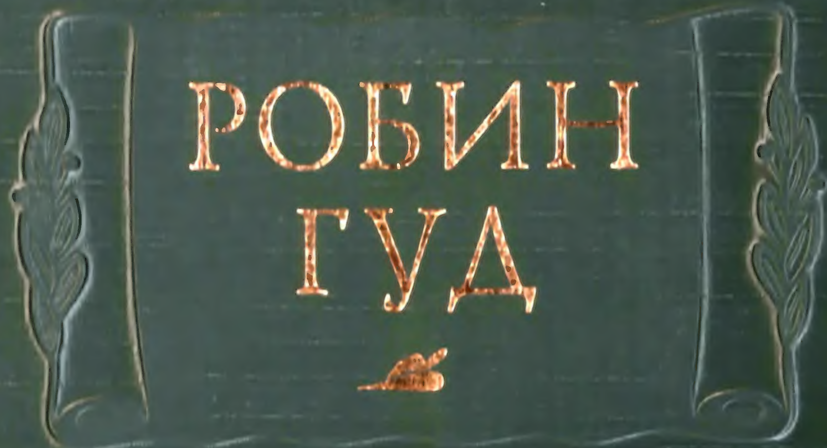
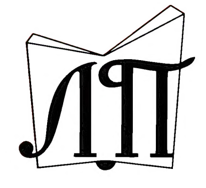


РОБИН ГУД

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Литературные Памятники



ROBIN HOOD

РОБИН ГУД

Издание подготовила

В.С. СЕРГЕЕВА

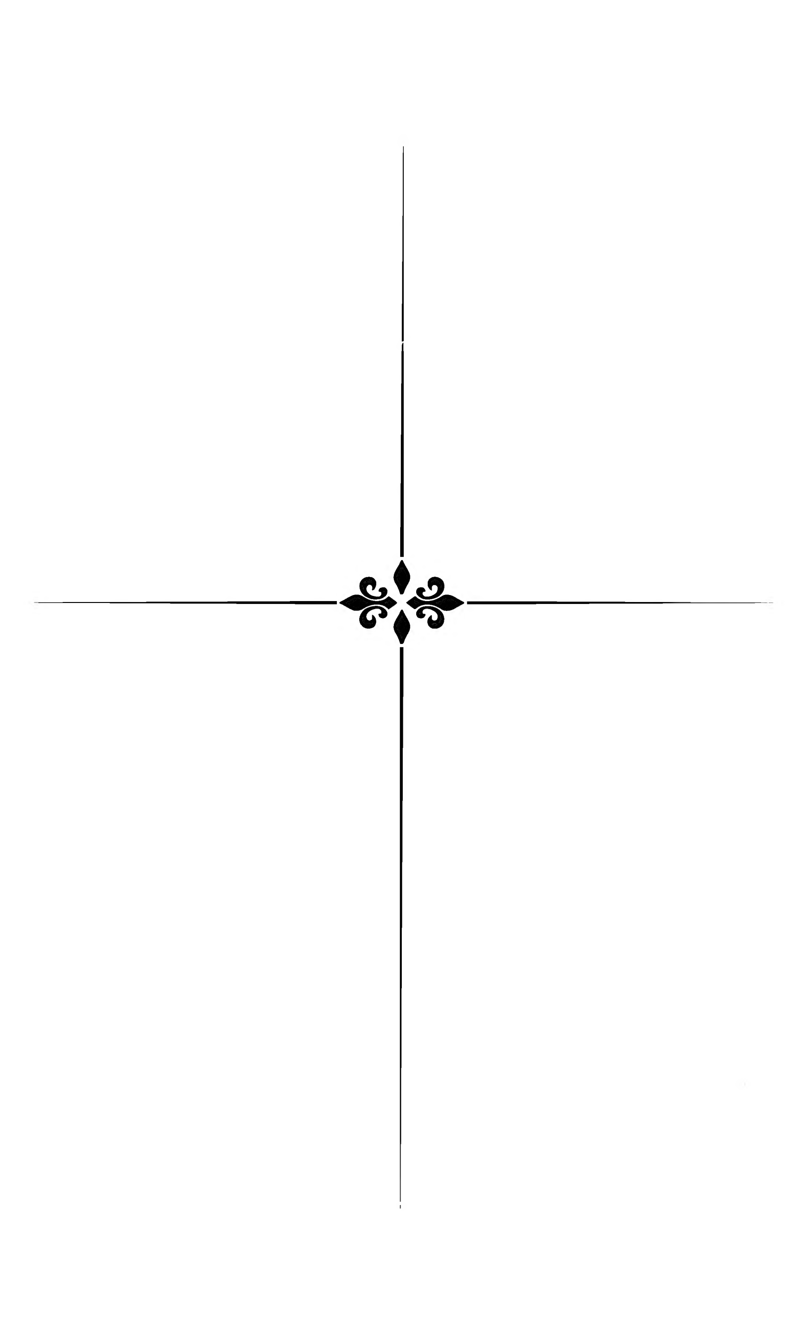
Научно-издательский центр
«ЛАДОМИР»
«Наука»
Москва

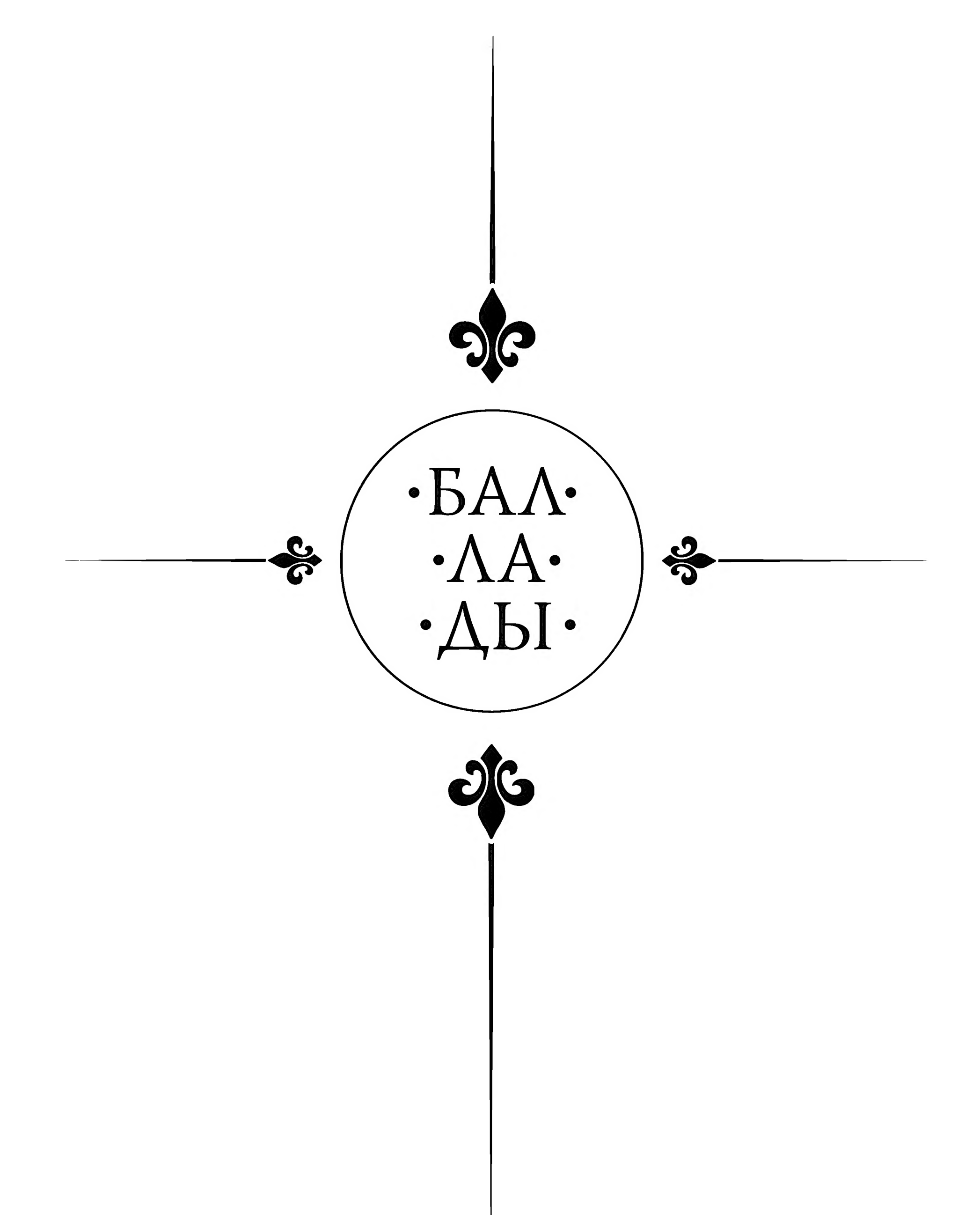
Ответственный редактор
А.Н. Горбунов

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках реализации Федеральной целевой программы
«Культура России (2012–2018 годы)»

ISBN 978-5-94451-055-6
ISBN 978-5-86218-562-1

РОБИН ГУД




·БАЛ·
·ЛА·
·ДЫ·

ПОВЕСТЬ О ДЕЯНИЯХ РОБИН ГУДА

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

й, удальцы, я вас прошу
    Внять повести моей.
Я расскажу о том, кто был
    Всех в Англии храбрей.

Был Робин славный молодец —
    Стрелок и верный друг,
Не мог сравниться с ним никто
    На сотни миль вокруг.

Сидел однажды Робин Гуд
    Весною у реки,
С ним рядом были смелый Джон
    И прочие стрелки[1].

Они — надежные друзья:
    Не ровен час, беда,
И юный Мач, и Виль Скейтлок —
    Ребята хоть куда.

Заметил тут Малютка Джон,
Что полдень подошел,
И молвил так: «А не пора ль
Велеть собрать на стол?»

Ответил славный Робин Гуд:
«Дотоле не велю,
Покуда трапезы лесной
Ни с кем не разделю[2].

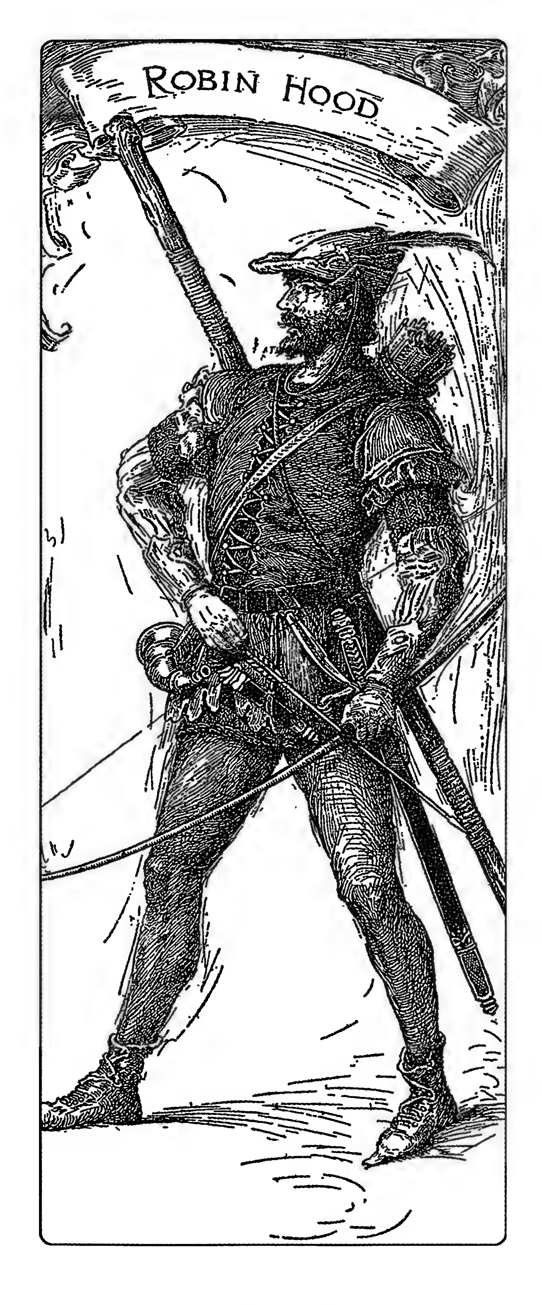
Будь это рыцарь или граф,
А может быть, барон,
Он мне заплатит за обед:
Какой ему урон?»

Чтил Бога славный Робин Гуд
Исправно, как умел,
И перед трапезой служить
Три мессы он велел.

«Вас, Бог Отец и Дух Святой,
О милости молю,
И Богоматерь, ведь Ее
Я пуще всех люблю».

Исправно Робин Ей служил,
И, право, никогда,
Боясь греха, не причинял
Он женщинам вреда.

«Хозяин, — молвил смелый Джон, —
Изволь отдать приказ.
Скажи, куда нам всем идти,
И положись на нас.



Робин Гуд

Куда идти, кого искать
И как с ним дальше быть:
Кого ограбить и прогнать,
Кого вязать и бить?» –

«Запомни крепко, смелый Джон,
Запомни навсегда:
Тому, кто пашет или жнет,
Не причиняй вреда.

Пусть йомен бродит по лесам –
Ему хвала и честь!
Не трогай рыцарей: меж них
И неплохие есть.

Зато епископам, мой друг,
В лесу пощады нет –
Им и шерифу, смелый Джон,
Хлебнуть придется бед».

Ему сказал Малютка Джон:
«Усвою я урок.
Пошли нам встречного Господь,
И мы вернемся в срок». –

«Берите ж луки, и вперед –
Лес обыщите весь.
С тобою Мач и Виль Скейтлок,
А я останусь здесь.

Дойдите вы до Сайлис-кросс,
Потом до Уотлинг-стрит[3].
Быть может, там, на счастье нам,
Хоть кто-то протрусит.

Аббат ли, граф или барон –
Нам всякий ко двору.
Он будет гостем у меня
На йоменском пиру».

Стрелки подходят к Сайлис-кросс,
Глядят из-за куста,
Но в обе стороны, увы,
Тропа совсем пуста.

Друзья свернули в Бернисдейл[4],
И тут навстречу им,
Глядь – рыцарь скачет по тропе,
Одет как пилигрим.

Был рыцарь мрачен и угрюм
И ехал не кичась:
То по дороге конь его
Ступал, то прямо в грязь.

Назад откинут капюшон,
И небогат наряд.
Такое скорбное лицо
Вы видели навряд.

Заговорил Малютка Джон
(Он был весьма учтив
И встретил гостя на тропе,
Колено преклонив):

«Добро пожаловать в наш лес,
Давно тебя, ей-ей,
Хозяин наш к обеду ждет
С ватагою своей». —

«А кто ж хозяин?» — «Робин Гуд!
А мы — его друзья!» —
«Об этом славном молодце
Немало слышал я!

Я приглашение на пир,
Клянусь, почту за честь.
Я думал, в Блите[5], дай-то Бог,
Удастся мне поесть!»

Стрелкам вослед поехал сэр
Тенистою тропой,
И Джон заметил, что глаза
Он утирал порой.

К ним вышел смелый Робин Гуд,
Увидел гостя он
И поклонился до земли,
Откинув капюшон.

«Добро пожаловать, милорд!
Привет тебе, привет,
Прошу я с нами разделить
Нехитрый наш обед».

Учтиво рыцарь отвечал,
Без злобы, без затей:
«Храни Господь тебя, мой друг,
И всех твоих людей».

Сперва им воду поднесли
Для омовенья рук[6],
Ну а потом и мех с вином
Прошел за кругом круг.

Всего хватало за столом,
И дичи, и вина –
Прокормит меткого стрелка
Лесная сторона!

«Твое здоровье, славный сэр!» –
«Отличное вино!
Так не обедал я, клянусь,
Уже давным-давно.

Коль, Робин, в здешние края
Приеду я опять,
То пир устрою и тебя
Там буду рад принять!» –

«Тебя за это, добрый сэр,
Господь вознаградит.
Я не жалею ничего,
Чтоб гость был пьян и сыт.

Однако ж, рыцарь, расплатись,
Закон у нас один:
Пируют йомены в лесу,
А платит господин!»[7] —

«Увы, я беден!» — молвил тот.
«Эй, не смеши, дружок!
Пойди проверь, Малютка Джон,
Тряхни его мешок.

Скажи мне правду, славный сэр:
Господь карает ложь». —
«Лишь десять шиллингов[8], стрелок,
Ты у меня найдешь». —

«Коль не соврал и вправду гол —
И пенса не возьму,
А если нужно, дам и в долг,
Как другу своему.

Пойди проверь, Малютка Джон,
И доложи как есть!
Обедать здесь, у нас в лесу,
Ей-ей, большая честь!»

Джон расстелил зеленый плащ
И вытряс кошелек,
Но десять шиллингов всего
Добыть оттуда смог.

Оставив деньги на траве,
Он заспешил назад.
«Какие вести, славный Джон?» —
«И верно, небогат!» —

«Эй, друг, налей еще вина –
В тебе корысти нет.
Скажи мне, путник, отчего
Так бедно ты одет?

На свете рыцарем, видать,
Недолго ты пожил.
Быть может, рыцарство в бою
Недавно заслужил,

А до того, как все мы здесь,
Был человек простой:
Пахал и сеял, пас овец
И был знаком с нуждой?»

Но гордо рыцарь отвечал –
Под стать ему и речь:
«Еще сто лет тому назад
Носил мой предок меч!

Судьба изменчива, увы,
Вознесшийся падет,
А суждено ль подняться вновь –
Кто знает наперед?

Меня до нынешней зимы
Щадил всесильный рок.
Я за год больше наживал,
Чем поистратить мог.

Но из того, что я имел,
Осталась лишь семья.
На Божью милость уповать
Отныне должен я».

«Но отчего ж, — спросил стрелок, —
Ты нынче небогат?» —
«Я безрассудно поступал
И всем помочь был рад!

Мой сын, наследник всех земель,
Умен, хорош собой.
Ему сравнялось двадцать лет,
Он выехал на бой

И двух ланкастерских бойцов
Нашпилил на копье[9].
Я продал всё; я заложил
Имение свое,

Отдал в залог отцовский дом,
И завтра минет срок.
Аббату — земли, а меня
Не пустят на порог». —

«А долг велик, мой добрый сэр?
Помочь я буду рад». —
«Четыре сотни золотых
Мне одолжил аббат». —

«А если замок не вернешь
И попадешь в беду?» —
«Тогда на судно сяду я
И за море уйду.

Я смерть приму в Святой земле,
Где был распят Господь.
Прощай, мой друг, и счастлив будь —
Судьбу не побороть. —

Украдкой он смахнул слезу
    И произнес опять: –
Прощай, стрелок, и не взыщи –
    Мне нечего отдать».

«А где же все твои друзья?» –
    Спросил Малютка Джон.
«Они толклись в моем дому,
    Пока был весел он,

И враз покинули меня,
    Когда кошель стал пуст,
И имя самое мое
    Навек сошло с их уст».

Пустил слезу Малютка Джон,
    И всхлипнул юный Мач.
Промолвил Робин: «Пей вино,
    Подумаем... не плачь.

Ты поручителя себе
    Сыскать никак не мог?»
Печально рыцарь отвечал:
    «Мой поручитель – Бог».

«Эй, рыцарь, лучше не шути! –
    Воскликнул Робин Гуд. –
От Бога требовать долги,
    Ей-богу, тщетный труд!» –

«Кто всех надежней, коль не Тот,
    Кем сотворен Адам?» –
«Еще подумай, добрый сэр,
    Иль денег я не дам».

Печально рыцарь отвечал:
«Не торопись, постой.
Я поручительства прошу
У Девы Пресвятой».

Промолвил смелый Робин Гуд:
«Я знаю наперед:
Твой поручитель всех верней
И нас не подведет!

Ступай скорей, Малютка Джон,
Иди к моей казне,
Четыре сотни золотых
Неси немедля мне».

Пошел тогда Малютка Джон,
А с ним и Виль Скейтлок –
Четыре сотни золотых
Отсыпали в мешок.

«Четыре сотни, – буркнул Мач, –
И на-ка, отдавай!»
«Он славный рыцарь, так что, брат,
Ты лучше не встревай...

Наш гость, – промолвил смелый Джон, –
Пообносился весь,
А мы ведь, помнится, сукно
Припрятывали здесь».

И алый бархат, и сукно
Стрелки уже несут.
Богаче лондонских купцов
Веселый Робин Гуд!

«Отмерь по ярду от кусков,
Да не плутуй смотри!»
Джон луком начал мерить ткань,
Накинув фута три[10].

Он мерил щедро, не скупясь,
И не жалел труда,
И Мач воскликнул: «Джон – портной,
Ей-богу, хоть куда!»

Скейтлок смеялся от души
И прибавлял в ответ:
«Кромсай без мерки, не жалей,
Тебе корысти нет!»

«Эй, Робин, – крикнул смелый Джон, –
Теперь, с таким мешком,
Негоже рыцаря пускать
Без лошади, пешком!» –

«Так приведи ему коня
И дай ему седло,
Чтоб он вернул аббату долг,
Пока еще светло.

Нет, двух коней! Пусть едет он
Не жалким бедняком.
Дай сапоги, а то наш гость
Почти что босиком.

И к ним две шпоры золотых
Придутся в самый раз.
Пусть он летит во весь опор
И молится за нас».

Промолвил рыцарь: «Срок назначь —
Я деньги принесу».
Ответил Робин: «Через год
Увидимся в лесу.

Постой! Без свиты разъезжать,
Ей-богу, просто срам.
Оруженосца и слугу
Тебе я, рыцарь, дам.

Мой смелый Джон пойдет с тобой,
Чтоб ты не знал преград,
И защитит тебя в беде,
Ведь он подраться рад».

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Теперь-то рыцарю в пути
Гораздо веселей:
Он славит Робина и всех
Его лесных друзей.

Как слуги, следуют за ним
Скейтлок, и Мач, и Джон.
С такою свитой никогда
Еще не ездил он.

Промолвил рыцарь: «Джон, дружок,
Тебе не стану врать,

Нам нужно к завтрашней заре
До Йорка[11] доскакать.

Мой кредитор согласен ждать
Лишь до исхода дня.
Боюсь, что будет отчий дом
Потерян для меня».

Среди монахов и гостей
Бахвалится аббат:
«Четыре сотни золотых
Я отдал год назад.

Четыре сотни мой должник
Достанет из мешка,
Не то увидит замок свой
Он лишь издалека!»

«Но день, — сказал ему приор[12], —
Но день-то не прошел!
Аббат! Сто фунтов за него
Я выложу на стол.

Он страждет в дальней стороне,
Покинув отчий дом,
Ест за обедом хлеб с водой
И мокнет под дождем.

Неужто нищенской сумой
Его вознаградим?
Нет! Если есть у нас сердца,
Давайте погодим!»

Аббат

«Но долг есть долг, — сказал аббат. —
Так заповедал Бог».
И келарь[13] тут же завопил,
Брюхат и кривоног:

«Христовой кровью я клянусь,
Что рыцарь пал давно!
Пойдет доход с его земель
На мясо и вино!»

Аббат и келарь заодно,
Ожесточив сердца,
Готовы править строгий суд
До самого конца.

Здесь справедливость не в чести —
В руках у них закон,
И будет рыцарь всех земель
Безжалостно лишен.

Скитаться с нищенской сумой
Сулит ему аббат,
Коль денег он не привезет,
Пока горит закат.

«Клянусь крестом, — сказал судья, —
Он нынче не придет».
Но смелый рыцарь тут как тут,
Стучится у ворот.

Отважным спутникам своим
Сказал сэр Ричард Ли:
«Наденьте темные плащи:
Мы из Святой земли».

Стрелки за рыцарем вослед
Тотчас пошли к дверям.
Привратник в щелку посмотрел —
Мол, кто стучится там?

«Скорей, скорей входите, сэр!
Давно вас ждет аббат.
Он, как и все его друзья,
Живым вас видеть рад.

Свидетель мне Исус Христос,
Что благодать нам дал:
Таких чудесных лошадей
Я прежде не видал.

Сейчас в конюшню их сведу
И наложу овса». —
«Не надо, друг, а то у вас
Бывают чудеса».

Аббат пирует как король
И ждет исхода дня.
Должник приветствует его,
Колена преклоня.

«Я, сэр аббат, вернулся в срок,
Хоть до сих пор в нужде...»
Тогда спросил его аббат:
«А деньги? Деньги где?» —

«Увы, аббат, не удалось
Достать мне ни гроша!» —
«Судья! Не правда ль, у меня
Наливка хороша?..

Меня словами, сэр бедняк,
Не надо бременить». —
«Во имя Господа, аббат,
Прошу повременить». —

«Окончен день — и срок минул,
Поблажки я не дам». —
«Судья! Прошу, хотя бы ты
Внемли моим мольбам».

Судья промолвил: «Мне аббат
И кров, и стол дает». —
«Шериф, мой друг! Что скажешь ты?» —
«Нет-нет!» — ответил тот.

«Аббат, о милости молю,
В беде мне помоги:
Еще немного подожди,
И я верну долги!

Тому, кто выручит меня,
Готов я стать слугой.
Клянусь, аббат, что всё верну
Я через год-другой!»

Аббат сказал: «Не уступлю,
Проси хоть целый век.
Ступай отсюда, поищи
Себе другой ночлег».

Но молвил рыцарь: «Погоди,
Не торопись, аббат.
Клянусь, что нынче ж отчий дом
Я получу назад.

Быть милосердными к другим –
 Вот Господа завет.
Тому, кто рад чужим слезам,
 Нигде покоя нет».

Аббат воскликнул, осердясь
 И потемнев как ночь:
«Ты, видно, вздумал мне грозить?
 Ступай, обманщик, прочь!»

«Ты врешь, – промолвил Ричард Ли, –
 Позоришь ложью дом.
Я прям и честен был всегда,
 Клянусь святым крестом! –

Поднявшись, он продолжил так: –
 Пусть гостю ты не рад,
Но мне хотя бы встать с колен
 Мог предложить, аббат!

Я на турнире и в бою
 Сражаться был готов
И по деяниям своим
 Иных достоин слов!»

Сказал судья: «Неужто зря
 Проделан долгий путь?
Теперь земель своих, увы,
 Ему уж не вернуть».

«Сто золотых, – сказал аббат, –
 Уж так и быть, я дам».
Но молвил рыцарь: «Ни к чему,
 Не беден я и сам.

Хоть дай мне тысячу теперь,
В ней не нуждаюсь я.
Вам не видать моих земель,
Аббат, шериф, судья!»

Плащ расстелила на столе
Могучая рука,
Четыре сотни золотых
Он выгряс из мешка.

«Я долг привез тебе, аббат,
Бери же, – молвил он. –
А будь ты вежливей со мной,
То был бы награжден»[14].

Аббат угрюмо замолчал,
Не проглотив куска,
И низко голову склонил:
Взяла его тоска.

Судье сказал он: «Гонорар
Сполна отдашь назад». —
«Ни шиллинга, клянусь Христом,
Что был людьми распят!»

Промолвил рыцарь: «Сэр аббат!
Мне Бог поспеть помог.
Вернул себе я замок свой,
Коль расплатился в срок».

Засим он вышел, и аббат
Остался не у дел.
А рыцарь скинул старый плащ
И новый вмиг надел.

Он ехал с песнею домой,
А там, тоски полна,
Его красавица жена
Стояла у окна.

«Добро пожаловать, супруг,
Не ждет ли нас беда?» —
«Нет, дорогая, замок наш
Отныне навсегда.

И поминай в молитвах впредь
Лесного удальца:
Когда б не он, то хлеба мы
Просили б у крыльца.

Я долг аббату уплатил.
Будь Господом храним
Стрелок лесной, что мне помог,
Лишь встретились мы с ним».

Трудился рыцарь, сколько мог,
Не тратя даром слов,
И через год немалый долг
Был выплатить готов.

Купил на сотню луков тис
И звонкой тетивы[15],
И добрых линкольнских плащей,
Что зеленей травы[16],

И стрел длиной в английский ярд
С красивейшим пером,
А наконечники у них
Покрыты серебром.

Он взял сто воинов с собой
С гербами на груди
И в алом праздничном плаще
Поехал впереди.

Копье он длинное держал,
И вел слуга коня.
Так с песней двигались они
До окончанья дня.

Глядь — для забавы у моста
Затеяли борьбу,
И много йоменов сошлось,
Чтоб испытать судьбу.

Обещан тучный белый бык
Тому, кто всех сильней,
И конь под золотым седлом,
Что стоит двух коней;[17]

Перчатки, перстень золотой
И полный мех вина –
Пусть будет тот, кто победит,
Вознагражден сполна.

Тут вышел йомен хоть куда,
Он прочих одолел,
И все схватились за мечи:
Чужак, а больно смел!

Но рыцарь, сжалившись, сказал:
«Пусть правым будет суд!
Его спасу я, ведь мой друг
Отважный Робин Гуд».

С ним сто бойцов плечом к плечу:
«Нам будет грех отстать,
Коль эти йомены решат
Кровавый бой начать».

Всех растолкали забияк,
Не пожалели сил,
И рыцарь йомену отдал
Всё, что смельчак добыл.

А в утешенье остальным
Пять марок[18] бросил он:
«Чем драться, выпейте вина,
Коль скоро спор решен».

В забавах этих час прошел,
Другой за ним вослед,
И подошел тот срок, когда
В домах готов обед.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Ну а теперь вам, господа,
Спою еще о том,
Как Джон Малютка, верный друг,
Пришел к шерифу в дом.

В тот день первейшие стрелки
С утра сошлись на луг.
И Джон проверил тетиву
И вышел с ними в круг.

Стрелой далекую мишень
Он трижды поражал.
Шериф стоял, шериф смотрел,
Шериф соображал.

«Я кровью Господа клянусь,
Клянусь святым крестом,
Стрелка такого упустить –
Всю жизнь жалеть потом!

Скажи мне, лучник-молодец,
Не посчитав за труд:
В каких краях родился ты
И как тебя зовут?» –

«Из Холдернесса[19] я пришел,
Душой пред Богом чист,
На родине меня зовут
Рейнольд Зеленый Лист». –

«Послушай, друг Зеленый Лист,
Иди ко мне служить.

Ей-богу, двадцать марок в год
Готов я предложить»[20]. –

«Уж есть хозяин, – молвил Джон, –
Да с ним я пропаду.
Коль дашь задаток мне сейчас,
Клянусь, к тебе пойду».

Шериф немедля заплатил
Ему за целый год:
Коня, и плащ, и сапоги –
Всё выдал наперед.

Теперь шерифу служит Джон,
Живет в его дому,
Но только думает о том,
Как насолить ему.

«Авось Господь поможет мне!
Тогда по мере сил
Я так шерифу услужу,
Чтоб ввек он не забыл!»

Тот на охоту поскакал
Однажды в летний день,
А Джон остался, ведь с утра
Его сморила лень.

Пора обедать подошла,
Шерифа ж нет как нет.
И ключнику сказал стрелок:
«Подай-ка мне обед!

Малютка Джон

Клянусь, я с самого утра
Куска не откусил.
Неси еду скорей, ведь я
Совсем лишаюсь сил!»

Тот отвечал: «Пускай сперва
Вернутся господа».
И Джон поклялся, что его
Отлупит без труда.

Но ключник был изрядный трус,
К тому ж еще и вор.
Он в кладовую убежал
И дверь спиной подпер.

Джон вышиб дверь, едва ему
Не поломав хребет.
Бедняга ключник никогда
Таких не ведал бед.

Была кладовка в том дому
Съестным полным-полна.
Вошел Малютка и набрал
И эля, и вина.

«Эй, ключник, друг, хлебни винца,
Я добрый человек.
Малютку Джона, ей-же-ей,
Ты будешь помнить век!»

Он пил и ел — отведал всё,
Что только пожелал.
Тут кухарь, парень удалой,
Вдруг заглянул в подвал.

«Христова кровь! — воскликнул он. —
Здесь так шумит один?
На службу взят два дня назад,
А жрет, как господин!»

Он дал Малютке тумака:
«Ну что, каков на вкус?»
«Клянусь душой! — воскликнул Джон. —
А ты, видать, не трус.

Бери, коль драться ты мастак,
Дубинку или нож,
Но, ей-же-богу, ты меня
Так просто не возьмешь!»

Малютка вынул длинный меч,
А повар взял другой,
И грянул бой, но ни один
К порогу ни ногой.

Они сражались битый час
Бесстрашно, видит Бог,
Рубились яро, но никто
Верх одержать не мог.

«Ей-ей, клянусь святым крестом, —
Малютка Джон вскричал, —
Я лучше мечников, чем ты,
Доселе не встречал.

А коль к тому ж еще согнуть
Сумеешь длинный лук,
То Робину в густом лесу
Ты станешь первый друг.

Ручаюсь, будешь получать
Аж двадцать марок в год.
Айда со мною в Бернисдейл!»
И тот сказал: «Идет!» —

А после мигом побежал
В другие погреба,
Принес и хлеба, и вина,
И вновь пошла гульба.

Потом, бочонок осушив,
А корки бросив прочь,
Друзья решили убежать
Немедля, в ту же ночь.

Они спустились в закрома
По лестнице крутой,
Джон быстро посбивал замки
Могучею рукой.

И оба полные мешки
Набрали серебра:
Кувшинов, ложек и ножей
И прочего добра.

Четыре сотни золотых
Сыскали в сундуке
И к Робин Гуду в лес густой
Пришли не налегке.

«Смотри, хозяин! Вот и я –
Неплохо снаряжен!» –
«Добро пожаловать домой,
Дружище, верный Джон!

Я рад, что друга ты привел
С собою из гостей.
О чем болтает Ноттингем[21],
И нет ли новостей?» –

«Да вот шериф послал тебе
Подарок дорогой:
Отправил утварь и деньжат
Он с собственным слугой». –

«Ого! – ответил Робин Гуд,
Увидев серебро. –
Едва ль по доброй воле он
Отдал свое добро!»

И Джон отправился туда,
Где нет путей-дорог,
Где звонко ловчие свистят
И завывает рог.

Шериф охотился в лесу,
Науськивал собак,
И Джон, колено преклонив,
Заговорил с ним так:

«Тебе я, сэр, желаю сил
На много-много лет». –
«Ага! Рейнольд Зеленый Лист!
И мой тебе привет». –

«Шериф, забрел я нынче в глушь,
И Бог мне знак подал:
Я отродясь еще нигде
Такого не видал.

Олени, цветом как трава, –
Ни словом не солгу!
Почти семь дюжин их стоит
Бок о бок на лугу[22].

Клянусь, не стыдно их подать
И королю на стол.
Я не осмелился стрелять
И за тобой пошел». –

«Рейнольд, Господь тебя храни!
Туда! Скорей туда!» –
«За мной, хозяин! Приведу
На место без труда!»

Шериф торопится, и Джон
У стремени бежит.
«А вот и Робин, что в лесу
Оленей сторожит!»

Смеется йомен, а шериф
    Чуть не упал с коня:
«Треклятый плут, Зеленый Лист,
    Ты обманул меня!»

А Джон ответил: «Ты, шериф,
    Наказан поделом:
Изголодался я, когда
    Пошел служить в твой дом».

В лесу на множество персон
    Был длинный стол накрыт.
Шериф, завидев серебро,
    Утратил аппетит.

Промолвил Робин: «Эй, шериф,
    Налей себе вина
И веселись: мне жизнь твоя
    Сегодня не нужна».

Когда окончен был обед
    И порешили спать,
Джон снял с шерифа сапоги,
    Чтоб тот не смог сбежать,

И теплый отобрал дублет;[23]
    Взамен под громкий смех
Вручил ему зеленый плащ,
    Такой же, как у всех.

Стрелки, закутавшись в плащи,
    Лежали меж корней,
И с ними гордый сэр шериф,
    Теперь уже смирней.

Всю ночь он маялся без сна
    В рубахе, без сапог,
Признав, что нелегко в лесу
    Живется, видит Бог!

Промолвил Робин поутру:
    «Не унывай, шериф!
Таков порядок испокон
    Среди дубов и ив».

Шериф ответил: «Ваш устав
    Подвижнику под стать.
Озолоти — не соглашусь
    Я этак ночевать!»

«Ты год пробудешь здесь, шериф, —
    Ответил Робин Гуд. —
Отведай, братец, как у нас
    Изгнанники живут!»

Шериф взмолился: «Робин Гуд,
    Еще такая ночь —
И даже лучший из врачей
    Не сможет мне помочь.

Тебя о милости молю:
    Домой пусти меня —
Я лучшим другом буду вам
    С сегодняшнего дня». —

«Клянись теперь же на мече —
    Тогда пойдешь домой, —
Что перестанешь с этих пор
    Гоняться ты за мной.

И если йомены мои
    Попросят, будь готов
(Целуй клинок – клянись, шериф!)
    Им дать еду и кров».

Шериф поклялся на мече
    И вскоре был в пути.
Он был готов зеленый лес
    Под корень извести.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Шериф живет в своем дому,
    А смелый Робин Гуд –
В лесу густом, и вместе с ним
    Друзья его живут.

«Пора обедать», – Джон сказал,
    Но Робин молвил: «Нет!
Я грешен, видно; где ж мои
    Четыреста монет?»

Сказал ему Малютка Джон:
    «Эй, Робин, время есть.
Наш рыцарь, право же, из тех,
    Кто помнит стыд и честь». –

«Эй, Джон, и Мач, и Виль Скейтлок,
    Вы лес обшарьте весь.

Ступайте все до одного,
А я останусь здесь.

Дойдите вы до Сайлис-кросс,
Потом до Уотлинг-стрит.
Надеюсь, там, на счастье нам,
Хоть кто-то протрусит.

Быть может, вестник иль гонец —
Спросите, кто таков.
Его я щедро награжу,
Коль он из бедняков»[24].

И зашагал с друзьями Джон
Тропой в лесной тени.
В плащи зеленого сукна
Закутаны они.

Стрелки подходят к Сайлис-кросс,
Глядят из-за куста,

Но в обе стороны, увы,
Тропа совсем пуста.

Тут, глядь, поодаль, меж дерев,
Со свитою своей
Монахи едут в Бернисдейл
И горячат коней.

Тогда сказал Малютка Джон:
«Послушай, Мач, дружок,
Клянусь, что эти чернецы
Нам привезли должок.

А ну-ка, братцы, станем в ряд
В тени густой листвы!
По нраву мне и лук тугой,
И пенье тетивы.

Глядите, там полсотни слуг
И всяк вооружен.
Монахи ездят по лесам,
Как папы! – крикнул Джон. –

Пускай, друзья, их пятьдесят,
А мы стоим втроем,
Но Робин Гуду, ей-же-ей,
Мы гостя приведем.

Пусть верно служит крепкий лук
Стрелку в лесу густом.
Вот тот, что выехал вперед,
Он мой, клянусь крестом.

Эгей, монах, остановись,
А ну, поводья брось,
А если двинешься, стрелой
Прошью тебя насквозь!

Живей слезай с коня, отец,
И прикуси язык.
Ведь мой хозяин без гостей
Обедать не привык». –

«Кто он такой?» – спросил монах.
«Отважный Робин Гуд!» –
«Ах, этот висельник и вор,
Разбойник, дерзкий плут!»

Монаха спешил мигом Джон,
Схвативши за полу.
«Он смелый йомен – и тебя
Изволил звать к столу!»

А Мач надежную стрелу
Нацелил гостю в грудь,
Решив оружием своим
Монаха припугнуть.

Вмиг челядь бросилась бежать –
Всем шкура дорога.
Остались на лесной тропе
Лишь конюх и слуга.

Стрелки монаха по кустам,
По зарослям ведут
Туда, где гостя ждет к столу
Отважный Робин Гуд.

Вожак, пришельца увидав,
Откинул капюшон,
Но был чернец упрям и горд —
И только фыркнул он.

«Господня сила! Вот так гость, —
Сказал Малютка Джон. —
Невежа он и грубиян,
Как видно, неучен».

«А сколько, — Робин вопросил, —
С монахом было слуг?» —
«Полста, и все удрали прочь,
Едва завидев лук». —

«Тогда труби скорее в рог:
Обед уже готов».
Семь дюжин удалых стрелков
Сошлись к нему на зов.

Сукно накидок и плащей
Мелькает меж кустов.
Исполнить Робинов приказ
Любой стрелок готов.

Воды монаху принесли
Для омовенья рук,
Накрыли стол, и мех с вином
Прошел за кругом круг.

«Эй, веселей, хорош обед
У нас в тени лесной!
Куда ты едешь, друг монах,
Кто покровитель твой?» —

«Святая Дева, – молвил тот. –
И не тая скажу:
В своей обители давно
Я келарем служу». –

«Отец, теперь я рад вдвойне,
Услышав весть твою.
Эй, Джон, налей еще вина –
Я за монаха пью!

Признаюсь честно, что весь день
Я горевал, дружок:
Святая Дева, мол, отдать
Забыла мне должок». –

«Не сомневайся, – молвил Джон, –
Получишь ты свое.
Уверен, келарь долг привез,
Ведь он слуга Ее». –

«Ее ручателем своим
Мой добрый друг назвал,
Когда ему в тени ветвей
Взаймы я денег дал.

И если ты привез мне долг,
То не тяни, молю –
Тебе, коль надо, помогу,
Одену, накормлю».

Монах поклялся и сказал
По чести, без прикрас,
Что о ручательстве таком
Он слышит в первый раз.

Воскликнул смелый Робин Гуд:
«Лжец Господа гневит!
Господь поддерживает тех,
Кто правду говорит.

Ведь ты при всех признался сам
(Теперь не скажешь “нет”),
Что Богородицу ты чтишь
И Ей принес обет.

И, стало быть, Она тебя
Сюда прислала в срок,
Чтоб ты вернул мне долг, а я
И впредь Ей верить мог.

Скажи, монах, что в кошельке?
Скорее дай ответ». —
«Лишь двадцать марок, Робин Гуд,
Ни пенса больше нет». —

«Коль ты не врешь, тогда, ей-ей,
О чем и говорить.
Того, кто честен, я готов
Богато одарить.

Но если больше я найду
Хотя бы на чуть-чуть,
То совершенным бедняком,
Монах, продолжишь путь.

Иди скорей, Малютка Джон,
Проверь его суму.
И если гость наш не солгал,
Ни пенса не возьму».

Джон расстелил зеленый плащ,
Тряхнул суму слегка –
И восемь сотен золотых
Упали из мешка.

«Эй, Джон, ну, что ты отыскал?
Скорей поведай мне!» –
«Святой отец и вправду свят:
Он долг привез вдвойне». –

«Клянусь спасением души, –
Лесной стрелок вскричал, –
Честнее Девы Пресвятой
Я дамы не встречал![25]

Таких ручателей у нас
Давно пропал и след.
Ей-ей, вернее не найти,
Хоть обыщи весь свет.

Налейте доброго вина! –
Воскликнул Робин Гуд. –
Коль нужен станет Ей слуга,
Я буду тут как тут.

Приспеет надобность в деньгах –
Спеши, монах, ко мне.
Ты нам привез благую весть –
Я отплачу втройне».

Монах подумал: «К королю
Я с жалобой пойду.
Будь проклят рыцарь, что меня
Вот так вовлек в беду!»

«Куда ж собрался ты, отец?
Порядок здесь такой:
Пока хозяин не велит,
Из леса ни ногой!

Джон, погляди, что там еще
В его узлах лежит!»
Малютка тут же к чернецу,
Как велено, бежит.

«Посмотрим, много ли везет
Добра святой отец». —
«Ей-богу, — закричал монах, —
Ты редкостный наглец!

Силком гостей тащить за стол
И смертью угрожать...»
«Что делать, — Робин перебил, —
Сбегут, коль не держать!»

Монах уселся на коня.
«Эй, не серчай на нас.
Ну, сделай, друг, еще глоток,
И с Богом — в добрый час!» —

«Я так и знал, что здесь, в глуши,
Не обережешься бед!
Я больно много заплатил
За ваш лесной обед». —

«Поклон аббату передай
И пару добрых слов.
Его людей хоть дважды в день
Я принимать готов».

Теперь охотно поведу
О рыцаре рассказ,
О том, как он вернуть свой долг
Спешил в вечерний час.

Приехал рыцарь в Бернисдейл
И там, в тени ветвей,
Он быстро Робина нашел
И всех его друзей.

Сэр Ричард Ли сошел с коня,
Был Робин с ним учтив:
Он поприветствовал его,
Колено преклонив.

«Молюсь я, Робин, чтоб тебя
Не тронула беда». —
«Добро пожаловать, мой друг,
Тебе я рад всегда».

Промолвил славный Робин Гуд:
«Поведай поскорей,
Чему обязан встрече я
В обители моей?

Ответь, как жил ты этот год,
Чего же не бывал
И почему, мой добрый сэр,
Вестей не подавал?

Вернул ли ты себе удел?» —
«Скажу не утая:
О да! И это, Робин Гуд,
Заслуга лишь твоя.

И не вини меня за то,
Что медлил я в пути:
Я нынче йомену помог
От гибели уйти». –

«Не извиняйся, Ричард Ли,
Я это слышать рад.
Кто йомену готов помочь,
Тот мне навеки брат». –

«Четыре сотни золотых
Прими, лесной стрелок,
И двадцать марок, сверх того, –
По праву, видит Бог». –

«Не надо, – Робин отвечал, –
Возьми назад мешок.
Кто служит Деве Пресвятой,
Привез мне твой должок.

Взимает дважды плут и вор,
Утратив страх и стыд.
Давай-ка выпьем, честный сэр,
И нас Господь простит».

Поведал рыцарю стрелок,
Что приключилось днем.
«Так, говоришь, здесь был монах
И золото при нем?» –

«Ты долг мне выплатил сполна,
И порешим на том,
И я как гостя видеть рад
Тебя в лесу густом.

Но столько луков для чего
С собой ты, рыцарь, взял?» —
«Прими же, Робин, этот дар,
Хоть он убог и мал». —

«Ступай скорей, Малютка Джон,
Иди к моей казне,
Четыре сотни золотых
Неси немедля мне.

Тебя деньгами отдарить
Я, смелый рыцарь, рад.
Купи доспехи и коней:
Ведь ты теперь богат.

А если вдруг придет нужда,
Я буду тут как тут.
Клянусь крестом, друзей в беде
Не бросит Робин Гуд!

Четыре сотни золотых,
Не думая, потрать.
Негоже рыцарю, как ты,
В обносках разъезжать».

Так Робин Гуд помог тому,
Кто снес немало бед.
Пускай и нас хранит Господь,
Создавший этот свет!

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Уехал рыцарь в свой удел,
Монетами звеня,
И Робин Гуда долго он
С того не видел дня.

Меня послушайте, друзья,
Ей-богу, не совру:
Шериф велел созвать стрелков
На честную игру.

Сошлись умельцы: было их
Немало в оны дни!
Кто попадет стрелою в прут,
Поставленный в тени?[26]

Стрелки со всех концов страны
Спешат на луг с утра.
Получит тот, кто лучше всех,
Стрелу из серебра.

И чистым золотом у ней
Сверкает острие.
Не сыщешь в Англии стрелы
Прекраснее ее.

Узнал об этом Робин Гуд,
Ни словом не солгу.
«Хочу я, право, побывать,
Друзья, на том лугу.

Эгей, проверьте тетиву!
Стрелки, за мной вослед!

Давайте взглянем, как шериф
    Исполнит свой обет».

Звенит тугая тетива,
    Полны колчаны стрел.
«Семь дюжин йоменов лесных!
    Вперед, кто горд и смел!»

На поле лучшие сошлись
    Стрелки со всех земель.
Таких отличных молодцов
    Не видел мир досель.

«Пусть выйдут шестеро со мной,
    Другие ждут вокруг.
Коль я на помощь позову,
    Бегите враз на луг!»

Не зря так молвил Робин Гуд,
    Ведь был приметлив враг:
Шериф изгоев углядел
    И подал страже знак.

Стрелял отважный Робин Гуд
    Всех лучше и быстрей;
И славный Гилберт (говорят,
    Он знатных был кровей),

Малютка Джон, и Виль Скейтлок
    Из северных земель,
Рейнольд, и Мач — все удальцы
    Разили славно цель.

Они, как издавна велось,
Стреляли в тонкий прут.
Был лучшим назван среди всех,
Конечно, Робин Гуд.

Ему стрелу из серебра
Тотчас преподнесли.
Награду взял он, поклонясь
Учтиво до земли.

Тут возопили: «Робин Гуд!» –
И затрубили в рог.
«Изменник! – Робин закричал. –
Тебя накажет Бог!

Шериф, будь проклят за обман!
Обиды не снесу:
Ты кое-что пообещал,
Как помнится, в лесу!

Когда гостил ты у меня
В тени лесных ветвей,
Такого я не ожидал
От милости твоей!»

Звенит тугая тетива,
И гнется крепкий лук,
Пробиты стрелами плащи,
И кровью залит луг.

Сражались яростно стрелки,
Один за семерых,
И все, кого созвал шериф,
Бежали прочь от них.

Друзья немало острых стрел
Потратили в тот день.
Уж близок был зеленый лес,
Близка лесная сень.

В колено раненный, летит
В траву Малютка Джон.
Спасенье рядом — но идти
Не может дальше он!

«Хозяин, — Джон проговорил, —
Душа моя чиста,
И вот теперь молю тебя
Я именем Христа.

Тебе я верным был слугой
И одного хочу:
Меня живым не оставляй
На радость палачу.

Достань-ка, Робин, верный меч,
Не медля, поскорей,
И сам мне голову снеси,
Убей меня, убей!» —

«Коль брошу друга я в беде,
Позор и горе мне,
Ведь друг дороже, чем, ей-ей,
Всё золото в стране».

Промолвил Мач: «Клянусь Христом,
Что был за нас распят,
Кто другу не помог в беде,
Тому Господь не рад».

Он Джона на спину взвалил –
Изрядный был силач.
А по пятам спешил отряд,
Не отставая, вскачь.

Был замок скрыт в лесной глуши
У небольшой реки,
Крепки ворота, ров глубок,
И стены высоки.

Сэр Ричард и его жена,
На счастье, жили там.
Сей рыцарь другом обещал
Быть всем лесным стрелкам.

Гостей он встретил у ворот
И пригласил войти.
«Как хорошо, что заглянул
Ты, Робин, по пути!

Тебе обязан домом я,
Сомненья в этом нет,
И позабуду я едва ль
Тот давешний обед!

Ты, йомен, мой первейший друг,
Ты мне в беде помог.
И я шерифа не пущу,
Ей-богу, на порог![27]

Закрыть ворота! Мост поднять!
Осада не беда.
На стены, лучники, и все,
Кто держит меч, сюда!

Клянусь, что друга, Робин Гуд,
Ты не найдешь верней.
Здесь, в замке, будешь пить и есть
Ты вволю сорок дней»[28].

Тут рыцарь слугам приказал
Нести еду на стол,
И Робингудовых стрелков
Он угощать повел.

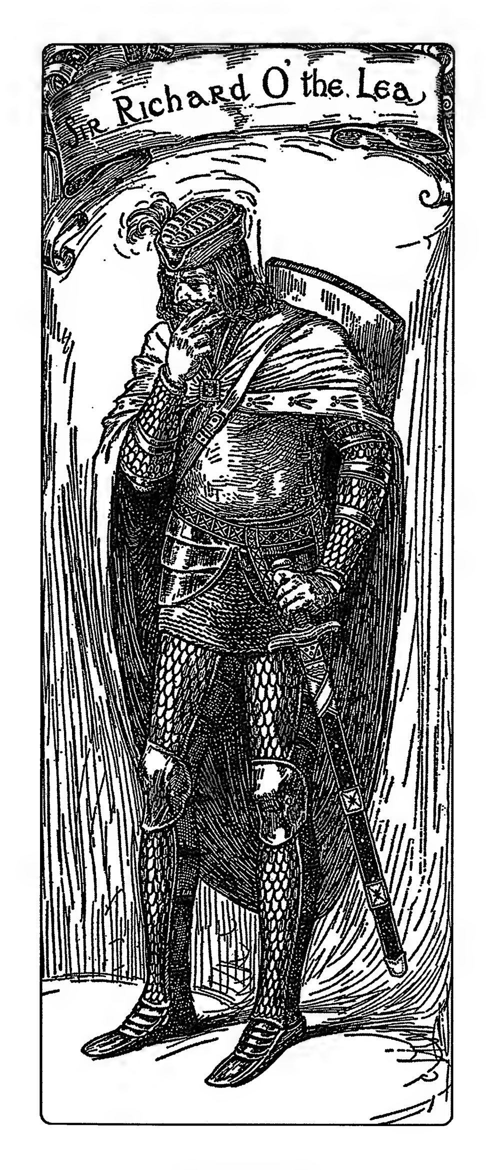
ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

За беглецами между тем
Пришел большой отряд.
Под стены замка сэр шериф
Привел своих солдат.

Они вокруг, и тут и там,
В засаде залегли.
Гордец-шериф измором взять
Решил твердыню Ли.

Шериф кричит: «Изменник, трус!
Ты приютил воров,
Им дал, законам вопреки,
Защиту, стол и кров!» —

«Я честный рыцарь, сэр шериф,
И доказать готов,



Сэр Ричард Ли

Что по деяниям своим
Иных достоин слов.

Солдаты! Вы ступайте прочь
И не чините зла!
Ох, жаль, не знает государь
Про здешние дела».

Шериф сказал: «Я к королю
Поеду сей же час
И всё поведаю ему,
И он рассудит нас!»

Узнал король наш Эдуард,
Чем славен Робин Гуд,
А также прочие стрелки,
Что с ним в лесу живут.

Поклялся, мол, сэр Ричард Ли
Приют изгоям дать —
Его едва ль не королем
Зовет лесная рать!

Король воскликнул: «В Ноттингем
Приеду скоро сам
И их обоих в плен возьму,
Коль не под силу вам!

Езжай скорей назад, шериф,
И вот тебе приказ:
Первейших лучников зови
Ты в Ноттингем тотчас».

Шериф простился с королем
И заспешил домой,
А Робин между тем ушел
Под сень листвы лесной.

Был исцелен Малютка Джон,
Покуда в замке жил,
Вернулся он в зеленый лес,
Как прежде, полный сил.

А Робин часто обходил
Зеленый свой удел:
Шерифа гордого в лесу
Он повстречать хотел.

А тот, добычу упустив,
Виновного стерег,
За домом Ричарда следил
Во все глаза, как мог.

Он караулил день и ночь,
Не тратя даром слов.
Глядь — у реки сэр Ричард Ли
Пускает соколов.

Шериф велит его схватить
И привести на суд.
И вот беднягу в Ноттингем
Уже в цепях везут.

Шериф сказал: «Клянусь Христом,
Что нам дарует свет,
Не жаль за Робина отдать
Сто золотых монет».

Была смышлена и смела
У Ричарда жена,
Она, усевшись на коня,
Пустилась в путь одна.

Гулял в то время Робин Гуд
Под зеленью дерев,
И позвала она его,
С тропинки разглядев.

«Господь храни тебя, мой друг,
И всех твоих стрелков!
Хочу супруга моего
Избавить от оков.

Иначе будет он казнен
Иль заточён в тюрьму
За то, что йоменов лесных
Укрыл в своем дому».

Спросил учтиво Робин Гуд
У доброй госпожи:
«Кто сэра Ричарда взял в плен?
Прошу я, расскажи!» —

«Гордец шериф его в лесу
Преподло подстерег.
Но не проехали они
Трех миль, свидетель Бог!»

Тогда воскликнул Робин Гуд,
Забывши обо всём:
«Эй, за оружье, удальцы,
Мы рыцаря спасем!

А тот, кто с нами не пойдет, –
Клянусь святым крестом! –
Пусть убирается тотчас,
И кончено на том!»

Бежали смелые стрелки
В плащах под цвет травы,
И не были помехой им
Ограды, ямы, рвы.

«Я перед Господом клянусь:
Обманщика сыщу!
Коль попадется мне шериф,
Уже не отпущу».

Стрелки помчались в Ноттингем,
Добрались до ворот.
Глядь – важно едет сэр шериф
И пленника везет.

«Эй, погоди, шериф-гордец, –
Воскликнул Робин Гуд, –
Ты говорил, твои слова
До короля дойдут.

Ни разу я за восемь лет
Не бегал так, поверь.
Святым крестом тебе клянусь,
Не жди добра теперь».

Запела грозно тетива,
И свистнула стрела –
Наказан смертью был шериф
За черные дела.

Достал из ножен длинный меч
Отважный Робин Гуд,
Шерифу голову отсек
И насадил на прут.

«Теперь лежи, шериф-гордец,
Не вздорить больше нам.
Ты дурно кончил жизнь свою,
Лжецу наградой — срам».

Стрелки схватились за мечи:
«Вперед, кто лих и смел!»
И из шерифовых людей
Никто не уцелел.

Был тут же славный Ричард Ли
Освобожден от пут,
И дал ему прекрасный лук
Отважный Робин Гуд.

«Эй, Ричард Ли, бросай коня,
Скорей беги за мной.
Средь удалых моих стрелков
Живи в тиши лесной.

Пускай о том, что было здесь,
Отпишут королю.
Приедет он — и я его
Простить нас умолю».

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

Король вступает в Ноттингем,
С собой ведет отряд,
Грозит преступников поймать,
Казнить их всех подряд.

Он дознаётся день-деньской
Зазря и там и тут,
Где обитают Ричард Ли
И смелый Робин Гуд.

Когда ж узнал он, что шериф
В кровавой схватке пал,
Тотчас весь рыцарев удел
В казну себе забрал.

Всё графство Ланкашир король
Напрасно обыскал,
Затем оленей пострелять
Он в Пломтон[29] поскакал.

Но тщетно свита по лесам
Скиталась целый день:
Ей на глаза попался там
Всего один олень.

Король, разгневавшись, кричит:
«Я Троицей клянусь,
Что без треклятого стрелка
В столицу не вернусь!

А если сыщется смельчак,
Что Ричарда убьет,

Получит весь его удел
И годовой доход.

За ним награду закрепит
Монаршая печать,
Чтобы никто и никогда
Не смог мой дар отнять».

С ним ехал рыцарь, стар и сед,
На вороном коне.
«Король, мой добрый господин,
Позволь сказать и мне.

Туда смельчак из смельчаков
Не ступит и ногой,
Покуда Робин натянуть
Способен лук тугой.

Хозяев новых не ищи —
По крайности, пока.
Сперва в темницу посади
Отважного стрелка».

Полгода в Ноттингеме жил
Король, а может, год
И слышал, как кругом молва
О Робине идет.

Мол, бродит йомен по лесам
Лихой и удалой
И бьет оленей короля
Без промаха стрелой[30].

Лесничий гордый к королю
Явился раз чуть свет:
«Хотите Робина найти –
Послушайте совет.

Возьмите тех, кто служит вам
За совесть, не за страх,
И поезжайте через лес,
Одевшись как монах.

Я поведу вас, мой король,
Дорогою прямой
И за дальнейшее готов
Ручаться головой.

В лесу вам будут ни к чему
Солдаты и шериф,
И вы вернетесь, у стрелка
Лихого погостив».

Наш государь и трое с ним
Из самых верных слуг,
Надев одежду чернецов,
Пустились через луг.

Лицо скрывает капюшон,
Дорожный плащ – до пят.
Король средь спутников своих
Ни дать ни взять аббат.

В тени деревьев, вдоль реки,
Одет как пилигрим,
Он ехал с песней по тропе,
А прочие за ним.

На милю целую зашел
Отряд в дремучий лес,
Где ветви в вышине сплелись,
Скрыв землю от небес.

Тут вышел смелый Робин Гуд,
А с ним — его друзья,
На горстку путников тотчас
Направив острия.

Остановивши короля,
Что ехал впереди,
Промолвил Робин: «Сэр аббат,
А ну-ка, погоди.

В лесу привольно мы живем
Под зеленью дубов
И бьем оленей короля
Под зеленью дубов.

А у тебя высокий сан
И, знать, большой доход,
Так удели нам, сэр аббат,
Немного от щедрот».

Ему ответил наш король,
Качая головой:
«Лишь сорок фунтов, Робин Гуд,
Есть у меня с собой.

Я в Ноттингеме с королем
Пятнадцать дней провел
И очень дорого платил
За стойло, кров и стол.

Я поистратил свой запас,
Хотя он был немал.
Но будь две сотни у меня,
Я всё б тебе отдал».

Взял половину Робин Гуд:
«Нам хватит двадцати!» –
И приказал своим стрелкам
С дороги отойти.

Он с лже-аббатом был учтив:
«В тебе корысти нет,
Авось увидимся еще».
«Дай бог! – король в ответ. –

Наш государь, клянусь крестом,
Тебя с недавних пор
Зовет, как гостя, в Ноттингем
На пир и разговор».

Он живо грамоту достал
И протянул с коня,
И принял свиток Робин Гуд,
Колено преклоня[31].

«Я королю готов служить
За совесть, не за страх.
За то, что ты привез письмо,
Благодарю, монах[32].

Ты отобедаешь со мной?
Не откажи, молю.
Я рад любого угостить,
Кто верен королю».

За ним поехал государь
По тропке вдоль реки.
Ох, много дичи в этот день
Промыслили стрелки!

Вот Робин звонко затрубил,
Согнав с деревьев сон,
И вмиг семь дюжин молодцов
Сошлись со всех сторон.

Они приветствуют его,
Колено преклоня.
«С таким почтеньем при дворе
Не слушают меня! —

Король подумал, приоткрыв
От удивленья рот. —
Надежней рыцарей моих
Его лесной народ!»

Накрыты длинные столы,
И, не сочтя за труд,
Усердно служат королю
И Джон, и Робин Гуд.

Немало снеди для гостей
На стол принесено:
Жаркое, хлеб, и добрый эль,
И славное вино.

«Давай, аббат, налью вина,
Подам еще ломоть.
Ты весть мне добрую принес,
Храни тебя Господь.

Молю, поведай при дворе
О том, как мы живем,
Когда тебя допустят вновь
К беседе с королем».

Тут вышли лучники вперед
С оружием в руках.
При виде их король поник –
Его окутал страх.

За пятьдесят шагов от них
Воткнули тонкий прут.
Король подумал, что в мишень
Они не попадут.

А Робин громко закричал
(Внимали все ему):
«Стреляйте метко! Лук, ей-ей,
Мазиле ни к чему.

Кто, выпив лишнего, ослаб,
Пускай идет в постель.
А я другим не уступлю,
Меня не валит хмель!

Я докажу, что верен глаз
И не дрожит рука!
А кто промажет, сей же миг
Получит тумака».

Стрелял отважный Робин Гуд
Всех лучше и быстрей,
Не мазал Гилберт (говорят,
Он знатных был кровей).

А Джону с Вилем в этот раз
Недоставало сил,
И за промашки Робин их
Пинками наградил.

И вот стрелять в последний раз
Выходит Робин Гуд,
Но, как на грех, его стрела
Не зацепила прут.

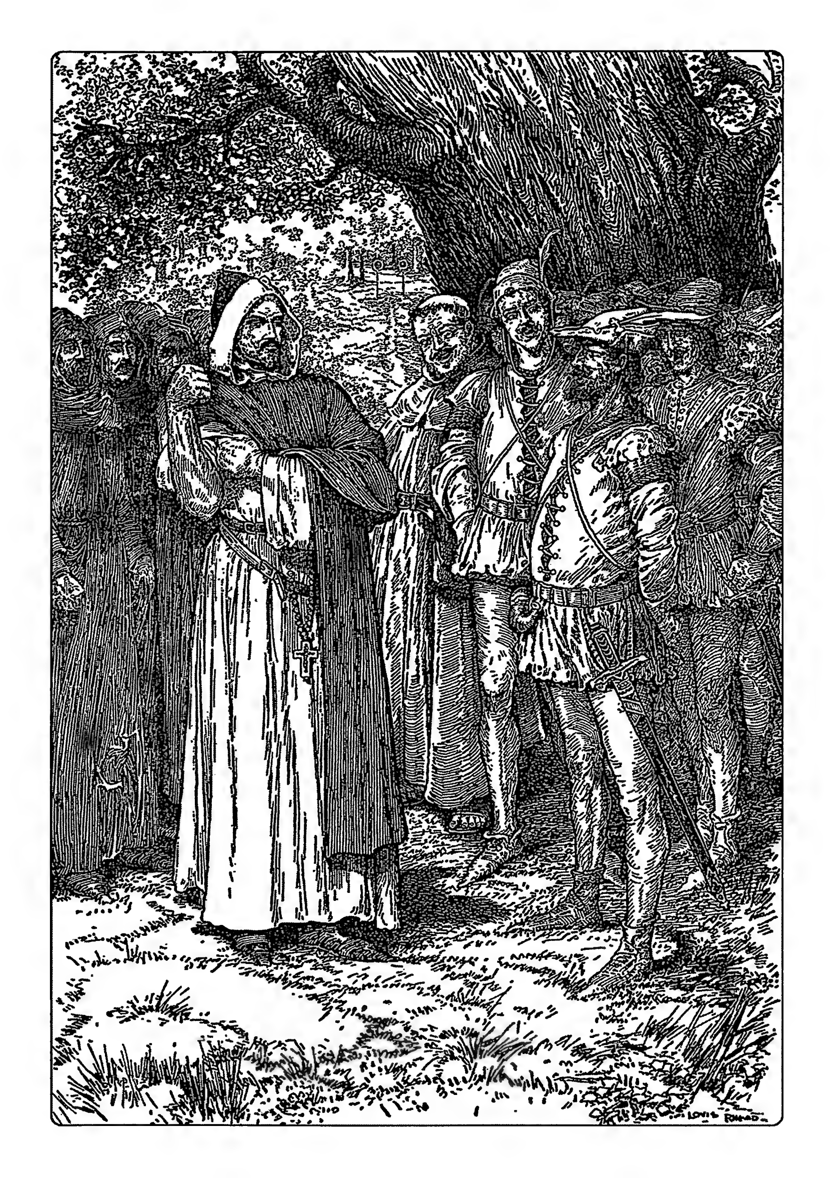
Веселый Гилберт говорит:
«Ты всех разодолжил
Тем, что промазал сам, дружок, —
Прими, что заслужил».

Ответил славный Робин Гуд:
«Согласен я вполне.
Аббат! За промах тумака
Изволь отвесить мне».

Король на это отвечал:
«Христом клянусь, стрелки,
Что я на йомена досель
Не подымал руки»[33]. —

«Эй, не робей, мой друг аббат,
Ей-богу, Гилберт прав!»
Тогда шагнул к нему король
И засучил рукав.

Он наземь Робина свалил
Ударом кулака.
«Клянусь, ты воин, не монах!
Вот это, брат, рука!



Тогда шагнул к нему король | И засучил рукав.

Аббат, ты истинный силач,
Тебе бы лук тугой!»
И тут король им наконец
Открыл, кто он такой.

Пред Эдуардом Робин Гуд
Склонился до земли,
И то же сделал сей же миг
Отважный Ричард Ли,

И поклонились молодцы
За Робином вослед.
«Прости, коль можешь, иль казни,
Коль нам прощенья нет».

Король сказал: «Я очень рад
И не желаю мстить,
И вам за вашу доброту
Я всё готов простить».

Ему ответил Робин Гуд:
«Семь дюжин здесь со мной.
Сдаюсь на милость короля
Я с братией лесной!»

И государь проговорил:
«Друзья, прощаю вам[34]
Я то, что били вы моих
Оленей по лесам.

А ты в столицу, Робин Гуд,
Скорей переезжай».
И тот ему пообещал
Лесной оставить край.

«Не прочь я в Лондоне пожить, —
Воскликнул Робин Гуд, —
И все веселые стрелки,
Клянусь, со мной пойдут.

А будет служба не по мне —
Я брошу прежний клич,
Вернусь, и вновь в твоих лесах
Ловить мы станем дичь!»

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

Спросил король: «А есть сукно
В твоей казне, стрелок?» —

«Милорд, я двадцать человек
В него одеть бы мог!»

Тогда промолвил государь:
«Мой друг, уважь-ка нас —
Дай нам зеленые плащи
Заместо этих ряс».

Ответил Робин: «Знаю я,
Щедра твоя рука.
Одену я тебя в сукно,
А ты меня в шелка».

Смеясь, король зеленый плащ
Набросил на плеча —
Стал капюшон ему венцом,
И лук — взамен меча.

Травы весенней зеленей
Плащ линкольнский на нем.
Король воскликнул: «В Ноттингем
Немедленно идем!»

И гости, луки прихватив,
Шагают вдоль реки
Тропой широкой в Ноттингем,
Как вольные стрелки.

Бок о бок — Робин и король —
Им весело идти.
И для забавы оба в цель
Стреляют по пути.

Но лучше Робина, ей-ей,
Не отыскать стрелков,
И снес за промахи король
Немало тумаков.

Король сказал: «Клянусь крестом,
Суров обычай ваш.
Тягаться думал я с тобой,
Но это, право, блажь!»

На стенах люди, стар и мал,
Испуганно глядят:
Из леса воинство идет,
В плащах, за рядом ряд.

И слух пошел: король погиб,
А смелый Робин Гуд
Ведет на штурм своих людей,
И всех они убьют.

Со страха жители тотчас
Пустились наутек.
Старухи, от роду сто лет,
Бежали со всех ног!

Король смеялся от души:
«Открыться, друг, пора!»
Его увидели живым,
И грянуло «ура».

Тут был и мясом, и вином
Уставлен длинный стол.
Со всем почтеньем к королю
Сэр Ричард подошел.

Король вернул ему удел
И всё навек простил,
И Робин Гуд его за то
Стократ благодарил.

Жил Робин долго при дворе —
Почти что целый год,
Имел и кров над головой,
И неплохой доход.

Любой барон и даже граф —
Все, сколько их ни есть, —
Стрелка лесного угостить
Почли б теперь за честь.

С ним оставались при дворе
Лишь Виль да храбрый Джон.
Но грусть взяла его друзей,
Затосковал и он.

И, раз увидев, как юнцы
Стреляют в тонкий прут,
«Мне счастья в Лондоне не знать!» —
Воскликнул Робин Гуд. —

Я прежде вольным был стрелком,
Известным всем вокруг.
Кто потягаться мог со мной,
Когда я брал свой лук?

Напрасно, — молвил Робин Гуд, —
Я прибыл ко двору,
И коль промедлю хоть денек,
То от тоски умру».

Явился Робин к королю:
«Служил исправно я.
Позволь, милорд, мне повидать
Родимые края.

В честь мироносицы святой
Есть в Бернисдейле храм[35].
Его люблю я, но, увы,
Давно я не был там.

Семь дней я маялся душой,
Не проглотил куска,
Не спал, молился — извела
Вконец меня тоска.

Хочу сходить я в Бернисдейл
Душою отдохнуть.
Я, пеш и бос, как пилигрим,
Готов пуститься в путь».

«Иди, — сказал ему король, —
Верни душе покой.
Семь дней даю и жду назад —
Спеши, стрелок лихой».

«Спасибо!» — йомен отвечал
И в тот же день исчез.
Так Робин Гуд от короля
Сбежал в зеленый лес!

Пришел он рано поутру
В зеленый свой удел.
Светило солнце в небесах,
И жаворонок пел.

«Ох, сколько дней прошло с тех пор,
Как я ушел отсель.
Давно уж меткою стрелой
Не поражал я цель!»

Убив оленя, затрубил
Он в рог в тиши лесов,
И все веселые стрелки
Узнали этот зов.

Недолго ждет своих друзей
Отчаянный стрелок:
Семь дюжин смелых молодцов
Несутся со всех ног.

И слышен смех, и голоса
Звучат и там и тут:
«Добро пожаловать домой,
Отважный Робин Гуд!»

Стрелок прожил немало лет,
И я, признаться, рад,
Что он не променял свой плащ
На городской наряд.

Он жил бы дольше, никому
Не причиняя зла,
Да аббатиса, на беду,
Ему роднёй была[36].

У аббатисы был дружок,
Сэр Роджер, ловкий плут[37].
Пусть черти их обоих в ад
Живьем уволокут!

Они отважного стрелка
Хотели погубить
И вот, собравшись как-то раз,
Придумали, как быть.

Сказал однажды Робин Гуд:
«Я захворал, друзья,
Мне нынче нужно кровь пустить —
В Кирклейс[38] поеду я!»

Сэр Роджер был весьма хитер,
И аббатиса тож.
Сгубили славного стрелка
Предательство и ложь.

Господь да сжалится над ним
За все его дела,
Ведь был он добрый человек,
Не делал людям зла.

РОБИН ГУД И МОНАХ

Приятно в теплый майский день
Пройтись в тени ветвей,
Когда листва вокруг свежа
И свищет соловей.

Оленьи кормятся стада
Средь зелени холмов,
От зноя кроются под сень
Раскидистых дубов.

Случилось это в Духов день[1],
Когда луга цвели,
Сияло солнце в небесах,
И дрозд кричал вдали.

Отважный Джон заговорил:
«Хоть обойди весь свет,
Людей счастливее меня
И не было, и нет».

О чем ты, Робин, загрустил?
Ну-ну, не унывай.
Взгляни кругом: как лес хорош,
Когда в разгаре май!»

Ответил Робин: «Как же мне,
Дружок, не тосковать?
Хотел на мессе в день святой
Я в храме побывать.

Почти что месяц в церковь я
Не заходил, боюсь.
Пойду я нынче в Ноттингем
И Деве помолюсь».

А Мач, сын мельника, сказал:
«Послушай, Робин Гуд,
Пускай двенадцать молодцов
С тобой туда пойдут.
В любой опасности тебя
Они уберегут».

Но молвил Робин: «Никого
Я не возьму, мой друг.
Один лишь Джон пойдет со мной,
Он понесет мой лук»[2]. —

«Твой лук, признаться, мне тащить
Совсем охоты нет.
Поспорим лучше по пути
На парочку монет». —

«Ну, Джон, тебе не победить!
Давай держать пари:

На каждый пенни твой, клянусь,
Готов поставить три».

Они стреляли по пять раз,
Сыскав удобный луг,
И Робин другу задолжал
По шиллингу на круг.

Друзья сцепились — и давай
Кричать наперебой.
Один сказал: «Ты проиграл»,
«Не ври!» — сказал другой.

Тут Робин Джона обругал
И кулаком огрел.
И молвил Джон: «Я не хочу
Иметь с тобою дел.

Меня обидел ты — и впредь
Ты мне не господин.
Ищи себе других друзей,
А я пойду один».

И Робин дальше зашагал,
Не взяв его с собой,
А Джон пошел обратно в лес
Нехоженой тропой.

Явился Робин в Ноттингем —
Клянусь, всё было так! —
И там о милости просил
Того, Кто свят и благ.

Средь паствы мессу отстоял,
Молился целый час
И крест священный целовал
Он, не таясь от глаз.

Но, на беду, один монах —
Его накажет Бог! —
Узнал стрелка, как только тот
Переступил порог.

Он мигом выскочил за дверь
И, не жалея сил,
К шерифу побежал на двор,
А там заголосил:

«Скорей, шериф, поторопись!
Господь внимает нам:
Сегодня наш заклятый враг
Явился в город сам!

Его я в церкви увидал
Едва ли час назад,
И, если он от нас сбежит,
Ты будешь виноват.

Себя он кличет Робин Гуд.
Тащи его в тюрьму!
Меня в лесу заставил он
Сто фунтов дать ему!»

Шериф вскочил из-за стола,
Созвал тотчас людей;[3]
Они толпой вломились в храм
И встали у дверей.

Приметив смелого стрелка,
Все враз к нему бегут.
«Эх, Джон сейчас бы мне помог!» –
Вздыхает Робин Гуд.

Он достает двуручный меч –
Господь его прости!
Кругом стеной стоят враги,
Наружу нет пути.

Пытался вырваться стрелок,
Пока хватало сил,
И ранил многих да еще
Десятерых убил.

Но об шерифов крепкий шлем
Сломал он свой клинок[4].
«Эй, мастер, что ковал мне меч,
Тебя накажет Бог!..

Я безоружен и один, –
Подумал Робин Гуд, –
И, если я не удеру,
Они меня убьют».

По церкви Робин побежал,
А прочие за ним...
....

Стрелки лежат, как мертвецы,
Не слышен даже стон,
Собой владеет среди них
Один лишь Крошка Джон.

«Друзья, довольно унывать, –
Он прочим говорит, –
Вы посмотрите на себя,
Ведь это просто стыд!

В беду хозяин попадал
И прежде, ей-же-ей,
А ну послушайте меня,
Глядите веселей!

Он служит Деве Пресвятой
Уже который год,
И от петли наверняка
Она его спасет.

Друзья, не вешайте носы,
Довольно слезы лить.
Я, с Божьей помощью, смогу
Монаху отомстить.
Клянусь, что мне или ему,
Коль встретимся, не жить.

Храните наш зеленый лес
Во всякий день и час
И дичь не бейте зря: пускай
Она дождется нас».

Искать монаха Джон и Мач
Отправились вдвоем.
Они в деревне на ночлег
Зашли в знакомый дом.

С утра глядят стрелки в окно,
А мимо, в двух шагах,

Чернец со служкою рысят
    На вороных конях.

«Нам повезло — вон наш монах! —
    С усмешкой Джон сказал. —
Его по капюшону я
    Мгновенно распознал».

Друзья, как путники, тотчас
    Отправились вдогон,
И, поравнявшись с чернецом,
    Спросил Малютка Джон:

«Какие новости, отец?» —
    «Ей-богу, не совру,
Лихой разбойник Робин Гуд
    Попался ввечеру.

Меня в лесу, — сказал монах, —
    Ограбил этот плут.
Я буду рад, когда его
    Под петлю приведут.

Мои сто фунтов он забрал,
    А я ведь небогат.
Его я помогал вязать,
    Вот так и был он взят». —

«Тебя Создатель одарит —
    И мы вознаградим.
Поедем вместе! Чернеца
    В обиду не дадим.

Небось везде своих людей
Расставил Робин Гуд —
Тебя ограбят, а не то,
Пожалуй, и убьют».

И вот, пока о том о сем
Шел разговор простой,
Джон взял кобылку под уздцы:
«А ну, отец, постой!»

Про то, что было вслед за тем,
Ни словом не солгу:
Монаха спешил Крошка Джон,
А Мач — его слугу.

Тряхнул монаха Крошка Джон,
Греха не убоясь,
И тот свалился головой
С кобылы прямо в грязь.

Монаха сбросив, длинный меч
Он вынул из ножон,
Чернец пустился умолять;
Ответил Крошка Джон:

«Ты выдал друга моего,
Забыв Господень страх,
И с этой вестью к королю
Ты не дойдешь, монах!»

Ему он голову срубил,
Монах погиб как пес,
И с ним слуга — никто о том
Шерифу не донес.

Их у обочины, во мху,
Джон с Мачем погребли,
А после письма королю
Скорее понесли.

Джон, в королевский зал войдя,
Колено преклонил.
«Милорд, молюсь я, чтоб вовек
Господь тебя хранил.

Христос тебя благослови
И сохрани от зол».
Он королю отдал письмо,
И тот его прочел.

«Друзья мои, вот это весть!
Я вам скажу одно:
Увидеть Робина-стрелка
Хочу уже давно!

Куда же делся тот монах,
Что должен был прийти?» —
«Увы, — ответил Крошка Джон, —
Скончался он в пути».

Король отважным молодцам
Не дал передохнуть,
Вручил им золота кошель
И вновь отправил в путь.

Он приложил печать к письму,
В котором был приказ:
Пускай, мол, Робина шериф
К двору везет тотчас.

И Крошка Джон пустился в путь
    С посланьем сей же миг
И в славный город Ноттингем
    Поехал напрямик.

Но там ворота на замке
    Стоят средь бела дня,
И Джон привратника зовет:
    «Впусти скорей меня!

Почто засовы задвигать?
    Зачем вам лишний труд?» —
«Всё оттого, что здесь сидит
    В темнице Робин Гуд![5]

И каждый из его друзей
    Спасти его готов:
Они сбивают нас со стен,
    Стреляя из кустов!»

Шерифа смелый Крошка Джон
    Нашел в его дому
И королевское письмо
    С печатью дал ему.

И тот с посланцем короля
    Невольно стал учтив.
«А где монах, что вез указ?» —
    Спросил стрелка шериф.

«Монах, ей-ей, не обделен —
    Уж как я, право, рад!
Остался в Ве́стминстере[6] он:
    Он там теперь аббат».

Шериф устроил славный пир
И выставил вина.
И все шумели за столом
И пили допьяна.

Когда же гости по углам
Заснули там и тут,
Джон с Мачем бросились в тюрьму,
Где заперт Робин Гуд.

И громко крикнул Крошка Джон,
Едва войдя в подвал:
«Тюремщик, где ты, ротозей?
Ведь Робин Гуд удрал!»

Страж тут же кинулся к дверям,
Услышав этот крик,
И Джон его к стене мечом
Приткнул нещадно вмиг.

«Эй, Мач, подай-ка мне ключи,
Не посчитай за труд!»
Джон отпер дверь и цепи снял —
Свободен Робин Гуд!

Джон дал ему хороший меч;
Не повстречав врагов,
По городской стене втроем
Они спустились в ров.

Когда с утра запел петух,
А свет рассеял мглу,
Шериф тюремщика нашел
Убитым на полу.

«Кто беглеца вернет в тюрьму,
Тому я, видит Бог,
Велю в награду из казны
Дать золота мешок.

Как покажусь я королю,
Не выполнив приказ?
Ох, Боже мой! Ведь он меня
Повесит в тот же час!»

Велел весь город обыскать
Разгневанный шериф,
А Робин — в Шервудском лесу,
Как прежде, цел и жив!

Вернувшись с Робином туда,
Джон так сказал ему:
«Добром за зло я заплатил,
Придя к тебе в тюрьму.

И ты когда-нибудь, стрелок,
Мне тем же отплати.
Я спас тебя; теперь прощай,
Ведь я хочу уйти».

«Ну нет, — ответил Робин Гуд, —
Мне дружба дорога.
Отныне ты мне господин,
А я тебе слуга!»

Проговорил отважный Джон:
«Нет, мне не нужно слуг.
Хозяин, как и прежде, знай,
Что я твой верный друг».

На том покончили они
И заключили мир,
И все веселые стрелки
Сошлись на пышный пир.

По кругу мех с вином ходил
В густой лесной тени,
И ели с мясом пироги
И пили эль они.

Вот весть дошла до короля,
Что скрылся Робин Гуд
И что разбойника уже
Не ждет в столице суд.

Воскликнул в ярости король,
Стрелков лесных кляня:
«Как одурачил Крошка Джон
Шерифа и меня!

Нас всех провел сметливый Джон!
Я сам обманут был,
Не то шерифу бы, клянусь,
Оплошки не простил.

Я с миром отпустил стрелка
И наградил притом.
Теперь его прощаю я —
Пусть знают все о том.

Ему прощаю я вину,
Хоть грех его немал.
Таких, как этот, удальцов
Немного я встречал.

Он верный друг, — сказал король. —
Он помнит долг и честь.
Ему дороже Робин Гуд,
Чем всё, что в мире есть.

И Робин также поспешит
К нему в тяжелый час.
О том довольно, — молвил он. —
Ох, Джон провел всех нас!»

На том окончу повесть я
Про славные дела.
Да сохранит всех нас Господь
От горестей и зла!
Аминь[7].

РОБИН ГУД И ГАЙ ГИСБОРН

Когда лежит в лощинах тень
И чаща зелена,
Так весело бродить в лесу,
Где царствует весна.

Звучит заливистая трель
Среди листвы густой.
«Двух крепких йоменов во сне
Я видел, Боже мой[1].

Избит и связан ими был
Я, к моему стыду.
Не будь я смелый Робин Гуд,
Коль их я не найду». –

«Друг! Сны что ветер на холмах, –
Ему ответил Джон. –
Сегодня стонет и свистит,
А завтра стихнет он». –

«Вы дожидайтесь здесь, друзья,
А Джон пойдет со мной.
Тех молодцов желаю я
Сыскать в тени лесной».

В плащах зеленых, как трава,
Стрелки вдвоем идут,
Повсюду птицы на ветвях
Щебечут и поют.
Вдруг йомена среди дерев
Заметил Робин Гуд.

Меч, что принес немало бед,
И острый нож при нем.
Он в шкуру конскую одет,
С ушами и хвостом[2].

«Я сам схожу, – промолвил Джон, –
Постой-ка, Робин Гуд,
Сейчас узнаю у него,
Что делает он тут». –

«Нет, Джон, таиться не хочу,
Так дело не пойдет:
Негоже мне в тени стоять,
Послав тебя вперед.

Врага легко разоблачить,
Лишь скажет слово он,
Да вижу я: пустой башке
Не в толк такое, Джон!»

На сем повздорили они,
И Джон один ушел –

В Барнсдейл тропою потайной,
Что вьется через дол.

Когда ж явился он туда,
Тоска его взяла:
Нашел в лесу он двух друзей
Недвижные тела,

А Скарлет живо удирал
По кочкам, по камням:
Шериф и множество солдат
Спешили по пятам.

«Довольно выстрелить лишь раз
(Коль мне поможет Бог),
И друга я, – промолвил Джон, –
Избавлю от тревог».

Согнул он тисовый свой лук –
Тот треснул пополам.
Обломки жалкие лежат,
Упав к его ногам.

«Видать, на дереве дурном
Ты, злая ветвь, росла:
Ведь ты не пособила мне,
А горе принесла».

Стрела, сорвавшись с тетивы,
Порхнула наугад –
И Вильям с Трента мертвым пал,
Хороший был солдат[3].

Гай Гисборн

Ох, лучше было бы ему
Висеть в тугой петле,
Чем с острою стрелой в спине
Валяться на земле[4].

Известно: против шестерых
Троим не хватит сил.
Попался в плен отважный Джон
И крепко связан был.

«Тебя дотащат до холма,
Где виселица ждет»[5]. —
«Эй, не хвались, шериф, а вдруг
Господь меня спасет».

Оставим Джона мы пока
Под деревом лежать.
О Гае с Робином рассказ
Я поведу опять.

Два смелых йомена сошлись
Под липою в тени,
И друг на друга чуткий взор
Направили они.

«День добрый, — Робину сэр Гай
Учтиво говорит. —
Я вижу, ты лихой стрелок,
Твой лук хорош на вид.

Я заблудился и никак
Дороги не найду».
Ответил Робин: «Через лес
Тебя я проведу». —

«Ищу я вольного стрелка,
Прозваньем Робин Гуд
И не сверну с пути, пускай
Сто фунтов мне дадут». –

«Коль всё же встретишься ты с ним,
Смотри не пожалей.
Но как бы время провести
Нам, друг, повеселей?

Давай посмотрим, кто ловчей,
Побродим по лесам,
Быть может, смелый Робин Гуд
Отыщет нас и сам».

Они сломили два прута,
Воткнули в мягкий мох
И изготовились стрелять,
Встав за три ста шагов.

«Ты будешь первым», — молвил Гай,
А Робин Гуд в ответ:
«Ну нет, стреляй сначала ты,
Я за тобой вослед».

Но Робин цель не поразил,
Хоть был весьма умел;
Гай хорошо стрелял, но тож
Мишени не задел.

Вот Гай, стреляя вдругорядь,
В кольцо попал стрелой,
Но прутик расщепить сумел
Лишь Робин удалой[6].

«Господь тебя благослови,
Вот каждому урок.
Ты Робин Гуду нос утрешь,
Коль ты такой стрелок.

Откуда родом, молодец,
И как тебя зовут?» —
«Сначала сам мне назовись», —
Ответил Робин Гуд.

«Бродил я долго тут и там,
Наделал много бед.
Я Гай из Гисборна зовусь,
Вот мой тебе ответ». —

«А я из вольных удальцов,
Что по лесам живут.
Ты, Гай, давно меня искал,
Мне имя Робин Гуд».

Лишь тот рискнул бы, кто живет
 На свете без родни,
Взглянуть, как бились на мечах[7]
 Без устали они.

Бойцы сражались два часа,
 Пока хватало сил,
Никто – ни Гай, ни Робин Гуд –
 Пощады не просил.

Споткнулся Робин, как назло,
 О маленький пенек,
И Гай, проворно подскочив,
 Его ударил в бок.

Взмолился Деве Пресвятой
 В отчаянье стрелок:
«Не дай мне умереть, пока
 Не вышел жизни срок!»

Он, к Богородице воззвав,
 Собрал остаток сил
И, наискось махнув мечом,
 Тотчас врага сразил.

Он Гаю голову отсек,
 На лук ее надел.
«Ты был предателем всю жизнь,
 Вот я и не стерпел».

Ножом ирландским[8] всё лицо
 Изрезал трупу он:
Не опознает Гая тот,
 Кто женщиной рожден[9].

«Теперь лежи себе, сэр Гай,
Обиды не тая.
За те удары, что нанес,
Плачу подарком я».

Снял Робин свой зеленый плащ,
Накрыл им мертвеца,
А шкуру сам надел — под ней
Не разглядеть лица.

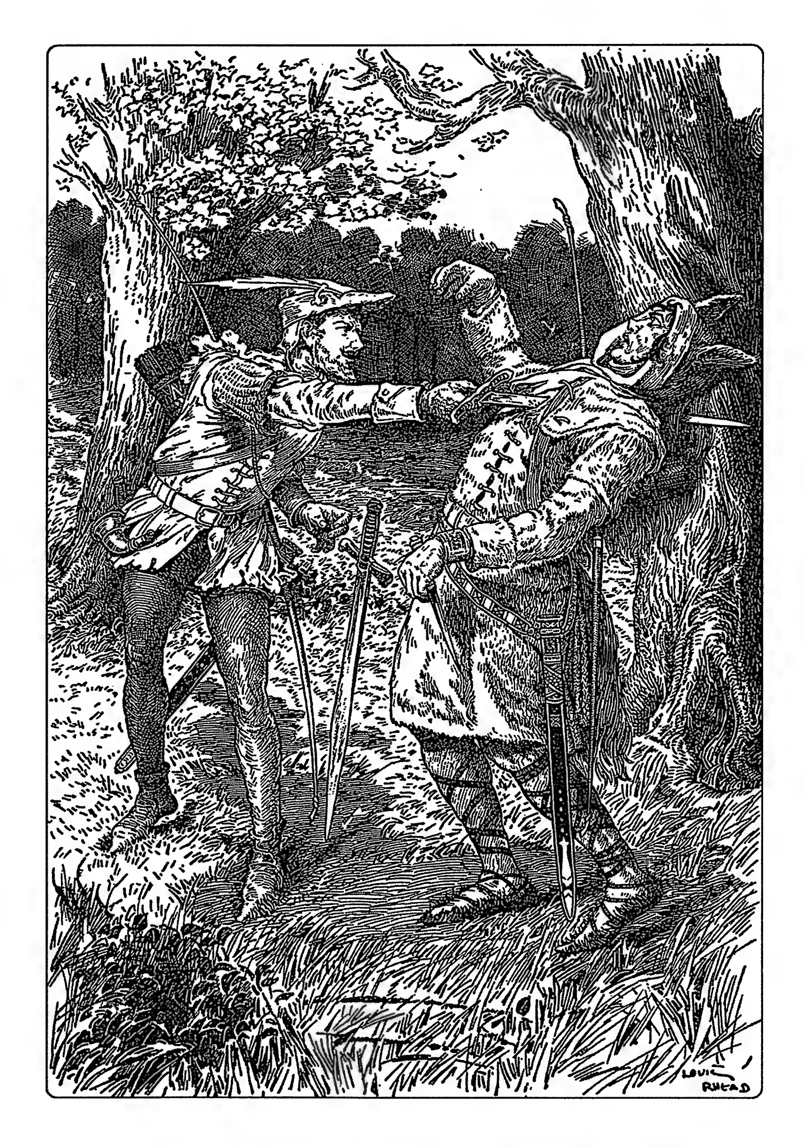
«Твой лук, и стрелы, и рожок
Я заберу с собой
И с ними поспешу в Барнсдейл
Укромною тропой».

Он Гаев рог поднес к губам
И громко затрубил;
Шериф, стоявший за холмом,
Тотчас проговорил:

«Эгей, послушайте, друзья,
Никак, сэр Гай трубит!
Он нам несет благую весть,
Что Робин Гуд убит.

Я узнаю его рожок,
Гай будет здесь вот-вот!
Да-да! В своем наряде он
Уже сюда идет...

Мой добрый друг, что хочешь дам
Тебе я, видит Бог».
«Ты золото оставь себе, —
Сказал лесной стрелок. —



И, наискось махнув мечом, | Тотчас врага сразил.

Коль я хозяина убил,
Дозволь убить слугу.
Вот всё, о чем я попросить
Тебя, шериф, могу». –

«Ты фьеф прекрасный за труды
Достоин получить[10],
Но раз не нужен он тебе,
Что ж, так тому и быть».

Знакомый голос услыхал
Под дубом Крошка Джон.
«Господь хозяина прислал,
Теперь-то я спасен».

Тут Робин к другу зашагал,
Чтоб развязать скорей,
Но следом поспешил шериф
Со свитою своей.

«Негоже вам стоять толпой, –
Стрелок сказал ему, –
Ведь перед тем, как казнь свершить,
Я исповедь приму».

Достал стрелок ирландский нож,
И все узлы рассек,
И отдал Джону Гаев лук,
Чтоб тот сражаться мог.

От крови черную стрелу
Взял из колчана Джон.
Шериф увидел, что ее
Уже нацелил он,

И, полон страха, в Ноттингем
Помчался со всех ног,
И те, кто с ним явились в лес,
Пустились наутек.

Ох, резво удирал шериф,
Но смерть быстрей была,
И прямо в сердце, как в мишень,
Ударила стрела.

СМЕРТЬ РОБИН ГУДА

Однажды Робин Гуд и Джон,
Даун-э-даун-э-даун-э-даун,
Шагали вдоль реки,
О прежних спорах речь вели
Отважные стрелки[1],
Хэй и т. д.[2].

«Стрелять не в силах больше я, –
Вдруг Робин говорит. –
К кузине надобно сходить,
Пусть кровь мне отворит.

Не стану я ни есть, ни пить,
Не будет мне житья,
Покуда кровь моя дурна, –
В Кирклейс поеду я!»

Промолвил Скарлет: «Дам тебе
Совет я неплохой:

Полсотни наших молодцов
Возьми туда с собой.

Живет там йомен удалой[3],
И ты повздоришь с ним,
А коль не справишься один,
Мы сразу прибежим». –

«Боишься – оставайся здесь
И не сули беду». –
«Хозяин, лучше не кричи,
А то совсем уйду». –

«Нет, братцы, никого в Кирклейс
С собою не возьму,
Пойдет лишь Джон, и я свой лук
Велю нести ему». –

«Нет, сам неси, а по пути
Побьемся об заклад». –
«Ну что ж, на пенсы пострелять
Я буду очень рад».

Друзья весь день разили цель,
Тягаясь меж собой,
И вот добрались до моста
Над черною водой.

Старуха плачет у ручья:
«Ох, сгинул Робин Гуд!» –
«Зачем горюешь ты о нем?
Взгляни-ка, вот он – тут!» –

«Нет, я его не одарю
Напутствием благим.
Ему сегодня пустят кровь —
Мы, женщины, скорбим». —

«Но аббатиса мне сестра,
Недальняя родня —
Не согласится ни за что
Она сгубить меня».

Путь продолжали целый день
Отважные стрелки,
Пока в обитель не пришли
На берегу реки.

И вот они, в Кирклейс придя,
Стучатся у ворот,
И аббатиса, взяв ключи,
Им отпирать идет.

Ей много золотых монет
Отсыпал Робин Гуд
И тратить щедро наказал:
Стрелки еще дадут.

Вот аббатиса удальца
В покои привела,
Ножи, завернутые в шелк,
С собою принесла[4].

«Поставь-ка миску на огонь
И засучи рукав».
Коль остерегся бы глупец,
То был бы, верно, прав.

Тут острый нож она взяла
Жестокою рукой,
И потекла из вены кровь
Багряною рекой.

Сперва струею та лилась,
Потом ручей иссяк,
И понял славный Робин Гуд,
Что он попал впросак[5].

Хотел он вылезти в окно,
Но даже встать не смог,
Сползти с кровати не сумел –
Так ослабел стрелок.

Тут вспомнил он про звонкий рог
И из последних сил,
С трудом прижав его к губам,
Протяжно затрубил.

Поодаль сидя под кустом,
Услышал друга Джон.
«Неужто смерть к нему близка,
Трубит так слабо он!»

В Кирклейс немедля поспешил
Он, не жалея ног,
И выбил там дверной засов,
И выломал замок.

«Что тут случилось?» – крикнул Джон,
Увидев друга вновь.
«Кузина и ее дружок
Мне выпустили кровь». –

«Надет на мне зеленый плащ,
А меч в руке готов
Лжецов-предателей казнить,
Карать твоих врагов».

Но прежде чем через окно
Успел уйти стрелок,
Явился Роджер и мечом
Ему поранил бок.

Однако дать врагу отпор,
Еще хватило сил —
И Робин голову ему
От тела отделил.

«Ты, Рыжий Роджер, здесь лежи,
Пусть псы тебя сожрут.
Я не умру, не помолясь, —
Промолвил Робин Гуд[6]. —

Эй, Джон, меня ты подбодри,
Настал последний час.
Пусть примет исповедь Господь,
Взирающий на нас».

А Джон сказал: «Ты лишь позволь,
Христом тебя молю, —
И я аббатство подожгу
И всё дотла спалю».

Ответил Робин: «Не пущу,
Бог не простит меня.
Вреда я вдовам не чинил
До нынешнего дня.

«Дай лук скорее мне, и я | Пущу стрелу лететь».

Девиц вовек не обижал
И не намерен впредь[7].
Дай лук скорее мне, и я
Пущу стрелу лететь.
Где упадет она в траву,
Там мне в могиле тлеть.

В ногах пусть будет мягкий мох
И дерн — под головой;
Да положи со мною лук
С певучей тетивой,
В могиле дно посыпь песком
И выстели травой[8].

Отмерь достаточно земли,
Не посчитав за труд.
Пусть знают люди: здесь лежит
Отважный Робин Гуд».

Стрелки всё сделали точь-в-точь,
Как наказал им он,
И у стены монастыря
Был Робин погребен.

РОБИН ГУД
И
ГОРШЕЧНИК

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В июне свеж и зелен лес,
В тени звенит ручей,
И птицы весело поют
Среди густых ветвей.

Эй, удальцы и храбрецы,
Послушайте, друзья:
О лучшем в Англии стрелке
Поведаю вам я.

Тот йомен звался Робин Гуд,
Был ловок и удал,
Служил он Деве Пресвятой
И женщин почитал.

Стрелок с друзьями как-то раз
Гулял в лесной тени,
И вдруг горшечника с возком
Заметили они.

«Он часто ездит через лес,
Спесивец и нахал,
Ни разу пенни за проезд
Еще не отдавал!» –

«Мы с ним в Уэнтбридже[1] сошлись, –
Промолвил Крошка Джон, –
И там меня поколотил,
Признаться, крепко он!

Я сорок шиллингов отдам
На месте, сей же час,
Коль пошлину сумеет взять
С него один из вас».

Воскликнул Робин: «Я побьюсь
С тобою об заклад –
Его заставлю заплатить,
Хоть будь он дважды хват».

Вот, заключив пари, друзья
К горшечнику идут,
И чужаку велит стоять
Отважный Робин Гуд.

Он взял лошадку под уздцы
И молвил: «Ну-ка стой!» –
«Чего тебе?» – спросил его
Горшечник удалой.

«Три года через этот лес
Ты вольно проезжал
И пошлины ни разу мне
Не заплатил, нахал!» –

«Кто ты такой, чтоб я платил?
Ей-богу, не пойму». —
«Я Робин Гуд и твой должок
Сполна сейчас возьму». —

«Как и досель, ни пенса я
Тебе не заплачу.
Пусти-ка лошадь, а не то,
Клянусь, поколочу».

Взглянул горшечник-молодец
На вольного стрелка,
Мешок откинул и достал
Дубину из возка.

А Робин взял свой верный меч
И крепкий круглый щит.
«А ну, с дороги отойди!» —
Горшечник говорит.

Тогда сошлись они в бою —
И то был славный бой.
Смеялись зрители до слез
В густой тени лесной.

«Вот молодец», — сказали враз
Веселые стрелки.
Горшечник треснул удальца —
Свалился щит с руки.

Нагнулся Робин за щитом,
Но тут горшечник-плут
Его ударил по спине —
И рухнул Робин Гуд.

Стрелки вскочили, увидав,
Что их вожак сражен.
«Друзья, на выручку пора», —
Сказал Малютка Джон.

Они к хозяину бегом
Пустились сей же час,
И Джон у Робина спросил:
«Кто выиграл из нас?

Ответь, кто ставку потерял,
А кто тут стал богат?» —
«Будь там хоть сотня золотых,
Джон, забирай заклад!»

Горшечник молвил: «Неучтив
Ты, вольный Робин Гуд.
Зачем мешаешь беднякам,
Что через лес идут?» —

«Ей-богу, верно говоришь,
    Ты йомен хоть куда.
Спокойно езди: здесь тебе
    Не сделают вреда.

Друзьями будем мы с тобой,
    И вот что я скажу:
Позволь, возьму я твой товар
    И в Ноттингем схожу». —

«Ступай, — горшечник отвечал, —
    Раз мы с тобой дружны.
Но с толком распродай горшки
    И не снижай цены».

Промолвил Робин Гуд: «Пускай
    Меня накажет Бог,
Коль я задешево продам
    Хотя б один горшок».

Тут, поглядев на остальных,
    Сказал Малютка Джон:
«Хозяин, в городе шериф,
    И нас не любит он». —

«Эй, подбодритесь, удальцы,
    Я еду торговать.
Мне Матерь Божья пособит
    Вернуться к вам опять».

Отважный Робин в Ноттингем
    Скорей возок погнал.
С друзьями новыми в лесу
    Его горшечник ждал.

Стрелок без устали катил
    По рощам, по холмам.
И о других его делах
    Поведаю я вам.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Приехал Робин в Ноттингем,
    А скоро ли — бог весть,
Поставил воз, распряг коня
    И дал ему поесть,

А после начал зазывать:
    «Горшки! Сюда, друзья!
Кто купит два, тому отдам
    Бесплатно третий я!»

Он у шерифовых ворот
    Товар расставил свой,
И живо женщины к нему
    Все бросились гурьбой.

«Клянусь, дешевле не найти!» —
    Кричал задорно он[2],
И все решили, что в делах
    Горшечник не силен.

Пять пенсов стоили горшки —
    Он отдавал за два.

Все говорили: «Так расход
Покроешь ты едва».

Товар распродал Робин Гуд,
Пустым оставив воз,
И напоследок пять горшков
Шерифу в дом понес.

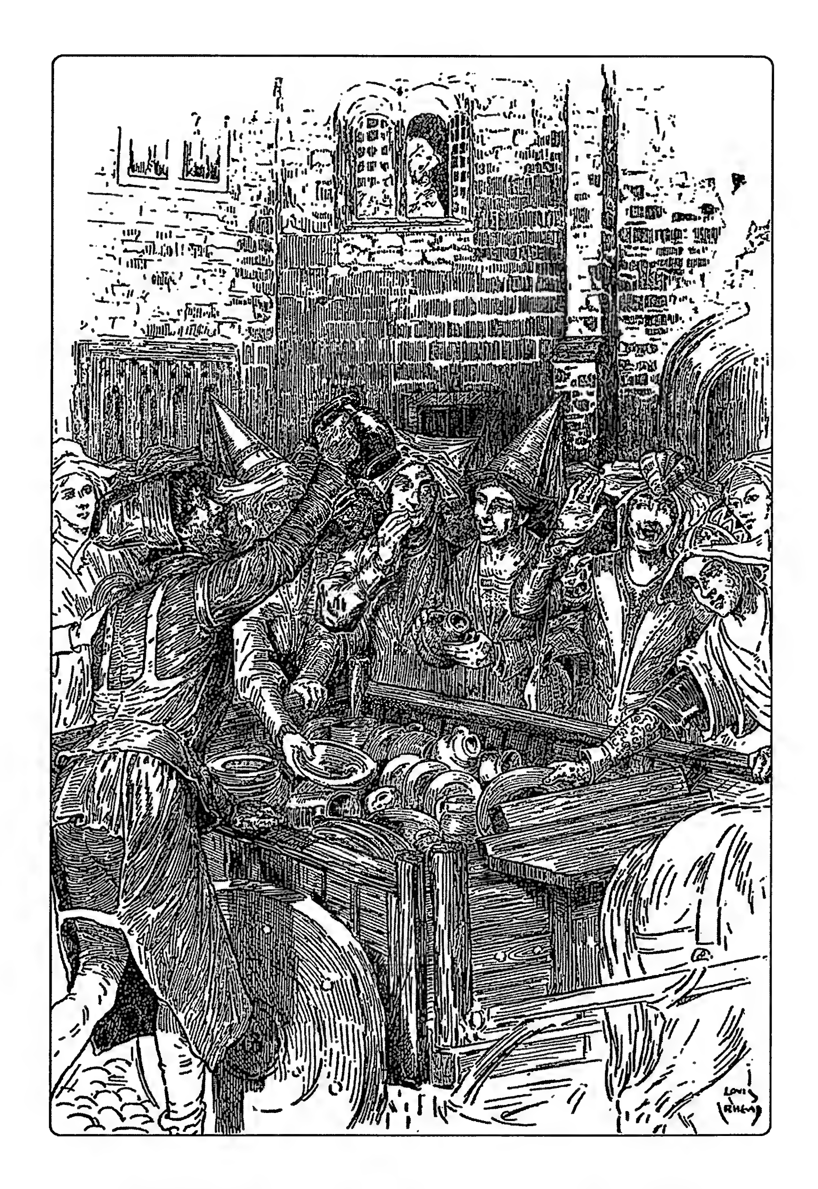
Хозяйка, радости полна,
Благодарит его:
«Сэр, приезжайте вдругорядь –
У вас куплю всего!» –

«Мы вам, – воскликнул Робин Гуд, –
Всё лучшее пришлем».
Она промолвила: «Мерси,
Мой друг, зайдите в дом».

«Храни Господь вас, госпожа», –
Учтиво он сказал.
И вслед за нею Робин Гуд
Вошел в просторный зал.

Сидел в том зале средь гостей
За трапезой шериф,
Стрелок приветствовал его,
Колено преклонив.

«Смотрите, сэр, с каким добром
Горшечник к нам пришел».
Обмывши руки, Робин Гуд
С шерифом сел за стол[3].



«Горшки! Сюда, друзья! | Кто купит два, тому отдам |
Бесплатно третий я!»

Внесли и мясо, и вино,
Поднялся разговор.
Тут два шерифовых стрелка
Возобновили спор.

На сорок шиллингов они
Поспорили давно,
Посостязаться наконец
Меж ними решено.

Сидел с гостями за столом
В молчанье Робин Гуд
И думал так: «Я погляжу,
Что за умельцы тут».

Когда окончен был обед
И выпит добрый эль,
Пошли те лучники во двор,
Стрелять готовясь в цель[4].

Стреляли быстро молодцы,
Проворны, удалы,
Да только мазали они
Аж на длину стрелы.

Горшечник, поглядев на них,
С усмешкою сказал:
«Эх, мне бы лук, клянусь крестом,
Я всем бы показал!» —

«Пусть лук он выберет себе
И выступит вперед.
Горшечник этот — здоровяк;
Должно быть, он не врет».

Немедля луки принести
Шериф слуге велел.
И Робин лучший взял из них
И тетиву надел.

Ее до уха натянув,
Он поглядел вокруг
И молвил: «Это ли, друзья,
Ваш самый крепкий лук?»

Вот из колчана взял стрелу
Отважный Робин Гуд
И промахнулся в первый раз
Не больше, чем на фут.

Вновь зазвенела тетива,
И рот раскрыл шериф:
Стрела вонзилась в тонкий прут,
Насквозь его пробив.

Теперь шерифовы стрелки
Сгорают со стыда.
Шериф смеется и твердит:
«Ты мастер хоть куда!
Носить по праву можешь лук,
Пускай дивятся все вокруг». —

«Эх, свой бы лук — и сразу я
Попал бы в тонкий прут,
Ведь этот лук мне подарил
Отважный Робин Гуд!»

Шериф горшечника спросил:
«Так он тебе знаком?» —

«Да, силой мерился не раз
Я с ним в лесу густом!» —
«Взглянуть на Робина хочу —
Весь свет твердит о нем,
Клянусь Святым крестом!» —

«Прими совет мой, сэр шериф,
И поезжай со мной,
Мы Робин Гуда на заре
Найдем в тени лесной». —

«Тогда тебя прославлю я
И награжу притом!»
А тут и ужин подоспел,
И все вернулись в дом.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

С утра, как только рассвело,
Шериф кричит: «Вперед!»
И наш горшечник свой возок
Выводит из ворот.

Тепло с шерифовой женой
Простился Робин Гуд:
«Вот, леди, перстень золотой —
За ласку и приют».

Та отвечала: «Гран мерси[5],
Да минет вас беда».

Так в лес из города шериф
Не рвался никогда.

И вот горшечник и шериф
Стоят в тени лесной,
Щебечут птицы на ветвях,
Укрытые листвой.

Промолвил Робин: «Кто не скуп,
Тому привольно тут.
Я дуну в рог — и выйдет к нам
Отважный Робин Гуд!»

И трижды звонко прозвучал
Сигнал в тиши лесов,
И пенье рога донеслось
До вольных молодцов.
«Трубит хозяин, — молвил Джон. —
Скорее все на зов!»

Они явились на призыв,
И Джон воскликнул вмиг:
«Хозяин, как твои дела?
Ответь, барыш велик?» —

«Сказать по правде, друг мой Джон,
Я рад как никогда:
С каким прибытком, погляди,
Вернулся я сюда». —

«Вот это весть, вот это гость!» —
Сказал со смехом Джон.
Шериф затрясся; чтоб удрать,
Сто фунтов дал бы он.

Шерифова жена

«Ох, если б твой раскрыть обман
Я в Ноттингеме смог,
Ты не вернулся бы вовек
В зеленый лес, стрелок!» –

«Я знаю, – молвил Робин Гуд, –
И я удаче рад,
Ведь ты оставишь нам коня
И дорогой наряд».

Шериф кричит: «Грабеж, грабеж!
Ты видишь, Боже мой?!» –
«Ты в лес приехал на коне –
Пешком иди домой,
Но я пошлю твоей жене
Подарок дорогой:

Кобылку белую – она
Быстрее ветерка.
Коль не жена бы, ты б узнал,
Как сталь моя крепка».

Шерифа Робин отпустил,
И тот побрел домой.
Кричит шерифова жена:
«Супруг любезный мой!

Что видел ты в лесной глуши,
И где же Робин Гуд?» –
«Он насмеялся надо мной,
Разбойник, чертов плут!

Я всё, что было у меня,
Отдал в лесу густом.

А он тебе кобылку шлет,
Со сбруею притом!»

Ох, посмеялась от души
Шерифова жена:
«Ты расплатился за горшки
Сполна, мой друг, сполна!

Но ты вернулся, и добра
Достаточно у нас».
О них довольно — поведу
О Робине рассказ.

«Горшечник, сколько б ты хотел
За все свои горшки?» —
«Два нобля[6], славный Робин Гуд,
А меньше — не с руки.
Мои прибытки, видит Бог,
И так невелики». —

«Я десять фунтов заплачу —
Сыпь золото в мешок,
И впредь тебе в моем лесу
Я буду рад, дружок».

Вот так случилось как-то раз
В густой лесной тени.
Прости стрелку грехи, Господь,
И нас от бед храни!

А сколько месяцев в году?
Тринадцать, так и знай[1],
И веселее всех других
Веселый месяц май.

Когда деревья зелены,
Когда луга цветут,
С друзьями тешиться игрой
Желает Робин Гуд.

Глядишь, там борются, а там
Бегут вперегонки,
А там удачи попытать
Готовятся стрелки.

«Ну, кто натянет крепкий лук,
Кто доказать готов,
Что он в оленя попадет
С четырехсот шагов?»

Мидж[2] олениху застрелил,
Оленя — смелый Джон:
Был за четыреста шагов
Олень стрелой сражен.

«Господь вас всех благослови!
Клянусь, вам ровни нет!
Таких стрелков не отыскать,
Хоть обойди весь свет», —

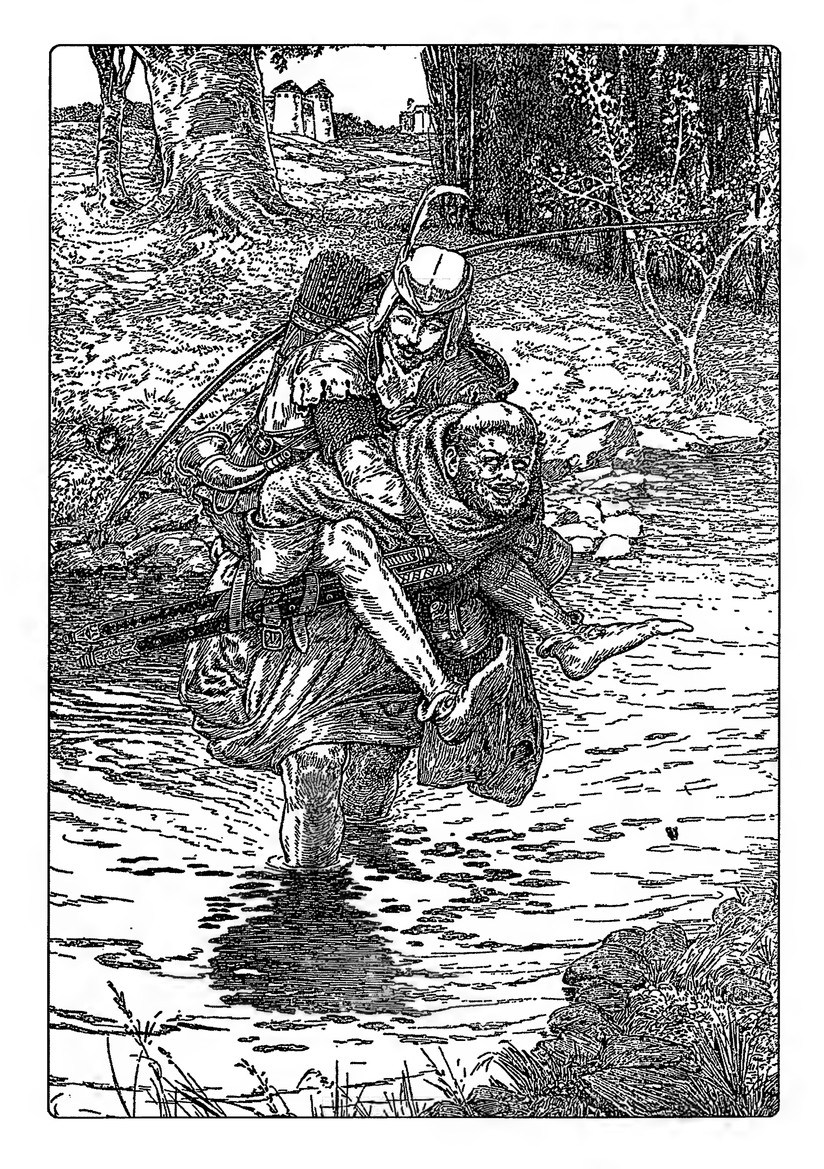
Так молвил Робин; но, смеясь,
Виль взялся за бока:
«Ступай в аббатство Фаунтинс[3],
Отыщешь там стрелка.

Живет в аббатстве куцый брат[4],
Стрельбу не ставит в грех,
И он, поспорить я готов,
Легко побьет вас всех».

Немедля Деве Пресвятой
Дал Робин Гуд обет:
Пока монаха не найдет,
Не сядет за обед.

Доспехи Робин Гуд надел
И добрый шлем стальной
Да взял еще широкий меч
И круглый щит с собой.

В логу вблизи монастыря
Он выстроил стрелков
И им велел, заслышав рог,
Живей бежать на зов,



И на спине стрелка понес | Он, не жалея сил.

А сам к аббатству зашагал,
Где стены высоки;
Тут глядь – стоит лихой монах
На берегу реки.

«Устал я, – молвил Робин Гуд, –
Был целый день в пути.
Не мог бы на тот берег ты
Меня перенести?»

Монах же этот, видит Бог,
Подчас добро творил[5] –
И на спине стрелка понес
Он, не жалея сил.

А после, выйдя из воды,
Достал из ножен меч:
«А ну неси меня назад
И лучше не перечь!»

Подставил спину Робин Гуд,
Не проронив словца,
И через реку потащил
Монаха-удальца,

Едва башмак не потерял
И до колен промок.
«А ну, поехали назад!» –
Велел лесной стрелок.

Монах на йомена взглянул,
Нахмурился слегка.
До середины на спине
Донес он седока,

А там, внезапно наклонясь,
Спихнул его долой.
«Нам по пути до полпути,
Наездник удалой!»

За куст схватился Робин Гуд,
Монах — за крепкий ствол.
На берег выбрался стрелок,
Свой лук в траве нашел.

Достал он лучшую стрелу
И живо в цель пустил,
Но без труда стальным щитом
Монах ее отбил.

«Ну-ну, вот этак ты всегда
Стреляй, мой друг лесной.
Твоя стрельба мне не вредней,
Чем легкий дождь весной!»

Когда истратил Робин Гуд
Все стрелы до одной,
Схватились оба за мечи,
И завязался бой.

Они сражались шесть часов,
Уж вечер наступил,
И Робин на колени пал:
«Я выбился из сил!

И если ты, лихой монах,
Решил меня убить —
Позволь мне прежде взять мой рог
И трижды протрубить!»

«Бери, бери, — сказал чернец. —
Сил не жалей, трубя.
Надеюсь, очи вон из ям
Полезут у тебя!»

Ох, мощно дует в звонкий рог
Отважный Робин Гуд —
Полсотни смелых молодцов
На выручку бегут.

«Черт побери тебя, стрелок, —
Монах кричит ему. —
Вам, вижу, не велит устав
Ходить по одному.

Тебе позволил я трубить,
А ты мне свистнуть дай,
Ведь обошелся я с тобой
Как с братом, шалопай!» —

«Валяй, свисти хоть десять раз,
Отплясывай и пой.

Одним лишь свистом, видишь сам,
Не справиться со мной!»

Монах поднес кулак к губам,
И видит Робин Гуд:
Полсотни злобных куцых псов[6]
К хозяину бегут!

«По псу на брата, а тебя
Я сам отколочу!» –
«Нет, – отвечает Робин Гуд, –
Я драться не хочу.

И покарай меня Господь,
Коль я продолжу бой:
С тремя собаками схвачусь
Охотней, чем с тобой.

Оставим распрю, брат монах,
Мириться я готов.
Не надо йоменов губить –
Ты отзови-ка псов».

Монах к губам поднес кулак
И громко засвистел,
И псы послушно улеглись
Ковром мохнатых тел[7].

«Что хочешь ты? – спросил монах. –
Скорее мне открой». –
«Я нобль дам тебе, дружок,
Коль ты пойдешь со мной.

Ты новый будешь получать
По праздникам наряд.
Уйдешь со мною в Ноттингем —
Я, право, буду рад!»

Семь лет долину Фаунтинс
Лихой монах стерег —
Ни рыцарь, ни барон, ни граф
Смирить его не мог!

ВЕСЕЛЫЙ СТОРОЖ ИЗ УЭЙКФИЛДА

Веселый сторож в Уэйкфилде жил,
Где зелены были луга.

Ни сквайр, ни рыцарь, — он говорил, —
Ни гордый барон или граф
По землям уэйкфилдским ввек не пройдет,
Луга мои потоптав!»

Веселый сторож в Уэйкфилде жил,
Где зелены были луга.

Об этом прослышали три молодца:
Робин, Скарлет и Джон.
Они отыскали его под кустом,
Где часто сиживал он.

Веселый сторож в Уэйкфилде жил,
Где зелены были луга.

И Робину сторож крикнул: «Назад!
Зачем ты сюда идешь?
Ты с королевской дороги сошел
И топчешь чужую рожь!»

Веселый сторож в Уэйкфилде жил,
Где зелены были луга.

«Нас трое против тебя одного,
И мы не свернем с пути».
Сторож при сих словах поспешил
На пять шагов отойти.

Веселый сторож в Уэйкфилде жил,
Где зелены были луга.

Ногою в камень уперся он,
Спиною – в корявый ствол,
И так он дрался против троих,
Покуда день не прошел.

Веселый сторож в Уэйкфилде жил,
Где зелены были луга.

И их щиты, и стальные мечи
Разбиты были в куски,
И молвил Робин: «А ну подожди,
И вы погодите, стрелки.

Веселый сторож в Уэйкфилде жил,
Где зелены были луга.

Таких сторожей я еще не видал,
Творишь ты, ей-ей, чудеса.

Не хочешь оставить свое ремесло,
Уйти со мною в леса?»

Веселый сторож в Уэйкфилде жил,
Где зелены были луга.

«В Михайлов день, как ведется у нас,
Хозяин мне даст расчет[1],
Возьму я лук и отправлюсь в лес,
Как только срок истечет». —
«Коль нас угостишь ты, — сказал стрелок,
Будет тебе почет».

Веселый сторож в Уэйкфилде жил,
Где зелены были луга.

«И хлеб, и мясо есть у меня,
И эль я тоже припас». —
«Хотя и незваными мы пришли,
Ты славно потчуешь нас.

Веселый сторож в Уэйкфилде жил,
Где зелены были луга.

Оставь ты, сторож, свое ремесло!
Какой от него доход?
Два новых наряда разных цветов
Не хочешь ли каждый год?»[2]

Веселый сторож в Уэйкфилде жил,
Где зелены были луга.

«В Михайлов день, как ведется у нас,
Я получу расчет —

Кто честен с хозяином, будет иметь
Тугой кошель и почет.
Возьму я лук и отправлюсь в лес,
Как только срок истечет».

РОБИН ГУД И МЯСНИК

Жил Робин Гуд в густом лесу,
   Не ведая тревог,
А кто ловил его — потом
   Бежал, не чуя ног.

Гулял в дубраве Робин Гуд,
   Не делал людям зла.
Друзьям сказал он как-то: «Весть
   В зеленый лес пришла.

Шериф повсюду объявил,
   Что он меня найдет,
Но я его опережу,
   И года не пройдет».

Сидит веселый Робин Гуд
   В лесу у родника,
Вдруг видит: катит через лес
   Телега мясника.

С рычаньем бросился к стрелку
Короткохвостый пес,
Но Робин голову ему
Мечом немедля снес.

«Зачем собаку зарубил? –
Мясник в сердцах кричит. –
Клянусь святыми, будешь ты
Безжалостно побит! –

Дубину живо он схватил
И погрозил стрелку: –
Гляжу, тебе дурная кровь
Ударила в башку!» –

«Кто трепку мне решит задать,
Тот истинный смельчак.
Я, взявши меч, не отступлю,
Ей-богу, ни на шаг!»

Ударил смелый Робин Гуд,
Нацелясь во врага[1]
....

Сказал стрелок: «Я в первый раз
Привез товар сюда.
Мадам! Прошу я, чтобы мне
Не делали вреда».

«Мясник, – шерифова жена
Ответила ему, –
Будь нашим гостем; и друзей
Я всех твоих приму».

Стрелок в таверне заплатил
  За доброе вино
И молвил: «Что же! Мне пора
  На торг давным-давно».

Пришел на рынок Робин Гуд
  И начал торговать.
За пенс он больше продавал,
  Чем прочие за пять[2].

Бегут к нему со всех сторон,
  Как скот на водопой.
Все остальные мясники
  Оттеснены толпой.

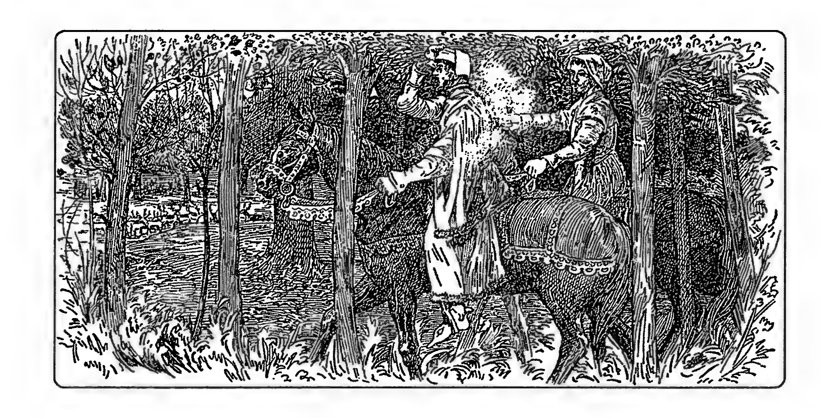
Когда же Робин продал всё
  И отошел народ,
Лишь тридцать пенсов с небольшим
  Был весь его доход.

Семь мясников, семь удальцов,
  Собравшись, говорят:
«Обычай гильдии велит
  С тобою выпить, брат». –

«Коль этак водится у нас,
  Скажу, не утая:
Пить у шерифа ввечеру
  Сегодня буду я».

....

  Получишь ты доход:
Три сотни фунтов заплачу
  За твой рогатый скот».



Подумал славный Робин Гуд:
«Да ты у нас богат!
Коль попадешься мне в лесу,
Лишишься враз деньжат!»

Хотят шерифа охранять
Семь дюжих мясников,
И Робин в чащу их ведет,
Не тратя даром слов.

Он их привел в зеленый лес;
Вокруг они глядят:
«Да здесь и впрямь, куда ни кинь,
Полно рогатых стад!

Полно оленей, олених
И робких оленят».
Стрелок сказал: «Клянусь, что мне
Они принадлежат.

Вот, сэр шериф, мои стада,
Сполна плати за них!» —

«Ох, если б раньше я узнал
    О хитростях твоих!..»

Тут Робин громко протрубил
    В рожок в тиши лесов,
Полсотни удалых парней
    Сошлись на этот зов.

Сняв капюшоны, удальцы
    Приветствуют его.
«Ну, каково поторговал,
    Не нажил ли чего?»

....
    Разбойник Робин Гуд.

Меня ограбил он в лесу
    И всё забрал сполна,
Погиб бы я — но у меня
    Есть умная жена!

Ты приняла его в дому,
    Учтиво угостив,
И лишь благодаря тебе
    Твой муж остался жив.

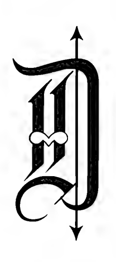
Но всё ж сурово поступил
    Лесной стрелок со мной:
Без денег, платья и коня
    Я голым шел домой!» —

«Ай да стрелок! — жена в ответ. —
    Провел тебя легко.

А я просила, чтобы ты
Не ездил далеко!» —

«Ох, вспомнил я твои слова,
Когда попал в беду!
А Робин Гуда, видно, я
Вовеки не найду».

РОБИН ГУД И МАЛЕНЬКИЙ ДЖОН



Двадцать лет было Робину — как-то в лесу,
Хэй, даун, даун, э-даун,
С удальцом познакомился он:
Посмеяться охоч и подраться не прочь
Был тот молодец, Маленький Джон.

Хоть он Маленьким звался, был ростом немал,
Аж семь футов[1], в плечах — как медведь.
Страх на всех нагонял, был силен да удал,
Мог один семерых одолеть.

Как они повстречались, узнаете вы,
Коль угодно послушать рассказ,
Всех иных веселей, — так сходитесь скорей,
Вы, друзья, улыбнетесь не раз.

Говорит смелый Робин стрелкам-удальцам:
«Не ходите сегодня со мной!

Если будет беда, позову вас тогда –
    И не медлите в чаще лесной.

Мы веселья не знали четырнадцать дней –
    Отправляюсь я нынче в поход.
Коли встретится враг, я немедля дам знак,
    Вмиг услышите – рог позовет».

Со стрелками простившись, он в чащу идет,
    А они, как условлено, ждут.
Там, где плещет река, на мосту чужака
    Увидал удалой Робин Гуд.

На мосту над рекой повстречались они,
    Оба встали – ни шагу назад.
Робин пальцем грозит, чужаку говорит:
    «Потягаться с тобой буду рад!»

Смелый йомен достал из колчана стрелу
    С оперением снега белей.
Незнакомец кричит: «Будешь, парень, побит,
    К тетиве прикасаться не смей!»

Говорит Робин Гуд: «Не бахвалься, дурак:
    Мне достаточно лук натянуть,
Живо тушу твою я стрелою пробью,
    Не успеешь дубинкой махнуть».

«Слышу труса: ты с луком стоишь на мосту, –
    Говорит незнакомец в ответ, –
Ты грозишь мне стрелой, у меня же с собой
    Ничего, кроме палки, и нет».

Закричал Робин Гуд: «Я, ей-богу, не трус
И без лука легко устою.
Вот, тебе на беду, я дубинку найду
И тебя испытаю в бою».

Лук оставив, стрелок отбежал от моста
И дубок молодой обломал,
Воротился назад, развлеченью рад,
И детине со смехом сказал:

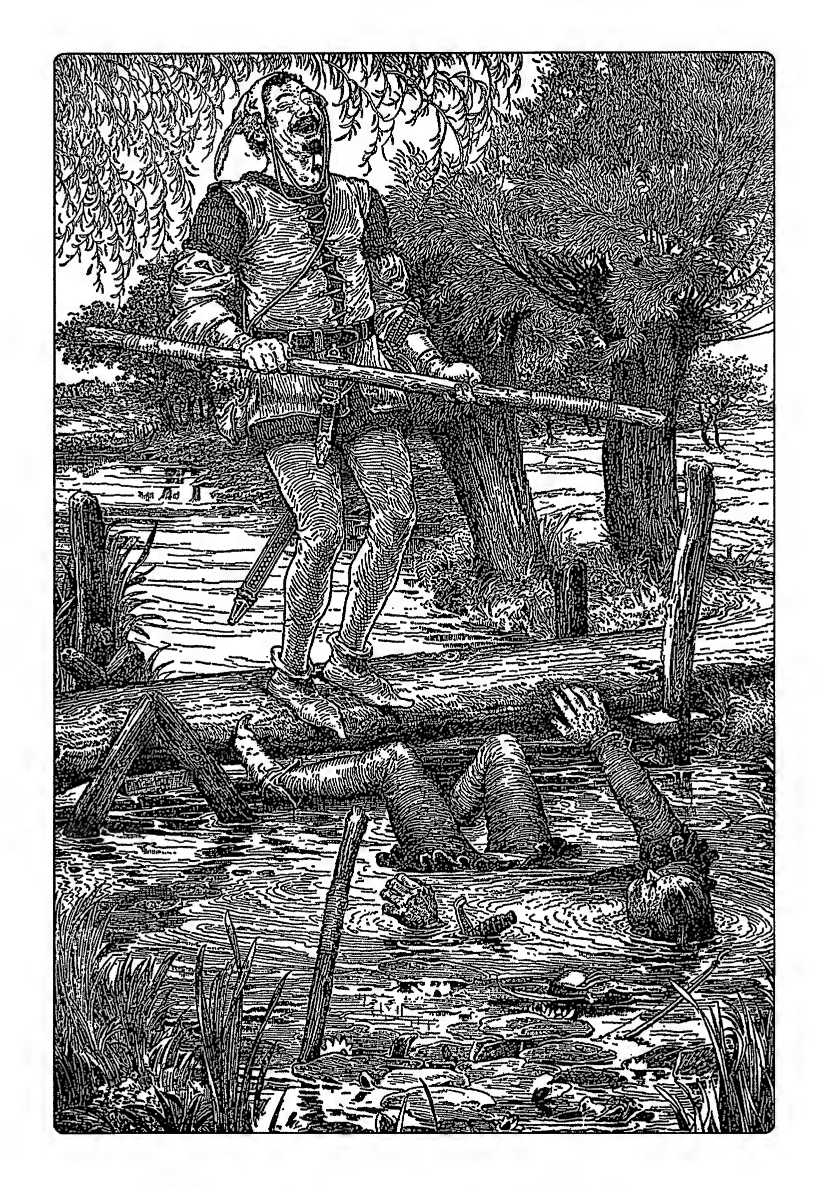
«Вот дубинка моя, тяжела и крепка,
Ты, дружок, познакомишься с ней,
Поглядим, чья возьмет, кто с моста упадет,
Кто окажется в драке сильней».

«Я клянусь, что меня, — здоровяк отвечал, —
К отступленью не вынудит страх».
И один и другой смело ринулись в бой —
Заходили дубинки в руках.

Угостил незнакомца сперва Робин Гуд —
Аж ребро зазвенело, как медь.
Но промолвил чужак: «Да еще и не так
Я могу тебя, парень, огреть.

Не желаю, покуда дубинку держу,
У тебя в должниках умирать!»
И они не шутя, словно хлеб молотя,
Заработали дружно опять.

По макушке задел незнакомец стрелка —
Кровь ручьем потекла по лицу.
Разъярившись в бою, на удар десятью
Робин Гуд отвечал удальцу.



Незнакомец вскричал: «Эй, приятель, ты где?» — |
А в ответ забурлила вода.

Ох, как быстро он палкой своей молотил,
Овладело неистовство им.
«Ну, дружок, каково?» – От ударов его
Пыль клубами взвивалась, как дым.

Разозлился чужак, на него посмотрел,
Заработал дубинкой сильней.
Что есть мочи махнул – и стрелка отшвырнул,
Опрокинул в журчащий ручей.

Незнакомец вскричал: «Эй, приятель, ты где?» –
А в ответ забурлила вода.
Отвечал Робин Гуд: «Там, где рыбы живут,
И плыву, сам не зная куда.

Я охотно скажу: ты и вправду смельчак,
Спорить больше не станем с тобой.
Я, мой друг, признаю – победил ты в бою,
Пусть на этом закончится бой».

Вылез Робин на берег, схватившись за куст,
Верный рог приложил он к губам,
А потом затрубил – тот протяжно завыл,
Так, что эхо пошло по лесам.

По зеленым долинам оно понеслось
И достигло веселых стрелков.
Звук еще не затих, а уж Робин своих
Увидал, что бежали на зов.

«Что случилось, хозяин? – Виль Статли кричит. –
Ты, я вижу, промок до костей».
Робин Гуд говорит: «Видишь, парень стоит?
Ловко сбросил меня он в ручей».

«Он за это поплатится!» — молвят стрелки
И уже к незнакомцу бегут.
Тот вдогонку вот-вот головою нырнет.
«Эй, не троньте! — велит Робин Гуд. —

Друг, не бойся, тебя не обидит никто,
Мой они не нарушат приказ.
Их шесть дюжин почти — будешь сыт и в чести,
Коль захочешь остаться у нас.

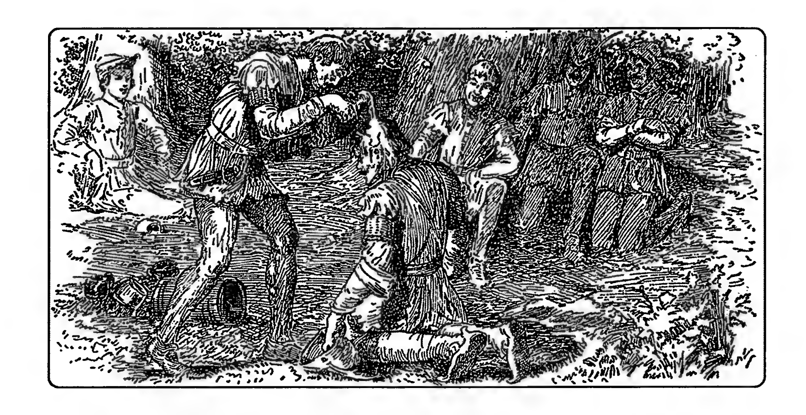
Лишь скажи, если что-то захочешь еще,
Молодцу и вояке под стать.
Крепкий тисовый лук подарю тебе, друг,
И оленей ты будешь стрелять».

«Вот рука моя, парень, — сказал здоровяк. —
Я служить тебе верно готов.
А меня, Робин Гуд, Джоном Литлом зовут,
Полюблю я, как братьев, стрелков».

«Окрестить его нужно, — Виль Статли сказал, —
Буду я ему крестным отцом[2].
Мы устроим обед, в том сомнения нет —
Будет пир, и немалый притом».

Тут немедля оленей набили они,
Притащили вина поскорей.
Веселясь и шутя, окрестили дитя
Под навесом зеленых ветвей.

Он семь футов был ростом, как я говорил,
Да в обхвате, конечно, не мал
И собой величав; и, крестины начав,
Смелый Робин молитву читал.



Вот стрелки-молодцы собираются в круг,
И на каждом — зеленый наряд.
И с друзьями идет смелый Статли вперед
И вершит, улыбаясь, обряд.

«Джоном Литлом, — вещает, — он звался досель,
Но он заново нами крещен,
И даем потому мы сегодня ему
Имя новое — Маленький Джон».

Тут на радостях все закричали «ура»,
Завершились крестины на том.
Все уселись за стол, пир веселый пошел,
Заходили кувшины кругом.

Вот младенца чудно́го берет Робин Гуд
И дает ему новый наряд.
Джон, красуясь, стоит, разудалый на вид,
Весь в зеленом от шеи до пят.

«Будешь лучником скоро не хуже, чем мы,
Будешь с нами гулять по лесам,
Нет нехватки в деньгах, коль богатый монах
С кошельком попадается нам.

Мы как сквайры[3], как знатные лорды живем,
Хоть ни фута землицы у нас,
Но найдется всегда и питье, и еда,
Что захочется, сыщем тотчас».

Танцевали и пели стрелки на лугу,
Пировать было весело им.
А когда Феб исчез, все отправились в лес,
Мирно спать по пещерам своим[4].

Так с тех пор и пошло, так с тех пор повелось:
Хоть был парень могуч и силен,
Но в лесу средь друзей до скончания дней
Прозывался он Маленький Джон.

РОБИН ГУД И СКОРНЯК

В граде Ноттингем жил славный Артур-э-Блэнд,
Хэй, даун, даун, э-даун, даун,
Слыл он мастером кожи дубить;
Не спесив был, не горд, но и знатный милорд
Не принудил его б отступить.

Без опаски он шел через лес, через дол:
Ведь никто бы не справился с ним,
И дубинкой своей мог он всыпать чертей
В одиночку троим-четверым.

По широкой тропе под зеленой листвой
Он шагал через Шервудский лес
В летний солнечный день, там, где рыжий олень
Меж стволов промелькнул и исчез.

Повстречался ему по пути Робин Гуд,
Что потешиться с гостем решил.

И, махнувши рукой, он сказал ему «Стой!»
И отважно его вопросил:

«Что ты бродишь в лесу, молодец-удалец,
Не в простом — в королевском лесу?
Ни к чему разговор: ты разбойник и вор,
Я башку тебе живо снесу!

Государю исправно лесничим служу,
И сегодня сюда я пришел,
Чтобы в солнечный день королевский олень
Не попал к браконьеру на стол!» —

«Если служишь лесничим ты в этом лесу,
В одиночку ты время не трать;
Разудалых друзей позови поскорей
И попробуй меня удержать!» —

«Нет, друзья не примчатся на помощь ко мне,
Только это, клянусь, не беда:
Я дубинкой и сам так тебе наподдам —
Позабудешь дорогу сюда!» —

«Я ни лука, ни стрел, ни меча не боюсь,
Ты ничуть мне не страшен в бою.
Я тебя проучу: по макушке хвачу
И охоту кричать отобью!» —

«Говори-ка повежливей, — Робин велел, —
Я к манерам таким не привык,
Иль тебе, видит Бог, преподам я урок —
Распускать перестанешь язык».

«Помолчи-ка, хвастун, — так ответил скорняк, —
Ты попробуй меня одолей.
Пусть ты ростом немал, да я тоже удал
И, быть может, тебя посмелей».

Бросил ножны с мечом на траву Робин Гуд,
Лук оставил под дубом лежать,
И, дубинку схватив, он, до драки ретив,
К скорняку обратился опять:

«Коль ни лука, ни стрел, ни меча у тебя,
Что ж, дубинка и мне по нутру:
Подлинней, попрочней и не хуже твоей,
Чтоб на равных затеять игру.

Дай-ка смерить, приятель, ведь кажется мне,
Что твоя покороче на фут.
Я боюсь одного: не простят мне того
И нечестной игру назовут».

Смелый Артур ответил: «Пускай, если так!
У меня в восемь футов стяжок.
Им, по правде скажу, я быка уложу,
А тебя и подавно, дружок!»

Не стерпел тут насмешек лихой Робин Гуд,
Широко размахнулась рука,
И в зеленом лесу он в десятом часу
По макушке хватил скорняка.

От удара оправился Артур-э-Блэнд,
Заработал дубинкой своей —
У лесного стрелка и со лба, и с виска
Кровь закапала, маков алей.

Артур-э-Бленд, скорняк

Разъярился стрелок, словно раненый бык,
Вытер кровь и пошел напролом,
Но отважный скорняк застучал по нем так,
Точно гвоздь забивал молотком.

Так сражались они, так боролись они,
Словно два кабана-секача.
По спине, по бокам, по ногам, по рукам
Оба в гневе лупили сплеча.

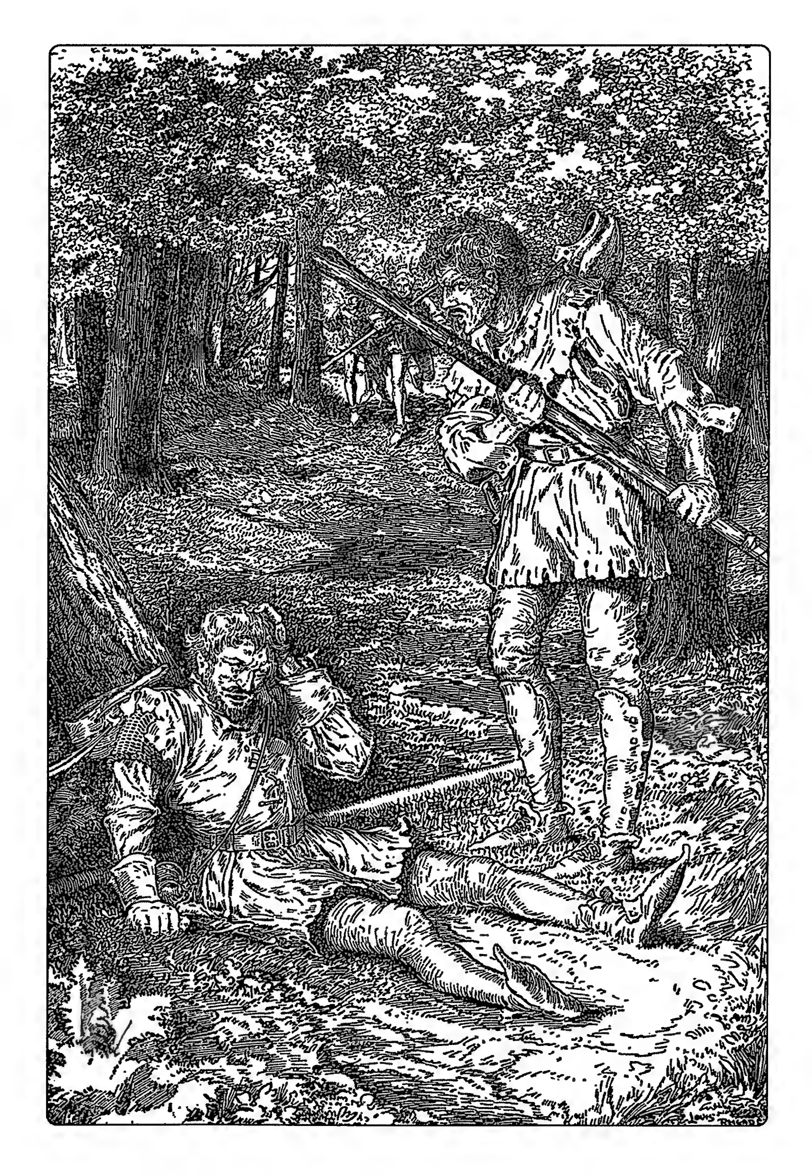
Продолжалась забава не час и не два,
Миновал уж полуденный жар,
И шумела листва, и клонилась трава,
Отзываясь на каждый удар.

«Эй, постой, погоди! — закричал Робин Гуд. —
Надоело дубинкой играть.
Ох, тяжел этот бой — так под вечер с тобой
Мы костей не сумеем собрать.

В славном Шервуде всякий свободно живет
Под покровом зеленых ветвей».
Но ответ ему был, что свободу добыл
Смелый Артур дубинкой своей.

«Назови, — просит Робин, — свое ремесло,
Поскорее скажи, не тая.
Где живешь ты, ответь, чтоб отныне и впредь
Мог к тебе бы наведаться я».

«Я скорняк; славный Ноттингем — нынче мой дом, —
Храбрый Артур ответил ему. —
Доведется там быть — заходи погостить,
Твой заказ я бесплатно приму». —



«Ох, тяжел этот бой – так под вечер с тобой |
Мы костей не сумеем собрать».

«Бог храни тебя, парень, — сказал Робин Гуд, —
Я воздать за услугу хочу.
Коль готов ты задаром мне кожу дубить,
То добром я тебе отплачу.

Если вздумаешь бросить свое ремесло,
Будем вместе бродить по лесам.
Божьей кровью клянусь, Робин Гудом зовусь,
Стол и кров тебе, братец, я дам».

Гость в ответ: «А меня кличут Артур-э-Блэнд.
Ты, я вижу, и впрямь Робин Гуд.
Будем крепко дружить, будем весело жить,
Мне, ей-богу, понравилось тут.

Но скажи, Робин Гуд, здесь ли Маленький Джон?
Он из дома ушел по весне;
Мы с ним крови одной — недалекой роднёй
Этот парень приходится мне».

В звонкий рог затрубил удалой Робин Гуд,
Эхо грянуло в гуще лесов.
Не замолк еще рог — появился стрелок,
Что бегом торопился на зов.

«Что случилось, ответь? — крикнул Маленький Джон. —
Не беда ли какая с тобой?
Вижу кровь на виске и дубинку в руке —
С кем ты дрался? Чем кончился бой?» —

«Погляди-ка, дружок, на того молодца —
Никому не уступит в бою!
Уж он драться мастак — этот славный скорняк —
Ловко выдубил шкуру мою!» —

«Коль ты хвалишь противника, — Джон говорит, —
Он и вправду достоин того,
Но его проучу, по макушке хвачу,
Мы посмотрим сейчас, кто кого!»

«Погоди, погоди, — смелый Робин сказал, —
В драке тратить не надобно сил.
Как поведал он мне, у него ты в родне,
Или Артур-э-Блэнда забыл?»

Джон на парня взглянул и отбросил тотчас
Лук и палку далёко назад.
Не жалеючи сил, скорняка обхватил,
Так он с ним был увидеться рад.

Удальцы обнялись, слезы лить принялись,
Хоть бы слово один произнес.
И стояли в тени, и рыдали они,
Не стыдясь этих сладостных слез.

«Стало трое нас», — Робин друзьям закричал
И пустился на радостях в пляс.
Припевая втроем: «Ох, уж мы заживем!»,
Все они заскакали тотчас.

«До скончания дней будем мы заодно, —
Так промолвил с улыбкою он. —
Пусть старухи споют, как гулял Робин Гуд,
Как дружили с ним Артур и Джон».

РОБИН ГУД И ЛУДИЛЬЩИК

Весной, когда так зелен лес,
Даун-э-даун-э-даун,
И соловьи поют,
Хей, даун-э-даун-э-даун,
Однажды в Ноттингем спешил,
Даун-э-даун-э-даун,
Веселый Робин Гуд,
Хэй, даун-э-даун-э-даун.

Ему лудильщик молодой
Попался по пути,
И счел за лучшее стрелок
С поклоном подойти.

Спросил учтиво: «Ты отколь?
Скажи мне не таясь.
Дурные вести я слыхал,
Боюсь, беда стряслась».

«Какие вести? — молвил тот. —
Не умолчи о сем.
Я сам лудильщиком тружусь,
И в Банбери[1] мой дом».

«Мне рассказали, — произнес
Печально Робин Гуд, —
Что ставят медников к столбу
За то, что много пьют»[2].

«Ей-ей, — лудильщик отвечал, —
Я это знаю сам.
За весть такую, милый друг,
И пенса я не дам.

Кто слишком любит добрый эль,
Порой идет под суд».
«Клянусь, я выпить сам люблю, —
Промолвил Робин Гуд. —

О чем, лудильщик, говорят?
Скажи мне поскорей!
Небось, бродя по городам,
Наслышался вестей».

«О чем я знаю, — был ответ, —
Поведаю, изволь:
Лихого Робина-стрелка
Сыскать велел король.

Есть у меня с собой указ —
Разбойника схватить.
Его мне выдашь — я тебя
Смогу озолотить!

Король сто фунтов даст тому,
Кто Робина найдет.
Мы оба можем получить
С того большой доход». —

«А покажи-ка мне, дружок,
Монаршую печать,
Тогда тебе я помогу
Разбойника поймать».

Отрезал медник: «Я указ
Не вверю никому.
А коль не скажешь, сам стрелка
Я силою возьму».

Придумал Робин сей же миг,
Как подшутить над ним.
«Пойдем со мною в Ноттингем,
Мы там его пленим».

Лесной широкою тропой
Вдвоем они идут:
С дубинкой медник и с мечом
Веселый Робин Гуд.

Вот в городской они трактир
Зашли передохнуть:
Кто пьет вино и крепкий эль,
Тот не грешит ничуть[3].

Немало выпили они,
И стал лудильщик пьян —
Забыв про все свои дела,
Спит, хмелем обуян.

Лудильщик

Храпит он громко под столом,
А Робин Гуд сбежал.
Придется меднику платить,
А счет, увы, немал.

Проснувшись, парень увидал,
Что был ограблен он,
И, сунув руку в кошелек,
Издал печальный стон.

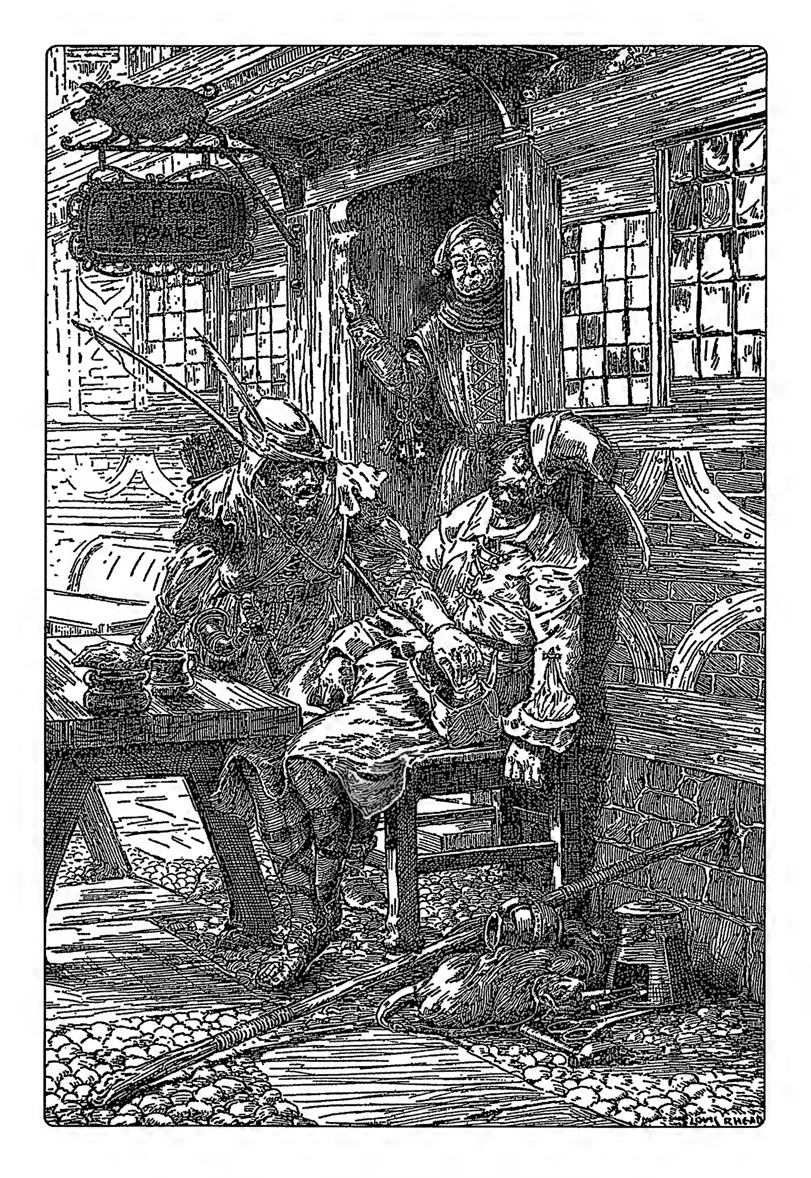
«Я королевский нес указ,
Хотел упечь под суд
Лесного вольного стрелка
По кличке Робин Гуд.

Да только вот указ пропал,
И денег нет как нет.
Того, кто дружбу мне сулил,
Давно простыл и след!»

Сказал хозяин: «Твой дружок —
Тот самый Робин Гуд.
Знать, сразу шутку над тобой
Задумал этот плут». —

«Когда б раскрыл его обман
Я на тропе лесной,
То, кто сильней из нас двоих,
Решил бы честный бой.

Однако мне пора идти,
И я его найду,
Хотя бы все, кто в мире есть,
Сулили мне беду.



Немало выпили они, | И стал лудильщик пьян...

Но рассчитаться должен здесь
Я, прежде чем уйти». —
«Мне десять шиллингов за эль
И пиво заплати». —

«Прими в уплату инструмент —
Мой добрый молоток.
За ним вернусь, когда сыщу
Я вора, видит Бог». —

«Его найдешь ты, коль тебе,
Дружок, неведом страх:
Оленей королевских бьет
Стрелок в густых лесах».

Пустился медник в путь скорей
С желанием одним:
Найти лесного удальца
И поквитаться с ним.

И наконец в тени ветвей
Его он увидал.
«Ну ты даешь, — сказал стрелок. —
Зачем пришел, нахал?» —

«Смеяться ты не будешь впредь,
Разбойник, лиходей!
Тебе сейчас отвечу я
Дубинкою своей!»

Тут Робин вынул острый меч,
Испытанный клинок,
Но медник Робина чуть-чуть
Не сбил дубиной с ног.

Стрелок разгневанный сплеча
Не раз его хватил
И в бегство дерзкого врага
Едва не обратил.

Меч и дубинка в их руках
Стремительно снуют.
Уже побои выносить
Не в силах Робин Гуд.

Воскликнул Робин: «Пощади!
О милости молю!» —
«Тебе сначала затяну
На шее я петлю!»

Но в рог протяжно затрубил
Отважный Робин Гуд.
Глядь — Крошка Джон и Виль Скейтлок
На выручку бегут.

«Эй, что стряслось? — воскликнул Джон. —
Почто лежишь без сил?» —
«Вот этот медник-удалец
Меня отколотил!» —

«Готовься, медник! — молвил Джон. —
Ответишь головой!
Взгляну я, что ты за боец
И сладишь ли со мной!»

Но перепалку приказал
Им Робин прекратить:
«Отныне будем заодно
И в мире станем жить.

А медник будет получать,
Покуда он живет,
Из золотой моей казны
Сто фунтов каждый год.

Он удалец, и у него
Всё спорится в руках.
Ох, этот парень на меня
Нагнал немалый страх!

А если медник здесь, в лесу,
Решит остаться впредь,
То честной доли для него
Негоже мне жалеть».

Лудильщик тут же объявил:
«Отныне мы друзья!»
В лесу он зажил, и на сем
Закончу песню я.

РОБИН ГУД И ВИЛЬ СКАРЛЕТ

Подите, послушайте вы, господа,
Хэй, даун, даун, э-даун, даун,
Что нынче сошлись на лугу.
О Робине смелом, веселом стрелке,
Я всем вам поведать могу.

«Который час?» — спросил Робин Гуд.
Джон молвил: «Уж полдень прошел.
Давайте добудем еды, а не то
Нам нечего ставить на стол».

Охотиться Робин в лесную глушь
Ушел во втором часу,
И встретил он удалого юнца
На узкой тропе в лесу.

Багрян был новый его дублет
И ярко-красны чулки.

Мастер Виль Скарлет

Отважно парень шагал вперед
Тропинкою вдоль реки.

Там стадо оленей щипало траву
В тени широких ветвей.
Он молвил: «Себе я добуду обед
Стрелой и хваткой своей».

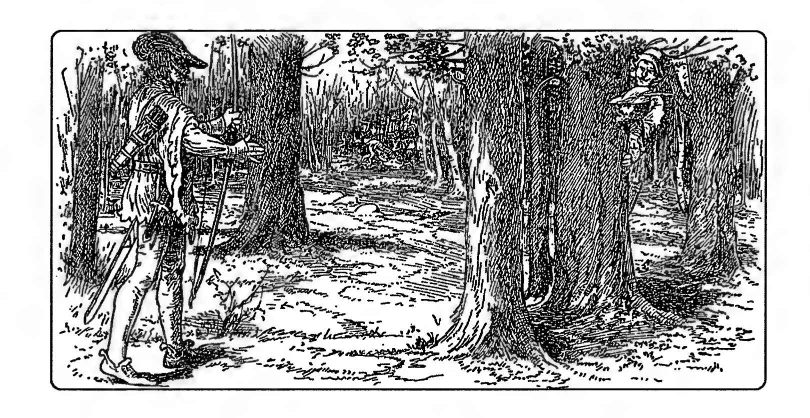
Медлить чужак ни минуты не стал
И натянул тетиву,
И лучший олень в сорока шагах
Мертвым упал в траву.

«Выстрел хорош — знать, верен твой глаз! —
Крикнул Робин ему, —
Если желаешь быть вольным стрелком,
Тебя я охотно приму».

«Ступай-ка к чёрту, — воскликнул чужак,
Даром не тратя слов. —
Не то тебе я твердой рукой
Сейчас надаю тумаков». —

«Ты кулаком мне, нахал, не грози,
В лесу я не одинок:
Друзья на помощь тотчас придут,
Коль грянет мой звонкий рог». —

«Ну, это ты брось, — незнакомец в ответ, —
Трубить тебе я не дам,
Возьмешься за рог — я живо мечом
Тебя разрублю пополам».



Робин лихой натянул тетиву,
Да только рука подвела.
Промазал он, а меж тем у юнца
Уже наготове стрела.

Промолвил Робин: «Не тронь тетиву,
Напрасно стрелы не трать,
Погибнуть может один из нас,
Коль примемся мы стрелять.

Давай-ка возьмем мечи и щиты,
Устроим игру на лугу».
«Могу поклясться, — сказал юнец, —
Что я от тебя не сбегу!»

И вот размахнулся стрелок удалой,
Хватил, не жалея сил,
И молвил: «Пожалуй, столь крепкий удар
Впервые ты получил».

Достал незнакомец отточенный меч
С блестящим в лучах острием
И смелого Робина так угостил,
Что кровь потекла ручьем.

«Послушай, парень, — воскликнул стрелок, —
Руку свою придержи.
Лучше ответь мне, кто ты такой,
Откуда ты родом, скажи».

Тогда незнакомец признался ему:
«Нынче изгнанник я,
Имя мне Гэмвелл, я в Максфилде[1] рос,
Живет там родня моя.

В Максфилде я эконома убил
И в срок не явился на суд[2].
В лесу я дядю ищу своего,
Зовется он Робин Гуд». —

«Если б ты раньше всё рассказал,
Я бы не дрался с тобой».
А Гэмвелл ответил: «Клянусь, я сын
Сестрицы его родной».

О Боже! Как радостно стало им —
Ни словом вам не солгу.
Пошли они вместе, и Маленький Джон
Их увидал на лугу.

Он быстро к ним вышел из чащи лесной
И Робина громко спросил:
«Куда же, хозяин, ты запропал
И где же так долго был?»

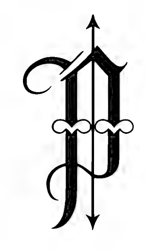
«Гостя я встретил, – тот отвечал. –
Сумел он побить меня».
«Пускай попробует, – молвил Джон, –
Чужак победить меня».

«Нет, нет! – воскликнул тогда Робин Гуд. –
Прошу тебя, друг, постой.
По крови он близкая мне родня:
Племянник единственный мой.

В лесу заживет он вольным стрелком
И будет мне помогать.
Я – Робин Гуд, ты – Джон, а его
Скарлетом станут звать[3].

И в северных землях, ей-богу, вовек
Не сыщут таких стрелков».
Что дальше было – я расскажу
Тем, кто внимать готов.

РОБИН ГУД И ПРИНЦ АРАГОНСКИЙ



Робин, и Джон, и храбрец Виль Скейтлок[1]
Шагали втроем через луг,
И Виль оленя легко подстрелил,
Крепкий согнувши лук.

«Идемте, идемте, — сказал Робин Гуд, —
Пора бы на стол собрать.
Хоть славно племянник нас угостил,
Но голоден я опять.

Видишь ту хижину, Виль, что стоит
Почти у самой реки?
Тебя поприветствуют там, дружок,
Мои молодцы-стрелки».

Он затрубил, и разнесся сигнал
Звонко в тиши лесов,
И сотня йоменов смелых тотчас
Явилась к нему на зов.

«К оружью, к оружью! – Виль закричал. –
Недругов вижу я».
И, рассмеявшись, сказал Робин Гуд:
«Это мои друзья».

К хозяину выйдя, один из стрелков
Тут же ему сказал:
«Думали мы, что попал ты в беду,
Так громок был твой сигнал».

Другу ответил смельчак Робин Гуд:
«Пора собирать на стол.
Племянник мой, молодой удалец,
Со мною сюда пришел».

Стрелки веселились день напролет,
Покуда Феб не уснул,
А после того они разошлись
По тропам лесным в караул.

И вдруг увидал удалой Робин Гуд
Под сводом густых древес
Юную деву на черном коне[2],
Что ехала через лес.

Плащ ее был соболями подбит,
А на щеках играл,
Видим сквозь тонкой вуали шелк,
Румянец, и чист, и ал.

«Постой, прекрасная дева, постой,
Больно уж ты грустна.
Куда ты едешь и отчего
Странствуешь здесь одна?» –

«Из Лондона я, что на Темзе стоит, —
Дева ему в ответ. —
Город наш нынче врагом окружен,
Быть может, спасенья уж нет.

Дерзкий и злой Арагонский принц
Поклялся, вытащив меч,
Нашу принцессу взять в жены себе
Иль всю страну пожечь.

Надеемся мы, что придут удальцы,
Которые примут бой
И двух великанов сумеют сразить,
Что принц привел с собой.

Взамен плюмажей[3], на шлемах у них
Страшные змеи шипят,
Глаза гигантов пылают огнем,
Ужасен их дикий взгляд.

Принцессу в жены отдаст государь
Тому, кто прочих сильней.
Поклялся король: кто прогонит врага,
Тот обвенчается с ней.

Послали нас, четырех девиц,
Проведать во всех краях,
Нет ли бойцов на английской земле,
Которым неведом страх.

Увы, мы напрасно искали их,
Хоть долго были в пути.
О, если бы кто-то мог жизнью рискнуть
И нашу принцессу спасти!»

«Когда же назначен решающий бой?» —
Девицу спросил Робин Гуд.
«В июне, двадцать четвертого дня,
В столице исхода ждут».

И тут, от горя почти онемев,
Заплакала горько она,
И прочь поехала дева в слезах,
Печальна и очень бледна.

Свалился Робин на землю как сноп,
Вестями ее поражен.
Весь облик его о том говорил,
Как был озадачен он.

«О чем горюешь ты? — Виль спросил. —
Хозяин, ответь скорей.
Коль дева похитила сердце твое,
Я сбегаю вмиг за ней».

«Не время, — Робин ему сказал, —
Хотя она и мила.
Увы! Принцесса, что ныне в беде,
Рану мне нанесла.

Чтоб от мучений ее спасти,
Принять я желаю бой».
«Черт побери, — промолвил Джон, —
Тогда я пойду с тобой».

«И я! — воскликнул отважный Виль. —
Мы вместе в Лондон пойдем
И против трех иноземных бойцов
Выступим там втроем».

Был Робин Гуд несказанно рад,
Что Виль с ним и Маленький Джон,
Друзей к груди прижав от души,
Обнял обоих он.

«Наденем серые мы плащи
И посохи в руки возьмем,
Как будто домой из Святой Земли,
От гроба Господня, идем.

Откуда пришли мы, не спросят у нас
И путь не заступят нам.
Все скажут: мол, пилигримы бредут
Тихонько себе по домам».

В дорогу пускаются живо друзья,
Торопится Робин Гуд,
Ведь Лондон далек — а время бежит
И деву уже ведут,

Чтоб в жены дерзкому принцу отдать,
Который на поле ждет —
Прольется кровь, коль принцесса добром
Сейчас за него не пойдет.

Ходит вдоль стен арагонский чужак
Со свитою пышной своей.
«Эй, выставляйте на поле бойцов
Иль деву отдайте скорей.

Нынче урочный день подошел,
И будет Лондон сожжен,
Если принцесса не выйдет ко мне,
Свидетель мне Акарон»[4].

Горько рыдает король-отец,
В слезах королева-мать:
«Вот наша дочь – и недругу мы
Должны ее сами отдать».

Но тут появился смельчак Робин Гуд.
«Милорд! Не печальтесь так!
Красавицу деву, Богом клянусь,
Пальцем не тронет враг».

В ярости начал принц бушевать:
«Безумец, глупец, урод,
Тебя любой из бойцов моих
Взглядом одним убьет». –

«Турок неверный, тиран, злодей,
Давай-ка сойдемся в бою.
Твои угрозы мне не страшны,
Сам я тебя убью.

Два Голиафа, слуги твои,
Рядом с тобой стоят,
Но два Давида, что нынче со мной,
Гордость их укротят»[5].

Король доспехи прислал бойцам,
Щиты, мечи и коней,
И вот все трое, броню надев,
Выходят, зари светлей.

Тут стали трубы громко трубить,
И начат был смертный бой.
Доспехи скоро разбились в куски,
И кровь потекла рекой.

Принц размахнулся и так рубанул
Стрелка, не жалея сил,
Что с ног свалил Робин Гуда он,
Чуть жизни его не лишил.

«Помилуй Боже, вот это удар!
Нужно кончать скорей.
Тебя я мечом навек разлучу
С невестой прекрасной твоей».

И принцу голову Робин срубил
Одним ударом меча,
Она свалилась с широких плеч,
Ругаясь, шипя и ворча[6].

Ярость тогда великанов взяла
По смерти их вожака.
«Пойдешь ты следом, ежели мне
Будет верна рука», —

Так Джон воскликнул, махнув мечом —
Хорош был его клинок, —
На великана обрушил удар
И разом по пояс рассек.

Сражался как лев отважный Скейтлок —
Ох, великан был не рад.
Виль прокричал: «Все втроем вы должны
К чёрту отправиться в ад».

И смертную рану острым мечом
Противнику он нанес.
Корчась в муках, ругаясь, плюясь,
Издох великан, как пес.

И грянул над полем радостный крик,
И обнялись друзья,
Тут же принцесса в себя пришла,
Очнувшись от забытья.

Король, и жена, и красавица дочь
Бегом к героям бегут.
Они благодарны отважным бойцам,
Немолчно хвалу им поют.

«Ответствуй, кто ты, — промолвил король, —
Нам правду открой скорей.
Доблесть твоя говорит о том,
Что ты благородных кровей»[7].

Сказал ему удалой Робин Гуд:
«О милости я молю».
И тот ответил тогда стрелку:
«Под силу всё королю». —

«Прощенья прошу для моих удальцов,
Что в чаще лесной живут.
Вот это Джон, вот Виль Скейтлок,
А сам я — лихой Робин Гуд». —

«Неужто ты Робин? — воскликнул король. —
Ну что же, твои дела
Прощу, так и быть, и отныне за них
Держать я не стану зла.

Принцессе, дочке любимой моей,
Всех сразу не взять в мужья». —
«Пусть дева выберет, кто ей мил, —
Джон молвил, — но вряд ли я».

Ласковым взглядом прекрасных глаз
Обводит принцесса троих
И Виля за руку тут же берет:
«Я выбрала – вот мой жених!»

Тут благородный и знатный лорд,
Граф Максфилд[8], вышел на луг.
В лицо Скейтлоку он заглянул
И горько заплакал вдруг.

«Был мой сынок на тебя похож,
Высок, красив и силен,
Да только пропал и, видно, погиб;
О! Гэмвеллом звался он».

Скейтлок на колени тут же упал,
Вскричав: «Я живой, отец!
К тебе твой Гэмвелл, любимый сын,
Из странствий пришел наконец!»

О, как же крепко они обнялись,
И как ликовали друзья!
Все пошли пировать, ну а после – в кровать,
И того же желаю вам я.

РОБИН ГУД И ШОТЛАНДЕЦ

На север однажды пошел Робин Гуд,
Хэй, даун, даун, э-даун, даун,
Смелее его не сыскать.
Отважно вперед с мечом он идет,
Чтоб право свое отстоять.

Навстречу шотландец, красив да удал, –
И просится в слуги к нему,
Но Робин в ответ кричит: «Ну уж нет,
Тебя я служить не возьму.

Ты верен допрежь никому не бывал,
Слуга из шотландца плохой»[1]. –
«Хозяин, ей-ей, не сыщешь верней,
Я буду хорошим слугой»[2].

....

«Сражайтесь без страха, — так Робин велел
Отважным собратьям своим. —
И нас не побьют, — сказал Робин Гуд, —
Мы правы — и мы победим».

А битва кипела всё горячей,
И Джоки-шотландец[3] сказал:
«Чем с ними сражаться, уж лучше бы я
С женою в постели лежал!»

Врагами был смелый стрелок окружен,
Он с Джоки сцепился в пыли.
Но сдаться нельзя: удалые друзья
К обоим на помощь пришли.

....

О Робине песню сложили давно,
В былые еще времена.
Так пусть же нас Бог хранит от тревог
И сменится миром война.

РОБИН ГУД И ЕГЕРЬ

Едва под лучами весенними стал,
Хэй, даун, э-даун,
Зеленым из белого дол,
Смельчак Робин Гуд, как люди поют,
Развеяться с луком пошел.

Оставил своих он веселых стрелков,
А сам зашагал через луг,
Но егерь лихой вдруг крикнул: «Постой!
Куда ты так быстро, мой друг?»

И Робин сказал: «Для моих удальцов
Оленя иду добывать.
На стол, что ни день, нам нужен олень,
Иль мне вожаком не бывать».

«Здесь лес королевский, — лесничий в ответ, —
Язык придержи-ка, нахал.

Я главный лесник, и я не привык
Чтоб всякий тут вольно стрелял»[1].

Но Робин промолвил: «Тринадцатый год
Дичину я бью по лесам.
Там вольно брожу – и честно скажу,
Что в них заправляю я сам.

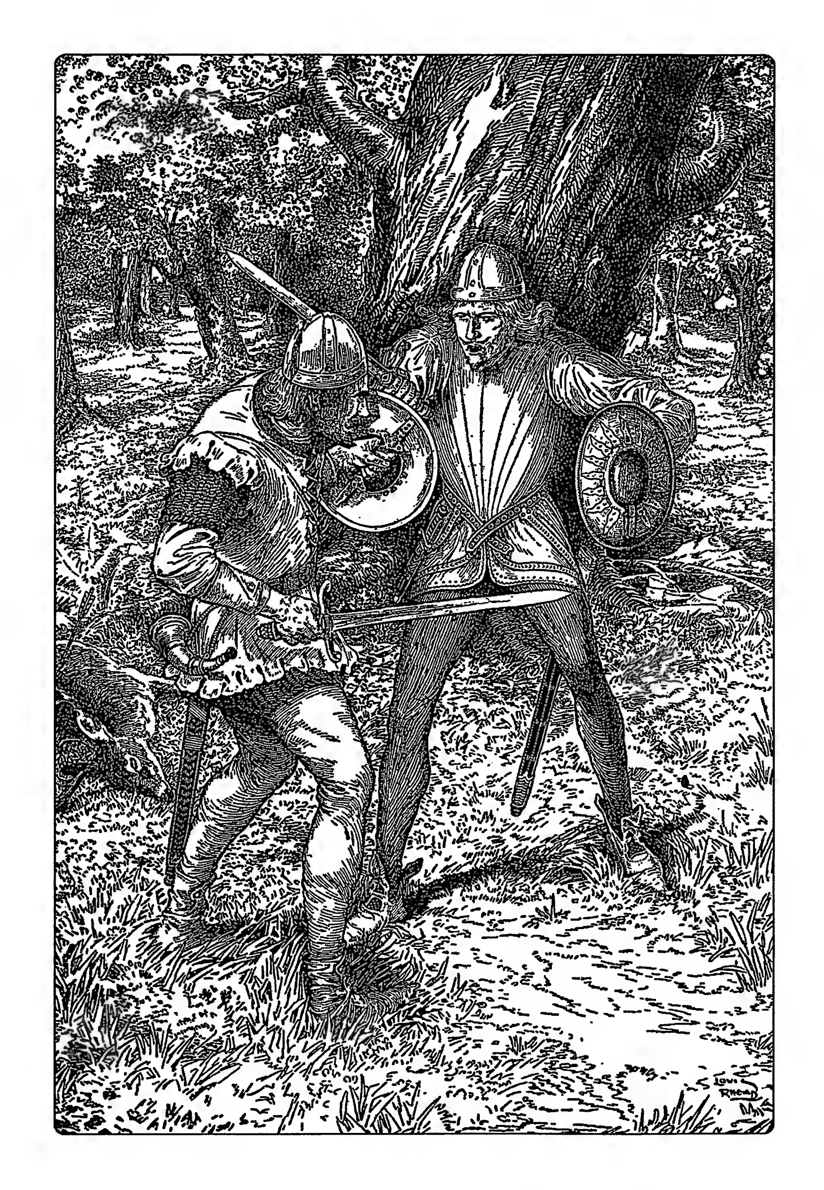
Оленей считаю добычей своей,
Их меткой стрелою губя.
Ей-ей, потому я в толк не возьму,
С чего мне бояться тебя?»

Но был у лесничего меч на боку
И крепкая палка с собой.
Он живо клинок из ножен извлек
И Робина вызвал на бой.

У смелого Робина меч был хорош –
Сдаваться стрелок не хотел.
Силен и удал, он первым напал,
И яростный бой закипел.

Сплеча рубанул его храбрый лесник,
Едва не сломав свой клинок.
Был Робин силен, но дрогнул и он –
Противник свалил его с ног.

Вмиг Робин оправился, живо вскочил
И драться пустился опять.
Удары крепки, мечи – на куски,
Но крови пока не видать.



Пыль застила им глаза, словно дым, | А битва их шла третий час.

Бойцы – за дубинки, ведь каждый из них
Продолжить потеху был рад.
Отважный стрелок сражался как мог,
Ни шагу не делал назад.

Ударами Робин врага осыпал,
И тот отвечал всякий раз,
Пыль застила им глаза, словно дым,
А битва их шла третий час.

И так на стрелка обозлился лесник,
Так двинул дубинкой ему,
Что Робин упал и тут же сказал:
«Чай, ссору нам длить ни к чему.

Ей-ей, признаю: ты отличный боец,
Вовек не встречал я сильней.
Скажу – не совру, что ты ко двору
Придешься в ватаге моей.

В знак дружбы тебе я кольцо подарю,
Отныне мне будешь как брат.
Кто явит в бою отвагу свою,
С тем, право, сдружиться я рад».

Тут Робин протяжно в рожок затрубил,
Шаги зазвучали вокруг:
Вмиг сотня стрелков явилась на зов,
С оружием выйдя на луг.

В богатом плаще во главе удальцов
Шел доблестный Маленький Джон,
И каждый из них, бесстрашен и лих,
Отвесил глубокий поклон.

«А вот мои люди, — сказал Робин Гуд. —
Храбрец, оставайся у нас!
Ты нынче мне друг — плащ, стрелы и лук
Тебе подарю сей же час».

Немедленно егерь согласие дал
И Робина обнял в ответ.
И меткой стрелой под сенью лесной
Олень был добыт на обед.

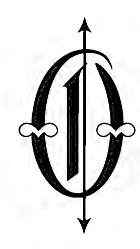
Лесник веселился средь новых друзей,
Те пили до дна за него,
Вся ночь досветла в забавах прошла,
В избытке хватало всего.

Еще никогда он не праздновал так,
Как здесь, у стрелков удалых,
И эль и вино — ведь пить не грешно —
К утру не иссякли у них[2].

Дал егерю Робин охотничьих стрел[3],
И лук, и зеленый наряд,
И вскоре он сам шагал по лесам
И вольной охоте был рад.

Друзьям Робин Гуд обещает: «Никто
Пути не заступит нам впредь!»
В зеленой тени клянутся они,
Коль надобно, с ним умереть.

СМЕЛЫЙ КОРОБЕЙНИК И РОБИН ГУД



Однажды коробейник[1] жил,
  Жил коробейник удалой.
С большим мешком он раз пешком
  Шагал себе в тени лесной,
  Даун, э-даун, э-даун, э-даун,
   Даун, э-даун, э-даун.

Он встретил смелых молодцов,
  Двух молодцов увидел он,
Один из них был Робин Гуд,
  Ну а другой — Малютка Джон.

«Эй, коробейник, что в мешке?» —
  «Да вот две звонких тетивы,
И есть еще отменный шелк,
  Что зеленей лесной травы». —

«Коль ты несешь отменный шелк,
  А с ним две звонких тетивы,

Мы половину заберем:
У нас порядки таковы». –

«Ну нет! – торговец отвечал. –
Нет, нет! Мешка я не отдам,
Клянусь, ни с кем я свой товар
Делить не стану пополам».

Он скинул ношу со спины
И бросил наземь подле ног.
«Коль сдвинете меня на перч[2],
То забирайте мой мешок!»

Малютка Джон достал свой меч,
Но коробейник храбрым был –
Без устали сражался он,
И Джон пощады запросил.

Смеялся Робин от души,
Пока с лужка глядел на них:
«Хоть я и меньше, я бы мог
Побить его и с ним троих».

«А ну, хозяин, – молвил Джон, –
Тогда скорей иди сюда,
Не то меня, свидетель Бог,
Узнаешь ты не без труда».

Тут Робин вытащил свой меч,
Но коробейник храбрым был –
Кровь потекла в лесной ручей,
Пощады Робин запросил.

«Торговец, как тебя зовут?
Мне правду поскорей открой». –
«Ну нет, скажи сначала ты,
Кого я вижу пред собой». –

«Я Робин Гуд, а это Джон,
Мы вольно бродим по лесам».
И коробейник отвечал:
«Я, так и быть, откроюсь вам.

Мое же имя Гэмвелл Голд,
Из-за морей мой путь лежит.
Я из родных краев бежал,
Там кое-кто был мной убит». –

«Коль твое имя Гэмвелл Голд
И из-за моря ты приплыл,
Ты, знать, кузен мой, теткин сын,
И мне вовеки будешь мил!»

Тут молодцы, мечи убрав,
Немедля заключили мир,
Потом в трактир пошли втроем,
И был устроен славный пир.

РОБИН ГУД И НИЩИЙ

[I]

Подите, послушайте вы, господа,
Хэй, даун, даун, э-даун,
Кто любит веселый сказ –
Занятную я вам байку, друзья,
Поведаю сей же час.

В те годы, когда уважаем был
Любой удалой стрелок,
Живал Робин Гуд, как доныне поют,
Никто с ним сравни́ться не мог.

Однажды потешиться Робин решил,
Гуляя в краю лесном.
Он, смел и удал, потягаться желал
Хоть с другом, да хоть и с врагом.

И Робин на резвого сел коня –
Тот стоил десять монет[1].

В зеленый наряд, что радовал взгляд,
Был вольный стрелок одет.

В Ноттингем резво он поскакал,
Чтоб времечко там провести,
Но нищий с сумой, детина лихой,
Попался ему по пути[2].

Плащ старый, залатанный был на плечах —
Давно его нищий носил.
Ох, сколько мешков у него, узелков!
И путника Робин спросил:

«Бог в помощь, Бог в помощь! Откуда бредешь,
Откуда ты держишь путь?» —
«Из Йоркшира я шагаю с утра,
Подайте мне, сэр, что-нибудь». —

«Что хочешь ты, братец? — спросил Робин Гуд. —
Не медли, дай мне ответ».
А нищий сказал: «Ни землю, ни дом,
Лишь пару мелких монет».

«Я сам нынче беден, — Робин в ответ, —
По чаще брожу без дорог.
В округе зовут меня Робин Гуд,
Я вольный лесной стрелок.

И больше того я, бродяга, скажу:
С тобой мы сойдемся в бою.
Вот, плащ я сниму; клади-ка суму,
Бросай-ка рванину свою».

«Ну что же, согласен, — нищий кивнул, —
Ты сам накликал беду.
Надеюсь, урок пойдет тебе впрок:
С твоим кошельком я уйду».

Большую дубину немедля он взял,
А Робин выхватил меч[3].
Ждать нищий не стал и первым напал —
К чему тут долгая речь?

«Сражайся! — крикнул лесной молодец. —
По нраву мне удальство».
А нищий был яр, за каждый удар
Тремя награждал его.

Упорно и рьяно дерутся они
Вблизи городских ворот.
Уж Робин избит — шатаясь, стоит,
И кровь с головы течет.

«Дружок, погоди-ка, — воскликнул стрелок. —
На этом закончим бой».

«Ну что же, как хочешь, — нищий в ответ. —
Но плащ твой возьму я с собой».

«Давай поменяемся», — Робин сказал.
Он лошадь оставил ему,
Сменял свой наряд на сотню заплат,
Забрал и плащ и суму.

Лохмотья серые Робин надел,
И этак взглянул, и так.
«Хоть с виду я нищ — вон сколько дырищ! —
А всякий поймет, что смельчак.

Для корочек есть у меня сума,
Для солода есть мешок.
А в этот карман, пусть он грязен и рван,
Я суну свой звонкий рожок».

Решив подаянья, как нищий, просить,
В Ноттингем Робин бредет.
Что дальше случилось — об этом, друзья,
Поведаю в должный черед.

В город явился лихой Робин Гуд
С сумою, в заплатах сплошь.
Он весел и рад, хоть этот наряд
У нищего лишь и найдешь.

Когда же по улице Робин шагал,
Услышал он горький плач:
Трех братьев лихих, стрелков неплохих
Наутро вздернет палач.

К дому шерифа смельчак поспешил,
Несчастных надеясь спасти.
Видали бы вы, какие прыжки
Выделывал он по пути!

И вышел к нему горделиво шериф,
В шелка дорогие одет.
«Чего тебе дать, изволь мне сказать!»
И молвил Робин в ответ:

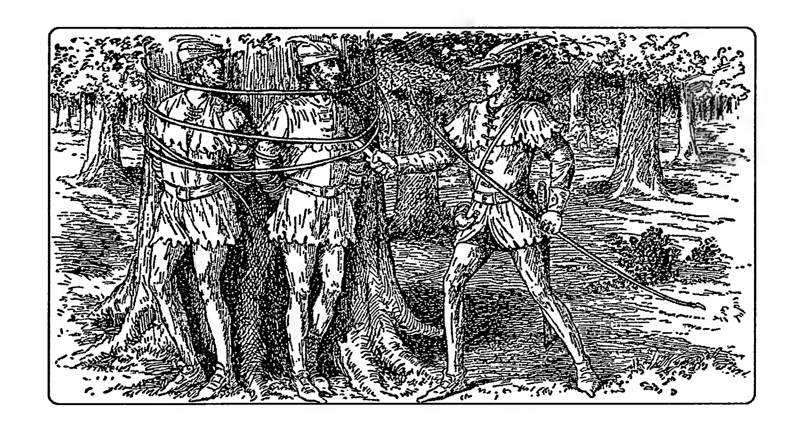
«Не мяса, не хлеба, милорд, не вина
Пришел я сюда просить,
Но милости вашей для трех бедолаг —
Извольте их отпустить». —

«Был ими убит королевский олень,
И вынес решение суд.
Всем, нищий, ясна вполне их вина,
И нынче они умрут».

Многие громко рыдали в толпе,
Глядя, как братьев ведут.
«Клянусь, все трое останутся жить», —
Воскликнул тогда Робин Гуд.

Звонкий рожок приложил он к губам
И вмиг протрубил призыв.
Сбежалась к нему толпа молодцов,
Стал бледен как смерть шериф.

«Каков, хозяин, твой будет приказ?
Явились мы дружно на зов». —
«Стреляйте на север, стреляйте на юг,
Не смейте щадить врагов».



Меткие стрелы вонзаются в цель,
Слетая с тугой тетивы.
Шериф со всех ног бежит наутек,
А слуги его мертвы.

Трем братьям свободу дали стрелки
И увели их с собой.
Немало людей погибло в тот день,
Кровавым выдался бой.

Друзья возвратились в зеленый лес,
Где горя никто не знал,
И Робин в компанию вольных стрелков
Трех братьев охотно взял.

РОБИН ГУД И НИЩИЙ

[II]

Эй, господа, чей род высок[1],
    Коль сказ мой будет мил,
Я вам спою, как Робин Гуд
    Потешиться решил.

Из Бернисдейла он ушел
    Однажды вечерком,
И было зелено в лесу,
    И всё цвело кругом.

Тут дюжий нищий на тропе
    Ему попался вдруг:
Дубинку крепкую он нес,
    На фут длиннее рук.

Дырявый плащ его спасал
    От холода в пути,
Ведь был навернут много раз,
    Не меньше двадцати.

Сума у парня на боку
    Даяньями полна,
Широкой пряжкою не зря
    Застегнута она.

Три колпака на голове
    Тесемкой скреплены —
Ему в полях ни дождь, ни град,
    Ни ветер не страшны.

Веселый Робин подошел
    Взглянуть, кто он такой,
И, может, взять с него деньжат,
    Хотя бы пенс-другой.

«Постой, — промолвил Робин Гуд, —
    Давай поговорим».
Но нищий в спешке ни словцом
    Не обменялся с ним.

«А ну замри, раз я велю!» —
    Стрелок кричит опять,
Но молвит нищий: «Недосуг
    Мне здесь с тобой стоять.

Ведь коль собратья без меня
    Усядутся за стол,
То сам я буду виноват,
    Что раньше не пришел».

«Клянусь, — ответил Робин Гуд,
    Взглянувши на него, —
Тебе свой ужин, вижу я,
    Дороже моего.

Голодным сам хожу с утра,
В трактире бы засесть,
Но, если я зайду туда,
Вмиг спросят: “Деньги есть?”

Ты дай мне в долг, а я верну,
Как встретимся опять».
Но нищий буркнул: «Нет! Взаймы
Я не привык давать.

Ты так же молод, как и я,
Да, видно, сумасброд.
Коль ждешь ты денег от меня,
То жди хоть целый год». —

«Недаром мы сошлись с тобой, —
Стрелок сказал ему, —
И, будь лишь фартинг[2] у тебя,
Его я отниму.

А потому свой драный плащ
Бросай-ка на траву,
Снимай суму, не то с тебя
Я сам ее сорву.

А если вздумаешь шуметь,
Запомни наперед:
Моя широкая стрела[3]
Легко тебя проткнет».

С улыбкой нищий говорит:
«Ты думаешь, я трус?
Твой лук и крив и слаб на вид,
Его я не страшусь.

Жестокий нищий

Я не боюсь и стрел твоих –
 На что они годны?
Вот разве на веретено
 Сгодятся для жены.

Ты ни за что не причинишь
 Вреда мне, пустобай.
Заместо денег только шиш
 Получишь, так и знай».

Тут Робин Гуд схватил свой лук
 И, в гневе скор и рьян,
Достал стрелу – как до́лжно, был
 Набит его колчан.

Но палкой так ему поддал
 Оборвыш удалой,
Что разом выбил у него
 Лук вместе со стрелой.

Схватился Робин Гуд за меч,
 Да не успел достать,
Ведь нищий, не жалея плеч,
 Огрел его опять.

С тех пор два месяца, ей-ей,
 За меч не брался он!
И не бывал стрелок сильней
 Ни разу огорчен.

Ни драться, ни бежать не мог,
 Стал свет ему немил,
А нищий вдоль и поперек
 Его вовсю лупил.

И по спине, и по бокам,
В загривок и в живот
Он бил без устали стрелка,
Пока не рухнул тот.

Воскликнул нищий: «Эй, вставай,
Ведь это стыд и срам!
Терпи, покуда я тебе
Всех денег не отдам!

Потом в трактир ступай скорей,
Вином уставь весь стол
И хвастай там среди друзей,
Как славно день прошел».

Стрелок словца не произнес,
Ведь был он еле жив —
Пластом, белее полотна,
Лежал, глаза смежив.

Подумал нищий: «Умер он» —
И прочь пошел тотчас.
Хоть Робин в схватке побежден,
Не кончен мой рассказ.

На счастье, три лесных стрелка
Из города идут
И видят, что лежит без чувств
Избитый Робин Гуд.

Они, носилки смастерив,
Снесли его в лесок,
Но вот виновника узреть
Никто из них не смог.

А Робин бледен неспроста:
  Хоть нету ран на нем,
Да кровь густая изо рта
  Бежит-течет ручьем.

Водою друг его облил,
  Холодной, ключевой,
И Робин Гуд глаза открыл
  И молвил: «Боже мой».

«Хозяин, что с тобой стряслось?
  Поведай поскорей!»
Вздохнул стрелок и рассказал
  Им о беде своей.

«Без малого я сорок лет
  Зеленый лес стерег,
Но не бывал так тяжко бит
  За этот долгий срок.

От нищего в худом плаще
  Я зла не ждал отнюдь,
Но он меня отделал так,
  Что не убил чуть-чуть.

Смотрите, лезет он на холм,
  Со шляпой на башке.
Скорей за ним: проклятый плут
  Еще невдалеке!

Его все вместе вы сюда
  Тащите-ка, друзья,
И пусть он кару понесет,
  Пока не помер я.

А коль упрется негодяй,
Пусть ляжет прямо там,
Ведь если он опять сбежит,
То будет сущий срам».

Один сказал: «Ты, Робин, плох –
Останусь-ка я тут.
Они, пожалуй, и вдвоем
Бродягу приведут».

«Ну что ж, – промолвил Робин Гуд, –
Я вас предостерег:
Боюсь, что вам он надает
И вдоль, и поперек». –

«Хозяин! Страх напрасен твой –
Неужто не побьем
Мы попрошайку-голяка,
Накинувшись вдвоем?

Он не успеет палку взять
И показать свой нрав –
Мы приведем его сюда,
Как следует связав.
Повесь его иль заруби,
И всяко будешь прав». –

«Хитрее действуйте, друзья!
Коль он раскусит вас –
Дубинкой крепкою своей
Попотчует тотчас».

Теперь оставим мы стрелка:
Потея и пыхтя,

Он снова учится ходить,
Как малое дитя.

О смелом нищем расскажу
Вам дальше без труда:
Шагал он резво, никому
Не делая вреда.

Стрелкам знакомы те места,
Знаком овраг любой.
Они срезают мили три,
Пойдя другой тропой.

Друзья бежали, лезли вброд,
Скакали через грязь,
Канав, пригорков и болот
Нисколько не боясь.

И, нищего опередив,
В зеленый дол они
Примчались, в заросли вошли
И спрятались в тени.

Они стояли средь ветвей,
Укрывшись за стволом,
И нищий мимо них прошел,
Не ведая о том.

Шагал себе он напрямик –
Те выскочили вдруг,
Один дубинку вырвал вмиг
У путника из рук.

Другой стал нищему грозить,
К груди приставив нож:
«А ну сдавайся, негодяй,
Иначе ты умрешь».

Стрелок, дубинку отобрав,
Ее откинул прочь.
Жалел бродяга: ведь она
Могла ему помочь!

Был нищий крепок и высок,
Обоих их сильней,
Но он отпор им дать не мог
Дубинкою своей.

Не зная, что́ они хотят
И ждет ли кто вокруг,
Решил бедняга, что навряд
Уйдет из вражьих рук.

«Христовым именем молю
О милости, друзья!

Эй, убери свой жуткий нож –
  И так напуган я!

Я в жизни вам не досаждал
  И не чинил помех.
Простого нищего убить –
  Ведь это тяжкий грех!» –

«Ты врешь, подлец! – ему ответ. –
  Не трать на клятвы сил,
Ведь ты славнейшего стрелка
  Едва не погубил.

Тебя обратно мы сведем,
  И пусть решает он:
Захочет – вздернут будешь ты,
  А нет – мечом казнен».

Увидел нищий, что они
  Ему желают зла,
Что милости не стоит ждать,
  Что смерть за ним пришла.

Ах, если б вырваться он смог,
  Дубинку подобрать,
Не удалось бы, видит Бог,
  Схватить его опять!

Тогда задумал он схитрить,
  Чтоб, если повезет,
Стрелкам покрепче насолить,
  А не наоборот.

Врагов желая обмануть,
Согнулся вдвое он.
На счастье, сильный ветер дуть
Стал в аккурат на склон.

«Меня оставьте вы, друзья,
Явите доброту.
Что толку, коль погибну я?
Скажу начистоту:

Пускай его поколотил,
Чтоб битым не ходить,
Но за побои, в меру сил,
Намерен заплатить.

Коль пощадите вы меня,
Подарок будет вам —
Клянусь, сто фунтов серебром
Немедленно отдам.

Я их собрал за много лет,
И людям невдомек,
Что столько денег я в суме
До этих пор берег».

Стрелки его пустили враз,
Решив промеж собой:
«Не сможет он сбежать от нас
С тяжелою сумой».

Они хотят, монеты взяв,
Беднягу порешить,
Чтоб не пришлось его с собой
К хозяину тащить.

Мол, не прознает нипочем
Про деньги Робин Гуд.
Довольно, что они вдвоем
Обидчика убьют!

Друзья промолвили: «Ты прав,
Скорей тряси мошной!
За твой проступок это штраф,
Ей-богу, небольшой.

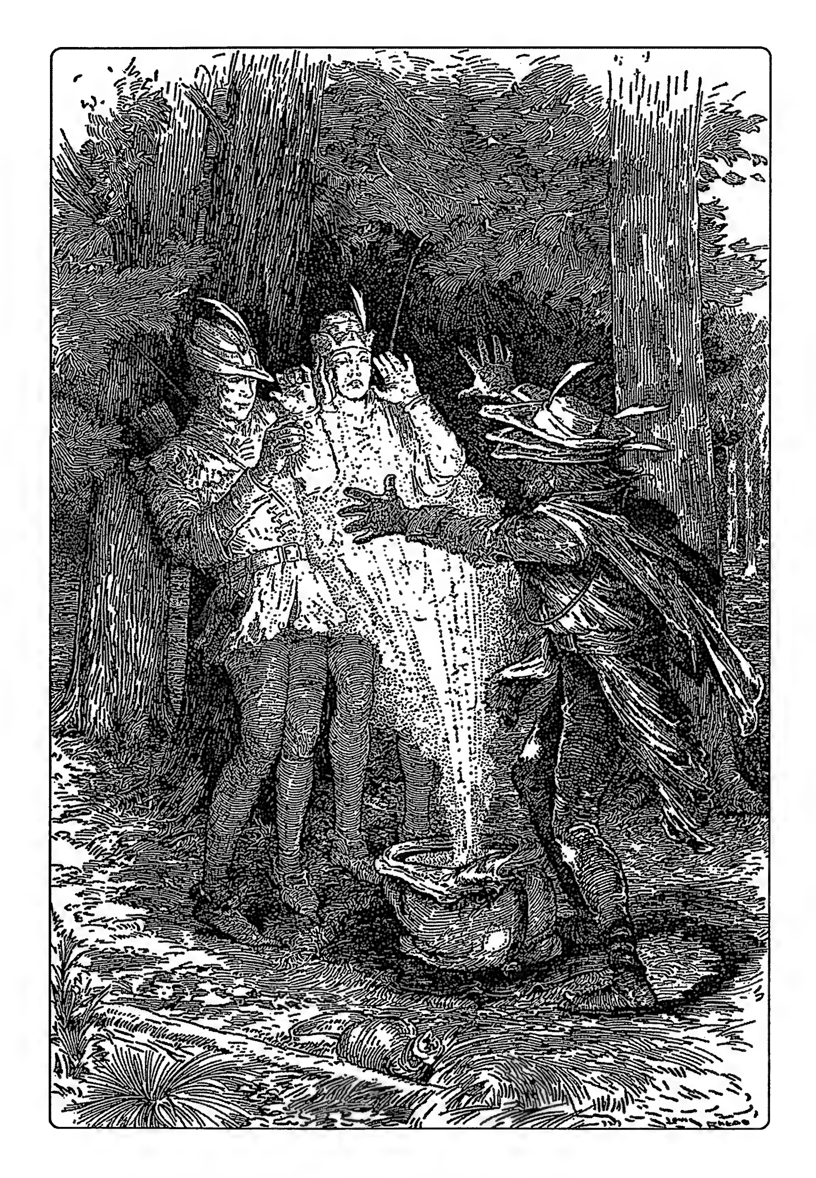
Тебя отпустим, грязный плут,
И цел уйдешь от нас,
Коль то, о чем поведал тут,
Отдашь нам сей же час».

Тут нищий скинул старый плащ,
Что весь залатан был,
И тьму котомок и мешков
На рвани разложил.

Потом он снял суму, а та
Была еды полна.
Должно, два пека[4] без труда
Вместила бы она.

Склонился нищий, из нее
Выкладывая снедь.
Стрелки, как он и замышлял,
Нагнулись поглядеть.

А он тогда, ржаной муки
Набравши две горсти,
Швырнул в глаза им мастерски
И ослепил почти.



А он тогда, ржаной муки | Набравши две горсти, |
Швырнул в глаза им мастерски | И ослепил почти.

Пока бранились молодцы,
Не видя ничего,
Бродяга — прыг! — и вновь в руках
Дубинка у него.

«Коль я запачкал вам плащи
И тем нанес урон,
Сейчас дубинкой отряхну!» —
Со смехом молвил он.

И, прежде чем глаза протер
Хотя б один из них,
Он им ударов отсчитал
С лихвою на двоих.

Юнцы ударились бежать,
Пустились наутек —
Их нищий не сумел догнать,
Хоть был он быстроног.

«Куда спешите вы, друзья?
Извольте подождать!
Ведь даже деньги из сумы
Я не успел достать.

А коль глаза вам засорил,
Когда залез в муку,
Прочистить их, по мере сил,
Дубинкою могу!»

Но каждый, прикусив язык,
Скорее удирал.
А нищий взял свою суму
И дальше зашагал.

Когда опомнились друзья,
Уже сгустился мрак.
Ну был и вид, скажу вам я,
У этих бедолаг!

«Увы, хозяин, мы его
Настигнуть не смогли».
Промолвил Робин: «Вы, гляжу,
На мельницу зашли.

Там, видно, прямо на муке
Вам разрешили спать —
Теперь по цвету вас легко
За мельников принять».

Они, потупившись, молчат,
Владеет ими страх.
«Друзья, ей-богу, вы едва
Стоите на ногах.

Хочу услышать правду я:
И что стряслось у вас,
И где тот нищий удалой,
О ком был мой приказ».

Стрелки ему открыли всё,
О чем я рассказал:
Как их бродяга, ослепив,
За жадность наказал

И как дубинкою своей
Потом отколотил,
А после — в сумерках исчез,
И след его простыл.

Да как они брели назад,
Как всё у них болит...
Воскликнул громко Робин Гуд:
«Какой позор и стыд!»

Хоть славный Робин и жалел,
Что не был отомщен,
Но на побитых молодцов
Глядел с улыбкой он.

Сюда подите, господа,
Даун, э-даун, э-даун, э-даун,
Послушайте рассказ.
О смелом Робине-стрелке
Поведаю сейчас,
Даун, э-даун, и т. д.

Когда, ища себе утех,
Он по лесу гулял,
Набрел на парня-пастуха,
Что на траве лежал.

«Эй, поднимайся поскорей
И открывай суму:
Хочу взглянуть я, что внутри», –
Стрелок сказал ему.

Пастух ответил: «Эй, гордец,
А ты-то что за спрос?

Кто позволенье дал тебе
Ко мне совать свой нос?» –

«Мой меч, висящий на боку,
Мне позволенье дал.
Делись добром своим, не то
Поплатишься, нахал». –

«Иди ты к чёрту! Я суму
Отдам тебе свою,
Когда докажешь, что не трус,
Побив меня в бою». –

«Каков заклад? – спросил стрелок. –
Давай держать пари.
Вот двадцать фунтов я кладу –
Коль победишь, бери».

Пастух, изрядно удивлен,
Сказал: «Я небогат –
Вот разве сумка да бутыль
Сгодятся под заклад». –

«С тебя довольно, свинопас,
Клади-ка их сюда.
Но двадцать фунтов ты возьмешь,
Клянусь, не без труда!» –

«Так доставай, гордец, свой меч
И придержи язык.
Обиды наглым хвастунам
Спускать я не привык».

Тут поединок закипел
В густой тени лесной,
И с десяти до четырех
Жестокий длился бой.

Стрелок удары отбивал
Щитом, как только мог,
И под клюкою пастуха
Звенел его клинок.

Пастух проворно подскочил
И лоб ему рассек.
Облившись кровью, на траву
Упал лесной стрелок.

«Вставай, гордец и пустозвон, –
Пастух сказал ему. –
А коль не можешь, кончен спор,
Я твой заклад возьму».

«Постой, – промолвил Робин Гуд, –
Прошу я одного:
Позволь мне взять мой звонкий рог
И протрубить в него».

«Исполню я твою мольбу,
Труби хоть целый час,
Но ни на шаг не отступлю», –
Ответил свинопас.

Тут Робин Гуд поднес к губам
Охотничий рожок,
И завиднелся Крошка Джон,
Бежавший со всех ног.

«Ответь, гордец, кто это там
Спускается с холма?» –
«То Крошка Джон, и он тебе
В башку вобьет ума». –

«Хозяин, что с тобой стряслось?» –
Воскликнул Крошка Джон.
«Взгляни, вот пастырь удалой,
Мне трепку задал он». –

«Я буду рад, – промолвил Джон. –
Пастух, сойтись с тобой –
Дерись иль ноги уноси,
Не принимая бой!» –

«Охотно я с тобой схвачусь!
Не скажут никогда,
Что не сумел в бою врагу
Я нанести вреда».

Никто в сраженье отступить
Не хочет ни на шаг.
Грозится Джон: «Я погляжу,
Что это за смельчак».

Тут в челюсть двинул от души
Ему клюкой пастух.
«Вот подлый, черт возьми, прием!
Чтоб ты, наглец, распух!»

Тот молвил: «Это пустяки!
Сдавайся поскорей,
Иль станешь ближе ты знаком
С дубинкою моей». –

«Ты правда думаешь, нахал,
Что победишь меня?
Ну нет, сражаться я готов
Хоть до исхода дня!»

Пастух стал Джона молотить
От маковки до пят,
И Робин крикнул: «Я решил
Отдать тебе заклад!»

«Клянусь, с тобой согласен я! —
Воскликнул Крошка Джон. —
Еще не знал я пастуха,
Что был бы так силен»[1].

На сем, любезные друзья,
Окончу я рассказ
Про то, как победил стрелков
Отважный свинопас.

ТОРЖЕСТВО РОБИН ГУДА

Поют порой о королях,
Даун, э-даун, э-даун, э-даун,
О рыцарях поют,
А я спою, как жил в лесу
С друзьями Робин Гуд,
Даун, э-даун, э-даун, э-даун.

Был каждый знатен, но ушли
В изгнание они
И жить на воле предпочли –
Так пели в оны дни.

И вот случилось как-то им
Искать себе забав,
Бродя по тропкам потайным
В тени густых дубрав.

Так развлекались в летний день
Веселые стрелки.

Вдруг трое вышли из кустов –
  По виду лесники.

У них широкие мечи,
  У них с собой указ,
Они велят друзьям стоять,
  Заметив их, тотчас.

«Вы кто? – воскликнул Робин Гуд. –
  С чего вы так бойки?» –
«Сюда прислал нас государь[1],
  И здесь мы лесники». –

«Да чтоб вас черт побрал, вруны, –
  Стрелок ответил им. –
Я докажу, что это мы
  Зеленый лес храним.

А ну-ка куртки на кусты
  Повесьте поскорей,
Мечи берите и щиты –
  Посмотрим, кто сильней». –

«Ну что ж, разбойник, по рукам!
  Мы, как и вы, втроем,
И некого бояться нам,
  Ведь мы закон блюдем!»[2] –

«Кого бояться, лесники,
  Узнаете сейчас!
Сам Робин Гуд, что правит тут,
  Побьет сегодня вас». –

«Мы вызов приняли, изгой,
И, Бог даст, победим.
Начнем с тобой жестокий бой,
Умрем, но не сбежим.

Робеть, клянусь, я не привык
И трусов не терплю, —
Так старший отвечал лесник. —
Послужим королю!

Один на Джона нападет,
На Скарлета — другой,
А мне достанется главарь,
Разбойник удалой».

И битва вспыхнула тотчас,
Жестока, горяча.
Никто с восьми до двух часов
Не опустил меча.

Врагу отважные стрелки
Поблажки не дают,
Но нету больше сил у них,
И просит Робин Гуд:

«Эй, храбрецы, я признаю —
Досталось нам с лихвой.
Позвольте, в рог я протрублю,
И мы продолжим бой». —

«Ну нет, отважный Робин Гуд,
Не затрубишь ты в рог,
Хоть он и не заставит нас
Пуститься наутек.

А ну сдавайся, удалец,
Пока еще живой.
И ты ничуть не страшен нам,
И те, кто здесь с тобой». —

«Коль так, откройте поскорей,
Как вас, друзья, зовут?
Вам будут славу петь в лесу», —
Промолвил Робин Гуд.

«Зачем вам наши имена? —
Один лесник спросил. —
Клянусь, чтоб вызнать их у нас,
Стрелкам не хватит сил». —

«И впрямь вы, вижу, смельчаки.
На сем закончим бой,
Пойдемте в Ноттингем и всё
Уладим меж собой.

Кто крепче, в споре за столом
Проверим без помех.
Тряхну я нынче кошелем
И заплачу за всех!

И вас охотно я приму
В компанию свою:
Мне тот по нраву, кто не трус,
Кто рьян и смел в бою».

Пить мировую удальцы
Тотчас пошли в трактир.
И эль хмельной там тек рекой,
И весел был их пир.

РОБИН ГУД И КОРОБЕЙНИКИ

О трех молодцах, стрелках удалых
Хотите ль послушать рассказ?
Я вам удружу, про них расскажу
Занятную байку сейчас.

Все знатных кровей они, ей-же-ей,
Их нрав безбоязнен и лих,
И стрелы длинны, и руки сильны,
Досель не видали таких.

Однажды в тени шагали они
По Шервуду в солнечный день;
Отнюдь не секрет, что им на обед
Пошел королевский олень.

Глядит Робин Гуд: торговцы бредут
Тихонько дорогой лесной,
Нехитрый товар несут на базар
В тяжелых мешках за спиной.

Неведом им страх — дубинки в руках
    Надежны, длинны и крепки.
Приятели в ряд шагают-спешат,
    Полны за плечами мешки.

«Торговцы идут, — шепнул Робин Гуд
    Своим развеселым друзьям. —
На них нападем, добро отберем,
    За так им пройти я не дам.

Не стоит спешить! — гостям он сказал. —
    Куда же вы держите путь?
Подите сюда — не будет вреда,
    Коль вы отдохнете чуть-чуть». —

«Нам некогда, друг, теперь недосуг,
    На ярмарку держим мы путь».
А Робин в ответ: «Даю вам совет
    Чуток всё равно отдохнуть».

Торговцы спешат, они не хотят
    Померяться силой в бою,
Но Робин опять кричит им: «Стоять!
    Зашли вы на землю мою.

Коль лес этот мой — порядки мои,
    И это усвоите вы!
Вас, верно, зовут явиться на суд,
    Где вам не сносить головы»[1].

Торговцы назад лишь кинули взгляд —
    Кто бранью им сыплет вослед?
И снова пошли, в поту и в пыли,
    Ни слова не молвив в ответ.

Проворен и смел, из дюжины стрел
Одну взял разбойник лихой.
Остра, тяжела, вонзилась стрела
В набитый мешок за спиной.

Господь уберег — когда б не мешок,
То путник бы умер тотчас.
Кольнула слегка стрела паренька,
Но всё же мешок его спас.

Торговцы, застыв, мешки положив,
Не знают, что делать, и ждут.
«А кто виноват? Стой, коли велят», —
Смеясь, говорит Робин Гуд.

«Эй ты, господин, — грозится один, —
Башку я тебе разобью!» —
«Бахвалиться брось: хоть вместе, хоть врозь
Со мной вам не сладить в бою!

Знакомьтесь: зовут меня Робин Гуд,
А это вот Скарлет и Джон.
Клянусь, мы втроем легко вас побьем,
Не лезьте, друзья, на рожон».

У Робина лук вдруг выбил из рук
Торговец, хватив кулаком.
Джон ростом немал, но чуть не упал,
А Виль растянулся ничком.

«Нет, так не пойдет! — кричит Робин Гуд. —
Ведь мы без дубинок пока.
Сейчас мы втроем их дружно возьмем
И вам наломаем бока».

Торговец бурчит (зовут его Кит):
  «Готовы мы вас подождать».
Тянуть не с руки: желают стрелки
  Покрепче гостям наподдать.

И бой закипел, и каждый хотел
  Врага посильнее огреть.
Что сняли мешки они со спины,
  Торговцам пришлось пожалеть.

Но, Бог их храни, лупили они,
  Ни рук не жалея, ни сил.
Досталось стрелкам сполна по бокам —
  Стал свет бедолагам не мил.

Кит Робину — хлоп! — дал палкою в лоб, —
  Ох, громкий, ей-богу, был стук!
Отважный стрелок подшибленный лег,
  И лес завертелся вокруг.

Джон крикнул: «А ну, постойте, бойцы!»
  И Виль попросил обождать:
«Хозяин убит, он мертвый лежит,
  Ему уж, ей-богу, не встать».

«Господь сохранит! — ответил им Кит. —
  Нам всем по душе Робин Гуд,
Но должен он знать: не стоит мешать
  Торговцам, что в город идут.

Бедняге я дам целебный бальзам,
  Он живо излечит стрелка. —
И Робину в рот немедля он влил
  Из фляги четыре глотка. —

И вот что, друзья, советую я
Придерживать впредь языки,
Не то все кругом узнают о том,
Как были побиты стрелки!»

Кит первым идет с поклажей вперед,
Друзья его — следом за ним.
Горюют стрелки: считать синяки
Осталось собратьям лесным.

А Робин взбешен: распробовал он
Бальзам, что его воскресил,
Изверг его весь, и адову смесь
Он долго еще поносил.

Стоят Виль и Джон с обеих сторон,
На Робина молча глядят.
Тот грязен и зол — уж лучше б прошел
Он мимо трех смелых ребят.

О сем не забудь, внимательней будь,
Врага вызывая на бой,
Ведь ежели он могуч и силен,
Расправится живо с тобой.

РОБИН ГУД И АЛЕН-Э-ДЭЛ

одите сюда, собирайтесь вокруг,
    Кто любит веселый сказ,
И я расскажу о лихом стрелке,
    Что жил задолго до нас —
В Ноттингемшире этот стрелок
    Жил задолго до нас.

Однажды стоял Робин Гуд в тени —
    Среди листвы не найдешь.
И юноша шел по лесной тропе,
    Отважен и так хорош!

Сверкал на нем дорогой наряд,
    Был плащ его ярко-ал.
Он быстро шагал через лес и дол
    И звонко рондель[1] напевал.

В дубраве наутро стоял Робин Гуд,
    Где славно гулять весной.

Тут глядь — бредет знакомый юнец
В зеленой тени лесной.

Было на алом его плаще
Не меньше десятка дыр,
И путник вздыхал на каждом шагу:
«Увы мне! Жестокий мир!»

Тут вышли Ник[2] и Маленький Джон,
Что стоил один двоих,
И юноша мигом снял лук с плеча,
Как только увидел их.

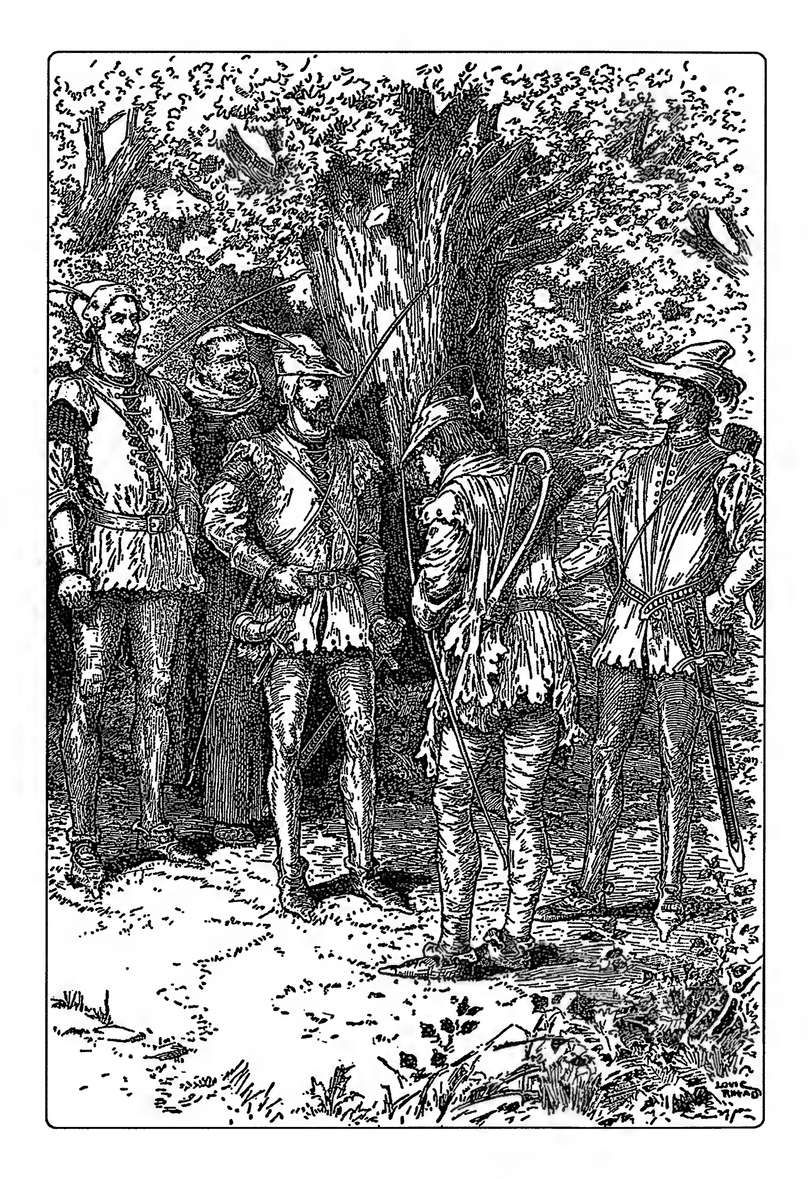
«Ни шагу! Ни шагу! — сказал паренек. —
Что хочет лесной народ?» —
«Идем-ка с нами! Хозяин наш
Под деревом гостя ждет».

Учтиво юношу Робин спросил,
Сидя под тенью дубка:
«Скажи, для меня и друзей моих
Щедра ли твоя рука?» —

«Я беден; всего у меня с собой
Пять шиллингов, видит Бог,
Да это кольцо, что для свадьбы я
Нарочно семь лет берег.

С любимой венчаться вчера хотел —
Родня разлучила нас.
Как в жены ее отдадут старику,
Я с горя умру тотчас». —

Ален-э-Дэл



«Увы, нет золота, — Ален сказал, — | И нет серебра у меня, |
Но я на Библии клятву дам | Служить вам с этого дня».

«Имя свое назови поскорей», —
Юноше Робин велел.
«Богом клянусь, — бедолага сказал, —
Зовусь я Ален-э-Дэл». —

«А сколько заплатишь ты, Ален-э-Дэл,
Золотом иль серебром,
Если прекрасную деву твою
Разыщем мы и вернем?» —

«Увы, нет золота, — Ален сказал, —
И нет серебра у меня,
Но я на Библии клятву дам
Служить вам с этого дня». —

«Теперь ответь же, душой не кривя,
Далёко ли нам идти?»
Ален промолвил: «Богом клянусь,
Всего-то пять миль пути».

И Робин пошел по зеленым лугам,
Явился он ясным днем
В ту церковь, где дева предстать должна
С немилым пред алтарем.

Епископ спросил: «Что ищешь ты здесь?
Немедленно мне ответь!»
«Арфист я, — сказал ему Робин Гуд, —
Прошу позволенья спеть». —

«О, музыке буду я очень рад!»
Но молвил ему Робин Гуд:
«Хочу молодых я сперва увидать,
Пускай же они подойдут».

Суров, седовлас и богато одет,
Идет к алтарю жених,
Нежна, как цветок, невеста за ним,
В сиянье кудрей златых.

«Уж больно неравный это союз, –
Лесной стрелок рассудил. –
Так пусть выбирает невеста сама,
Кто ей поистине мил».

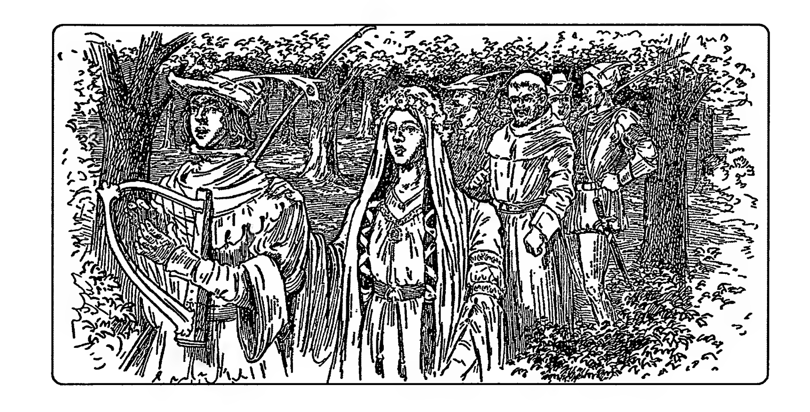
Тут Робин начал громко трубить,
К губам поднеся рожок.
И двадцать четыре смелых стрелка
Примчались к нему со всех ног.

К церкви стремглав прибежали они
И стали тотчас вокруг,
И первым средь них был Ален-э-Дэл,
Он Робину подал лук.

«Ален, ну вот и невеста твоя,
Я слово сдержал сполна.
Немедля венчайтесь – уйдете вы
Отсюда как муж и жена».

Но крикнул епископ: «Клянусь, что нет!
У нас не водится так!
Я трижды согласья их должен спросить,
Чтобы законным был брак»[3].

Тут Робин с епископа ризу стянул:
«А ну-ка, надень ее, Джон!
Клянусь, одежда творит господ»[4], –
Со смехом промолвил он.



В алтарь ввалился Маленький Джон,
И церковь смех огласил.
Пред Богом согласия юной четы
Он целых семь раз спросил!

«Кто девушке стал посажёным отцом?» —
«Я! — Робин Гуд говорит. —
А тот, кто у мужа отнимет ее,
Жестоко будет побит».

Свадьбу сыграли — Ален был рад,
Смеялась его жена.
И в лес все отправились, где листва
Весною так зелена.

РОБИН ГУД ИДЕТ В НОТТИНГЕМ

Был статным парнем Робин Гуд,
Дерри, дерри, даун,
В свои пятнадцать лет,
Таких отважных молодцов
Немного видел свет,
Хей, даун, дерри, дерри, даун.

Вот в город Ноттингем идет
Обедать Робин Гуд,
Глядит: пятнадцать лесников
Вино и пиво пьют.

«Хотите новость? — он спросил. —
Зовет лихих стрелков
На состязание король,
И я, клянусь, готов!»

Смеются все над ним в ответ:
«Ты слишком юн и хил,

И лук как следует согнуть
Тебе не хватит сил!» –

«Поставлю двадцать марок я,
Что, к вашему стыду,
В оленя с пятисот шагов
И в прутик попаду!» –

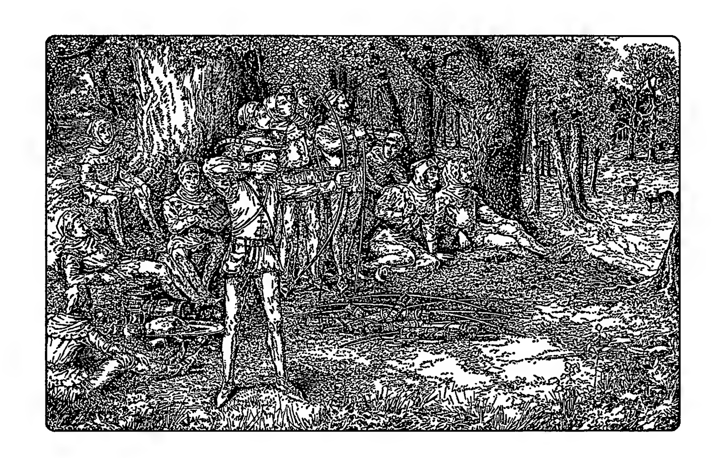
«Мы принимаем этот спор!
Стреляй хоть целый день,
Ты и в мишень не попадешь,
И убежит олень».

Тут Робин взял надежный лук,
И был тот лук немал.
Он и в оленя, и в мишень
Играючи попал.

Сломал оленю два ребра,
А может, целых три;
Его стрела, пройдя насквозь,
Торчала изнутри.

Олень рванулся, прыгнул раз
И наземь мертвым лег.
«Давайте выигрыш сюда», –
Потребовал стрелок.

«Ну нет, – сказали лесники. –
Верна твоя рука,
Но лучше мимо проходи,
Не то намнем бока».



Отважный Робин за плечо
Закинул крепкий лук
И, улыбаясь, зашагал
Спокойно через луг.

Тут глядь – он стрелами разит
Лесничих всех подряд.
И вот недвижно на земле
Четырнадцать лежат.

А тот, кто ссору затевал,
Пустился наутек,
Но сей же миг остановил
Его лихой стрелок.

«Эй, повтори еще разок,
Что я и слаб, и мал! –
И Робин сердце леснику
Стрелою разорвал. –

Я безутешно горевать
Оставлю ваших вдов[1]
За то, что много услыхал
От вас обидных слов».

Тут вышли жители толпой
Из-за высоких стен:
Тела лесничих подобрать,
А Робина взять в плен.

Но вот одни бредут без рук,
Других без ног несут,
И с верным луком в лес спешит
Отважный Робин Гуд.

А люди в славный Ноттингем
Убитых отнесли
И на кладбищенском дворе
Их рядом погребли.

РОБИН ГУД СПАСАЕТ ТРЕХ ЮНОШЕЙ

Двенадцать месяцев в году,
    Как люди говорят,
Но маю больше остальных
    От веку всякий рад.

Однажды Робин в город шел,
    Чтоб время провести,
И старушонку, всю в слезах,
    Он встретил по пути.

«Какие вести? Что стряслось?
    Мне поскорей ответь». –
«Трех сквайров суд приговорил
    Меж двух столбов висеть». –

«Они, быть может, церкви жгли,
    Поправ святой закон,
Иль совращали юных дев
    И соблазняли жен?» –

«Не жгли, сынок, они церквей,
Блюли святой закон,
Не совращали юных дев,
Не соблазняли жен». —

«Так, право, в чем же их винят?
Скажи скорее мне!» —
«Они оленей короля
Стреляли по весне». —

«Когда-то, — молвил удалец, —
Ты мне дала приют
И знай, что вспомнил в нужный час
Об этом Робин Гуд».

Шагает Робин в Ноттингем,
Спешит, не чуя ног.
Глядь — в ту же сторону бредет
Паломник-старичок.

«Какие вести, пилигрим?
Скорее мне ответь!» —
«Трем сквайрам суд определил
Меж двух столбов висеть». —

«Свою одежду мне отдай,
А сам возьми мою.
Я сорок шиллингов к тому ж
На эль тебе даю».

Сказал паломник: «Мой наряд
Заплатанный, дрянной,
А твой хорош — как видно, ты
Смеешься надо мной». —

«Снимай одежду, старый хрыч, | А сам бери мою!»

«Снимай одежду, старый хрыч,
А сам бери мою!
Я двадцать золотых монет
На эль тебе даю».

Взял Робин шляпу старика –
У ней был жалкий вид.
«Коль мне придется в бой вступить,
Она легко слетит».

Потом накинул старый плащ,
Что из обрезков сшит,
И взять с объедками суму
Он не почел за стыд.

Потом стрелок надел штаны
С заплатой между ног,
Сказав: «Воистину смирен
Ты, добрый старичок».

Потом он натянул чулки,
В цветных заплатах сплошь.
«Должно быть, я со стороны
На пугало похож!»

Потом обул он башмаки –
А каждый был с дырой.
«Одежда делает людей», –
Решил стрелок лесной.

Приходит Робин в Ноттингем,
Оборван и смирен,
Глядит: а там шериф-гордец
Гуляет подле стен.

«Шериф, храни тебя Господь,
Ответь, не умолчи:
Что дашь ты старику, коль тот
Наймется в палачи?» –

«Одежда тех, кого казнят,
Отходит палачу,
Ему тринадцать пенсов в день
К тому же я плачу»[1].

Тут с места смелый Робин Гуд
Через колоду – прыг!
Шериф ему: «Клянусь крестом,
Проворный ты старик». –

«Я в жизни не был палачом,
Не буду им и впредь,
Но тех, кто выдумал тюрьму,
Не стал бы я жалеть.

Для хлеба у меня сума,
Для ячменя мешок,
Для мяса тоже, а вот здесь
Лежит мой звонкий рог.

Его отважный Робин Гуд
В лесу мне подарил.
Коль затрублю я, свет уже
Тебе не будет мил».

Шериф сказал: «Труби, труби,
Раз хочешь, остолоп,
Дуй в свой рожок, пока глаза
Не вылезут на лоб».

Тут Робин громкий дал сигнал –
Заслышав этот зов,
К нему с холма помчались вниз
Две сотни молодцов.

Тогда он протрубил опять –
Заслышав гулкий звук,
Еще пять дюжин храбрецов
Пустились через луг.

Спросил у Робина шериф:
«А кто же там бежит?» –
«Мои друзья – они хотят
Отдать тебе визит».

Тут виселицу удальцы
На луг перенесли,
Шерифа вздернули на ней[2]
И юношей спасли.

РОБИН ГУД СПАСАЕТ ВИЛЯ СТАТЛИ

Жил Робин Гуд в густом лесу,
Дерри, дерри, даун,
В тени густых ветвей,
К нему пришла дурная весть,
Не сыщешь вести злей,
Хей, даун, дерри, дерри, даун.

Узнал, что схвачен Статли Виль,
В темницу заключен:
Сыскались трое подлецов,
Был ими выдан он;

Назавтра должен умереть
В петле стрелок лесной;
Легко не дался он — двоих
Отправил в мир иной.

Узнав об этом, Робин Гуд
Не мог не загрустить,

И поклялись его друзья
    Все силы приложить,

Чтоб не погиб отважный Виль,
    Вернулся в лес живым;
Отдать за друга жизнь свою
    Ничуть не страшно им.

В зеленом сотня молодцов,
    И в алом Робин Гуд.
И вот, прекрасные собой,
    Они все в ряд идут.

Лук за плечом, и верный меч
    На поясе висит.
Ей-богу, всякий бы сказал:
    «Какой чудесный вид!»

Из чащи вывел Робин Гуд
    Компанию свою:
Иль Статли выручат они,
    Иль все падут в бою.

Друзья к темнице подошли,
    Где Виль спасенья ждал.
«В засаде затаимся мы, –
    Так Робин приказал. –

Стои́т, я вижу, под стеной
    Почтенный пилигрим –
Пусть кто-нибудь поговорит,
    Да поскорее, с ним».

Виль Статли

Пошел один из удальцов,
Отважен и силен.
«Молю, паломник-старичок, —
Сказал учтиво он, —

Ответь, коль знаешь, не тая:
Как скоро поведут
На казнь отважного стрелка,
Что изнывает тут?»

«Клянусь, — паломник произнес, —
Я опечален сам.
Сегодня будет Виль казнен,
Повиснет он вон там.

О, если б Робин знал о том,
Прислал бы помощь он,
И был бы славный молодец
От гибели спасен».

«Ты прав, — стрелок ему в ответ, —
Ты прав как никогда:
Будь Робин здесь, уж он бы спас
Беднягу без труда.

Спасибо, славный старичок,
С тобой прощаюсь я,
Коль нынче будет Виль казнен,
То отомстят друзья».

Вернулся он к своим — и глядь,
Выходят из ворот
Стрелок Виль Статли и отряд,
Что Виля стережет.

Увидел узник: нет нигде
Знакомого лица,
И без издевки попросил
Шерифа-гордеца:

«Тебя о милости прошу,
Не будь ко мне жесток:
Досель повешен не бывал
Еще лесной стрелок[1].

Исполни просьбу, сэр шериф,
Последнюю мою:
Дай меч и развяжи меня,
Пусть я паду в бою».

Шериф сурово отказал,
Ответил Вилю он:
«Тебе я меч не дам, ведь ты
К петле приговорен». —

«Тогда не надо мне меча,
Но развяжи, молю.
Пусть в ад пойду, коль вы меня
Загоните в петлю!» —

«Тебе ее не избежать,
И в ней же, в свой черед,
Разбойник, дерзкий Робин Гуд,
Хозяин твой, умрет».

Виль крикнул: «Подлый негодяй
И низкородный трус!
Коль он пришел бы, ты бы сталь
Попробовал на вкус!

Клеймит насмешкой Робин Гуд
Тебя и твой отряд.
Его, трусливые скоты,
Поймаете навряд!»

Когда, под виселицей встав,
Прощался с жизнью он,
Из зарослей густых к нему
Вдруг вышел Крошка Джон.

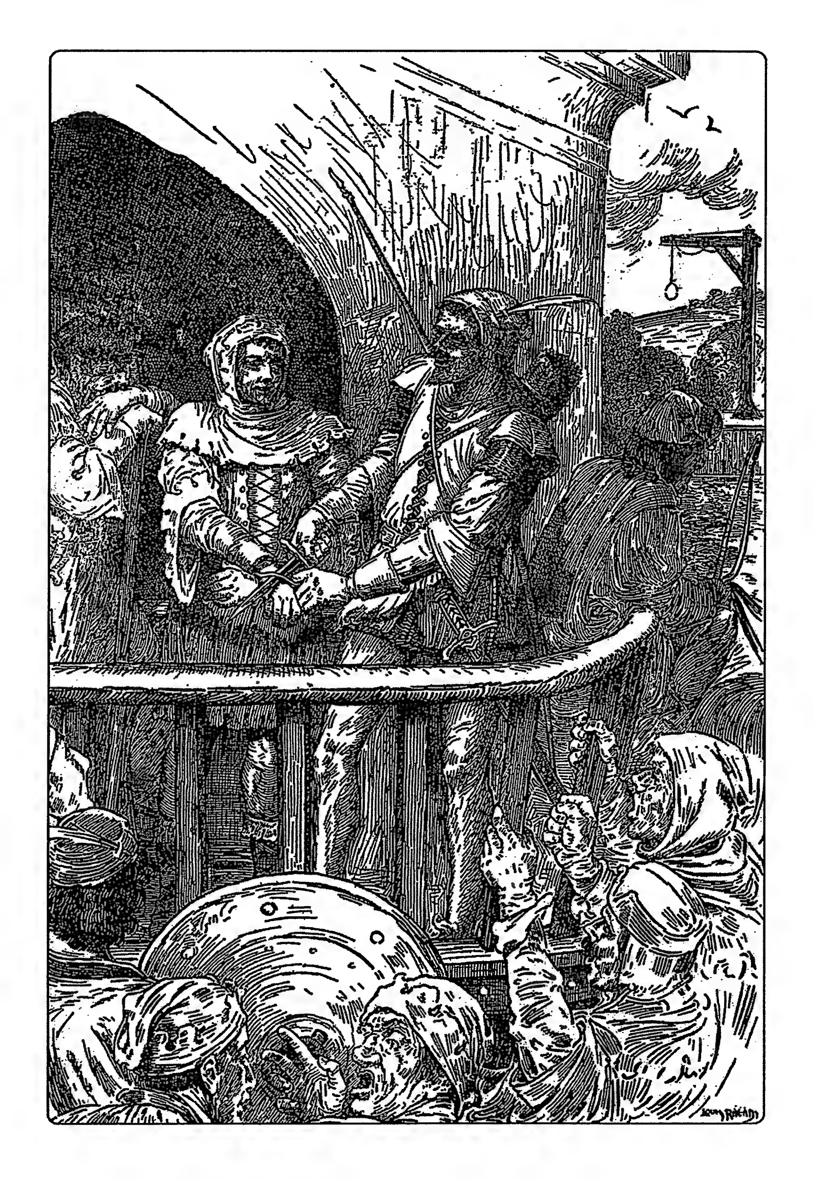
«Чтоб повидаться, собрались
В лесу твои друзья.
И если разрешит шериф,
Тебя свожу к ним я». —

«Он мне знаком, — шериф сказал, —
Знаком мне этот плут.
Пусть оба этих бунтаря[2]
В тугой петле умрут».

Рассек веревки Крошка Джон,
И Виль свободен стал.
У одного из сторожей
Оружье Джон забрал.

«Держи-ка, Статли, этот меч,
Отменный, по руке.
Нам продержаться бы чуть-чуть,
Друзья невдалеке».

Они дрались спина к спине
В двойном кольце врагов,
Покуда Робин не привел
Своих лихих стрелков.



Рассек веревки Крошка Джон, | И Виль свободен стал.

Стрелу каленую в полет
 Отправил Робин Гуд.
Вскричал шериф: «Бежим скорей,
 А то всех нас убьют!»

Несется он, а вслед за ним
 Спешит его отряд.
Они уже ловить стрелка
 Ни капли не хотят.

«Вернись! – кричит вдогонку Виль. –
 Довольно болтовни!
Коль хочешь Робина поймать,
 С ним свидеться дерзни».

А Робин молвил: «Жаль, что он
 Сбежал не чуя ног.
Врага прогнали мы, и чист
 Остался мой клинок».

Виль произнес: «Не чаял я
 Вас снова увидать.
Уж думал, Робин, мы с тобой
 Не встретимся опять».

Так был избавлен Статли Виль
 От смерти в трудный час.
«Спасибо, Робин! Ты меня
 От подлой смерти спас.

И будем мы в лесной тени
 Бродить, друзья, и впредь,
И будет долго тетива
 Нам музыкой звенеть!»

КАК КРОШКА ДЖОН ПРОСИЛ МИЛОСТЫНЮ

Коль вы хотите услыхать,
Хэй, даун, э-даун, э-даун,
Веселый сказ, друзья,
Как Джон-стрелок просил кусок,
Спою вам нынче я.

Однажды смелый Робин Гуд
Бродил в тени лесной,
И молвил он: «Ты, Крошка Джон,
Ступай просить с сумой». –

«Тогда дубинка мне нужна,
Чтоб не попасть в беду,
Рванье, мешок и посошок,
Раз клянчить я пойду.

Старья взаймы не стану брать –
Для хлеба дай суму

И для монет — сомнений нет,
Немало их приму».

Пошел за милостыней Джон,
Чтоб деньги обрести.
Он был сильнее всех бродяг,
Каких встречал в пути.

И вот, шагая средь полей,
Он видит четверых:
Один немой, другой слепой
И два хромца меж них.

«Эй, молодцы, вам добрый день,
Куда лежит ваш путь?
Я встрече рад, ведь я ваш брат,
Нельзя ли к вам примкнуть?

Видать, сейчас там будет казнь —
Я слышу дальний звон.
Скорей идем и обо всём
Узнаем», — молвил Джон.

«Ошибся ты, — слепец в ответ. —
По мертвому звонят.
Поминки там — отвалят нам
И хлеба, и деньжат».

«У нас есть в Лондоне друзья, —
Заговорил хромой, —
И в Дувре[1] есть — отнюдь не честь
Для нас ходить с тобой».

Затем он треснул Джона в лоб,
Сказав: «Отстань, дурак!»
Ответил Джон: «Вопрос решен,
Останусь, коли так.

Охота драться вам — ну что ж,
Ваш вызов принял я.
Бросайтесь в бой хоть всей гурьбой,
Враги вы иль друзья!»

Немому речь он вмиг вернул,
Тотчас прозрел слепой,
А кто хромал семь долгих лет,
Понесся прочь стрелой.

Джон всех об изгородь швырнул,
Внушив им лютый страх.
Был слышать рад он, как бренчат
Монеты в кошелях.

Стрелок в лохмотьях отыскал
Три сотни золотых.
«Ей-богу, как же повезло,
Что повстречал я их».

Он столько ж вынул из мешков:
«Мне это за труды!
Пока все деньги не спущу,
Не стану пить воды!

Довольно шляться мне с сумой:
Я нынче стал богат.
Ходил-просил, по мере сил,
Теперь пойду назад».

И вот, на этом порешив,
Он устремился вспять,
Искать скорей своих друзей,
Чтоб всё им рассказать.

Воскликнул смелый Робин Гуд:
«Поведай сей же час,
Как ты бродил, и как просил,
И что добыл для нас».

«Я очень рад, — промолвил Джон, —
Ведь это ремесло
Мне без хлопот монет шестьсот
Сегодня принесло».

Тут Робин принялся плясать.
«Ура, вот это весть!
Не стану воду больше пить,
Покуда деньги есть!»

На сем, любезные друзья,
Рассказ окончен мой,
Как был наш Джон вознагражден,
Когда ходил с сумой.

РОБИН ГУД И ЕПИСКОП

Сюда подите, господа,
Хэй, даун, даун, э-даун,
Послушайте рассказ,
Как у епископа кошель
Отняли как-то раз.

Случилось это в ясный день,
В зените Феб стоял,
В тени дубрав, ища забав,
Лихой стрелок гулял.

Бродил по лесу он с утра
Под зеленью ветвей,
Вдруг глядь — епископ на пути
Со свитою своей.

«Как быть мне? — крикнул Робин Гуд. —
Поймает он меня!

Попав в тюрьму, я смерть приму,
Судьбу свою кляня».

К лачужке он, ошеломлен,
Стремительно бежит.
«Открой скорей», — он у дверей
Хозяйке говорит.

Старуха молвит удальцу:
«Эй, как тебя зовут?
И кто такой?» — «Стрелок-изгой,
Веселый Робин Гуд.

Епископ едет через лес —
Коль схватит он меня,
Конец всему, и смерть приму
Я до исхода дня». —

«Ну, если правду говоришь, —
Она ему в ответ, —
Я помогу и сберегу
Тебя от всяких бед.

Ты, помню, как-то, милый мой,
Мне башмаки принес.
Войди, не стой, замок закрой
И не страшись угроз». —

«Надень-ка мой зеленый плащ,
Мне дай свое рядно,
Сядь за дверьми, мой лук возьми,
Мне дай веретено».

Переодевшись, Робин Гуд
Пошел к друзьям своим.
Пока шагал, всё время ждал,
Что бросятся за ним.

«Смотрите, братья! — крикнул Джон. —
Старуха ищет нас.
Ее одной моей стрелой
Остановлю сейчас»[1].

«Я ваш хозяин, Робин Гуд! —
Тот отвечал ему. —
Увидишь сам, как, выйдя к вам,
Накидку я сниму».

Епископ к дому подошел
Со свитою своей.
«Где этот плут? Пускай ведут
Сюда его скорей!»

Старуху живо посадил
На белого коня
И в тот же час пустился в путь
Он, Робина браня.

Но, проезжая через лес,
Святой отец узрел
Парней под сотню и у них
Немало длинных стрел.

«Эй, что за люди там стоят?
Они нас, видно, ждут».
Старуха громко говорит:
«Да это ж Робин Гуд!»

Кричит епископ: «Ты-то кто?»
Она в ответ ему:
«Увидишь, старый дуралей,
Коль ногу подыму!»

И тот опешил: «Боже мой!
Мне белый свет не мил!» –
И наутек, но вмиг стрелок
Его остановил.

Коня епископа к стволу
Он крепко привязал,
И улыбался Крошка Джон
И громко ликовал.

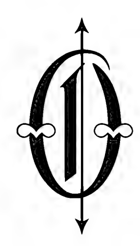
Стрелок забрал назад свой плащ
И постелил у ног,
Пять сотен фунтов вытряс он,
У гостя взяв мешок.

«Теперь его я отпущу!» –
«Ну нет, – ответил Джон. –
Пусть, прежде чем скакать домой,
Споет нам мессу он».

Епископ мессу отслужил,
Привязанный к стволу:
Молил он Бога за стрелков
И пел Ему хвалу.

Те честно вывели его
Из леса, в свой черед,
И посадили на коня,
Но задом наперед.

РОБИН ГУД И ЕПИСКОП ХЕРЕФОРДСКИЙ



Одни поют о лесных стрелках,
Другие о графах[1] поют,
А я – о том, как ограбил в лесу
Епископа Робин Гуд.

В Барнсдейле случилось это, друзья,
В тени зеленых ветвей,
В Херефорд[2] ехал епископ домой,
Со свитою пышной своей.

«Оленя убьем мы, – сказал Робин Гуд, –
Дичину добудем стрелой.
Епископ обедать будет у нас,
И он заплатит с лихвой.

Убьем мы оленя, – сказал Робин Гуд, –
Устроимся с ним на пути,
И сделаем так, чтоб наверно не смог
Епископ мимо пройти».

Оделся потом Робин Гуд пастухом
И взял шестерых с собой,
И, сев у дороги, тотчас развели
Они костерок небольшой.

«Эй, кто вы такие? – епископ кричит. –
И кто вам отдал приказ?
Зачем вы оленя добыли к столу,
Когда лишь семеро вас?»

«Мы пастухи, – сказал Робин Гуд, –
Овец стережем целый год.
Сегодня убит королевский олень,
И пир нас веселый ждет».

«Я государю, – епископ в ответ, –
О ваших делах донесу.
Ступайте со мною – узнает король
О том, что творится в лесу».

«Пощады, пощады! – вскричал Робин Гуд
И с места вскочил сей же час. –
Неужто ты, служитель Христа,
Жизни лишишь всех нас?»

«Не ждите пощады, – епископ сказал, –
Не будет милости вам.
Ступайте со мною – узнает король,
Кто губит дичь по лесам».

Тут Робин спиною уперся в ствол,
А правой ногой – в пенек,
И быстро достал из-за пазухи он
Звонкий охотничий рог,

Гордый епископ Херефордский

Поднес к губам, протрубил сигнал,
И вмиг сбежались на зов,
Заслышав громкое пенье рожка,
Шесть дюжин лихих молодцов.

Учтиво они подошли к стрелку
И все отдали поклон.
«Зачем ты, хозяин, так громко трубил?» –
Спросил у Робина Джон.

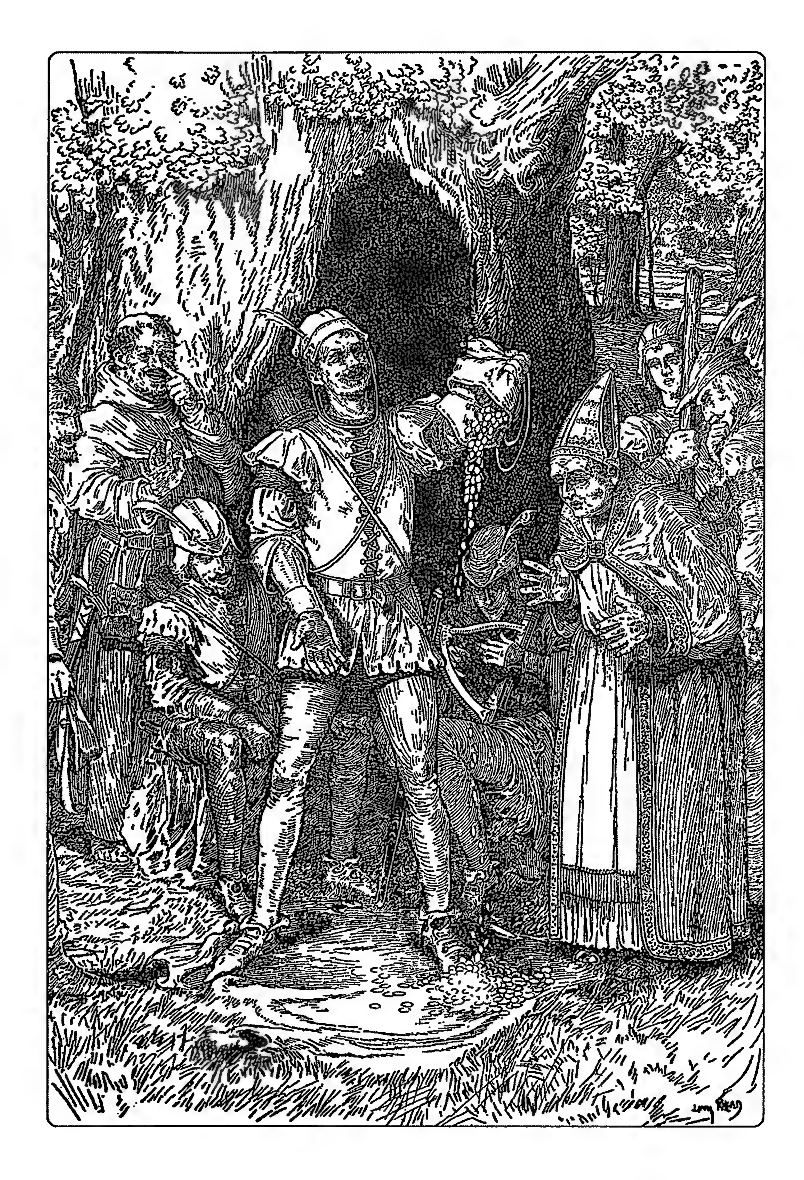
«Епископ грозит нас смерти предать
Безжалостно, до одного». –
«Сруби ему голову, – Джон произнес, –
И тут же зароем его».

«Пощады, пощады, – епископ вскричал, –
Не надо крови, постой!
Когда бы я ведал, что встречу здесь вас,
Объехал бы лес стороной».

«Не будет пощады, – Робин в ответ, –
Пощады не жди от нас.
Эгей, поживее! В веселый Барнсдейл
Со мною пойдешь сейчас».

Гостя за руку крепко он взял
И в чащу лесную повел.
С лихими стрелками в зеленой глуши
Епископ уселся за стол.

«А сколько потребуешь ты за обед?
Сдается мне, счет немал». –
«Давай-ка взгляну на богатства твои», –
Епископу Джон сказал.



Он плащ его расстелил на траве | И вытряс тугой кошелек. |
Три сотни фунтов, не меньше ничуть, | Оттуда
Малютка извлек.

Он плащ его расстелил на траве
И вытряс тугой кошелек.
Три сотни фунтов, не меньше ничуть,
Оттуда Малютка извлек.

«Хозяин, денег порядочно здесь!
Не правда ль, пленительный вид?
Я милосердно с ним обойдусь,
Хоть он тебя и бранит».

Тут Робин играть и петь повелел
Своим друзьям удалым.
Епископ плясал в ездовых сапогах
И рад был уйти живым.

РОБИН ГУД И КОРОЛЕВА ЕКАТЕРИНА

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Немало грабил Робин Гуд,
    Живя в тени лесной,
И королеве он привез
    Подарок дорогой.

Сказала та: «Коль жизнь мою
    Продлит всесильный Бог,
Тебе и всем твоим друзьям
    Я помогу, стрелок».

Пошла с супругом погулять
    В цветущий сад она,
Легко беседа их текла,
    Приятности полна.

«Как мне развлечь вас? — он спросил. —
    Ответьте, милый друг». —
«Созвать велите, государь,
    Вы лучников на луг». —

«Тогда устрою я турнир,
Каких не видел свет». —
«А что же будет на кону?» —
Она ему в ответ.

«На кон поставлю я, клянусь,
Любезная жена,
Сто бочек пива, эля тож
И рейнского вина,

Оленей жирных сотни три
Из Дэлломских лугов»[1]. —
«Достойный приз, — жена в ответ, —
Для удалых стрелков».

К себе в покой она ушла,
И поспешил на зов
К ней Патрингтон — красивый паж,
Не тратя даром слов.

«Поди сюда, мой мальчуган,
Поди скорей ко мне.
Тебя я в Ноттингем пошлю,
Что в дальней стороне.

Ты город обеги и лес,
Ищи и там и тут,
У добрых йоменов узнай,
Где храбрый Робин Гуд.

Когда ты Робина найдешь,
Кольцо отдай ему.
Пусть едет в Лондон, не боясь
Там угодить в тюрьму.

Добрая королева Екатерина

Турнир отменный провести
Хотим мы с королем,
И я велю, чтоб Робин был
Моим стрелком на нем».

И в Ноттингем пустился паж —
Был путь туда далек.
То несся вскачь, то шел пешком
Отважный паренек.

Он отыскал себе ночлег,
И заказал обед,
И выпил рейнского вина
За королеву Кэт.

Сел йомен рядом на скамью:
«А ну, поведай мне,
Что ты на севере забыл,
В далекой стороне?» —

«Я правду вам открою, сэр:
Мне очень нужен тот,
Кто мог бы честно рассказать,
Где Робин Гуд живет». —

«Я за тобой зайду с утра —
К рассвету будь готов.
Увидишь Робина и всех
Его лесных стрелков!»

Явился йомен на заре,
И, не жалея ног,
Пошел парнишка с ним туда,
Где жил лихой стрелок.

Вот перед Робином он встал,
Колено преклоня:
«Шлет госпожа моя привет
Тебе через меня.

Она зовет тебя, и вот
Ее кольцо в залог.
Беды не бойся — торопись,
Чтоб появиться в срок.

Сойдутся в Лондоне стрелки,
Каких не видел мир —
Будь, Робин, лучником ее
И выйди на турнир!»

Свой плащ зеленого сукна
Отважный Робин снял
И королеве сей же час
В подарок отослал[2].

«Ты королеве передай, –
Он наказал пажу, –
Что заплачу сполна заклад,
Коль цель не поражу».

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Весной, когда шумит листва
И соловьи поют,
Созвал веселых молодцов
Отважный Робин Гуд.

На них зеленое сукно,
Он в алое одет:
Собрались на турнир стрелки,
Каких не видел свет.

Все в черных шляпах щегольских,
Украшенных пером,
А наконечники у стрел
Покрыты серебром.

«Джон, Клифтон! Вы, друзья, со мной
Отправитесь в поход,
И Мидж, сын мельника, пускай
К компании примкнет.

Эй, Виль Скейтлок, тебя зову:
Без промаха ты бьешь.
А Реннету[3], чтоб лес стеречь,
Остаться лучше всё ж».

Пред королевою стрелки
    Склонились до земли.
«Я рада, Локсли[4], – та в ответ, –
    Что вы сюда пришли.

Я рада всем твоим друзьям,
    Отважный Робин Гуд.
Надеюсь, нынче так тебя
    Открыто назовут».

Потом в покои к королю
    Скорей пошла она.
«Господь храни вас, государь!» –
    «И вас, моя жена». –

«Нет, мне победы не видать:
    Где хоть один стрелок,
Что честно с вашими людьми
    Помериться бы мог?» –

«Я так и знал, – сказал король, –
    Никто им не под стать.
Один лишь только Робин Гуд
    Так метко мог стрелять».

«Удвойте ставку, мой супруг», –
    Жена ему в ответ.
«Ох, знаю, женщины хитры –
    Нет, дорогая, нет».

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Король со свитою своей
Был в Финсбери[5] тогда,
И королева, взяв стрелков,
Поехала туда.

«Эй, Темпест, — молвил государь, —
Мой лучник удалой,
На свете нет стрелка, что б мог
Помериться с тобой».

А леди Робина слегка
По маковке — тук-тук:
«Не раз выигрывал он спор —
Внимательней, мой друг!»

«Поди-ка, Темпест, — государь
Заговорил опять, —
Поставь мишень и укажи,
Откуда вам стрелять».

Тут смелый Локсли произнес:
«Ни словом не прилгну,
Сказав, что я могу попасть
И в солнце, и в луну».

А Клифтон молвил: «Я отдать
Свой верный лук готов,
Коль тонкий прут не расщеплю
Стрелой с трехсот шагов».

Есть три стрелка у короля,
Таких найдешь навряд.

«Игра окончена, мадам», —
Все дамы говорят.

Сказала леди: «Сир! Молю,
Колено преклоня,
Назначьте хоть кого-нибудь,
Чтоб выручил меня». —

«Двух пэров[6] живо я пришлю
И, право, буду рад,
Коль оба, чтоб утешить вас,
Побьются об заклад.

Поди сюда, сэр Ричард Ли,
Твой славен гордый род.
Я знаю верно, что в тебе
Гавейна[7] кровь течет.

И вас, епископ, попрошу!»
Но отвечал прелат:
«Милорд! И пенсом не рискну,
Хоть я весьма богат.

У королевских молодцов
Верны рука и глаз,
А этих северных гостей
Я вижу в первый раз». —

«А сколько б ты на короля
Поставить денег мог?» —
Промолвил Робин; поп в ответ:
«Да весь мой кошелек».

«А что в нем есть? — стрелок спросил. —
По чести мне ответь». —
«Три сотни ноблей там лежит —
Приятно посмотреть».

Снял Робин свой широкий плащ
И наземь положил,
И вынул бархатный кошель,
Который полон был.

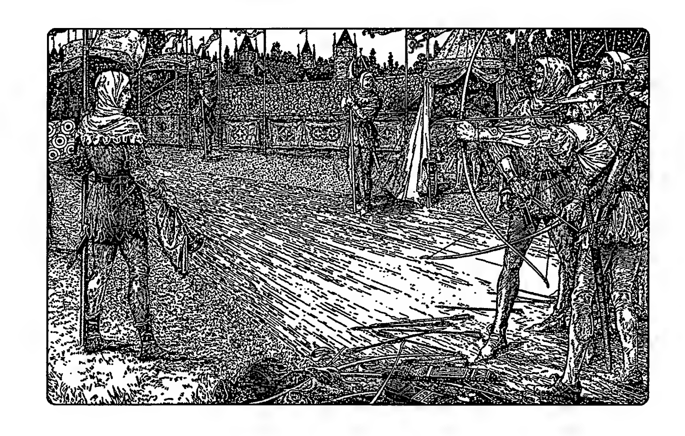
Все деньги высыпал на плащ
Веселый Робин Гуд,
И Мидж воскликнул: «Знаю я,
К кому они уйдут».

Тут подошел Малютка Джон,
И Виль явился с ним,
Сказав: «Победу им, клянусь,
Теперь не отдадим».

И вот на каждой стороне
Стоят по трое в ряд.
«Эй, вальдшнеп, глаз побереги!» —
Красавицы кричат[8].

Король смеется: «Поглядим,
Кому платить за всех»,
А Робин шепчет: «Не тебя
Сегодня ждет успех».

И Темпест прямо в цель попал,
Ему поют хвалу,
Но Робин Гуд своей стрелой
Подшиб его стрелу[9].



Немногим хуже вожака
Был Мидж, свидетель Бог.
«Эгей, епископ, береги
Свой толстый кошелек!»

И Клифтон прутик расщепил
Тяжелою стрелой,
Хотя противником его
Был парень удалой.

«В честь королевы выстрел мой», —
Скейтлок провозгласил
И прямо в яблочко мишень
Стрелою поразил.

А Темпест молвил королю:
«Поклясться я готов,
Сам знаменитый Робин Гуд
Растил из них стрелков».

«Не может быть, — сказал король, —
Давно уж слышал я,
Что пал он в схватке у ворот,
А с ним — его друзья».

Екатерина говорит,
Колено преклоня:
«Супруг, не гневайтесь на тех,
Кто поддержал меня». —

«Им дам я сорок дней, когда
Они домой пойдут,
И дважды сорок — чтоб сполна
Повеселиться тут».

Сказала королева Кэт:
«Тогда в моем дому
Охотно Робина и всех
Его стрелков приму».

Вскричал епископ: «Робин Гуд?
Изгой нас обманул!
Когда б я знал, что это он,
Деньгами б не рискнул.

В лесу под вечер подстерег
Меня он как-то раз
И мессу связанным служить
Заставил в поздний час»[10].

«Что ж, коли так? — сказал стрелок. —
Раз услужил ты нам,
То нынче выигрыш с тобой
Поделим пополам».

Но Джон шепнул ему: «Ну нет,
Ты этак не шути.
Придется многих подкупить,
Чтоб целыми уйти!»

ПОГОНЯ ЗА РОБИН ГУДОМ

Подходите сюда поскорей, господа,
Хэй, даун, даун, э-даун,
Подходите, кто смел да удал,
Я начну свой рассказ и спою вам сейчас,
Как король Робин Гуда искал.

Королева стрелков на турнир созвала,
Объявила награду она:
Бочек пива три сотни стоит на кону
И три сотни бочонков вина.

Но того, кто б тягался во славу ее,
Королева сыскать не могла
И решилась тогда, ибо спрос не беда, —
Робин Гуда она позвала.

Королева сказала, когда перед ней
Появился стрелок удалой:

«Гостем будь моим, Локсли, я рада тебе
И веселой ватаге лесной.

Сей турнир объявив, я хочу, чтобы ты
Выступал на моей стороне». —
«Если вас прогневлю, пусть на шею петлю
Надевают немедленно мне!»

Всем известно: стрелков, как лихой Робин Гуд,
В целом мире никто не найдет.
В плащ зеленый одет, лучше всех — спору нет —
Стрелы он посылает в полет.

Победил на турнире смельчак Робин Гуд,
Без труда он других обошел.
Так легко преуспел, что король не стерпел,
Ведь на Локсли был здорово зол.

И хотя снисхожденье к стрелку он явил,
Во дворце не чиня ему зла,
А потом отпустил, но отнюдь не простил
За лихие лесные дела.

И поэтому следом за ним государь
Поскакал, не считая за труд.
Чтобы Локсли найти, он у всех по пути
Узнавал, где смельчак Робин Гуд.

Ну а Робин, как прежде, гулял по лесам.
Вскоре в Ноттингем прибыл король
И приказ написал: «Каждый верный вассал,
За стрелком отправляться изволь».

Услыхали об этом лесные стрелки
    И подумали: ох, неспроста!
«Не с добром это он, – молвил Маленький Джон. –
    Нам уйти бы в иные места».

Из веселого Шервуда в Йоркшир они
    Побежали лесами, как дичь,
А король всё прознал и опять поскакал,
    Но не мог Робин Гуда настичь.

Беглецы до Ньюкасла домчались тогда,
    Отдохнули часок, ну а там
Весть стрелков нагнала: снова плохи дела,
    Ведь погоня неслась по пятам!

Как король услыхал, что разбойник сбежал,
    Он от ярости стал как шальной,
И сказал, что, пока не поймает стрелка,
    Ни за что не вернется домой.

«Поживее! – друзьям крикнул Маленький Джон. –
    Мы в Карлайл от погони уйдем!»
Но король всё узнал, и вослед поскакал,
    И преследовал их день за днем.

В страхе в Честер и в Ланкастер мчались стрелки[1],
    Не жалея ни денег, ни сил.
Ускользая от пут, уходил Робин Гуд,
    А за ним король Генрих спешил.

Робин молвил: «Поедем в столицу теперь,
    Раз пылает под нами земля.
Был турнир, и с тех пор королевин фавор,
    Вероятно, гневит короля».

Скоро Робин вошел к королеве в покой
И, колено пред ней преклоня,
Попросил об одном: «Говорить с королем,
Я молю, допустите меня!» —

«В славный Шервуд уехал мой милый супруг
И теперь, полагаю, в пути.
На прощанье сказал он, что пуще всего
Робин Гуда желает найти». —

«Мне позвольте проститься, моя госпожа,
И вернуться в родные края.
Буду резво скакать — короля увидать
Так надеюсь хоть где-нибудь я».

Утомленный дорогой, разгневан и хмур,
Ехал Генрих обратно домой,
Понукая коня, невезенье кляня,
Удрученный Фортуною[2] злой.

«Государь, — королева сказала ему,
Шитый шелком рукав теребя, —
Не брани меня: тут побывал Робин Гуд,
Он надеялся встретить тебя».

Как услышал король, что веселый стрелок
Во дворец заглянул по пути,
Закричал: «Робин Гуд! Вот мошенник и плут,
Я искал его месяц почти!»

Королева воскликнула: «Милый супруг,
Я, к ногам припадая твоим,
Попрошу одного: не преследуй его!» —
И остался стрелок невредим.

ДОБЫЧА РОБИН ГУДА

О Робин Гуде — удальце,
Дерри, дерри, даун,
Я часто слышал сказ,
О Локсли[1], Джоне, Мэрион
Певали здесь не раз,
Хэй, даун, дерри, дерри, даун.

Но вряд ли кто из вас слыхал
Историю о том,
Как Робин, облик изменив,
Бродил в лесу густом.

Надев монашеский наряд,
Преобразился он
И тихо с четками побрел,
Надвинув капюшон.

И пары миль он не прошел,
Как повстречал двоих:

Монахи ехали тропой
 На лошадях лихих.

«Пусть благодать, — сказал стрелок, —
 С небес на вас сойдет.
Во имя Девы Пресвятой,
 Подайте мне хоть грот[2].

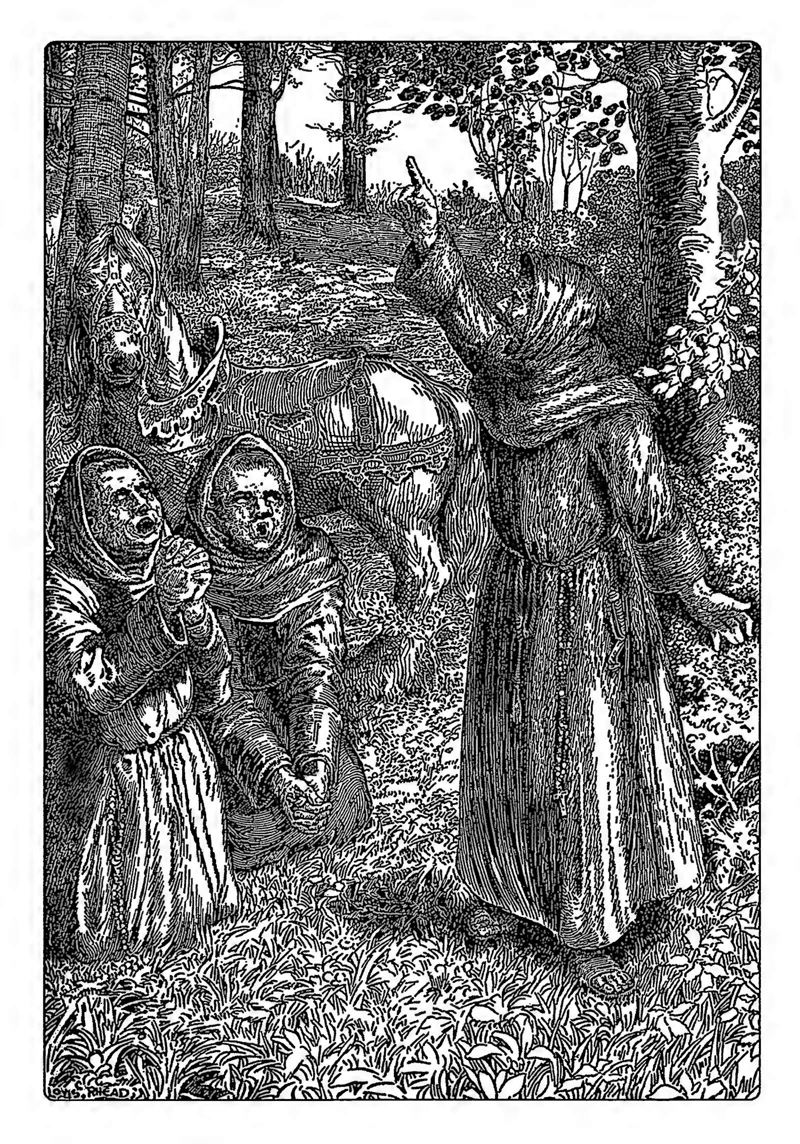
Я целый день хожу-брожу —
 У всех скупа рука:
Ни крошки хлеба не дают,
 Ни кружки молока».

«Клянемся Девой Пресвятой,
 В мешке ни пенса нет,
Ведь нас ограбили с утра», —
 Они ему в ответ.

«Боюсь, что врете вы, отцы, —
 Сказал лесной стрелок, —
И, прежде чем вас отпустить,
 К вам гляну в кошелек».

Услышав это, чернецы
 Пришпорили коней,
Но оказался Робин Гуд
 Ловчее и быстрей.

Обоих крепко он схватил
 И сбросил вмиг с седла.
Они вскричали: «Пощади!
 Ты нам не делай зла!» —



Монахи спорить не хотят | И на колени – бух: |
«Пошли нам денег, Отче наш, | К мольбам склони Свой слух».

«Вы говорите, что бедны?
Давайте сей же час
Попросим Бога, дабы Он
Обогатил всех нас».

Монахи спорить не хотят
И на колени — бух:
«Пошли нам денег, Отче наш,
К мольбам склони Свой слух!»

Они себя колотят в грудь,
Стенают, слезы льют,
Покуда весело поет
Отважный Робин Гуд.

Молились трое целый час,
Как только каждый мог,
И Робин молвил: «Поглядим,
Что ниспослал нам Бог.

Поделим золото теперь
Мы честно, на троих,
Ведь нам негоже надувать
Товарищей своих».

Монахи, вынув кошели,
Кричат: «Тут денег нет!»
«Давайте обыск учиним», —
Им Робин Гуд в ответ.

Святых отцов обшарил он
И отыскал у них
Под облаченьем целый клад —
Пять сотен золотых.

«Вот это да, — сказал стрелок, —
Бог благосклонен к нам.
Молились рьяно вы — и я
Вам честно часть отдам».

Он дал им сотню золотых,
Сгреб прочее в мешок.
Отцы вздохнули, но никто
Словца сказать не смог.

Они с коленей поднялись,
Решив продолжить путь,
Но Робин молвил: «Я прошу
Вас подождать чуть-чуть.

Святой травой, — он приказал, —
Клянитесь, господа[3],
Что впредь не станете вы лгать
Нигде и никогда.

Еще клянитесь сей же миг
 В грех блудный не впадать:
Вовек не трогать жен чужих,
 Девиц не совращать.

Еще клянитесь подавать
 Побольше беднякам.
Так повелел святой монах,
 Что повстречался вам».

Он подсадил их на коней
 И отпустил домой,
А после в чащу зашагал,
 Весьма гордясь собой.

БЛАГОРОДНЫЙ РЫБАК, или ВЫБОР РОБИН ГУДА

Когда так зелен летний лес,
А тень свежа и широка,
Спою я песню вам, друзья,
Про Робин Гуда — смельчака.

Раскрыты чашечки цветов,
Дубрава птиц полным-полна.
Но молвит Робин, что ему
Скучна лесная сторона.

«Рыбак богаче, чем купец,
Ему легко разбогатеть.
Я нынче в Скарборо[1] пойду,
Отправлюсь в море ставить сеть».

Окликнул он своих друзей,
Сидевших с ним в тени лесной:
«Коль деньги есть у вас, стрелки,
Прошу, их дайте мне с собой.

Решил я в Скарборо сходить,
Там будет славное житье».
Вдова на пристани жила,
Он поселился у нее.

Она спросила: «Эй, сынок,
Зачем же ты сюда пришел?»
«Рыбачить, — молвил Робин Гуд, —
Ведь я бездомен, бос и гол». —

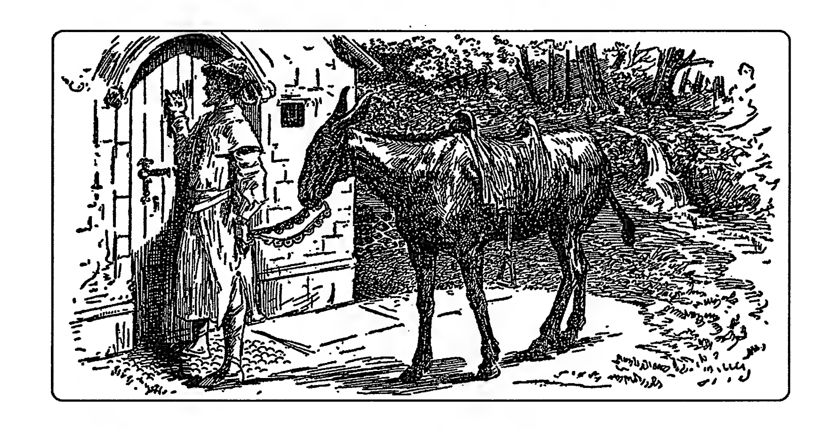
«Тебя прошу я, милый мой,
Кто ты таков, скажи скорей». —
Стрелок ответил: «Саймон Ли
Зовусь на родине своей»[2].

Он у вдовы заночевал
И вместе с нею ел и пил.
Хозяйке гость за доброту
Своей учтивостью платил.

«Охотно, Саймон, рыбаком
Тебя на службу я возьму:
На корабле моем плыви, —
Старуха говорит ему. —

Нехватки нету в парусах,
И он устойчив на волне».
Промолвил Саймон: «Коли так,
На нем спокойно будет мне».

Подняли якорь моряки;
Вот день прошел, за ним другой,
И каждый наживлял крючок,
А Саймон Ли бросал пустой.



«Негоден в деле новичок, —
Ворчали все вокруг него, —
Мы доли не дадим ему,
Ведь он не стоит ничего».

Горюет Саймон: «И зачем
Покинул я свои края?
Ох, мне бы в Пломптон — там бы всласть
Теперь стрелял оленей я.

Кричат, что Саймон криворук,
Мужланы глупые, смеясь.
Коль мы бы встретились в лесу,
Уж там бы я втоптал их в грязь».

Меж тем они себе плывут,
И день безоблачен и тих,
Глядь — чье-то судно по волнам
Проворно догоняет их.

«О горе! — крикнул капитан. —
Отбиться нам не хватит сил.
Мы потеряем весь улов,
Наш тяжкий труд напрасным был.

Французы грабят всех подряд,
И нет пощады никому[3].
Они на берег нас свезут
И бросят в крепкую тюрьму».

Промолвил Саймон: «Капитан,
Ей-ей, не бойся ничего,
А дай мне лук — и я из них
Не пощажу ни одного». —

«Попридержи-ка свой язык,
Ты только хвастаться мастак!
Тебя я сброшу с корабля:
Ты лишний груз, дурной моряк!»

На капитана был он зол,
Но, слова не сказав ему,
Схватил скорее верный лук
И быстро вышел на корму.

«Меня ты к мачте привяжи, —
Велел отважный Саймон Ли, —
Подай мне лук, и я клянусь:
Французам не видать земли».

С его упругой тетивы
Слетела длинная стрела
И, над водою просвистев,
Французу в грудь она вошла.

Он рухнул в люк, и этот бой
Был для него окончен враз,
А тот, кто рядом с ним стоял,
Труп в море сбросил сей же час.

«Меня от мачты отвяжи, —
Воскликнул храбрый Саймон Ли, —
Подай мне лук, и я клянусь:
Французам не видать земли».

И к борту борт суда сошлись,
Когда французы полегли.
Двенадцать тысяч золотых
На корабле у них нашли.

И храбрый Саймон разделил
Добычу эту пополам —
Хозяйке с малыми детьми
И смелым братцам-морякам.

Сказал суровый капитан:
«Для нас, конечно, это честь,
Но эти деньги ты добыл,
Так забирай же всё, что есть!» —

«Не спорь! А те, что я возьму,
На дело доброе пойдут:
На эти деньги я велю
Для бедных выстроить приют»[4].

РОЖДЕНИЕ, ВОСПИТАНИЕ, ПОДВИГИ И ЖЕНИТЬБА РОБИН ГУДА

Тихонько садитесь в кружок, господа,
  Послушайте песню мою:
О Робине нынче, отважном стрелке,
  И Маленьком Джоне спою.

Был родом из ноттингемширских краев
  Смельчак удалой Робин Гуд.
Он в Локсли когда-то родился на свет,
  Как люди доселе поют.

Папаша у Робина был лесником
  И ловко из лука стрелял:
Как сторож уэйкфилдский, метко стрелу
  В мишень за две мили пускал[1].

Раз с Адамом, Вилем и Клемом из Клу[2]
  Лесник потягался в стрельбе.
Стояло полста золотых на кону,
  И все их забрал он себе.

Уорикский рыцарь по имени Гай[3]
Был дядей жены лесника —
Тот Гай, что огромного вепря убил,
Коль верить хозяйке «Быка».

А брат ее Гэмвелл, что в Гэмвелле жил[4],
Был сквайром не хуже других,
И в Ноттингемшире прославился он,
Учтив, благороден и лих.

Лесничему как-то сказала жена:
«Любимый, родной муженек!
Я с сыном поеду с утра в Гэмвелл-Холл,
Хочу погостить там денек».

Тот молвил: «Джоанна, коль хочешь, езжай,
Бери жеребца моего.
Рассвет настает, посему торопись,
Ведь завтра уже Рождество».

Отцовский скакун под крыльцо приведен,
Как до́лжно, с седлом и уздой.
На Робине шапочка с ярким пером
И новенький плащ щегольской.

На даме изящный зеленый наряд —
Не сыщешь красивей сукна[5].
Так ловко он сшит, что графиней глядит
В сукне домотканом она.

У Робина — с гардой широкою меч,
На поясе ножны висят.
Он молвил: «Скорее отправимся в путь,
До Гэмвелла — миль пятьдесят».

Тут юноша прыгнул проворно в седло,
Готовый помчаться вперед.
Лесничий жену подсадил на коня:
«Не бойся, двоих он снесет».

К соседям они завернули сперва,
И там им вина поднесли,
А после галопом пустился их конь,
И Холл показался вдали.

Они прискакали, и Гэмвелл сестру
Был искренне рад увидать –
Ее целовал, обнимал и просил
С визитом почаще бывать.

Назавтра, как мессу пропели с утра,
Накрыли шесть длинных столов,
Хозяин короткую речь произнес:
«Попотчевать вас я готов!

Но пива придется пока подождать:
Сначала мы кэрол[6] споем».
Так, хлопая, топая, пели они,
Что эхом откликнулся дом.

Горчицу, и ростбиф, и пудинг большой
На каждый поставили стол,
Хозяин сулил допьяна напоить
Любого, кто в гости пришел.

Был кончен обед, и молитву прочли,
И Гэмвелл вскричал: «Веселей!
Пусть дождь за окном, но мы эля нальем
В кругу задушевных друзей.

Теперь же пусть явится Маленький Джон,
Уж больно хорош он на вид,
Скакать и плясать он изрядный мастак
И всех вас, клянусь, рассмешит».

Тут Джон появился, и стали плясать
И йомены, и господа.
Скажу откровенно, что был Робин Гуд
Танцором, ей-ей, хоть куда.

Всем весело было; с восторгом смотрел
На Робина Гэмвелл седой,
А после промолвил: «Мой мальчик, хочу,
Чтоб жить ты остался со мной.

Опорой мне будь, и именье отдам
Любимому я племяшу». —
«Пусть Маленький Джон моим будет пажом —
Я, дядя, об этом прошу».

И Гэмвелл ответил: «Я просьбу твою
Исполню, дружок, без труда».
«Ну, Маленький Джон, — закричал Робин Гуд, —
Поди же скорее сюда!

Мой лук, длинный лук поживей принеси
И стрел построй раздобудь.
Когда распогодится, в Шервуд пойдем,
Авось да найдем что-нибудь».

Как в Шервуд явился смельчак Робин Гуд,
К губам приложил он рожок,
Полсотни веселых стрелков-молодцов
Сбежались к нему на лужок.

«А где ж остальные? – спросил он тогда. –
Должны быть еще сорок три».
И кто-то ответил: «Хозяин, все здесь,
Под деревом тем посмотри».

Царицу пастушек, Клоринду, тотчас
В тени замечают стрелки.
Наряд ее вешней травы зеленей,
Котурны ее высоки.

Походка изящна, стан тонок и прям,
Гордыни черты лишены,
В руке ее лук, и колчан на боку,
А стрелы остры и длинны.

Как ночь ее волосы, брови как смоль,
А кожа ровнее стекла.
В ней скромность и ум разглядев, Робин Гуд
Вздыхает: «Ох, как же мила!

Куда ты, прекрасная леди, спешишь?»
Ему отвечала она:
«Сэр! В Титбери[7] праздник веселый и пир,
Оленя добыть я должна».

А Робин промолвил: «В беседку со мной
Не хочешь ли, дева, пойти?
Мы там отдохнем, и, наверное, я
Тебя обниму по пути».

Тут стадо оленье в две сотни голов
В тени им попалось лесной.
И самого жирного метко она
Сразила тяжелой стрелой.

«Коль вырезкой сочной, моя госпожа,
    Захочешь ты вдруг закусить,
То я убедился: ее у меня
    Тебе не придется просить!

Однако вернемся к отважным стрелкам
    Поужинать в чаще лесной,
Там ждут нас веселье и лакомств гора —
    Идем же, Клоринда, со мной!

Найдешь ты жаркое, и сладкий пирог,
    И сливки, и сотовый мед.
Две дюжины слуг ожидают нас там,
    Джон тоже хозяина ждет». —

«А как ваше имя?» — Клоринда в ответ.
    Тот молвил: «Смельчак Робин Гуд.
Хоть в Холле живу я, но пуще всего
    Люблю веселиться я тут.

Здесь жизнь беззаботна и вольно дышать
    Под сенью дубовых ветвей,
Но был бы счастливее я, если б ты
    Невестою стала моей!»

«Согласна!» — Клоринда сказала ему,
    Зардевшись, как роза весной.
«Священника тотчас сюда приведу,
    И станешь моею женой».

Она отвечала: «До Титбери, сэр,
    Мне нужно добраться к утру,
Но гостем желанным ты будешь, стрелок,
    На празднике и на пиру». —

«Эй, Джон, вон того мне оленя тащи!
Отправлюсь я с милой моей;
Двенадцать голов вы набейте еще
И следом ступайте скорей».

Стрелки и полдюжины миль не прошли,
Как йомены, восемь парней,
Окликнули Робина: «Мясо отдай!
Оно нам, ей-богу, нужней».

Но Робин и Джон закричали: «Ну нет!
Мы вас и вдвоем победим».
Схвативши мечи, они бросились в бой
И смерть принесли пятерым.

А трое о милости стали молить;
Вняв Джону, их Робин простил,
И впредь посоветовал быть посмирней,
И к женам домой отпустил.

Та драка случилась у титберских стен,
А кто усомнится — дурак,
И честью клянусь я — король скрипачей —
Что всё было именно так.

И бой я видал, и на скрипке играл[8],
И пела Клоринда: «Хе-хей!
Мужланы побиты, прячь, Бобби[9], свой меч,
Идем же плясать поскорей!»

А в город войдя, услыхали мы гам:
Смеялись вокруг стар и мал,
Кто моррис[10] плясал, кто глазел на быков,
Кто «Артур-э-Брэдли» орал[11].

Мы Томаса-клерка увидели там
И Мэри, подругу его:
Он, сидя в седле у нее за спиной,
Ей нежно шептал кой-чего.

А после обедать отправились мы,
И Томас, и Мэри, и Нэн;
И дружно Клоринду заверили все,
Что Робин как есть джентльмен.

Священник из Даббриджа[12], Роджер, пришел,
Когда был окончен обед.
Он за руки взяться велел молодым
И живо скрепил их обет.

Тут Робин отважный с прелестной женой
В беседку лесную пошли,
И птицы так весело пели в ветвях,
И речка журчала вдали.

У самой беседки вскричал Робин Гуд:
«Эй, где вы, лихие стрелки?»
Джон тут же ответил: «Стоят они здесь,
Под сенью ветвей, у реки».

Невесту украсили ярким венком
В душистой зеленой тени,
И все мы плясали, пока не ушли
Под вечер в беседку они.

Что было там — тайна; но только чета
Вставать не спешила с утра.
Домой зашагал я с куском пирога,
Что нам подносили вчера.

И, кстати, забыл я еще рассказать,
Был перстень венчальный у них.
И будет у Энн, коль захочет она —
Чем я для нее не жених?

Пусть Бог государю наследника даст,
Чтоб правил он в нашем краю.
Я ж песню в зеленой беседке сложу
И в Шервуде летом спою.

РОБИН ГУД И ДЕВА МЭРИОН

Девица, родом высока,
Хэй, даун, даун, э-даун, даун,
На севере жила[1],
Та дева Мэрион звалась
И краше всех была.

Самой Елены, что навек
Прославилась красой[2],
Была милей — и пели ей
Хвалу наперебой.

И Розамунда, и Джейн Шор[3]
В ее попали тень,
Граф и барон к ней на поклон
Являлись что ни день.

Но был ей люб лишь Хантингтон;
Досель о том поют.

Смел и силен, к ней ездил он,
Назвавшись «Робин Гуд».

Встречались губы их в тиши,
Был юной деве мил
Тот удалец — союз сердец
Им радость приносил.

Но зла к любовникам судьба:
Расстаться надо им.
Изгоем став, уходит граф
В леса, тоской томим.

Бедняжка Мэрион в слезах
Бродила день и ночь
В саду одна, тоски полна —
Но кто ж ей мог помочь?

И вот, разлуки не снеся,
В обличии пажа,
Верна, смела, в леса ушла
Из замка госпожа.

Взяла с собою щит и меч,
Колчан и крепкий лук.
Всего нужней на свете ей
Пропавший милый друг.

Гуляет Робин по лесам,
Накинув капюшон.
Пажа узрев, что смел как лев,
За меч берется он.

Дева Мэрион

Они сражались два часа
И не жалели сил.
И кровь у Мэрион текла,
И Робин ранен был.

«В лесу в почете храбрецы —
Ступай ко мне в отряд.
Привольно тут, и Робин Гуд
Бойцам хорошим рад!»

Знакомый голос услыхав,
Бросает дева меч.
Бежит она, любви полна,
Изгнаннику навстречь.

И обнимает сей же миг
Подругу Робин Гуд;
И вот они стоят в тени
И слезы счастья льют.

А Крошка Джон взял длинный лук
И быстро в глушь пошел,
Чтоб дичь добыть и им накрыть
В лесу богатый стол.

Устроен был роскошный пир
Под пологом ветвей,
Такой обед, что спору нет –
Не ели вы вкусней.

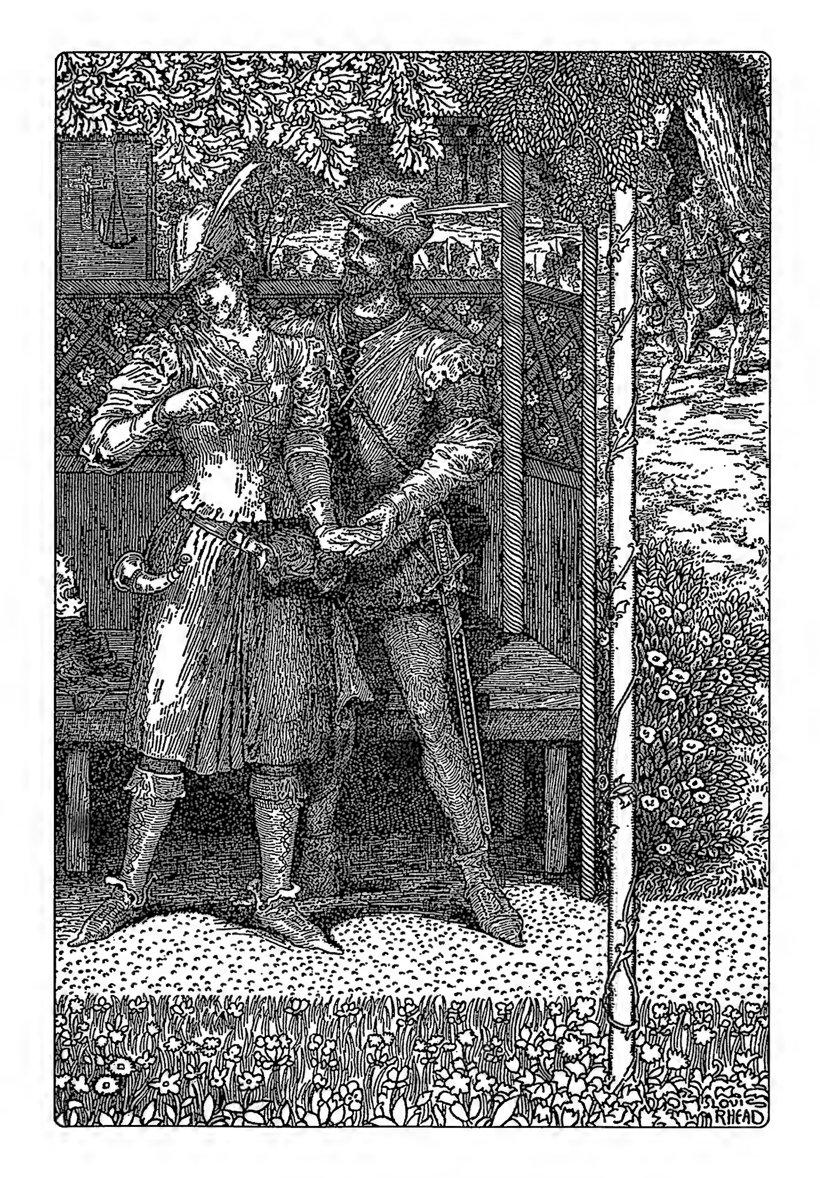
Немало эля и вина
Там было, видит Бог,
Так что иной, совсем хмельной,
Под вечер встать не мог.

«Здоровье Мэрион!» – кричит
Отважный Робин Гуд,
Велит опять вина подать;
Все весело поют:

«Поднимем кубки в этот день
За верную любовь»,
И пьют до дна, а нет вина –
Так наливают вновь.

А после все пошли гулять
И в цель стрелять на спор.
И Мэрион была в лесу
При Робине с тех пор.

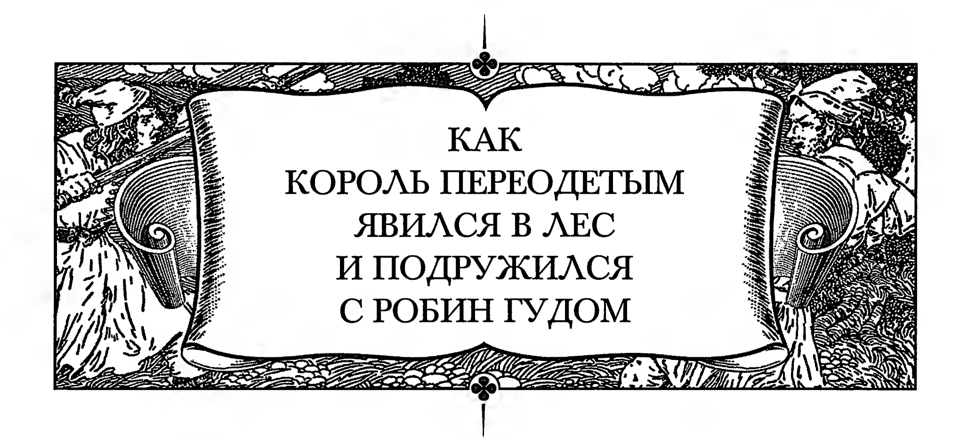
В глуши привольно им жилось:
Отважного стрелка



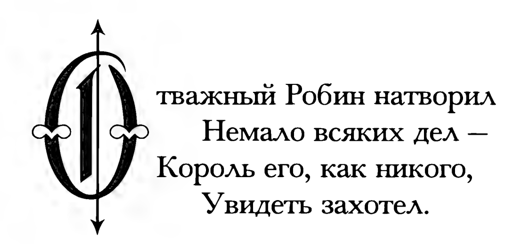
И Мэрион была в лесу | При Робине с тех пор.

Кормил не плуг, а звонкий лук
И твердая рука.

И так прожили много дней
В согласии они.
О Робине и Мэрион
Поют и в наши дни.



КАК КОРОЛЬ ПЕРЕОДЕТЫМ ЯВИЛСЯ В ЛЕС И ПОДРУЖИЛСЯ С РОБИН ГУДОМ



Отважный Робин натворил
    Немало всяких дел –
Король его, как никого,
    Увидеть захотел.

И вот поехал в Ноттингем
    С десятком лордов он,
И каждый житель к королю
    Явился на поклон.

Но там он в замысле своем
    Не преуспел ничуть,
Тогда в монашеском плаще
    Пустился Ричард в путь.

В Барнсдейл он резво поскакал
    Со свитой вдоль реки,
Но вышли вдруг на Божьих слуг
    Веселые стрелки.

Король повыше остальных –
Ни дать ни взять аббат,
А Робин Гуд устроить суд
Был над аббатом рад.

Взяв под уздцы его коня,
Сказал лесной стрелок:
«С вас, гордецов, святых отцов,
Взимаю я налог».

«Но мы – посланцы короля, –
Король ему в ответ, –
Он вас зовет, лесной народ,
На праздник и обед».

Промолвил Робин: «Пусть Господь
Хранит его и впредь,
А кто противник короля,
Тому в аду гореть!»

«Себя клянешь, – сказал король. –
Изменник ты и плут».
«Не государев ты гонец! –
Воскликнул Робин Гуд. –

Я честным людям, видит Бог,
Не причинял вреда,
Но кто за счет других живет,
Тому в лесу беда.

Здесь вольно ходит хлебороб,
Что спину гнуть привык,
И зверолов, что в глушь готов
Бежать на лай и рык.

Но я сердит на тех попов,
Что в роскоши живут.
Нет, их добром в лесу густом
Не встретит Робин Гуд!

Но вас я должен принимать
Иначе, спору нет.
Скорей, друзья: зову вас я
На наш лесной обед».

Весьма испуган государь,
Услышав эту речь:
«Не уцелеть! Что там за снедь —
Наверно, нож да меч?!»

Стрелок гостей отвел в шатер
И предложил присесть.
«Нам не под стать дубьем встречать
Гонцов, принесших весть.

Клянусь, я верен королю
Во всякий день и час!
И потому я не возьму
Теперь ни пенса с вас».

Трубит протяжно Робин Гуд —
И, глядь, со всех сторон
Спешат сто десять молодцов
Отдать ему поклон.

И каждый, ближе подойдя,
Колено преклонил.
«Учтиво тут себя ведут, —
Тотчас король решил.

Подумал он: — В лесу смешны
Пустой задор и спесь.
Какой урок мой двор бы мог
Усвоить, право, здесь!»

В тени раскидистых ветвей
Сошлись к обеду в срок
Зеленый плащ, и алый плащ,
И желтый, как песок.

И оленина на столе,
И рыба, и вино.
Король сказал: «Не пировал
Я так уже давно».

Струится славный крепкий эль,
Всем душу веселя.
«Эй-эй, налей — в кругу друзей
Мы пьем за короля!»

С улыбкой принял государь
Мех доброго вина.
«Ну что ж, изволь!» — И пил король
За короля до дна.

Тут поднял чашу над столом
Веселый Робин Гуд:
«Пьют вволю сладкое вино
Те, кто в лесу живут!

Друзья, натянем тетиву,
Стрелу в полет пошлем.
Пусть нынче всяк стреляет так,
Как перед королем!»

«Таких стрелков, — промолвил гость, —
Я прежде не видал!» —
Ведь Робин Гуд и в тонкий прут
Исправно попадал.

Король воскликнул: «Я тебе
Прощенье отмолю,
Но брось грабеж! Ответь, пойдешь
На службу к королю?»

«Охотно! — молвил Робин Гуд,
И, скинув капюшон,
С душой служить и честно жить
Тотчас поклялся он. —

Я от священников, аббат,
Стерпел немало зла,
Но вижу я, они творят
И добрые дела».

И стало боле невтерпеж
Скрываться королю —
Душой смягчен, промолвил он:
«Я правду объявлю!

Я, ваш законный государь,
С добром явился к вам. —
И сей же миг лесной стрелок
Упал к его ногам. —

Вставай, тебя прощаю я,
Уж больно ты мне мил.
Пусть все вокруг узнают, друг,
Что я тебя простил».

Стрелки приходят в Ноттингем,
Толпятся у ворот,
Народ кричит: «Король убит,
И всех погибель ждет!

Пришли разбойники сюда,
Они убьют и нас!»
И люд кругом бежать бегом
Пустился сей же час.

Оставил пахарь в поле плуг,
Ткач бросил свой станок,
Старик хромой, как молодой,
Помчался со всех ног.

Но тут король заговорил,
Откинув капюшон;
Узнал народ, что Ричард жив,
А Робин Гуд прощен.

И разлетелась эта весть
Повсюду сей же час.
«Ура!» — вскричал и стар и мал,
Пустился город в пляс.

«Ограбил раз, — шериф сказал, —
Меня стрелок лесной!
Я с ним сидел, и пил, и ел —
И бос пришел домой».

Ответил Робин: «Деньги я
Назад тебе отдам.
Давай дружить, и будет жить
Намного лучше нам.

Тогда еще ты зелен был
И ничего не знал.
Не за обед с тебя — нет-нет, —
А за науку взял!

Но, раз угодно королю
Почтить твой скромный дом,
Коль не скупой, ему устрой
Торжественный прием».

Шериф словца не смог сказать,
Был вновь обманут он.
Без лишних слов обед готов —
Хозяин разорен.

А после в Лондон с королем
Уехал Робин Гуд,
И пэром стал, но в лес сбежал —
Досель о том поют.

Сыграл немало шуток он,
Отважен и удал.
Теперь, друзья, скажу вам я,
Как Робин жизнь скончал.

РОБИН ГУД И ЗОЛОТАЯ СТРЕЛА

Шериф, приехав в Ноттингем,
Был страшно обозлен.
Что Робин Гуд — злодей и плут,
Твердил повсюду он.
Фа-ль-даль-ди[1].

Оттуда в Лондон поспешил
Он прямо к королю:
Мол, так и так, и я, бедняк,
О помощи молю.

«Что ж делать мне? — спросил король. —
Ведь ты у нас шериф.
Воров суди, закон блюди —
Неужто ты труслив?

Теперь мозгами пораскинь,
Придумай что-нибудь

И бунтарей лови скорей;
Ну, с Богом, в добрый путь!»

Шериф поехал в Ноттингем
И думал по пути:
Как дальше быть, ловчей схитрить,
Порядок навести?

Стрелков отменных на турнир
Затеял он созвать:
Лесной народ туда придет,
Чтоб удаль показать.

Дадут стрелу из серебра
Тому, кто победит;
И у нее всё острие
Сплошь золотом горит.

Узнал о том в лесном краю
Отважный Робин Гуд,
Созвал друзей: «Идем скорей,
Раз всех туда зовут».

Тут вышел Дэвид удалой[2].
«Хозяин, — молвил он, —
Не лучше ль нам остаться здесь,
Не лезя на рожон?

Я точно знаю, что шериф
Пустился на обман —
Нас без помех загонит всех
В расставленный капкан».

«Ты трус, – ответил Робин Гуд, –
Напрасно слов не трать.
Пусть там беда, пойду туда
Удачу попытать».

А Джон воскликнул: «Нам с тобой,
Хозяин, по пути.
Сюда, друзья: придумал я,
Как на турнир прийти!

Плащи зеленого сукна
Мы скинем сей же час,
Одежду разную возьмем –
И не узнают нас!

Вот алый плащ, вот синий плащ,
Вот желтый, как песок.
Мы все пойдем, ну а потом
Что будет, знает Бог».

Лесной народ пустился в путь
По рощам, по лугам.
«Теперь всерьез утрем мы нос
Шерифовым стрелкам!»

Смешались йомены с толпой,
Не привлекая глаз:
Их на ристалище[3] гуртом
Заметили б тотчас.

Шериф внимательно меж тем
Смотрел по сторонам –
Кого он ждал, не увидал,
Так людно было там.

И молвил кто-то: «Если б тут
Был Робин Гуд — стрелок,
Никто бы с йоменом лихим
Соперничать не смог».

Шериф в раздумье морщит лоб:
«Его с утра я ждал.
Молва всё врет, он не придет,
А говорят — удал».

Был Робин, это услыхав,
Ей-богу, очень зол.
«До темноты узнаешь ты,
Что Робин Гуд пришел».

Один кричит: «Эй, синий плащ!
Коричневый, смелей!»
Другой орет: «Всех лучше тот,
В плаще зари алей».

А это славный Робин Гуд
Весь в красное одет.
Как ни стрельнет, так попадет —
Ему тут равных нет.

Стрелу по праву получил
Изгнанник удалой
И, как хотел, в лесной удел
Забрал ее с собой.

Чтоб подозрений избежать,
Друзья его за ним
По двое-трое разошлись
По тропам потайным.

Потом, сойдясь среди дубов,
В густой лесной тени
Своей стрельбою на лугу
Похвастали они.

И молвил Робин: «Я хочу,
Чтоб точно знал шериф,
Что я там был и в лес ушел,
Награду получив».

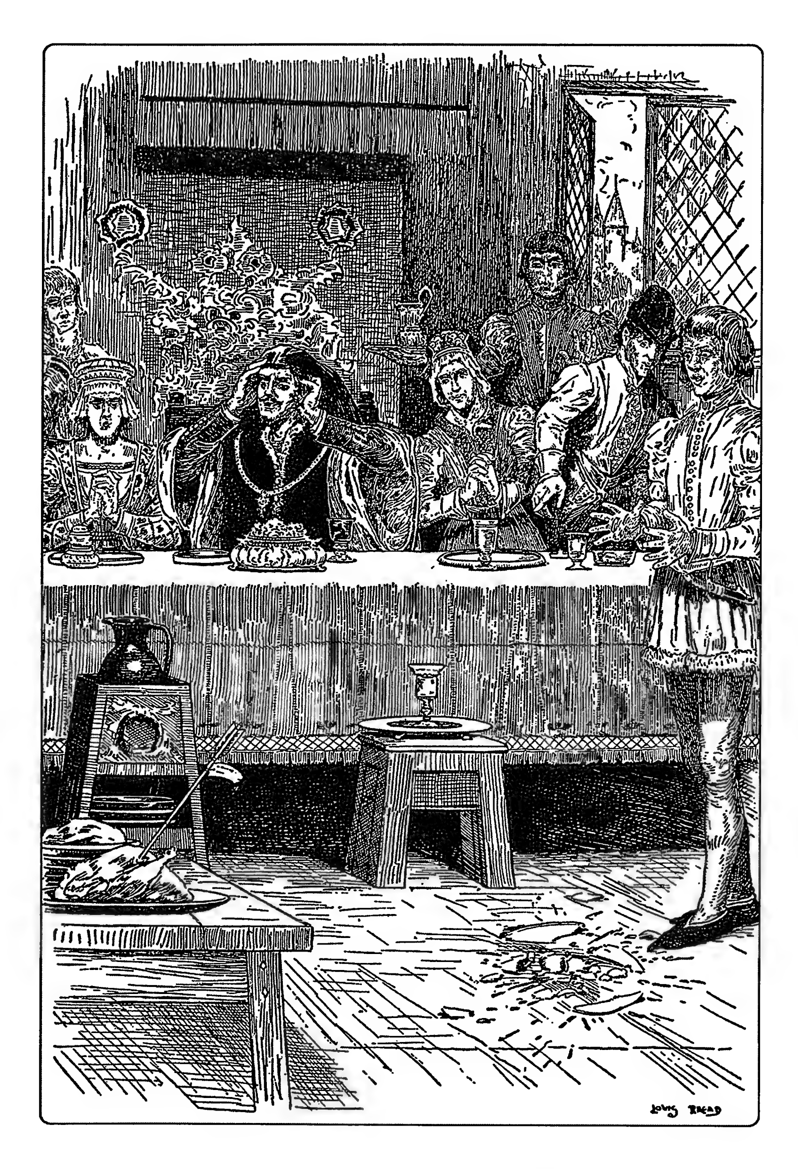
Воскликнул Джон: «Советом я
Тебе уже помог —
Дозволь опять словцо сказать».
И отвечал стрелок:

«Смелее, друг мой, говори,
Хитер ты и умен.
Такого нет, кто б дал совет
Мудрей, чем верный Джон!» —

«Хозяин! Нужно поскорей
Шерифу написать[4]
И в Ноттингем письмо затем
Немедленно послать». —

«Совет хорош, — сказал стрелок, —
Но кто ж его снесет?»
«Легко я весточку пошлю, —
Сказал с усмешкой тот. —

Стрелу с привязанным письмом
Пущу поверх стены.
Его найти и отнести
К шерифу в дом должны».



«Стрелу с привязанным письмом |
Пущу поверх стены».

Всё так и сделали они,
    Шериф письмо прочел.
Как черт взбешен, ярился он
    И был безмерно зол.

Пусть в клочья волосы он рвет
    И бороду свою!
Ну что ж, друзья, теперь вам я
    Про смерть стрелка спою.

РОБИН ГУД И ОТВАЖНЫЙ РЫЦАРЬ

ного лет жил в лесу удалец Робин Гуд,
Дерри, и т. д.
Королю рассказали о нем:
Осмелел, мол, злодей, грабит честных людей –
Хоть прелатом ты будь, хоть купцом,
Хэй, и т. д.

И собрался тогда королевский совет,
Начал долгие речи вести.
Чтоб стрелка укротить, чтобы лихо избыть,
Порешили облавой пойти[1].

Совещались аббаты и пэры весь день
И условились не без труда,
Что кого-то из них, кто отважен и лих,
Нужно спешно отправить туда.

Есть достойный и верный слуга короля,
Славный рыцарь, что многих храбрей, –

Сэр Уильям; и вот государь его ждет —
Тот доволен удачей своей.

«Отыщи-ка в лесу Робин Гуда — стрелка,
Повели прекратить озорство.
Пусть сдается добром, или горько о том
Пожалеть я заставлю его!

Набери себе сотню отборных стрелков,
Да и сам налегке не иди:
Ты в блестящей броне и на белом коне,
Как положено, будь впереди».

Сэр Уильям сказал, что служить королю
Он готов и возглавит отряд:
«Обещаю, что с ним — мертвым или живым,
Не иначе — вернусь я назад».

Ровно сотню солдат отобрали ему,
Вряд ли лучше сыскать бы кто мог.
Ох, боюсь, в летний день меж стволов, как олень,
Не укроется вольный стрелок!

Маршируют они, все в блестящей броне,
Отражаются в ней небеса.
Не присесть по пути: им скорей бы прийти
В те края, где леса и леса.

Сэр Уильям велел: «Ожидайте пока,
Не снимая руки с тетивы.
Если будет нужда, позову я тогда,
И придете на выручку вы.

Покажу Робин Гуду письмо короля –
Коль разбойник смекнет, что почем,
Будет бой ни к чему, Робин Гуда возьму
Я тогда, не взмахнувши мечом».

Смелый рыцарь лесную ватагу сыскал,
Хоть, по чаще бродя, изнемог.
Он письмо показал, что́ велели, сказал,
Но ответил изгнанник-стрелок:

«Предлагают мне нынче оружье сложить,
Отказаться от жизни лесной,
Угрожают вязать – пусть попробуют взять,
Удальцов тут семь дюжин со мной!»

Сэр Уильям хотел Робин Гуда схватить,
Но вступились лесные стрелки,
И Виль Loксли[2] сказал: «Ты, конечно, удал,
Только с нами хитрить не с руки».

Робин Гуд затрубил – на тревожный сигнал
Остальные сбежались тотчас.
Был и рыцарь готов, и примчались на зов
Королевские лучники враз.

Сэр Уильям тогда расставляет людей,
Как положено делать в бою,
А напротив солдат все изгои стоят,
Защищая свободу свою.

Тетивы зазвенели, и стрелы взвились
Над поляной, над быстрой рекой;
И лихая стрела, просвистев, принесла
Сэру рыцарю вечный покой.

От зари до полудня сражались они,
Отказавшись бежать наотрез.
Всяк силен был и смел, отступать не хотел;
День был жарким, и зелен был лес.

Наконец разошлись они: в Лондон одни,
А другие, как в песне поют,
По лесам, кто куда, да случилась беда:
Расхворался смельчак Робин Гуд.

За монахом послал он, чтоб кровь отворить,
Только Робина тот уморил.
Как его погребли, все изгои ушли:
Стал удел им зеленый немил.

Кто к французам, к испанцам уплыл за моря
И в земле поселился чужой,
Кто отправился в Рим, страхом ада гоним,
Но потом воротился домой.

Кто стрелы не боялся, копья и меча,
От лечения кровью истек.
Вот и весь мой рассказ, что сложил я для вас,
Как скончался отважный стрелок.

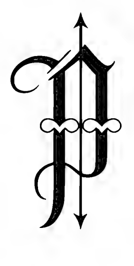
Эпитафия только осталась ему,
Здесь, читатель, есть также она.
И по нынешний день — всяк прочтет, коль не лень —
На надгробии надпись видна.

ЭПИТАФИЯ
РОБИН ГУДУ,

написанная на его надгробии
настоятельницей монастыря Бирксли[3]
в Йоркшире

Под камнем сим, простым на вид,
Граф Робин Хантингтон лежит.
Таких стрелков не видел свет;
Он жил в лесу тринадцать лет,
Принявши имя Робин Гуд,
Бесчинствовал и там и тут.
И впредь, даст Бог, такой, как он,
Не будет в Англии рожден!

РОБИН И ГАНДЛЕЙН



Робин связанный лежит.

Один ученый человек
  О том поведал мне,
Как Робин и Гандлейн в леса
  Пустились по весне.

Они из лука подстрелить
  Способны птицу влет,
Добыть любую могут дичь,
  Какую Бог пошлет.

Однако тщетно молодцы
  Слоняются с утра.
Вот уж и вечер наступил,
  И по домам пора.

Вдруг, глядь, оленей пятьдесят
  На них выходят враз,

И все жирны и хороши,
И, лук схватив тотчас,
Кивает Робин: «Я клянусь,
Они тут ждали нас!»

Он натянул свой крепкий лук,
Запела тетива,
И алой кровью вожака
Окрасилась трава.

Но не успел он шкуру снять,
Лишь только нож достал,
Как кто-то выпустил стрелу –
И Робин мертвым пал.

Гандлейн вокруг бросает взгляд,
Зачуявши беду.
«Тот, кто хозяина убил,
Не скроется – найду.
Клянусь, пока убийца жив,
Из леса не уйду!»

Гандлейн на луг бросает взгляд
И на зеленый склон
И замечает паренька,
Чье имя Реннок Донн.

Надежный лук в его руках,
В колчане – двадцать стрел.
Владелец их наверняка
Отважен и умел.
«Поберегись, Гандлейн, пока
Тебя я не задел!

Поберегись, ведь у меня
Рука не задрожит».
Гандлейн сказал: «Устроим спор –
Будь проклят, кто сбежит!

Но где ж поставим мы мишень?» –
Спросил немедля он.
«Мишенью будет грудь врага», –
Ответил Реннок Донн.

«Кому же первому стрелять?
Да будет спор решен!» –
«Пусть этот выстрел будет мой!» –
Ответил Реннок Донн.

Он целился невысоко,
И острая стрела
Задела только ткань штанов,
А в тело не вошла.

Гандлейн воскликнул: «Мой черед!
Я Господом клянусь,
Ты промахнулся, Реннок Донн,
А я не промахнусь!»

Запела тонко тетива,
И понеслась стрела,
И сердце Реннока в груди
Тотчас она нашла.

«Тебе не хвастать, Реннок Донн,
Зимой у очага,
Что Робин был тобой убит,
А с ним – его слуга.

Тебе не хвастать, Реннок Донн,
В лесу и на лугу,
Что ты и Робина убил,
И с ним его слугу!»

Робин связанный лежит.

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ О РОБИН ГУДЕ

Эй, йомены и господа
    И кто еще тут есть,
Кому охота, все сюда –
    Прошу вас подле сесть.

О Робин Гуде вам, друзья,
    Поведаю рассказ.
Про что в нем речь, надеюсь я,
    Поймет любой из вас.

Когда-то имя «Роберт Гуд»
    Любой, ей-богу, знал –
Так графа Хантингтона люд
    В округе называл.

Он был учтив, красив, силен,
    Жил с детства без забот,
И при дворе в фаворе он
    Ходил не первый год.

Своей прославлен добротой,
Со всеми он дружил,
И честный малый, хоть простой,
Ему всегда был мил.

Он не жалел любых затрат,
Обеды задавал,
Три сотни удалых ребят
Кормил и содержал.

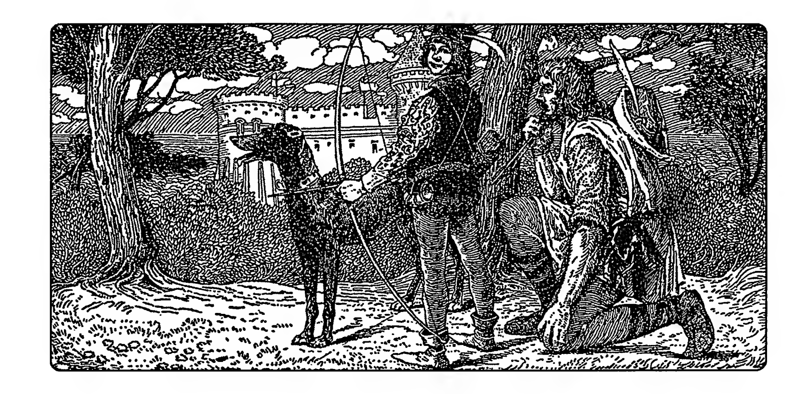
Клянусь я вам, доселе нет
Стрелков ему под стать:
Он упражнялся с ранних лет
И ловко мог стрелять[1].

Хоть был изрядным капитал,
Он всё растратил сам,
Покинул замок и людей
Стал грабить по лесам.

Должок аббату одному
Не смог вернуть он в срок.
И строгий приговор ему
Немедля суд изрек.

Так Роберт потерял свой дом;
Собрав лихих ребят,
Стал дань взимать в лесу густом
Он с тех, кто был богат.

Был удалец Малютка Джон
Из первых в шайке той –
Сразиться мог спокойно он
Хоть с целою толпой.



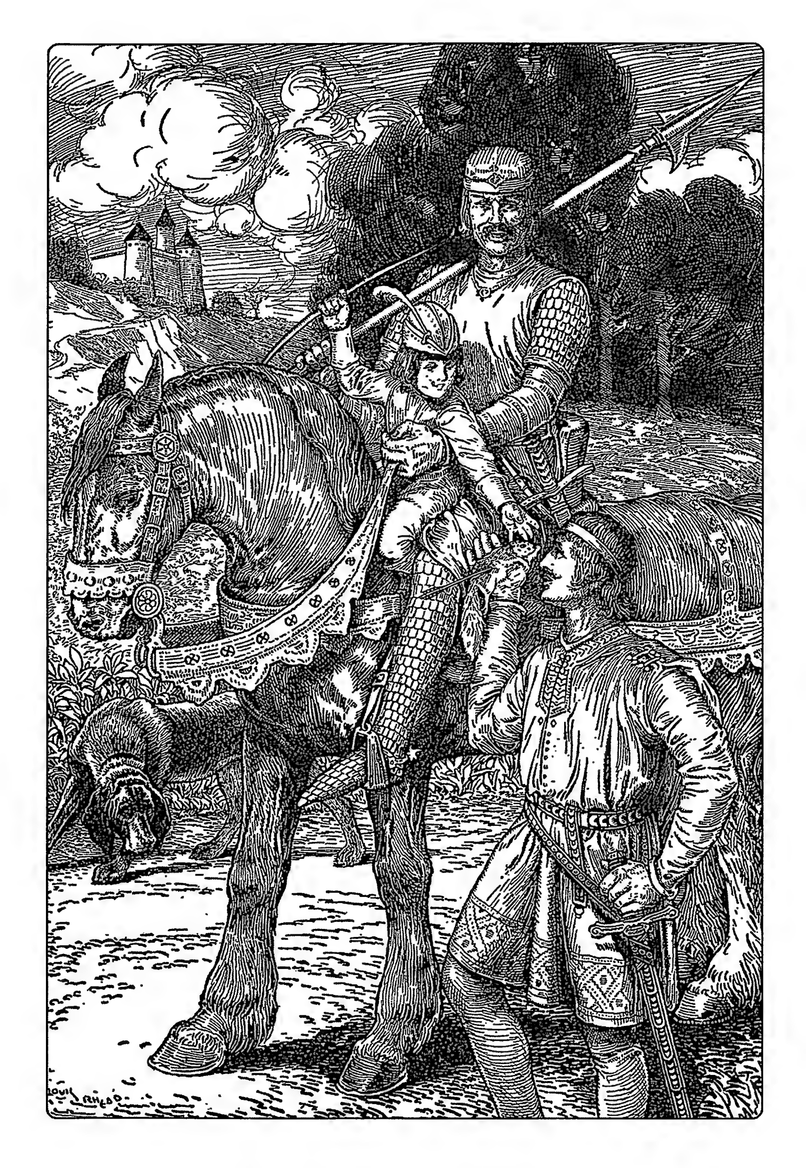
В сто человек была их рать,
И верно говорят:
Не смог бы с ними совладать
Трехсотенный отряд.

В Йоркшире грабили они
И в Ланкашире тож,
И от бесчинства их в те дни
Людей бросало в дрожь.

Спокойно богатей не мог
Проехать через лес:
Там выходил лесной стрелок
К нему наперерез.

Всех пуще Робин не терпел
Заносчивых попов —
Из них въезжать не каждый смел
Под сень лесных дубов.

Он угощал их, а потом
Брал плату за обед,



Он упражнялся с ранних лет |
И ловко мог стрелять.

И многие в краю лесном
Сполна хватили бед.

Стрелок гостей не отпускал,
Не взявши кошелек,
А тех, кто спорить начинал,
Он облегчал меж ног.

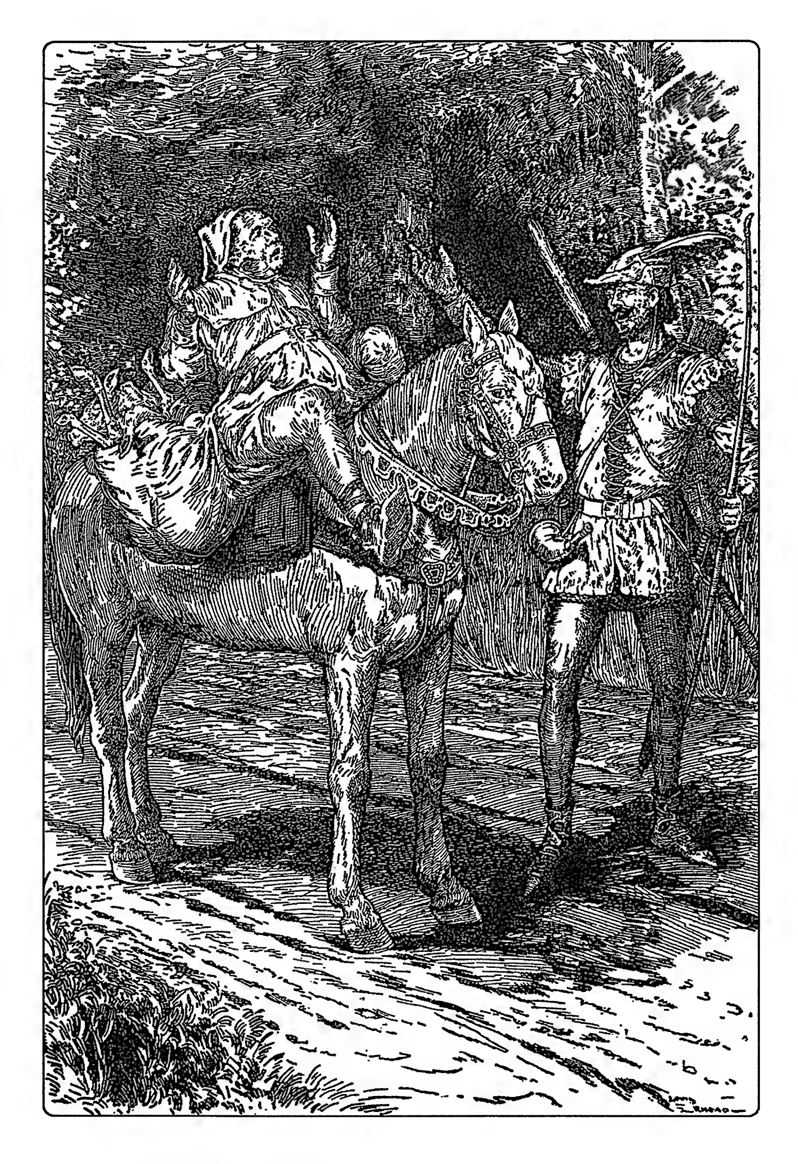
Известно всем, как в оны дни
Попам был лаком блуд.
Чтоб не грешили впредь они,
Скопил их Робин Гуд[2].

С другими он учтивей был,
Не требуя наград.
Тех, кто о помощи просил,
Был Робин видеть рад.

Деньгами щедро помогал
Он всем до одного,
Любой бедняк, и стар и мал,
Молился за него[3].

Помочь вдове и сироте
Он не считал за труд.
С тем, кто ютился в нищете,
Дружил наш Робин Гуд.

Он девам не чинил вреда,
Чужих не трогал жен,
И на защиту их всегда
Вставал отважно он.



Спокойно богатей не мог | Проехать через лес: | Там выходил лесной стрелок | К нему наперерез.

Однажды враг его, аббат,
Дорогою лесной,
Взяв в двести человек отряд,
Пустился в путь с казной.

И Робин Гуд напал на них,
Нагнав немалый страх.
Двенадцать тысяч золотых
Нашел он в сундуках.

Аббата к дубу привязал,
Чтоб тот сбежать не мог,
И тут же мессу приказал
Служить лесной стрелок.

Потом из леса в свой черед
Он гостя проводил,
Да только задом наперед
На лошадь посадил.

Стрелки толпою шли за ним,
Был шутке всякий рад,
И злился, яростью томим,
Униженный прелат.

Так за обиду отомстил
Аббату Робин Гуд,
Ведь всех земель его лишил
Тот рясоносный плут.

Аббат в столицу поскакал
Для встречи с королем
И там немедля рассказал
Монарху обо всём.

Мол, коль мятежника не взять
Обманом иль в бою,
Не сможет лесом ездить знать
Спокойно в том краю.

Король ответил, что терпеть
Не станет он ворья,
Что Робин должен умереть
И с ним – его друзья.

Но, прежде чем король успел
Отряд в леса послать,
Свое искусство, горд и смел,
Стрелок явил опять.

Всю ренту, годовой налог,
Из северной земли
Не без волнений и тревог
Раз королю везли.

Но Робин Гуд, Малютка Джон
И прочие стрелки,
Презрев порядок и закон,
Отняли сундуки.

Его величество был зол,
Когда о том узнал,
И вот повсюду клич пошел:
«Внимайте, стар и мал!

Кто привезет лесных стрелков
Хоть мертвых, хоть живых,
Тем заплатить король готов
Семь сотен золотых».

Немало йоменов пошли
 В лесу стрелка искать:
«Тебя вблизи или вдали
 Отыщем, дерзкий тать!»

Когда же Робин их встречал
 В тени густых ветвей,
Он их обедом угощал —
 Едва ль найти вкусней.

Являл такое мастерство
 В стрельбе из лука он,
Что всякий, глядя на него,
 Был сильно удивлен

И молвил: «Верно, предо мной
 Достойный человек!
Неужто жить в глуши лесной
 Он обречен навек?»

Король бойцов и слал, и слал —
 Стрелку всё нипочем.
Из лука Робин их сражал
 Иль убивал мечом.

Других он вежеством своим
 Преображал в друзей
И пировал, судьбой храним,
 Под зеленью ветвей.

Жил как король лихой стрелок —
 Боялись все и вся.
Кто потягаться бы с ним мог,
 Еще не родился.

Аббат, о коем шла тут речь,
Был всё отдать готов,
Чтоб Робин Гуда подстеречь
И с ним его дружков.

Он раз вооружил отряд
В пять сотен человек,
Но триста не пришли назад,
Легли в лесу навек.

Надежен лук в руках стрелка,
И тетива поет —
В противника издалека
Без промаха он бьет.

Кто выжил — тот, не чуя ног,
Помчался прочь скорей,
Но захватил лесной стрелок
В плен дюжину «гостей».

Он их обедать усадил,
Потешил, как умел,
Потом живыми отпустил
И передать велел,

Что у монарха хочет он
Прощенья испросить,
Хотя не раз ему закон
Случалось преступить.

Стрелок вернуть согласен был
Все деньги, что отнял.
А он за много лет скопил
Изрядный капитал!

Не знала страха беднота
В тени лесных дубов:
Тем, у кого мошна пуста,
Он был помочь готов.

А если людям зло чинил
Имущий лиходей,
То Робин Гуд его ловил
И делал вмиг бедней.

Соскучившись в лесу густом,
Порою наш стрелок
В богатый вламывался дом
И забирал что мог.

В смертельном страхе трепетал
Любой, кто был богат,
И для защиты содержал
Порядочный отряд.

Король, храни его Господь,
Наш Ричард Кер-де-Льон,
Решив неверных побороть,
Поехал на Сион[4].

Епископ Ильский[5] между тем
Наместником сидел.
Не укрощаемый никем,
Он правил, как хотел.

Как говорят хронисты, жил
Он в роскоши большой
И свиту пышную любил
Повсюду брать с собой.

Когда на север он скакал
В компании своей,
Их Робин, ловок и удал,
Нагнал с толпой друзей.

Мелькают стрелы, словно град,
Стремительны, легки.
Ржут кони, и в пыли лежат,
Свалившись, седоки.

Старался тщетно дать отряд
Отпор лесным стрелкам.
Ох, знать епископ был бы рад,
Не сгинет ли он сам.

Людей две сотни там легли
И много лошадей.
Немало пленных отвели
Под сень лесных ветвей.

По двадцать марок выкуп был
Для них определен;
А кто трусливо отступил,
Бежал в Уоррингтон[6].

Был гнев епископа немал;
Чтоб обуздать стрелков,
Монаршим именем созвал
Он много смельчаков.

Но Робин их разубедил,
Отважен и учтив.
Врагов в друзей он обратил
И вновь остался жив.

Стрелки не убоялись бед —
Вот так водилось встарь.
Меж тем минула пара лет,
Вернулся государь.

О лиходеях разговор
Он слышал там и тут,
Дивясь тому, что до сих пор
Они в лесу живут.

«Вернулся Ричард! — ликовать
Пустились стар и млад. —
Пусть не священники, не знать,
А воры впредь дрожат!»

Но Робин государя чтил,
Молился за него,
У тех, кто беден, не стащил
Ни разу ничего,

Ричард Львиное Сердце

Он ненавидел лишь попов;
К изгнанью присужден,
В лесном краю всегда готов
Им навредить был он.

Стрелок, с отвагою своей,
И неповинным мстил,
Когда в тени лесных ветвей
Их на тропе ловил.

Возвел семь богаделен он
На деньги, что добыл,
И мнил, что будет в рай введен,
Хоть многих погубил[7].

Так люди чаяли уйти
От Божьего суда.
Неужто с турками почти
Сравнялись мы тогда?[8]

По правде молвить, Робин Гуд
Зазря не убивал —
Лишь тех в лесу ждал скорый суд,
Кто первым нападал.

Но был спокоен хлебороб,
Что ходит за сохой:
Известно всем, что без него б
Нас ждал удел плохой.

Со свитой в Ноттингем затем
Приехал государь.
«Немало зла наделал всем
Разбойник и бунтарь!

И потому я, в свой черед,
Издам такой указ:
Коль Робин Гуда приведет
Ко мне любой из вас,

То награжу я смельчака,
Пусть знают все вокруг:
Не поскуплюсь; моя рука
Щедра для верных слуг».

А Робин Гуд о том прознал,
Живя в тени ветвей,
И государю написал
Посланье поскорей.

Письмо к стреле он прикрепил,
Пустил ее в полет,
Глядь — кто-то уж его схватил
И королю несет.

Так государь узнал о том,
Что Робин Гуд готов
Покорным быть ему во всём
И усмирить стрелков

И умоляет всё простить
Ватаге удалой,
Не то, как прежде, будут жить
Стрелки в тени лесной.

Король помиловал бы их,
Но зашумел совет:
«Хитер вожак стрелков лесных,
Прощать его не след».

Пока обдумывала знать,
В чем будет меньше зла,
Часть удальцов не стала ждать —
В Шотландию ушла,

Решив: коль сдастся Робин Гуд
На милость короля,
То остальных ждет скорый суд
И крепкая петля.

Из ста осталось у него
Лишь сорок человек,
Что были все до одного
Верны ему навек.

Коль все б остались, вышло б им
Прощенье прежних дел,
Ведь государь стрелкам лесным
Пощаду дать хотел.

Но не дошла до леса весть —
Скончался Робин Гуд.
Что с ним случилось, всё как есть
Я опишу вам тут.

Сидел от прочих он вдали
И, скорби не тая,
Тужил, что от него ушли
Неверные друзья.

«Спасал стрелков из западни
Не я ли столько раз?
И вот покинули они
Меня в нелегкий час!»

Он захворал от тяжких дум
Горячкой, говорят,
И у него мутился ум —
Он выжил бы навряд.

Желая жизнь свою спасти,
Заставил он друзей
Себя в обитель отнести,
Чтоб кровь пустить скорей.

Монах бесчестный сделал вид,
Что лечит удальца,
Но глядь — уж кровь струей бежит
В преддверии конца.

Вот так за прежние дела
Монах сквитаться смог,
Ведь сделал очень много зла
Попам лесной стрелок.

Так от измены умер тот,
Кто не был силой взят.
А, верно, ждал его почет,
Хоть был он виноват.

Король приблизил бы его,
Он был бы счастлив впредь,
Когда б не пал от рук того,
Кого не мог терпеть.

Предатель подлый был монах,
И, право, не солгу,
Сказав, что зря, отринув страх,
Стрелок пришел к врагу.

Вот аббатиса погрести
Его скорей велит,
И на обочине пути
Он, как бедняк, зарыт.

Положен камень в головах –
Он и доныне есть –
О Робин-гудовых делах
Прохожий мог прочесть.

Там написали день и год,
Всё честно, без прикрас,
Так, чтобы всякий, кто пройдет,
Узнал бы сей же час,

Что Робин Гуд здесь погребен,
Лежит в земле сырой,
В лесу зеленом грабил он
И был стрелок лихой.

Хоть ненавидел он попов
И сделал много зла,
Кой-кто за ним признать готов
Был добрые дела.

Решила аббатиса так:
«Пусть многим он немил,
Нельзя, хоть Робин был мне враг,
Чтоб мир о нем забыл».

На камне надпись, говорят,
Виднелась сотню лет.
Но время мчится, дни летят –
Ее пропал и след.

А Робин-гудовы друзья?
Иные прощены,
Иные в дальние края
Бежали из страны.

Был Робин скромно погребен,
Навек обрел покой,
Но не исчез бесследно он
Из памяти людской.

С тех самых пор до наших дней –
Соврать мне не дадут –
Не нарождалось, ей-же-ей,
Таких, как Робин Гуд.

Тринадцать лет он жил в лесах
В компании стрелков.
Внушал богатым Робин страх,
Был другом бедняков.

Для нас всё это чудеса,
Дела минувших лет,
Ведь тех, кто уходил в леса,
Давно в помине нет.

Теперь законы мы блюдем,
Порядок есть у нас,
И на преступников найдем
Управу сей же час.

В те годы Англия была
Грубее во сто крат,
А нынче, Господу хвала,
Закон всё больше чтят.

Не знали пушек в старину,
Что ныне скрыта мглой,
И в оны дни вели войну
Не пулей, а стрелой,

И, чтоб достигнуть мастерства,
Учились много лет.
Легенда о стрелках жива,
Которым равных нет!

Бродя в глуши, в лесу густом,
В раскидистой тени,
Бывало, путника дубьем
Попотчуют они.

Бежал от Робина скорей
Невежа и нахал,
А вот порядочных гостей
Он славно принимал.

Людьми любим был сей стрелок,
Хоть и внушал им страх,
И потому он, видит Бог,
Имел успех в делах.

Зато теперь в стране царят
Мир, правда, благодать;
Разбоя сколько лет подряд
Уже и не видать.

В народных байках много раз
Помянут Робин Гуд,
Но есть и хроники у нас,
Они-то не соврут.

И тем, кто скажет: «Это ложь!» —
Ответить буду рад:
«В правленье Ричарда найдешь
Ты указаний ряд».

Ей-ей, всё выяснит любой,
Кто летопись прочтет,

Что Робин жил в тени лесной
Без бед за годом год.

И будет, может быть, друзья,
Вознагражден мой труд,
Ведь рассказал о том вам я,
Чем славен Робин Гуд.

ВИЛЛИ И ДОЧЬ ГРАФА РИЧАРДА

Был Вилли родом именит,
Отважен и силен,
И к графу Ричарду служить
Пришел однажды он.

Одна у графа дочь была,
Нежна как вешний цвет,
И Вилли полюбил ее,
И та его — в ответ.

Вот как-то летом, ввечеру,
Когда закат был ал,
В густой тени лесных ветвей
Ее он повстречал.

«Мне узко платье, милый мой,
Трещит оно по швам,
И нежный цвет сбежал со щек —
Что делать, Вилли, нам?

Ведь, коль узнает мой отец,
Что я ношу дитя,
Тебя повесить он велит,
Нимало не шутя.

Ко мне приди ты под окно,
Когда настанет ночь.
Чтоб не расшиблась оземь я,
Ты должен мне помочь».

Явился Вилли в должный час —
Его ждала она
И, вся залитая луной,
Стояла у окна.

А после спрыгнула к нему,
Без страха, не дрожа,
И Вилли прочь понес ее,
В объятиях держа.

Они ушли в зеленый лес,
И там, в тиши ночной,
Она сынишку родила,
Укрытая листвой.

И ночь прошла, и день пришел,
Заря была ясна,
И пробудился наконец
Граф Ричард ото сна.

Своих он кликнул молодцов,
Прислугу и пажей.
«Вы позовите дочь мою,
Пускай придет скорей.

Она мне снилась в эту ночь,
У ней был страшный вид:
Мне снилось, будто дочь моя
В воде морской лежит[1].

О, если умерла она
Иль кто ее увез,
Клянусь Христом, что всякий здесь
Умрет, как подлый пес!»

Искали деву там и тут,
И рядом, и вдали,
И вот, с ребенком у груди,
В лесу ее нашли.

Граф ласково младенца взял
И начал целовать.
«Отца повесить я бы рад,
Но дорога мне мать».

Дитя лаская, молвил он:
«Тебя я признаю;
Пусть “Робин Гуд” тебя зовут.
Цари в лесном краю!»

Поют иные о лугах
И о полях поют,
Но кто споет, где родился
Отважный Робин Гуд?

Не в замке, меж высоких стен,
На свет явился он —
В лесу, где лилии цветут,
Был Робин Гуд рожден.

РОБИН ГУД И ДОЧЬ СКОРНЯКА

лесу девицу как-то раз
Узрел лихой стрелок,
Та от него бежать тотчас
Хотела со всех ног.

«Нет-нет, красотка, не спеши,
Не бойся, милый друг,
Я человек большой души,
Добрее всех вокруг. –

Вмиг Робин скинул капюшон
И поклонился ей. –
Я буду счастлив, – молвил он, –
Коль станешь ты моей. –

Изящный стан ее обвил
Рукою сей же миг,
Лицо к устам ее склонил
И нежно к ним приник. –

Кто твой отец, любовь моя?
Скорее мне открой». —
«Ах! дочка Джона Гоббса я,
Скорняк — родитель мой». —

«С тобой мы заключим союз —
Мой свет, согласна ль ты?» —
«Согласна, если ты не трус
И помыслы чисты». —

«Кого бояться мне, ответь,
Столь горячо любя?» —
«Моих двух братьев, что терпеть
Не захотят тебя». —

«Их испытаю я в бою,
Не устрашусь, ей-ей.
Пролить готов я кровь свою,
Чтоб ты была моей!» —

«Они горды, они сильны».
Но молвил Робин Гуд:
«Я проучу их, коль они
Бранить тебя начнут.

Мне и лесным моим стрелкам
Законы не страшны,
И сбор дорожный платят нам
Кожевника сыны!

Хоть нет овец в тени лесной[1],
Оленьи есть стада.
Вы голодаете порой,
А я же сыт всегда!»

Договорил он до конца,
Вдруг видит: через лес
Им два отважных удальца
Спешат наперерез.

Они, с мечами на боку,
Летят, гоня коней,
А Робин Гуд уж начеку
С возлюбленной своей.

«Ах, это братья! Ну же, прочь,
Спасайся, Робин Гуд!
О, видеть будет мне невмочь,
Как кровь твою прольют!» —

«Домой, неверная сестра,
Ступай-ка сей же час.
Зачем ты в лес густой с утра
Ушла, покинув нас?»

Шагнул назад лихой стрелок,
Уперся в ствол спиной.
«Я буду драться, видит Бог, —
Останься же со мной!»

Он, деву заслонив, стоял;
И, подбежав вдвоем,
Велели братья: «Прочь, нахал,
Иль мы тебя убьем!»

А та вскричала: «Я домой
Хоть сей же миг пойду,
Чтоб этот лучник молодой
Не угодил в беду». —

«Не умоляй, девица, их,
Я свой обет сдержу:
Жестоких родичей твоих
Примерно накажу.

За дуб ты схоронись скорей
И мне не прекословь.
Проворный меч в руке моей
Им живо пустит кровь».

О ствол оперся наш стрелок,
Чтоб с места не сойти,
И брату одному рассек
Он мясо до кости.

Сражались храбро скорняки,
Но был и Робин лих:
Мечом он дрался мастерски
И потчевал двоих,

Но ранен был; и кровь текла
С лица его ручьем.
«Ему вы не чините зла,
Молю, домой пойдем!» —

«Постой, красавица, постой, —
Вскричал лесной стрелок. —
Один удар я снес — с лихвой
Отвечу, видит Бог».

Вложил в размах остаток сил
Он, ловок и удал,
И череп старшему пробил —
И недруг мертвым пал.

Девица молит удальца:
«Пусть младший жив уйдет,
Ведь он для старика-отца
Единственный оплот!»

«Молчи! Твоя постыдна речь», —
Ответил свысока
Ей младший брат и острый меч
Обрушил на стрелка.

Тут Робин Гуд к стволу приник,
И встала тьма в глазах,
Не слышал он, как в этот миг
Вскричала дева: «Ах!»

Пускай не сразу Робин смог
Свой верный меч поднять,
Но вскоре доблестный стрелок
В бой бросился опять.

Скорняк совсем лишился сил —
Не шевельнуть рукой.
Но Робин парня пощадил,
Уйдя с его сестрой.

Клялись сведенные судьбой
В тени лесных ветвей:
Она — быть верною женой,
А он — жить только ей.

АЛАЯ РОЗА И БЕЛАЯ ЛИЛИЯ

Весть разлетелась по всей округе,
Весть принесли чуть свет
Алой Розе и Лилии Белой,
Что матушки больше нет.

И женщину гордую из-за моря
Отец их привез домой.
Она сыновей, двух рыцарей юных,
Оттуда взяла с собой.

Увидели юноши двух красавиц,
Что вышли корабль встречать,
И поклялись, ступив на берег,
Обеих в супруги взять.

Что ж! Не минуло и получаса,
Как в порт вошли корабли,
И удальцы влюбленные эти
Взаимность уже обрели.

В летний вечер звенели струны,
Сладкий звучал напев,
И веселей, чем во всей округе,
Было в покоях дев.

Тогда пришла к ним мачеха злая,
Встала она у дверей.
«Ах, отчего вы так расшумелись?
А ну замолчите скорей!

Ты, Алая Роза, поешь так громко,
Твой голос на вой похож,
Но, коль Господь меня не оставит,
Иначе ты запоешь». —

«Не стану, не стану я петь потише,
Ты сыном не тяжела.
И много, много веселых песен
Еще пропоем досветла.

Только что мы окончили песню
И снова ее начнем.
Возьмем мы арфы и заиграем,
Чтоб ночь обернулась днем». —

«Эй, отправляйтесь за синее море
Немедля, мои сыновья,
А с Алой Розой и Лилией Белой
Останусь в покоях я».

Но старший молвил: «Не дай-то Боже,
Не можем мы прочь уплыть.
Лишь только если ты обещаешь
Поласковей с девами быть». —

«Как вы, любить их нежно я буду –
Ступайте, дети, в поход,
А Розе Алой и Лилии Белой
Будет в дому почет». –

«О, долго мы плыли сюда по морю,
Среди клокочущих вод,
И в край далекий, увы, отсюда
Известие не дойдет».

Но мать смеется над сыновьями
И гонит их прочь скорей.
А Розе Алой и Лилии Белой
Придется остаться с ней.

Но не прошло и четверти года,
Как стало им невтерпеж:
Лилия ходит в изношенном платье,
А Роза в лохмотьях сплошь.

С мачехой злобною дом родимый
Стал им страшнее тюрьмы.
«И вправду, – промолвила Алая Роза, –
Запели иначе мы.

Сестра! Возьмем имена чужие,
Вовеки не сыщут нас.
Нет Алой Розы и Лилии Белой,
Есть Роджер и Николас.

Немного выше колен обрежем
Мы яркий зеленый наряд,
В лесу кормиться охотою станем
И не вернемся назад».

Белая Лилия ей отвечала:
«Пальцы мои тонки,
Боюсь, дорогая, что с непривычки
Выскользнет лук из руки». —

«Эй, замолчи-ка — пустые речи
Слушать я не хочу.
Ведь ты во всём ловка и сметлива,
Я живо тебя научу».

Сестры, отправившись в лес зеленый,
Бродили и там и тут.
Вдруг на поляне под старым дубом
Встретился им Робин Гуд.

«Доброе утро, — сказали девицы, —
Господь тебя сохрани». —
«Зачем вы в моих появились владеньях?»
И отвечали они:

«Рыцари мы, да ушли в изгнанье
Из наших родных краев,
Прими нас на службу: король-то уж точно
Не даст нам ни стол, ни кров». —

«Коль рыцари вы, то скажите, откуда
Приехали к нам, господа?» —
«Из Файфшира мы, из города Анстер[1],
Явились недавно сюда». —

«О, если всё это чистая правда
И искренен ваш рассказ,
Охотно в нашем лесу зеленом
На службу приму я вас.

Вы будете жить со мною вместе
И есть за одним столом,
И вместо лохмотьев цветные наряды
Мы живо для вас найдем».

А после в заброшенный дом обедать
С собою привел их он.
Ел Николас вместе с Робином смелым,
А с Роджером – Крошка Джон.

Но вот однажды метать каменья
Стрелки на лужок пошли[2],
И Алая Роза на них смотрела
Сначала, стоя вдали,

Потом на колено взвалила камень,
К плечу рывком подняла
И втрое дальше, чем остальные,
Его зашвырнуть смогла.

И села она к стволу спиною
И простонала: «Ох!»
Промолвил один из стрелков: «Ей-богу,
Не женский ли слышу вздох?»

«Как ты узнал? – она спросила. –
Как же сумел угадать?
Ведь в испытаньях не отступила
Ни разу я ни на пядь.

Неужто ты понял всё по румянцу
Иль по сиянью глаз?
Я знаю: грудь мою обнаженной
Не видел никто из вас». –

«Нет, не по взгляду и скулам румяным
Правду я угадал,
А по тому, что твой подбородок
Гладок, и бел, и мал.

И в испытаниях не отступала
Прежде ты ни на пядь,
И доводилось тебе в сраженьях
По голень в крови стоять,

Но коль в твое проберусь жилище
Ночью иль среди дня,
Увижу, кто ты — тогда уж правда
Не скроется от меня». —

«Коль ты взаправду в мое жилище
Придешь хоть ночью, хоть днем,
Я меч достану тотчас — и минуты
Не буду с тобой вдвоем».

Но он пробрался в ее жилище,
Пусть дверь и крепка была,
И ночь провел там, и Алая Роза
Стала с тех пор тяжела.

Четыре месяца быстро промчались,
А следом и целых пять,
Она за оленем хотела погнаться,
Но не смогла бежать.

Смелый стрелок на любимую глянул
И молвил: «Ну вот тебе на!
Щеки твои не цветут румянцем,
Ты стала совсем бледна.

Хочешь ли, розами и кружевами
Наряд твой украшу я?
А может, ты по утехам тайным
Скучаешь, любовь моя?» —

«Нет, не хочу я ни роз на платье,
Ни кружев, ни лент, ни шитья,
И по утехам нашим тайным
Отнюдь не скучаю я.

Прошу, огонь разведи скорее
Для света и для тепла,
И приведи мне сюда повитуху,
Чтоб я разродиться могла». —

«Сейчас разведу костер пожарче
И принесу вина.
Я здесь останусь, и повитуха
Будет тебе не нужна». —

«Не так моя матушка дочек рожала,
Ведь это воистину стыд —
Оставить мужчину с женщиной вместе,
Когда она в муках родит[3].

В лесу зеленом есть славный рыцарь;
Узнает он обо всём —
Ко мне примчится, и я охотно
С ним останусь вдвоем». —

«Неужто в лесу есть славный рыцарь,
Который тобою любим?
Ну, коль придет он в твое жилище,
Мы схватимся насмерть с ним!»

Роза рожок к губам приложила,
Он звонко в тиши пропел,
И тут же явился из чащи леса
Роджер, силен и смел.

Стрелок воскликнул: «Померимся силой?»
Роджер ответил: «Да!
Я с Розой по праву могу быть рядом,
Затем и пришел сюда».

Стрелок и Роджер в лесу сражались,
А после вышли на луг
И смело бились, и сделалась алой
От крови земля вокруг.

Но простонала Алая Роза,
Сидя в тени лесной:
«Рыцарь этот — моя сестрица!
Хватит, стрелок, постой».

Тут и другой стрелок промолвил,
Стоя под сводом ветвей:
«Если б я знал, что это девица,
Сердце бы отдал ей». —

«Роза! Господь тебя покарает,
В муках покинешь свет:
И тайну свою сберечь не сумела,
И мой раскрыла секрет!

Вместе с тобою была я готова
За дальние плыть моря,
Ради тебя нужду я терпела —
Всё это было зря!»

Но после, когда открылася правда,
Все радостно стали петь,
Как соловьи на ветвях зеленых,
И счастливы были впредь.

Оба стрелка повели любимых
Вскорости под венец,
Все они живут и поныне;
Песне на сем конец.

АДАМ БЕЛЛ, КЛЕМ ИЗ КЛУ И ВИЛЬЯМ КЛАУДСЛИ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Как весело среди дерев,
В густой тени лесной,
Ходить-бродить и там и тут
С колчаном за спиной.

Так забавляться по весне
Водилось в старину.
Про трех отважных удальцов
Рассказ теперь начну.

Один из них был Адам Белл,
Был Клем из Клу другой,
А третий – Вильям Клаудсли,
Смельчак, стрелок лихой.

За то, что били дичь они,
На смерть их обрекли.
И, побратавшись, в Инглисвуд
Они втроем ушли.

Теперь внимайте мне, друзья,
Кто песни слушать рад:
Из этой троицы один
Был Клаудсли женат.

Оставив в городе семью,
Терзался Виль — и вот
Однажды братьям объявил,
Что он в Карлайл пойдет.

Супругу Элис и детей
Хотел он навестить,
Но Адам молвил: «Дам совет
Тебе я: не ходить.

Ведь, если ты пойдешь в Карлайл,
Покинув лес густой,
Тебя поймают сей же час —
Спознаешься с петлей». —

«Коль я до завтрашней зари
Обратно не приду,
То знай — в Карлайле я погиб
Иль угодил в беду».

Оставил братьев Виль в лесу,
А сам пошел домой.
Он тихо постучал в окно
Жене во мгле ночной.

«О Элис, друг мой, отзовись,
Ты дома ли с детьми?
Скорее мужу дверь открой,
Скорей его прими». —

«Ах, — удивленно говорит
Жена в ответ ему, —
Полгода ждали здесь тебя,
Чтоб отвести в тюрьму».

«И вот я тут, — промолвил Виль, —
Быстрее дверь открой,
Неси и мяса, и вина —
Да будет пир горой!»

Немедля верная жена
Припасы принесла
И с ним была, как надлежит,
Нежна и весела.

Жила у них одна вдова,
Убогая, без сил:
Ее из милости семь лет
Виль Клаудсли кормил.

И вот старуха поднялась
И вышла за порог,
Хоть до сих пор она семь лет
Лежала, как без ног.

Она отправилась к судье —
Чтоб провалиться ей!
«Вернулся Вильям Клаудсли,
Пришел к жене своей».

Судья тому был очень рад,
А также и шериф.
«Мы не отпустим вас, мадам,
Домой, не наградив».

Ей живо платье поднесли
Из алого сукна.
Вернулась и опять легла
У очага она.

Шериф тревогу объявил
И горожан собрал[1],
И к дому Вильяма они
Пошли, и стар и мал.

Дом окружен со всех сторон —
Не ускользнет стрелок.
Услышал Клаудсли меж тем
Шаги десятков ног.

Супруга глянула в окно —
Узнать, что там за крик.
Она шерифа и судью
В толпе узрела вмиг.

«Измена! — крикнула она. —
Пусть пропадет судья!
Скорей, ко мне ступай наверх,
Мой муж, любовь моя».

Взял Вильям меч, и круглый щит,
И лук, и сыновей
И в верхний побежал покой,
Где дверь была прочней.

И встала верная жена
У двери с топором:
«Умрет любой, кто в этот дом
Явился не с добром!»

Виль лук надежный натянул,
Стрелу в полет пустил,
Судье она попала в грудь,
Да там нагрудник был.

С досады Виль сулит судье
Немало бед и зла.
«Когда б доспех ты не надел,
Прошла б насквозь стрела!» –

«Сдавайся, Клаудсли, нас всех,
Ей-ей, не одолеть!»
А Элис верная кричит:
«Чтоб вам в аду гореть!»

Шериф велел подать огня:
«Дотла спалите дом!
Не хочет сдаться – так пускай
Погибнут впятером».

Дом подожгли и там и тут,
Как факел он горит.
«Похоже, наша смерть пришла», –
Супруга говорит.

Открыл окно на задний двор
Виль Клаудсли скорей
И вниз спустил на простынях
Жену и сыновей.

«Вот все сокровища мои!
Ни детям, ни жене
Молю я не чинить вреда,
Всё выместить на мне!»

Он бил без промаха врагов,
Пока хватало стрел,
Пока надежный лук в руках
С концов не обгорел,

Пока огонь со всех сторон
Не подступил к нему.
Промолвил Виль: «Не задохнусь
Трусливо я в дыму!

Мечом дорогу прорубить
На волю я готов.
Негоже мне в дому сгореть,
Порадовав врагов».

Схватил он меч и крепкий щит
И смело принял бой,
И там, где Виль прошел с мечом,
Тела легли горой.

Никто с ним справиться не мог,
Был в гневе он силен.
Тут доски принялись бросать
В него со всех сторон.

Свалился Виль, и связан был,
И отведен в тюрьму.
«Повесим скоро мы тебя», —
Судья сказал ему.

Шериф добавил: «Возведу
Я новый эшафот,
Запру ворота, и тебя
Никто уж не спасет.

Ни Клем из Клу, ни Адам Белл
В мой город не войдут,
Пускай они хоть целый ад
На помощь призовут».

Судья поднялся поутру,
И, на расправу скор,
Он сторожам велел закрыть
Ворота на запор.

И вот уж, не жалея ног,
На рынок он идет
И там немедленно велит
Построить эшафот.

Судью окликнул мальчуган:
«А что же будет тут?» —
«На казнь лихого Клаудсли
Сегодня приведут».

Был тот парнишка свинопас,
У Элис он служил
И Вилю часто в лес густой
Обеды относил.

К стене помчался паренек,
В щель узкую пролез
И без оглядки побежал
К стрелкам в зеленый лес.

«Вы долго медлили, друзья! —
С досадой крикнул он, —
Стряслась беда! Отважный Виль
К петле приговорен».

Воскликнул смелый Адам Белл:
«Увы! В недобрый час
Ушел из леса он, хоть мог
Остаться среди нас.

На воле мог бы он гулять
Под зеленью ветвей,
И нам, клянусь, день ото дня
Жилось бы веселей».

Оленя Адам подстрелил
В густой лесной тени.
«Вот, паренек, тебе обед,
А мне стрелу верни.

Теперь мы в город поспешим,
Не станем больше ждать,
Рискнем, пусть даже нам самим
Придется жизнь отдать».

В Карлайл стрелки пошли тотчас
Веселым майским днем;
И песню первую, друзья,
Закончу я на сем.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Ворота, как велел судья,
Закрыли на замок,
А обходным путем никто
Войти в Карлайл не мог.

«Зачем, – воскликнул Адам Белл, –
Мы родились на свет?
Ворота заперты стоят,
Нам ходу в город нет».

Ответил Клем: «Нельзя тянуть,
Коль Виля ждет петля;
Давай-ка скажем, что письмо
Несем от короля».

Белл молвил: «Кстати у меня
Есть грамотка с собой.
Привратник, верно, неучен,
Он человек простой».

В ворота начал он стучать
Тяжелым кулаком.
Привратник тут же закричал:
«Что это за содом?

Чего вам надо, молодцы,
К чему весь этот стук?»
«У нас письмо от короля,
Открой скорее, друг.

Гонцы мы, – Адам произнес, –
К судье послали нас.
Письмо вручим и поспешим
Обратно в тот же час».

Привратник молвил: «Не пущу!
Нельзя, – добавил он, –
Покамест Вильям Клаудсли,
Разбойник, не казнен».

Тогда прикрикнул бойкий Клем:
«Клянусь святым крестом,
Коль ты не впустишь в город нас,
Раскаешься потом!

Вот королевская печать,
Не узнаешь, нахал?!»
Привратник скинул капюшон
(Он грамоты не знал).

«Привет посланцам короля,
Что Господом храним!»
Ей-ей, себя он погубил,
Открыв ворота им.

Промолвил Адам: «Нас легко
Пустили за порог,
Но как живыми нам уйти,
Не знаю, видит Бог!»

А Клем ответил: «Коль ключи
Сумеем мы достать,
То, как пришли, так и уйдем
В зеленый лес опять».

Тут он, привратника позвав,
Хребет ему сломал,
Забрал ключи и бросил труп
Вниз головой в подвал.

«Сам буду сторожем теперь,
И кончен разговор.
Таких разинь в Карлайле я
Не видел до сих пор.

Скорей, натянем тетиву
И в город поспешим,
Чтоб брата нашего спасти
И в лес вернуться с ним».

И вот, с оружием в руках,
Стрелки идут вперед,
Туда, где люди собрались,
Где виден эшафот.

Узрели Вильяма друзья
Еще издалека
И тех, кто осудил на смерть
Отважного стрелка.

Лежит в телеге смелый Виль,
В оковах, чуть живой.
Петля на шее у него
И смерть над головой.

Судья велел могилу рыть
Парнишке одному:
Одежду вольного стрелка
Он посулил ему.

Но Клаудсли проговорил:
«Господь меня спасет,
А кто могилу роет мне,
Тот сам в нее сойдет».

«Тебя я лично, Виль, казню,
Ты больно горд и смел», —
Судьи недобрые слова
Услышал Адам Белл.

Тут повернулся Виль слегка,
И увидал он вдруг
Друзей, стоявших на углу, –
И каждый на упругий лук
Накладывал стрелу.

«Я вижу, братия моя
На выручку идет.
Эх, если б руки развязать,
Не знал бы я забот».

Промолвил славный Адам Белл:
«Послушай, Клем из Клу,
Вот там судья; ты на него
Направь скорей стрелу. –

Потом добавил: – Ну а я
Шерифа подобью».
Никто доселе не видал
Такого в том краю.

Они спустили тетивы,
Беды не убоясь, –
Упал шериф, затем судья,
В крови, свалился в грязь.

Все побежали кто куда,
Когда погиб шериф
И с ним судья, свою стрелу
От Клема получив.

В великом страхе наутек
Пустились стар и мал;

Был Виль от пут освобожден,
И на ноги он встал.

Секиру вырвал он тотчас
У стражника из рук
И начал ей рубить врагов,
Столпившихся вокруг.

«Сегодня вместе мы умрем
Иль вместе убежим», —
Виль молвил братьям, обещав
Прийти на помощь к ним.

Стреляли Клем и Адам Белл,
Звенели тетивой.
Их одолеть никто не мог,
И долго длился бой.

Из братьев каждый был готов
Сражаться до конца,
И всем своим врагам они
Вселяли страх в сердца.

Но стрелы кончились, увы,
И стал теснее круг;
И Адам выхватил свой меч,
И Клем отбросил лук.

Стрелки прокладывали путь
Безжалостной рукой,
К полудню много полегло,
И кровь текла рекой.

Стоят в Карлайле плач и вой,
И колокол гремит.
Стенают жены: «Горе мне,
Мой бедный муж убит».

Явился тут карлайлский мэр,
Привел большой отряд –
Друзья подумали, что им
Дадут уйти навряд.

В доспехах мэр бежит к стрелкам,
С тяжелым топором,
И с ним немало смельчаков,
А йомены – втроем.

С размаху Виля он хватил,
Щит выронил стрелок.
И люди начали кричать:
«Ворота на замок!
Измена! Будьте начеку,
Чтоб враг бежать не мог».

Но мэр лишь потерял бойцов,
Что полегли вокруг,
И трое смелых молодцов
Ушли у них из рук.

И Клем воскликнул: «Вот ключи,
Я этой службой сыт –
Ищите новых сторожей,
Ведь прежний-то убит».

Ключи стрелок швырнул в лицо
Солдату на стене.

Вот сколько шуму оттого,
Что Виль сходил к жене!

И без помех друзья втроем
В зеленый лес ушли
И веселились, а враги
Нагнать их не могли.

Они вернулись в Инглисвуд,
Под сень ветвей лесных,
Лежал там острых стрел запас,
И луки ждали их.

И, натянувши тетиву,
Промолвил Белл-стрелок:
«Нам это кстати бы пришлось
В Карлайле, видит Бог!»

Наелись братья, напились
Под зеленью ветвей.
Теперь послушайте конец
Истории моей.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Сидели смелые стрелки
В густой лесной тени,
Вдруг на дороге женский плач
Услышали они.

Судьбу жестокую кляня,
Там Элис шла в слезах.
«О, черный день! Мой муж убит,
Мой Виль, увы и ах!

О, если б я смогла в лесу
Найти его друзей,
То, видит Бог, тогда бы мир
Настал в душе моей».

Тут подошел к ней Виль и встал
Тихонько за спиной.
Он тосковал и так хотел
Увидеться с женой!

«Супруга милая! Я рад,
Что ты пришла сюда.
Вчера уж думал, мы с тобой
Расстались навсегда». —

«Какое счастье, — та в ответ, —
Найти тебя живым!» —
«Меня спасли мои друзья,
Скажи спасибо им». —

«Ну, полно, — Адам отвечал, —
В беседах толку нет,
Покуда бегает в лесу
Наш будущий обед».

Друзья пошли в зеленый лог,
И меткою стрелой
Оленя каждый уложил,
Чтоб пир пошел горой.

«Я долю лучшую отдам
    Тебе, жена моя,
За то, что ты была со мной,
    Когда сражался я».

Роскошен был лесной обед,
    Хватило всем еды.
Все ликовали, что Господь
    Сберег их от беды.

Когда окончился обед,
    Виль так сказал друзьям:
«Клянусь, мириться с королем
    Скорее нужно нам.

Пускай покамест поживет
    В монастыре жена,
Обоих младших сыновей
    Возьмет с собой она.

Поедет с нами старший сын,
    Ведь он уже большой –
Вернется с вестью, если что
    Случится вдруг со мной».

И вот, отважны, удалы
    И на ноги легки,
Тотчас в столицу к королю
    Отправились стрелки.

Когда до Лондона друзья
    Добрались наконец,
Они бесстрашно, не спросясь,
    Явились во дворец

И, никому не доложив,
    Вошли в широкий зал.
Привратник побежал им вслед,
    Окликнул и сказал:

«Зачем вы, йомены, пришли?
    Ответьте сей же час,
Ведь, право, должность потерять
    Могу я из-за вас». –

«Мы три изгоя, добрый сэр,
    Тебе не лжем отнюдь.
Мы, чтоб прощенье получить,
    Прошли немалый путь».

Стрелки явились к королю,
    Изрядно присмирев,
Склонился каждый перед ним,
    Ладони вверх воздев.

«Тебя мы просим, государь:
    Даруй прощенье нам
За то, что били мы твоих
    Оленей по лесам». –

«Как вас зовут? – спросил король. –
    Скажите мне скорей».
Ответил Адам за себя
    И за своих друзей.

«Вы воры! Я слыхал про вас! –
    Кричит король на них. –
И перед Господом клянусь
    Повесить всех троих!

Пощады можете не ждать,
Казнить велю я вас».
Король позвал своих людей
И им отдал приказ.

Схватила стража в тот же миг
Отважных молодцов,
И Адам молвил: «Умереть
Еще я не готов.

Тебя мы просим, государь,
Былое нам прости,
К себе прими на службу нас
Иль просто отпусти.

С собой оружие забрав,
Мы снова в лес уйдем
И впредь, милорд, тебя просить
Не станем ни о чем».

«Да ты гордец, — сказал король. —
Казню я всех троих».
Но королева говорит:
«Прошу, помилуй их.

Когда невестою твоей
Я прибыла сюда,
"Проси что хочешь", — ты сказал
Мне, государь, тогда.

Я ж не просила ничего,
Женой войдя в твой дом».
«Что хочешь ты? — спросил король. —
Не откажу ни в чем». —

«Коль так, мне жизни их даруй
И не казни стрелков!» —
«Тебе иной, достойный дар
Я предложить готов.

Угодья с замками отдать
Могу тебе, жена». —
«Лишь эта милость, мой супруг,
Ей-богу, мне нужна». —

«Пусть будет так, как хочешь ты, —
Король ей отвечал, —
Но я б охотнее тебе
Три города отдал».

«Ах, как я рада, гран мерси, —
Супруга говорит. —
Ручаюсь, впредь никто от них
Не будет знать обид.

Ты приласкай их, государь,
И окажи им честь».
Стрелков простил король, за стол
С собой позволив сесть.

Обед еще не начался,
Как к королю пришли
С вестями спешными гонцы
Из северной земли.

Они, почтительно склонясь,
Стоят пред королем.
«Мы из Карлайла, государь,
Письмо тебе несем». —

«Как там судья? – спросил король. –
И как там мой шериф?»
«Убиты», – молвили гонцы,
Колена преклонив.

«Да кто ж посмел? – спросил король. –
Убийц поймаю я».
Гонцы сказали: «Адам Белл
И с ним его друзья».

«Увы! Увы! – вздохнул король. –
О, как душа болит!
О, если б раньше я узнал,
Кем был шериф убит.

Я только что стрелков простил,
О павших я скорблю!
Когда б я ведал, всех троих
Отправил бы в петлю».

Прочел король, как из числа
Его надежных слуг
Погибли триста человек
От тех же самых рук.

Убиты мэр, шериф, судья,
Констеблей нет в живых,
А что до приставов – никто
Не уцелел из них.

И бидлы с бейлифами им
Отправлены вослед[2],
Из королевских лесников
Трех дюжин боле нет.

Стрелки берут, что захотят,
Охотятся в лесах,
Оленей бьют, и всем вокруг
Они внушают страх.

Когда король прочел письмо,
Куска не взял он в рот.
«Эй, уберите со стола,
Еда на ум нейдет».

Потом велел стрелять в мишень
Он лучникам своим,
А для сравнения и тем,
Кто виноват пред ним.

Любимцы есть у короля,
Есть у его жены,
И вышли все они на луг
У городской стены.

Сперва стреляли просто так,
Чтоб приобвыкнул глаз,
Но трое йоменов мишень
Разили всякий раз.

Промолвил Виль: «Свидетель Бог,
Для меткого стрелка
У вас, друзья мои, мишень
Уж больно велика». —

«Во что же будешь ты стрелять?
Ответь мне сей же час». —
«Милорд! Охотно покажу,
Как водится у нас».

На поле с братьями скорей
Пошел лесной стрелок,
В четырехстах шагах воткнул
Ореховый пруток.

«Кто цель сумеет поразить,
Тот лучник удалой».
Король сказал: «Никто в нее
Не попадет стрелой».

Ему ответил смелый Виль:
«Клянусь, мне хватит сил».
И тут же длинною стрелой
Он прутик расщепил.

«Таких стрелков не видел я
Доселе на лугу!» —
«О, государь, еще не то
Я совершить могу.

Семь лет сынишке моему,
Я так его люблю;
Я привяжу его к столбу, —
Сказал он королю. —

Вы отсчитайте сто шагов,
И слово вам даю,
Что с головы у паренька
Я яблоко собью!»

«Изволь, — кивнул ему король, —
Но если это ложь,
Клянусь я ранами Христа,
Что ты в петле умрешь.

А если сына хоть чуть-чуть
Заденешь ты стрелой,
С тобой повиснут Клем из Клу
И Адам удалой».

«Всё будет так, – промолвил Виль, –
Как я пообещал».
И на глазах у короля
Он в землю столб вкопал.

Парнишку Виль отвел к нему
И взял свой верный лук,
А сыну прочь велел смотреть,
Чтоб тот не дрогнул вдруг.

На голове у паренька
Лежит зеленый плод.
Вот отмеряют сто шагов,
И Виль к черте идет.

Берет широкую стрелу
Уверенной рукой,
Потом натягивает лук,
Тяжелый и тугой.

О, только б тихо, чуть дыша,
Стояли все вокруг,
Чтобы рука не подвела,
Чтоб не качнулся лук!

И всякий молча за него
Христу мольбу вознес.
Когда он целился в дитя,
Немало было слез.

Но метко острою стрелой
Виль яблоко рассек.
Король сказал: «Таких врагов
Вовек не дай мне Бог.

За восемнадцать пенсов в день
Иди ко мне слугой[3].
Отныне в северных краях
Ты главный егерь мой».

«Прибавлю, — леди говорит, —
Еще, до тридцати.
В какой угодно можешь час
За платою прийти».

Дворянский титул дать и герб
Стрелку сулит она.
«А братьев в стражу я приму
И награжу сполна.

Покуда сын твой мал, его
Я чашником[4] возьму,
А после должность поважней
Мы подберем ему.

Да привези скорей жену,
Я буду рада ей,
Ее поставлю надзирать
За детскою моей». —

«Спасибо, леди, — Виль сказал. —
Сперва нам надо в Рим[5],
Ведь отпущение грехов
Мы получить хотим».

Стрелки сходили в Рим, чтоб там
Прощенье обрести,
А после жили при дворе
И умерли в чести.

Мне больше нечего о них,
Друзья, поведать вам.
На этом всё; не мазать ввек
Дай Боже всем стрелкам!

ПОВЕСТЬ О ГЕЙМЛИНЕ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Вы истории этой внимайте, друзья, —
Вам о рыцаре смелом поведаю я.
Прозывался Джон Баунд, как помнится, он,
Был учтив и к тому же изрядно учен.
Произвел трех сынов сэр Джон Баунд на свет —
Старший слыл подлецом, хуже тысячи бед,
Не в чести у отца за лихие дела,
Ну а младший был чужд преступлений и зла.
Перед смертью сэр Джон ослабел, да и слег,
Младший, Геймлин, тогда от тоски изнемог.
А старик на одре начал горько тужить,
Что сыны без него не сумеют прожить.
Надо молвить, держал он немалый удел —
Тем обширным феодом давно уж владел —
И теперь порешил: «Что имею, раздам
Перед смертью, как до́лжно, своим сыновьям»[1].
Чтобы этот раздел учинить по уму,
Пожелал он собранье устроить в дому

И приехать друзей поскорей попросил,
Ведь немного осталось у хворого сил.

Был помочь ему каждый, как водится, рад —
Вот соседи почтенные дружно спешат
К ложу смертному — там ожидает сэр Джон,
Пред кончиной покоя, бедняга, лишён.
Им он молвил, с постели пытаясь привстать:
«Други милые! Должен я честно сказать,
Что сегодня, а может быть завтра к утру,
Мой окончится срок на земле — я умру».
И, заслышавши это, кто подле стоял,
Сразу молвили хором ему, стар и мал:
«Не страшитесь, любезный сэр Джон, наперед,
Ведь Господь вас, быть может, еще и спасет».
Но старик отвечал им, бессилен и сед:
«Да, Создатель всех нас охраняет от бед,
Но с мольбой обращаюсь последнею к вам:
Я наследство желаю оставить сынам.
Разделите ж богатства мои в меру сил,
Чтоб достойный надел и у младшего был.
Я услышать от вас, господа, буду рад
Заверенья, что Геймлин мой станет богат».

Совещались мужи благородных кровей,
Как землей надлежит оделить сыновей;
К сэру Джону с ответом под вечер пришли.
Не оставив для Геймлина ярда земли,
Весь надел поделили они пополам[2] —
Дескать, младший пускай-ка справляется сам;
Рассудить, мол, мудрее никто бы не смог:
Если старшим угодно, пусть выделят клок.
О решении том доложили отцу,
Чьи земные страданья стремились к концу,

И сказали, что спор наконец разрешен.
Угадайте, что молвил на это сэр Джон!

«Кровь Господня! — воскликнул немедленно он[3]. —
Сын мой лучший не будет отцом обделен!
Вы, соседи, постойте теперь в стороне,
Я раздам свои земли, как хочется мне.
Старший, Джон, обретет пять запашек[4] всего,
Как и я получил от отца своего,
Сын мой средний получит такой же кусок,
Справедливей нельзя рассудить, видит Бог.
Остальные же земли мои, ей-же-ей,
Будет Геймлин держать до скончания дней.
И прошу вас, коль чтите вы волю мою,
Пусть получит он всё, что ему я даю».
Так промолвил сэр Джон и скончался тотчас,
И душа его тут же к Творцу вознеслась.

И в покое своем он лежал недвижим,
Ибо воля Господня свершилась над ним.
Но едва лишь, отпев, старика погребли,
Сын любимый лишился отцовской земли.
Старший отнял ее — и леса, и луга,
Зажил Геймлин при нем, словно бедный слуга,
Худо кормлен он был и в лохмотья одет,
А отцовских богатств скоро минет и след —
Целой кровли в деревне давно не сыскать.
Братец грабил крестьян, как отъявленный тать!
Приютил лишь из милости Геймлина он,
Так и жил тот, большого наследства лишен.
Только тронуть его, хоть силен был искус,
Не решался злодей: Геймлин юн, да не трус.

Гладя бороду, Геймлин однажды стоял[5]
На широком дворе и, грустя, размышлял:
«На просторных полях не слыхать молотьбы,
А в прекрасных лесах вырубают дубы,
Не осталось дичины лесной у меня,
Не допросишься нынче ни пса, ни коня,
С крыш солома снята, всюду бедность и смрад —
Управляет именьем бессовестно брат».

Выйдя из дому, братец к нему подошел
И сказал: «Подавай-ка жаркое на стол!»
Забурлила от ярости юная кровь:
«Я тебе не слуга! Сам ступай и готовь!» —
«Брат, впервые являешь ты норов дурной.
Прежде этак не смел говорить ты со мной!» —
«Видит Бог, — молвил Геймлин, — что время пришло
Посчитаться с тобой за свершенное зло.
Не осталось дичины в дубраве моей,
У меня ты оружье забрал и коней,
Весь отцовский удел обратился в ничто,
Будь вовеки ты проклят Всевышним за то!»

Отвечал, разъярившись, неправедный брат:
«Эй, ублюдок, бери свои речи назад
И скажи мне спасибо за стол и за кров!
Как, щенок, не стесняешься этаких слов?»
Юный Геймлин откликнулся: «Я не щенок!
За бесстыдную речь покарай тебя Бог.
Не слуга я и не был слугой испокон,
Благородной четою на свет я рожден!»

Брат не смеет к нему подступить ни на шаг,
Только, слуг подзывая, командует так:
«Вы побейте нахала, тогда вдругорядь

Уважительней будет он мне отвечать!»
Юный Геймлин лишь молвит такие слова:
«Сохрани нас Господь от дурного родства!
Если нынче меня беззаконно побьют,
Бог накажет тебя за неправедный суд!»
Брат в испуге ужасном торопит людей:
«Эй, ребята, за палки беритесь скорей!»
Похватали дубинки тотчас стар и мал
И туда побежали, где Геймлин стоял.
Он, зачуяв беду, огляделся окрест
И увидел поблизости кухонный пест.
Геймлин легок как ветер — оружие хвать
И противников вскоре заставил лежать.
Он, как лев разъяренный, взирает на них;
Брат, лишившийся слуг в одночасье, притих,
Прочь пустился и спрятался на чердаке —
Так страшил его пест в богатырской руке.
А юнца, кто из страха, кто вправду как друг,
Все молили утихнуть, собравшись вокруг.

«Злое семя! — воскликнул боец удалой. —
Ты бежишь, не желая сразиться со мной?»
Стал искать он, куда подевался беглец,
И в окошке увидел его наконец.
Крикнул Геймлин: «А ну-ка спускайся, пора!
Щит бери, и веселая будет игра».
Брат на это ответил: «Вот истинный крест[6],
Отложи-ка сначала ты кухонный пест.
Извини, я прогневал тебя невзначай —
Отложи-ка оружье и впредь не серчай».
Молвил юноша: «Я не напрасно вспылил:
Ты не в шутку побоями мне пригрозил,
И не будь я силен и весьма боевит,
Верно, был бы нещадно дубинками бит». —

«Слушай, Геймлин! Для ярости повода нет:
Причинить не решился бы брату я вред,
Интереса лишь ради проверить хотел,
Вправду ль брат мой любимый так мощен и смел». —
«Отдавай, коль не смеешь ты выйти на бой,
Всё, что должен, — тогда примирюсь я с тобой!»

Из укрытия вышел предатель и трус —
Как песта он боялся, сказать не берусь.
«Ну, проси меня, Геймлин, любимейший брат,
Всё исполнить немедленно буду я рад».
И сказал ему младший из трех сыновей:
«Если мира желаешь, отдай мне скорей,
Что отец завещал, уходя на тот свет;
За наследство тягаться нам, право, не след».
«Всё получишь ты, Геймлин, клянусь я крестом,
Что завещано было тебе, да притом
Я засею поля, где сегодня бурьян,
И построю дома для убогих крестьян», —
Так обманщик промолвил, замысливши зло, —
На том свете придется ему тяжело!
Вновь измену затеял бессовестный брат,
Поцелуем скрепив примиренья обряд.
Юный Геймлин! Увы! Он не ведал отнюдь,
Что задумывал родич его обмануть.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Эй, подите, послушайте повесть мою,
Вам о Геймлине юном я нынче спою.
Вот борцы на лужайку собрались гурьбой:

Им барана и перстень сулят золотой[7].
Славный Геймлин решился с другими в бою
Потягаться и силу проверить свою.
«Пусть Господь сохранит от напастей меня!
Дай мне, брат, на сегодня лихого коня,
Что без устали может хоть сутки скакать.
Я собрался развеяться и погулять». —
«На конюшню, — брат молвил, — ступай поскорей
И любого бери из отличных коней:
Чем угодно имеешь ты право владеть.
Но куда ты поедешь, голубчик, ответь?» —
«Недалече собрались борцы на лугу,
Не поехать туда я никак не могу:
Честь большая нам будет, коль, выиграв бой,
Привезу я кольцо и барана с собой».
Вот для парня седлают скорей скакуна,
Вот и шпоры надеты, звенят стремена.
Геймлин, полон отваги, садится в седло,
Состязаться он скачет, едва рассвело.

Только выехал он из высоких ворот,
Подлый братец вдогонку проклятия шлет,
К небесам устремляя молитву свою,
Чтобы Геймлину шею свернули в бою.
Геймлин места условного вскоре достиг,
Был он легок, как птица, и спешился вмиг,
Слышит: франклин[8] какой-то от горя вопит
И рыдает, видать, по кому-то скорбит.
«Что случилось, скажи-ка мне, добрый старик?
Помогу я, коль рок тебя злобный настиг». —
«Ах, зачем я, несчастный, родился на свет?
Двух пригожих сынов у меня больше нет.
Главный здешний силач — бессердечный злодей,
Не оставил в живых он моих сыновей.

Десять фунтов любому охотно отдам,
Кто сломает мерзавцу хребет пополам». —
«Успокойся, старик, и послушай меня:
Моего подержи-ка ты лучше коня,
А потом со слугой стерегите его.
Накажу я, быть может, врага твоего!» —
«Боже, — франклин сказал, — посодействуй ему!..
Сам, голубчик, тебе я обувку сниму.
Ну, ступай поскорее, Всевышним храним,
За коня не тревожься, присмотрим за ним».

Босиком, распояской шагая на луг,
О себе слышит Геймлин повсюду вокруг:
Знают все, как он выказал силу свою,
Что в борьбе он могуч и бесстрашен в бою.
Знаменитый борец выступает вперед,
Прямо к юному Геймлину дерзко идет.
«Кто отец твой, мальчишка, и чей ты вассал?
Коль явился сюда, знать, умишком ты мал!»
Геймлин молвит отважно: «Послушай, наглец,
Был знаком, несомненно, тебе мой отец;
Прозывался он Баунд, по имени — Джон,
А я Геймлин, и будешь ты мною сражен».

«Парень, — тот отвечает, — клянусь я Христом,
Что отец твой, Джон Баунд, мне вправду знаком,
И с тобой очень рад потягаться я тут,
Ведь мальчишкою был ты отъявленный плут!»
Говорит славный Геймлин, шагнувши вперед:
«Я подрос — и со мной стало больше хлопот».
«Что ж, приступим! — борец подступает к нему. —
Не под силу меня победить никому».

Поздним вечером, там же, при свете луны,
В поединке жестоком сошлись драчуны.
Как схватились — но Геймлин не дрогнул отнюдь
И промолвил: «Эй, сдвинь-ка меня хоть чуть-чуть».
Вновь окликнул юнец силача-удальца:
«Довести нашу схватку решил до конца?
Разных штучек имеешь огромный запас,
Угощу ж и тебя я по-свойски сейчас!»
Подскочил к нему Геймлин, исполненный сил,
Хитроумным приемом борца ухватил,
Бросил на бок, четыре ребра поломав,
Повредил ему руку, подняться не дав.
И сказал наш смельчак: «Я был лучше в бою!
Признаешь ли, борец, ты победу мою?» —
«Видит Бог, на лугу я не ведал забот.
Тот, кто в руки твои попадет, пропадет!»

Крикнул франклин, лишившийся двух сыновей:[9]
«Бог храни тебя, Геймлин, с отвагой твоей! —
И сказал удальцу, что валялся без сил: —
Это Геймлин тебе за меня отплатил».
Пусть борцу не понравились эти слова,
Он такого и вправду не знал мастерства:
«Хоть давненько я начал бороться в кругу,
Этак худо впервые пришлось, не солгу».

Крикнул Геймлин другим, весь в поту, полунаг:
«Выходите ж, кто хочет, любители драк!
Вот лежит на земле ваш борец удалой,
Не желает он больше тягаться со мной!»
Геймлин ждет поединщиков, тверд как скала,
Но охота бороться у прочих прошла,
Не желают ни времени тратить, ни сил:
Все видали, как он силача победил.

Благородные сэры, что правили суд,
К победителю славному живо идут
И ему говорят: «Обувайся, борец;
Время позднее нынче, потехе конец».
Молвил Геймлин: «Короткая вышла игра,
Я еще своего не распродал добра».
Побежденный ответил: «Товар-то хорош,
Только дорого слишком его продаешь!»
Вместо Геймлина франклин ответил ему:
«В недостаче других обвинять ни к чему.
Мне свидетель Господь, что глядит с высоты, —
Покупаешь, ей-богу, задешево ты!»
Устроители снова выходят вперед,
Победитель кольцо и барана берет.
Так провел юный Геймлин достойно игру
И, ликуя, поехал домой поутру.

Молодца увидавши с толпою друзей,
Брат в испуге вскричал: «Запирайте скорей!»
Был привратник веленье исполнить готов —
Он ворота закрыл и задвинул засов.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Подходите, послушайте песню мою,
Я о Геймлине смелом охотно спою.
Юный Геймлин проехать не может на двор,
Ведь ворота закрыты и крепок запор.
Крикнул Геймлин: «Привратник, скорее открой!
Здесь немало гостей развеселых со мной!»

Но привратник, поклявшись Господним крестом,
Говорит: «Ни за что не впущу тебя в дом». –
«Отойди-ка, дружок, – я открою и сам».
Парень стукнул ногой – и засов пополам.
А привратник, почуяв, что будет беда,
Побежал от него неизвестно куда.
Молвил Геймлин: «Ты силы напрасно не трать:
Я проворней – тебя мне нетрудно догнать»,
И, пустившись вдогонку – взяла его злость, –
Дал по шее тому, так что хрустнула кость,
После ж под руки взял и в колодец спустил
(Говорят, глубиной сорок футов он был).

И покуда свой суд юный Геймлин свершал,
Разбежались скорей кто куда стар и мал.
Все страшились, увидев такие дела,
И толпы опасались, что в замок пришла.
Геймлин тут же ворота пошире раскрыл,
Всех гостей он, и конных и пеших, впустил
И промолвил: «Вас рад у себя я принять,
Мы хозяева здесь – так начнем пировать.
Посмотрел я вчера – кладовая полна,
В братнем погребе пять славных бочек вина.
Разлучаться не станем мы, так что вперед,
Все за мною, пусть каждый, сколь хочется, пьет.
Если брат разворчится и нас разбранит,
Дескать, съедено много и погреб разбит,
За брюзжанье будь проклят он Девой Святой!
Буду вам виночерпий, расходы – за мной.
Всем, что этот мерзавец за годы припас,
Я без спросу сегодня попотчую вас.
Кто не рад, что гостями наполнился дом,
За привратником враз полетит кувырком!»

Всю неделю поместье пирами гремит,
Никому не чинят ни преград, ни обид.
В темной башне таится испуганный брат,
Он молчит, хоть весьма разграбленью не рад.
Время быстро летит: день приходит восьмой.
Гости Геймлину молвят: «Пора нам домой». –
«Для чего вы, друзья, собираетесь в путь?
Я ручаюсь, найдется еще что-нибудь!»
Он остаться их просит, тоски не тая,
Но торопятся прочь дорогие друзья.
За ворота уже выезжают они,
Их напутствует Геймлин: «Господь вас храни».
Так устроил он пир, как поведал я вам,
И разъехались гости к себе по домам.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Эй, садитесь, послушайте, хватит болтать,
Я о Геймлине юном хочу рассказать,
И узнаете вы, коль послушать сошлись,
Что случилось потом, как друзья разбрелись.
Ведь, покуда отважный смельчак пировал,
Брат бесчестный таился и месть затевал.
Вот окончился пир развеселый в свой срок,
И остался наш Геймлин опять одинок.
И едва он друзей по домам отпустил,
Как немедля в большую беду угодил.
Брат-обманщик покинул далекий покой
И к нему устремился с тирадой такой:
«Натворил ты великое множество дел!
Как запасы мои расточить ты посмел?»

Молвил Геймлин: «На гнев не растрачивай сил,
Ведь за этот ущерб я давно уплатил.
Уж семнадцатый год, как тебе отошли
Мои двадцать запашек прекрасной земли.
Умирая, отец завещал мне и скот —
Но его держишь ты, получая приплод.
В возмещенье убытков давнишних как раз
Мы с друзьями съестной истребили припас».
Молвил рыцарь-злодей (сатана ему брат!):
«Милый родич! С тобой поделиться я рад.
Сыновей, как ты видишь, не дал мне Господь,
Мой наследник — лишь ты: мы единая плоть».
«Я согласен! — в ответ ему Геймлин-смельчак. —
Бог свидетель, да будет воистину так!»

Юный Геймлин не ведал, как брат его зол;
И изменник немедля лазейку нашел.
Он с такими словами к нему подступил:
«Ты привратника, помню, со зла утопил,
Я ж поклялся, что воли буяну не дам
И свяжу тебя, брат, по рукам и ногам.
Подчинись — для вассалов да будет урок,
Я тебя накажу, но на маленький срок».

Молвил Геймлин, отнюдь хитреца не кляня:
«Ты исполнишь обет, хоть и любишь меня!»
Тут и слуги пришли, усадили его
И веревкою крепкой скрутили всего.
Подлый рыцарь тогда до конца осмелел
И оковы тотчас наложить повелел.
Стоя рядом, солгал при свидетелях он
И поклялся, что Геймлин рассудка лишен.
Приковали к столбу его в зале большом,
И стоял, не садясь, он и ночью и днем.

Все глазели — и это еще полбеды:
Не давали ему ни питья, ни еды.
Он промолвил: «Теперь я изведал сполна,
Что душа твоя, братец, безбожно черна!
Если б смог об измене я раньше прознать,
Не позволил себя бы без боя связать!»

Двое суток недвижно он в зале стоял,
Брат жестокий ни крошки ему не давал.
Молвил Геймлин, оковами крепко обвит:
«Адам-ключник, стерпел я немало обид,
Пропостился два дня и остался без сил.
Ведь покойный отец тебя, знаю, любил,
Так сыщи-ка ключи от моих кандалов —
Дам тебе я и землю, и денег, и кров».
Молвил Адам (а был он в дому эконом):
«Я семнадцатый год уж при брате твоем.
Если нынче оковы с тебя я сниму,
Всякий скажет, что худо служил я ему».
Молвил Геймлин: «Клянусь я спасеньем души,
Что предатель — мой брат; посему поспеши,
Добрый Адам, скорее оковы открой,
И землею своей поделюсь я с тобой».
Молвил Адам: «Верней ты не сыщешь слугу —
По рукам, я охотно тебе помогу».
Молвил Геймлин: «Господь поспособствует нам,
Будь мне верен, и я тебя ввек не предам».

И, как только хозяин неверный уснул,
Адам ключ раздобыл и замки разомкнул.
Снял оковы тяжелые с ног он и с рук,
Уповая на то, что воздаст ему друг.
«Будь же славен Господь, помогающий нам!
Я не спутан уже по рукам и ногам.

Коль поем я и выпью хотя бы чуть-чуть,
Пусть потом преградить мне попробуют путь!»
Чтоб от голода юноша не изнемог,
Адам живо его в кладовую увлек
И собрал ему ужин в каморке своей;
Юный Геймлин, поев, стал глядеть веселей.

Утолил он мучительный голод сполна,
Выпил кружку большую хмельного вина
И воскликнул: «Ну, Адам, советуй, как быть!
Поспешить ли мне голову вору срубить?»
Молвил Адам: «Мой друг, торопиться не след.
Дам тебе я получше, ей-богу, совет.
Я ведь ключник – и знаю наверно, что тут
В воскресенье торжественный пир зададут,
Соберутся аббаты гурьбой за столом,
И монахи сойдутся немалым числом,
Ты же будешь в оковах, как прежде, стоять,
Я замки не закрою, чтоб мог ты их снять.
После пира, как воду для рук подадут[10],
Попроси: пусть оковы твои отомкнут.
Коль отпустят тебя, мы покончим на том:
Ты из плена уйдешь, и безвинным притом.
Коль откажут, оставив томиться в плену,
То клянусь, что тебе я свободу верну!
Ты дубинку возьмешь, я другую возьму,
Кто отступит – предатель, отмстится ему!»

Молвил Геймлин: «Пускай попаду я в беду,
Если друга любезного вдруг подведу.
Коль придется гостей от грехов разрешить,
Знак условный подай мне, когда приступить».
Тут же Адам поклялся Господним крестом,
Что ему сообщит он немедля о том.

«Как мигну я — так ты ни минуты не жди,
А оковы срывай и ко мне подходи». —
«О, дарует Господь тебе радость и свет!
Ты мне подал, дружище, отличный совет.
Коль сумею избавиться я от оков,
То немало хороших раздам тумаков!»

Воскресенье настало, и гости спешат,
К ним хозяин выходит, приветлив и рад.
И, как только ступили они за порог,
Юный Геймлин немедля их взгляды привлек.
Подлый рыцарь-изменник в усердии злом
Всем гостям, что уселись за длинным столом,
Сочинял небылицы: мол, братец и груб,
И жесток беспощадно, и дерзок, и глуп.
Отслужили три мессы, и молвил тотчас
Юный Геймлин: «Добра я не вижу от вас,
Вы дурное творите, свидетель Господь:
Сыты вы — а моя истязается плоть».

Подлый рыцарь — ей-богу, поплатится он —
Тут же крикнул, что Геймлин рассудка лишен.
Геймлин брату в ответ не сказал ничего,
Помня замысел свой, уповал на него
И к гостям, что заполнили пышный покой,
Обратился немедля с великой тоской:
«Ради Бога, в Которого веруем мы,
Помогите на волю уйти из тюрьмы!»
Встал аббат (жаль, душа у него нечиста!):
«Оскорбит неизбежно Исуса Христа
Тот, кто Геймлину даст на свободу уйти,
А его палача, Вседержитель, прости!»
За аббатом другой подхватил поскорей:
«Будь хоть братья мы, смерти б я жаждал твоей!

Кто спасет тебя, много изведает бед».
Все, кто был там, такой же давали ответ.

Тут заметил приор, полон яда и зла:
«Жаль, что смерть к тебе, Геймлин, еще не пришла».
Молвил Геймлин: «Клянусь я Господним крестом,
Нет друзей у меня, я уверился в том.
Будь же проклят вовеки и свержен во ад,
Кто добра посулит вам, приор и аббат!»

Адам стал между тем со стола собирать.
Видит: Геймлин ярится, пора приступать.
Он не думает больше о службе былой —
Две дубинки надежных приносит с собой.
Он мигает — и Геймлин к сраженью готов.
Загремело, упавши, железо оков.
Подскочил удалец и дубинку схватил —
Никого из врагов он, ей-ей, не щадил!
Геймлин бьется, с ним рядом — пособник и друг,
И разгневанно оба взирают вокруг.
Геймлин воду святую из чаши разлил
И кого-то в огонь очага уронил.
А миряне, что в зале прижались к стенам,
Не мешали расправу чинить молодцам,
Всё твердили, что Геймлин разумен и смел,
А церковников вовсе никто не жалел.
Там приор и аббат, капеллан и монах
Под ударами дикий изведали страх,
Смелый Геймлин дубинкой употчевал всех
И заставил сполна расплатиться за грех.

Молвил Адам: «Дружище, спаси нас Христос,
Заплати им, чтоб каждый побольше унес!
Я ж в дверях постою и сбежать им не дам —

Не сполна мы грехи отпустили гостям». —
«Ты, покуда я здесь, уходить не моги,
Стой у двери, пока раздаю я долги.
Все на месте останутся, сколько их есть,
Чтобы проще нам было гостей перечесть».
Молвил Адам: «Им зла не чини-ка, постой!
Кровь не лей из почтения к Церкви святой.
Нам тонзуры придется, мой друг, поберечь —
Только ноги сломай, руки выбей из плеч!»

Заходили дубинки в могучих руках,
И узнали церковники подлинный страх.
Слуги верные их по домам повезли:
Уложили в телеги и скрылись вдали.
И один из священников молвил: «Беда!
Сэр аббат! Для чего мы стремились сюда?
Ехать в гости — совет был, ей-богу, дурной,
Пробавлялись бы дома водицей одной!»
Всю их шатию Геймлин судил, как умел.
Был хозяин в смятенье, от ужаса бел.
Геймлин живо с дубинкой к нему подскочил,
Крепко стукнул по шее, и наземь свалил,
И хватил по спине, аж хребет поломал,
И, навесив оковы, с усмешкой сказал:
«Посиди-ка, сородич, как я, на цепи,
Остудись-ка чуть-чуть и нужду потерпи».
Так от недругов Геймлин очистил свой дом,
И уселись друзья отобедать потом.
Из любви, ну а может, боясь тумаков,
Им любой услужить за столом был готов.
Жил шериф недалече, миль этак за пять,
И к нему поспешили соседи сказать:
Геймлин с Адамом, мол, беспощадной рукой
Бьют и ранят людей, нарушая покой.

И собрал он тогда поскорее отряд.
Вот уж к Геймлину новые гости спешат.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Подходите, послушайте — Бог вас храни, —
Как наш Геймлин-храбрец проводил свои дни.
Двадцать пять удальцов, смельчаков, забияк
В дом к шерифу явились и молвили так:
Геймлин с Адамом будут, мол, пойманы враз,
Пусть шериф лишь изволит отдать нам приказ.
Он изволил; те дружно отправились в путь,
Но захочет ли Геймлин им дверь отомкнуть?
Стук заслышав, привратник явился на зов,
Долго в щелку глядел, не снимая засов,
И нежданным гостям предложил погодить —
Не хотел верный сторож измену творить.
Он оконце, опаски отнюдь не тая,
Приоткрыл и спросил: «Что вам нужно, друзья?»
Закричали приезжие вдвадцатером:
«Отворяй! Мы явились и, значит, войдем!»
«Говорите, что́ надо! — слуга произнес. —
А не то не пущу вас, свидетель Христос!» —

«Коль хозяин твой дома и друг его с ним,
Поскорей повидать мы обоих хотим».
Сторож молвил: «Покамест постойте-ка там,
Я схожу к господину и весть передам».
Побежал он быстрее: «Господь помоги!
Сударь Геймлин, за вами явились враги!
Лиходеи шерифа стоят у ворот.

Вам от них не укрыться, расправа вас ждет».
Геймлин крикнул: «Не трачу я попусту слов!
И удачу вполне испытать я готов.
Пусть подольше они у ворот постоят,
Ведь сыграть с ними шутку, ей-богу, я рад».

Геймлин молвил: «Эй, Адам, сюда поскорей!
Жаль, врагов у нас много и мало друзей —
Наши недруги нынче собрались и ждут,
Чтоб над нами устроить неправедный суд».
Адам молвил: «Не станем же медлить мы, брат!
Коль тебя подведу я, дорога мне в ад.
Мы приветим незваных гостей, не чинясь,
И поспать не один тут уляжется в грязь».
Юный Геймлин выходит из тыльных ворот
И с оглоблей к нахальным пришельцам идет.
Верный Адам дубину берет попрочней,
Чтобы, другу под стать, позабавиться с ней.
Четверых тот повергнул, да Адам двоих,
Остальные бежать припустились от них.
Адам крикнул вослед: «Как не совестно вам?!
Не допили вино, а уже по домам!»
Те ответили: «Ваше вино не про нас!
Аж мозги от него вытекают из глаз!»

Молвил Адаму Геймлин, боец удалой:
«Вижу, едет шериф с преобольшою толпой.
За советом к тебе обращаюсь опять:
Наши головы с плеч пожелает он снять».
Адам другу ответил: «Таков мой совет:
Нам с тобой оставаться здесь больше не след.
В лес умчимся, покуда не пойманы мы,
Ведь в лесу веселей, чем во мраке тюрьмы».
Обнялись в знак согласия два удальца

И, отведав еще на дорожку винца,
Прихватили пожитки и скрылись вдвоем.
Сэр шериф заявился в притихнувший дом,
Поискал он повсюду, наведался в зал,
Труса – старшего брата в цепях увидал,
И, узнав, что изведал тот множество бед,
Приказал излечить бедолаге хребет.

Пусть изменник стенает себе «ох» да «ах»,
Мы покуда расскажем о наших друзьях.
Геймлин бродит по лесу украдкой с утра.
Адам думает: «Что-то измыслить пора».
Он промолвил: «Признаюсь, сынок, что, ей-ей,
В экономах мне прежде жилось веселей.
Я с ключами б охотно возился опять,
О сучки надоело одёжу мне рвать».
Друг ответил: «Печаль свою, Адам, забудь.
Многих смертных на свете гнетет что-нибудь».
Так стояли они, размышляя о том,
Вдруг людской разговор услыхал эконом.
Геймлин, стоя под тенью зеленых дубов,
Заприметил семь дюжин лихих молодцов –
Пировали в чащобе они у огня.
Геймлин молвил: «Ты, Боже, спасаешь меня!
Испытанья окончены, знаю, для нас,
Сытный ужин, мой друг, я увидел сейчас».
Тут и выглянул Адам из сени лесной,
И, еду усмотрев, был он рад всей душой.
Он в невзгодах на Бога всегда уповал,
Но без пищи давненько уже тосковал.

Геймлин сделал тихонько из зарослей шаг,
И заметил пришельцев разбойный вожак.
Он к друзьям обратился: «Глядите! Ей-ей,

КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ И СОБИРАТЕЛИ БАЛЛАД О РОБИН ГУДЕ

Ил. 1
Иган Пирс-младший
Худ. не установлен
Опубл. в 1850 г.

Ил. 2
Джозеф Ритсон
Худ. не установлен
1803 г.

Ил. 3
Томас Перси
Худ. сэр Дж. Рейнолдс
1782 г.

Ил. 4
Фрэнсис Джеймс Чайлд.
Фото 1893 г.

ТИТУЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ ИЗДАНИЙ БАЛЛАД О РОБИН ГУДЕ

RELIQUES
OF
ANCIENT ENGLISH POETRY:
CONSISTING OF
Old Heroic BALLADS, SONGS, and other
PIECES of our earlier POETS,
Together with fome few of later Date.
THE THIRD EDITION.
VOLUME THE THIRD.

LONDON:
Printed for J. DODSLEY in Pall-Mall.
MDCCLXXV.

Ил. 5
«Памятники старинной английской поэзии».
Лондон, 1775 г.

ROBIN HOOD:
COLLECTION
OF ALL THE ANCIENT
POEMS, SONGS, AND BALLADS,
NOW EXTANT,
RELATIVE TO THAT CELEBRATED
English Outlaw:
TO WHICH ARE PREFIXED
HISTORICAL ANECDOTES OF HIS LIFE.

LONDON:
PRINTED FOR LONGMAN, HURST, REES, ORME, AND
BROWN, PATERNOSTER-ROW; AND T. BOYS,
LUDGATE-HILL.
1820.

Ил. 6
«Робин Гуд. Собрание старинных стихотворений, песен и баллад».
Лондон, 1820 г.

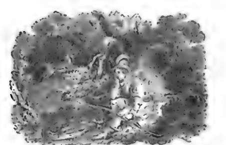
ROBIN HOOD
A COLLECTION OF
POEMS, SONGS, AND BALLADS
Relative to that Celebrated English Outlaw
EDITED BY JOSEPH RITSON

WITH THIRTY TWO ILLUSTRATIO[illegible]

LONDON
GEORGE ROUTLEDGE AND SONS
BROADWAY, LUDGATE HILL
NEW YORK: 9 LAFAYETTE PLACE
1884

Ил. 7
«Робин Гуд.
Собрание стихотворений, песен и баллад».
Лондон, 1884 г.

ROBIN HOOD:
A
COLLECTION
Of all the Ancient
POEMS, SONGS, AND BALLADS,
NOW EXTANT,
RELATIVE TO THAT CELEBRATED
English Outlaw:
To which are prefixed
HISTORICAL ANECDOTES OF HIS LIFE.



LONDON:
PRINTED FOR C. STOCKING, 3, PATERNOSTER-ROW,
By J. and C. Adlard, Bartholomew-close.
1823.

Ил. 8
«Робин Гуд. Собрание старинных стихотворений, песен и баллад».
Лондон, 1823 г.

РАННИЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ К БАЛЛАДАМ О РОБИН ГУДЕ

Ил. 9

К балладе «Повесть о деяниях Робин Гуда»

Худ. не установлен

XV(?) в.

Ил. 10

Йомен верхом на лошади

Худ. не установлен

Ок. 1500 г.

По мнению некоторых исследователей (в частности, Ст. Найта), на данной иллюстрации изображен Робин Гуд.

РАННИЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ К БАЛЛАДАМ О РОБИН ГУДЕ

Ил. 11
Робин Гуд
Худ. не установлен
Ок. 1500 г.

Ил. 12
Робин Гуд и Маленький Джон
Худ. не установлен
1600 г.

Ил. 13
Робин Гуд, Маленький Джон и Виль Скарлет
Худ. не установлен
XVII в.

РАННИЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ
К БАЛЛАДАМ О РОБИН ГУДЕ

Ил. 14, 15
К балладе
«Правдивая история о Робин Гуде»
Худ. не установлен
XVIII в.

ИЛЛЮСТРАЦИИ ИЗ КНИГИ И. ПИРСА
«БАЛЛАДЫ О РОБИН ГУДЕ» (1840)
Худ. не установлен

The

ROBIN HOOD

BALLADS.

Nottingham Castle

London.
Geo. Peirce, 310, Strand.

Ил. 16
Титульная страница

ИЛЛЮСТРАЦИИ ИЗ КНИГИ И. ПИРСА
«БАЛЛАДЫ О РОБИН ГУДЕ» (1840)

Худ. не установлен

Ил. 17

К балладе «Повесть о деяниях Робин Гуда»

ИЛЛЮСТРАЦИИ ИЗ КНИГИ И. ПИРСА
«БАЛЛАДЫ О РОБИН ГУДЕ» (1840)

Худ. не установлен

Ил. 18
К балладе «Робин Гуд и куцый монах»

Ил. 19
К балладе «Благородный рыбак,
или Выбор Робин Гуда»

ИЛЛЮСТРАЦИИ ИЗ КНИГИ И. ПИРСА «БАЛЛАДЫ О РОБИН ГУДЕ» (1840)

Худ. не установлен

Ил. 20

К балладе «Робин Гуд и нищий [II]»

Ил. 21

К балладе «Робин Гуд и Ален-э-Дэл»

ИЛЛЮСТРАЦИИ ИЗ КНИГИ И. ПИРСА
«РОБИН ГУД» (1838–1840)
Худ. И. Пирс

Ил. 22
Сцена драки на мечах
(Робин Гуд и Гай Гисборн)

ИЛЛЮСТРАЦИИ ИЗ КНИГИ И. ПИРСА
«РОБИН ГУД» (1838–1840)

Худ. И. Пирс

Ил. 23

Сцена гибели от стрелы

ИЛЛЮСТРАЦИИ
ИЗ ПЕРИОДИКИ И МАССОВЫХ ИЗДАНИЙ
XIX – НАЧ. XX ВЕКА

Ил. 24
К балладе «Робин Гуд и скорняк»
Худ. не установлен
Ок. 1845 г.

Ил. 25
К балладе «Робин Гуд и Виль Скарлет»
Худ. не установлен
Ок. 1845 г.

ИЛЛЮСТРАЦИИ
ИЗ ПЕРИОДИКИ И МАССОВЫХ ИЗДАНИЙ
XIX – НАЧ. XX ВЕКА

Ил. 26
К балладе
«Робин Гуд и Маленький Джон»
Худ. не установлен
Ок. 1845 г.

ИЛЛЮСТРАЦИИ
ИЗ ПЕРИОДИКИ И МАССОВЫХ ИЗДАНИЙ
XIX – НАЧ. XX ВЕКА

Ил. 27

Робин Гуд и его люди преклоняют колена
перед королем под зеленым деревом

Худ. Г.-Дж. Форд

Опубл. в 1917 г.

Ил. 28
Робин выпускает свою последнюю стрелу
Худ. не установлен
1879 г.

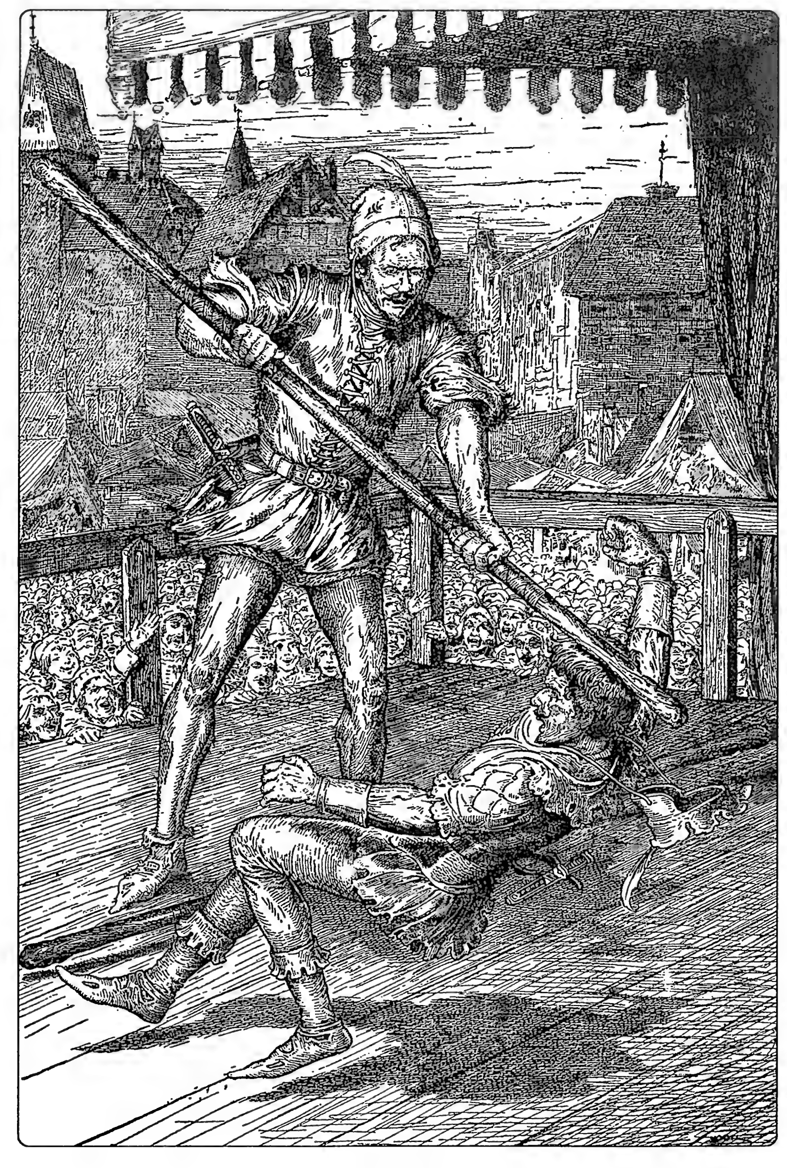
ИЛЛЮСТРАЦИИ ИЗ КНИГИ Л.-ДЖ. РИДА
«СЛАВНЫЙ РОБИН ГУД И ЕГО ЛИХИЕ ТОВАРИЩИ» (1912)
Худ. Л.-Дж. Рид

Ил. 29
Фронтиспис с изображением
короля Ричарда Львиное Сердце

Ил. 30
Эрик из Линкольна

ИЛЛЮСТРАЦИИ ИЗ КНИГИ Л.-ДЖ. РИДА «СЛАВНЫЙ РОБИН ГУД И ЕГО ЛИХИЕ ТОВАРИЩИ» (1912)

Худ. Л.-Дж. Рид



Ил. 31

И Маленький Джон крепко и со всего маху
ударил Эрика по черепушке

ИЛЛЮСТРАЦИИ ИЗ КНИГИ Л.-ДЖ. РИДА «СЛАВНЫЙ РОБИН ГУД И ЕГО ЛИХИЕ ТОВАРИЩИ» (1912)

Худ. Л.-Дж. Рид

Ил. 32
Приор Уильям
устраивает торжественный обед
для короля и епископа

МЕСТА,
АССОЦИИРУЕМЫЕ С РОБИН ГУДОМ

Ил. 33
Домик привратника (аббатство Кирклейс)
Современная фотография

Ил. 34
Церковь Св. Марии Магдалины
в деревне Кэмпсолл (графство Саут-Йоркшир)
Современная фотография

МЕСТА,
АССОЦИИРУЕМЫЕ С РОБИН ГУДОМ

Ил. 35, 36
Ноттингемский замок
Современные фотографии

Ил. 37
Памятник Робин Гуду
во дворе Ноттингемского замка
Скульптор Дж.-А. Вудфорд
Открыт в 1951 г.

Ил. 38, 39
Могила Робин Гуда
близ усадьбы Кирклейс (графство Уэст-Йоркшир).
Общий вид (*сверху*), а также камень и плита
с выбитой на ней эпитафией (*снизу*)
Современные фотографии

МЕСТА,
АССОЦИИРУЕМЫЕ С РОБИН ГУДОМ

Ил. 40, 41
Могила Маленького Джона
в деревне Хэзерсейдж (графство Дербишир)
Современные фотографии

Нам Господь посылает нежданных гостей.
В лес они заявились с оружьем в руках,
И по лицам я вижу — неведом им страх.
Подымайтесь, скорей их ведите сюда,
И про них разузнаем мы всё без труда».
Тут разбойники живо, пойдя всемером,
Разыскали гостей в их укрытье лесном
И учтиво сказали, приблизившись к ним:
«Не стреляйте! Мы драки отнюдь не хотим».
Геймлин молвил — а был он там младшим из всех:
«Тот, кто струсит, свершит непростительный грех.
Коль сбегу, это будет оплошка моя.
Что ж не взяли еще семерых вы, друзья?»
Как увидели те, что силен он и смел,
То пришельца обидеть никто не посмел.
И сказали без грубости Геймлину: «Там
Наш вожак ожидает — ступай к нему сам».
«Бог храни вас за верность, — кивнул молодец, —
Кто ж таков он? Ответьте, прошу, наконец».
И лесные стрелки не кривили душой:
«Он король наш, изгнанник, боец удалой».
Геймлин молвил: «В еде не откажет нам он,
Это верно, как то, что Создатель силен.
Коль разбойник любезен и родом высок,
Даст вина и жаркого отрежет кусок».
Адам крикнул: «Пусть сгину, навек пропаду,
Но рискну, если это сулит мне еду!»

Подошли они оба бесстрашно к костру,
И вожак, восседавший на этом пиру,
Им велел: «Отвечайте, чтó ищете вы
Здесь вдвоем под покровом зеленой листвы?»
Смелый Геймлин ответил разбойнику сам:
«Если город опасен, броди по лесам;

Мы явились сюда, не желая вам зла,
На оленя, однако ж, найдется стрела —
Но добыть не случилось пока что еды,
А от голода близко, ей-ей, до беды».
Пожалел их, послушавши, вольный стрелок
И промолвил: «Я вас накормлю, видит Бог».
Он присесть им обоим к огню разрешил
И дичиною жареной их накормил.
Вот окончился ужин, и всякий был сыт.
«Это ж Геймлин!» — вдруг кто-то в кругу говорит.
К вожаку обратились изгои тотчас:
«Славный Геймлин уважил присутствием нас».
Тот, узнав, что за юноша встретился им,
Враз преемником Геймлина сделал своим.
Не минуло и месяца — новость пришла,
Что прощен был вожак за лихие дела
И без страха теперь мог вернуться домой.
Он, сие услыхав, ликовал всей душой
И собрал удальцов, и тотчас объявил,
Что вернется туда, где до этого жил,
Ну а Геймлина тут же, на радость другим,
За себя королем он оставил лесным.

Так назначен был Геймлин-храбрец вожаком,
Средь разбойников зажил в лесу он густом.
Стал шерифом бессовестный Геймлинов брат,
Он изгнанником родича сделать был рад.
Все крестьяне тужили, и каждый вздыхал:
«Вне закона наш лорд, вроде волка он стал»[11].
Вот решились они и, избрав ходоков,
К господину послали; наказ был таков:
Пусть он знает — житье их идет не на лад,
Всё расхищено, людям поруху чинят.
И явились гонцы, и склонились пред ним:

«Будь ты, Геймлин, Создателем вечно храним!
Ты не гневайся — молим Господним крестом, —
Что известья дурные тебе мы несем.
Стал шерифом твой брат, всех в округе сильней,
И всерьез угрожает он жизни твоей».
Геймлин молвил: «Увы! Был рассудком я мал
И не шею ему — только спину сломал!
Ты крестьян моих, Боже Всесильный, храни,
Коль смолчу — да прервутся тогда мои дни».
И отправился Геймлин отважный один
Прямо к брату, что был всем вокруг господин.
Он бесстрашной стопою вошел в зал суда
И сказал: «Да хранит вас Творец, господа!
Пусть вовеки всем вам пролагает Он путь,
Ты же проклят, подлец скособоченный, будь!
Для чего мне, изменник, вредишь в меру сил
И охоту зачем на меня объявил?»
С ним за это сквитался немедленно брат,
Эти речи он слышать был, право, не рад.
Отказал он в прощенье, махнувши рукой, —
И в темницу был брошен смельчак удалой.

Был у них средний брат — благородный сэр От, —
Он везде уваженье встречал и почет.
Вот явился гонец к сэру Оту домой
И поведал, что Геймлин в невзгоде большой.
Жалко младшего брата! Сэр От загрустил,
Как узнал он, что Геймлин в тюрьму угодил.
Чтобы братьев проведать, вскочил на коня
И обоих узрел, не минуло и дня.
Вмиг шерифу сэр От заявил без прикрас:
«Мы ведь братья! Ну что за раздоры у нас?
Юный Геймлин, клянусь, благороднее всех,
Ты ж его заточил, совершив тяжкий грех!»

Но шериф отвечал ему: «Ждет тебя ад!
А за речи такие заплатит твой брат.
Я отправлю его к государю на суд,
Пусть он ждет — там, где воры решения ждут».
Рыцарь тут же воскликнул: «О нет! Видит Бог,
Лучше, право, за брата внесу я залог.
Суд в условленный день соберется опять,
И пред ним будет Геймлин себя защищать»[12]. —
«Я согласен, тебе бедокура отдам,
Мне свидетель Господь, жизнь дарующий нам!
Как назначу я время, пускай он придет,
Иль тебя мы накажем за ложь, в свой черед».
От промолвил: «Мы с братом дождемся суда.
Отпусти же его, он приедет сюда».

Вышел Геймлин на волю — и так ликовал!
Он у доброго брата в тот день ночевал,
А наутро промолвил: «Скажу не тая,
Брат мой милый, что должен отправиться я
И проведать друзей — веселятся ль они
Иль проводят, быть может, в унынии дни».
А сэр От отвечал: «Коль покинешь мой дом,
То обязан я буду предстать пред судом;
Коль начнут разбираться, тебя не сыскав,
Поручитель поистине выйдет неправ».
Молвил Геймлин: «Тревоги гони за порог.
Ко Христу я взываю, чтоб нам Он помог.
Если жив я останусь — свидетель мне Бог, —
То на суд я приеду в назначенный срок». —
«О, храни тебя, брат, от бесчестья Господь!
Возвращайся, чтоб наших врагов побороть!»

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

Собирайтесь, друзья, расскажу вам о том,
Как наш Геймлин держался и впредь молодцом:
В лес зеленый немедля явился опять,
Где ватаге веселой привольно гулять.
Был храбрец молодой, разумеется, рад,
Что к друзьям он пришел невредимым назад.
Вот разбойники сели в прохладной тени,
Вожака развлекли болтовнею они,
О недавних делах рассказали ему,
Ну а Геймлин — как был он посажен в тюрьму.
Не встречал осужденья в лесу он густом,
Не случалось другим поминать ему злом.
Только клирикам Геймлин житья не давал
И, встречая, до пенса всегда обирал.

Но, пока ликовал он под сенью лесов,
Понапрасну шериф не растрачивал слов
И трудился, злодей, не жалеючи сил:
Чтобы суд был неправым, присяжным платил[13].
Вот однажды, гуляя по тропке лесной,
Геймлин взглядом окинул листву над собой
И припомнил, что клялся отважный сэр От:
Мол, как суд соберется, то Геймлин придет.
Он подумал, что дольше уж медлить не след,
Коль держать пред судом ему нужно ответ.
«Приготовьтесь! — велел юный Геймлин друзьям. —
Суд назначен, и к сроку мне надо быть там.
Под залог я отпущен, и, коль не приду,
Брат мой От попадет в пребольшую беду».
И стрелки закричали: «Клянемся Крестом,
Что с тобою туда, как один, мы пойдем!»

Едет Геймлин бесстрашный, к ответу готов,
А шериф не бросает бесчестных трудов.
Убедил он присяжных его погубить
(Удалось ему многих, увы, подкупить).
Прибыл Геймлин, владыка державы лесной,
И товарищей смелых привел он с собой.
«Я гляжу, — он промолвил, — что суд уж идет.
На разведку ступай-ка ты, Адам, вперед».
В залу Адам прокрался и всё осмотрел,
Он шерифа узнал — тот всех выше сидел, —
Да еще сэра Ота приметил, в цепях,
И ушел поскорее, почуявши страх.
К остальным воротившись, поведал им он:
«В зал судебный в оковах сэр От приведен».
Геймлин молвил: «Недаром пришли мы сюда.
От в цепях там стоит, ожидая суда.
Коль Господь нам поможет, коль даст нам Он сил,
О, поплатится тот, кто сие учинил!»
Старый Адам отважному другу сказал:
«Бог накажет злодея, что Ота сковал!
Юный Геймлин, совет дам тебе я благой:
Все, кто в зале, расстаться должны с головой!»
Тот ответил: «Ну нет! Не таков будет суд —
Пусть невинные всё же живыми уйдут.
В зал судебный войду я, скажу всё как есть,
Лишь виновных настигнет ужасная месть.
Вы постойте в дверях, чтоб не скрылся злодей.
Правосудье сегодня — в деснице моей!
Бог хранит нас — пусть каждый глядит молодцом!
Верный Адам, тебя назначаю писцом».
Закричали стрелки: «Бог да будет с тобой!
Кликнешь нас — мы примчимся и бросимся в бой,
Лишь бы верно служило оружие нам.
Наградишь нас, коль вместе отплатим врагам».

Геймлин молвил: «Господь нам поможет во всём!
Вам я преданным буду навек вожаком».

Пред суровым судьей, прошагав через зал,
Смелый Геймлин с товарищем верным предстал.
Приказал с сэра Ота оковы он снять;
Тот ему не преминул тотчас попенять:
«Где шатался ты, братец, до этого дня?
Здесь уже порешили повесить меня!»
«Брат мой, — Геймлин ответил, — Господь дал мне сил.
Тот повиснет сегодня, кто этак решил:
И судья, что нагрел без зазренья карман,
И шериф, что затеял весь этот обман».
Геймлин молвил судье, беспощаден и зол:
«Подымайся! Конец вашей власти пришел!
Приговоров неправых не будет уж тут,
Сам теперь, коль пришел, стану править я суд!»
Был недвижен судья, он вставать не желал —
Геймлин челюсть за это ему поломал,
Взял в охапку, тряхнул бедолагу слегка,
Сбросил вниз — у судьи захрустела рука...
Но перечить никто не посмел удальцу,
Ведь лесная ватага сбежалась к крыльцу.

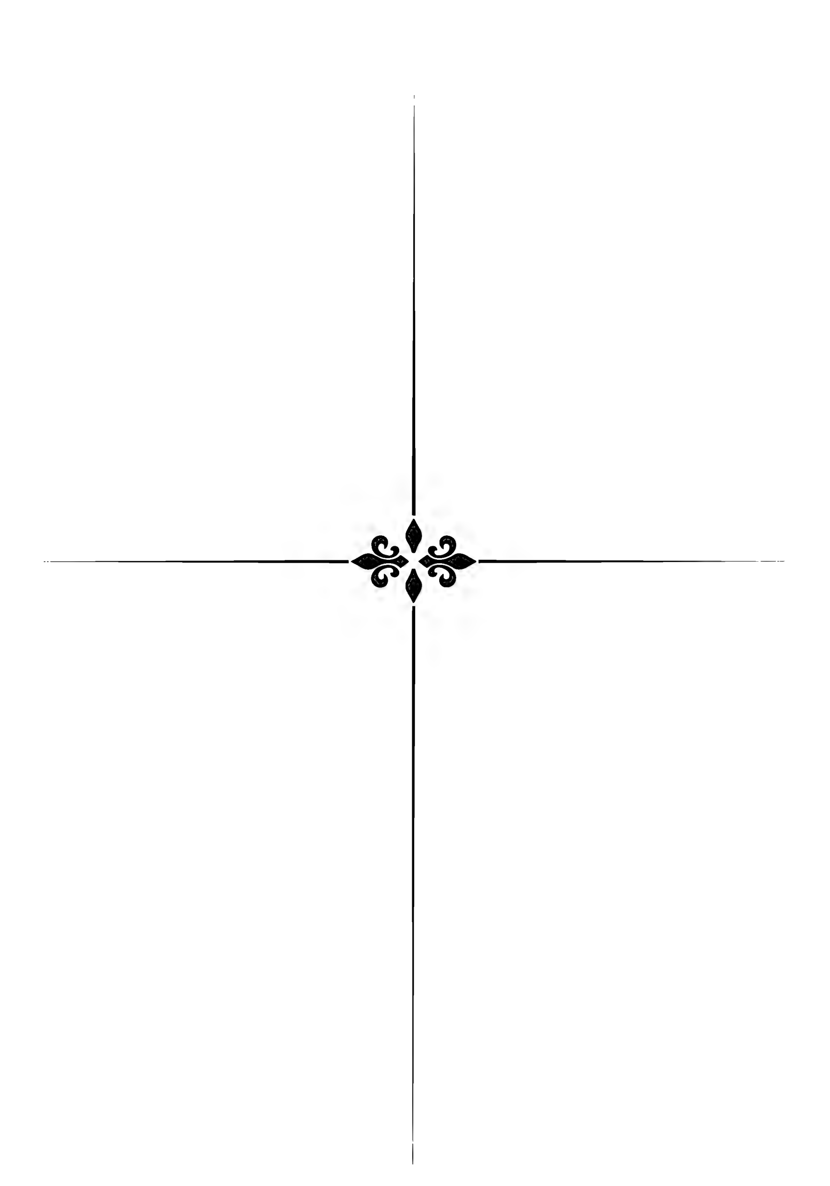
Геймлин в кресле устроился, дерзок и смел,
Рядом — От, а у ног верный Адам присел.
Храбрый Геймлин вести наказал сей же час
О деяниях собственных долгий рассказ.
Злого брата с судьей поспешили связать,
И пришлось поневоле ответ им держать.
Всех расспрашивал Геймлин — и выяснил он,
Кто подкуплен был там и, презревши закон,
Сэра Ота на смерть без причины обрек;
Вел допрос он, пока не узнал всё, что мог.

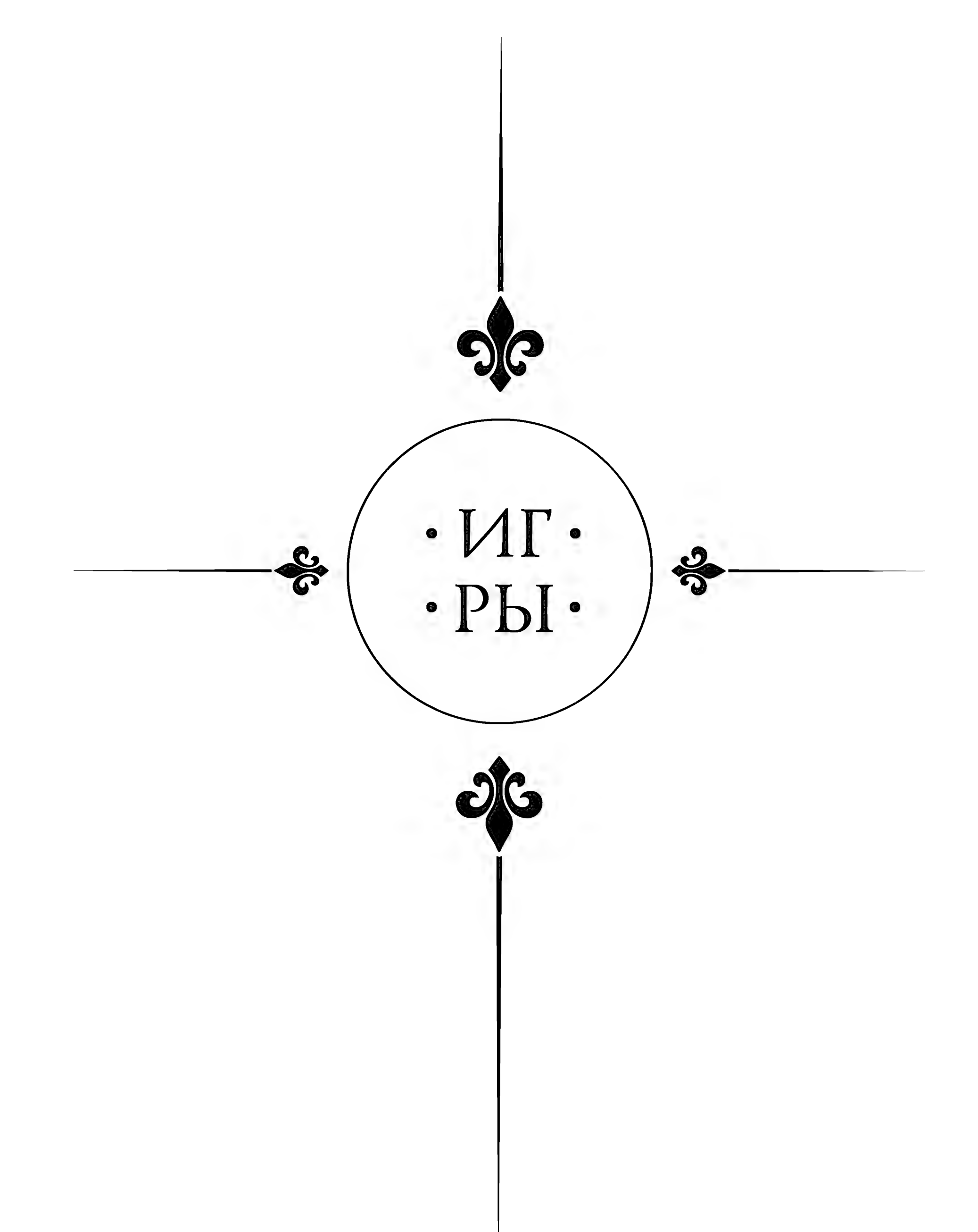
Как открылось сполна, кто и в чем виноват,
Пред судом их, в оковах, поставили в ряд,
Да связали всех вместе — и крикнул судья:
«Бог свидетель, шерифом обманут был я!»
Геймлин молвил на это, удал и силен:
«Не по чести судя, извратил ты закон.
И присяжных, вершивших неправедный суд,
Я повешу — на том и окончится труд!»
Тут шериф к смельчаку обратился с мольбой:
«О пощаде прошу! Я ведь брат твой родной!» —
«Так тем более пакостна кривда твоя:
Окажись ты сильней — как бы мучился я!»

Что ж, балладу закончить пора поскорей.
Геймлин выбрал присяжных из верных друзей,
Брат-изменник с судьею повисли к утру
И остались качаться в петле на ветру.
Лихоимцы все к чёрту пошли заодно —
Было им убежать от петли не дано.
По заслугам шерифу досталось сполна,
Ведь душонка была у злодея черна.
От веревки богатство его не спасло.
Кто закон не блюдет, пожинает лишь зло!

Старшим сделался От, ну а Геймлин вторым.
Поспешить к королю было велено им.
Соблюдать поклялись они оба закон,
И сэр От стал судьей, по делам отличён.
И назначен был младший из двух молодцов
Королевским смотрителем рощ и лесов.
Государь всю разбойную шайку простил
И немедля на службу к себе пригласил.
Этак Геймлин вернул свой законный удел
И заклятым врагам отомстил, как хотел.

И наследником юношу сделал сэр От
И супругу ему подыскал в свой черед.
Братья прожили срок, что отмерил им Бог,
Умер Геймлин, и в землю сырую он лег.
Этой участи людям нельзя избежать –
Пусть Господь нам дарует в Раю благодать!




ИГ
РЫ

СЦЕНА 1

Сцена происходит в лесу.

Рыцарь — Шериф, клянусь я, стоя тут,
Что пойман будет Робин Гуд.

Шериф — Покончишь с ним, и в свой черед
Дарую я тебе феод.

Шериф уходит, появляется Робин.

Рыцарь — Эй, Робин Гуд! В тени лесной
Посостязаемся с тобой!

Робин — Стрелок, известно, я лихой,
Мишень я расколю стрелой.

Рыцарь — Стреляй, дружок!

Шериф Ноттингемский

Робин — Прут расщеплю я, видит Бог!

(*Стреляют, и Робин побеждает.*)

Робин — Ну, бросим камень? Кто сильней?

Рыцарь — Достанет сил руке моей.

(*Бросают камень.*)

Робин — Ось деревянную метнем?

(*Бросают деревянную ось.*)

Рыцарь — Теперь бороться мы начнем.

(*Борются, и Робин бросает рыцаря наземь.*)

Робин — Тебя сумел я победить.

Рыцарь — Смогу наверно отплатить.

(*Борются второй раз, теперь рыцарь бросает Робина.*)

Робин — Проклятье! Затрублю я в рог.

(*Робин трубит в рог, призывая на помощь.*)

Рыцарь — Зря народился ты, стрелок.

Робин Гуд — Теперь посмотрим, чья возьмет,
И тот слабак, кто удерет!

(*Сражаются на мечах, и Робин побеждает.*)

Лишь я хозяин в сем лесу.
Тебе я голову снесу!

(*Отрубает рыцарю голову.*)

Теперь оденусь я, как он,
Башку же суну в капюшон[1].

(*Робин надевает одежду рыцаря, а отрубленную голову кладет к себе в капюшон.*)

СЦЕНА 2

Робин Гуд в тюрьме с несколькими из своих людей.

Первый разбойник
Какая встреча! Всем привет!
О Робине известий нет?

Второй разбойник
Сидит в темнице Робин Гуд,
И ждет его шерифов суд.

Первый разбойник
Тогда давайте-ка мы пойдем,
Шерифа гордого убьем.

Второй разбойник
Смотри, смотри, как братец Тук
Тугой натягивает лук.

(*По всей видимости, монах Тук в одиночку атакует шерифа.*)

Шериф Добром сдавайтесь лучше вы,
Иль изрублю вам тетивы.

(*Трое стрелков взяты в плен, их ведут к воротам тюрьмы.*)

Первый разбойник (?) Связали крепко нас.
Брат Тук, настал недобрый час!

(*Шериф открывает дверь и приказывает Робин Гуду выходить.*)

Шериф Того сегодня ждет петля,
Кто бил оленей короля!

Первый разбойник (?) Что делать, в толк я не возьму,
Ведь нас уже ведут в тюрьму.

Шериф А ну, снимай с ворот засов!
Мы отведем в тюрьму воров!

(*Как только ворота открываются, Робин и другие разбойники, по-видимому, нападают на шерифа и убегают.*)

ЗДЕСЬ
НАЧИНАЕТСЯ
ПЬЕСА О РОБИН ГУДЕ,
ВЕСЬМА ПОДХОДЯЩАЯ ДЛЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
ВО ВРЕМЯ МАЙСКИХ ИГР[1].

Входят Робин Гуд и его люди.

Робин Гуд
Меня послушайте, мои
Веселые друзья:
Ей-ей, немалую беду
Вчера изведал я,
Шагая вдоль ручья.
Иду я, значит, через лес
И вдруг гляжу — монах.
Он смело подошел ко мне
С дубиною в руках.
И завязался бой у нас,
Кровав, суров, жесток.
Представьте, этот негодяй
Забрал мой кошелек!
Ну? Может кто-нибудь из вас

Пойти за ним вослед
И привести его сюда,
Захочет он иль нет?

Малютка Джон
Хозяин! Господом клянусь,
Что я его найду.
Сюда, коль надобно, силком
Монаха приведу.

Робин и его люди уходят. Появляется отец Тук с тремя собаками.

Отец Тук
Всевышний с нами! Deus hic![2]
Не зря я молвлю так:
Храни Господь всех вас, друзья![3]
Я знатный весельчак!
Я щит и меч люблю носить,
Из лука пострелять.
Любой, кто встанет предо мной,
Тотчас придет в испуг.
Не отступлю, пускай сперва
Он смотрит свысока!
И я намну ему бока,
Коль дерзок будет он.
Враз наберется он ума!
По правде говоря,
Забрался поутру не зря
Я в этакую глушь.
Ищу я смелого стрелка,
Что где-то тут живет.
Сей молодец и удалец
Зовется Робин Гуд.
Коль он силен, остаться я
Готов в тени лесной,

Но если я сильней его,
Он станет мне слугой –
Пусть водит псов за мной.

Входит Робин Гуд и хватает монаха за горло.

Робин Гуд Тебе, негодник, не уйти!

Отец Тук Прочь руки! Горло отпусти!

Робин Гуд Тебе, гляжу, неведом страх –
С чего так дерзок ты, монах?
Зачем явился в мой удел,
Что, оленинки захотел?

(*Отец Тук отталкивает Робина.*)

Отец Тук Эй, отвяжись и не болтай!
Разговорился, негодяй!
Пускай я лишь монах-бедняк,
Тебя я вздую, плут!
В лесу ищу я удальца,
Чье имя Робин Гуд.

Робин Гуд Ты что́, паршивец, возомнил?
Вовек он вас, попов, не чтил.

Отец Тук Не трать, бродяга, глупых слов,
Не то получишь тумаков.

Робин Гуд Из тех, кого я тут встречал,
Ты нежеланней всех, нахал.
Примета есть, что поутру
Монаха встретить – не к добру!

Да если б мне открылся ад
И я бы не был пьян,
Я даже черту был бы рад,
Но не тебе, пузан.

Отец Тук Дурную речь оставь свою,
Не то, болтун, тебя побью!

Робин Гуд Ну-ну, остынь, не голоси,
Через ручей меня снеси.
Мосток сломало, видишь сам.

Отец Тук Склонюсь, дружок, к твоим мольбам:
Всем помогать я дал обет.
Подставлю спину — спору нет.

Робин Гуд Ну, неси.

(*Забирается монаху на спину.*)

Отец Тук Вот я промок, а ты сухой,
Так познакомься же с рекой!

(*Сбрасывает Робина.*)

Я сверху сух — ты весь промок!
Плыви, коль можешь, паренек!

Робин Гуд Что ты наделал, негодяй?

Отец Тук Плута, Мария, покарай!

Робин Гуд Молись, не тратя лишних слов!

Отец Тук Ты хочешь драться? Я готов.

Робин Гуд Господь удачу мне пошлет.

Отец Тук Прими-ка плюху наперед.

(*Дерутся.*)

Робин Гуд А ну-ка, руки с горла прочь!

Отец Тук Холодным потом ты покрыт —
Видать, тебе уже невмочь!

Робин Гуд Есть у меня чудесный пес,
Немало дичи мне принес.
Дай трижды протрублю я в рог,
И он примчится, видит Бог!

Отец Тук Труби, труби себе, дружок,
Да так, чтоб скулы вон из щек.

Робин трубит в рог, входят его друзья.

Что за толпа спешит ко мне
В зеленом кендалском сукне?[4]
Сюда разбойники идут!

Робин Гуд Тебя, монах, несчастья ждут.

Отец Тук Раз ты трубил от всей души.
Теперь мне свистнуть разреши!

Отец Тук

Робин Гуд Свисти, свисти, как хочешь, плут,
Пускай на лоб глаза взбегут!

(*Монах свистит.*)

Отец Тук Эй, Катт и Бауз![5]
Беритесь за дубье живей,
Побейте этих дикарей.

(*Все дерутся.*)

Робин Гуд Монах, пойдешь ли мне служить?
В лесу у нас привольно жить.
Получишь ты и кров и стол,
Вот, леди я тебе нашел,
Чтоб с нею было веселей.

Входит девушка.

Служи отныне верно ей
Во здравие души моей.

Отец Тук Кто во мне огонек
Ниже пояса разжег?
Вот приятная девица,
С нею похоть утолится.
По постели прыг-скок,
Мой проснулся петушок.
Ступайте, парни, по домам: обед варить пора,
А здесь, на выгоне, вдвоем, мы будем до утра
На радостях плясать.

(*Танцуют.*)

* * *

Робин Гуд
Скорей идите, молодцы,
Рассказ послушать мой
О том, что я в погожий день
Видал в тени лесной.
Товар горшечник гордый вез,
Он был в венке из свежих роз,
Что сладостно благоухал;
Он ездит здесь уже семь лет,
Но до сих пор у нас с него
Дохода нет как нет.
Быть может, кто-нибудь из вас,
Отважных смельчаков,
Хоть золотом, хоть серебром долг стребовать готов?

Малютка Джон
Скажу, не тратя лишних слов:
Здесь не найдется никого,
Кто б задержать рискнул его,
Ведь он избил меня всего.
Но я останусь здесь с тобой:
Известно мне, кто он таков!
Сойдешься с ним в тени ветвей —
Так знай, что он других сильней.

Робин Гуд
Побьюсь с тобою в аккурат
На двадцать фунтов об заклад,
Что он заплатит, рад не рад!

Малютка Джон
Коль он смирится, чертов брат,
Тебе я заплачу стократ,
Не то пойду по смерти в ад!

Лесные стрелки уходят, появляется Джек — подручный горшечника.

Джек
Зачем родился я на свет!
В густом лесу дороги нет —
Мне Ноттингем не отыскать.
Когда приеду я, боюсь,
Уж будет поздно торговать.

Робин Гуд
А ну, прочны ль твои горшки?

(*Бросает горшок оземь.*)

Джек
Они не так уж и крепки.

Робин Гуд
Я их сейчас расколочу назло скупцу и рогачу!
Коль ямину они пробьют,
Три пенса дам тебе я, плут.

(*Робин разбивает еще несколько горшков.*)

Джек
Что вы наделали?! Увы!
Ну, не сносить вам головы!

Входит горшечник.

Горшечник
Что, сукин сын, ты здесь забыл?
Ведь ты на рынок покатил!

Джек
Я Робин Гуда повстречал,
Он все горшки твои разбил
И рогачом тебя назвал!

Горшечник
Хоть ты, быть может, из дворян,
Но здесь буянишь, как мужлан!
Меня ты рогачом назвал,
Но Богом я клянусь, нахал,

Что ввек женатым не бывал.
Скажу как есть:
Когда б ты помнил стыд и честь,
То я, продав горшки и блюда,
Доход бы разделил с тобой.
Но, будь ты мне хоть брат родной,
Тебя побью иль проклят буду.

Робин Гуд
Горшечник, слушай речь мою:
Семь долгих лет в лесном краю
Ты разъезжал, но гордым был —
Ни пенса мне не заплатил.

Горшечник
С какой же стати, разъясни.

Робин Гуд
Я — Робин Гуд, и правлю суд
В густой лесной тени.

Горшечник
Семь лет я вольно ездил тут
И дани не платил!
Заставь меня, коль хватит сил.

Робин Гуд
Эй, за проезд плати мне поскорей,
Не то простишься с лошадью своей.

Горшечник
Ты честный малый, говорят,
Так лук свой опусти.
Не лучше ль нам, взяв по мечу,
В сторонку отойти?

Робин Гуд
Эгей, Малютка Джон, ты тут?

Малютка Джон
Клянусь спасением души,
Ведь я тебя предупреждал,

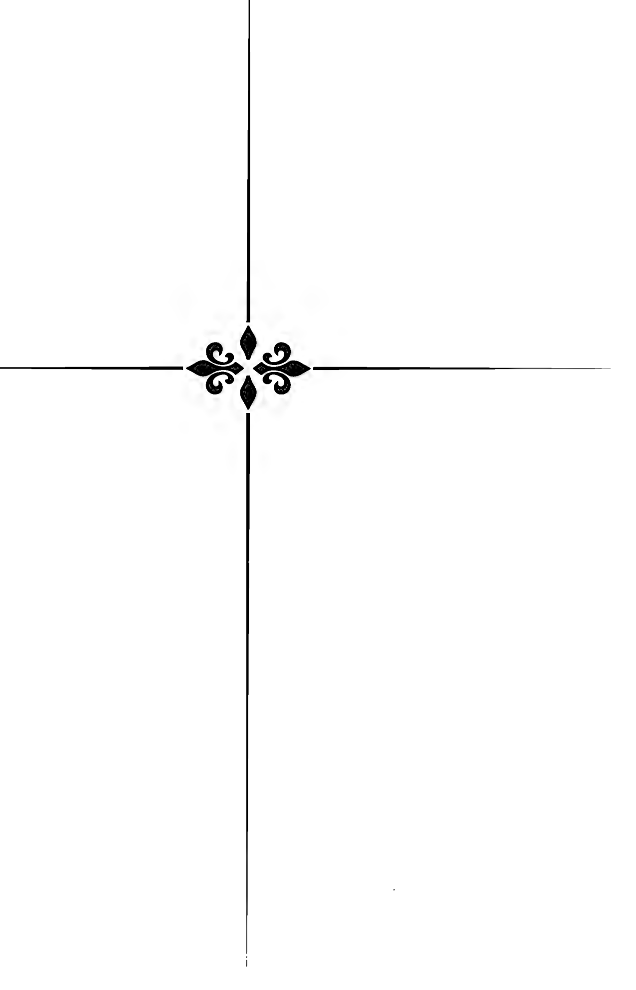
Что он задира и нахал.
Бери скорее крепкий щит,
А чтобы не был ты побит,
Тебе я помогу.
Не будь горшечник так силен,
Вмиг получил бы в рыло он
И больше ни гу-гу.

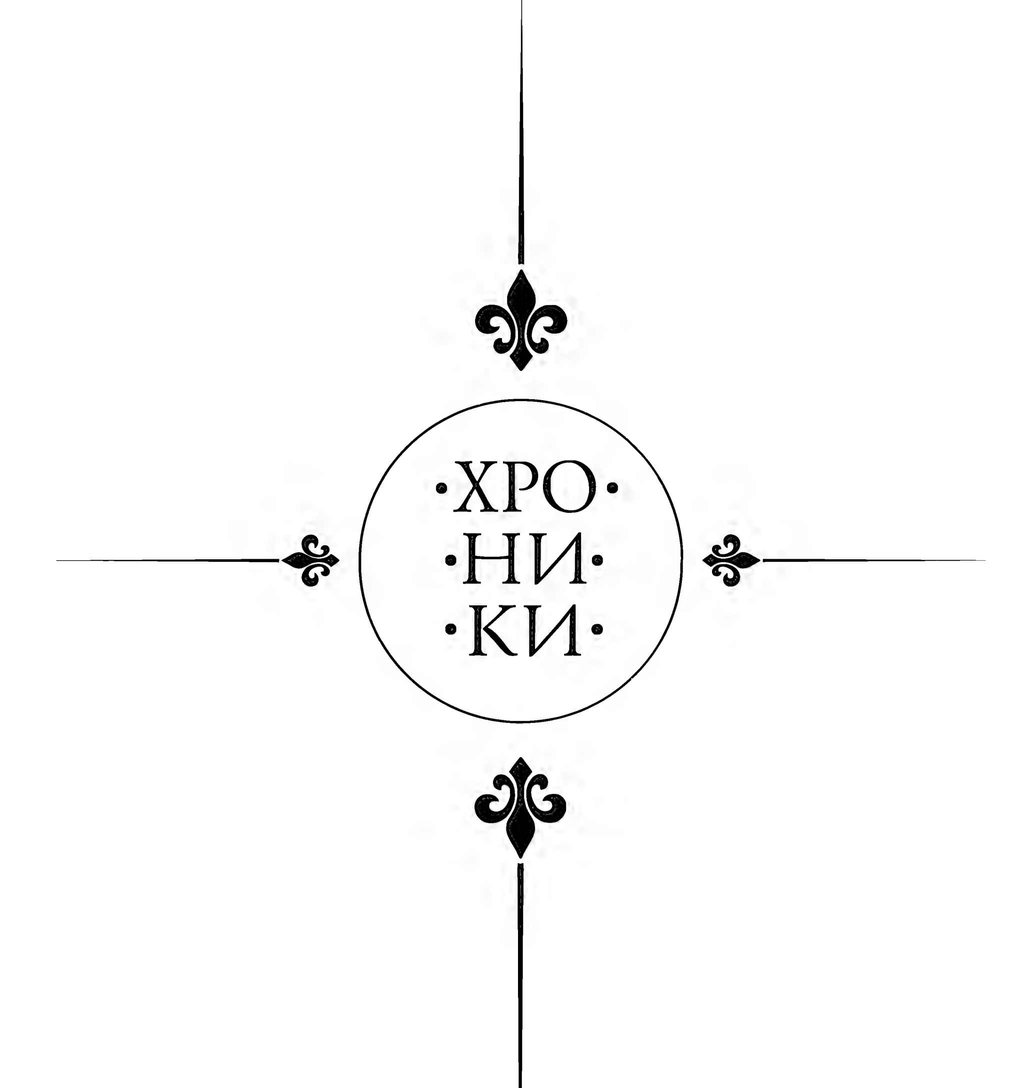
(*Начинается бой.*)

ТАК
ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ПЬЕСА
О РОБИН ГУДЕ

Карта Веселой Англии →

GREAT SEAL of HENRY II AND RICHARD COEUR de LEON
A MAP TO SHOW THE SITUATION of ROYAL HUNTING FORESTS WHERE ROBIN HOOD LIVED. A-D 1160~1247
STRATHCLYDE
PLOMPTON FOREST
BARNESDALE FOREST
YORK
WATLING STREET
DUBLIN
IRISH SEA
SHERWOOD FOREST
TRENT
MANCHESTER
LINCOLN
NORTH SEA
IRELAND
CHESTER
DERBY
NOTTINGHAM
WROXETER
STAFFORD
NEEDWOOD FOREST
R. SEVERN
WARWICK
R. AVON
WALES
WATLING STREET
LONDON
R. THAMES
CANTERBURY
DOVER
CALAIS
EXETER
FLANDERS
ENGLISH CHANNEL
NORMANDY
ROUEN
R. SEINE
BRITTANY




·ХРО·
·НИ·
·КИ·

ЖИЗНЬ РОБИН ГУДА

Робин Гуд родился в Локсли, в Йоркшире, или, как утверждают иные, в Ноттингемшире, во времена Генриха II, примерно в 1160 году, и дожил до конца правления Ричарда I. Был он благородного происхождения, но так разгулен, что растратил и распродал всё наследство, и за долги его объявили вне закона; тогда присоединились к нему множество крепких молодцов сходного нрава, среди которых один, по имени Маленький Джон, был главным или следующим по старшинству после Робина. Они охотились в Бернисдейлском лесу, Кломптон-парке[1] и других подобных местах. В основном они стреляли из лука, в чем превосходили всех остальных людей в тех краях, хотя, если обстоятельства того требовали, употребляли и всякое другое оружие.

Один из первых своих подвигов Робин совершил, когда зашел в лес, прихватив с собой необычайно тугой лук. Там он повстречал компанию неких егерей, иначе лесников, которые стали затевать с ним ссору, говоря, что он-де хвастает, будто может справиться с таким луком, из которого не способен выстрелить ни один человек; на это Робин ответил, что в Локсли у него есть два лука получше,

а этот он сейчас взял только для того, чтобы бить птицу. И спор стал таким горячим, что решили биться об заклад, удастся ли с большого расстояния подстрелить оленя; тогда Робин предложил поставить на кон собственную голову против изрядной суммы денег. Пользуясь таковыми его запальчивыми словами, лесники немедля согласились. И вот отыскали мишень, и один из них <...>[2] оба они хотели, чтобы в нем дрогнуло сердце, а рука утратила твердость, и, когда он собирался стрелять, грозили ему потерей головы, если он промахнется. Однако, невзирая на это, Робин убил оленя, после чего вернул лесникам деньги, обойдя лишь того, кто, покуда он целился, обескураживал его, стращая потерей головы. Робин сказал, что на эти деньги они все вместе выпьют, поэтому тот обиделся; и от спора они перешли к драке.

Но Робин спасся при помощи лука, перестрелял их и убежал, а затем стал жить в лесу той добычей, какую удавалось достать, и его шайка возросла до полутора сотен человек; трудно сказать, почитали их или нет, но в те времена они слыли непобедимыми.

Когда Робин слышал о людях необыкновенной силы и мужества, он переодевался и, как правило, приняв облик нищего, шел, чтобы с ними познакомиться, после чего испытывал их в бою и не отступал, пока не находил средств побудить их жить подобно ему. Именно так он сделал членом шайки уэйкфилдского полевого сторожа, а также одного монаха по имени Мачел[3], хотя некоторые говорят, что тот был каким-то другим служителем Божьим, поскольку монашествующих братьев тогда еще не водилось[4]. Скарлока же он убедил так: однажды Робин встретил его в лесу, когда тот брел совсем один, с нечастным видом, ибо девица, с которой они обручились, была разлучена с ним ее жестокими друзьями и отдана другому — старому и богатому. Тогда Робин, узнав, в какой день должна состояться свадьба, явился в церковь в обличье нищего, оставив неподалеку своих людей, каковые вбежали, как только услышали звук рога. Робин отобрал невесту у того, кто стоял с ней рядом и намеревался взять ее в жены, и заставил священника обвенчать девушку со Скарлоком[5].

Среди прочих его близких друзей был сэр Ричард Ли, рыцарь из Ланкашира, владелец <...>[6]. И главная причина состояла в том, что,

хотя Робин и его соратники жили воровством и грабежами, он был чрезвычайно религиозен и даже суеверен. А из всех святых он больше всего чтил Деву Марию, и потому, если кто-нибудь о чем-то просил его во имя Ее, Робин выполнял просьбу, если только мог; и никогда он не терпел, чтобы кто-то из его товарищей причинял вред женщинам, беднякам и земледельцам. А нападали его люди главным образом на жирных прелатов да прочих церковников и грабили жилища монахов; и потому Джон Мэйджор назвал его принцем воров и грабителей[7].

И вот однажды случилось так, что Робин послал Маленького Джона, Скарлока и Мачела к Сайлис, на Уотлинг-стрит, в расчете захватить желанную добычу. Обычно, когда к ним в руки попадала жертва, они отводили ее в лес, туда, где жили сами, как бы из гостеприимства; но после трапезы заставляли дорого платить за угощение, отнимая всё, что человек имел с собой. Так намеревались они обойтись и с направлявшимся в свое поместье сэром Ричардом Ли, приняв его как можно лучше; когда же сэр Ричард собрался уезжать, вознаградив их лишь словами благодарности, Робин сказал, что не в его обычае, пообедав, не платить за съеденное, а потому и остальным надлежит рассчитываться, прежде чем уехать; и он объявил, что отказываться от этого неучтиво. Рыцарь же ответил, что у него только десять шиллингов, которыми он намеревается покрыть свои издержки в Блите или Донкастере[8], а если у него ничего не останется, то ему, когда наступит время уезжать оттуда, придется хуже некуда; но он пообещал тем же образом отплатить Робину за любезность, как только сможет. Но Робин, не удовольствовавшись этим, велел обыскать гостя и нашел не больше, чем было сказано; засим он объявил, что рыцарь человек честный, и принялся расспрашивать его, отчего он так печален и плохо одет. Рыцарь поведал ему о своем положении и происхождении и о том, как его сын и наследник, вызвав на поединок некоего рыцаря из Ланкашира, убил того на поле боя, и за это, а также и за некоторые другие подобные деяния, рисковал лишиться жизни. Чтобы спасти сына, отец понес большие расходы и в конце концов был вынужден даже заложить свой замок и земли настоятелю обители Святой Марии, что в Йорке, за четыреста

фунтов; при этом главный судья стакнулся с аббатом касательно поместья сэра Ричарда или его доходов, так что, скорее всего, рыцарю предстояло лишиться собственности из-за нехватки денег для выкупа в назначенный день заложенного имущества, и он совсем отчаялся поправить свои дела.

Тогда Робин, посочувствовав рыцарю, дал ему четыреста фунтов из той добычи, которую награбил, и Пресвятая Дева была поручителем в том, что долг будет выплачен через двенадцать месяцев. Разбойники также снабдили рыцаря одеждой, поскольку свою он сносил; вообще же из-за всего случившегося, исключительно от стыда, он намеревался вскорости уплыть за моря и остаток жизни провести бедным паломником, отправившись в Иерусалим и проч. Но теперь, оживившись, он явился точно в назначенный день к аббату, у которого гостил главный судья графства, – оба они полагали, что рыцаревы земли достанутся им; и рыцарь, дабы испытать их милосердие, притворился, что нуждается в деньгах для выплаты долга; но, не найдя в них и капли сочувствия, он отдал деньги и вернул себе земли, внеся за них плату, о которой условился с настоятелем.

И вот, прежде чем минули двенадцать месяцев, сэр Ричард повез четыреста фунтов, а также сотню связок хороших стрел, желая подарить их Робин Гуду. И, повстречав по пути неких людей, которые состязались в борьбе за достойный приз, он остановился посмотреть, чем всё закончится. Победил один йомен, а прочие позавидовали ему и, поскольку он был беден и одинок, сговорились промеж себя поступить с ним несправедливо; тогда рыцарь принял его сторону, выручил йомена и при прощании подарил ему пять марок.

Так случилось, что все лучшие стрелки назначили день для турнира, который должен был состояться вблизи Ноттингема и где предполагалось разыграть большой приз; на состязании собирался присутствовать сам шериф. А шериф был главным врагом Робина и его людей и долгое время о них злословил; и потому, дабы разведать, что и как, на турнир переодетым послали Маленького Джона, чтобы он стрелял в числе прочих участников. И он так преуспел, что шериф назвал его первейшим лучником и упросил стать своим слугой; и Маленький

Джон отправился к нему домой, назвавшись Рейнольдом Гринлифом[9] и сказав, что родился он в Холдернессе.

Маленький Джон искал любого случая как-нибудь навредить своему господину; однажды, узнав, куда шериф обычно ездит охотиться, он сумел как-то предупредить своего хозяина Робин Гуда и его ватагу, чтобы те были готовы. И вот шериф и все его люди отправились на охоту, а Маленький Джон нарочно остался дома — и лежал в постели, сказавшись больным; но едва закрылись ворота, он велел управляющему подать еды, однако тот, выбранив его, отказался кормить, пока хозяин не вернется домой. Тогда Джон избил управляющего и вошел в кладовую. Повар же, будучи весьма крепким малым, долго сражался с Джоном, а затем согласился уйти вместе с ним в лес. Они вдвоем обшарили дом, забрали все шерифовы сокровища и лучшие вещи и отнесли Робин Гуду; а после того Маленький Джон отыскал шерифа, который на охоте не ожидал подвоха и принял его за одного из своей свиты. Маленький Джон сразу сказал, что видел в лесу прекрасное стадо оленей, почти в полтораста голов, и взялся привести к нему шерифа. Тот, обрадовавшись столь необычайному известию, отправился с Джоном и в конце концов оказался в руках у Робин Гуда и его людей, которые отвели шерифа в свое обиталище и там подали ему обед на его собственном блюде, с прочими приборами, которые украли Маленький Джон и повар. На ночь, согласно их обычаю, они уложили шерифа спать на земле завернутым в зеленый плащ, а на следующий день отпустили, взяв клятву никогда их не преследовать, но, напротив, служить им по мере сил; однако шериф впоследствии о той клятве не вспоминал и не исполнял ее.

После того Маленький Джон, Скарлок и прочие были посланы вперед, подстеречь какую-нибудь компанию; и если путники окажутся бедны, следовало одарить их чем-либо из того, что у стрелков имелось при себе, а если богаты, то поступить с ними, как всегда в таких случаях. И вот на дороге вблизи Барнсдейла они повстречали двух черных монахов, на хороших конях и в сопровождении пятидесяти человек. Поскольку Робин, предводитель разбойников, питал особое почтение к Богоматери, и, когда им в руки попадала добыча, стрелки говорили,

что ее послала Пресвятая Дева, то Маленький Джон, увидев эту компанию, именно так и сказал своим друзьям, побуждая их к стычке. И, подступив к монахам, он объявил, что, хотя их только трое, они не посмеют вернуться к своему вожаку, если не приведут гостей к нему на обед; а когда монахи стали отказываться, Маленький Джон упрекнул их, что они заставляют его хозяина так долго ждать голодным. Когда же монахи спросили, кто таков его хозяин, Джон сказал, что его имя Робин Гуд, и монахи сердито отвечали, что тот отъявленный вор, о котором они никогда не слышали ничего хорошего. Маленький Джон ответил столь же дерзко, заявив, что Робин Гуд — йомен, который живет в сем лесу и приглашает их на обед; и от слов стрелки перешли к ударам и перебили всех, кроме одного [или двух], которого силой отвели к своему хозяину. Робин вежливо приветствовал гостя, но храбрый монах не ответил ему тем же. Тогда Робин затрубил в рог, и к нему явились его сподвижники; они все пошли обедать, после чего Робин спросил монаха, из какого он аббатства, и тот сказал, что он из обители Святой Девы Марии.

Это была та самая обитель, настоятелю которой рыцарь задолжал четыреста фунтов, ввиду чего Робин и дал ему взаймы, дабы он выкупил свои земли; и Робин, полагая, что деньги пропали, немало удивлялся, что Богоматерь не вернула ему их, хоть и была поручительницей рыцаря. «Не беспокойся, хозяин, — сказал Маленький Джон, — я готов поклясться, что монах наверняка привез деньги, ибо он из Ее обители». Поэтому Робин велел принести вина, выпил за своего гостя и попросил ответить, вправду ли тот привез ему деньги. Монах уверял, что никогда прежде не слышал о подобном уговоре. Но Робин не отступал: он утверждал, что Христос и Его Матерь известны ему своей честностью, и, раз уж монах признал себя Их неизменным слугой и посланцем, нужная сумма непременно должна у него быть; поэтому Робин поблагодарил его за прибытие точно в срок. Монах продолжал отнекиваться, и Робин тогда спросил, сколько у него при себе денег. Монах ответил, что всего двадцать марок. Засим Робин сказал: «Если мы найдем больше, то заберем их как присланные Пресвятой Девой, но твоих собственных денег, на расходы, не тронем».

И вот Маленькому Джону велели обыскать сумы монаха, и он нашел около восьмисот фунтов, которые и отнес своему хозяину, объявив ему, что Пресвятая Дева вернула долг вдвойне. «Ведь я же говорил тебе, монах, — произнес Робин, — что Она честная женщина»; и он приказал подать вина и выпил за монаха, попросив его передать поклон нашей Госпоже и сказать, что за такое великодушие Робин Гуд отплатит Ей своей благодарностью, если Она будет в нем нуждаться. Затем разбойники обыскали поклажу на другой лошади, на что монах заметил, что неучтиво приглашать людей на обед, а затем бить их и вязать. «В нашем обычае, — возразил Робин, — оставлять гостю немного денег». И монах поспешил скорее уехать, сказав, что он дешевле бы отобедал в Блите или Донкастере. А Робин крикнул ему вдогонку и велел передавать поклон аббату и прочей братии: пусть, мол, присылают каждый день на обед по монаху. Вскоре за тем приехал рыцарь и, поприветствовав стрелков, собирался возвратить Робину деньги, а сверх того еще двадцать марок за доброту; но тот отказался, поведав, каким образом Пресвятая Дева вернула ему всё, и даже больше, через монастырского келаря, и прибавив, что не годится взимать долги дважды. Но луки и стрелы он принял, за кои дал рыцарю при расставании еще четыреста фунтов.

Меж тем шериф Ноттингемский, чтобы выманить Робин Гуда из леса, объявил лучный турнир, где наградой была серебряная стрела, и Робин смело, со всей своей компанией, явился туда, но на стрельбище взял с собой лишь шестерых, а прочим велел постоять в стороне, чтобы [прикрывать] его. Стреляли Маленький Джон, Мичел, Скарлок, Гилберт и Рейнольд; но приз выиграл Робин, вслед за чем шериф и его люди завязали с ним ссору, а затем начался бой, который длился до тех пор, пока Робин со своими сподвижниками не перебили бóльшую часть шерифова отряда. Маленький Джон был сильно ранен стрелой в колено и, будучи не в силах идти, попросил хозяина убить его, только бы не дать ему попасться в руки шерифу. Робин ответил, что не бросит его даже ради всей Англии, а потому велел Мичелу нести Джона на спине; и вот, с большим трудом и частыми передышками, Мичел дотащил его до замка сэра Ричарда Ли, куда после стычки также направились сам

Робин и остальные его друзья; и там, радушно принятые, они стали отбиваться от шерифа, который немедленно собрал людей со всей округи и осадил замок; те же, кто находился в нем, отказывались сдаваться, не узнав прежде решение короля.

Тогда шериф поехал в Лондон и известил короля о случившемся, а тот отправил шерифа обратно, велев набрать в тех краях побольше людей и сказав, что через две недели он самолично прибудет в Ноттингем, дабы решить это дело. Тем временем Маленький Джон исцелился от своей раны, и все стрелки вернулись в лес. Когда шериф услышал об этом, он был весьма раздосадован и стал раздумывать, как бы взять сэра Ричарда Ли в плен за то, что рыцарь ему сопротивлялся; и однажды, проследив за ним некоторое время незамеченным, шериф захватил его врасплох, неожиданно явившись с большим отрядом, когда тот охотился с соколами, и вознамерился посадить Ричарда Ли в темницу в Ноттингеме и повесить. Но супруга рыцаря спешно отправилась к Робину и поведала, что ее муж попал в беду: шериф преследовал его и, захватив вблизи Ноттингема, убил стрелой и <...> его голова <...> он спросил, какое послание тот привез от короля <...> объявив, что шериф нарушил обещание, которое дал Робину в лесу[10]. После этого они прикончили шерифа, вернулись и освободили рыцаря от оков, а затем, вооружив его, взяли с собою в лес, надеясь всеми возможными способами добиться прощения короля, который между тем только что прибыл в Ноттингем с пышной свитой и, когда узнал о случившемся, захватил в свои руки рыцарево имущество. Осматривая леса в Ланкашире, государь приехал в Пломтон-парк и обнаружил, что олени там истреблены; тогда он невероятно разгневался, стал разыскивать Робин Гуда и объявил: кто привезет ему голову сэра Ричарда Ли, получит все земли этого рыцаря.

В итоге король прожил в окрестностях Ноттингема полгода и ничего не слыхал о Робин Гуде, пока ему не рассказали, какую ненависть разбойник питает к священнослужителям; тогда король надел монашескую рясу и, взяв с собой несколько человек, поехал как путник туда, где, как он думал, жил Робин. Тот приметил монаршего жеребца, остановил его, притворившись, будто принял короля за аббата, и начал

разузнавать, сколько у того денег; но король отговорился, сказав, что две недели прожил в Ноттингеме, много потратил, и осталось у него только сорок фунтов. Тогда Робин забрал их и, разделив между своими людьми, некоторую часть вернул королю; тот охотно ее принял, а затем вытащил большую государеву печать и сказал, что король шлет ему привет и велит явиться в Ноттингем. Робин немедленно преклонил колена и поблагодарил аббата (стрелок притворялся, будто не узнал его) за то, что он привез ему такое послание от того, кого Робин любил больше всех людей, а потом сказал, что за свои труды аббат должен с ними отобедать; и вот, придя туда, где обитали изгнанники, Робин затрубил в рог, и спешно явились все его молодцы, послушные своему хозяину. Король дивился тому, как сам Робин, с ближайшими соратниками, прислуживал ему за обедом, принимая его радушно, по их словам, из уважения к королю.

Потом Робин стал показывать гостю, как они живут и как стреляют из лука, дабы тот мог поведать обо всём королю, и попросил, чтоб в наказание, если сам он, стреляя в венок, промажет, аббат дал ему крепкого тумака. Вскоре Робин промахнулся, но аббат отказался его ударить, говоря, что это не в его обычаях; однако Робин не отступал, пока гость не хватил его так, что тот полетел наземь. За это Робин похвалил его; он и сам раздавал тумаки своим людям, когда те промахивались. Наконец Робин объяснил, как он догадался, что перед ним король, и, вместе с сэром Ричардом Ли и своими соратниками, преклонил колена и попросил прощения, которое король даровал им при условии, что стрелок будет служить ему при дворе.

Затем Робин нарядил короля и его свиту в зеленые плащи линкольнского сукна и отправился с ними в Ноттингем, и казалось, что король — тоже один из разбойников <...> королю вместе стрелять в цель на тумаки[11], и Робин часто тузил его. А жители Ноттингема, решив, что Робин и его люди всех перебьют, разбежались, но король открылся и успокоил их, и горожане обрадовались. Засим был большой пир для всех, и сэра Ричарда и его жену восстановили в правах, за что Робин смиренно благодарил короля. После этого Робин жил при дворе год и так щедро тратил деньги, что у него ничего не осталось, чтобы содержать себя и

своих людей, и все покинули его, кроме Маленького Джона и Скарлока. Однажды, увидев, как юноши стреляют из лука, он вспомнил, что давно уже забросил это занятие, а потому весьма опечалился и призадумался, как бы ему уйти. Робин решил сказать королю, что некогда в Барнсдейле возвел в честь Марии Магдалины часовню, про каковую видел тревожный сон, поэтому молит о позволении отправиться туда босиком в паломничество. Король отпустил его на неделю, не считая пути туда и обратно, но Робин, уйдя в те края, собрал прежнюю шайку и уже не вернулся ко двору.

После этого он продолжал вести такой образ жизни около двадцати лет, пока от холода и старости у него не разболелись все члены и кровь не сделалась нечиста; тогда, в надежде исцелиться от хвори при помощи кровопускания, он отправился к аббатисе Кирклейса, которая, как некоторые говорят, приходилась ему теткой и была весьма искусна в медицине и хирургии[12]. Узнав, что перед ней Робин Гуд, враг всех священнослужителей, она под собственным кровом отомстила ему и всем остальным, сделав так, что он насмерть истек кровью, после чего похоронила его под огромным камнем, на обочине дороги. Также говорят, что некий сэр Роджер из Донкастера, затаив на стрелка обиду за какое-то оскорбление, подстрекнул аббатису, с которой был близок, избавиться от Робина таким манером, и вскоре вся лесная компания рассеялась. Место погребения Маленького Джона также знаменито до сих пор, ибо там были найдены превосходные точильные камни[13].

алк и [его жена] Гавиза оставались некоторое время при короле, достаточно долго, чтобы у них родились пятеро сыновей: Фалк, Уильям, Филипп Рыжий, Джон и Алан. За то же самое время у короля Генриха родились четверо сыновей: Генрих, Ричард Львиное Сердце, Джон и Джеффри, ставший впоследствии герцогом Бретани[1]. Генрих был коронован при жизни отца, но умер прежде него. Затем, после отцовской смерти, правил Ричард, а ему, в свою очередь, наследовал брат Джон, бывший всю жизнь человеком злобным, коварным и своевольным. Фалк-младший [также известный как Фокет] воспитывался вместе с четырьмя сыновьями короля Генриха и был любим всеми ими, кроме Джона, с которым он частенько ссорился.

Случилось однажды, что Джон и Фалк сидели одни в комнате и играли в шахматы. Джон взял шахматную доску и сильно ударил ею Фалка. Почувствовав боль, Фалк поднял ногу и быстро нанес Джону удар в грудь. Тот стукнулся головой о стену, да так сильно, что ему стало дурно и он потерял сознание. Фалк поначалу испугался, а затем обрадовался, что с ними никого не было в

комнате. Он растер Джону уши, и тот очнулся. Джон немедленно пошел к королю, своему отцу, и пожаловался. «Молчи, бездельник, — ответил король, — вечно ты начинаешь ссору из-за пустяков. Если Фалк сделал всё то, что ты сказал, скорее всего, ты получил заслуженно». Затем он призвал наставника сына и велел больно высечь принца за его жалобу. Джон сильно озлился на Фалка и с того дня больше никогда не питал к нему добрых чувств.

Когда Генрих, король и отец, умер, правителем стал его сын Ричард. Ричард очень высоко ценил Фалка ле Брюна, сына Уорена, за его верность. Будучи в Винчестере[2], король позвал к себе пятерых его сыновей — Фокета, Филиппа Рыжего, Уильяма, Джона и Алана, — а также их кузена, Болдуина де Ходенета. Очень торжественно все шестеро юношей были посвящены в рыцари. Потом сэр Фалк-младший вместе с братьями и их воинами отправился за море искать чести и славы. Не было ни одного турнира, ни одного состязания, где бы они не пожелали присутствовать. И их так высоко чтили повсюду, что все стали говорить, что нет им равных по силе, в щедрости и отваге. Ибо они имели такой успех, что, вступая в любую схватку, считались лучшими.

После смерти Фалка ле Брюна король Ричард послал письмо сэру Фалку, предлагая ему вернуться в Англию и получить отцовские земли. Фалк и его братья весьма опечалились, узнав, что их славный отец, Фалк ле Брюн, скончался, и все они поехали в Лондон. Король Ричард был очень рад видеть их и передал им феоды, которые держал Фалк ле Брюн перед смертью. Государь готовился к походу в Святую землю, а потому доверил управление всей Валлийской Маркой сэру Фалку[3]. Король любил и высоко чтил его за верность и превосходную репутацию. Фалк был на хорошем счету у Ричарда в течение всей жизни государя.

После смерти Ричарда королем Англии стал его брат Джон. Он вскорости послал за сэром Фалком, чтобы тот прибыл и обсудил с ним различные дела, касающиеся Валлийской Марки, и сказал, что он сам приедет туда с визитом. Сначала он направился в Болдуин, ныне именуемый замком Монтгомери[4]. Когда Морис, сын Роджера де Поуиса, лорда Уиттингтона, что в Шропшире[5], узнал, что король Джон при-

ближается к границе Марки, он прислал государю прекрасного коня и белого перелинявшего кречета. После того как Джон поблагодарил его за подарки, Морис пришел поговорить с королем, и тот пригласил его остаться при дворе и войти в совет, а также сделал Мориса правителем всей Валлийской Марки.

Увидев, что время подходящее, тот попросил короля, если он не возражает, подтвердить своей хартией право самого Мориса и его наследников владеть Уиттингтоном*, как это прежде сделал король Генрих, отец Джона, для отца Мориса, сэра Роджера де Поуиса. Король хорошо знал, что Уиттингтон принадлежит сэру Фалку по праву, но помнил и удар, который нанес ему Фалк, когда они оба были детьми. Он обрадовался, что ему представилась прекрасная возможность отомстить. Поэтому король объявил, что скрепит своей печатью всё, что бы ни написал Морис. В свою очередь тот пообещал Джону сто фунтов.

Поблизости был один рыцарь, который случайно услышал всё то, что говорили король и Морис. Он спешно уехал и рассказал сэру Фалку, как король своим указом передал сэру Морису земли, которые по праву принадлежат Фалку. Со своими четырьмя братьями тот предстал перед королем и заявил, что общее право на их стороне, ибо эти земли достались им законно и обоснованно, по наследству от отца. И они попросили короля проявить любезность и принять сотню фунтов, при условии, что он позволит им услышать ответ королевского суда – и не важно, суждено ли Фалку выиграть или проиграть. Король сказал, что не станет отменять пожалование, которое уже сделал сэру Морису, разозлит это Фалка или нет. Тогда сэр Морис произнес, обратившись к сэру Фалку: «Сэр рыцарь, очень глупо с вашей стороны притязать на мои земли. Вы говорите, что имеете права на Уиттингтон, но это ложь. Если бы не присутствие короля, мои доказательства вы бы ощутили на себе». Прежде чем успели прозвучать еще какие-либо слова, сэр Уильям, брат Фалка, выступил вперед и так ударил Мориса кулаком по лицу, что оно залилось кровью. Рыцари разняли их, чтобы не произошло большей беды. Тогда сэр Фалк сказал королю: «Сир, вы

* Бланшвилем[6].

мой сюзерен, и я был связан с вами клятвой верности, потому что служил вам и держал от вас земли. За это вам следовало бы оказывать мне разумную помощь, но вы пренебрегли и моими доводами, и общим правом. Никогда еще добрый король у себя при дворе не отказывал своим свободным вассалам в правосудии, а потому я отрекаюсь от своих обязательств». Сказав это, он покинул королевский двор и отправился домой.

Фалк и его братья немедленно вооружились, и Болдуин де Ходенет сделал то же самое. Когда они отъехали на пол-лиги[7] от города, то повстречали пятнадцать хорошо вооруженных рыцарей, самых сильных и смелых из всех королевских приверженцев, и те приказали им возвратиться. Рыцари пояснили, что обещали королю их головы. Сэр Фалк повернулся и воскликнул: «Прекрасные сэры, вы весьма глупы, раз пообещали привезти то, чего не сможете добыть!» И они напали друг на друга с копьями и мечами, и четверо самых доблестных рыцарей короля вскоре были убиты, а остальные ранены, почти что смертельно; спасся лишь один, который, завидев опасность, пустился бежать. Когда он добрался до города, король поинтересовался, удалось ли взять Фицуорена в плен. «О нет, — отвечал рыцарь, — и даже ранен он не был. Он и его спутники ушли, а все наши люди, кроме меня, погибли. Один я с огромным трудом ускользнул». «Где же Жирар Французский, Пьер Авиньонский и сэр Амис ле Марши?» — спросил король. «Убиты, сир». Потом прибыли десять рыцарей, все пешком, потому что сэр Фалк забрал у них лошадей. Одни из этих рыцарей лишились носов, другие — подбородков. Все десятеро являли собой жалкий вид. Король торжественно поклялся, что отомстит за них и весь их род.

Фалк же отправился в Олбербери[8] [в Шропшире] и рассказал даме Гавизе, своей матери, о том, как съездил в Винчестер. Затем Фалк взял у нее большую сумму денег и уехал с братьями и кузенами в [Малую] Бретань[9], где некоторое время и оставался. Король Джон меж тем захватил все земли, которыми Фалк владел в Англии, и причинил немало зла его родичам.

Тогда Фалк и его четыре брата, а также два кузена, Удольф де Браси и Болдуин де Ходенет, простились со своими друзьями в Бретани и

вернулись в Англию. Днем они пережидали в лесах и на пустошах и ехали только ночью, поскольку не осмеливались с кем-нибудь столкнуться при свете дня. У них было слишком мало людей, чтобы вступать в бой с королевскими войсками. Наконец они прибыли в Хигфорд[10] [в Шропшире], к сэру Уолтеру де Хигфорду, который был женат на даме Вилейне, дочери Уорена де Метца. Ее настоящее имя было Эмелина, и она приходилась сэру Фалку теткой. Когда он приехал в Олбербери, где также рассчитывал остановиться, местные жители рассказали ему, что его мать недавно похоронили. Фалк горько оплакал смерть матери на ее могиле и горячо помолился за ее душу.

Тем же вечером сэр Фалк и его люди отправились в лес, прозываемый Бэббинс-Вуд [Бэббинг], подле Уиттингтона, чтобы подстеречь Мориса Фицроджера. Проходивший неподалеку слуга заметил их и побежал рассказать Морису о том, что видел. Тот надел свои парадные доспехи и взял щит — зеленого цвета, с двумя дикими вепрями из чеканного золота, серебряной кромкой и лазурными лилиями. С Морисом были девять сыновей Ги де ла Монтаня и три сына Аарона де Клерфонтейна, а всего — тридцать всадников на хороших конях и пять сотен пеших солдат.

Когда Фалк увидел Мориса, то выехал навстречу ему из леса. Между ними закипела яростная схватка, во время которой Морис был ранен в плечо. Потеряв много рыцарей и пехотинцев убитыми, Морис, преследуемый Фалком, наконец поскакал к своему замку. Фалк задумал ударить Мориса в шлем, прямо на скаку, но удар пришелся по седлу коня. Тогда Морган, сын Аарона, выстрелил со стены замка и арбалетной стрелой пробил Фалку ногу. Фалк был очень зол, что не сумел окончить битву и собственноручно отомстить сэру Морису. А что касается раны на ноге, он не обратил на нее внимания.

Сэр Морис пожаловался королю, что сэр Фалк вернулся в Англию и поразил его в плечо. Король пришел в необыкновенную ярость и отправил сотню рыцарей с их отрядами обыскать всю Англию, найти Фалка, схватить его и доставить к себе — живого или мертвого. Король собирался возместить своим посланцам все расходы и вдобавок пообещал им земли и богатое вознаграждение, если поиски окажутся успеш-

ными. Рыцари изъездили всю Англию, разыскивая сэра Фалка. Однако в тех местах, где, по слухам, мог находиться сэр Фалк, они показываться избегали, потому что неизъяснимо боялись этого человека. Некоторые любили Фалка, но многие страшились его благородного рыцарственного духа, предчувствуя, что их ждет беда, если они решат испытать его силу и смелость.

Сэр Фалк со своими людьми прибыл в Брэйдонский лес [в Уилтшире][11], где они стали жить, прячась. Они не смели появляться открыто из страха перед государем. Однажды через лес проезжали более десятка горожан, везших богатые ткани, меха, специи и одежды для личного пользования английских короля и королевы. Это были торговцы, которые приобрели упомянутые дорогие товары на деньги английского короля и теперь ехали, чтобы доставить закупки ко двору. За ними следовали двадцать четыре пеших солдата, коим было велено охранять государевы сокровища.

Увидев купцов, Фалк позвал своего брата Джона и велел ему пойти и заговорить с этими людьми и узнать, откуда они. Джон пришпорил коня и поскакал, чтобы расспросить торговцев. Когда он поинтересовался, из каких они краев, один купец, высокомерный и гордый, выступил вперед и осведомился, в чем дело и зачем ему это знать. Тогда Джон вежливо ответил, пригласив их проехать и поговорить в лесу с его хозяином. Он прибавил, что если они не пойдут добровольно, то ему придется прибегнуть к силе. Один из солдат шагнул вперед и сильно ударил Джона мечом. В ответ Джон так хватил его по голове, что тот без чувств рухнул наземь. Затем там появились сэр Фалк и его люди и напали на торговцев. Те защищались очень решительно, но в конце концов сдались, потому что больше им ничего не оставалось.

Фалк отвел их в лес, где пленники объявили ему, что они королевские купцы. Услышав это, Фалк пришел в восторг и спросил: «Господа торговцы, если вы лишитесь имущества, кто понесет ущерб? Говорите правду». «Сэр, — сказали они, — если мы потеряем товар из-за собственной трусости или беспечности, виноваты будем сами; но если мы потеряем его по иным причинам — из-за морских опасностей или потому, что он был отнят силой, — убыток потерпит король». — «Вы говорите

правду?» — «Несомненно, сэр», — отвечали они. Когда Фалк узнал, что в убытке окажется король, он измерил богатые ткани и дорогие меха своим копьем[12] и одел всех, кто был при нем, рослых и малых, в роскошные одежды. Каждого он оделил соответственно его положению. Все сподвижники Фалка получили большую долю, а из прочей добычи каждый взял, что понравилось.

Когда настал вечер и купцы сытно поужинали, изгнанник пожелал им доброго пути и попросил передать королю привет от Фалка Фицуорена, который-де чистосердечно благодарит его за красивую одежду. Всё то время, пока Фалк пребывал вне закона, ни он сам, ни его люди никогда не чинили вреда никому, кроме короля и его рыщарей.

Наконец купцы и солдаты предстали перед королем. Раненые и изувеченные, они повторили ему всё, что велел передать Фалк, и описали, каким образом тот захватил королевскую собственность. Государь пришел в ярость и в гневе разослал по стране указ: любой, кто доставит к нему Фалка, живого или мертвого, получит тысячу фунтов. Кроме того, король обещал в награду добавить к этой сумме все земли, которые принадлежали Фалку в Англии.

Фалк же перебрался в один из лесов графства Кент. Оставив своих рыщарей в чащобе, он в одиночестве поехал по большой дороге. На пути он повстречал весело распевавшего гонца; на голове у него был венок, сплетенный из алых роз. Фалк учтиво попросил гонца, чтобы тот отдал ему цветы, пообещав ему заплатить двойную цену за эту любезность. «Сэр, — отвечал гонец, — отъявленно скуп тот, кто не даст рыщарю венка по его просьбе». И он отдал Фалку розы, а тот в обмен вручил ему двадцать шиллингов. Гонец узнал Фалка, ибо часто видел его раньше.

Через некоторое время, прибыв в Кентербери[13], гонец повстречал сотню рыщарей, которые ездили по всей Англии и разыскивали Фалка. «Сэры, откуда вы прибыли? — спросил он. — Нашли ли вы человека, которого ищете по приказу нашего государя короля и ради собственной выгоды?» «Нет», — отвечали они. «Тогда что вы дадите мне, — сказал он, — если я отведу вас на то место, где нынче видел его и говорил с ним?» И рыщари так щедро наградили его подарками и столько ему

посулили, что он отвел их туда, где видел Фалка. Также он рассказал, как получил двадцать шиллингов за розовый венок, который столь любезно отдал.

Сотня рыцарей немедленно разнесла весть по округе. Они спешно собрали достаточно рыцарей, оруженосцев и пехотинцев, чтобы окружить весь лес. Загонщиков и ловчих расставили в нужных местах, как будто шла охота на дикого зверя. Остальных же разместили в окрестностях с рожками, чтобы подать сигнал в тот момент, когда Фалк и его сподвижники выскочат из леса. Фалк же тем временем оставался в лесу, не зная обо всех этих приготовлениях. Наконец он услышал рог, в который затрубил один из явившихся за ним рыцарей. Тогда Фалк заподозрил неладное и приказал братьям садиться на коней. Уильям, Филипп, Джон и Алан немедленно вскочили в седла, равно как и Удольф де Браси, Болдуин де Ходенет и Джон Мальвуазен. Трое же братьев Кошемов, Томас, Пирс и Уильям, которые хорошо стреляли из арбалета, и прочие молодцы Фалка приготовились к нападению.

В сопровождении своих людей Фалк вышел из леса и прежде остальных увидел сотню рыцарей, которые гонялись за ним по всей Англии. В первой стычке соратники Фалка убили Гильберта де Монферрана, Джордана де Колчестера и многих других. Они несколько раз проехали туда и сюда сквозь ряды рыцарей, сбрасывая противников с сёдел в огромном количестве. Но тут множество воинов, оруженосцев, горожан, пеших солдат и простых людей присоединились к битве. И Фалк мудро рассудил, что ему и его людям не стоит продолжать бой. В конце концов, после того как его брат Джон получил тяжелую рану в голову, Фалк решил вернуться в лес. Он и его соратники пришпорили лошадей, но, прежде чем уехать, убили еще много славных рыцарей, оруженосцев и солдат. По всей округе была поднята тревога, и жители преследовали Фалка везде, куда бы он ни поскакал. Наконец беглецы въехали в лес и увидели человека, который подносил к губам рог, чтобы предупредить своих. Тотчас же один из воинов Фалка насквозь пронзил его арбалетной стрелой, и тот не успел подать сигнал.

Вскоре Фалк и его люди были вынуждены бросить лошадей и пешими бежать в расположенное неподалеку аббатство. Когда привратник

увидал их, он поспешил запереть ворота. Алан, будучи очень высокого роста, живо перескочил через стену, и привратник пустился наутек. «Стой!» — крикнул Алан и погнался за ним. Он отобрал у привратника ключи и ударил его цепью, на которой они висели. В общем, привратнику пришлось горько пожалеть, что он попытался удрать. Алан затем впустил братьев в аббатство. Оказавшись внутри, Фалк схватил рясу одного старого монаха и немедля ее надел. Взяв в руку тяжелый посох, он вышел из ворот, закрыл их за собой и зашагал прочь, нарочно прихрамывая и налегая всем весом на свою большую палку. Вскоре показались рыцари и солдаты, за которыми следовала огромная толпа. Кто-то из рыцарей крикнул: «Старый монах, может, ты видел: не проезжали ли здесь вооруженные воины?» — «Видал, сэр, и пусть Господь воздаст им за всё то зло, что они причинили!» — «А что же они тебе сделали?» — «Сэр, — отвечал Фалк, — я стар и не в силах постоять за себя — так я истощен. Семеро ехали верхом, и еще пятнадцать с ними шли пешими. Так как я не убрался с их пути вовремя, они меня не пожалели. Они проскакали на своих конях прямо по мне, невзирая на мои мольбы». «Ни слова боле, — сказал рыцарь, — сегодня же ты будешь отмщен». Рыцари и все остальные пустились в погоню за Фалком так спешно, что аббатство вскоре осталось на целую лигу позади них. Тем временем сэр Фалк спокойно стоял, желая посмотреть, что же будет дальше.

Вскоре прибыл сэр Жирар де Мальфе, в сопровождении десяти рыцарей. Они приехали издалека и сидели на дорогих конях. Жирар насмешливо произнес: «Взгляните-ка, вот толстый дюжий монах. В его большом брюхе поместятся два галлона капусты». Братья Фалка попрежнему находились за воротами, откуда им было видно и слышно всё, что происходило с Фалком. Не говоря ни слова, Фалк поднял свой тяжелый посох и нанес сэру Жирару такой удар ниже уха, что тот без чувств рухнул наземь. Увидав это, братья Фалка немедленно выскочили из-за ворот и взяли в плен сэра Жирара и тех десятерых рыцарей. Очень крепко связав пленников и оставив их в сторожке привратника, они забрали всю упряжь и добрых коней и безостановочно скакали, пока не добрались до Хигфорда [в Шропшире]. Там наконец Джону смогли исцелить раны.

Пока они оставались в Хигфорде, к ним прибыл гонец, который уже некоторое время разыскивал сэра Фалка. Он передал привет от Хьюберта, архиепископа Кентерберийского[14]. Архиепископ желал поговорить с Фалком как можно скорее. Поэтому Фалк привел своих людей в некое место подле Кентербери, в лесу, где он уже раньше бывал. Там он оставил всех, кроме брата Уильяма. Оба переоделись торговцами и отправились в Кентербери к архиепископу Хьюберту Уолтеру.

«Господа, — сказал епископ, — я очень рад вас видеть. Вы, без сомнения, знаете, что сэр Тибо ле Ботилер*, мой брат, недавно скончался. Незадолго до смерти он женился на даме Матильде де Ко, очень богатой женщине, и самой прелестной в Англии. Сам король Джон возжелал леди Матильду за ее красоту, и она с большим трудом спасается от него. Она здесь, в Кентербери, под моей защитой, и вы сейчас ее увидите. Мой дорогой друг Фалк, я умоляю вас и приказываю безотлагательно взять Матильду в жены, с моим благословением». Фалк вскоре встретился с дамой, лично убедившись, как она добра, а равно и прекрасна, не говоря уже об ее беспорочной репутации. Что же касается владений леди Матильды в Ирландии, то она обладала там замками, городами и землями, а кроме того — громадными доходными поместьями. И потому, с согласия своего брата Уильяма и по совету архиепископа Хьюберта, Фалк женился на даме Матильде де Ко[16].

В Кентербери Фалк провел два дня, а затем откланялся. Он оставил молодую супругу под защитой архиепископа, а сам опять вернулся в лес к своим соратникам. Когда он поведал им о том, что случилось, они стали над ним смеяться, подшучивать и называть «муженьком». Потом они поинтересовались, где Фалк намерен поселить свою прекрасную жену, в замке или же в лесу. Они часто шутили таким манером; и в то же время они наносили всё больше серьезного ущерба королю, когда только предоставлялась возможность. Но никому другому, помимо короля, они не вредили, за исключением тех людей, которые открыто вели с ними вражду.

* Теобальд Уолтер, главный виночерпий Ирландии[15].

Один рыцарь по имени Роберт Фицсэмпсон проживал на шотландской границе. Он часто угощал у себя сэра Фалка и его соратников и вообще принимал их с большим почетом. Был он человеком весьма богатым; его жену звали дама Анабель. Она была очень учтивая леди. Тогда же в тех краях обитал рыцарь по имени Пьер де Брювиль. Пьер этот имел привычку собирать у себя знатных юношей со всей округи, приверженных к воровству, а также различным буйствам. В их обычае было разъезжать по графству, убивая и грабя честных людей, торговцев и прочих. Всякий раз, когда Пьер вел свою шайку на грабеж, он принимал имя Фалка Фицуорена. И потому настоящий Фалк и его сподвижники пользовались очень дурной славой — за те дела, в которых были неповинны.

Фалк так опасался короля Джона, что не решался слишком долго оставаться на одном месте. И вот однажды вечером он пересек шотландскую границу, совсем близко с замком Роберта Фицсэмпсона. Подъехав, он увидел свет во дворе и смог различить человеческие голоса. Он услышал, что его собственное имя часто повторялось в разговоре. Наказав спутникам подождать снаружи, Фалк в одиночку смело вошел во двор замка, а оттуда направился в большой зал. Там он увидел Пьера де Брювиля и еще нескольких рыцарей, сидевших за ужином. Роберт Фицсэмпсон, его добрая жена и все домочадцы были крепко связаны веревками и лежали на полу у стены. Сэр Пьер и его люди были в масках. Те же, кто прислуживал за столом, преклоняя колена пред сэром Пьером, называли его сэром Фалком. Дама, которая лежала связанная в зале рядом со своим супругом, горестно сказала: «О, сэр Фалк, ради Бога, пощадите нас. Я никогда не причиняла вам зла, но любила вас от всей души!»

До сих пор сэр Фалк стоял тихо, прислушиваясь к тому, что говорилось в зале. Но, услышав голос дамы, которая сделала ему много добра, он больше не смог терпеть. В одиночку, без соратников, он шагнул вперед, с мечом наголо, и воскликнул: «Молчите! Я приказываю вам оставаться на месте. Пусть никто не двигает ни рукой, ни ногой!» И он поклялся, что изрубит на мелкие кусочки всякого, кто посмеет шевельнуться. Пьер и его сообщники поняли, что попали в ловушку.

«Итак, — сказал Фалк, — кто из вас называет себя Фалком?» «Сэр, — отвечал Пьер, — я рыцарь, и меня зовут Фалк». — «Ну что ж, сэр Фалк, клянусь Богом, тогда вам лучше пошевеливаться. Крепко свяжите своих людей. Если вы этого не сделаете, то первым лишитесь головы». Пьер, испугавшись угрозы, поднялся и освободил хозяина, хозяйку и прочих домочадцев. Затем он надежно скрутил своих спутников. После этого Фалк заставил его отсечь головы всем тем, кого он связал. А когда Пьер обезглавил своих людей, [Фалк сказал]: «Ты рыцарь-изменник, называющий себя Фалком, и к тому же трусливый лжец. Я и есть Фалк, и теперь ты дорого заплатишь за то, что меня из-за тебя ложно обвиняли в воровстве». И он тотчас отрубил Пьеру голову, после чего позвал соратников в дом, чтобы вместе поужинать. И все были очень довольны. Так сэр Фалк спас сэра Роберта и все его богатства — ничто не пропало.

Очень часто король Джон причинял изрядный вред сэру Фалку, но тот был не менее хитер и умен, чем силен и смел. Король и его люди очень часто гнались за сэром Фалком, идя по следу его коней. Фалк же не раз отвечал им тем, что приказывал подковывать лошадей задом наперед. В результате король обманывался во время погони. Сэру Фалку пришлось пережить еще много жестоких битв, прежде чем он наконец вернул себе всё наследство.

Уехав от сэра Роберта Фицсэмпсона, сэр Фалк отправился в Олбербери, где разбил лагерь в лесу подле реки. Фалк позвал Джона де Рампаня, сказав ему: «Джон, ты сведущ в искусстве менестреля и жонглера[17]. Хватит ли у тебя смелости отправиться в Уиттингтон и выступить там перед Морисом Фицроджером, дабы узнать, что затевают наши враги?» Джон согласился и начал готовиться. Сначала он намял некой травы и сунул ее в рот. От этого лицо у него так распухло, что совсем раздулось. Кожа сделалась такой бледной, что собственные друзья с трудом узнавали Джона. Затем он надел бедную одежду и взял короб с разными принадлежностями жонглера и огромный посох. Прибыв в Уиттингтон, он назвался привратнику жонглером. Тот отвел гостя к сэру Морису Фицроджеру, который спросил его, откуда он родом. «Сэр, — отвечал Джон, — я родился в Шотландии». — «И какие вести ты

принес оттуда?» — «Сэр, я ничего не знаю, кроме как о недавней кончине сэра Фалка Фицуорена. Он был убит, когда пытался ограбить дом сэра Роберта Фицсэмпсона». — «Ты говоришь правду?» — «Да, конечно, — произнес Джон. — Люди со всей округи это подтверждают». «Менестрель, — сказал Морис, — за такую новость я подарю тебе кубок из чистого серебра». Менестрель взял кубок и поблагодарил сэра Мориса за щедрость.

Джон де Рампань был очень безобразен лицом и телом, и потому всякие мерзавцы в доме сэра Мориса над ним насмехались. Они обращались с Джоном как с шутом, дергали его за волосы и за ноги. Однажды он поднял свою палку и так ударил одного из мерзавцев по голове, что мозги вылетели на середину комнаты. «Злобный негодяй, — сказал Морис, — что ты натворил?» «Сэр, — отвечал Джон, — видит Бог, я ничего не могу поделать. Я страдаю ужасной болезнью, как вы можете видеть по моему лицу, которое страшно распухло. Каждую неделю мой недуг полностью овладевает мною на несколько часов. Я не в силах сдерживаться». Морис поклялся, что, если бы не добрая весть, которую принес ему Джон, он бы тут же велел его обезглавить. Жонглер меж тем поспешно ушел, потому что не имел никакого желания там оставаться. Он вернулся повидать Фалка и в подробностях рассказал всё, о чем слышал при дворе в Уиттингтоне. В числе важных известий было то, что сэр Морис, исполнявший обязанности хранителя Валлийской Марки, собирался совершить путешествие. С пятнадцатью рыцарями и всеми своими домочадцами он должен был отбыть на следующий день в замок Шрусбери. Сэр Фалк пришел в восторг, когда узнал об этом, равно как и его друзья.

На следующее утро Фалк поднялся рано. Он и остальные как следует вооружились для грядущих событий. Морис с пятнадцатью рыцарями направлялся в Шрусбери. Также среди его свиты были четверо сыновей Гая Фицканделу из Поркингтона* и прочие домочадцы. Когда Фалк заметил врага, он очень обрадовался, но в то же время сильно разозлился, потому что Гай незаконно силой удерживал его наследство.

---

* Ныне Броджинтин в Шропшире[18].

Морис посмотрел в сторону Грейт-Несс[19] и тут же распознал на щите геральдический знак — разделенный на четыре части красный и серебряный узор [состоящий из двух горизонтальных линий, образующих между собой третью, с тремя зубцами]. По этому гербу он немедля понял, что перед ним Фалк. «Теперь я знаю, — сказал Морис, — что все жонглеры лжецы. Вот стоит Фалк, живой и невредимый». Морис и его рыцари сражались храбро. Они смело атаковали Фалка и его сподвижников и назвали их ворами, а также заявили, что еще до вечера множество голов будут посажены на зубцы башни в Шрусбери. Однако Фалк с братьями защищался так отчаянно, что сэр Морис, его пятнадцать рыцарей и четверо сыновей Гая Фицканделу из Поркингтона были вскоре убиты. Вот насколько меньше стало у Фалка врагов!

Затем Фалк и его спутники поехали в Ритлан [во Флинтшире][20], чтобы поговорить с сэром Льюисом*, принцем Уэльским, который был женат на Джоанне, дочери короля Генриха и сестре короля Джона[22]. Тем более следовало его навестить, что сэр Льюис вырос вместе с сэром Фалком и его братьями при дворе короля Генриха. Принц был очень рад приезду сэра Фалка и спросил, к какому соглашению они пришли с королем. «Ни к какому, сэр, — ответил Фалк, — ибо мне не удается заключить мир с королем, что бы я ни делал. Поэтому, сэр, я приехал к вам и вашей доброй леди, чтобы примириться с вами». «Клянусь, — сказал принц, — я заключаю с вами мир, и вы будете хорошо приняты здесь. Король Англии не способен примириться ни с вами, ни со мной, ни с кем бы то ни было». «Сэр, — сказал Фалк, — я благодарю вас, потому что вполне верю вам и вашей великой преданности. Но раз уж вы примирились со мной, я должен сказать кое-что еще. Морис Фицроджер мертв, ибо я убил его». Когда принц узнал, что Морис мертв, он сильно разгневался и объявил, что если бы не примирился только что с Фалком, то велел бы его волочить и повесить[23] (ведь Морис приходился ему кузеном). Но принцесса Джоанна тотчас же выступила вперед, дабы напомнить, что между ее мужем и сэром Фалком заключен мир. Они обнялись, и всё дурное было прощено.

---

* Ллевеллин Великий, принц Гвинеда[21].

Фалк кладет конец междоусобице в Уэльсе, помирив принца Льюиса с Гвенвинвином, правителем южной части Поуиса[24].

Король Джон был в Вингчестере, когда до него дошли известия о том, что Фалк убил Мориса, сына Роджера. Затем он узнал, что Фалк поселился у принца Льюиса, мужа его [Джона] родной сестры. Король тут же глубоко задумался и долгое время не произносил ни слова. Наконец он воскликнул: «Эй! Клянусь Пресвятой Девой, я – король. Я правлю Англией. Я герцог Анжу[25] и Нормандии, и вся Ирландия находится под моей властью. Но, какую бы награду я ни предлагал, я не могу найти в моих владениях ни одного человека, который взялся бы отомстить за ущерб и бесчестье, причиненные мне Фалком! Но будьте уверены, я не отступлюсь, пока не отомщу за себя принцу Льюису!» И он разослал призыв всем своим графам, баронам и прочим рыцарям, наказывая им в определенный день прибыть в Шрусбери с отрядами.

Когда все призванные явились в Шрусбери, друзья предупредили Льюиса, что король Джон намеревается вести с ним войну. Тогда принц позвал Фалка и рассказал ему плохие новости. Фалк, в свою очередь, собрал тридцать тысяч доверенных людей в замке Бала в Пеннлине [графство Мерионетшир][26]. Гвенвинвин, сын Оуэна, также приехал со своим отрядом, состоявшим из сильных и смелых воинов. Фалк был искусный стратег и хорошо знал местность, по которой предстояло ехать королю Джону, в том числе все узкие тропы. Одна из них, под названием Гимельский брод[27], была трудна для прохождения, тесна и находилась среди зарослей и топей, так что единственным способом пересечь местность было не сходить с этого, основного, пути. Фалк и Гвенвинвин, добравшись до брода со своими отрядами, вырыли за дорогой длинный, глубокий и широкий ров. Они наполнили его водой, чтобы никто не мог пройти, во-первых, из-за находившегося сбоку болота, во-вторых, из-за рва. За рвом они поставили хорошо укрепленный частокол. И до сего дня этот ров виден.

Король Джон и его армия наконец достигли брода, который намеревались миновать спокойно. Но тут король заметил на другом берегу более десяти тысяч вооруженных рыцарей, которые охраняли проход.

Фалк и его соратники перешли брод по тайной тропе, которую проложили сами, и оказались на той же стороне, что и король. Гвенвинвин и многие другие рыцари также были с Фалком. Король немедленно узнал Фалка и приказал своим людям атаковать со всех сторон. Фалк и его соратники дрались как львы. Их часто выбивали из сёдел, но они быстро вскакивали на коней — и убили в бою немало королевских рыцарей. Гвенвинвин, впрочем, получил сильный удар по шлему и был серьезно ранен в голову. Когда Фалк понял, что ни он сам, ни его люди не могут дольше оставаться по эту сторону рва, они вернулись потайной тропой, чтобы защищать частокол и ров. С нового места они стреляли из арбалетов и метали дротики в королевских воинов, таким образом многих убив и ранив бесчисленное количество бойцов. Яростная схватка продолжалась до вечера. Когда король увидел, сколько его людей убито и ранено, он так огорчился, что и не знал, как быть. Наконец он вернулся в Шрусбери.

Родственник Фалка, сэр Удольф де Браси, был взят в плен и отвезен в Шрусбери.

Сэр Генри и сэр Джон очень радовались этой поимке. Они явились к королю в Шрусбери, куда и доставили сэра Удольфа. Король горячо спорил с пленником и хвастливо клялся, что велит его волочить и повесить, потому что тот предатель и вор, который убивал его рыцарей, сжигал города и захватывал замки. Удольф же отвечал королю смело, утверждая, что ни он сам, ни его родичи никогда не были предателями.

Тем временем Фалк, приехав в Уиттингтон, первым делом позаботился о братьях и прочих воинах. Когда их раны были промыты и прочие повреждения осмотрены, он заметил, что недостает сэра Удольфа. Фалк искал его повсюду, но потом, поняв, что Удольфа нигде нет, подумал, что они больше никогда не увидятся. Никто прежде не скорбел о потере друга трогательнее, чем сэр Фалк. Наконец Джон де Рампань, увидев глубину горя Фалка, подошел к нему и сказал: «Сэр, довольно стенаний. Если будет на то милость Божья, прежде завтрашней утрени вы услышите хорошие вести о сэре Удольфе де Браси, ибо я сам пойду говорить с королем».

Джон де Рампань был весьма искусный музыкант и жонглер. Он умел играть на арфе и виеле[28], а также и на псалтерионе[29]. Он надел красивую одежду, достойную графа или барона, и вымазал себе волосы и всё тело угольно-черной краской. По сути, ничего не осталось белого, только зубы. На шею он повесил красивый тамбурин, а затем сел на статного коня. Вскоре он проехал через Шрусбери, до самых ворот замка, и по пути все его разглядывали. Джон представился королю, преклонив перед ним колена и учтиво поприветствовав его. Король поздоровался с ним в ответ и поинтересовался, откуда он прибыл.

«Сир, – сказал Джон, – я менестрель из Эфиопии, я родился в тех краях». Тогда в ответ король спросил: «Все ли в твоей стране такого цвета, как ты?» – «Да, милорд, и мужчины и женщины». – «А что говорят обо мне в заморских странах?» – «Сир, – произнес гость, – говорят, что вы самый прославленный король во всём христианском мире. Именно ваша великая слава и стала причиной моего прибытия к вашему двору». «Сэр, – сказал король, – я очень рад вам». Джон коротко поблагодарил его и шепотом прибавил, что тот больше знаменит своею подлостью, чем добродетелью. Конечно, этих слов король не расслышал. Остаток дня Джон провел, играя на тамбурине и прочих инструментах. Когда король отправился спать, сэр Генри де Одли послал за черным менестрелем, велев привести его к себе в покои. Все присутствующие стали подпевать гостю, а когда сэр Генри достаточно выпил, он сказал слуге: «Ступай и приведи сэра Удольфа де Браси, которого король собирается завтра казнить. Пусть хотя бы проведет приятный вечер, прежде чем умереть». Слуга быстро доставил сэра Удольфа в залу, где все беседовали, пока продолжалась музыка. Джон принялся играть песню, которую сэр Удольф часто певал. Тот поднял голову и посмотрел менестрелю в лицо. Хоть и с трудом, он распознал Джона. И когда сэр Генри велел подать еще выпить, Джон услужливо вскочил на ноги и сам обнес всех, кто сидел в зале. Он действовал очень ловко – в каждую чашу подсыпал порошок, так что никто этого не заметил. В конце концов, он ведь был искусный жонглер. И тех, кто выпил, стало клонить в сон, и очень скоро они улеглись и заснули. Когда все затихли, Джон притащил одного из королевских шутов и уложил его

меж двух рыцарей, которые были назначены стеречь приговоренного к смерти пленника. Затем Джон и сэр Удольф нашли в комнате полотенца и простыни и выбрались в окно, выходившее на реку Северн[30]. Они немедля направились в Уиттингтон, который находился в двенадцати лигах от Шрусбери.

Фалк отправляется во Францию и совершает там ряд подвигов; в море он грабит и топит корабль, которым командует рыцарь, охотящийся за его головой.

Целый год Фалк плавал у побережья Англии. Он не желал причинять вред никому, кроме короля Джона. Много раз он захватывал имущество короля и всё остальное, так или иначе ему принадлежащее. Наконец корабль направился в Шотландию, но сильный западный ветер вынудил Фалка три лишних дня пробыть в плавании, далеко от предполагаемого места высадки. [На исходе этих дней] показался прекрасный остров, и, причалив к нему, Фалк обнаружил отменную гавань. Вместе со своими четырьмя братьями, а также Удольфом и Болдуином он высадился, чтобы осмотреть местность и раздобыть провизии для команды. Первым, кого они встретили, был юный пастух, который подошел и приветствовал их на очень скверной латыни. Фалк спросил его, можно ли здесь купить еды. «Честно говоря, нет, сэр, — отвечал пастух, — потому что этот остров мало кем населен, и те, кто живет здесь, кормятся только от своих стад. Но если вам угодно пойти со мной, я охотно разделю с вами ту еду, которую имею». Фалк поблагодарил юношу и последовал за ним. Пастух отвел путешественников в подземную пещеру, которая была весьма красива. Он предложил им сесть и вообще принял их очень любезно. Затем он сказал, что у него есть слуга, который находится на соседнем холме. «Прошу вас, не беспокойтесь, если я затрублю в рог, чтобы позвать его, — сказал юноша. — Тогда мы отобедаем скорее». «Ради бога, сделайте же это», — сказал Фалк. Молодой человек вышел из пещеры и шесть раз протрубил в рог, прежде чем вернуться.

Вскоре появились шесть рослых и свирепых крестьян в грубых и грязных накидках. Каждый нес крепкую увесистую дубину. Когда

Фалк увидел их, он немедленно заподозрил неладное. Шестеро крестьян зашли в комнату, сняли грязные накидки и сменили их на одежду побогаче, красивого зеленого цвета. Их башмаки были расшиты золотом, и в своих нарядах они выглядели не хуже какого-нибудь короля. Вернувшись в зал, все шестеро почтительно приветствовали Фалка и его спутников и тут же велели принести роскошные шахматные доски, с фигурками из чистого золота и серебра. Гостям предложили сыграть. Сэр Уильям согласился, но сразу проиграл партию. Сэр Джон тоже согласился и вскорости проиграл тоже. Филипп, Алан, Болдуин и Удольф также один за другим садились играть, и каждый по очереди проигрывал. Затем один из пастухов, самый надменный, спросил у Фалка: «Будете вы играть?» «Нет», — отвечал тот. «Право, сэр, — сказал пастух, — вы либо сядете играть со мной в шахматы, либо нам придется побороться. Другого выбора нет». «Клянусь, — произнес Фалк, — ты злобный пастух и лжец. Раз уж меня принуждают либо бороться, либо играть против воли, я предпочту игру, которую знаю лучше прочих». Тут он вскочил, выхватил меч и нанес такой удар, что голова пастуха отлетела на середину комнаты. Второго пастуха, а вслед за ним и третьего ждала такая же участь. Фалк и его спутники перебили всех подлых негодяев.

Затем Фалк вошел в покой, где обнаружил сидящую старуху. Она держала в руках рог, который раз за разом пыталась поднести ко рту, но ей недоставало сил затрубить. Увидев Фалка, она взмолилась о пощаде. Он спросил, какую пользу принес бы ей рог, если бы она могла в него дунуть. Старуха ответила, что, если затрубить, немедля придет подмога. Фалк забрал у нее рог и пошел в другой покой. Там он обнаружил семь прекрасных девиц, одетых очень богато, которые занимались тонким рукодельем. Увидев Фалка, они бросились на колени и стали молить о пощаде. Фалк спросил, откуда они родом, и одна из них ответила: «Сэр, я дочь Онфлора Оркнейского. Мой отец обитает в одном из своих замков в Оркни[31], под названием Бэгот, который расположен в прекрасном лесу на берегу моря. Однажды я и мои подруги, и с нами четыре рыцаря, сели в лодку и отправились на приятную прогулку по морю вблизи отцовского замка. Пока мы плавали, семеро

сыновей старухи, которую вы только что видели с рогом в руках, напали на нас с корабля, где было множество воинов. Они перебили всех наших людей, а нас, уцелевших, привезли сюда. Против нашей воли они неоднократно подвергали поруганию наши тела, и небеса нам в этом свидетели. А потому мы молим именем Господа, в Коего вы веруете, спасти нас от страданий. Пожалуйста, помогите нам бежать отсюда, если можете. По вашему обличью я вижу, что вы не из здешних мест». Фалк утешил девиц, заверив, что поможет им и сделает всё, что в его силах.

Ища провизию, Фалк и его люди нашли большие ценности, в том числе доспехи. Сам Фалк взял себе богатую кольчугу, которую так полюбил, что часто носил ее, незаметно для других. Никогда в жизни он бы не отдал ее и не продал ни за какую цену.

В первую очередь Фалк изобильно снабдил корабль припасами и отвел девиц на борт, устроив их как можно удобнее. Затем он велел своим людям живей вооружаться. Когда всё было готово, Фалк затрубил в маленький рог, который забрал у старухи. И более двухсот грабителей сбежались через поля со всей округи. На острове не было других обитателей, кроме разбойников и воров. Они жили пиратством и, выйдя из гавани, убивали всех, кого застигали в море. Хотя пираты отчаянно защищались, Фалк и его спутники стремительно обрушились на них и перебили свыше двух сотен человек.

Фалк отправляется на Оркни, чтобы доставить девушек домой. Он посещает Ирландию, Готланд[32], Норвегию, Данию и Швецию, где обитают рогатые гадюки и ядовитые чудовища с собачьими головами, изгнанные из Ирландии святым Патриком[33]. Застигнутый бурей, Фалк попадает в Карфаген, где спасает от дракона дочь тамошнего герцога. Тот предлагает ему взять девицу в жены, но он отказывается, поскольку уже женат.

Наконец Фалк и его товарищи поплыли в Англию. Когда они прибыли в Дувр, то отправились вглубь страны, но сперва убедились, что Мадор остался с кораблем в надежном месте, где они всегда могли бы найти свое судно, если бы оно снова им понадобилось.

Фалк и его соратники узнали от крестьян, что король Джон находился в Виндзоре[34], посему они тайком направились в сторону этого города. Днем они спали и отдыхали, а ночью ехали, пока не достигли Виндзорского леса[35]. Местность уже была им хорошо знакома. Они с легкостью нашли себе укрытие, ведь Фалк знал все уголки в Виндзорском лесу. Заслышав звук рога, Фалк и его соратники немедленно приготовились к стычке, поскольку сразу поняли, что королевские загонщики и ловчие собираются начать охоту. Фалк дал клятву, что даже под страхом смерти не откажется от желания отомстить королю, который силой незаконно лишил его наследства. А посему он готов был бросить королю вызов, чтобы восстановить свои права и вернуть земли. Фалк решил действовать в одиночку, поэтому он велел товарищам оставаться на месте. Сказав об этом, он сам пустился на поиски приключений.

Сначала он встретил старого угольщика, который нес лопату и был одет во всё черное, как и подобает углежогу. Фалк дружелюбно попросил старика отдать ему одежду и лопату. «Охотно, сэр», — ответил угольщик. Взамен Фалк дал ему десять безантов[*, 36] и попросил никому об этом не рассказывать. Угольщик отправился своей дорогой, а Фалк остался на месте и живо натянул на себя одежду, которую от него получил. Затем он занялся угольной ямой и принялся ворошить огонь. С помощью больших железных вил он укладывал поленья с той и с другой стороны.

Вскоре появился король Джон, пешком, в сопровождении трех рыцарей, и увидел Фалка, ворошившего огонь. Фалк сразу же узнал короля и, бросив наземь вилы, приветствовал своего господина, смиренно преклонив перед ним колена. Государь и три его рыцаря рассмеялись и стали потешаться над учтивостью и манерами углежога. Простояв там довольно долгое время, король спросил: «Мой добрый крестьянин, не пробегали ли здесь олень или олениха?» — «Да, милорд, кое-кто пробегал некоторое время назад». — «И какого же зверя ты видел?» — «С длинными рогами, милорд». — «И где же он?» — «Сир, я с легкостью

* Византийская золотая монета.

отведу вас туда, где видал его, но прошу, позвольте мне прихватить с собой вилы. Если их украдут, для меня это будет огромная потеря». — «Конечно, крестьянин, как хочешь; иди вперед, а мы поедем следом».

И вот, неся большие железные вилы, Фалк привел короля на удобное для выстрела место. Король был очень хороший лучник. «Милорд, — сказал Фалк, — хотите ли вы, чтоб я пошел в заросли и направил животное в эту сторону?» «О да», — отвечал король. Фалк бросился в чащу леса и спешно позвал свою компанию, чтобы схватить короля Джона. «Поторопитесь, потому что я завел его туда всего лишь с тремя рыцарями. Ступайте, пока прочая свита на другом краю леса». Тут Фалк и его отряд выскочили из зарослей и живо взяли короля в плен. «Ну, сир, — сказал Фалк, — вы наконец в моей власти. Должен ли я вынести вам такой же приговор, какой вынесли бы вы, если бы захватили меня?» Король затрепетал от страха, ибо жутко боялся Фалка. Фалк поклялся, что Джон умрет за огромный ущерб, который причинил ему и многим другим славным англичанам, и за то, что лишил их наследства. Король взмолился о пощаде и именем Бога попросил сохранить ему жизнь. Он ручался, что полностью вернет Фалку наследство и всё то, что отнял у него и всех его друзей, а кроме того, посулил вечную дружбу и мир. Наконец Джон поклялся согласиться с любым залогом безопасности, какой Фалк сам сочтет необходимым. Тот принял предложение короля при одном условии: в присутствии всех своих рыцарей Джон должен был торжественно пообещать, что не нарушит договор. Король принес торжественную клятву, что будет держать слово, данное Фалку, и невероятно радовался, что удалось так легко спастись.

Вернувшись во дворец, король Джон собрал своих рыцарей и свиту и подробно рассказал, как обманул его сэр Фалк. Поскольку торжественная клятва была дана по принуждению, он не намеревался ее держать. Посему король велел всем скорей вооружиться и схватить преступников, покуда они еще находились в Виндзорском лесу. Сэр Джеймс Нормандский, приходившийся королю кузеном, попросил, чтобы его отправили в авангарде. Он объявил, что англичане, во всяком случае знатные, сплошь родня Фалку, а потому, вероятно, они предадут короля и не станут помогать ловить преступников. Рэндольф,

граф Честерский, пылко возразил: «Клянусь, сэр, со всем уважением к королю, но не к вам, я должен сказать, что это наглая ложь». И он бы ударил сэра Джеймса в лицо, если бы его не остановил граф-маршал[37]. Рэндольф объявил, что ни теперь, ни раньше они не изменяли королю и никому другому. Более того, он твердо напомнил сэру Джеймсу, что многие присутствовавшие там дворяне, в том числе сам король, приходились сэру Фалку роднёй. Граф-маршал вмешался, сказав: «Едем же искать Фалка. Тогда король сам увидит, кого сдерживают родственные узы». Сэр Джеймс Нормандский и его пятнадцать рыцарей облачились в роскошные белые доспехи и величественно сели на белых коней. Помянутый благородный муж поспешил со своими спутниками на поиски славы.

Джон де Рампань прознал об этих действиях и сообщил о них сэру Фалку, который решил, что нет иного средства к спасению, кроме как принять бой. Потому сэр Фалк и его соратники хорошо вооружились и храбро напали на сэра Джеймса. Они отчаянно сражались и убили всех противников, кроме четверых, кои были тяжело ранены. Сам сэр Джеймс попал в плен. Сэр Фалк и его люди немедленно надели доспехи сэра Джеймса и других норманнов. Также они пересели на более свежих белых коней, потому что их собственные лошади устали и отощали. Завязав пленнику рот, чтобы он не мог говорить, они одели сэра Джеймса в доспехи сэра Фалка, в том числе шлем, и поехали навстречу королю. Когда король завидел, как они приближаются, то немедленно узнал их по гербам. Он решил, что сэр Джеймс и его люди везут с собой сэра Фалка.

Сэр Джеймс был доставлен к королю, и пленника опознали как сэра Фалка. От этой новости граф Честерский и граф-маршал глубоко опечалились. Полагая, что он разговаривает с сэром Джеймсом, король тут же велел ему поцеловать себя. Сэр Фалк отвечал, что, поскольку он торопится в погоню за прочими Фицуоренами, ему некогда даже снять шлем. Тогда король сошел со своего доброго коня и велел сэру Джеймсу (то есть Фалку) сесть на него, потому что на этом скакуне было сподручнее преследовать врагов. Сэр Фалк спешился и пересел на королевскую лошадь. Когда он наконец присоединился к своим соратникам,

все они ускакали в укрытие, находившееся лиг за шесть оттуда. Оказавшись в безопасности, в чаще леса, они разоружились и перевязали поврежденные места. С особым тщанием они позаботились о ранах Уильяма Фицуорена, которого почитали чуть ли не мертвым, потому что он был тяжело ранен одним из норманнов. И все товарищи Фалка разделяли его глубокую скорбь о судьбе брата.

Тем временем король распорядился повесить сэра Фалка. Сэр Эмери де Пин, гасконец, который приходился роднёй сэру Джеймсу, выступил вперед и сказал, что сам позаботится о казни. Он забрал пленника и, отведя его на некоторое расстояние, снял с него шлем. Он немедленно увидел, что это был не Фалк. Когда сэру Джеймсу развязали рот, он наконец сумел объяснить, что случилось. Эмери доставил сэра Джеймса обратно к королю и рассказал, что́ сделал сэр Фалк. Поняв, что его обманули, король пришел в ярость и поклялся, что не станет снимать кольчугу до тех пор, пока не возьмет изменников в плен. Об этой клятве короля Фалк не знал.

Король и его рыцари преследовали отряд Фалка по следам, оставленным их конями, пока не достигли леса, где прятался Фалк. Когда тот увидал их приближение, то некоторое время стоял безутешный, скорбя о своем раненом брате Уильяме. Он подумал, что всё кончено. Уильям же попросил друзей отсечь ему голову и забрать ее с собой, чтобы, приехав, король не сумел опознать труп. Фалк отказался это сделать. Обливаясь горячими слезами, он стал молить Бога о помощи и милосердии. Никто и никогда не видал печали сильнее, чем та, что охватила обоих братьев.

Погоню возглавлял Рэндольф, граф Честерский. Увидев Фицуоренов, он велел своим людям остановиться. Он один поехал упрашивать Фалка, ради Господа Бога, сдаться королю. Рэндольф клялся, что, если Фалк сделает это, ему дадут уехать свободно, и уверял, что в дальнейшем он сможет примириться с королем. Фалк отвечал, что не станет этого делать за всё золото на свете. «Мой дорогой кузен, — отвечал Фалк, — из любви к Господу я молю тебя помочь моему брату, который лежит здесь при смерти. Пообещай, что, когда он умрет, ты позаботишься о том, чтобы тело было погребено, тогда дикие звери его не

растерзают. Пожалуйста, сделай то же и для нас, когда мы погибнем. А теперь возвращайся к своему господину королю, служи ему без колебаний и оглядки на тех, кто приходится тебе кровной роднёй. Мы останемся тут и примем судьбу, которая нас ожидает». В печали граф вернулся назад, чтобы присоединиться к своим соратникам. Фалк же стоял на месте, горько плача от жалости к брату, которого он был вынужден бросить на верную смерть. Немногое он мог сделать — только молиться Богу о помощи.

Граф скомандовал атаку, и его люди все разом поскакали вперед. Сам Рэндольф напал на сэра Фалка, но при атаке, во время которой большинство его сподвижников были убиты, потерял коня. Фалк и его братья защищались отчаянно. Сэр Берар де Блуа зашел к нему за спину и, ударив мечом в бок, подумал, что убил его. Однако Фалк повернулся и в ответ хватил нападавшего по левому плечу мечом, который держал обеими руками. Разрубленный до самого сердца и легких, Берар мертвым упал с коня. Но у Фалка так сильно текла кровь, что он припал к шее лошади; меч выпал у него из руки. Весьма опечаленные таким поворотом, Фицуорены бросились на помощь к раненому брату. Джон вспрыгнул на коня позади Фалка и удержал его, чтобы тот не упал. И все они пустились прочь, потому что их отряд был разбит. Король и его люди скакали следом, но не могли их настичь. И так беглецы ехали всю ночь, пока поутру не добрались до того места на побережье, где оставили Мадора-морехода. Когда Фалк пришел в себя, то спросил, где он и не попал ли он в плен. Братья утешили его, как могли, и уложили в постель на корабле. Джон де Рампань перевязал ему раны.

После боя граф Честерский оглядел место сражения. Он увидал, что потерял множество своих людей; при этом он вспомнил недавнюю просьбу Фалка. Поэтому, подойдя к Уильяму Фицуорену, который был при смерти, граф велел отправить его для излечения в ближайшее аббатство, где через некоторое время его и обнаружили. Король тотчас же приказал перенести пленника на носилках в Виндзорский замок, а там его немедля посадили в башню. Король Джон был невероятно зол на графа Честерского за то, что тот скрыл от него свой благородный поступок. «Фалк тоже смертельно ранен, — сказал король, — и, в конце

концов, у меня в руках один из его родичей. Прочие Фицуорены также станут моими пленниками — прежде чем успеют спохватиться. Разумеется, всему причиной необыкновенная гордыня — ведь, если бы не она, Фалк был бы до сих пор жив. Пока он жил, на целом свете не было рыцаря лучше, и тем бóльшая потеря — его смерть».

Корабль Фалка причаливает к острову вблизи побережья Испании; он остается на борту один и засыпает, а судно тем временем уносит в море сильным порывом ветра. Герой приплывает в Берберию[38], где попадает в плен. Изори, сестра берберийского короля, ухаживает за Фалком и исцеляет его раны. Она просит его отправиться на войну вместе с ее братом, однако Фалк отказывается, поскольку не желает воевать с христианами на стороне сарацин. Король соглашается принять крещение, и Фалк выступает вместе с ним в поход. В бою он сталкивается с рыцарем, в котором узнаёт родного брата, Филиппа. Битва прекращается, и следует общее ликование.

Фалк с братьями и своими соратниками некоторое время прожил у короля, чтобы как следует подготовиться к возвращению в Англию. Король дал им золота, серебра, коней, оружие и все предметы роскоши, какие они только могли пожелать. Они нагрузили корабль такими богатствами, что на это было удивительно смотреть. Когда они тайно вернулись в Англию, Фалк сговорился с Джоном де Рампанем, чтобы тот, переодевшись торговцем, разыскал короля Джона и разузнал, жив ли брат Уильям или нет. Джон надел платье богатого купца и отправился в Лондон. Там он свел знакомство с мэром и всеми его домочадцами. Он сделал им такие богатые подарки, что его даже пригласили остановиться в доме мэра, где ухаживали за ним как за знатным гостем. Пользуясь своим высоким положением, Джон попросил мэра устроить ему аудиенцию у короля, дабы он мог испросить высочайшего позволения на выгрузку в Англии товаров со своего корабля. Хотя он и говорил на скверной латыни, мэр его хорошо понял.

Посему мэр отвел торговца к королю Джону в Вестминстер. Купец учтиво приветствовал короля на своем родном языке. Король понял речь гостя и спросил, кто он такой и откуда родом. «Сир, я торговец из

Греции. Я бывал в Вавилоне*, Александрии[40] и Большой Индии[41]. У меня есть корабль, до отказу загруженный товаром, в том числе богатыми тканями, драгоценными камнями, лошадьми и прочими ценностями, которые, наверное, дорого стоят в твоих владениях». «С большим удовольствием, — сказал король. — Ты и твои люди могут свободно высадиться в моей стране. Я обещаю тебе свое покровительство». И потом купца, вместе с мэром, пригласили остаться и отобедать за королевским столом.

Вскоре появились двое приставов, которые ввели в зал высокого рыцаря с длинной черной бородой и в бедной одежде. Они поставили его в середине зала и дали ему немного еды. Когда купец спросил у мэра, кто это такой, тот ответил, что рыцаря зовут сэр Уильям Фицуорен, и рассказал всю историю этого несчастного человека и его братьев. Услышав имя мужчины, Джон был страшно рад видеть его живым, хотя и сильно опечалился в душе, заметив плачевное положение бедняги. Улучив подходящее время, купец поспешил к сэру Фалку, чтобы рассказать о состоянии сэра Уильяма. Затем Фалк подвел свой корабль как можно ближе к городу.

На следующий день купец взял коня, прекраснее которого нельзя было сыскать во всём королевстве, и подарил королю Джону, который охотно принял столь удивительный по красоте дар. Вообще купец был так щедр, что завоевал сердца всех. А потому ему дозволялось делать при королевском дворе что вздумается.

Однажды Джон де Рампань явился в Вестминстер в сопровождении своих людей, которые надели матросские куртки и хорошо вооружились. После того как их превосходно приняли при дворе, они заметили Уильяма Фицуорена: стражники вели его в темницу. Купец и его спутники силой отняли Уильяма у охраны и повезли к кораблю, стоявшему на якоре поблизости от дворца. Стража немедленно подняла тревогу и пустилась в погоню. Но купцы были хорошо вооружены и смело защищались. Они добрались до корабля, перенесли Уильяма на борт и вышли в море. Нет нужды говорить, что Фалк был рад видеть

* То есть в старом Каире[39].

брата Уильяма и Джона де Рампаня, по-прежнему одетого в купеческое платье. Братья обнялись и рассказали друг другу истории о своих приключениях и бедствиях. Когда король услышал, что он был обманут торговцем, то решил, что с ним очень дурно обошлись.

Фалк и его друзья прибыли в Бретань, где прогостили у родственников больше полугода. Наконец Фалк решил, что ничто не удерживает его от возвращения в Англию. Прибыв на родину, он отправился прямо в Нью-Форест[42] [в Хэмпшире], где раньше часто проводил время. Там он повстречал короля, который охотился на кабана. Фалк и его люди захватили государя в плен, вместе с шестью рыцарями, и отвели на свою галеру. Король и все его спутники сильно испугались произошедшего. Много было сказано гневных слов, но в конце концов король простил Фалку его недобрые дела и восстановил в правах наследства. Также он пообещал объявить об их примирении по всей Англии. А в знак того, что он в самом деле исполнит свое обещание, государь оставил у Фалка шесть рыцарей в качестве заложников до тех пор, пока мир не будет провозглашен.

Король официально заключает мир с Фалком и возвращает ему его владения. Вместе с графом Рэндольфом Фалк воюет в Ирландии, а затем возвращается в Уиттингтон, к жене и детям. Он понимает, что совершил в жизни много тяжких грехов, и ради их искупления основывает аббатство в окрестностях Олбербери, которое стало называться Новым[43]. Вскоре супруга Фалка, леди Матильда, умирает, и спустя некоторое время он женится на Клариссе д'Обервиль[44].

Как-то ночью Фалк и его жена, дама Кларисса, лежали в постели в своем покое. Леди спала, а Фалк бодрствовал, размышляя о минувшей юности, и горько сожалел в душе о своих преступлениях. Внезапно он увидел чудесный яркий свет и с удивлением подумал, чтó бы это могло быть. Затем он услышал, как громоподобный голос из ниоткуда сказал ему: «Бог посылает тебе, Своему вассалу, искупительную кару, которая полезнее для тебя здесь, чем где бы то ни было». При этих словах дама проснулась и увидела сильное свечение. От ужаса она закрыла лицо.

Потом свет померк, и Фалк более ничего и никогда не видел. Он оставался слепым до конца своих дней.

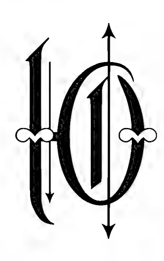
Фалк был добрым и щедрым хозяином. Он велел сделать так, чтобы королевский тракт проходил подле замка его имения в Олвестоне[45]. И никакой незнакомец не мог пройти мимо без того, чтобы ему не предложили там еду, кров и прочее, чем Фалк мог поделиться.

<...>[46] Семь лет Фалк оставался слепым, радостно неся свое наказание. Дама Кларисса умерла и была похоронена в Новом аббатстве. После ее смерти Фалк прожил всего только год. Он скончался в Уиттингтоне и также с большими почестями был погребен в Новом аббатстве. Его тело покоится подле алтаря. Да сжалится Господь над его душой!

И пусть Он сжалится над всеми нами, живыми и мертвыми! Аминь.

РОМАН О ЮСТАСЕ МОНАХЕ

Фрагменты



Юстас пришел в Булонь и стал монахом в Сен-Сомере[1]. Там он колдовством натворил много дел, пока не покинул аббатство. Он заставлял монахов поститься, когда они собирались завтракать. Он заставлял их ходить босиком, когда они хотели идти обутыми. Он заставлял их ошибаться, когда они читали часы[2]. Он заставлял их оговариваться, когда они произносили благодарственную молитву.

Однажды аббат сидел у себя в покоях. Для него было бы гораздо лучше, если бы он находился где-нибудь в другом месте. Аббату приготовили много еды — свинину и баранину, птицу и оленину. Юстас, который одурачил уже немало достойных людей, явился к аббату. «Сеньор, — сказал он, — я пришел к вам. Остаться ли мне в обители? Если бы вы меня угостили, я бы рассказал вам много интересного». Аббат ответил: «Ты сошел с ума! Будь я проклят, если завтра тебя не накажут». Юстас ответил: «Те, кому угрожают, могут прожить долго и отомстить за свою честь». После этого Юстас пошел на кухню. Там он увидел таз, полный воды, и начал колдовать, и вода чудесным образом сделалась алой как кровь. Потом Юстас сел на скамью и увидел половину свиной туши.

И у всех на глазах он поколдовал над ней, сначала справа, потом слева, так что она приняла облик уродливой старухи, хромой и перекошенной. Повар побежал и рассказал обо всём аббату; тот пришел и увидел старую каргу. В присутствии всех монахов он громко закричал: «Во имя Пресвятой Девы, бежим отсюда! Это дьявол!» Затем Юстас снял чары и отнес свинину соседу, содержателю таверны, которого очень любил. Всю ночь он ел у него, пил и метал кости — и не оставил ни колокола, ни распятий, ни образов: он всё спустил в игре. Он не оставил в обители для монахов ни одной бутылки — Юстас украл всё.

Слушайте меня, и я расскажу вам кое-что еще — то, что заставит вас смеяться. Некоторые, я знаю, рассказывают о Базене[3] и Можисе[4]. Базен одурачил множество людей, а Можис сделал много зла, поскольку, прибегнув к колдовству, украл корону французского короля, а также Жуайёз, Корт, Отклер и яркий Дюрандаль[5]. Базен воровал у Можиса, а Можис — у Базена. Но я не буду более говорить о Можисе, а скажу о Юстасе, который, по моему мнению, умел больше Можиса и Базена. Ни Барат, ни Эмет[6] не знали столько хитростей. Послушайте же теперь о Юстасе Монахе, который вел долгую войну с графом Булонским; и вот как она началась.

Юстас, о котором я веду речь, родился в Курсэ[7], в Булони. Его отец звался Болдуин Баскет, и был он булонским пэром. Он хорошо знал законы и судебные порядки. Случилось так, что его убили близ Базенгана[8]. Онфруа Гервелингем велел с ним расправиться, потому что хотел забрать его земли. Болдуин Баскет лишил Онфруа фьефа, разбирая его дело в суде, — он первым нанес удар, который положил начало вражде.

Юстас был монахом в Сен-Сомере, в окрестностях Булони. Когда его отец погиб, он ушел из монастыря и явился к графу Булонскому. «Сеньор, — сказал Юстас Монах, — Онфруа убил моего отца. Я прошу вас о правосудии». Онфруа вызвали в суд. Юстас поднялся и сказал: «Сеньор, послушайте меня. Мой отец мертв, он убит. Причиной его смерти стал Онфруа — он мой заклятый враг». «Я могу оправдаться, — отвечал Онфруа. — Клянусь Богом, Богочеловеком и собственной жизнью, что меня там не видали и не слыхали. А на вас я пожалуюсь своим друзьям».

После того они привели поручителей и оставили залог. Онфруа под присягой объявил, сколько ему лет; уже тридцатый год он был пэром. Онфруа поклялся, что ему уже шестьдесят, и даже больше; поэтому порешили, что на бой за него выйдет какой-нибудь родственник или сержант[9]. Но родичи и друзья Онфруа не рискнули сражаться за него и защищать его. И тогда выбрали одного вассала, который был велик ростом, силен, отважен и статен. Звали его Юстас Маркиз. Было объявлено о поединке. Тут встал один молодой человек по имени Манезьер, что приходился Болдуину Баскету племянником. Он был юношей полным сил, крепким, красивым и храбрым. Онфруа обвинил его в смерти своего дяди, которого сам же и убил, и сказал, что докажет это. Тогда назначили бой между Юстасом Маркизом и Манезьером. Эти два человека были сильны и горды. Бой состоялся в Этапле[10], и был он великим и кровавым.

Юстас Монах пришел к графу Булонскому. «Сеньор, — сказал он, — вам следует знать, что я отказываюсь в этом участвовать и что никогда не соглашусь с вашим решением. Я сам отомщу за смерть моего отца».

Юстас Монах покинул поле боя, и Манезьер был вскоре убит. После этого Монах поступил на службу к графу и обо всём ему отчитывался, став сенешалем графства Булонского, пэром и бальи;[11] эта должность принадлежала ему по праву. Онфруа наговаривал на него графу, и граф перестал верить словам Юстаса. Вскоре он вызвал Юстаса к себе и спросил, отчего тот утаил некоторые суммы. Юстас немедля ответил: «Я готов дать отчет, коего вы требуете, в присутствии ваших пэров и баронов. Я сам — пэр Булони». Граф сказал: «Ты отправишься в замок Ардело[12] и там отчитаешься передо мной. Тогда ты не сможешь меня обмануть». Юстас воскликнул: «Это измена. Вы желаете заточить меня в тюрьму». И он ушел; жаль, что ему пришлось покинуть графа, потому что впоследствии Монах много раз заставлял того опечалиться. Граф захватил имущество Юстаса и сжег его сад. И Юстас Монах заявил, что граф поступил дурно, ибо сад стоил десять тысяч марок.

Однажды Юстас Монах побывал на мельницах, построенных графом, в окрестностях Булони. Своим людям он велел подождать по-

одаль. На первой он нашел мельника и пригрозил отрубить ему голову, если тот живо не отправится на свадебный пир к Симону Булонскому [брату графа Рено]. «Скажи ему, что Юстас Монах пришел, чтобы посветить молодым, потому что у них мало света, и они не видят, чтó едят. Я подожгу две графские мельницы, и они как две свечи озарят празднество». Мельник пошел к графу и рассказал ему про Юстаса Монаха. Граф немедля встал из-за стола, за которым сидел, и с большим трудом прокричал: «Все в погоню за Юстасом Монахом!» Мэр и прево[13] вскочили. Стали звонить в колокол. Когда Юстас услышал набат, он направился домой. За ним погнались, но не смогли настичь. Так в честь брачного пира Симона Булонского Юстас Монах сжег те две мельницы, о которых вы слышали. Это чистая правда.

Однажды Юстас, ловкий обманщик, был в Клермарэ[14]. Там он услышал, что граф собирается в Сент-Омер[15]. Тогда Юстас надел белый плащ и белое одеяние с широкими рукавами и взял с собой двух монахов из аббатства. Все трое были верхом. Юстас пустился вскачь; его конь был самый лучший. Меж двух лощин они встретили графа. Граф вел с собой трех красивых лошадей. Он приветствовал Юстаса, и тот поклонился в ответ. Затем граф направился в один из своих замков, а Юстасу пришло в голову, что нужно с ним поговорить. Он немедленно повернул и поехал за графом. Когда граф спешился, Юстас подошел и сел рядом. Как безрассуден был этот поступок, ведь Юстас хорошо знал, что его сожгут[16] или повесят, если возьмут в плен! «Сеньор, — сказал он, — ради Бога, сжальтесь над Юстасом Монахом. Я прошу простить его». Граф ответил: «Ничего не говорите более. Если я поймаю Юстаса, то прикажу сжечь его заживо. Юстас, переодевшись паломником, спалил две мои мельницы. Он развязал войну со мной. Рано или поздно я его выслежу, и если он попадет ко мне в руки, то умрет страшной смертью. Я велю пытать его, повесить, сжечь или утопить». Юстас сказал: «Клянусь моим плащом! Вам следовало бы заключить мир, поскольку Юстас — монах, а вы граф Булонский и потому должны явить милосердие. Ради Бога, сеньор, я умоляю вас простить его, и тогда Юстас станет вашим другом. Милорд, помиритесь с ним, окажите милость грешнику!» Граф ответил: «Замолчите и больше не просите меня

об этом. Ступайте прочь отсюда, убирайтесь! Не желаю слушать ваших речей. Из-за Юстаса я больше не доверяю ни одному монаху. Клянусь чревом Богоматери, я уверен, что он следит за мной. Во всём мире не сыщешь такого злобного тирана. Я боюсь, что он меня заколдует. Скажите, монах, как ваше имя?» — «Меня зовут братом Симоном. Я келарь в Клермарэ. Вчера Юстас явился ко мне с компанией из тридцати человек, все хорошо вооруженные. Он просил нашего настоятеля, чтобы тот помирил вас». Граф ответил: «Вашему аббату не следовало давать ему пристанище. Я выкурю Юстаса оттуда. А настоятель перестанет быть моим другом, я живо выбрею ему тонзуру ударом меча... Господин монах, откуда вы родом?» — «Сударь, из Ленса[17], где я прожил двадцать лет». — «Клянусь Богом, — сказал граф Булонский, — не будь у вас тонзуры, вы бы точь-в-точь походили на Юстаса Монаха лицом, сложением, всем своим видом — осанкой, глазами, ртом и носом; но у вас большая тонзура и бледная кожа, вы обуты в алые башмаки и белую рясу. Я бы бросил всех вас троих в темницу, если бы не помнил Бога. Убирайтесь отсюда, уходите!» Два монаха были очень испуганы, и Юстас тоже.

Некоторые из родственников и сподвижников Юстаса были при графе. Тот заставил всех булонских пэров трижды поклясться, что они выдадут ему Юстаса невзирая на родство и дружбу. Перед графом предстал некий сержант: «Сеньор, чего же вы ждете? Юстас сидит рядом с вами. Бейте его, если вы еще не забыли, как это делается. Это он, истинно вам говорю». «Ах ты шлюхин сын, — сказал Гильом де Монкарель. — Это келарь Симон, я хорошо его знаю». «Это правда, — сказал Ги де Гиньи. — У Юстаса отродясь не было такого желтого лица». «Да, — произнес Ги де Белинье. — Этот человек родился в Ленсе, недалеко от Энена»[18]. «Клянусь, — сказал Ансельм де Кайе. — Юстас никогда не был желтым или иссиня-бледным». «У него румяные щеки», — прибавил Вале де Капелла. Два монаха дрожали от ужаса. Юстас сказал: «Бывает, что люди похожи друг на друга». После этого они произнесли «Miserere»[*, 19], и Юстас отбыл.

[*] Помилуй (*лат.*).

Все трое пустились в путь. Но прежде Юстас, который научился волшебству у самого дьявола, зашел в конюшню. Он велел сержанту оседлать Мориэль, графову лошадь, очень дорогую и красивую, сел на нее и уехал. На прощание он наказал передать графу, что Юстас забрал Мориэль, и сержант закричал: «Эй, эй, во имя Пресвятой Девы! Помогите!» Граф и вся его свита вскочили. «Что случилось?» — спросили рыцари. «Этот дьявольский монах, ваш недруг, уехал верхом на Мориэли!» — «Во имя головы Господа, Его утробы и ран, — сказал граф, — скорее едем. Но, раз уж он сидит на Мориэли, вряд ли мы сумеем его поймать или загнать в ловушку, потому что Мориэль летит как буря, а этого человека ведет дьявол. Я точно знаю, что мне никогда более не видать моей лошади. Господи! — воскликнул граф. — Почему я не схватил его, когда он сидел рядом со мной?» Сержант сказал: «Я говорил вам, а вы мне не поверили».

Свита графа села в седла — все его сержанты и рыцари. Они пустились в погоню за Юстасом. Тот заехал в одну деревню и оставил там Мориэль у своего знакомого. Юстас понял, что его узнали. Тогда он снял рясу и надел другую одежду. Голову он покрыл полотняным колпаком, вскинул на плечо дубинку и пошел стеречь стадо, которое паслось на склоне. К нему подъехал граф Булонский. «Юноша, — сказал он, — в какую сторону поскакал белый монах на черной лошади?» — «Сударь, он проскакал по этой долине, и лошадь под ним была черна, как ежевика». Граф не стал медлить и продолжил преследовать Юстаса, мчась во весь опор. А Монах не остался на месте: он бросил стадо и углубился в лес. Граф скакал как безумный, так что вскоре его спутники отстали. Он увидел двух монахов, едущих по дороге, и гневно крикнул им: «Клянусь Господними ногами, вы не убежите, вам не скрыться от меня!»

Монахи стали молиться, чтобы Бог сберег их от тюрьмы и всякого зла: «О! О! Пресвятая Дева Мария! Пусть граф не причинит нам вреда и не навлечет на нас позора. Юстас Монах предался врагу-дьяволу. Граф хочет схватить нас; мы боимся, что он нас повесит. Он уже близко, мы его видим. Господи! Пусть граф смилуется над нами».

Никто еще не видал, чтобы монахи так пугались; они совершенно отчаялись, ибо думали, что всё пропало. Граф нагнал их в долине и соскочил с коня. Он схватил обоих за капюшоны, и монахи упали на колени. «Ради Бога, пощадите нас!» — воскликнул один из них, Винсент. «Клянусь Господними ногами, — сказал граф, — вы от меня не сбежите, вы оба будете висеть на дереве». — «Пощады, сеньор, пощады!» — «Вы не уйдете, — сказал граф, — клянусь святым Гонорием![20] Я не сомневаюсь, что вы воры. Верните Мориэль, мою лошадь, иначе я вас убью». Граф велел связать обоих и оставить на постоялом дворе. Юстас меж тем был в лесу. Он наблюдал за тем, как везли поклажу графа. Один парень вел под уздцы мула. Юстас избил его, отрезал ему язык и отправил к графу. Юноша догнал графа и стал жаловаться на Юстаса Монаха, но не говорил, а лишь невнятно мычал. Граф спросил: «Черт возьми, что с тобой случилось?» А слуга повторял только: «Бу, бу», потому что язык у него был отрезан и он ничего не мог сказать. Тогда один оруженосец обратился к графу: «Этот парень вел наших мулов. Он побывал в руках у злых людей и лишился языка. Юстас захватил его и угнал мулов».

Граф отправился на поиски Юстаса. Он заехал в лес Карделло[21] и проехал его вдоль и поперек. У Юстаса были двое подручных, которые без устали следили за графом день и ночь. Юстас сам вырастил и воспитал их. Пока продолжалась погоня, один из этих молодых людей подошел к графу и сказал: «Сеньор, что я получу, если проведу вас к моему господину? Я служу Юстасу Монаху». «Клянусь Богом, — сказал граф Булонский, — если ты покажешь мне дорогу, он получит по заслугам, а ты станешь дамуазо[22] при моем дворе». — «Сеньор, он сейчас обедает. Идемте со мной, и вы его схватите». — «Ступай вперед, — сказал граф, — я последую за тобой. Я буду держаться поодаль. Но старайся, чтобы он ничего не заметил. Боюсь, он может тебя обмануть».

Второй дозорный услышал слова изменника и понял, что товарищ задумал предать господина, который его вырастил. Он отправился к Юстасу и объявил, что его друг продался графу. Юстас сказал: «Ступай на свое место. Когда этот парень придет, чтобы обмануть и выдать меня, я задушу мерзавца удавкой, как он того и заслуживает».

Один дозорный ушел, а другой явился к Юстасу. Монах попросил: «Будь добр, срежь вон ту ветку с дерева». «Охотно», — сказал молодой человек и срезал ветку. «Скрути ее, я хочу сделать из нее веревку». Юноша принялся крутить и разминать ветку. Тут Юстас набросил веревку ему на шею и сильно потянул. «Ради Бога, помилуйте меня! — вскричал юноша. — Сударь, отчего вы хотите меня повесить? Позвольте мне хотя бы исповедаться!» Юстас ответил: «Ты с большим удовольствием сотворил зло; видишь: мне хорошо об этом известно. Ты попал в дурные руки. Ты думал, что заставишь меня оставаться здесь, пока граф не явится за мной; теперь мне некогда тебя исповедовать. Ступай наверх — говорить с Богом. Там, на дереве, куда ты влезешь, тебе будет удобнее с Ним беседовать. Полезай туда и расскажи, как ты продал меня графу». «Сеньор, — сказал юноша, — клянусь святым Реми[23], я продал и предал вас. Но что за дьявол поведал вам об этом? Не родился еще человек, способный вас убить. Уходите скорей отсюда, не ждите». Юстас промолвил: «После того, как я повешу тебя. Лезь на дерево и прими кару». Юноша быстро взобрался на дерево и повесился на веревке. Вскоре показался граф. Сев на Мориэль, Юстас увидел, что граф скачет за ним. «Сеньор, — сказал он, — к чему мне стоять здесь на страже? Позаботьтесь о повешенном вместо меня, а я, с вашего позволения, удалюсь».

Граф гнался за ним как безумец. Он и его люди яростно преследовали Юстаса. Они захватили двух его сержантов и обоим выкололи глаза. Когда Юстас услыхал об этом, он поклялся Пресвятой Девой, что за четыре глаза, которые выколол граф, четверо его людей лишатся ног. Граф приехал в Сент-Омер; никак он не мог поймать Монаха. Юстас начал караулить, чтобы подстеречь в лесу, на дороге или на какой-нибудь тропе четырех человек, которым он мог бы отсечь ноги. Однажды он встретил пять сержантов графа. Они вели в тюрьму двух монахов; те были из Клермарэ. «Слезайте! — велел Юстас. — Вы не поведете этих монахов дальше, а будете говорить со мной. Вам сейчас плохо, а станет еще хуже». И он схватил их — четверым отрубил ноги, а пятому сказал: «Ступай к своему графу. Скажи ему, что за четыре выколотых глаза Юстас Монах отрубил ноги у четырех человек».

«Охотно, сеньор», — ответил сержант, который не лишился ног. Он прибежал к графу и тотчас поведал ему, что за четыре выколотых глаза Юстас отрубил восемь ног. «Клянусь жиром, утробой, кишками этого вора, этого подлого монаха, — сказал граф, — Юстас принес мне много стыда и бесчестия».

Однажды, надев власяницу и дерюгу, Юстас Монах гулял по лесу. Он пошел по дороге и встретил двадцать рыцарей. Держался он самым жалостным образом. Юстас скромно поприветствовал их, и они весело спросили: «Откуда ты идешь и куда направляешься?» — «Сеньоры, я иду из Булони к графу Данмартену, чтобы пожаловаться на одного дурного монаха. Неподалеку отсюда он раздел меня, сказав, что у него вражда с графом, и отнял у меня сто марок. Это лживый попрошайка, который не пожелал дать мне куска хлеба ни на завтрак, ни на ужин. Сеньоры, скажите скорее, где я могу найти графа?» Один из рыцарей ответил: «В Ардело; ступай, я провожу тебя». Юстас пришел в Ардело. Явившись в дом к графу, он обратился к его сержанту: «Во имя Господа, я ищу справедливости! Кто здесь граф Булонский?» Тот сказал: «Иди сюда», и Юстас предстал перед графом.

«Сударь, — сказал Монах, — ради Бога, явите милосердие. Я купец из Лез-Андели[24]. Я ехал из Брюгге[25], что во Фландрии, вез шелковые чулки и тридцать ливров[26] денег. Но какой-то пьяный дурень, остриженный как священник, но слишком похожий на монаха — кстати, он сказал, что он ваш враг, — отнял у меня золото, серебро, беличьи шкурки, серые меха, лошадь и мою одежду. Я приношу вам жалобу на этого безумного монаха, который меня раздел, и прошу о справедливости. Этот человек неподалеку. — Юстас говорил правду: он и впрямь был неподалеку, ведь он сам разговаривал с графом. — Этот мнимый монах, шлюхин сын, заставил меня надеть власяницу и пообещать, что я приду к вам. Знайте, что он поблизости: я видел, как он вошел в заросли». «Как он выглядит? — спросил граф. — Смуглый он или светлый, большой или маленький?» Юстас ответил: «Он примерно одного со мной роста». Граф немедля вскочил: «Отведи меня туда, и я отомщу за тебя». «Пойдемте, — ответил Юстас, — я отведу вас, и вы его схватите».

Граф, взяв с собой семь рыцарей, последовал за Юстасом, с которым было три десятка человек. И монах привел его к своим сподвижникам. Те окружили графа, отчего он сильно забеспокоился. Юстас сказал: «Не бойтесь. Я хочу примириться с вами. Ради Бога, явите милосердие; добрый граф, мой сеньор, давайте поговорим о мире». Но граф ответил: «Оставь меня в покое, без толку говорить об этом, ибо жребий брошен. Мы с тобой никогда не помиримся». Юстас сказал: «Уезжайте, раз не может быть иначе. Вы прибыли сюда под моей защитой, и я вас не обману». Граф развернулся и уехал, и Юстас тоже.

Однажды граф вооружился и собрал своих людей, поскольку узнал, что Юстас укрылся в одном замке. Когда граф явился в тот замок, Юстас, знавший много уловок, стал думать, как бы ему сбежать. Он живо сменил свою темно-коричневую рясу на бедную рубаху одного крестьянина и вышел из замка. На дороге он встретил человека, который нес большую охапку сена. Юстас купил у него сено и понес обратно к воротам, крича: «Продаю корм для скота!» Под своей ношей он очень ослабел. Один глаз он прищурил, а другой держал открытым. Сено целиком закрывало Юстаса. Он миновал ворота и зашагал прямо к графу Булонскому. «Добрый человек, — сказал граф, — скажи мне, в замке ли еще Юстас Монах. Боюсь, он от меня ускользнул». «По правде говоря, — ответил Юстас, — он вчера заночевал у меня и уехал поутру. Но вы можете захватить его в пути». «В седла! — закричал граф. — Мы поймаем его!» Люди графа пришпорили коней и быстро поскакали. А Юстас, знавший много хитрых уловок, не стал медлить. Он бросил сено наземь и нагнал хвост графской свиты — там мальчик вел под уздцы лошадь. Юстас выхватил повод и вскочил на нее. Увидев это, слуга закричал: «Посмотрите, Юстас Монах уезжает!» Когда граф Булонский это услышал, он воскликнул: «В погоню за Монахом!» Но Юстас ускользнул: никто не смог нагнать его и схватить. Граф чуть с ума не сошел, так он злился на Юстаса, который снова удрал.

Однажды граф и его люди поехали в Ардело. Юстас, одевшись паломником, последовал за ними по дороге. С ним было десять человек. Граф спешился, и Юстас подошел к нему. «Сеньор, мы ходили к Папе Римскому за отпущением грехов. Мы совершили много зла, а те-

перь раскаиваемся перед Богом и тяжко страдаем». Услышав это, граф велел дать им три су[27], а затем въехал в замок. Лошади же остались за воротами. Юстас забрал их всех, а затем поджег замок и уехал. Через одного сержанта он передал, что это сделал паломник, которому граф дал три су. «Клянусь Богом, — сказал граф, — я сойду с ума, если не схвачу этого шутника, этого вора, этого мнимого паломника! Сейчас мне даже не на чем за ним гнаться. Он хорошо обделывает свои дела. Никогда не бывало еще такого дьявольского монаха. Если он попадет мне в руки, то недолго ему останется жить!»

Однажды Юстас встретил торговца, который ехал из Брюгге, что во Фландрии, и вез с собой шестьдесят ливров. Родом тот был из Булони и хорошо знал Юстаса Монаха. Он очень испугался, потому что боялся расстаться со своими деньгами. Юстас живо сказал ему: «Сколько у тебя при себе денег?» «Сударь, — молвил купец, — я не стану лгать. У меня шестьдесят ливров в сундуке и пятнадцать су в кошельке». Тогда Юстас завел его в заросли и пересчитал монеты, после чего вернул их торговцу и сказал: «Ступай, Бог тебя храни! Если бы ты соврал мне, то я забрал бы всё до гроша, и ты потерял бы деньги». И купец поблагодарил его. Юстас сказал: «Пообещай мне, что пойдешь к графу Булонскому и отведешь с собой эту лошадь. Я плачу ему десятину. У меня десять сытых красивых коней. Один человек сообщил мне вчера вечером, что графу не на чем ездить, потому что я, уходя, забрал всех его лошадей. Теперь я хочу заплатить десятину. Доставь графу лошадь, а еще отдай три денье[28] и этот кошелек. Это десятая доля от тех трех добрых анжуйских су[29], которые он подал пилигриму, угнавшему его коней и спалившему замок». Торговец поклялся, что пойдет к графу Булонскому и отдаст ему деньги, кошелек и лошадь. «Скажи, что Юстас посылает ему десятину со своей добычи», — велел Монах. Купец, обрадовавшись, ушел. Он сразу пустился к графу и рассказал ему про Юстаса Монаха. Граф тут же велел схватить и задержать пришедшего; он был совершенно уверен, что это и есть Юстас Монах. «Сударь, — отвечал торговец, — я родом из Булони. Юстас заставил меня поклясться, что я поеду к вам. Я явился, дабы исполнить обещание». Граф ответил: «Я вам верю». Услышав этот рассказ, он

немедля освободил торговца, и тот отдал ему лошадь, три денье и кошелек.

Однажды граф поехал охотиться. Дозорный сообщил ему, что Юстас в лесу, и граф со своей свитой оделись в дерюгу и пешком пошли за дозорным. В канаве они залегли в засаду. Юстасов караульный приблизился к ним и сразу узнал графа. Потом он отправился к хозяину и обо всём ему рассказал. Тогда Юстас поспешил к некоему угольщику. У того был осел, на котором он возил на рынок уголь. Юстас, ничего не говоря, переоделся в одежду угольщика, надел его черную шапку, вымазал сажей лицо, шею и руки — у него стал необыкновенный вид. Нагрузив осла углем, Юстас взял прут и покатил по дороге к Булони. Граф не обратил на него никакого внимания, когда тот проезжал мимо, и не стал с ним заговаривать. Поэтому Юстас сам окликнул его: «Сеньор, что вы здесь делаете?» «Какое тебе дело, крестьянин?» — ответил граф. «Клянусь святым Омером[30], — промолвил Юстас, — я еду к графу, чтобы рассказать про людей Юстаса Монаха, от которых мы терпим позор и бесчестье. Я не смею даже возить уголь на продажу из опасения, что Юстас его отберет. Но сейчас разбойник лежит себе у огня, и у него довольно мяса и дичи. Он жжет мой уголь, который мне так нелегко достается». «Юстас поблизости?» — спросил граф. «Да, вон там, — сказал обманщик. — Идите по той тропе, если желаете с ним поговорить». Юстас подхлестнул Ромера, ослика, прутом, а граф и его люди углубились в лес. Они увидели там угольщика — того самого, чью одежду надел Юстас — и здорово отколотили его, совершенно не сомневаясь, что это и есть Юстас Монах. «Сеньоры, — взмолился угольщик, — смилуйтесь надо мной, ради бога. За что вы меня бьете? Можете забрать это платье, ничего другого у меня нет. Это одежда Юстаса Монаха, который сейчас едет в Булонь. Он забрал моего осла и мой уголь, вымазал лицо, руки и шею сажей. Он надел мою черную шапку, заставил меня снять одежду и отдал мне свою». «Послушайте, сеньоры, — сказал граф, — клянусь Господними зубами, этот дьявол уже много раз от меня ускользал! Он был тем угольщиком, который проехал мимо и заговорил с нами. За ним! Немедля!» Лошади ждали неподалеку. Граф и его люди сели в седла и спешно поскакали за Юстасом.

Тем временем тот умылся и повстречал горшечника. Горшечник кричал: «Посуда, посуда!» Юстас не был глуп — он понимал, что за ним погоня. И он живо условился с горшечником, что тот в обмен на осла и уголь отдаст ему кувшины и горшки. Так Юстас сделался горшечником, а горшечник — угольщиком. Горшечник поступил глупо, оставив свое ремесло. Юстас кричал: «Горшки, горшки!» Граф выехал из лесу и спросил у горшечника, не видел ли он угольщика. «Сеньор, — сказал Юстас Монах, — он идет в сторону Булони и ведет осла, груженного углем». Граф пришпорил коня. Когда его рыцари и сержанты поравнялись с угольщиком, они сильно отколотили его. Они избили его до полусмерти, связали по рукам и ногам и взвалили на коня, головой к хвосту. Крестьянин плакал, ревел и вопил. «Сеньоры, — воззвал он, — я молю вас, ради бога, сжальтесь надо мной. Скажите, отчего вы меня увозите. Если я как-нибудь обидел вас, я охотно искуплю свою вину». «Ага, ага, мошенник, — сказал граф, — ты думаешь сбежать от меня? Я скоро велю тебя повесить».

Тут один из графских соратников посмотрел на горшечника и узнал его; сей мудрый рыцарь, которому было хорошо известно, откуда тот родом, спросил: «За каким чертом ты сделался угольщиком? Ты всегда был горшечником. Тот, кто берется за всё, нигде не преуспеет». «Смилуйтесь, сударь! — вскричал крестьянин. — Я отдал мои горшки угольщику в обмен на осла и уголь. Да покарает его Господь, потому что из-за него вы меня увозите. Наверное, он украл и то, и другое. Бог свидетель, я не брал чужого; я отдал мои горшки в обмен на осла. Тот человек быстро поехал к лесу, выкрикивая: «Горшки, горшки!» Рыцарь сказал графу: «Позор Юстасу! Раньше он был угольщиком, теперь он горшечник». «Раны Христовы! — воскликнул граф. — В погоню за ним, как можно скорее. Приведите ко мне всех, кого вы встретите сегодня и завтра. Я никогда не покончу с Монахом, если не расправлюсь с ним одним ударом». Он отпустил горшечника и вместе со своими рыцарями возобновил погоню.

<...> Граф Булонский желал воздать Юстасу по заслугам. Он арестовал четырех монахов, и их живо посадили в темницу. Затем он отослал в тюрьму четырех торговцев и свинью. Потом трех торговцев пти-

цей и двух погонщиков ослов. Следом в тюрьму отправили шестерых рыбаков, вместе с их уловом. Наконец туда же отвели четырех священников и настоятеля. В тот день в тюрьму попало более шестидесяти человек.

Граф отправился в Нефшатель[31], где ему предстояло вершить суд. Юстас, знавший множество уловок, переоделся в женское и вошел в город вслед за ним — Монах удивительно походил на девицу. На нем было льняное платье, лицо прикрывала вуаль, а на боку висела прялка. Юстас Монах подошел к сержанту, державшему одну из лошадей графа, и сказал: «Позволь мне сесть в седло, а я позволю тебе лечь со мной». «Охотно, — сказал сержант. — Давай, прелестная девица, забирайся на этого доброго коня. Ты получишь четыре денье, если позволишь мне насладиться тобой». «Я поучу тебя делать это сзади, — сказал Юстас и добавил: — Ни один человек еще этого не делал». Юноша приподнял ногу Юстаса, и тот испортил воздух. «Эй, девица, ты пускаешь ветры!» — «Не пугайся, милый друг, — отвечал ему Монах, — не пугайся, это скрипит седло».

Итак, Юстас Монах сел на коня, и они с молодым человеком бок о бок поскакали к лесу. «Дальше не поедем, — сказал юноша. — Подо мной простой конь, а под тобой лучший графский скакун. Пусть постигнет меня позор, если я теперь же не сделаю то, о чем мы с тобой условились. Так что давай перейдем к делу». «Юноша, — сказал Юстас, — я очень хочу наградить тебя, и скоро это случится. Но прошу, проедем немного дальше, чтобы никто нас не заметил». «Девица, — сказал сержант, — не пытайся меня обмануть. Если что, клянусь чревом Богоматери, я лишу тебя жизни». Юстас ответил: «Милый друг, ты никогда еще так не ошибался. Неподалеку отсюда мой дом. Давай же проедем еще немного». Простак последовал за ним, и Юстас привел его к своим людям. Там он схватил юношу за горло. Теперь-то молодой человек понял, что сделал глупость! Верно гласит крестьянская поговорка: скачет коза, когда время лежать. «Слезай с коня! — сказал ему Юстас. — Дальше мы не поедем. Лучшая лошадь графа тоже останется здесь, он никогда более на нее не сядет». Они оба спешились, и люди Юстаса стали громко смеяться. «Сеньоры, — объявил Юстас Монах, — этот юноша

получит свою награду, потому как мы с ним условились». Юстас отвел его немного дальше, в лог. «Юноша, — молвил он, — я не причиню тебе вреда. Снимай с себя всю одежду. Я знаю, тебе этого хочется». Молодой человек зашел в грязную яму, поскольку не смел ослушаться. Затем Юстас сказал: «Ты хорошо проведешь время. Давай-ка подставляй зад, иначе я так тебя изобью, что ты не поднимешься. Ты думал лечь со мной; и тебе не стыдно, что ты хотел спать с черным монахом?» «Ради Бога, пощадите! — воскликнул юноша. — Не позорьте меня. Клянусь Пресвятой Девой, я думал, что вы женщина». На это Юстас приказал (ведь он не был еретиком или содомитом): «Ступай отсюда и передай графу, как я с тобой обошелся». «Я всё ему расскажу», — ответил юноша и немедленно пустился в путь, но не посмел вернуться к графу и поведать ему о том, что произошло; он спешно уехал в чужие земли.

Однажды Юстас был в Капелле[32]. Там он прослышал, что его повсюду ищет граф. Юстас доверился одному священнику. Этот священник принимал монастырских гостей и был весьма богат. Но он выдал Юстаса графу, и Юстас опозорил его. Он связал священника по рукам и по ногам и бросил в канаву.

Как-то раз граф Булонский поехал по делам в Жен-Иверны[33]. С собой он пригласил короля Филиппа, который приехал с большой свитой, и его сына, короля Людовика[34], также привезшего с собой множество людей. У королей был роскошный эскорт. Государи переночевали в Капелле, а прочие остались в обители Святой Марии в Лесу[35], что подле Капеллы. Компания в монастыре собралась прекрасная. Юстас Монах, который доставил графу столько хлопот, тоже был там — он наблюдал за приезжими из леса. Потом он захватил в плен горожанина из Корбе[36] и оставил его в одной рубашке. Юстас отправил его в Капеллу, к королю, а затем убил некоего рыцаря. Король пообещал наказать Юстаса и сказал графу Булонскому: «Граф, вы слышали о Юстасе Монахе, который грабит и убивает моих людей?» Граф отвечал: «Помоги мне Бог, у меня никак не получается поквитаться с ним. Этот воинственный монах — сущий дьявол». Король отрядил погоню за Юстасом, но не мог его схватить. Из Капеллы государь поехал в Сангатт;[37] когда он возвращался оттуда, граф был в арьергарде, который охранял людей короля.

В это время Юстас, знавший столько хитрых уловок, находился поблизости, в городе. Графу Булонскому о том донес один из его дозорных. Тогда граф поехал в город, но Монах, искусный обманщик, был предупрежден своим человеком. Увидев крестьянина, который ставил на поле новый забор, Юстас подошел к нему. У того был старый плащ, и Юстас немедленно забрал его, а взамен оставил свое хорошее платье и отослал мужика домой. Затем Монах сам принялся трудиться над оградой. Он взял нож и принялся подправлять столбики и колья. Тут появился граф и подъехал к Юстасу, который возился с забором. «Крестьянин, — сказал граф Булонский, — нет ли здесь Юстаса Монаха?» «Я не знаю наверняка, сеньор, — отвечал Юстас, — и не желаю лгать. Недавно он покинул город — он скрывается от людей короля. Этот человек пробежал здесь в большой спешке, но ему всё же не удалось далеко уйти. Вы вполне еще можете его настичь». Граф поехал дальше, а Юстас, который не желал ничего иного, пристроился в хвосте его свиты. При помощи многочисленных сподвижников, поджидавших неподалеку, Монах захватил пятерых рыцарей, шесть лошадей и пять боевых коней. Потом разбойники укрылись в лесу и сели обедать. И тут на них наткнулся Онфруа, смертельный враг Юстаса. Он искал в лесу места, чтобы отдохнуть. Онфруа подумал, что уже не воротится живым, и впал в отчаяние. Но Юстас поднялся и сказал: «Сойди с коня и поешь с нами». Онфруа спешился. Он был очень испуган и не доверял Монаху. После обеда Онфруа принялся умолять Юстаса о пощаде, и тот ответил: «Ты убил моего отца и стал причиной смерти моего кузена, наконец, ты оклеветал меня перед графом. Скажу коротко: даже если бы кто-нибудь отдал мне в дар всю Францию, я бы не помирился с тобой. Но, поскольку ты трапезничал со мной, отныне не бойся меня[38]. Ступай, я совершенно тебя прощаю, и передай графу от моего имени: это я чинил ограду в то самое время, когда он спросил, куда поехал Юстас Монах; я же сказал, что он рядом».

Онфруа оставил Юстаса и пересказал графу его слова. Граф поехал на то место, но Юстас уже скрылся. Вскоре Монах переоделся прокаженным. У него были чашка, костыль и трещотка[39]. Увидав проезжавшего мимо графа, он начал ею трясти. Граф и его рыцари кинули

ему двадцать восемь денье. Когда граф и остальные проехали, в хвосте свиты показался мальчик, который вел в поводу хорошего боевого коня. Юстас сбил слугу с ног, вскочил в седло и ускакал. Паренек побежал к графу. «Сеньор, — крикнул он, — клянусь, прокаженный увел одну из ваших лошадей!» «Господня утроба, Господня грудь, Господни ноги! — воскликнул граф Рено. — Этот человек с трещоткой был Юстас Монах, за которым мы гонимся. Клянусь Богом, он и вправду выглядел как прокаженный: пальцы у него были скрючены, а лицо покрыто язвами». И граф продолжил разыскивать Юстаса повсюду. Тогда Монах прикинулся калекой. Он привязал одну ногу к заду, потому что хорошо умел ходить на костылях. Примотав окровавленной тряпкой к своему бедру коровье легкое, он отправился в монастырь, где остановился граф. Священник в это время служил мессу. В церкви было полно людей — рыцарей и сержантов. Юстас предстал перед графом и поведал ему о своем увечье. Он показал графу ногу и зад и попросил милостыню. Тот подал ему двенадцать денье. Юстас взял их и отправился к священнику, который принимал пожертвования. Задрав ногу, Монах явил священнику свое бедро. «Сударь, — сказал он, — посмотрите, как мне плохо. У меня гниет нога. Ради Бога и Пречистой Девы, уговорите этих рыцарей дать мне немного денег, чтобы я мог вылечиться». Священник ответил: «Сейчас я пущу блюдо по кругу и замолвлю за тебя словечко. Я охотно за тебя попрошу». Когда пожертвования были собраны, священник принялся просить за Юстаса Монаха, оскорбившего так много людей. «Сеньоры, — молвил он, — послушайте меня. У этого бедного человека, которого вы видите, совершенно сгнило бедро. Клянусь Богом и Пречистой Девой, тот, кто поможет ему, сделает доброе дело. У него только одна нога и костыль. Ради бога, сеньоры, подайте ему, я прошу вас».

Юстас был не дурак. Он получил еще восемь су и вышел из монастыря, прежде чем закончилась месса. Ему не было нужды принимать лобзание мира[40], потому что войну Монах любил больше, чем мир. Он отыскал лошадь графа и, вскочив на нее, бросил костыль в канаву. Тогда ребятишки громко закричали: «Одноногий уводит коня! Посмотрите, как он скачет!» Рыцари выбежали на двор — ни одной души не

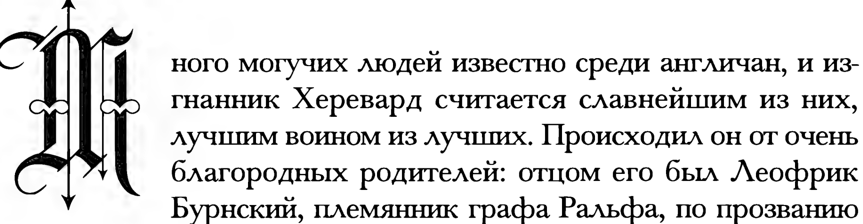
осталось в церкви. Все дивились, услышав про калеку, который ускакал на добром испанском коне. Лихо мчался Юстас Монах по полям и лугам. «Клянусь Господней утробой, — воскликнул граф, — это был тот изменник-монах, который причинил мне столько зла и позора. Он снова украл моего коня. И без толку гнаться за ним, потому что я ни за что его не поймаю». Тогда граф велел всем поклясться, что каждый, кто встретит Юстаса в лесу, в городе или на дороге, возьмет его в плен.

ДЕЯНИЯ ХЕРЕВАРДА

Фрагменты

II

*О том,
в какой семье был рожден Херевард,
как с самого детства он прославился своими деяниями,
отчего он был отвергнут отцом и страной
и каким образом получил прозванье
«Изгнанник»*



Много могучих людей известно среди англичан, и изгнанник Херевард считается славнейшим из них, лучшим воином из лучших. Происходил он от очень благородных родителей: отцом его был Леофрик Бурнский, племянник графа Ральфа, по прозванию Конюший, матерью же — Эадгита, правнучатая племянница герцога Ослака. С ранних лет Херевард отличался статью и красотой: у него были длинные светлые волосы, открытое лицо и большие серые глаза (правый чуть разнился от левого). Внешностью, однако, обладал он грозной, членами был велик и потому казался весьма дородным, роста же был небольшого, но проворен и очень силен. С самого детства он являл большую ловкость и мощь, а в юноше-

ские годы развил в себе безупречную смелость. Он был с избытком наделен и отвагой, и силой духа. А что касается щедрости, то Херевард не жалел ни своего, ни отцовского добра, помогая всем, кто оказался в нужде. Хоть он и был упрям в учении и груб в играх, охотно подбивая на драки сверстников, а иногда и вступая в стычки со старшими в городе и в деревне, Хереварду не было равных в бесстрашии и решимости даже среди тех, кто превосходил его годами. Поэтому, становясь старше, он день ото дня делался всё отважнее и еще в юности отличился множеством смелых поступков. Однако он не щадил тех, кто, как ему думалось, мог соперничать с ним в силе и удали, а потому часто ссорился с земляками и вызывал волнения среди простонародья. Оттого родители разгневались на Хереварда, потому что из-за его молодечества и дерзости они каждый день бранились с друзьями и соседями и чуть ли не ежедневно, когда сын возвращался с охоты или после очередной стычки, вынуждены были с мечами наголо и при прочем оружии защищать его от местных жителей, которые по милости их сына превратились в сущих врагов и мучителей. Не в силах больше это терпеть, отец в конце концов прогнал Хереварда с глаз долой. Но и тогда юноша не утихомирился, и, когда отец объезжал свои владения, Херевард, с отрядом удальцов, часто наведывался туда первым и раздавал отцовское добро своим друзьям и сподвижникам. В некоторых отцовских имениях он даже сам назначал слуг и управляющих, чтоб те заботились о его людях. Тогда отец добился, чтобы король Эдуард изгнал Хереварда из страны, открыв государю всё, что претерпели от сына родители, а также окрестные обитатели. Тогда-то Херевард и получил прозвище «Изгнанник» — и вот, восемнадцати лет от роду был выдворен из краев, где родился.

XIV

*О том,
как Херевард вернулся на родину, в отчий дом,
и узнал, что его брат накануне был убит, и как он
в ту же ночь жестоко отомстил врагам*

Проведя несколько дней в праздности [во Фландрии[1]], Херевард счел это бесчестьем для себя и немедленно направился в Англию. Он хотел побывать в отчем доме, в родной стране, подпавшей под власть иноземцев и почти загубленной поборами, которые взыскивали с нее множество людей. Он желал помочь друзьям и соседям, быть может еще остававшихся живыми в тех краях. Херевард вернулся из чужих земель с одним-единственным спутником, слугою по прозвищу Легконогий Мартин, оставив двух племянников, Сиварда Белокурого и Сиварда Рыжего, со своей женой, с которой он только что обвенчался. Как-то вечером он приехал в отцовское имение, под названием Бурн, и был принят неким вассалом своего отца, звавшимся Осред, на окраине деревни. Херевард увидел, что глава семейства и его соседи очень мрачны, полны скорби и великого страха, поскольку они были отданы во власть чужеземцам. Но больше всего они горевали о том, что оказались в подчинении у тех, кто накануне умертвил невинного юного сына их лорда. Поэтому Херевард, который вошел в дом под видом странника, немедля спросил, кто их нынешний лорд, и кто повинен в смерти сына их прежнего хозяина, и что было тому причиной. И они отвечали: «Хоть и легче и утешнее становится человеку, если он разделяет свое горе с другими, но нам не следовало бы вовлекать тебя в наши несчастья, ведь мы видим, что ты славный муж, которого мы должны радовать, дабы проявить гостеприимство. И все-таки, поскольку ты кажешься нам понимающим и славным человеком, мы могли бы рассчитывать на то, что ты утолишь нашу печаль, а потому охотно откроем тебе суть дела. Жил среди нас младший сын нашего лорда, которого отец, умирая, вверил своим людям, вместе с матерью, и этому отроку предстояло сделаться наследником, если не вернется его старший брат, по имени Херевард, — человек неимоверно могучий и выделяющийся своею

смелостью, которого отец, в наказание, удалил от себя, когда тот был еще юн. И вот три дня назад некие люди, с дозволения короля, захватили наследство молодого лорда, забрали всё себе и загасили наш светоч, сына и наследника нашего господина, когда он защищал свою овдовевшую мать, от которой они требовали фамильных богатств и сокровищ, — его погубили, ведь он прикончил тогда двоих, бесчестно ее оскорбивших. Желая отомстить за то, что он лишил жизни двух французов, они отсекли ему голову и закрепили ее над воротами дома — она и поныне там. Увы! Несчастные мы люди, нет у нас силы, чтобы поквитаться. Был бы сейчас здесь его брат Херевард, великий муж, о котором мы столько слышали, тогда воистину, прежде чем скрылась бы луна и солнце разлило свой свет, все враги легли бы мертвыми, как сын нашего лорда!» Услышав это, Херевард тяжко восскорбел и мысленно оплакал брата. Наконец, изнуренные разговором, все они отправились спать. Полежав какое-то время в своей кровати, Херевард услышал вдали людское пение, звуки арфы и виолы и развеселые рукоплескания. Позвав мальчика, он спросил, что это за звуки отдаются эхом в его ушах. Тот немедля ответил, что это веселятся те, кто собрался на праздник по случаю вступления во владение наследством молодого лорда, убитого ими накануне.

Вскоре Херевард кликнул своего слугу и, достав из-под черной ткани — это был плащ служанки — кольчугу и шлем, облачился в тунику[2] и взял меч. И вот вместе со слугой, одетым в легкий доспех, он приблизился к пирующим, которых уже одолел хмель, намереваясь одарить их за смерть брата — угостить пивом скорби и вином печали. Потом он подошел ближе и увидел над воротами голову своего брата. Херевард снял ее, поцеловал и спрятал, завернув в ткань. Совершив это, он вошел в дом, чтобы найти гостей, и увидел, что все воины сидят у огня пьяные, положив головы на колени женщин. Среди них был шут, который играл на лютне, поносил английский народ и откалывал в середине зала всякие коленца в подражание английским танцам; наконец он потребовал от их предводителя плату — что-нибудь, принадлежавшее родителям славного юноши, убитого накануне. Тогда одна из девушек, присутствовавших на пиру, не в силах более терпеть эти речи, сказала:

«Живет еще на свете прославленный воин по имени Херевард, брат тому юноше, которого вы убили вчера, известный во всей нашей стране, — она имела в виду Фландрию, — и, если бы он был здесь, все вы лишились бы жизни прежде, чем солнце разлило свои лучи!» Разъярившись от этих слов, новый хозяин дома ответствовал: «Что ж, я знаком с этим мужем — большой негодяй он, ибо украл дары, которые были посланы из Фризии[3] нашему государю, и несправедливо раздал их, после того как государь назначил его военачальником. И висеть бы ему в петле, если бы он не спасся бегством, не смея остаться ни в одной стране по эту сторону Альп». Шут же, заслышав такие слова, опять взялся за лютню и принялся поносить Херевард в песне. И тогда, не в силах больше это выносить, Херевард бросился вперед и проткнул шута насквозь одним ударом меча, а затем повернулся и напал на остальных. Некоторые были не в состоянии подняться, потому что слишком много выпили, а другие не могли прийти к ним на выручку, потому что сидели без оружия. Так Херевард убил четырнадцать человек, считая и их предводителя, с помощью единственного соратника, которого он поставил у входа в зал, чтобы тот, кто избежал смерти от рук одного, пал жертвой второго. И в ту же ночь он выставил головы убитых над воротами, где прежде находилась голова его брата, и вознес хвалу Подателю всех благ за то, что ныне кровь брата была отомщена.

XV

О том,
почему некоторые в страхе бежали от Хереварда
и каким образом он набрал себе воинов

Как бы там ни было, утром соседи и окрестные жители преисполнились изумления, узнав, что произошло. Почти все французы в том краю были напуганы, бросили отведенные им земли и бежали, чтобы не постигла их сходная участь от рук такого же человека, окажись они его соседями. Но когда обитатели тех мест и родичи услышали о Хереварде, то, сойдясь к нему, поздравили с возвращением на родину и с

обретением наследства и вместе с тем посоветовали бдительно охранять свой удел из страха перед гневом короля, когда тот узнает о случившемся. Не будучи беспечным в таких делах, Херевард оставил в поместье сорок девять самых отважных мужей из числа отцовских вассалов и собственных родичей, снабдив их необходимым воинским снаряжением. Сам же он хотел потратить еще несколько дней на то, чтобы отомстить тем недругам в округе, которые еще оставались в своих владениях.

XVI

О том, почему Херевард пожелал, чтобы его посвятили в рыцари по английскому обычаю, и где он был посвящен в рыцари

Когда Херевард понял, что сделался предводителем и господином подобных ему людей, и день ото дня стал примечать, что войско его пополняется беглецами, приговоренными к смерти и лишенными имущества, он вспомнил, что так и не был препоясан еще рыцарским мечом в соответствии с обычаем своего народа. А потому, взяв с собой двух самых знатных сподвижников, одного именем Винтер, а другого — Гэнох, он отправился к Бранду, аббату Петерборо[4], человеку весьма благородной крови, дабы тот препоясал его мечом по английскому обычаю, ведь обитатели тех краев стали бы презирать Хереварда за то, что он до сих пор не рыцарь, после того как сделался предводителем и защитником стольких людей. И Херевард получил от аббата посвящение в рыцари, в день рождества апостолов Петра и Павла[5]. В честь этого один монах с Или[6], по имени Вулфви́не, — набожный брат, приор и к тому же друг отца Хереварда — посвятил его товарищей. Херевард хотел, чтобы и он сам, и его люди стали рыцарями именно так, ибо он слыхал, что французы постановили: если кто-либо будет посвящен монахом, клириком или иным рукоположенным духовным лицом, то это не следует приравнивать к настоящему посвящению, но считать недей-

ствительным и устаревшим обрядом. Вопреки сему предписанию, Херевард пожелал, чтобы все, кто служили ему и находились под его властью, принимали посвящение от церковных особ. Поэтому каждый, желавший поступить к нему в службу, должен был получить меч, как того требует рыцарский обычай, по крайней мере от какого-нибудь монаха, если не нашлось никого другого. Херевард говаривал: «Я знаю по общему опыту, что если человек получил рыцарский меч от Господнего слуги, рыцаря небесного королевства, то он будет стремиться выказывать непревзойденную отвагу во всех родах воинской службы». И так возник обычай среди обитавших на Или: всякий, кто хотел стать рыцарем, непременно клал обнаженный меч на алтарь во время торжественной мессы и в этот же день, по завершении чтения Евангелия, получал его обратно из рук священника, который служил мессу, после того как тот с благословением касался мечом открытой шеи посвящаемого; и когда новичку таким образом возвращали оружие, он делался настоящим рыцарем. Вот какой был обычай у аббатов в те времена. Впоследствии Херевард был вынужден уйти на остров Или и, вместе с тамошними обитателями, оборонять его от короля Вильгельма, который к тому времени покорил почти всю страну.

XIX

*О том,
как после возвращения Хереварда в Англию
его люди сошлись к нему по условному знаку,
который он назначил при отъезде*

Как Херевард и обещал своим людям, он, к тому времени отличившийся во всём, что касалось воинского искусства, вернулся в Англию с двумя племянниками и любящей женой Турфридой, которая тогда уже поборола обычную женскую слабость и раз за разом выказывала стойкость во всех невзгодах, какие выпадали на долю ее славного мужа. Также с ним приехал некий капеллан по имени Хьюго Бретонец,

который, хотя и являлся священником, был не меньше научен обращению с оружием, нежели облечен добродетелью, и его брат Вивхард, превосходный рыцарь, исполненный воинской доблести. И, конечно, он также привез с собой тех, кто ему служил. Кое-кого Херевард немедля отправил на разведку в свои собственные владения и в отцовскую усадьбу, чтобы хорошенько разузнать, какое решение было принято королевским величеством, и с пребольшой осторожностью выведать у друзей, живущих на землях его отца, где теперь те люди, которых Херевард оставил в Англии. Приехав наконец в поместье, посланцы увидали, что наследство Хереварда совершенно не тронуто — никто не посмел войти в его дом. Некоторых его соратников они обнаружили скрывающимися — таким образом те обеспечивали себе безопасность. Эти люди, обрадовавшись возвращению Хереварда, тут же поспешили к нему: некто Винтер, прославленный рыцарь, хоть и невысокий, но необычайно крепкий и сильный, а также Уэнот и Элфрик Груганы, известные мужеством и отвагой, ибо они были столь же могучи в бою, сколь рослы и велики́. Кроме них, были трое племянников Хереварда: Годвин Джилл, которого нарекли Годвином, поскольку он не сильно отличался от Годвина — сына Гутлака, что так прославлен в историях о старых временах, а еще Дути и Оути, братья-близнецы, сходные нравом и наружностью и оба достойные воины. Остальные же молодцы из компании Хереварда рассеялись по всему королевству. При отъезде он условился с ними о сигнале — что будут запалены три деревни в Бруннесволде, неподалеку от Бурна;[7] и вот он поджег их и оставался в лесу, пока его люди не собрались вокруг него. <...>

XX

О том,
как люди с острова Или послали к Херевардy
и как по дороге он обнаружил засаду, устроенную
графом Варенном

И вот, когда те, кто обитал на острове Или и в ту пору начал сопротивляться королю Вильгельму, который в бою захватил Англию, услышали о возвращении такого человека, как Херевард, то немедленно послали к нему, и условились с ним через гонцов, что он присоединится к ним со всеми своими людьми, дабы сообща участвовать в защите родной земли и потомственных вольностей[8], и заверили Хереварда, что такой рыцарь, как он, займет среди них выдающееся место. Послание было передано — в первую очередь от имени и по поручению Турстана, настоятеля церкви на Или, и его монахов, которые владычествовали на острове и которыми тот был теперь подготовлен к обороне от короля, в особенности потому что Вильгельм намеревался поставить над ними некоего иностранного священника — одного из тех священников французской нации, за которыми он уже послал, чтобы сделать их настоятелями и приорами во всех церквах Англии.

Впрочем, заблаговременно проведав об этом, один прославленный рыцарь и мореход, по имени Брунман, хорошо знавший побережье, захватил их в море, окунул в воду в огромном мешке, который привязал к носу корабля, и отправил обратно, тем самым на некоторое время освободив английские монастыри от иноземного владычества. Херевард обрадовался, получив это известие, и наконец велел своим людям готовиться к путешествию и садиться на корабль в Бардни[9]. Услышав об этом, граф де Варенн, чьего брата недавно собственноручно убил Херевард[10], устроил вдоль его пути множество засад в потайных местах вблизи троп, которые вели на остров Или через болота; он осторожно расставил стражу на берегу, вокруг водоемов, надеясь захватить Хереварда без серьезных потерь среди собственных людей. В тот раз, однако, это не укрылось от Хереварда.

Несколько графских дозорных наткнулись на людей, отставших от Херевардова отряда, и забросали их дротиками. Явившись на выручку и захватив нападавших, Херевард вызнал у них, что засаду устроил граф де Варенн, который на следующий день собирался лично прибыть в Эрит[11]. Поэтому, поспешив с подготовкой кораблей, Херевард собрал там своих людей. Спрятав отряд у реки, он сам с тремя рыцарями и четырьмя лучниками — все хорошо снабженные оружием — подплыл очень близко к кромке воды напротив того места, где только что показались граф и его воины. Завидев незнакомцев у берега, один из людей графа приблизился к ним и спросил: «Не из ватаги ли вы известного мерзавца Хереварда, который своими уловками нанес столько ущерба и многих привлек к себе, чтобы они помогали ему в его нечестивых делах? Хорошо бы сего негодяя выдали нашему господину графу. Любой, кто согласится сделать это, будет удостоен большой награды и почестей. Ведь его враждебная шайка, хотя и не опасная, возможно, в конце концов вынудит нас жить на этом отвратительном болоте и гоняться за ней без доспехов по илистым топям, среди водоворотов и острой осоки. Люди Хереварда, до единого, обречены на безвременную смерть, ибо король уже окружил остров своими воинами и отрезал его от суши, дабы перебить его обитателей». На эти слова один из соратников Хереварда возразил: «Ах вы бездельники! Долго ли еще вы будете убеждать нас предать нашего лорда, покинуть нашего предводителя? Убирайтесь отсюда, уносите ноги, пока вы не пали под яростью наших копий. И скажите своему господину, что человек, которого он ищет, здесь, на той стороне реки».

Услышав о том, граф немедля приблизился и, заметив Хереварда, велел всем своим воинам плыть вместе с ним через реку, дабы отомстить Хереварду за кровь и за смерть брата. Но те утверждали, что так поступить нельзя, уверяя, что Херевард явился как раз для того, чтобы именно таким образом загнать их в ловушку. Тогда, зарычав от ярости, граф принялся поносить тех, кто укрывался на другом берегу: «О, если бы ваш хозяин, дьяволово отродье, был нынче в моих руках, он бы поистине узнал, каковы на вкус кара и смерть!» Разобрав эти слова, Херевард ответил: «Но если бы нам посчастливилось оказаться

где-либо вдвоем, ты бы не так стремился заполучить меня в свои хилые руки и не радовался бы, что мы встретились!» И, подавшись немного вперед, он с силой натянул лук и пустил в грудь де Варенна стрелу. И хотя та и отскочила от защищавшей его кольчуги, граф от удара едва не лишился жизни. Засим его люди, сильно испугавшись за своего господина (ибо он свалился с коня при этом ударе), живо унесли его прочь на руках. Тем временем Херевард уехал и в этот же день отозвал своих воинов на остров Или, где его тотчас же с величайшим уважением приняли аббат и тамошние монахи. Кроме того, Херевarду воздали честь и самые важные люди на острове, а именно: Эдвин, бывший граф Лестер[12], и его брат Моркар, граф Уорик, и еще один граф, по имени Тостиг; все они бежали, чтобы присоединиться к тем, кто обитал на Или, поскольку претерпели от рук вышеупомянутого короля много зла и были изнурены многими посягательствами. Немало известных в стране мужей бежали и отправлялись туда по той же причине.

Уолтер Бауэр

ПРОДОЛЖЕНИЕ «ШОТЛАНДСКОЙ ХРОНИКИ» ДЖОНА ФОРДУНСКОГО

Фрагмент

В те годы появился известный головорез, Роберт Гуд, вместе с Маленьким Джоном, а также другими лишенными наследства сообщниками, кого глупое простонародье чрезмерно прославляет в трагедиях и комедиях и о ком с восторгом слушает баллады, распеваемые менестрелями и шутами. Однако о Роберте рассказывают и то, что достойно похвалы. Например, в Барнсдейле, где ему пришлось таиться от гнева короля и угроз принца, он, по своему обычаю, благочестиво слушал мессу и не прерывал ее ради чего бы то ни было. Однажды в том самом уединенном месте в лесу, где проходила служба, его обнаружил наместник[1] и слуга короля, который уже не раз его подстерегал. Тогда, прознав об этом, к Роберту явились соратники и стали просить, чтобы он скорее бежал. Но, из почтения к священному таинству, в коем он участвовал от всего сердца, он отказался это сделать. Пока остальные дрожали от страха смерти, Роберт, уповая на Того, Которого чтил превыше всех, с немногими смельчаками, которые оставались с ним, напал на врагов, с легкостью разбил их и пополнил свою казну тем, что у них отнял. Он всегда выделял долю служителям Церкви и жертвовал на мессы, памятуя о том, как обычно говорят: «Бог внимает тому, кто часто слушает мессу».

Эндрю Уинтонский

ОРИГИНАЛЬНАЯ ШОТЛАНДСКАЯ ХРОНИКА

Фрагмент

Малютка Джон и смелый Робин Гуд
Держали Бернисдейл и Инглисвуд,
Их чтили за бесстрашные дела,
И слава их доныне не прешла.

В это время, насколько мне известно, процветали знаменитые разбойники Роберт Гуд, англичанин по происхождению, и Маленький Джон, которые устраивали засады в лесу, но грабили только тех, кто был богат. Они не лишали людей жизни, если те не нападали первыми и не начинали сопротивляться, защищая свое добро. Роберт содержал разбоем сотню лучников, отчаянных бойцов, с которыми не осмелились бы сойтись в бою четыре сотни силачей. О подвигах этого самого Роберта слагают песни по всей Британии. Он не допускал никакой несправедливости к женщинам и не обирал бедных, но оделял их из добычи, награбленной у аббатов. Преступления этого человека я осуждаю, но он был самым великодушным из разбойников и их предводителем.

Ричард Графтон

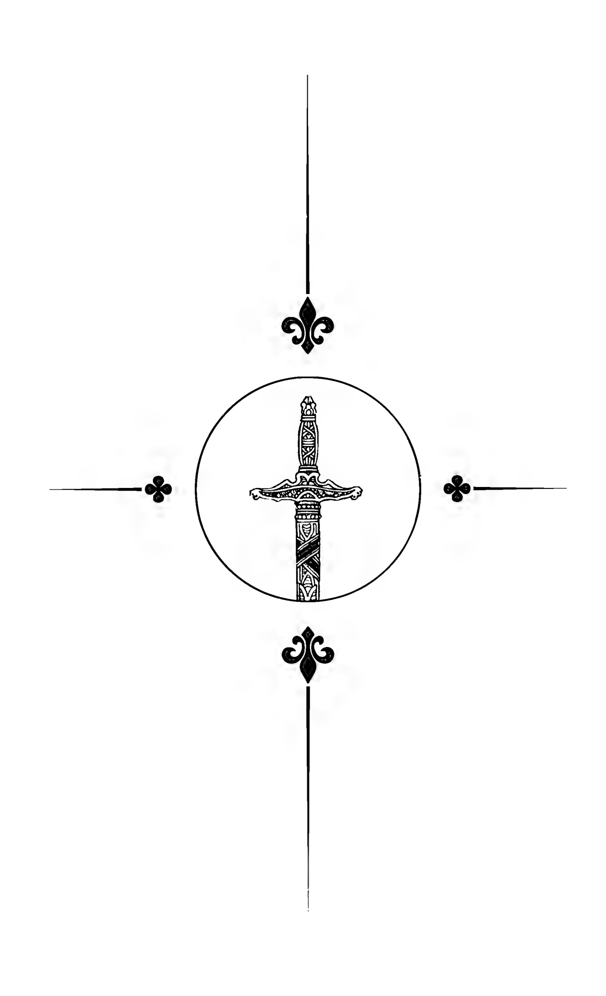
ПОЛНАЯ ХРОНИКА

Фрагмент

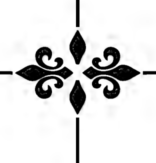
Но в одной давнишней, старинной книжице нашел я строки о помянутом Роберте Гуде. Этот человек (говорится там) происходил из высокородной семьи или же, скорее, будучи низкого сословия и происхождения, за мужество и рыцарский дух был возведен в благородное, графское достоинство. Помимо того что он преуспевал в лучном искусстве, иначе говоря стрельбе, все признавали за ним мужественную смелость; но впоследствии он столь расточительно расходовал и тратил деньги, что влез в большие долги, из-за чего против него было возбуждено множество дел и исков, на каковые он не ответил, и согласно существовавшему порядку был объявлен вне закона. И тогда для подлых дел, в качестве последнего прибежища, он собрал компанию гуляк и головорезов и стал грабить и обирать королевских подданных, захватывая леса и частенько появляясь в других диких местностях. Когда об этом доложили королю, тот был страшно разгневан услышанным, а потому объявил, что всякий, кто доставит к нему Роберта Гуда живого или мертвого, получит от государя большую сумму денег — ныне об этом можно прочесть в хрониках казначейства, — да только никто не извлек

выгоды из королевского обещания. Ибо помянутый Роберт Гуд, будучи вскоре обеспокоен болезнью, отправился в некое йоркширское аббатство под названием Бирклейс[1] и пожелал, чтобы ему сделали кровопускание, но его предали, и он насмерть истек кровью.

После смерти Роберта настоятельница помянутой обители велела похоронить его на обочине той дороги, на которой он обычно грабил и обирал тех, кто следовал этим путем. На его могиле вышеназванная аббатиса положила пребольшой камень, где были написаны имена Роберта Гуда, Вильяма из Голдсборо[2] и прочих. А причина, по которой изгнанника там похоронили, заключалась в том, чтобы обычные путники и проезжие, увидев и узнав, что он погребен в этом месте, могли с большей безопасностью и без страха продолжать свое путешествие, чего они не смели делать при жизни названных разбойников. А в другом конце помянутой могилы был поставлен каменный крест, который можно увидеть и поныне.



ДОПОЛНЕНИЯ



ВАРИАНТЫ
•
БАЛЛАД

РОБИН ГУД И МЯСНИК

Живей собирайтесь сюда, молодцы,
Хэй, даун, э-даун, э-даун,
История слушать мою.
О вольном стрелке, большом смельчаке
Я песню вам нынче спою.

Гуляет лихой Робин Гуд по лесам,
Вдруг видит — под тенью ракит
Кобылку гоня, веселый мясник
С товаром на рынок спешит.

«День добрый, приятель! — вскричал Робин Гуд. —
Коль встретиться нам повезло,
Скажи, что́ везешь и где ты живешь,
Какое твое ремесло».

И тот отвечал удалому стрелку:
«Далёко отсюда мой дом.

Что есть на возу — на рынок везу,
Давно я тружусь мясником».

«Что хочешь за мясо? — спросил Робин Гуд. —
Цена велика ли твоя?
За всё заплачу — уж больно хочу
Торговцем заделаться я».

«Я цену, — ответил мясник молодой, —
Тебе назову не тая:
За этот возок всего-то, дружок,
Три марки потребую я».

«Три марки получишь, — сказал Робин Гуд, —
Три марки охотно плачу.
Держи и считай, да наземь слезай,
И в Ноттингем я покачу».

Вот в город приехал на ярмарку он,
А там уж собрался народ.
Поставил возок веселый стрелок
Вблизи от шерифских ворот.

Как только раскрыли товар мясники,
Наш Робин принялся за труд.
Хоть был он удал, да вовсе не знал,
Как дело на рынке ведут.

Он деньги едва принимать поспевал,
Другим не давал торговать.
За пенни отвешивал больше кусок,
Чем все остальные — за пять.

Стояли торговцы, дивясь на него,
И всякий с усмешкой смотрел.
«Товар продает, как редкостный мот,
Что прожил отцовский надел».

Шагают к стрелку молодцы-мясники,
Подходят к нему всемером.
«Не против мы, брат, — они говорят, —
С тобой посидеть за столом».

Им Робин кивает: «Будь проклят мясник,
Отвергнувший дружеский зов.
За вами, друзья, последую я —
Бежать со всех ног я готов».

Обед подают у шерифа в дому,
Садятся за стол едоки,
Но, прежде чем есть, молитву прочесть
Велят новичку мясники.

«Господь Всемогущий, — промолвил стрелок, —
Ты нас от себя не отринь,
Когда за столом едим мы и пьем, —
На том и закончу, аминь.

Подайте вина! — закричал он потом. —
Да здравствуют песни и смех,
Несите вина, мы выпьем до дна,
Клянусь, заплачу я за всех[1].

Давайте, друзья, веселитесь со мной,
Вас всех угостить я хочу,
И каждый пусть пьет, не зная забот,
Пять фунтов легко прокучу».

«Он спятил», — сказали тогда мясники,
И молвил шериф: «Ну и мот!
Знать, продал свой дом со всяким добром
И всё, как глупец, раздает.

Мой друг! Коль рогатым скотом ты богат,
Не хочешь ли стадо продать?»
И Робин в ответ: «Бери, я не прочь,
Голов у меня сотен пять.

Еще, сэр шериф, мне оставил отец
Сто акров[2] отличной земли,
Охотно я сам тебе их отдам,
Чтоб все они в дело пошли».

Шериф золотые насыпал в кошель,
Коня оседлал поскорей.
С отважным стрелком поехал он прочь,
Глядеть на рогатых зверей.

Вот скачут вдвоем они в Шервудский лес,
Где весело птицы поют.
Шериф говорит: «Коль Бог нас хранит,
Не встретится нам Робин Гуд».

Вот в чащу забрались они наконец,
И Робин промолвил: «Гляди!»
Олени тотчас — полсотни голов —
Стремглав пронеслись впереди.

«Ну, как тебе скот мой, любезный шериф?
Не правда ль, упитан вполне?» —
«Ах, лучше бы я не ездил сюда!
Дружок, ты не нравишься мне!»

Тут Робин к губам приложил свой рожок
И трижды в него протрубил.
Явилась на зов ватага стрелков,
И Маленький Джон с ними был.

«Что хочешь, хозяин? — спросил его Джон. —
Что скажешь — исполним тотчас». —
«Сюда погостить приехал шериф,
Он будет обедать у нас.

Ей-богу, я рад его видеть в лесу,
Клянусь, он заплатит сполна:
Коль друг наш богат, нам хватит деньжат
На целую бочку вина».

Тут Робин-смельчак расстелил на траве
Свой плащ дорогого сукна,
И легче тотчас на триста монет
Шерифова стала мошна.

Шерифа провел Робин Гуд через лес,
Забраться помог на коня.
«Поклон передай супруге своей
И помни вовек про меня!»

РОБИН ГУД И СТАРИК

....

Готов тебе отдать,
И двадцать фунтов приплачу –
Их на вино потрать». –

«Хоть твой зеленый плащ красив,
А я в тряпье одет,
Смеяться все-таки, дружок,
Над стариком не след». –

«Я не смеюсь, ручаюсь в том
Я Девой Пресвятой.
Бери, не споря, мой наряд,
Давай скорее свой».

Стрелок надел его штаны,
В прорехах там и тут.
«Я этак со смеху помру», –
Воскликнул Робин Гуд.

Стрелок напялил башмаки,
Негодные как есть.
Джон крикнул: «В самый раз в таких
Через терновник лезть».

Стрелок накинул старый плащ
С дырою на спине,
Виль молвил: «Эта красота,
Ей-богу, не по мне».

Стрелок надвинул на лицо
Просторный капюшон.
«Пусть живо с головы слетит
При надобности он!

Вон там, вдали, зеленый лес,
Там тень густых ветвей.
И вам, друзья, туда идти
Велю я поскорей.

Когда же в рог я затрублю,
Бегите все ко мне
....

Но перепрыгнул Робин Гуд
Через колоду вмиг,
И все сказали: «Ого-го,
Силен еще старик!»

[Тут Робин громко] затрубил[1] –
Заслышав этот зов,
К нему сбежались сей же миг
Три сотни молодцов.

А Робин сбросил рваный плащ,
Суму швырнул вослед.
Стоял он, статен и красив,
Весь в алое одет.

«Звени, тугая тетива,
Сгибайся, крепкий лук!
Кто будет недругов щадить,
Тот больше мне не друг!»

Когда увидел их шериф,
Он первым сдался в плен.
«Меня ты, Робин, пощади,
Я всё отдам взамен!» –

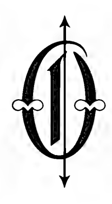
«Твои мне земли не нужны,
Не нужен крепкий дом –
Трех сквайров ты освободи,
Мы с ними в лес уйдем».

Шериф сказал: «Помилуй Бог,
Известен мне закон:
Кто виноват пред королем,
Тот должен быть казнен». –

«Шериф, исполни мой приказ,
Иначе, ей-же-ей,
Украсишь виселицу ты
Персоною своей.

Трех сквайров я [возьму] с собой
....

РОБИН ГУД СПАСАЕТ ТРЕХ СКВАЙРОВ



Однажды Робин бродил по лесам,
Бродил от темна до темна,
И даму прекрасную он повстречал –
В печали, рыдала она.

«О чем ты горюешь? – воскликнул стрелок. –
О золоте иль серебре,
А может, девства лишилась ты
Сегодня в лесу на заре?»

Ответила дама: «Я не грущу
О золоте и серебре,
И девство я сохранила свое,
Гуляя в лесу на заре». –

«О чем же ты плачешь, скорее скажи!» –
Взмолился тогда Робин Гуд.
«Ах! Трое юнцов, моих сыновей,
В пеньковой петле умрут». –

«Церковь, быть может, они сожгли,
Божий поправ закон,
Силой бесчестили юных девиц,
Чужих соблазняли жен?» —

«Не жгли вовеки они церквей,
Божий поправ закон,
В лес не тащили юных девиц,
На блуд не склоняли жен». —

«Тогда, умоляю, мне объясни,
За что же их ждет петля!» —
«За то, что они в зеленом лесу
Стреляли дичь короля».

«Домой отправляйся, — Робин сказал, —
Ступай-ка домой поскорей,
А я попытаюсь — вдруг и смогу —
Спасти твоих сыновей».

Отправился в Ноттингем Робин тотчас,
Спешил он, не чуя ног,
И в ту же сторону медленно брел
По тропке седой старичок.

«Какие вести, скажи мне, старик,
Какие вести, ответь!» —
«О, Ноттингем нынче скорбит по тем,
Кому меж столбов висеть».

Какого цвета на нищем наряд,
Сразу едва ль поймешь.
Думает Робин: «Вовсе не стыд
Платье в заплатах сплошь».

В славный Ноттингем, нищим одет,
Приходит лихой Робин Гуд
И видит: трех сквайров в тяжелых цепях
Вослед за шерифом ведут.

«Шериф, прошу я тебя об одном,
Лишь об одном молю:
Позволь, на этих троих парней
Накину я сам петлю».

Шериф ответил: «Ну что же, давай!
Обычай у нас таков:
Одежда казненных идет палачу
И деньги из кошельков». —

«Мне их одежда совсем не нужна,
И не нужны кошели.
Позволь, я трижды в рог протрублю,
Чтоб души их в Рай вошли!»

Поднялся Робин-смельчак на помост,
В звонкий рожок затрубил,
И сто молодцов помчались на зов
Тотчас, не жалея сил.

«Кто эти люди? — шериф закричал. —
Кто там бежит гурьбой?» —
«Мои друзья — и трех сквайров я
Теперь заберу с собой». —

«О, забирай их всех поскорей,
Скорей забирай же их!
Нет никого, кто был бы, как ты,
Отважен, хитер и лих!»

КАК МАЛЕНЬКИЙ ДЖОН ПРОСИЛ МИЛОСТЫНЮ

....
.........................нищий отвечал, –
Я шуток не люблю».

«Я не шучу, – промолвил Джон, –
Клянусь святым крестом;
В обмен я свой наряд отдам
И приплачу притом».

Надел он куртку старика –
Та лопнула тотчас.
«Срази насмешников, Господь,
Взирающий на нас!»

Надел он обувь старика –
Заплаты в ряд на ней.
«Колючкой ноги обмотав,
И то ходить вольней!

Эй, поучи меня просить!
Как мне себя вести,
Чтобы в компании любой
За нищего сойти?» —

«Бреди, за посох свой держась
В трех футах от земли.
Хоть ты здоров — но, как дитя,
Кричи, рыдай, моли».

Вот по пригоркам Джон идет,
Что поросли травой,
Спешит он в город Ноттингем
Знакомою тропой.

Трех пилигримов встретил он,
Шагая по холмам,
И закричал: «Храни вас Бог,
Желаю счастья вам!

Семь лет я вас, друзья, искал,
Нигде не мог найти».
Они сказали: «Нам, урод,
С тобой не по пути».

Один стрелка ударил в лоб —
Кровь застила глаза,
Но оземь Джон его швырнул
....

«И если я....................................
Господь не даст солгать,
Три лучших церкви бы купил[1],
Что смог бы отыскать».

РОБИН ГУД И ЕПИСКОП ХЕРЕФОРДСКИЙ

Одни о лордах ведут рассказ,
Другие о лэрдах[1] поют,
А я расскажу, как ограбил в лесу
Епископа Робин Гуд.

«Оленя подстрелим, — промолвил стрелок, —
И сядем с ним на пути.
Уж мы постараемся, чтобы не смог
Епископ мимо пройти».

«Эй, кто вы такие? — епископ вскричал. —
Как носит нахалов земля!
Не знаете будто, что вкусной еды
Лишаете вы короля!»

«Мы пастухи, — отвечал Робин Гуд, —
Овец караулим весь год.
Сегодня добыт королевский олень,
И нам на обед он пойдет».

«Наглец и мошенник! — епископ сказал. —
Дерзаешь ты спорить со мной?
А ну-ка идемте — узнает король
О шатии вашей лесной!»

Спиною уперся в ствол Робин Гуд,
Ногою — в крепкий пенек,
Откинул полу и с пояса снял
Добрый охотничий рог.

Громко стрелок в него затрубил,
И вмиг явились на зов,
Заслышав гулкий сигнал рожка,
Двадцать лихих молодцов.

Епископ промолвил: «Подай-ка мне счет!
Немало разбойники пьют». —
«Дай загляну я в карманы твои», —
Сказал удалой Робин Гуд.

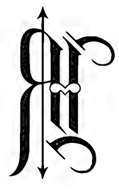
Он бросил на землю пастушеский плащ,
У гостя забрал кошелек —
Сто фунтов золотом наш удалец
Оттуда живо извлек.

«Хозяин, — промолвил Маленький Джон, —
Не правда ль, чарующий вид?
Мягко с епископом я обойдусь,
Хоть он меня и бранит». —

«Пускай нам мессу отслужит он,
Мессу в тени лесной,
А после получит пинка под зад
И целым уйдет домой».

РОБИН ГУД И КОРОЛЕВА ЕКАТЕРИНА

Версия первая



Я вам поведаю, друзья,
Кому напев мой мил,
Как королеве Робин Гуд
Однажды услужил.

Украв монаршую казну,
Ей золото привез
....

«Об этом спору нет». —
«Супруг мой, ставка хороша, —
Она ему в ответ. —

Коль лучших ты забрал стрелков,
Где ж отыщу я их?» —
«Немало в Англии живет
Тех, кто удал и лих.

В Уэльс и в Честер шли гонцов
И в Ковентри[1] к тому ж,
Но всё равно моя возьмет», —
Ей отвечает муж.

«О, не хвались — турнира день
Покуда не пришел.
Кто счет ведет чужим деньгам,
Сам остается гол».

К себе в покой она ушла
И молвила пажу:
«Дик Патрингтон, ты верен мне,
И вот что я скажу:

Найди мне лучников таких,
Чтоб их не знал мой муж.
В Уэльс и в Честер поезжай
И в Ковентри к тому ж.

Снеси привет в зеленый лес,
Где весело живут
Скейтлок, и Мэрион, и Джон,
И славный Робин Гуд.

Пусть назовется Локсли он,
И вслед его друзья
Возьмут чужие имена,
Свои от всех тая.

Снеси привет им, милый паж,
И не забудь сказать,
Что в Юрьев день[2] хочу их я
[В столице увидать.][3]

....
Я должен передать,
Что королева в Юрьев день
Вас всех в столице ждет.

К полудню в Лондон в Юрьев день
Вы все прибыть должны.
Стрелки! Подмоге вашей нет
Воистину цены.

Там состязания пройдут,
Каких не видел мир.
За королеву выступать
Вы званы на турнир.

Она свой перстень золотой
Со мной передала
И обещала, что никто
Не причинит вам зла».

Ответил Робин: «За успех
Ручаюсь головой.
За королеву я готов
Хоть на турнир, хоть в бой».

В дубравах шепчется листва,
В лугах цветы цветут.
Собрал в тени своих людей
Отважный Робин Гуд.

На тех зеленое сукно,
Он в алое одет,
Такого блеска, ей-же-ей,
Еще не видел свет.

Плюмажи, луки, связки стрел –
Приятно посмотреть.
Спешит в столицу Робин Гуд,
Чтоб на турнир поспеть.

Пред королевою стрелки
Склонились до земли.
«Храни Господь тебя, – кричат, –
И много лет пошли».

....

...............Генрих произнес. –
И тех я видеть рад,
Что королеву поддержать
Сегодня захотят.

Иди сюда, сэр Ричард Ли,
Твой славен гордый род,
Я точно знаю, что в тебе
Гавейна кровь течет».

А королева позвала
Епископа тотчас:
«Милорд, я на моих стрелков
Прошу поставить вас».

«Ну нет, – епископ отвечал, –
Клянусь Святым Крестом,
Коль выбирать я вправе сам,
Я буду с королем».

Воскликнул Локсли: «Эй, отец,
Побьемся об заклад?»

Сказал епископ: «Сотен пять
Поставить буду рад».

«Вот и мои пятьсот монет», —
Промолвил Робин Гуд:
Ведь он-то знал, к кому из них
Все денежки уйдут.

Готовы лучники; они
Стоят по трое в ряд.
«Эй, вальдшнеп, глаз побереги!» —
Красавицы кричат.

Король сказал: «Лишь одного
Сегодня ждет успех».
Подумал Локсли: «Государь
Получит меньше всех».

Он взял отменную стрелу
И наложил на лук,
....

Нас Робин обманул!
Ох, знай я, кто передо мной,
Я б спорить не рискнул».

Епископ молвил: «Как-то раз
Изгой схватил меня
И мессу вынудил служить
В лесу, средь бела дня.

Меня он к дубу привязал
И всех людей моих,

Заставил денег дать взаймы
И не вернул мне их».

«И что с того? — сказал стрелок. —
Обедне был я рад,
И половину сей же миг
Тебе отдам назад».

«Вот это щедрость, ей-же-ей, —
Епископ отвечал. —
Ведь ты заплатишь из того,
Что сам же и украл».

Король сказал: «Простим ему,
Он удалой стрелок.
Пусть золото берет себе
И прячет в кошелек.

А если он оставит лес
И жить придет ко мне,
Я буду рад, ведь Робин Гуд
Любим во всей стране». —

«Хоть дайте золота мешок,
Не брошу я друзей,
В лесу зеленом я умру,
В тени густых ветвей.

Вам отыскать других стрелков,
Надеюсь, повезет,
А королеве я готов
Служить, как позовет».

РОБИН ГУД И КОРОЛЕВА ЕКАТЕРИНА

Версия вторая

Стрелок Робин Гуд был силен и удал,
Немного на свете таких,
Немного на свете таких.
И Робину ровни никто не видал,
Он так был отважен и лих,
Он так был отважен и лих.

И, кто бы сравниться как лучник с ним мог,
Доселе на свет не рожден.
Был Робин первейший на свете стрелок,
И Скарлет был ловок, и Джон.

Немало пограбили в прежние дни
Друзья в королевских лесах,
И золота много добыли они,
Внушая всем путникам страх.

У слуг государя смельчак Робин Гуд
Отнял преизрядно деньжат.

Стрелки королеве подарок везут,
В мешке золотые лежат.

«Коль Бог мне дозволит прожить еще год, —
Она удальцу говорит, —
Тебе я добром отплачу в свой черед,
Не будешь ты мною забыт».

И Робин склонился пред ней до земли,
А после все вместе опять
В родную дубраву изгои ушли,
Где весело летом гулять.

«Друзья удалые, скорее сюда,
Скорее сходитесь на зов».
Услышав рожок, собралась, как всегда,
Ватага лихих молодцов.

«А ну-ка, явите свое мастерство,
Сыщите-ка в чаще лесной
Оленя побольше; изжарим его —
Хозяин вернулся домой».

Меж тем состязанья стрелков повелел
В столице король учинить,
Чтоб там потягались, кто ловок и смел;
Супруга решила схитрить.

Пажа отослала она поскорей
Стрелка удалого искать —
На севере жил он, под сенью ветвей[1],
Как вам доводилось читать.

Паж в Ноттингем прибыл, не медля в пути,
Устроился там на ночлег
И в городе начал расспросы вести:
Мол, нужен один человек...

Когда ж он тропою прошел наконец
В ту глушь, где стрелок обитал,
Увидев его, поклонился гонец
И вести ему передал.

«Моя госпожа при дворе тебя ждет,
Кольцо посылает в залог».
И вот на турнир, что король задает,
Сбирается вольный стрелок.

Друзья отправляются в путь поскорей
В плащах дорогого сукна.
Ведь ждет королева отважных гостей,
На них уповает она.

Отказу ни в чем по приезде им нет —
Таков королевин приказ.
О том, как сполна был исполнен обет,
Теперь поведу я рассказ.

Турнир посмотреть поспешает монарх
На поле, средь пэров своих,
И Робин, отринув сомненья и страх,
Ведет молодцов удалых.

Черту на земле провести для стрелков
Слуге государь повелел.
У Робина тут же ответ был готов,
Как водится, боек и смел.

«Не нужно мишени, милорд, выставлять
Ни мне, ни моим молодцам.
И в солнце и в месяц готовы стрелять,
Здесь равных не сыщется нам».

Тогда королева промолвила так:
«Назначьте награду, мой муж». —
«Я лучшему дам триста бочек вина
И столько же пива к тому ж.

И туш дам оленьих — три сотни всего,
И сан мой порукою в том».
Тут Робин шепнул развеселым друзьям:
«Клянусь я, мы приз заберем».

Все лучники живо на поле идут,
И вот уж поет тетива.
Стреляет небрежно пока Робин Гуд:
На прочих, мол, гляну сперва.

Кричит королева баронам: «Друзья!
Спасибо, что нынче пришли!
Меня поддержать умоляю вас я;
Пожалуйте, сэр Роберт Ли».

Поставить на пришлых хотя бы чуть-чуть
Епископа просит она,
Но тот говорит, отказавшись рискнуть:
«Победа другим суждена».

«Что выложить на кон готов ты за них?» —
Воскликнул веселый стрелок.
«Да сколько найду в кошельке золотых!»
Виль хмыкнул: «Немал кошелек».

Епископ ответил: «Легко против вас
Поставлю я сотню монет».
«Ручаюсь, ты их потеряешь сейчас», —
Сказал ему Робин в ответ.

Торопятся гости к черте подойти —
Их очередь нынче пришла.
Вот Робин стреляет, не целясь почти,
И гляньте — в мишени стрела.

И Клифтон за ним, зазвенев тетивой,
Попал прямо в ивовый прут.
Сын мельника — тоже стрелок удалой,
Почти как лихой Робин Гуд.

С друзьями тот всех одолел без труда
И выиграл честно турнир.
И, встав, королева сказала тогда:
«Молю я, простите их, сир!»

Ответил супруге король: «Сорок дней
Преград им не стану чинить.
И каждый из них, как любой из гостей,
Хоть нынче же волен отбыть».

«Я рада тебе, удалой Робин Гуд», —
С улыбкою та говорит.
Король восклицает: «Мне уши не лгут?
Я слышал, что Робин убит».

Епископ спросил: «Это вправду ли он?
Неужто пожаловал сам?
Раз мессу, обманом к нему завлечен,
Служил я его молодцам».

«В уплату готов, — ему Робин в ответ, —
Тебе половину отдать».
Но Маленький Джон говорит: «Ну уж нет,
Ты выигрыш лучше не трать».

Стрелок был сполна государем прощен
И с ним вся ватага тотчас.
И Робин с тех пор, и Виль Скарлет, и Джон
Известны любому из нас.

О меткости их по сю пору поют,
И слава им всем, и почет.
Стал графом в тот день удалой Робин Гуд,
И память о нем не умрет.

Немало историй сложили о них.
Был каждый и лих, и силен,
Вовеки стрелков не рождалось таких,
Как Робин, Виль Скарлет и Джон.

КАК РОБИН ГУД РЫБАЧИЛ

Когда так зелен летний лес,
А тень свежа и широка,
Я песню вам спою, друзья,
Про Робин Гуда — смельчака.

«Поет в дубраве соловей,
Бегут олени через лог,
Но надоело мне у нас, —
Промолвил удалой стрелок. —

Рыбак богаче, чем купец,
Ему легко разбогатеть.
Отправлюсь в Скарборо теперь
И выйду в море ставить сеть».

Окликнул Робин молодцов,
Сидевших с ним в тени лесной,
И за полгода заплатил
Им всем монетой золотой.

«А коль соскучитесь по мне
Иль опустеют кошели,
Ищите в Скарборо меня,
Там назовусь я Саймон Ли».

Оставил он любимый лес,
Где так охота весела,
И поселился у вдовы —
На берегу она жила.

«Мой друг, откуда ты пришел?»
В ответ промолвил Робин Гуд:
«Явился я издалека,
И Саймон Ли меня зовут». —

«Коль ты зовешься Саймон Ли,
Тем паче мне ты будешь мил»[1].
Учтиво поклонился он
И даму поблагодарил.

«Тебя возьму я рыбаком
И жалованье положу». —
«Клянусь, — воскликнул Робин Гуд, —
Я вам три года прослужу». —

«Корабль есть добрый у меня,
Не хуже он, чем у других.
На нем хватает якорей,
Веревок, парусов тугих,

А также вёсел и снастей;
И он устойчив на волне».
Ответил Саймон: «Коли так,
С работой справлюсь я вполне».

Поплыли с песней моряки
Прочь от родимых берегов.
Они направились туда,
Где их обычно ждал улов,

И там рыбалкой занялись.
Проходит день, за ним другой,
Все тащат рыбу из воды,
А Саймон Ли – крючок пустой.

«Негоден в деле новичок, –
Тут зароптали рыбаки. –
Он не получит ничего,
Нам с ним делиться не с руки».

Спросил сурово капитан:
«Зачем явился ты, осёл?
Мне жаль несчастную вдову,
Ее ты здорово подвел».

Так и рыбачили три дня,
Потом решили плыть домой.
Тут Саймон стрелы чистить стал
И проверять свой лук тугой.

«Эх, оказаться бы в лесу
Среди товарищей лихих!
Меня ругают рыбаки,
А там я был бы лучше их.

Эй, – молвил Саймон, – веселей!
Слезами не избыть беду.
Коль в Пломптон-парк вернусь опять,
То в море больше не пойду».

У моряков улов хорош,
Трюм свежей рыбою набит.
«Как видно, я плохой рыбак!» —
С тоскою Саймон говорит.

Они подняли якоря,
Был день безоблачен и тих,
Но следом вдруг корабль поплыл —
Пираты увидали их.

«О горе! — крикнул капитан. —
Боюсь, что нынче нас побьют.
Мы потеряем весь улов,
Напрасным был тяжелый труд!

Но это только полбеды,
Ведь не вернемся мы назад:
Французы нас захватят в плен
И никого не пощадят».

На люк взобрался Саймон Ли —
Одной ногой там встал едва.
«Эх, триста фунтов я б отдал,
Чтоб подо мной росла трава! —

Воскликнул Саймон. — Капитан!
Прошу, не бойся ничего.
Коль лук дадут мне, я из них
Не пощажу ни одного». —

«А ну-ка придержи язык,
Ты только чваниться мастак!
Тебя я сброшу с корабля,
Ты лишний груз, дурной моряк!» —

«Эй, к мачте привяжи меня, —
Велел отважный Саймон Ли, —
Подай мой лук, и я клянусь:
Французам не видать земли».

Привязан к мачте, он стоит,
Под ним кипит зеленый вал.
Ему подносят лук тугой,
Чтоб он врагов перестрелял.

«В кого мне целить, капитан?
Кого разить, скорей ответь!» —
«Бей, лодырь, в кормчего сперва,
Пиратов нечего жалеть».

В дугу согнулся длинный лук,
Слетела с тетивы стрела
И, отыскав кратчайший путь,
Французу в сердце вмиг вошла.

Пират свалился в люк, и бой
Был для него окончен враз.
Товарищ тело подхватил
И за борт кинул сей же час,

А сам к штурвалу живо встал
И начал править кораблем.
Промолвил Саймон: «Я клянусь,
Что в ад пойдете вы вдвоем».

Он натянул свой верный лук,
Слетела с тетивы стрела
И, отыскав кратчайший путь,
Пирату в сердце вмиг вошла.

Пират свалился в люк, и бой
    Был для него окончен враз.
Товарищ тело подхватил
    И за борт кинул сей же час.

Корабль мотало по волнам:
    Никто не смел к штурвалу встать.
И были рады рыбаки,
    Что стал противник отставать.

Промолвил Саймон: «Капитан,
    Я дважды выстрелил за вас,
Теперь, дай Боже, за себя
    Я это сделаю не раз». —

«Господь тебя благослови,
    Ты вправду лучник удалой,
Большою силой одарен
    И благородною душой.

Я разделю с тобой улов
    И рыбу лучшую отдам.
Ты ловок так, что я твоим
    Не позавидую врагам». —

«В моем колчане тридцать стрел,
    Их все отправлю я в полет.
Они вонзятся точно в цель,
    И ни одна не подведет.

Меня скорее отвяжи, —
    Велел отважный Саймон Ли, —
Да меч мне дай, и я клянусь:
    Французам не видать земли».

К врагам подплыли рыбаки
И храбро бросились на них,
И на пиратском корабле
Осталось трое лишь живых.

А после Саймон осмотрел
Всё судно с лампою в руке,
Двенадцать сотен золотых
Нашел он в крепком сундуке.

«Эй, капитан, – промолвил он, –
Удачный день у нас, ей-ей.
Как нам добычу разделить,
Прошу, ответь мне поскорей».

«Клянусь, – ответил капитан, –
Тут, Саймон, как ни посмотри:
Раз это судно ты добыл,
Теперь себе его бери». –

«Моей почтенной госпоже
Я половину отдаю,
А половину морякам:
Я с ними рядом был в бою.

И если, милостью Христа,
На берег я живой сойду,
То в честь спасенья, видит Бог,
В Уитби[2] церковь возведу.

Покуда жив я, до тех пор
Священник будет там служить[3].
И никогда уж Робин Гуд
Не станет в море выходить!»

ДЖОННИ КОК

Пятнадцать лесничих отправились в Брейд[1],
Они не свернут назад.
Они поклялись Джонни Кока убить –
Их душам дорога в ад!

Но Джонни Кок проведал о том –
Ох, был молодец умен.
Алое скинув, зеленый плащ
Набросил на плечи он.

Джонни шел по полям и лесам –
В горы лежал его путь –
И по дороге прилег у ручья
В тени ветвей отдохнуть.

Враги неслись по полям и лесам,
Боясь со следа сойти,
И старый паломник – ох, на беду! –
Попался им на пути.

«Что видел ты нынче, паломник, ответь?» —
  «Открою вам не тая:
Прекрасный юноша, сын вдовы,
  Лежит на траве у ручья».

....

Он на приволье поднес к губам
  Гулкий резной рожок,
И услыхала погоня в тиши,
  Как затрубил Джонни Кок.

Пятнадцать лесничих тотчас поклялись,
  Что нет никого, кто бы мог
Так же, как Джонни, громко трубить
  В звонкий охотничий рог.

Враги неслись по полям и лесам,
  В горы лежал их путь.
И вот они добрались туда,
  Где Джонни лег отдохнуть.

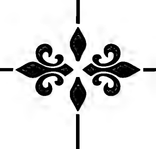
Спящего тут же один из них
  Ранил в лицо стрелой.
....
  Ты поступил со мной!

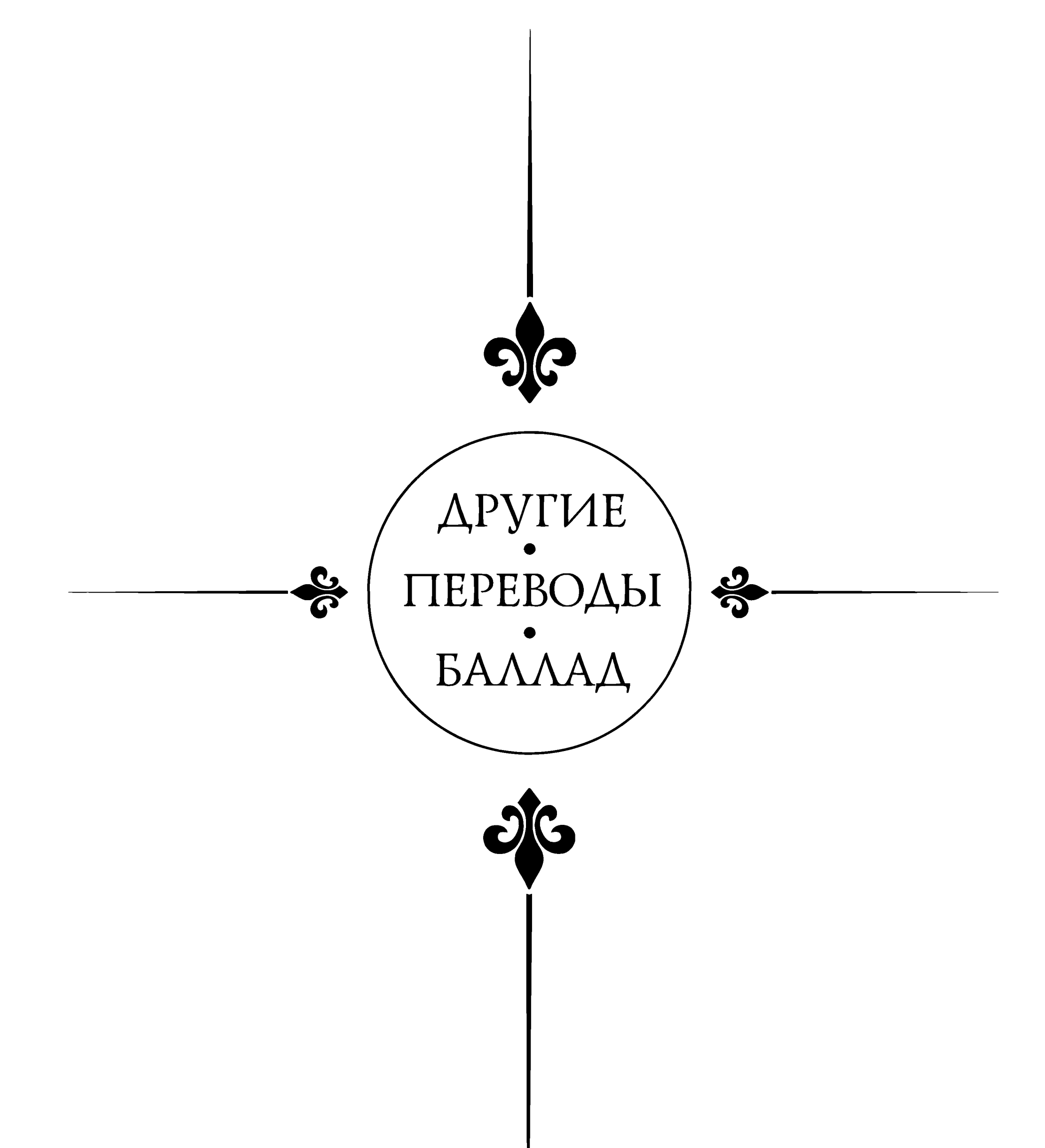
Поверь, лесничий, — и лютый волк,
  Столкнувшись вот так со мной,
Сперва бы лапу макнул в ручей
  И брызнул в лицо водой,
И, если б меня разбудить не смог,
  Прошел бы себе стороной.

Теперь не дрогни, моя рука,
　　И храбрость не измени.
Коль стрелы есть, то свершится месть —
　　Звени, тетива, звени!»

Пятнадцать стрел он пустил во врагов,
　　Спасенья не было им.
Четырнадцать мертвыми там легли,
　　Последний ушел хромым.

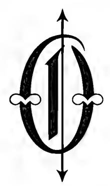
...............птица, лети на мое окно —
　　Туда, где вьется лоза.
Пускай моя мать придет сюда
　　И мне закроет глаза».





ДРУГИЕ • ПЕРЕВОДЫ • БАЛЛАД

РОЖДЕНИЕ РОБИН ГУДА



Он был пригожим молодцом,
Когда служить пошел
Пажом усердным в графский дом
За деньги и за стол.

Ему приглянулась хозяйская дочь,
Надежда и гордость отца,
И тайною клятвой они поклялись
Друг друга любить до конца.

Однажды летнею порой,
Когда раскрылся лист,
Шел у влюбленных разговор
Под соловьиный свист.

«О Вилли, тесен мой наряд,
Что прежде был широк,
И вянет, вянет нежный цвет
Моих румяных щек.

Когда узнает мой отец,
Что пояс тесен мне,
Меня запрет он, а тебя
Повесит на стене.

Ты завтра к окну моему приходи
Украдкой на склоне дня.
К тебе с карниза я спущусь,
А ты поймай меня!»

Вот солнце встало и зашло,
И ждет он под окном
С той стороны, где свет луны
Не озаряет дом.

Открыла девушка окно,
Ступила на карниз
И с высоты на красный плащ
К нему слетела вниз.

Зеленая чаща приют им дала,
И, прежде чем кончилась ночь,
Прекрасного сына в лесу родила
Под звездами графская дочь.

В тумане утро занялось
Над зеленью дубрав,
Когда от тягостного сна
Очнулся старый граф.

Идет будить он верных слуг
В рассветной тишине.
«Где дочь моя и почему
Не поднялась ко мне?

Тревожно спал я в эту ночь
И видел сон такой:
Бедняжку-дочь уносит прочь
Соленый вал морской.

В лесу густом, на дне морском
Или в степном краю
Должны вы мертвой иль живой
Найти мне дочь мою!»

Искали они и ночи, и дни,
Не зная покоя и сна,
И вот очутились в дремучем лесу,
Где сына качала она.

«Баюшки-баю, мой милый сынок,
В чаще зеленой усни.
Если бездомным ты будешь, сынок,
Мать и отца не вини!»

Спящего мальчика поднял старик
И ласково стал целовать.
«Я рад бы повесить отца твоего,
Но жаль твою бедную мать.

Из чащи домой я тебя принесу,
И пусть тебя люди зовут
По имени птицы, живущей в лесу,
Пусть так и зовут: Робин Гуд!»

Иные поют о зеленой траве,
Другие — про белый лен.
А третьи поют про тебя, Робин Гуд,
Не ведая, где ты рожден.

Не в отчем дому, не в родном терему,
    Не в горницах цветных, —
В лесу родился Робин Гуд
    Под щебет птиц лесных.

О СЛАВНОМ РОБИН ГУДЕ

Я расскажу вам, господа, —
Терпенье, дайте срок, —
Как славен Робин Гуд, а с ним
Джон Маленький, стрелок.

В веселом графстве Ноттингам
Родился Робин Гуд,
И милый город Локсли был
Сперва его приют.

Отец его охотой жил
И был стрелок такой,
Что за две мили мог на дюйм
Он попадать стрелой.

Пускай Вильям и Клем из Клю
И из Клодельса Белл
На сорок меток били в цель —
Он всех их одолел.

Был матери его сродни
Сэр Гай, который сам
Повесил шкуру кабана
К Варвикским воротам.

А брат ее звался Гамвелл
Из замка Гамвелл-Холл,
Он первым в графстве Ноттингам
Свое поместье вел.

Мать Гуда мужу говорит:
«К Гамвеллу погостить
Ты должен Робина со мной
Сегодня отпустить».

Ответил он: «Тогда скорей
Ты лошадь собери,
Сочельник завтра, надо вам
Уехать до зари».

И лошадь серую слуга
Оседланной привел.
Был Гуд одет в короткий плащ
И праздничный камзол.

В темно-зеленом платье мать,
Как Гуд, в плаще она;
У короля такого нет
Добротного сукна.

Повесил саблю Робин Гуд,
На правый бок кинжал.
«Дорога долгая, спешим!» —
Он матери сказал.

На лошадь за его спиной
Без страха села мать,
Вдвоем легко их добрый конь
Мог по дороге мчать.

Сначала Робин у друзей
Соседей сел за стол.
Потом ни разу не слезал
До замка Гамвелл-Холл.

Эсквайр радушно встретил их
У своего двора.
Целуя их, сказал: «Клянусь,
Я рад тебе, сестра.

Обедню утром отстояв,
Накрыли шесть столов.
Хозяин молвил: «Гости, вам
Обед уже готов.

Никто без гимнов не нальет
Вина себе в бокал.
Все стали петь, рукоплеща,
И замок задрожал.

Сыры, свинина, торт из слив
Лежали по столам.
«Всё ваше, пейте веселей», —
Сказал Гамвелл гостям.

Обед окончен. Духовник
Уже сказал: «Аминь».
Слугу хозяин подозвал:
«Вина, да дров подкинь.

Пускай Джон Маленький придет,
Нет юноши милей.
Всех лучше может веселить
Он шутками гостей...»

Едва Джон Маленький пришел,
Все танцевать бегут,
И лучшим из танцоров был,
Клянусь вам, Робин Гуд.

И был подобным танцам рад
Хозяин всей душой.
«Останься, Робин, — он сказал. —
Зачем тебе домой?

Опора старости моей,
Ты примешь лес и дом».
Гуд попросил: «Позволь, чтоб Джон
Служил моим пажом».

Эсквайр племяннику в ответ:
«Согласен я с тобой».
«Иди сюда, — промолвил Гуд, —
Джон, паж веселый мой,

И принеси мой длинный лук,
Да стрел побольше с ним,
Когда настанет ясный день,
Мы в Шервуд поспешим!..»

В веселом Шервуде в свой рог
Трубить стал Робин Гуд,
И дважды по пяти стрелков
Предстали тут как тут.

«Вас мало, — молвил Робин Гуд, —
Нам нужно сорок три».
«Вон там они, — ответил Ло, —
Под деревом смотри».

Пришла Клоринда, пастухов
Царица в тех местах,
В зеленом платье до колен,
В высоких сапогах.

Какая поступь у нее!
Как гибко клонит стан!
Могучий лук в ее руке
И полный стрел колчан.

Как волосы ее черны,
Как бледен цвет ланит!
Она спокойна и скромна
Пред Робином стоит.

«Куда вы?» — Робин Гуд спросил.
Она ему в ответ:
«На праздник дичи я ищу,
Слежу олений след».

«Красавица, пойдемте в лес, —
Промолвил Робин Гуд: —
Оленей трех иль четырех
Стрелки подстерегут».

Оленей целые стада
Бегут в лесную сень,
Клоринда натянула лук,
И пал один олень.

«Клянусь, – Гуд молвил, – не видал
Я женщины смелей,
Ты всё сумела бы достать
Без помощи моей.

Но все-таки в зеленый лес,
Красавица, пойдем,
Чтоб пировать перед моим
Охотничьим столом».

Грушевые там пироги,
Оле́нина была,
И, кроме Джона, много слуг
Теснилось у стола.

Клоринда спрашивает: «Как
Вас, добрый сэр, зовут?»
И слышит от него в ответ:
«Зовусь я Робин Гуд.

В веселом Шервуде живу,
Но был бы жребий мой
Еще приятней, если б ты
Была моей женой».

Она зарделась и в ответ
Ему сказала: «Да».
«Пусть приведут, – воскликнул Гуд, –
Священника сюда».

«Нет, сэр, – ответила она, –
Меня на праздник ждут.
Не хочешь ли пойти со мной,
Веселый Робин Гуд?»

«Джон Маленький, – воскликнул Гуд, –
    Оленя мне! Стрелкам
Вели охотиться. С зарей
    Сюда я буду сам».

Гуд не проехал пары миль,
    Как дерзких семь стрелков
Оленя требуют назад
    (Я клясться в том готов).

«На помощь, Джон! – воскликнул Гуд. –
    Не будем трусить их!»
И, сабли выхватив, они
    Свалили пятерых,

Взмолились двое остальных,
    И жалостливый Джон
Просил их с миром отпустить
    И пожалеть их жен.

Так было всё близ Титбурей,
    Под легкий звон струны,
Я – скрипачей король, и мне
    Поверить вы должны.

Во время битвы я играл,
    Клоринда пела им:
«Победа, Роб, на праздник мы,
    Танцуя, поспешим».

Как много ехало людей
    Навстречу нам верхом!
И мавританский танец был,
    И шествие с быком.

И Томас, наш судебный клерк,
Влюбленный в Мэри, с ней
Скакал верхом и целовал
Волну ее кудрей.

Пируют Томас, Мэри, Нан,
И мне вина несут.
Да здравствует в своих лесах
С Клориндой Робин Гуд!

Сэр Роджерс, пастор, оказать
Услугу Гуду рад,
Он руки их соединил
И совершил обряд.

И Робин Гуд пошел с женой
По зарослям густым.
В веселом Шервуде щеглы
Про счастье пели им.

«А где стрелки?» — промолвил Гуд,
Когда был в роще он.
«В лесу, под деревом густым», —
Ему ответил Джон.

Стрелки гирлянду принесли,
Невеста вся в цветах
И с Гудом отдыхать идет
С улыбкой на устах.

Пусть девушки поверят мне:
Я лишь под утро мог
Уйти домой, неся вино
И свадебный пирог.

Еще одно к моим словам
Добавить мне позволь:
Помолимся за короля.
Да здравствует король!

Чтоб были дети у него,
Добро творили нам,
Про Робин Гуда я спою
Тогда по всем лесам.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Хочу я знатным господам
Сейчас поведать тут
О приключении одном,
Где был и Робин Гуд.

В дорогу Робин собрался
Без спутников своих
И к Бернисделю он пришел
Лишь в сумерках густых.

Какой-то бедный человек
Там повстречался с ним,
Спешивший с посохом в руке,
Тяжелым и большим.

Он плащ заплатанный носил,
Чтоб не застыть в пути,
Подкладок было в том плаще
Не меньше двадцати.

Висела сумка чрез плечо,
Набитая едой.
Ее поддерживал ремень
Тяжелый и большой.

Три низких шляпы он надел
Одну поверх другой.
Его ни ливень не страшил,
Ни ураган ночной.

Тут добрый Робин преградил
Ему дальнейший путь,
Решив, что должен быть богат
Тот нищий чем-нибудь.

«Стой, – добрый Робин говорит. –
Стой, нищий, не беги!»
Тот не ответил ничего,
Но участил шаги.

«Так нет же, – Робин говорит, –
Ты не спасешься! Стой!»
«Клянусь, стоять я не хочу, –
Ответил удалой. –

Темнеет, к дому моему
Далекий путь тяжел,
Без ужина останусь я
И буду страшно зол». –

«Клянусь я, – Робин говорит, –
Таская на спине
Подобный ужин, мог бы ты
Подумать обо мне,

Что тоже хочет каждый день
Обедать, может быть!
Хотел в харчевню я зайти,
Да нечем заплатить.

Вы, сударь, мне ссудить должны
На два иль на три дня».
«Свободных, — нищий проворчал, —
Нет денег у меня.

Ты ведь совсем еще не стар,
А, кажется, лентяй...
Не дам тебе я ни гроша,
Хоть год проголодай».

«Клянусь я, — Робин говорит, —
Сошлись недаром мы,
И не уйдешь ты от меня,
Не вытряхнув сумы.

Свой плащ заплатанный снимай,
Да убирайся прочь,
Да развязать твои мешки
Не позабудь помочь.

И помни — коль посмеешь ты
Хотя б разинуть рот,
Я посмотрю, легко ль стрела
Чрез нищего пройдет».

С усмешкой нищий отвечал:
«Ты лучше опусти
Кривую палку; мог бы ты
И пострашней найти!

И не надейся — я не трус.
Нашел чем испугать!
На то лишь палка и годна,
Чтоб пудинг ей мешать!

Попробуй, — спорить я готов, —
Ты, может быть, удал,
А не получишь ничего,
Не на того напал!»

Тут в гневе Робин изогнул
Свой благородный лук,
Вложил широкую стрелу,
Но не развел и рук,

Как благородная клюка
Ударила его,
И не осталось от стрелы
И лука ничего.

Напрасно Робин из ножон
Меч вырвал горячо —
Другой ужаснейший удар
Разбил ему плечо.

Мне кажется, что сорок дней
Меча не тронет он.
Ни слова Робин не сказал,
Душою огорчен.

Нельзя ни биться, ни бежать.
Что делать — он не знал.
А посох благородный тут
Еще жесточе стал.

По ребрам, шее, по спине
  Был Робин награжден.
Пока, ударов не снеся,
  Не повалился он.

«Послушай, – нищий говорит, –
  Теперь валяться срам,
Ты лучше стоя подожди,
  Пока я денег дам!

Пойдешь в харчевню да вина
  Потребуешь бокал.
Пусть знают все твои друзья,
  Как славно ты гулял!»

Не молвил Робин ничего,
  Не шевельнул рукой.
Недвижный, покрывался он
  Землистой бледнотой.

«Скончался», – нищий рассудил
  И храбро начал путь.
Желал бы я, чтоб на него
  Вам удалось взглянуть.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Трем людям Робина идти
  Случилось тем путем,

Где предводитель их без чувств
    Валялся под холмом.

Склонились к Робину они,
    Рыдая тяжело.
Им рассказать никто не мог,
    Что здесь произошло.

Они ощупали его,
    Но не открыли ран,
Лишь у запекшегося рта
    Кровь била, как фонтан.

Но пригоршня воды ему
    Дала немного сил,
Он шевельнулся, поглядел
    И вдруг заговорил.

«Что было с вами, господин? —
    Спросили. — Кто напал?»
Тут Робин про свою беду,
    Вздыхая, рассказал:

«Прекрасный лук мой этот лес
    Лет двадцать сторожит,
Но я никем и никогда
    Так не бывал избит.

Какой-то нищий проходил,
    Он на меня напал,
И ребра посохом своим
    Он мне переломал.

На холм смотрите — плащ его
Еще заметен там.
Вы отомстить ему должны,
Коль был я дорог вам.

Пусть тут же, на моих глазах,
Его накажет плеть.
Сюда ведите, дайте мне
Спокойно умереть.

А если недостанет сил
Тащить его сюда,
Хоть преградите путь, а то
Я не снесу стыда». —

«Вы слабы, вас оберегать
Останется один,
А негодяя приведут
Другие, господин». —

«Клянусь я, — Робин говорит, —
Нет времени словам,
Поторопитесь — как бы он
Не отплатил и вам». —

«Нет, с ним расправа не трудна,
И нам неведом страх
Пред проходимцем, что бредет
Лишь с посохом в руках.

Недолго устоит клюка,
Извольте лишь смотреть.
Мы приведем его сюда
И приготовим плеть.

Тогда решим мы — пасть ему
Иль на ветвях висеть!» —

«Но будьте хитрыми, пока
Не ждет он ничего,
Да завладейте поскорей
Вы посохом его».

Оставим Робина теперь
С одним из удальцов.
Он обессилел и не мог
Пройти и двух шагов.

Мы ж возвратимся к храбрецу,
Что на гору всходил
И, зла не помня своего,
Уже спокоен был.

Тот холм, где свой держал он путь,
Был молодцам знаком.
Три мили сократив, они
Пошли другим путем.

Спешили, не щадили сил,
Сквозь чащу, через грязь,
Ни на горы всходить, ни с гор
Спускаться не страшась.

И обошли врага — ничто
Не помешало им.
У рощи спрятались они
Под деревом густым.

Там нищего подстерегать
Решили с двух сторон.
Не ожидая ничего,
Приблизился к ним он.

Чуть поравнялся, как один
Со всех рванулся сил,
Заметил посох и его
За острие схватил.

Сверкнул отточенным ножом
И закричал другой:
«Брось посох, негодяй, не то
Отходную запой!»

И посох отняли они
И кинули в траву.
Чуть с горя нищий не решил,
Что бредит наяву.

Невероятен был его
Ужаснейший испуг:
Без посоха он стал и слаб,
И беззащитен вдруг.

Не знал, чего хотят враги,
Их велико ль число.
Он смерти ждал — в его душе
Отчаянье росло.

«О, ради Бога, — он сказал, —
На что вам жизнь моя?
Нож опустите, иль сейчас
Умру со страху я.

Ведь я не сделал никогда
    Вам никакого зла.
За кровь несчастного вся жизнь
    Вам будет тяжела».

«Ты лжешь, — ответили они, —
    Клянемся в том, злодей.
Ты чуть героя не убил,
    Отраду всех людей.

Мы поведем тебя к нему.
    И что с тобою там
Нам сделать — вздернуть иль убить, —
    Пусть выберет он сам».

«Всё кончено — спасенья нет, —
    Так нищий рассудил,
И свет Господень стал ему
    И горек, и постыл. —

Освободиться б, — думал он, —
    Да посох мне опять.
Пусть попытаются они
    Тогда меня связать».

И он задумался — нельзя ль
    Дела восстановить
И этих молодых людей
    Во всём перехитрить.

Хотел за стыд пережитой
    Он причинить им зло.
Дул резкий ветер — он решил,
    Что тут ему везло.

«Оставьте, — молвил, — господа,
Вы нищего пожить,
Ведь вам не может кровь его
Ни в чем полезной быть.

Ведь, защищаясь, я убил
Того, кто нападал.
За жизнь награду поценней
Охотно я бы дал.

Пустите честно, не сломав
Мне шеи иль ребра —
Сто фунтов ваши да еще
Не меньше серебра.

Его я долго под плащом
Копил и собирал.
В мешок запрятал, и никто
Того не замечал».

Совет понравился, и вмиг
Свободен нищий был.
Ведь было ясно, что бежать
Он не нашел бы сил.

Решили юноши: сперва
Все деньги отберут
И, нищему не дав уйти,
На месте же убьют.

Ведь добрый Робин знать не мог
Об этом ничего.
Он счастлив будет услыхать,
Что умер враг его.

«Что время тратить, — говорят, —
Рассчитывайся, плут.
За преступление с тебя
Недорого берут.

Коль все сокровища отдашь,
Не изменив словам,
Свободным сделаешься ты,
Что б ни грозило нам».

Тут на заплатанном плаще
Мешки он растянул
Тяжелые — со стороны,
Откуда ветер дул.

Большую сумку отцепил,
Набитую едой;
Что фунтов десять было там,
Ручаюсь головой.

Он широко ее раскрыл
И, в обе взяв руки,
Слегка приподнял над собой.
Не двигались стрелки.

Тут всё лежащее в мешке —
Хлеб, пироги, яйцо, —
Собравшись с силами, швырнул
Он прямо им в лицо.

Им показалось — свет померк
За черной пеленой.
Был нищий радостью объят
И поднял посох свой.

Он поглядел — как их наряд
Испачкан, загрязнен,
Почистить платье надо им,
И чистку начал он.

Они еще не поднялись,
Еще был мутен взгляд, —
Удары крепкие на них
Посыпались, что град.

Стрелки бесстрашные бежать
Со всех пустились ног.
Проворен нищий, но никак
Он их догнать не мог.

«Повремените, — вскрикнул он, —
Куда же так спешить!
Ведь не успели вы еще
И денег получить!

Скажите: из мешка ли пыль
Так испугала вас?
Хороший посох у меня,
Всё вычистит тотчас!»

Но не ответили они,
Безмолвней мертвых скал.
Покуда нищий в темный лес
От них не убежал.

Напрасно было бы искать
Его во мгле ночной.
Судите сами, как они
Отправились домой?

Всё просит Робин рассказать.
    «Всё плохо», — говорят.
«Но, — молвил Робин, — были ль вы,
    Где мельницы стоят?

Обильна мясом та земля,
    Хоть всё зубами рви.
Не оттого ль плащи у вас
    В лохмотьях и крови?»

Им стыдно слово проронить,
    Им не поднять главы.
«Я, — молвил Робин, — так и знал,
    Что попадетесь вы.

Всё дело расскажите мне
    С начала до конца.
Как встретили, куда свели,
    Как били молодца?»

Тут всё, что я вам рассказал,
    Поведали ему:
Про то, как нищий их провел,
    Опорожнив суму,

Как ребра все до одного
    Он им пересчитал,
Как в чащу темную потом
    Коварно убежал,

Как добрели они домой,
    Как больно им ходить...
И вскрикнул добрый Робин: «Вон!
    Позора нам не смыть».

Хоть Робин яростью пылал,
Но тем развеселен,
Что поплатились удальцы,
Им улыбнулся он!

РОБИН ГУД И ГАЙ ГИСБОРН

Когда леса блестят в росе
  И длинен каждый лист,
Так весело бродить в лесу
  И слушать птичий свист!

Щебечет дрозд, найдя себе
  Среди ветвей приют,
Так громко, что в своем лесу
  Проснулся Робин Гуд.

«Клянусь, — он весело сказал, —
  Мне снился славный бой;
Мне снились сильных два стрелка,
  Дерущихся со мной.

Они осилили меня
  И отняли мой лук.
Не будь я Робин здесь в лесу,
  Коль пощажу их двух».

Джон Маленький сказал на то:
«Как быстрый ветер — сон;
Как ветер, что сегодня дул,
А завтра, где же он?» —

«Скорей, веселые друзья,
Будь, Джон, и ты готов;
Иду в зеленые леса
Искать моих стрелков».

Оделись, не забыл никто
Колчан и стрелы взять,
И прочь, в зеленые леса,
Отправились стрелять.

Пришли они в зеленый лес,
На старый их лужок
И увидали, что стоит
Под деревом стрелок.

Кинжал и меч он на боку
Потрагивал своем.
Был в шкуру конскую одет
И с гривой и с хвостом.

И Джон промолвил: «Господин,
Под деревом постой,
А я один пойду к стрелку
Узнать, кто он такой». —

«Ты, Джон, совсем не кладом стал,
И грусть меня берет,
Как часто, отставая сам,
Я шлю людей вперед.

Плута не хитрость узнавать,
Беседуя с плутом.
И если б мой не треснул лук,
Покаялся б ты в том».

Решили так и разошлись
И Робин Гуд, и Джон.
Джон в Бернисдель пошел, куда
Все тропы знает он.

Когда ж пришел он в Бернисдель,
Был вздох его тяжел,
Он двух товарищей своих
Убитыми нашел.

А Скарлет убегал пешком
Среди камней и пней,
Его преследовал шериф
Со стражею своей.

«Пущу стрелу я, – молвил Джон, –
Христос дает мне знак,
Шерифа я остановлю,
Чтоб не спешил он так».

И тотчас наложил стрелу
На лук свой длинный Джон,
Но был из тонкой ветки лук,
Переломился он.

«Зачем, зачем ты, злая ветвь,
На дереве росла?
Ты мне не помощь принесла,
А столько, столько зла».

Но выстрел, хоть случайным был,
Всё ж даром не пропал,
Среди шерифовых людей
Вильям из Трента пал.

О, лучше б дома был Вильям,
Печалью удручен,
Чем в это утро повстречать
Стрелу, что бросил Джон.

Но уверяют, что в бою
Пять стоит больше трех.
Джон Маленький шерифом взят
И, связан, лег на мох.

Довольно занимал нас Джон.
Что ж делал Робин Гуд,
Когда к могучему стрелку
Стопы его ведут?

Промолвил Робин: «Добрый день!»
«Привет!» — сказал другой.
«Судя по луку твоему,
Стрелок ты неплохой». —

«Свободен я, — сказал стрелок, —
Во времени моем!»
Ответил Робин: «Буду я
Твоим проводником». —

«Я здесь изгнанника ищу,
Чье имя Робин Гуд.
Желанней встретить мне его,
Чем золотой сосуд». —

«Ты встретишь Робина, стрелок,
Когда пойдешь со мной;
В зеленой роще мы сперва
Потешимся игрой.

Сперва покажем ловкость мы,
Избрав вот эту весь.
И встретится нам Робин Гуд,
Быть может, скоро здесь».

Они нарезали кустов
В лесу, где вился хмель.
И наплели из них крестов,
Стрелять желая в цель.

«Начни же, — молвил Робин Гуд, —
Начни, товарищ мой!»
«О нет, клянусь, — ответил тот, —
Я стану за тобой».

И первый выстрел Гуда в цель
Был мимо на вершок;
Хоть ловок незнакомец был,
Но так стрелять не мог.

Своей второй стрелой стрелок
Слегка царапнул хмель,
Но Робин выпустил стрелу —
И расщепляет цель.

Сказал он: «Бог тебя храни,
Стрелял ты славно тут,
И если сердце как рука,
Тебя не лучше Гуд».

«Скажи ты имя мне свое?» —
Стрелок спросил его.
«Нет, — Робин отвечал, — пока
Не скажешь своего».

Тот молвил: «Я живу в горах,
Чтоб Робина поймать,
И кличут Гай Гисбóрн, когда
Хотят меня позвать».

«Живу в лесу я, — был ответ, —
Давно тебя дразня,
Я бернисдельский Робин Гуд,
И ты искал меня».

Безродный каждый видеть мог
Усладу для очей:
Смотреть на бьющихся стрелков,
На темный блеск мечей.

На то, как бились те стрелки,
Мог два часа взирать;
Ни Робин Гуд, ни Гай Гисборн
Не думали бежать.

Но спотыкнулся Робин Гуд
О маленький пенек,
Со страшной силой Гай Гисборн
Его ударил в бок.

«Спаси меня, — воскликнул Гуд, —
Спаси, Христова Мать.
Не подобает никому
До срока умирать».

Воззвал к Марии Робин Гуд –
И вновь исполнен сил.
И, сзади нанеся удар,
Он Гая уложил.

Схватил он голову врага,
Воткнул на длинный лук:
«Ты был изменником всю жизнь
И кончил быть им вдруг».

И Робин взял ирландский нож,
Лицо изрезал он;
Один узнал бы Гая, кто
Не женщиной рожден.

И молвил: «Ну, лежи, сэр Гай,
Своей судьбе будь рад;
За злой удар моей руки
Возьмешь ты мой наряд». –

Он свой надел на Гая плащ,
Что зеленей листвы;
Сам конской шкурой облечен
От ног до головы. –

Твой лук, и стрелы, и трубу
Возьму с собой я вдаль,
Я навестить моих людей
Отправлюсь в Бернисдаль».

И в путь пустился Робин Гуд,
В рог Гая затрубив;
Над Джоном Маленьким склонясь,
Услышал звук шериф.

«Послушайте, — сказал шериф, —
Свершился правый суд.
Рог Гая тру́бит потому,
Что умер Робин Гуд.

Сегодня рано загремел
Сэр Гай Гисборна рог».
А вот и в шкуре конской сам
Подходит к ним стрелок.

«Проси, чего ты хочешь, Гай,
Я всё тебе дать рад». —
«Не нужно, — Робин отвечал, —
Мне никаких наград.

Повержен мною господин,
Позволь убить слугу;
И никаких других наград
Просить я не могу». —

«Безумец, — отвечал шериф, —
Ты б мог богатым стать.
Но раз так мало просишь ты,
Могу ль я отказать?»

Услышал господина Джон
И понял — час настал.
«С Христовой силой в небесах
Свободен я», — сказал.

Вот к Джону, развязать его,
Нагнулся Робин Гуд,
Но только стража и шериф
Опять его возьмут.

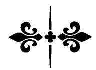
«Ступайте, — молвил Робин Гуд, —
Подалее от глаз,
Ведь исповедь подслушивать
Не принято у нас».

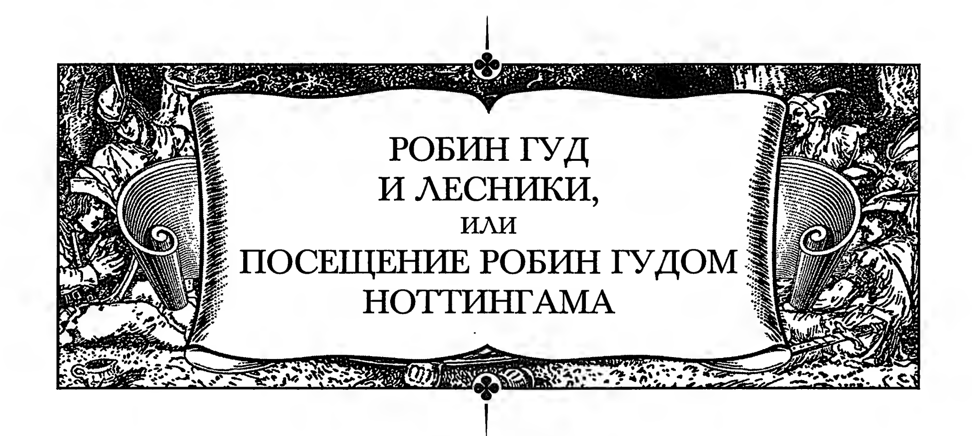
Взял Робин свой ирландский нож,
Разрезал путы рук
И ног, а после Джону дал,
Как дар, сэр Гая лук.

Джон поднял лук и наложил
Стрелу на рукоять,
И это увидал шериф
И бросился бежать.

Бежал обратно в Ноттингам,
Как только мог, шериф,
И стража бросилась за ним,
Его опередив.

Но как он быстро ни бежал
И как ни прыгал он,
Стрелою в спину угодил
Ему веселый Джон.





РОБИН ГУД И ЛЕСНИКИ, или ПОСЕЩЕНИЕ РОБИН ГУДОМ НОТТИНГАМА

Был мальчик Робин Гуд высок.
Дерри, дерри даун.
Уже в пятнадцать лет
Из тех веселых молодцов,
Смелей которых нет.
Хей, даун, дерри, дерри даун.

Собрался раз он в Ноттингам,
Идет в лесу, и вот
Пред ним пятнадцать лесников
Пьют пиво, эль и мед.

«Что нового?» – спросил их Гуд.
«Что знал ты до сих пор?
Король устроил спор стрелков». –
«Пойду и я на спор». –

«Смешно, – сказали лесники, –
Такой мальчишка вдруг

Пойдет стрелять пред королем,
Взять не умея лук!»

«На двадцать марок, — Робин Гуд
Ответил, — спорь со мной,
И на сто сажень попаду
В оленя я стрелой».

«Идет, — сказали лесники, —
И спорим мы с тобой,
Что на сто сажень не попасть
Тебе в него стрелой».

И поднял Робин честный лук
С широкою стрелой
И на сто сажень уложил
Оленя в тьме лесной.

Сломал ему он два ребра,
А может быть, и три,
Стрела пронзила грудь насквозь,
И не застряв внутри.

Олень вскочил, олень застыл,
Олень упал в кусты.
«Я выиграл, — воскликнул Гуд, —
Платите мне фунты».

«Ну, нет, — сказали лесники, —
Твой выигрыш пропал,
Бери свой лук и уходи,
Пока не опоздал».

И Робин стрелы взял свои,
И взял свой честный лук,
И улыбнулся про себя,
Войдя в широкий луг.

Вот стал он стрелы приставлять
К звенящей тетиве,
И из пятнадцати врагов
Четырнадцать — в траве.

Тот, кто затеял этот спор,
Собрался убежать,
Но Робин Гуд, подняв свой лук,
Вернул его опять

И молвил: «Вновь не скажешь ты,
Что я стрелок плохой! —
И голову ему разбил
Он надвое стрелой. —

Такой стрелок я, — молвил Гуд, —
Что сделал ваших вдов
Мечтающими, чтобы вы
Тех не сказали слов».

Народ бежит, оставив свой
Прекрасный Ноттингам,
Чтоб Робин Гуда захватить,
На помощь лесникам.

Один остался без руки,
И без ноги другой,
А Робин, взяв свой лук, ушел
В зеленый лес густой.

А ноттингамцы лесников,
Как знают все о том,
Могилы вырыв, погребли
На кладбище потом.

РОБИН ГУД И ЕПИСКОП

Эй, подойдите, господа,
Послушайте рассказ,
Как сам епископ мессу пел
За Робин Гуда раз.

Случилось это в яркий день:
Чуть начал Феб вставать.
Стрелок веселый Робин Гуд
Собрался погулять.

Бредет он по лесу и вдруг
Заметил меж ветвей
Епископ гордый перед ним,
Со свитою своей.

«Клянусь! – воскликнул Робин Гуд. –
Я вовсе не хочу,
Чтоб я был пойман, осужден
И отдан палачу!»

Он видит хижину вблизи,
Стучится у дверей,
Старухе громко он кричит:
«Спаси меня скорей!»

«Но кто ты? — спрашивает та. —
И как тебя зовут?» —
«Все знают, вне закона я.
Зовусь я — Робин Гуд.

Епископ едет через лес,
Отрядом окружен,
И, если буду я открыт,
Меня повесит он».

Старуха молвит: «Если ты
Взаправду Робин Гуд,
То от епископских людей
Найдешь ты здесь приют.

Мне платье Робин Гуд принес
В Рождественскую ночь,
И постараюсь я ему
В опасности помочь». —

«Возьми же мой зеленый плащ
С колчаном и мечом,
А мне твой серый плащ отдай
С твоим веретеном».

Так нарядившись, Робин Гуд
Идет к своим друзьям,
Назад глядит он, позади
Епископ едет сам.

«Кто там, — Джон Маленький сказал, —
Бредет сквозь лес густой?
Я ведьму старую сейчас
Попотчую стрелой».

И крикнул Робин Гуд: «Постой,
Ведь больно стрелы бьют!
Взгляни, ведь я — твой господин,
Твой добрый Робин Гуд!»

Епископ в хижину вошел
И крикнул, разъярясь:
«Пусть Робин Гуда мне ведут,
Предателя, тотчас!»

Старуху посадив с собой
На белого коня,
Он всё смеялся: «Робин Гуд,
Узнаешь ты меня».

Но, проезжая через лес,
Вдруг встал он, недвижим.
Он видит храбрых сто стрелков
Под деревом большим.

Епископ спрашивает: «Кто
Стоит рядами тут?»
Старуха молвит: «Мнится мне,
Что это Робин Гуд».

Сказал епископ: «Кто ж со мной?
Я, право, не пойму!» —
«Поймешь, епископ-дуралей,
Коль юбку подыму!»

Вскричал епископ: «Горе мне!» —
И повернулся вспять,
Но Робин Гуд ему кричит,
Велит ему стоять.

«Какой почтенный гость у нас!» —
Сказал с улыбкой Джон.
И крепко привязал коня
Епископского он.

А Робин Гуд зеленый плащ
Снял со своей спины
И триста фунтов отсчитал
Епископской казны.

«Теперь, — воскликнул Робин Гуд, —
Пускай домой идет!»
Джон Маленький ответил: «Нет,
Пусть мессу пропоет!»

Епископа взял Робин Гуд
И привязал к стволу,
И тот пропел им «Отче наш»
И всем стрелкам хвалу.

И лишь потом епископ наш
Отправился домой
Верхом, но задом наперед,
Держась за хвост рукой.

РОБИН ГУД И МАЛЕНЬКИЙ ДЖОН

Рассказать вам, друзья, как смельчак Робин Гуд —
Бич епископов и богачей, —
С неким Маленьким Джоном в дремучем лесу
Поздоровался через ручей?

Хоть и Маленьким звался тот Джон у людей,
Был он телом — что добрый медведь!
Не обнять в ширину, не достать в вышину —
Было в парне на что поглядеть!

Как с малюточкой этим спознался Роби́н,
Расскажу вам, друзья, безо лжи.
Только уши развесь: вот и труд тебе весь! —
Лучше знаешь — так сам расскажи.

Говорит Робин Гуд своим добрым стрелкам:
«Даром молодость с вами гублю!
Много в чаще древес, по лощинкам — чудес,
А настанет беда — протрублю.

Я четырнадцать дней не спускал тетивы,
    Мне лежачее дело не впрок.
Коли тихо в лесу — побеждает Робин,
    А услышите рог — будьте в срок».

Всем им руку пожал и пошел себе прочь,
    Веселея на каждом шагу.
Видит: бурный поток, через воду — мосток,
    Незнакомец — на том берегу.

«Дай дорогу, медведь!» — «Сам дорогу мне дашь! —
    Тесен мост, тесен лес для двоих». —
«Коль осталась невеста, медведь, у тебя, —
    Знай — пропал у невесты жених!»

Из колчана стрелу достает Робин Гуд:
    «Что сказать завещаешь родным?»
«Только тронь тетиву, — незнакомец ему, —
    Вмиг знакомство сведешь с Водяным!»

«Говоришь, как болван, — незнакомцу Робин, —
    Говоришь, как безмозглый кабан!
Ты еще и руки не успеешь занесть,
    Как к чертям отошлю тебя в клан!»

«Угрожаешь, как трус, — незнакомец в ответ, —
    У которого стрелы и лук.
У меня ж ничего, кроме палки в руках,
    Ничего, кроме палки и рук!» —

«Мне и лука не надо — тебя одолеть,
    И дубинкой простой обойдусь.
Но, оружьем сравнявшись с тобой, посмотрю,
    Как со мною сравняешься, трус!»

Побежал Робин Гуд в чащи самую глушь,
Обтесал себе сабельку в рост
И обратно помчал, издалече крича:
«Ну-ка, твой или мой будет мост?

Так, с моста не сходя, естества не щадя,
Будем драться, хотя б до утра.
Кто упал — проиграл, уцелел — одолел, —
Такова в Ноттингеме игра». —

«Разобью тебя в прах! — незнакомец в сердцах. —
Посмеются тебе — зайцы рощ!»
Посередке моста сшиблись два молодца,
Зачастили дубинки, как дождь.

Словно грома удар был Робина удар:
Так ударил, что дуб задрожал!
Незнакомец, кичась: «Мне не нужен твой дар, —
Отродясь никому не должал!»

Словно лома удар был чужого удар, —
Так ударил, что дол загудел!
Рассмеялся Робин: «Хочешь два за один?
Я всю жизнь раздавал, что имел!»

Разошелся чужой — так и брызнула кровь!
Расщедрился Робин — дал вдвойне!
Стал гордец гордеца, молодец молодца
Молотить, что овес на гумне!

Был Робина удар — с липы лист облетел!
Был чужого удар — звякнул клад!
По густым теменам, по пустым головам
Застучали дубинки, как град.

Ходит мост под игрой, ходит тес под ногой,
Даже рыбки пошли наутек!
Изловчился чужой и ударом одним
Сбил Робина в бегущий поток.

Через мост наклонясь: «Где ты, храбрый боец?
Не стряслась ли с тобою беда?»
«Я в холодной воде, — отвечает Робин, —
И плыву — сам не знаю куда!

Но одно-то я знаю: ты сух, как орех,
Я ж, к прискорбью, мокрее бобра.
Кто вверху — одолел, кто внизу — проиграл, —
Вот и кончилась наша игра».

Полувброд-полувплавь, полумертв-полужив,
Вылез — мокрый, бедняжка, насквозь!
Рог к губам приложил — так, ей-ей, не трубил
По шотландским лесам даже лось!

Эхо звук понесло вдоль зеленых дубрав,
Разнесло по Шотландии всей,
И явился на зов — лес стрелков-молодцов,
В одеянье — травы зеленей.

«Что здесь делается? — молвил Статли Вильям. —
Почему на тебе чешуя?» —
«Потому чешуя, что сей добрый отец
Сочетал меня с Девой Ручья». —

«Человек этот мертв!» — грозно крикнула рать,
Скопом двинувшись на одного.
«Человек этот — мой! — грозно крикнул Робин. —
И мизинцем не троньте его!

Познакомься, земляк! Эти парни — стрелки
Робин-Гудовой братьи лесной.
Было счетом их семьдесят без одного,
Ровно семьдесят будет с тобой.

У тебя ж будет: плащ цвета вешней травы,
Самострел, попадающий в цель,
Будет гусь в небесах и олень во лесах.
К Робин Гуду согласен в артель?»

«Видит Бог, я готов! — Удалец просиял. —
Кто ж дубинку не сменит на лук?
Джоном Маленьким люди прозвали меня,
Но я знаю, где север, где юг». —

«Джоном Маленьким — эдакого молодца?!
Перезвать! — молвил Статли Вильям. —
Робин-Гудова рать — вот и крестная мать,
Ну, а крестным отцом — буду сам».

Притащили стрелки двух жирнух-оленух,
Пива выкатили — не испить!
Стали крепким пивцом под зеленым кустом
Джона в новую веру крестить.

Было семь только футов в малютке длины,
А зубов — полный рот только лишь!
Кабы водки не пил да бородки не брил —
Был бы самый обычный малыш!

До сих пор говорок у дубов, у рябин,
Не забыла лесная тропа,
Пень — и тот не забыл, как сам храбрый Робин
Над младенцем читал за попа.

Ту молитву за ним, ноттингемцы за ним,
Повторили за ним во весь глот.
Восприемный отец, статный Статли Вильям
Окрестил его тут эдак вот:

«Джоном Маленьким был ты до этого дня,
Нынче старому Джону — помин,
Ибо с этого дня вплоть до смертного дня
Стал ты Маленьким Джоном. Аминь».

Громогласным ура — раздалась бы гора! —
Был крестильный обряд завершен.
Стали пить-наливать, крошке росту желать:
«Постарайся, наш Маленький Джон!»

Взял усердный Робин малыша-крепыша,
Вмиг раскутал и тут же одел
В изумрудный вельвет — так и лорд не одет! —
И вручил ему лук-самострел:

«Будешь метким стрелком, молодцом, как я сам,
Будешь службу зеленую несть,
Будешь жить, как в раю, пока в нашем краю
Кабаны и епископы есть.

Хоть ни фута у нас — всей шотландской земли,
Ни кирпичика — кроме тюрьмы,
Мы как сквайры едим и как лорды глядим.
Кто владельцы Шотландии?» — «Мы!»

Поплясав напослед, солнцу красному вслед
Побрели вдоль ручьевых ракит
К тем пещерным жильям, за Робином — Вильям...
Спят... И Маленький Джон с ними спит.

Так под именем сим по трущобам лесным
Жил и жил, и состарился он.
И как стал умирать, вся небесная рать
Позвала его: «Маленький Джон!»

РОБИН ГУД СПАСАЕТ ТРЕХ СТРЕЛКОВ

Двенадцать месяцев в году,
Не веришь — посчитай.
Но всех двенадцати милей
Веселый месяц май.

Шел Робин Гуд, шел в Ноттингем,
Весел люд, весел гусь, весел пес...
Стоит старуха на пути,
Вся сморщилась от слез.

«Что нового, старуха?» — «Сэр,
Злы новости у нас!
Сегодня трем младым стрелкам
Объявлен смертный час». —

«Как видно, резали святых
Отцов и церкви жгли?
Прельщали дев? Иль с пьяных глаз
С чужой женой легли?» —

«Не резали они отцов
Святых, не жгли церквей,
Не крали девушек, и спать
Шел каждый со своей». —

«За что, за что же злой шериф
Их на смерть осудил?» —
«С оленем встретились в лесу —
Лес королевским был». —

«Однажды я в твоем дому
Поел, как сам король.
Не плачь, старуха! Дорога
Мне старая хлеб-соль».

Шел Робин Гуд, шел в Ноттингем,
Зелен клен, зелен дуб, зелен вяз...
Глядит: в мешках и в узелках
Паломник седовлас.

«Какие новости, старик?» —
«О сэр, грустнее нет:
Сегодня трех младых стрелков
Казнят во цвете лет». —

«Старик, сымай-ка свой наряд,
А сам пойдешь в моем.
Вот сорок шиллингов в ладонь
Чеканным серебром». —

«Ваш — мая месяца новей,
Сему же много зим...
О сэр! Нигде и никогда
Не смейтесь над седым!» —

«Коли не хочешь серебром,
Я золотом готов.
Вот золота тебе кошель,
Чтоб выпить за стрелков!»

Надел он шляпу старика —
Чуть-чуть пониже крыш.
«Хоть ты и выше головы,
А первая слетишь!»

И стариков он плащ надел —
Хвосты да лоскуты.
Видать, его владелец гнал
Советы суеты!

Влез в стариковы он штаны.
«Ну, дед, шутить здоров!
Клянусь душой, что не штаны
На мне, а тень штанов!»

Влез в стариковы он чулки.
«Признайся, пилигрим,
Что деды-прадеды твои
В них шли в Иерусалим!»

Два башмака надел: один —
Чуть жив, другой — дыряв.
«Одежда делает господ.
Готов. Неплох я — граф!»

Марш, Робин Гуд! Марш в Ноттингем!
Робин, гип! Робин, гэп! Робин, гоп! —
Вдоль городской стены шериф
Прогуливает зоб.

«О, снизойдите, добрый сэр,
До просьбы уст моих!
Что мне дадите, добрый сэр,
Коль вздерну всех троих?» —

«Во-первых, три обновки дам
С удалого плеча,
Еще — тринадцать пенсов дам
И званье палача».

Робин, шерифа обежав,
Скок! и на камень — прыг!
«Записывайся в палачи!
Прешустрый ты старик!» —

«Я век свой не был палачом;
Мечта моих ночей:
Сто виселиц в моем саду —
И все для палачей!

Четыре у меня мешка:
В том солод, в том зерно
Ношу, в том — мясо, в том — муку, —
И все пусты равно.

Но есть еще один мешок:
Гляди — горой раздут!
В нем рог лежит, и этот рог
Вручил мне Робин Гуд». —

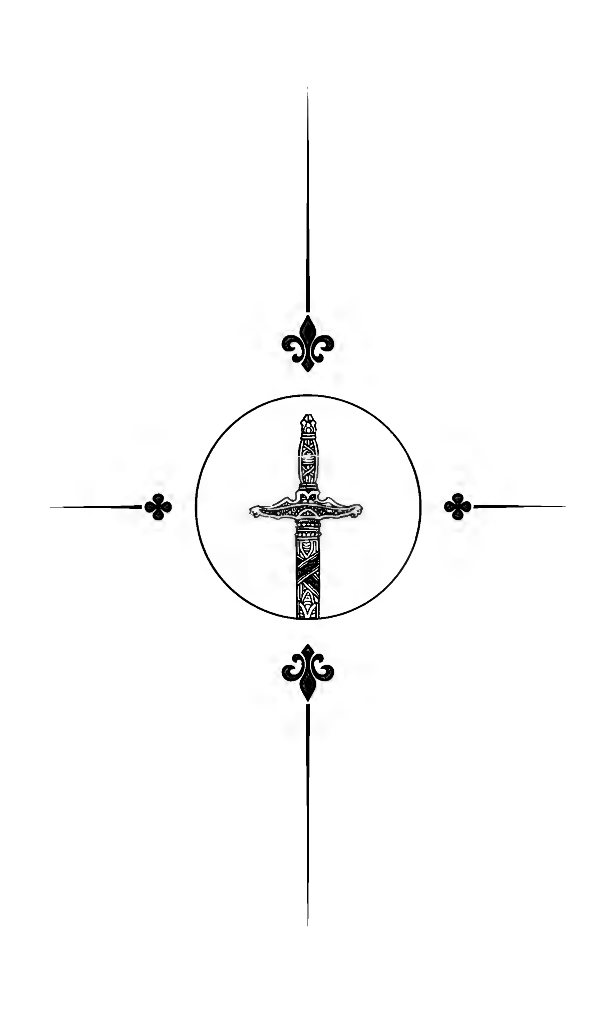
«Труби, труби, Робинов друг,
Труби в Робинов рог!
Да так, чтоб очи вон из ям,
Чтоб скулы вон из щек!»

Был рога первый зов как гром!
    И — молнией к нему —
Сто Робин-Гудовых людей
    Предстало на холму.

Был следующий зов — то рать
    Сзывает Робин Гуд.
Со всех сторон, во весь опор
    Мчит Робин-Гудов люд.

«Но кто же вы?— спросил шериф,
    Чуть жив. — Отколь взялись?» —
«Они — мои, а я Робин,
    А ты, шериф, молись!»

На виселице злой шериф
    Висит. Пенька крепка.
Под виселицей, на лужку,
    Танцуют три стрелка.



·ПРИ·
·ЛОЖЕ·
·НИЯ·

В.С. Сергеева

«ПОДИТЕ, ПОСЛУШАЙТЕ, ВЫ, МОЛОДЦЫ...»

Исторический и литературный контекст легенды о Робин Гуде

Как утверждают исследователи-медиевисты, в истории английской литературы трудно найти другой, столь живучий и пользующийся такой большой любовью всех слоев общества, жанр, каким была народная баллада, с ее темами, образами, перипетиями. И это неудивительно. Пусть мы не можем с уверенностью сказать, в какой среде и когда именно возникли повествовательные стихотворные произведения о Робин Гуде, несомненно одно: их сюжеты и идеи были, можно сказать, плоть от плоти национальными, понятными любому человеку, вне зависимости от его социальной принадлежности, профессии, уровня образования и т. д. Истории о похождениях удалых лесных стрелков развлекали и ремесленников, и земледельцев, и дворян, звучали и в поместьях, и в хижинах. Исполнять баллады могли как профессиональные музыканты — менестрели, так и деревенские старухи, нянчившие у очага внучат. Иными словами, этот жанр был воистину общенародным.

Демократичности содержания в балладах сопутствовала простота формы. Повествования о Робин Гуде практически с самого начала приобрели вполне отчетливый облик. Стих, которым они были написаны, воспринимался легко, а смешанный стиль (просторечные обороты в сочетании с усложненными аллитерационными строками[1], иногда даже аллюзиями на популярные рыцарские романы и иную «высокую литературу») не казался чем-то

---

[1] Речь идет об аллитерационном стихе — системе версификации, основанной на определенном расположении одинаковых или однородных согласных в ударных слогах строки; так, для древнегерманского аллитерационного стиха обязательным было, чтобы как минимум два слова в разных полустишиях начинались с одного и того же звука. Среди произведений, написанных этим стихом, — древнеанглийский «Беовульф» и скандинавская «Старшая Эдда». Во второй половине XIV в. в Англии произошло так назы-

чужеродным. В творческий «инструментарий» авторов наверняка входил и образный материал народных песен — очень интересного, но, к сожалению, малоизученного источника (во всяком случае, если речь идет о XII—XIV веках).

Баллады о «зеленом лесе» по большей части писались четверостишиями, с довольно простыми и даже бедными рифмами (типа «say — day», «he — tree»). Безыскусен был и основной стихотворный размер — ямб (порой неровный и превращающийся в нечто вроде дольника), незатейливы мелодии, которыми по крайней мере с XV века снабжались эти произведения. При минимуме тропов, в произведениях о лесном стрелке достаточно внутритекстовых повторов и параллелей, облегчающих запоминание. Что существенно, первые баллады о Робин Гуде, вероятно, складывались на «народном языке» (англо-норманнском диалекте) еще в те времена, когда ведущим языком литературы считался французский. Говоря иначе, они всегда были доступны для понимания слушателей.

В представленных балладах есть особенность, которая наверняка будет отмечена современным читателем, познакомившимся с этим сборником, — их стандартность и даже, отчасти, однотипность. Одни сюжеты робин-гудовской легенды, несомненно, популярнее других и активно тиражируются: в первую очередь это встреча и поединок с достойным противником, во вторую — спасение попавшего в беду товарища с помощью какой-нибудь хитрой уловки. Можно сказать, что похожие друг на друга истории суть не следствие эпигонства, а творческое соревнование авторов — отсюда масса попыток пересказать то же самое, но в других декорациях. Какой бы локальный сюжет ни попадал в сферу робин-гудовской легенды, он быстро ею усваивался, встраивался в привычные рамки и становился общим достоянием — а потому по большому счету не важно, родился ли Робин Гуд в Локсли или в другом месте и в каком именно аббатстве подвизался брат Тук. И, даже зная о «типичности» баллад о «зеленом лесе», не стоит представлять их интонации одинаковыми, к примеру, сплошь жизнерадостно-оптимистичными. Между эпической трагичностью и простонародной веселостью располагается множество оттенков стиля.

ваемое «аллитерационное возрождение» (*англ.* Alliterative Revival): после трехвекового перерыва появились выдающиеся образцы аллитерационного стиха, в частности «Видение о Петре Пахаре» Ленгленда.

Несомненно, в среде высокообразованных людей баллады долго считались принадлежностью исключительно низов общества, развлечением, достойным лишь полуграмотного или вовсе безграмотного простонародья. Однако роль произведений этого жанра в культурной и социальной жизни Англии, как оказалось, вовсе не была ничтожна. Даже со сменой литературных вех и появлением новых критериев оценки поэтических произведений баллада, оставаясь практически неизменной на протяжении столетий, продолжала находить свою аудиторию. Ее художественные достоинства начиная с XVI века стали важной составляющей английской словесности. В своих творческих исканиях к балладам обращались и сентименталисты, и романтики; в XX же веке легенда о Робин Гуде сделалась достоянием кинематографа и в новом формате обошла весь мир. Возможность открытия в ней всё новых, актуальных для современного читателя и зрителя смыслов кажется поистине неисчерпаемой[2]. Она до сих пор привлекает внимание в самых разных своих воплощениях, будь то оригинальные тексты, с которыми многие наши соотечественники знакомы в переводах С.Я. Маршака и Н.С. Гумилёва, прозаические переложения, романы и повести (в первую очередь, разумеется, «Айвенго» В. Скотта), произведения «по мотивам» (к примеру, «Баллада о лесных стрелках» В.С. Высоцкого) или кино. Этот сборник познакомит читателей с английскими балладами о «зеленом лесе» и с историей их развития.

* * *

Происхождение баллад о Робин Гуде вызывает множество вопросов. Перечислим лишь некоторые из них. Что представляли собой первые баллады о лесном стрелке, которые, по словам современников, исполнялись уже в XIV веке? Входили ли в их число известные нам четыре ранних текста: «Робин Гуд и монах», «Робин Гуд и горшечник», «Робин Гуд и Гай Гисборн» и «Смерть Робин Гуда»? И если нет, когда они возникли? Связано ли формирование свода ранних баллад с крупнейшим в средневековой Англии крестьянским восстанием под предводительством Уота Тайлера (1381 г.), и если да,

---

[2] Вплоть до проблем национальной и гендерной дискриминации, которые, естественно, были совершенно чужды робин-гудовской легенде изначально.

то послужило ли оно толчком к созданию цикла или же, напротив, поставило точку в оригинальном каноне? Точку, означавшую крушение простонародной веры в «доброго короля», столь явно отраженную в историях о Робин Гуде...

Большинство исследователей сходятся на том, что расцвет классической английской баллады произошел в XIV—XV веках (впрочем, в то время они назывались «историями», о чем подробно будет рассказано ниже). Однако же известны и более ранние тексты этого жанра — например, «Иуда» («Judas»), сохранившийся в рукописи XIII века и считающийся одной из древнейших английских баллад (см.: Child 1882—1898/I: 242—244). И действительно, с формальной точки зрения это произведение очень напоминает балладу, хотя оно и написано двустишиями вместо «традиционных» четверостиший.

Первые дошедшие до нас стихи о Робин Гуде (четверостишие на североанглийском диалекте) были обнаружены в рукописи, содержащей различные поэтические и прозаические фрагменты и датирующейся 1400-ми годами:

Robyn hod in scherewod stod, hodud and hathud and hosut and schod	Стоял Робин Гуд в Шервуде, в капюшоне, шляпе, чулках и башмаках,
Four and thuynti arowus he bar in hits hondus.	И в руках он держал двадцать четыре стрелы.

Цит. по: Singman, Forgeng 1998: 12

Примечательно, что первая строка (с вариациями: «в Бернисдейле», «в зеленом лесу», «в зеленой долине» и т. д.) вошла в английский язык как устойчивый оборот. В XV—XVII веках эта идиома использовалась даже в официальных документах. Правда, смысл ее несколько расплывчат, хотя можно предположить, что он близок к «сказке о белом бычке»[3]. Вообще в указанный

[3] Процитируем судебные записи 1429 и 1683 гг. соответственно: «Дело аббата против приходского священника. Аббат и его предшественники недополучили десять шиллингов, каковые должны были уплатить прихожане в незапамятные времена. Адвокат Уильям Пастон: “Настоятель церкви Св. Павла получил сорок шиллингов с того же самого прихода, и в их числе — ваша доля в десять шиллингов”. Адвокат Рольф: “Стоял Робин Гуд в Бернисдейле...”» (цит. по: Bolland 1925: 107). «Пилкингтон и прочие обвиняются в мятеже. Когда обвинение было зачитано, мистер Джеффрис ответил: “Это какая- →

период робин-гудовские сюжеты породили в английском языке целый ряд самых разных оборотов, например:

- Robin Hood's mile (*англ.* – букв.: «Робингудова миля»; впервые зафиксировано в источнике 1559 года) – «доезжай не доедешь», очень далеко;
- Robin Hood's pennyworth (*англ.* – букв.: «[за] Робингудов грош»; 1565) – продавать задешево, намного ниже реальной стоимости;
- To outshoot Robin Hood (*англ.* – букв.: «перестрелять Робин Гуда»; 1581) – превзойти признанного мастера;
- Good even, good Robin Hood (*англ.* – букв.: «добрый вечер, славный Робин Гуд»; 1522) – вынужденная вежливость;
- Many talk of Robin Hood that never shot in (drew) his bow (*англ.* – букв.: «многие говорят о Робин Гуде, хотя никогда не стреляли из его лука (не натягивали его лук)») – говорить о том, в чем совершенно не разбираешься;
- Tales of Robin Hood are good among fools (*англ.* – букв.: «сказки о Робин Гуде хороши для дураков») – глупые байки, домыслы необразованных людей;
- To go around Robin Hood's barn (*англ.* – букв.: «ходить вокруг Робингудова сарая») – идти окольным путем, добиваться поставленной цели трудными способами;
- Robin Hood feared nought but a thaw wind (*англ.* – букв.: «ничего не боялся Робин Гуд, кроме сырого ветра»; намек на то, что от сырости лук становился непригоден для стрельбы) – смысл выражения не вполне понятен, но, вероятно, имеется в виду, что оттепель с ветром переносить труднее, чем холодную безветренную погоду.

Цит. по: Singman, Forgeng 1998: 28

Дошедшие до нас баллады о Робин Гуде записаны после 1410 года, которым датирован вышеприведенный отрывок; однако упоминания о них встречаются ранее, начиная с 1370–1380-х годов. Об истинном же времени возникнове-

---

→ то сказка бочки ('tale of a tub'; английский фразеологизм, означающий «чушь, ерунда». – *В.С.*)". Томпсон (адвокат обвиняемых. – *В.С.*) сказал: "Милорд, это правда или ложь? Я прошу, чтобы этим джентльменам позволено было опротестовать обвинение, если оно несостоятельно с точки зрения закона". На это адвокат Джеффрис отвечал: "Ну да, конечно, стоял Робин Гуд на зеленом лугу. Вы не можете его опротестовать"» (цит. по: NQ 1879: 216).

ния многих баллад остается только догадываться — сюжет в них типовой, понятный во все времена, а реалии довольно условны. При этом от века к веку исполнители, несомненно, модернизировали язык данных произведений, заменяя непонятные слова, а заодно привносили некоторые подробности, диалектные выражения и грубоватые остроты. Ядро сюжета, впрочем, почти всегда оставалось одинаковым: баллады повествовали о привольной жизни Робин Гуда и его славных молодцов в «зеленом лесу» — Шервудском или Бернисдейлском.

Заметим, что в цитировавшемся отрывке 1410 года упоминается Шервуд — традиционное, в современном представлении, место обитания английского разбойника, которое в итоге, к XVII веку, вытеснило Бернисдейл и обрело поистине символическое значение. Известный советский литературовед М.М. Морозов, исследуя легенду о Робин Гуде, писал:

> Можно сказать, что балладный Шервудский лес не только географическое понятие. Веселый Шервуд — это прежде всего царство свободы, братства и отваги, в чем-то напоминающее Телемское аббатство Франсуа Рабле <...> это народная мечта о вольной жизни, о таком положении вещей, при котором простого человека нельзя безнаказанно обижать.
>
> Морозов 1954: 415

И действительно, «зеленый лес» представляется поистине благословенным местом, ведь в нем нет ни бедных, ни униженных, ни голодных; охота, пиры, лучные тренировки, разбойничий промысел, бои на мечах и дубинках — вот основные занятия Робина и его друзей. Защитником своеобразной территории свободы, действующим во имя Бога и естественной справедливости, первым среди равных — именно таким выглядит Робин Гуд эпохи ранних баллад. Этот мужественный йомен во многом ведет себя как герой эпоса, оберегающий свой клан от враждебных вторжений извне.

Однако со временем социальное положение Робин Гуда меняется — во второй половине XVI века из йомена он становится дворянином; одновременно он всё более напоминает уже не эпического героя-воина, а плутоватого пикаро из приключенческого романа, регулярно попадающего в собственные ловушки и терпящего побои от тех, кого он сам хотел проучить. Возникает ощущение, что, чем позднее написана баллада, тем менее серьезным становится отношение рассказчика и действующих лиц к происходящему. Если в

ранних текстах Робин Гуд направляет своих соратников и ставит перед ними какую-то понятную задачу практического или идейного плана, то в поздних он вряд ли способен ответить на вопрос: «Куда ты ведешь своих людей?» По сути, единственным смыслом его существования становится безудержное веселье вкупе с довольно-таки агрессивными развлечениями. При этом Робин Гуд, как положено трикстеру, далеко не всегда выходит победителем из игры, которую сам же и затевает, и вполне может оказаться жертвой собственных козней. Провоцируя путников и требуя у них либо заплатить ему за то, что он их пропустит дальше, либо вступить с ним в поединок, Робин Гуд всякий раз не допускает мысли, что окажется не только побежденным, но и униженным (см.: «Робин Гуд и нищий [II]», «Робин Гуд и коробейники»). Учитывая обилие произведений с аналогичным сюжетом, лесной стрелок воистину оказывается самым битым героем английского фольклора.

В ранних балладах, помимо радостей свободы, непременно присутствует и подспудное ощущение смертельной опасности, связанное с изгнанничеством героев; но, начиная с XVI века, оно практически исчезает, хотя юридически сам статус изгнанника (*англ.* outlaw), которые имели Робин и его друзья, не перестает быть угрожающим. Если в первых текстах робин-гудовского легендариума лес служит символом свободы и естественной справедливости, то в более поздних — синонимом лишь веселой беззаботной жизни, причем беззаботной до такой степени, что всё происходящее вообще напоминает игру. Так, в пространной балладе «Рождение, воспитание, подвиги и женитьба Робин Гуда» бесконфликтность и условность «ухода в лес» (вынужденной меры, зачастую спасающей от смерти героев ранних произведений) доведены до логического предела. Приключения персонажей выглядят как типичное развлечение «золотой молодежи», юных дворян, которые пируют в парке и ухаживают за изящными «пасту́шками». Таким образом, войдя в контекст национального и политического мифа, Робин Гуд — изгнанник и разбойник — становится такой же неотъемлемой частью утопической «старой веселой Англии»[4], как «добрая королева Бесс», святой Георгий и Майский король. Однако, несмотря на все пертурбации, которые претерпевала робин-гудовская легенда, такие черты лесного стрелка, как благородство, рыцарское от-

[4] Начиная с XV в. о «старой веселой Англии» периодически упоминали самые разные авторы; а в 1819 г. этот образ окончательно популяризовал Уильям Хэзлитт (William Hazlitt; 1778–1830), автор очерка «Веселая Англия» («Merry Enlgand»), в котором робин-гудовский сюжет неразрывно связан с английской утопией: →

ношение к женщинам, щедрость, верность, благочестие и находчивость в ряде поздних баллад оставались неизменными.

* * *

Есть определенная ирония судьбы в том, что XIV–XV века отмечены в истории английской литературы как пик популярности народной баллады, а XVI–XVIII – как период, представивший нам максимальное количество сохранившихся текстов. Баллады робин-гудовского легендариума не стали исключением. Многие дошедшие до нас произведения этого цикла (пользовавшиеся к тому же наибольшей популярностью) действительно относятся ко второму периоду, тогда как не более четырех текстов (примерно из тридцати существующих, не считая варианты) можно с уверенностью датировать временем до 1500 года.

Итак, какими же были первые баллады о Робин Гуде?

Несложно заметить, что произведения, которые считаются самыми ранними – «Робин Гуд и монах» и «Робин Гуд и горшечник» – значительно длиннее баллад XVI–XVIII веков (таких как, например, «Робин Гуд и дева Мэрион», «Робин Гуд и Ален-э-Дэл»). Для сравнения: текст «Робин Гуда и монаха» состоит из 358 стихов, а «Робин Гуда и Ален-э-Дэла» – из 108. Ритм в ранних балладах неравномерный, в них почти нет внутренних рифм и мало художественно-выразительных средств. Современники, как правило,

---

→ Лучи утреннего солнца, озаряющие безлюдные долины или просвечивающие сквозь ветви густого леса, праздность, свобода, удовольствие «идти неведомо куда», стада диких оленей, охота и другие сельские развлечения – всего этого было достаточно, чтобы оправдать название «Веселый Шервуд», и, сходным образом, мы можем применить это определение к Веселой Англии.

Hazlitt 1904: 15

Историк и фольклорист Рональд Хаттон считает, что мифологическая Веселая Англия вполне могла существовать в 1350–1520 гг., в период расцвета календарных литургических праздников, с их торжественными шествиями, спектаклями и декорациями. Однако во время Реформации произошел крах устоявшегося религиозного календаря; пуританское стремление к аскезе и простоте «вытеснило» танцы вокруг Майского шеста и тому подобные развлечения в чисто светскую сферу, где они, в свою очередь, подверглись критике за «беспорядочность». Подробнее об этом см.: Hutton 1994.

называли такие произведения «историями» [5] (*англ.* tale) — впрочем, точно не известно, рассказывались эти «истории» или пелись. Вполне возможно, что их исполняли напевным речитативом, как, например, французскую героическую поэму «Песнь о Роланде», делая между частями более или менее длинные паузы. Структура ранних баллад вполне позволяла их дробить; две же из них — «Робин Гуд и монах» и «Робин Гуд и горшечник» — были изначально разбиты на несколько глав, или песен (*англ.* fyttes), наподобие стихотворных романов. Так же выглядит и «Повесть о деяниях Робин Гуда» (далее также — «Деяния»), которая, впрочем, не предназначалась для устного исполнения (на части она делилась в силу большого объема).

С течением времени «истории» начали отдаляться от эпоса и сближаться с народной лирической песней. Балладные строфы превращались в песенные куплеты, иногда почти дословно повторяющиеся. Всё чаще появлялся припев, довольно бессмысленный и никак не связанный с текстом (например, «хэй, даун-даун-э-даун»).

По сравнению с «историями», баллады песенного типа были значительно короче: событий в них становилось меньше, действие ограничивалось одной сценой. Нередко при их издании указывалась подходящая для исполнения популярная мелодия (например, «эта баллада поется на мотив “Прощай, мой славный Гилнок-холл”»[6]).

Нужно заметить, что не все стихотворные повествования о Робин Гуде, которые мы теперь не обинуясь называем балладами, изначально носили такое название. Как уже было сказано, минимум четыре самых ранних текста назывались словом «tale», хотя в XIV–XV веках — в пору их создания — слово «ballad» в английском языке уже существовало, но обозначало либо литературную, преимущественно французскую, балладу, либо «танцевальную лирику», пришедшую из окситанской[7] народной традиции[8]. Само слово

---

[5] Называться «балладами» они стали не раньше XVII в.

[6] Имеется в виду знаменитая шотландская баллада «Джонни Армстронг» («Johnny Armstrong») — или же песня по ее мотивам, — в которой главный герой перед смертью прощается со своим замком Гилнок-холлом (Гилноки; *шотл.* Gilnockie).

[7] Окситанский (провансальский) язык — язык коренного населения Окситании (регион на юге Франции). В Средние века на нем была создана богатая литература, в том числе поэзия трубадуров.

[8] В XIV–XV вв. французская баллада представляла собой жанр профессиональной поэзии, требовавший от автора особого мастерства. Это было стихотворение из опреде- →

«баллада» происходит от латинского глагола «ballare» (отсюда окситанское «balar» — «танцевать»). Термин «balada», или уменьшительное «baladeta», применительно к поэзии впервые встречается в окситанской рукописи XIII века и обозначает плясовую народную песню. Такова, например, известная песня-пляска «Всё цветет! Вокруг весна!» («A l'entrade del tens clar»)[9].

С французской балладой английских читателей в XIV веке познакомил Джеффри Чосер: на раннем этапе творчества поэт увлекался современной ему литературой Франции, переводил и писал подражания. Естественно, что вместе с жанром было заимствовано и его название, которое, однако, в Англии долгое время писалось по-разному: ballade, balat, balet, ballet, ballad. В XVI веке термин «ballad» (или «ballet») стал также обозначать и дидактический стихотворный рассказ, о чем свидетельствуют отдельные заглавия, например, «Баллада, разъясняющая, каким образом все христиане должны готовиться к войне» (1569), «Баллада об отце, который учил своих детей страху Божьему» (1563).

В этом контексте, подчиняясь разнородным влияниям, продолжала развиваться и робин-гудовская легенда.

* * *

Трудно сказать наверняка, как складывался и каким образом бытовал цикл баллад о лесном стрелке, прежде чем привлечь внимание собирателей и ученых. В частности, мы до сих пор не знаем, насколько было популярно, например, одно из лучших произведений этого цикла — «Робин Гуд и монах», которое, вполне возможно, является самым ранним образцом «историй» о Робин Гуде. Можно предположить, что именно его имели в виду средневековые поэты и хронисты XIV—XV веков, вводя в свои сочинения краткие упоминания о жизни и деятельности знаменитого разбойника. Тем не менее эта баллада оказалась совершенно не известна фольклористам То-

---

→ ленного количества строф на три сквозные рифмы с обязательным рефреном и с короткой «посылкой» (*фр.* envoi) — четырьмя строчками в финале, обращенными к условному адресату. В таком виде балладу мы находим, например, в творчестве Франсуа Вийона (ок. 1431 — после 1463). Танцевальная лирика, в свою очередь, представляла собой жанр народной поэзии — это была песня, сопровождавшая танец (нечто вроде хоровода).

[9] Текст этого произведения см. в изд.: ПТ 1974: 31.

масу Перси (Thomas Percy; 1729–1811) и Джозефу Ритсону (Joseph Ritson; 1752–1803), а потому не вошла в их знаменитые собрания: «Памятники средневековой английской поэзии» и «Робин Гуд» соответственно, из-за чего ее путь к современному читателю оказался долог и тернист. Вероятнее всего, столь пространное произведение, написанное во вкусе пятнадцатого или даже четырнадцатого столетия, казалось позднейшей аудитории чересчур длинным и скучным и потому «выпало» из поля зрения не только любителей-фольклористов, но и широкой публики. Впрочем, такая судьба постигла все ранние тексты о Робин Гуде, которые оказались забыты, как только эпическая неторопливость уступила место динамизму и лихо закрученным сюжетам, а изустная передача сменилась печатным тиражом. Например, баллада о Гае Гисборне сохранилась лишь в одном экземпляре — в рукописи, датированной серединой XVII века, хотя, несомненно, она была сочинена значительно раньше. Другая баллада — «Смерть Робин Гуда» — вошла в «Фолио Перси» (сборник, не издававшийся при жизни знаменитого собирателя), причем со множеством лакун и искажений.

Интерес к балладам о Робин Гуде как к отдельной литературной традиции — и, собственно, объединение разрозненных текстов в цикл — начинается в XVI веке. В это время баллады нередко издавались в составе различных сборников — так называемых «венков» (*англ.* garlands), — связанных общей темой или биографией главного героя[10]. Несомненно, об изучении баллад речь в это время еще не шла; составители ограничивались лишь тем, что отбирали произведения на основании общих признаков (тематика, герои, строфика), позволявших отнести тексты к одному циклу. Иногда эти признаки бывали чисто формальными, как, например, в случае с «Робин Гудом и принцем Арагонским», где лесных стрелков без особых потерь смысла можно заменить буквально кем угодно.

Многие поздние робин-гудовские баллады известны нам именно благодаря тому, что их включали в «венки» или печатали в виде дешевых «листков» с гравюрами; так до нас дошли «Робин Гуд и веселый сторож из Уэйкфилда», «Смелый коробейник и Робин Гуд», «Робин Гуд и скорняк», «Робин Гуд и Виль Скарлет» и некоторые другие. Конечно, в силу разных причин не

---

[10] «Повесть о деяниях Робин Гуда» в силу большого объема не включалась в сборники, а выходила отдельной книгой; впервые опубликованная между 1492 и 1534 гг., она пользовалась огромной популярностью и в течение XVI в. выдержала больше десяти переизданий.

все «листки» сохранились, но упоминания о них содержатся в Издательском реестре — таким образом, в ряде случаев ученым удалось зафиксировать если не время написания текста, то хотя бы приблизительную дату его публикации.

Интерес к балладе, зародившийся в XVI веке, не исчезал и в дальнейшем. В начале XVIII века в английской литературе произошло так называемое «возрождение баллады» (*англ.* ballad revival)[11]. Публика признала за этим жанром высокие художественные достоинства. К примеру, поэт и драматург Джозеф Аддисон (Joseph Addison; 1672–1719) восхвалял его за «прелесть простоты» (цит. по: Horgan 2015: 12). Еще бóльшую популярность баллады обрели в эпоху сентиментализма (с 1720-х годов) — во многом благодаря изображаемым в них картинам природы, естественным чувствам и сценам из жизни обычных людей. Всё это не могло не поднять литературный статус данных произведений — их стали издавать в виде сборников, куда входили в том числе и тексты о Робин Гуде. Таким образом, старинные английские и шотландские баллады были открыты, можно сказать, заново, выделены из общей массы народных песен, а профессиональные поэты и образованные представители аристократии начали писать стилизации по образцу фольклорных произведений. Так этот жанр впервые проник в «высокую» литературу.

Выдающаяся заслуга в «открытии» баллад принадлежит Томасу Перси. В его трехтомный сборник «Памятники старинной английской поэзии», объединивший сто восемьдесят текстов и вызвавший в Англии огромный всплеск интереса к фольклору, вошло большое количество подлинных народных «историй»: «Леди Маргарет и милый Уильям» («Lady Margaret and Sweet William»), «Охота в Чевиотских холмах» («Chavy Chase»), «Битва при Оттерборне» («The Battle of Otterburn»), «Сэр Патрик Спенс» («Sir Patrick Spens»), а также некоторые произведения о Робин Гуде.

К концу XVIII века баллады достигли пика популярности. Их коллекционировали и исполняли — это считалось модным. В любом литературном журнале можно было встретить как подлинные тексты, так и стилизации под фольклор, с самыми разными подзаголовками: «легендарная», «новая», «пасторальная», «англосаксонская», «шотландская», «цыганская», «американ-

[11] Этот термин впервые упоминается у литературоведа А.-Б. Фридмена (см.: Friedman 1961).

ская», «вест-индская» и т. д. В упомянутом сборнике Т. Перси встречались также «ужасные баллады» (*англ.* horror ballads), повествующие о страшных, сверхъестественных происшествиях. По их образцу возник литературный жанр «готической баллады» (*англ.* gothic ballad) – фантастической, мрачной, с бурными страстями. Появились и так называемые «лирические баллады», полные пейзажных зарисовок, тонких эмоций и философских размышлений; это определение было введено поэтами У. Вордсвортом и С.Т. Колриджем, которые таким образом озаглавили свой сборник («Lyrical Ballads»; 1798). Его название отражало смелую авторскую концепцию, ибо с понятием «баллада» до сих пор связывалось представление о повествовательном, а не о лирическом жанре. Войдя в творчество выдающихся поэтов XVIII–XIX веков (У. Вордсворта, С.Т. Колриджа, Р. Саути, П.-Б. Шелли, Дж. Китса), народная баллада, с ее сюжетами, образами, стилистикой, стала общим достоянием английской поэзии, а ее форма сделалась средством воплощения новых идей.

Интерес к этому жанру во второй половине XVIII – начале XIX века стал поистине международным. Так, в Германии большим успехом пользовались английские сборники баллад, а «Ленора» («Lenore»; 1773) Готфрида Бюргера, в свою очередь, была переведена на английский язык и нашла множество поклонников.

Таким образом, обращение к легенде о Робин Гуде на рубеже XVIII и XIX веков и поиск в ней новых смыслов выглядит довольно закономерно. Почва для этого была вполне подготовлена. Потенциал робин-гудовской легенды оценили самые разные писатели, и в их числе Вальтер Скотт. В его обработке история о знаменитом изгнаннике (роман «Айвенго», опубликованный в 1819 году) обрела новый колорит и оказала влияние даже на историческую науку. Примеру шотландского романиста последовал французский историк романтического направления Огюстен Тьерри, автор «Истории завоевания Англии норманнами» («Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands»; 1825), популярной не только в научных кругах, но и среди рядовых читателей. В предисловии к своему труду Тьерри писал, что к идее представить историю средневековой Англии в контексте столкновения и взаимодействия двух народов – норманнов и саксов – его подтолкнуло чтение «Айвенго». В «Истории завоевания...» он назвал Робин Гуда англосаксонским патриотом, боровшимся против захватчиков. Иными словами, художественное произведение показалось Тьерри достаточно убедительным источником,

однако при этом сам он отнес похождения лесного стрелка не к XII веку, как Вальтер Скотт, а к эпохе Вильгельма I Завоевателя (1066–1088 гг.).

Романтика Средневековья и национально-освободительный колорит в «Айвенго» вдохновили и других деятелей культуры. В пределах нескольких месяцев после выхода романа появились как минимум шесть его драматических обработок. В течение XIX века этот сюжет также послужил основой для опер, приключенческих романов и детских повестей, благодаря чему «Айвенго» не утрачивал привлекательности для нескольких поколений читателей. Трудами В. Скотта, а также его последователей и эпигонов, преимущественно и сформировался традиционный образ Робин Гуда в мировой культуре — образ романтического «принца воров»[12], предводителя шайки удалых изгнанников. Интересно и то, как происходила адаптация классических сюжетов в этих произведениях: какие-то темы и образы баллад оказывались не востребованы, а что-то, напротив, имело большой успех. При этом некоторые сюжеты, которые не пользовались особой популярностью во времена «листков» и «венков» либо вообще не бытовали в таком формате, обретали вторую жизнь. Например, история о знакомстве Робин Гуда с Маленьким Джоном была напечатана в формате «листка» лишь единожды, но теперь без нее нам трудно представить робин-гудовский цикл. Баллада же «Робин Гуд и дева Мэрион» вплоть до XIX века вообще не издавалась в составе «венков» — но в эпоху романтизма этот сюжет сделался одним из лейтмотивов робин-гудовской легенды, которая с самого начала неустанно обрастала всё новыми подробностями.

К концу XIX века число авторских произведений о Робин Гуде существенно возросло. Назовем здесь лишь наиболее значительные. В 1589 году была написана пьеса Энтони Мандэя «Падение Роберта, графа Хантингтона» («Downfall of Robert Earl of Huntingdon»). Около 1636 года известный драматург Бен Джонсон сочинил драматическую пастораль «Печальный пастух, или История о Робин Гуде» («The Sad Shepherd, or a Tale of Robin Hood»). В 1730 году на лондонской сцене, в Королевском театре Друри-Лейн, шла опера «Робин Гуд» (еще одна опера с таким же названием появилась через сто тридцать лет), а в 1751 году — одноименная «музыкальная комедия». В 1784 году в театре Ковент-Гарден состоялась крупнейшая тематиче-

[12] «Le Prince des Voleurs» — такое название носил роман Александра Дюма о Робин Гуде (1872). Что характерно, в 1991 г. появился художественный фильм «Робин Гуд, принц воров» («Robin Hood: Prince of Thieves»), к Дюма отношения не имеющий.

ская постановка XVIII века — комическая опера «Робин Гуд, или Шервудский лес» («Robin Hood, or Sherwood Forest»). В 1819 году, в один год с вальтер-скоттовским «Айвенго», в Эдинбурге вышло анонимное сочинение под названием «Робин Гуд, или Сказание о былых временах» («Robin Hood, or a Tale of the Olden Time»). В 1822 году Томас Лав Пикок написал роман «Дева Мэрион» («Maid Marian»). В 1840 году появилась книга английского писателя и журналиста Пирса Игана-младшего, включавшая роман «Робин Гуд и Маленький Джон, или Веселые молодцы из Шервудского леса» («Robin Hood and Little John, or the Merry Men of Sherwood Forest»), а также стихотворения различных авторов, посвященные предводителю лесных стрелков. В 1863—1864 годах Александр Дюма, пересказав роман Игана на французском языке, разделил его на две части: «Принц воров» и «Робин Гуд-изгнанник». В 1871 году была написана оперетта «Веселые молодцы из Шервуда» («Merry Men of Sherwood»). В 1898 году вышла книга «Робин Гуд и его веселые разбойники» («Robin Hood and His Merry Outlaws») Дж. Уокера Макспаддена, а через год Джордж Мэнвилл Фенн выпустил повесть о юном сыне шерифа, который становится другом лесного изгнанника — «Молодой Робин Гуд» («Young Robin Hood»).

Легенда оставила свой след и в других странах: в 1879 году во Франкфурте состоялась премьера романтической оперы «Робин Гуд» немецкого композитора Альберта Дитриха. Затем сюжет перекочевал за океан: в 1883 году появилась знаменитая книга американского писателя Говарда Пайла «Веселые приключения Робин Гуда» («Merry Adventures of Robin Hood»), выдержавшая множество переизданий и вошедшая в золотой фонд детской приключенческой литературы. В 1890 году в Чикаго о похождениях отважного стрелка была поставлена очередная опера, имевшая значительный успех.

В XX веке триумфальное шествие легендарного героя и его соратников продолжалось: число книг, музыкальных произведений и, наконец, фильмов исчислялось десятками.

РОБИН ГУД И ИДЕЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Идея эпического героизма неразрывно связана с представлением о справедливости. Впрочем, для того чтобы лучше понять идейное наполнение баллад, нужно знать, как определяли справедливость современники Робин Гу-

да — пусть даже о них приходится говорить в весьма широком смысле, учитывая, что биографию знаменитого стрелка относят к разным эпохам, от XII века до XV. О понимании справедливости в начале этого периода можно судить, к примеру, по рассуждениям Иоанна Солсберийского:

> Убить тирана — не только законно, но и правильно и справедливо. Ибо всякий, кто поднимает меч, заслуживает от меча и погибнуть. А кто же поднимает меч, как не тот, кто узурпирует его по собственному безрассудству и не получает власть пользоваться им от Бога. Поэтому закон справедливо вооружается против того, кто обезоруживает законы, и публичная власть яростно обрушивается на того, кто хочет ее свести на нет. И хотя есть много проступков, равносильных lese majeste[13], нет преступления более тяжкого, чем преступление против самой Справедливости.
>
> Цит. по: Берман 1998: 265

Иными словами, восстановление справедливости в понимании автора (и, вероятно, его современников) — естественный, богоугодный поступок, даже если для этого приходится прибегать к силе. Разве не так поступают и персонажи баллад о Робин Гуде, сознавая себя борцами за правильный порядок вещей, за то, как «должно быть»?

Англичане начала XIII века уже обладали опытом реальной борьбы со злоупотреблениями монарха — ее результаты, как и право подданных восставать против тирании, были зафиксированы в Великой хартии вольностей, в частности в следующих параграфах:

> Ни один свободный человек не будет арестован, или заключен в тюрьму, или лишен владения, или объявлен стоя́щим вне закона, или изгнан, или каким-либо [иным] способом обездолен, и мы не пойдем на него и не пошлем на него иначе, как по законному приговору равных [пэров] и по закону страны.
>
> <...> И если мы не исправим нарушения или, если мы будем за пределами королевства, юстициарий наш не исправит [его] в течение времени сорока дней, считая с того времени, когда было указано это нарушение нам или юстициарию

---

[13] Lese majeste (*лат.* — букв.: оскорбление величества) — это понятие, достаточно широкое, включало посягательство на честь правителя, неодобрение его действий, а также преступления против государства. Данный термин был известен еще древним римлянам; существовал он и в англосаксонском праве.

> нашему, если мы находились за пределами королевства, то вышеназванные четыре барона (выборные представители дворянства. – *В.С.*) докладывают это дело остальным из двадцати пяти баронов, и те двадцать пять баронов совместно с общиною всей земли будут принуждать и теснить нас всеми способами, какими только могут, то есть путем захвата замков, земель, владений и всеми другими способами, какими могут, пока не будет исправлено нарушение согласно их решению; неприкосновенной остается [при этом] наша личность и личность королевы нашей и детей наших; а когда исправление будет сделано, они опять будут повиноваться нам, как делали прежде.
>
> Цит. по: ПИА 1936: 107, 111

Понятие справедливости как «закона Божьего» фигурировало в английском законодательстве со времен саксонских королей. В частности, оно отдельно упоминается в кодексе Кнуда Великого, начинающемся со слов:

> Я желаю, чтобы вводились хорошие законы и усердно уничтожалось всякое беззаконие и чтобы всякая несправедливость выкорчевывалась и искоренялась, как только возможно, в этой стране (Англии. – *В.С.*). И пусть установится правда Божья, и пусть отныне каждый, бедный и богатый, будет под защитой народного права, и да судят их по справедливости.
>
> Цит. по: ХПФГ 1961: 85

Однако Великая хартия вольностей утвердила идею справедливости и законной борьбы с тиранией уже в новых культурно-исторических реалиях – тех самых, в которых складывался и цикл баллад о Робин Гуде.

Согласно средневековой теории государства, получившей распространение благодаря трудам Августина Блаженного и Фомы Аквинского, человеческие законы должны следовать законам природы, которые, в свою очередь, отражают вечные и незыблемые Божьи законы. Из последних же логически вытекают основные принципы и этические нормы, которые универсальны и обязательны для всех. Эти принципы – такие как честность, чувство собственного достоинства, признание за всеми определенных гражданских прав, моральный долг, обязывающий помогать ближнему, – становятся рациональным этическим идеалом. Государство, таким образом, выступает как средство оптимальной реализации социальной и политической природы человека, а также достижения общего блага; подчинение же природному по-

рядку обеспечивает гармонию, добродетель и счастье, тогда как нарушение естественных законов приводит к хаосу и бедам. Пока официальная власть поддерживает себя естественно-законными способами, человек обязан повиноваться вышестоящим органам и лицам. Но если сочиненный людьми закон начинает противоречить естественному, человек вправе оказать сопротивление — указание на это, в частности, находится в «Сумме теологии» Фомы Аквинского:

> Человек обязан повиноваться светским князьям в той мере, в какой этого требует правосудность. Поэтому если власть князя узурпирована непосредственно им или если он предписывает что-либо неправосудное, то его субъекты если и должны повиноваться ему, то разве что акцидентно, дабы избегнуть опасности или бесчестья.
>
> Фома Аквинский 2013: 660

Судя по подаваемым в английский парламент петициям против чиновничьего самоуправства и тирании местных лордов, по песням и дидактическим поэмам, рисующим тяготы бедняков и бесчинства богачей, по народным манифестам времен крестьянской войны 1381 года и восстания Джека Кэда в 1450 году, влияние этих идей на политическую практику XIV–XV веков было очень существенным.

Итак, справедливое значит естественное (Божественное). Эта формула была хорошо усвоена народным сознанием, а потому и герой-рыцарь, и герой-йомен выступают защитниками «естественного» — того, что в балладах о Робин Гуде называется словом «ordre» (*среднеангл.* — букв.: «порядок», «то, как должно быть»). «Ordre» в них противопоставлен закону (*англ.* law), всегда приходящему извне. Можно сказать и так, что «ordre» — это характерная принадлежность условного мира баллад, с его вольностями и представлениями о свободе, а «law» — принадлежность мира исторического, реального, который, вторгаясь в лице чиновников, священнослужителей и солдат в идиллический «зеленый лес», напоминает о себе самым неприятным образом. Где law — там и повешение, и объявление вне закона (*англ.* out-law). В свою очередь, ordre представляет собой неписаные правила, «обычаи». Такие понятия, как учтивость, гостеприимство, верность обещаниям, благодарность, правдивость, также относятся к сфере ordre.

В представлении вольных стрелков, ordre выступает не только в качестве ориентира для их сообщества, но и мыслится таковым для всех осталь-

ных людей. Несколько примеров тому мы находим в «Деяниях», в частности в эпизоде, в котором шериф обещает Робину больше никогда не преследовать вольных стрелков; таким образом, верность клятве, тем более данной на оружии, их предводитель считает непреложной. Нарушение же подобной клятвы — тяжелейшее преступление в том мире, где властвует ordre. А потому изгнанник ждет «игры по правилам» даже от своего злейшего врага, шерифа:

«Клянись теперь же на мече —
Тогда пойдешь домой, —
Что перестанешь с этих пор
Гоняться ты за мной.

И если йомены мои
Попросят, будь готов
(Целуй клинок — клянись, шериф!)
Им дать еду и кров».

В представлении же шерифа предателем и изменником является Ричард Ли, поскольку тот нарушает официальный закон (law): рыцарь дает убежище преступникам и тем самым восстает против верховной власти, оказываясь их сообщником.

Шериф не признаёт ordre, однако для короля Англии это понятие наполнено тем же смыслом, что и для бернисдейлского, позже шервудского, изгнанника, ведь Эдуард, в отличие от шерифа, обладает теми же качествами, что и Робин: он справедлив, щедр, весел, вспыльчив, но отходчив. Взгляд на мир роднит государя с его строптивым, но морально почти безупречным подданным.

Концепт «доброго правителя» — один из основополагающих в цикле баллад о «зеленом лесе». Классический «добрый правитель» изначально является носителем и воплощением справедливости, хоть и склонен действовать сгоряча и чересчур доверять своим ставленникам: так, в «Деяниях», получив жалобу от шерифа, он немедленно объявляет Ричарда Ли вне закона и грозится поймать Робин Гуда. Впрочем, эта импульсивность не всегда направлена против «мятежников»: в «Робин Гуде и монахе» король, узнав о бегстве главного героя из темницы, искренне восхищается умом и преданностью Маленького Джона и явно ему симпатизирует.

Таким образом, ordre, по большому счету, — это нечто вроде условия игры, в равной мере принятого всеми, кому важна определенная социальная идентификация. Горожане становятся членами лесного братства, если докажут свою приверженность ordre (не струсят, не солгут); а обеднев, они могут рассчитывать на помощь лесной вольницы. Пожалуй, единственное «исключенное» из баллад сословие — это крестьяне (сервы, *англ.* serves), которые имели меньше возможностей соприкоснуться с лесным «порядком» именно в силу личной несвободы: для них эта попытка была чревата не только обретением статуса изгнанника, но и серьезной угрозой для семьи и общины.

Однако ordre, несомненно, являлся не только литературным концептом; можно сказать, что представления о том, «как правильно», «как справедливо», были фундаментальной идеей средневекового общества; в этом отношении такие ценности, как стабильность и безопасность, ей, скорее, уступали. Англичане той эпохи, как и большинство европейцев, вероятно, согласились бы с определением, которое дал справедливости Юстиниан: «Это постоянное и неуклонное желание воздать каждому должное» (Justinian 1888: 5). Разумеется, такая концепция не отделялась от иерархичности: права зависели от социального статуса и у всех были далеко не одинаковы. Тем не менее, жажда справедливости пронизывала средневековое общество и являлась одним из базовых понятий, превращавших разрозненные сословия в единое целое. В отсутствие надежды на равенство — точнее, в отсутствие представления о бесклассовом обществе — решающую роль играло сознание того, что каждому человеку, во всяком случае, гарантирован ряд прав — в силу его принадлежности к той или иной социальной группе. Так, члену гильдии предоставлялось пособие в случае болезни, дворянину — право юрисдикции по гражданским делам на своей земле, и т. д.

Таким образом, государство старалось по возможности сближать понятия ordre и law, а подданные искали под сенью законов безопасности для себя и своей семьи; но интересовало ли их официальное представление о справедливости, внедряемое правительственными учреждениями? Очевидно, не всегда. Кроме того, средневековый мир был глубоко корпоративен, и мы не можем с уверенностью сказать, совпадало ли представление о справедливости у представителей разных социальных и культурных групп. Достоверных сведений такого рода мало, однако в чем-то, быть может, показательны пристрастия широкой читательской аудитории: известно, какой по-

пулярностью пользовались легенды о героическом прошлом Англии, в частности артуровские романы. Слушателей и читателей, несомненно, привлекали качества главного героя, которые, в свою очередь, признавались и за другими добрыми легендарными королями, поддерживавшими в государстве мир и проводившими в жизнь справедливые законы. Эту традицию описания во многом заложили Гальфрид Монмутский (в своей широко известной, написанной на латыни «Истории королей Британии»), Вас, автор «Романа о Бруте» («Roman de Brut»; 1155)[14], писавший на англо-норманнском диалекте, и Лайамон, чей роман «Брут» («Brut»; ок. 1190) стал первым англоязычным произведением, повествующим о британских правителях, в том числе о короле Артуре. Читатели Гальфрида также знали, что и дед Артура, король Константин (Кустеннин), «восстанавливал справедливость, укрощал алчность грабителей, пресекал беззакония местных правителей и вообще делал всё возможное, чтобы повсюду воцарился мир» (Geoffrey of Monmuth 1842: 91). Вымышленность приключений самого Артура, очевидно, не мешала воспринимать основной посыл произведения: знаменитый король ратовал за справедливость, порядок и достойное поведение во всех делах (так, завоевав Францию, он обеспечил новым подданным мирную жизнь под сенью закона). У вышеупомянутых авторов Артур и прочие легендарные монархи представлены как безжалостные воины, способные сотнями истреблять врагов, однако в пределах своих королевств они — добрые государи, обеспечивающие безопасность и порядок для всех.

Но мифологизированный идеальный король требует не менее мифологизированного идеального подданного — того, кто готов благородно отдать за него жизнь, кто напрямую, минуя посредников-чиновников, обращается к нему со своими жалобами и делает ощутимый вклад в беспечальное существование гармоничного государства. В то же время его верность правителю не мешает сохранению собственной чести и стремлению к естественно-справедливому порядку вещей. Идеальный подданный не помышляет о том, чтобы изменить свое положение, и прекрасно отличает правду от лжи. Как раз это мы видим в балладах о Робин Гуде, где, даже несмотря на свой статус преступника, лесной стрелок выведен именно таким. Отвергая официальные

[14] В этом произведении Вас повествует о подвигах Брута, потомка древнегреческого героя Энея, который после многочисленных побед над греками и франками прибывает в Альбион и там основывает Лондон; поэт также излагает историю потомков главного героя — английских королей, повествуя об их деяниях и подвигах.

предписания и установления, но при этом четко сознавая порядок и обычай, он самостоятельно создает законы для того пространства, на которое распространяются его власть и ответственность. Так Робин Гуд эпохи ранних баллад и «Деяний» хранит свой лес и поэтому с уверенностью раздает распоряжения соратникам касательно того, кого им надлежит «вязать и бить», а кому помогать.

РОБИН-ГУДОВСКИЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Баллады и песни о Робин Гуде были известны широкой публике как минимум с XIV века, при этом их исполнение представляло одно из самых распространенных развлечений. Возможно, поэтому в аллегорической поэме «Троил и Крессида» («Troilus and Criseyde», 1380) Джеффри Чосер обмолвился о некоем весельчаке-Робине, не сомневаясь, что читатели прекрасно поймут, о ком идет речь:

From haselwode, there joly Robyn pleyde,	Из орешника, где резвился веселый Робин,
Shal come al that thow abides here.	Придет всё то, чего ты ждешь.

Chaucer 1894: 370

В формулировке «jolly Robin» заключена, пожалуй, вся суть «двойного бытия» персонажа. С одной стороны, вспоминается Робин Славный Малый (Robin Good Fellow), лесной дух, который со своими каверзами регулярно вмешивается в дела людей; с другой же, перед нами встает знакомый образ — «резвящийся» в чащобе (развлекающийся охотой и состязаниями) лесной разбойник. Да и эпитет «jolly» применительно к нему в балладах тоже встречается (хотя в ранних текстах он и уступает по частоте слову «merry», имеющему сходное значение).

Немногим раньше Дж. Чосера другой английский поэт, Уильям Лэнгленд (William Langland; 1331?–1386), автор «Видения о Петре-Пахаре» («Vision of Piers Plowman»; ок. 1377), упомянул популярные «песни о Робин Гуде», также свидетельствуя о том, что они были на слуху. Речь о такой песне идет и в аллегорической интермедии «Дух четырех элементов» («Of the

Nature of the Four Elements»; ок. 1520), приписываемой английскому писателю и печатнику Джону Растеллу (John Rastell; ок. 1475–1536). В ней Человеческая Натура и Невежество ведут следующий диалог:

Невежество	Только покуда надо решить, Как бы времечко нам убить.
Человеческая Натура	Ну-ка споем про былые дни.
Невежество	Нет уж, Господь тебя сохрани!.. Эти баллады на редкость злы И ядовиты, как жало пчелы. Песню любимую мою О Робин Гуде тебе спою. Песенка эта и впрямь хороша.
Человеческая Натура	Ну же, приятель, жду не дыша! *Хэй*, *даун*, *дерри-даун*, и т. д.

Цит. по: Interlude 1848: 50–51

«Злые баллады», которые отказывается слушать Невежество, — это, вероятно, сатирические стихотворения, положенные на незатейливый мотив. Примечательно, что Невежество вслед за тем предлагает «песню» о Робин Гуде — и далее исполняет произведение, начинающееся со знаменитых слов «Стоял в Барнсдейле Робин Гуд». Текст представляет собой набор бессвязных фраз, в духе фольклорных небылиц-прибауток («ехала деревня мимо мужика, вдруг из-под собаки лают воро́та»). Видимо, это пародия на популярные народные песни о Робин Гуде:

Стоял в Барнсдейле Робин Гуд,
На дерево облокотясь,
Тут Богородица пришла,
И с ней пришел святой Андрей.
«Проснись скорее, Джефри Кок».
Река зимою глубока

И непомерной ширины.
Гуся за шею он держал
И шел спокойно над водой.
Забрался на терновник он
И палкой подрубил его,
Вьюрка ударил меж рогов,
Да так, что вспыхнула свинья.
Уилкин славный лучник был,
Владеть лопатой он умел.
Он лук согнул в своих руках
И на костре его поджег...

Цит. по: Interlude 1848: 51

В интермедии Растелла песня о Робин Гуде предстает как нечто нелепое, полное бессмысленностей, и вдобавок ее исполняет отрицательный персонаж. По-видимому, это отражает реальное отношение к робин-гудовским историям среди образованного общества. На протяжении долгого времени они считались развлечением для простонародья, однако в начале XVI века Генрих VIII сделал их достоянием аристократической культуры, причем иногда король лично изображал главного персонажа баллад. Например, в 1510 году он в сопровождении придворных явился в покои королевы Екатерины, одетый как Робин Гуд; его люди соответственно исполняли роли других разбойников. В мае 1515 года Генрих с супругой отправились в Шутерс-Хилл (парк в окрестностях Лондона), и по пути их встретила компания «веселых молодцов» (разумеется, это были переодетые королевские гвардейцы). Реальный король — как балладный Эдуард — охотно примерил зеленый плащ лесного стрелка, словно давая понять, что подобные вольности его не унижают.

С другой стороны, несмотря на изысканные сюжеты с участием Робин Гуда, которые разыгрывались при дворе, в восприятии многих этот персонаж по-прежнему оставался символом беспорядка. Однако время от времени баллады об отважном изгнаннике всё же находили для себя безопасную нишу. Так, в эпоху Реформации в Англии стала востребованной их сатирическая и антиклерикальная направленность, которая в более ранний период вызывала немало нареканий. Но в то же время моралисты XVI века — как протестанты, так и католики — находили в робин-гудовской легенде букваль-

но всё, что казалось им неприемлемым в народной культуре как таковой — в частности, внешнюю грубость и тягу к низменным темам. Францисканский священник и поэт Уильям Рой (William Roy; ум. после 1535) в нравоучительном «Правдивом разговоре джентльмена с пахарем и другими» («A Proper Dialog Between a Gentleman and Husbandman and Others»; 1521) сетовал на столь неподобающие вкусы мирян:

<...> they contempne in Englisshe	<...> они презирают
To have the newe Testament.	Новое Евангелие на английском.
But as for tales of Robyn hode	А что касается сказаний о Робин Гуде,
With wother jestes nether honed nor goode,	Заодно с другими историями, ни утонченными, ни добрыми,
They have none impediment...	То они не встречают никаких преград...

Цит. по: Bryant 1913: 90

Помимо нарушений закона, робин-гудовская легенда также прочно ассоциировалась с неприличным весельем, шутовством и всякого рода глупостями, не уместными ни при какой строго организованной системе. Популярность Робина — ловкого плута и разбойника — вызывала у серьезных авторов недовольство. Первое свидетельство тому мы находим в поэме У. Лэнгленда «Видение о Петре-Пахаре». Один из отрицательных персонажей этого произведения, Лень, признаётся: «Я не знаю “Отче наш”, как его поет священник, | Зато знаю стихи о Робин Гуде и Рэндольфе, графе Честерском» (Langland 1886: 166). Впрочем, возможно, неприязнь автора «Видения...» к лесному разбойнику была вызвана вовсе не его похождениями, а той иррациональной — с точки зрения высокообразованного человека — популярностью, которой пользовалась легенда о нем, поскольку Лэнгленд с одобрением отзывался о «законе Фолвилла» (по сути, грабежах)[15], видя в нем нечто вроде божественного провидения:

And some to ryde and to recovere that unrightfully was wonne;	И некоторые отправлялись и возвращали то, что было приобретено неправедно;

[15] Юстас Фолвилл (Eustace Folville; ум. 1346?), вполне реальный разбойник, вместе со своими четырьмя братьями наводил ужас на Лестершир и Дербишир.

He wissed hem wynne it ageyne thorw wightnesse of handes,	Милость Божья помогала им вернуть всё это силой своих рук,
And fecchen it fro fals men with folvyles lawes.	Отобрав у злых людей по законам Фолвилла.

Langland 1886: 241

Примерно в то же время, что и Лэнгленд, английский поэт Джон Гауэр (John Gower; 1330–1408) в поэме «Зерцало человеческое» («Mirour de l'omme»), обличил неблагочестивый образ жизни — любовь к танцам, турнирам и пирам, — назвав эти пристрастия «обычаем Робина». Описывая монаха-чревоугодника, Гауэр иронически замечает:

Et dist quec'est la reule jouste:	Он говорит, что это справедливое правило;
Ne croi point de saint Augustin,	Сомневаюсь, что оно установлено святым Августином.
Ainz est la reule du Robyn,	Скорее, это обычай Робина,
Qui meyne vie de corbyn,	Который ведет жизнь ворона
Qui quiert primer ce q'il engouste	И рыщет в поисках того,
Pour soi emplir.	Чем можно набить брюхо.

Gower 1899: 236

Но, возможно, здесь имеется в виду не герой баллад о «зеленом лесе», а просто крестьянин (долго служивший в изящной литературе символом грубости и низменности), которого британские авторы той эпохи порой собирательно называли Робином[16], а французские — Жаком.

Неизвестный же создатель нравоучительного трактата «Богач и бедняк» («Dives and Pauper»), написанного около 1410 года, сетовал, что многие слушают песни о Робин Гуде куда охотнее, чем церковные службы и проповеди. «Они скорее пойдут в таверну, чем в Святую Церковь, скорее станут слушать историю или песню о Робин Гуде или о какой-нибудь непристойности, чем мессу, заутреню или что-нибудь из Господней службы» (DP 1980: 189), — писал анонимный сочинитель, критикуя тех, кто недостаточное внимание уделял духовной жизни.

---

[16] Это имя, например, носит и герой анонимной пасторали XV в. «Робин и Макин» («Robyn and Makyn»).

Во второй половине XVI века Эдвард Деринг (Edward Deringe; 1540?–1576), английский ученый, политик и знаток старины, уже жаловался на пристрастие минувших поколений к *балладам* о Робин Гуде и даже уподоблял эти произведения колдовским чарам. При этом истории о лесном стрелке Деринг ставил в один ряд не с романами о благородных героях — Бевисе Хэмптонском, Гае Уорикском и Артуре, — которые он называл «детскими нелепицами», а с «бессмысленными деяниями» Гаргантюа, Эзопа и анекдотами про готэмских глупцов[17] (см.: Singman, Forgeng 1998: 116). В отличие от Деринга, Уильям Тиндейл (William Tyndale; 1494?–1536), ученый и переводчик Библии, поместил Робина на одну доску с другими героями, однако общая оценка баллад осталась отрицательной:

> Вас вынуждают читать о Робин Гуде, Бевисе Хэмптонском, Геркулесе, Гекторе и Троиле — тысячи историй и побасёнок о любви, распутстве и грубости, таких мерзких, какие только можно вообразить, и всё это, чтобы развратить молодые умы, вопреки учению Христа и Его апостолов.
>
> Цит. по: Pollard 2005: 10

Весьма негативный посыл упоминание Робин Гуда несет и в пьесе Джорджа Пила (George Peel; 1556–1596) «Знаменитая хроника короля Эдуарда I», где оно как бы снижает политическую значимость мятежника Ллевелина[18]. Последний вместе со своими соратниками разыгрывает сценку о лесных стрелках, напрямую отождествляя себя с ними. В пьесе, отчетливо направленной против валлийских бунтарей, этот сюжет ассоциируется с изменой; к тому же столь легкомысленное занятие — игра в Робин Гуда — вероятно, по мнению автора, должно было выставить героев не в лучшем свете. Иными сло-

---

[17] Имеются в виду «Веселые истории о безумцах из Готэма» («Merrie Tales of the Mad Men of Gotham»; ок. 1460) — сборник анекдотических рассказов о глупых жителях одной английской деревушки. Готэмцы построили вокруг поля забор, чтобы избавиться от птиц, клюющих посевы, утопили церковный колокол, чтобы спрятать его от врагов, выбросили запас соленой рыбы в пруд, в надежде, что та расплодится, и т. д. Аналогичные сюжеты встречаются и в других народных «книгах о дураках», например в немецких «Шильдбюргерах».

[18] Л л е в е л и н (Лливелин) III ап Грифид (*валл.* Llywelynap Gruffydd; ок. 1223–1282) — последний независимый правитель Уэльса, в 1282 г. вместе со своим братом возглавивший восстание против англичан. После гибели Ллевелина и подавления восстания Уэльс был окончательно завоеван английским королем Эдуардом I.

вами, песни, баллады и истории о Робин Гуде, с точки зрения современников-моралистов, были полны бессмыслицы и влекли к нравственному упадку.

Немало претензий у образованной части общества вызывали и Майские игры, одним из популярных участников которых был Робин Гуд. Эти празднества не только казались воплощением дурного вкуса и распущенности, но вдобавок провоцировали нарушение «дня субботнего»[19]. В частности, об этом писал пуританский автор Мартин Марпрелейт (Martin Marprelate)[20], критикуя не только неблагочестивых прихожан, но и неразумных священников:

> Мальчик в церкви слышит Летнего лорда с его Майскими играми или Робин Гуда с танцорами, которые проходят мимо, и идет за ними. Добрый Джилбери (священник. – *В.С.*), хоть он и стоит за кафедрой <...>, тут же заканчивает проповедь, говорит: «Ха-ха, вот и они, идем с ними» <...>, спускается и уходит.
>
> Цит. по: Maskell 1845: 97

Хрестоматийна также история, случившаяся в 1530-х годах с Вустерским епископом Хью Лэтимером, который однажды обнаружил, что церковь заперта, поскольку горожане, не желая слушать проповедь, отправились праздновать «день Робин Гуда» (дело, очевидно, происходило в начале мая).

> Я думал, что ко мне отнесутся с уважением, но я ошибся, и мне пришлось уступить место сторонникам Робин Гуда. Это повод не для смеха, друзья мои, а для слез – это очень грустно, очень грустно; собраться ради Робин Гуда, изменника и вора, и отвергнуть проповедника, оказать ему меньше чести, предпочесть Робин Гуда слову Господню.
>
> Latimer 1844: 208

Важно отметить, что, говоря это, Лэтимер возвращает лесного стрелка в более традиционный контекст: Робин не просто причина беспорядков и воз-

---

[19] Об особом статусе субботы Библия впервые упоминает во второй главе Книги Бытия, когда Бог, «почив от трудов», благословил день субботний и освятил его (см.: Быт. 2: 3). В этот день верующим надлежало, не утруждая себя работой, молиться, посещать богослужения и т. д. В христианской Церкви воскресенье (знаменующее победу Христа над смертью) полностью заменило субботу в качестве дня, посвященного Богу, однако само выражение «день субботний» осталось.

[20] Настоящее имя автора неизвестно; семь памфлетов, подписанных этим псевдонимом, вышли в 1588–1589 гг.

будитель непристойного веселья, но в первую очередь «изменник и вор». Устраивать торжество в честь преступника, с точки зрения многих серьезных авторов, предосудительно вдвойне, и даже безусловная преданность королю, которую Робин Гуд выказывает в ранних балладах, и обилие узнаваемых рыцарственных добродетелей не спасают его от осуждения поборников нравственности.

Ту же тему мы находим и в анонимной аллегорической пьесе «Три дамы из Лондона» («The Three Ladies of London»; 1584), где персонаж по имени Чистосердечие (*англ.* Sincerity) предостерегает зрителей о суровых последствиях, которые влечет за собой чрезмерный интерес к «глупым историям», наряду с игрой в карты, выпивкой и прочими пустыми занятиями:

But what is he that may not on the Sabaath day attend to heare Gods word?	Но каков тот, кто в субботний день не посещает [церковь], чтобы услышать Божье слово?
But we wil rather run to bowls, sit at the alehouse, than one hour afford:	Мы скорее, чем посвятим один час [Богу], будем играть в шары и сидеть в трактире,
Telling a tale of Robin hood, sitting at Cards, playing at kettels, or some other vaine thing.	Рассказывая какую-нибудь историю о Робин Гуде, сидя за картами, играя в кегли или занимаясь иными пустыми делами.
That I feare Gods vengeance on your head it will bring.	Боюсь, что из-за этого на вашу голову падет кара Господня.

Цит. по: OATD 2014: 423

Трудно сказать наверняка, с какими именно образцами художественного творчества, посвященного лесному стрелку, были знакомы современники Хью Лэтимера и автора «Трех дам из Лондона». Это могли быть как подлинные фольклорные произведения, бытовавшие в устной традиции, так и «уличные» баллады, сочиненные профессиональными авторами и с самого начала подогнанные под определенный издательский формат. Второе даже более вероятно: XVI век был эпохой активного развития городской литературы. Дешевые печатные «листки» с балладами, песенками, нравоучительными стихами и даже церковными гимнами продавались в большом городе чуть ли не на каждом углу, а по деревням в своих мешках их разносили ко-

робейники. Поэтому можно предположить, что произведения, которые знали и любили обитатели Вустершира, пренебрегшие проповедью ради «дня Робин Гуда», — это ранние баллады (возможно, укороченные и переработанные), а также «Деяния» и прочие тексты, которые вполне могли быть сочинены и даже опубликованы в XVI веке, но по разным причинам не сохранились (например, песни и драматические отрывки). С большой долей вероятности, они были весьма просты по форме и незатейливы по содержанию и с успехом тиражировали популярный сюжетный ход «Робин Гуд встречает достойного противника».

Однако основным источником знакомства широкой публики с робингудовским легендариумом в XVI веке, возможно, служили не баллады, а непритязательные инсценировки. На это, в частности, намекают слова Ричарда Моррисона (Richard Morrison; 1513?—1556), ученого и дипломата, предлагавшего Генриху VIII заменить эти развлечения чем-то более пристойным:

> Во время летних праздников во всём вашем королевстве появляются исполнители пьес о Робин Гуде, деве Мэрион, брате Туке, где наряду с грубостью и буйством <...> людей учат неповиновению властям: разбойники идут, чтобы отнять у шерифа Ноттингемского того, кто за нарушение закона должен быть казнен.
>
> Цит. по: Anglo 1957: 179

Популярность вышеупомянутых пьес неудивительна, особенно в провинции, где грамотных было гораздо меньше, чем в крупных городах, а потому «листки» и прочая развлекательная литература не всегда находили обширную аудиторию. Зато посмотреть представление обычно собирались все, от мала до велика.

Впрочем, после английской Реформации у представителей самых разных партий появились некоторые причины «оправдать» Робин Гуда. Лесной стрелок и его веселые молодцы, при всех своих недостатках, сделались необходимым для самоидентификации культурным наследием, не связанным с местночтимыми святыми и римскими церковными праздниками. Этот сюжет подарил англичанам еще одного, помимо короля Артура, легендарного героя, воплощающего лучшие черты нации.

Хотя в ранних балладах Робин Гуд грабил алчных аббатов, монахов и епископов, он тем не менее оставался благочестивым католиком, который

слушал мессы, исповедовался и жертвовал на строительство часовен. Однако с отделением Английской церкви от Римской лесной стрелок и священнослужители окончательно сделались непримиримыми врагами. Так, именно представитель Церкви оказался повинен в «падении» главного героя в пьесе Энтони Мандэя о Роберте — графе Хантингтоне, равно как и в «Правдивой истории о Робин Гуде» (1632) Мартина Паркера, где лесной изгнанник уже не только грабит, но и увечит священнослужителей. И в XVI, и в XVII веке непочтительное отношение к ставленникам папства и католическому миру в целом вполне отражало умонастроения немалой части англичан. В 1620-е годы испанский посол — представитель католической страны — сделался в Англии буквально объектом общей ненависти, а в 1624 году, когда после неудавшегося сватовства к испанской инфанте на родину вернулся принц Чарлз (будущий король Карл I), это стало поводом для настоящего народного ликования.

Время шло, а робин-гудовский сюжет продолжал проявлять удивительную гибкость, адаптируясь к новым культурным запросам и веяниям. Кроме актуальных сатирических мотивов, в «Правдивой истории...» М. Паркера мы находим и панегирик тем временам, когда она была создана, — по мнению автора, гораздо более цивилизованным, чем давно минувшая эпоха, в которую жил и действовал Робин Гуд. Обращение к балладному сюжету, таким образом, становится поводом противопоставить старинную грубость нравов современному гуманизму. С другой стороны, нетрудно проследить и обратную тенденцию: в произведениях по мотивам робин-гудовских баллад стали появляться нотки тоски по ушедшим временам, полным простоты и чистосердечия. Так, Бен Джонсон в пасторали «Печальный пастух» (1630-е годы), где среди прочих персонажей фигурирует и лесной стрелок, устами пастуха Лионеля критикует пренебрежительное отношение пуритан к старинным сельским забавам:

O Friar, those are faults that are not seene,	О брат, их недостатки не видны,
Ours open, and of worst example beene.	А наши открыты, притом худшего сорта.
They call ours, Pagan pastimes, that infect	Они называют наши развлечения языческими,
Our blood with ease, our youth with all neglect;	Заражающими нашу кровь праздностью, нашу юность пренебрежением,

Our tongues with wantonnnesse, our thoughts with lust,	Наши языки распущенностью, наши мысли похотью,
And what they censure ill, all others must.	И то, что они порицают как зло, должны порицать и все прочие.

Johnson 1783: 14

Там же в защиту излюбленных развлечений выступает и Робин Гуд, напоминающий у Бена Джонсона не столько балладного изгнанника, сколько «Майского лорда» — устроителя увеселений:

I doe not know, what their sharpe sight may see	Я не знаю, что́ их острый взгляд способен разглядеть в прошлом,
Of late, but I should thinke it still might be	Но я думаю, что это всё же могло быть —
(As 'twas) a happy age, when on the Plaines,	Да так оно и было — веселое время, когда на равнинах
The Wood-men met the Damsells, and the Swaines	Лесные обитатели встречали девиц, а пастушки́
The Neat'ards, Plow-men, and the Pipers loud,	Молочниц, и пахарей, и громких дудочников;
And each did dance, some to the Kit, or Crowd,	Все танцевали, некоторые под кит[21] или скрипку,
Some to the Bag-pipe, some the Tabret-mov'd,	Некоторые под волынку, некоторые под тамбурин,
And all did either love, or were belov'd.	И все любили или были любимы.

Ibid.: 14–15

«Печальный пастух» полон меланхолии. Извиняясь перед публикой за простонародный сюжет, автор устами своего героя рассказывает о тех временах, когда «танцы в лесу чередовались с песнями и каждый среза́л себе цветущую ветвь — таковы были обычаи веселого июня» (Ibid.: 14). В противоположность

[21] Кит — струнный смычковый музыкальный инструмент, представляющий собой уменьшенную скрипку, которую можно было носить в кармане; также известен под названием пошетта (от *фр.* pochette — «карманчик»). Первые упоминания о нем относятся к началу XVI в.

обществу, скованному жесткими правилами, Робин Гуд представляется как некий символ естественности, особой простоты и непринужденности в отношениях. Он герой минувшего, обитающий в той Веселой Англии, которая навсегда осталась в прошлом. В отличие от сказочной страны Кокань[22], которая с исторической реальностью существует где-то параллельно и, теоретически, может быть найдена, Веселую Англию обрести нельзя — о ней можно только с грустью вспоминать.

В XVII веке появилось еще несколько драматических произведений, посвященных Робин Гуду и предназначенных для широкой публики. В них мы также находим средневековый колорит и гимны беззаботной лесной жизни, романтика которой, несомненно, могла показаться зрителям-современникам весьма привлекательной. К примеру, драматург Энтони Мандэй, после успеха пьесы о Роберте — графе Хантингтоне, в 1615 году вернулся к робин-гудовской теме и сочинил мистерию «Metropolis Coronata» (*лат.* — букв.: «Коронованная столица»), посвященную лорд-мэру[23] Лондона. Сюжет заключается в том, что легендарный Генри Фиц-Айлвин (Henry Fitz Ailwin; 1135?–1212), первый лорд-мэр английской столицы, опознаёт в Робин Гуде своего зятя — Роберта де ла Гуда, графа Хантингтона. Лесной стрелок произносит торжественную речь на городском празднике, и представление заканчивается песней, восхваляющей его привольную жизнь:

What life is there like to Robin Hood? It is so pleasant a thing-a: In merry Shirwood he spends his dayes, As pleasantly as a King-a.	Как тут живется Робин Гуду? Живется очень славно: В веселом Шервуде он проводит дни, Славно, как король.

Цит. по: PPMF 1828: 118

Еще одна небольшая пьеса — под названием «Робин Гуд и его солдаты» («Robin Hood and his Crew of Soldiers») — была поставлена в 1661 году в Ноттингеме. В ней похождения главного героя недвусмысленно сопоставлялись с бурными событиями двух минувших десятилетий. Сам же знаменитый стре-

---

[22] Кокань (*среднеангл.* Cokaygne) — мифическая страна изобилия и безделья в средневековой английской и французской литературе.

[23] Лорд-мэр — глава администрации лондонского района Сити, представляющего собой исторический центр города.

лок, столь долго бывший олицетворением беспорядка, выступал как выразитель идеи лояльности, что было актуальным запросом времени[24]. В начале пьесы Робин и его друзья встречают шерифского гонца, который рассказывает им о грядущей коронации и о намерении государя привести лихих изгнанников к повиновению. Сначала лесные стрелки приходят в ужас при мысли о том, чтобы отказаться от свободы и вести унылую и бедную жизнь законопослушных людей, но затем соглашаются подчиниться новому монарху, украшенному всеми мыслимыми добродетелями. Пьеса завершается ликующей песней о верности королю. «Золотой век» патриархальной Англии, единство народа и власти, сознательная верность граждан — вот тематика новых мифов, в контекст которых в XVII веке вошел образ лесного стрелка.

Так, из воплощения справедливости, естественного порядка, ликующей свободы и братства Робин Гуд превращается сначала в символ хаоса, буйного непристойного веселья, жестокости, беззакония, а затем становится непременным компонентом национального мифа о «старой доброй Англии» — стране, где государь кроток и справедлив, а подданные невинны и непритязательны.

ПЕРВЫЙ В МИРЕ ЛУЧНИК

В 1432 году некий клерк из Уилтшира от скуки «украсил» парламентский отчет, приписав по слову к последней букве каждой строки документа. Получился, своего рода, акростих, по большей части понятный даже без перевода:

---

[24] В ходе гражданских войн король Карл I потерпел поражение и был предан суду парламента; в январе 1649 г. он был приговорен к смерти и казнен. 17 марта английский парламент объявил об упразднении монархии, а 19 мая был принят «Акт об объявлении Англии республикой». В последовавших за этим мятежах и войнах значительно возросло влияние армейской верхушки во главе с главнокомандующим Оливером Кромвелем (1599–1658). В апреле 1653 г. последний распустил парламент и стал править страной единолично. В том же году была принята первая в истории Англии конституция, получившая название «Орудие управления» (*англ.* «The Instrument of Government»). Конституция объявляла Кромвеля пожизненным лордом-протектором (*англ.* lord protector — букв.: «верховный защитник») страны, обладавшим фактически королевскими полномочиями. Сын Оливера Кромвеля Ричард (1626–1712), в свою очередь ставший лордом-протектором Англии в сентябре 1658 г., уже в мае следующего года подал в отставку, и королем был провозглашен Карл II.

Adam	Адам
Belle	Белл
Clyme	Клем
Ocluw	из Клу
Willyam	Вильям
Cloudesle	Клаудсли
Robyn	Робин
hode	Гуд
Inne	в
Grenewode	Зеленом лесу
Stode	стоял
Godeman	добрый человек
was	был
hee	он
lytel	Маленький
Joon	Джон
Muchette	Мач
Millersson	сын мельника
Scathelok	Скейтлок
Reynoldyn	Рейнольд

Цит. по: Singman, Forgeng 1998: 12

Для XV века такой подбор персонажей не кажется удивительным: в это время имена героев баллад уже были на слуху, а их образ жизни, возможно, даже представлялся рядовым англичанам завидным — хотя бы теоретически. И таковым он оставался, не утрачивая своей привлекательности, на протяжении столетий: например, более полутора веков спустя, описывая вольную жизнь изгнанников в Арденнском лесу, герой шекспировской комедии «Как вам это понравится» замечает: «Они живут, как в старину Робин Гуд английский. Говорят, что <...> они проводят время беззаботно, как бывало в золотом веке» (Act I, sc. 1, ls 93–94), очевидно сопоставляя легендарную Веселую Англию и отдаленную мифологическую эпоху блаженного состояния человечества. Но как же жил «в старину Робин Гуд» — а главное, когда это было? И было ли на самом деле?

Конечно, для многих любителей легенды о прославленном английском стрелке — благородном разбойнике и предводителе шайки веселых молод-

цов — историческая точность не так уж важна. В художественной литературе и на экране «эпоха Робин Гуда» зачастую предстает не менее условной и обобщенной, чем в балладах. Отчасти это закон жанра. Споры историков и литературоведов, анализирующих конкретные тексты, продолжаются уже много лет, а ответ на самый главный вопрос — существовал ли Робин Гуд в реальности — до сих пор не найден.

Вышеупомянутая английская «старина» (*среднеангл.* times of olde) — то есть эпоха, в которую, предположительно, жил и действовал лесной стрелок, — представляет собой довольно большой хронологический отрезок. Он охватывает (если принять наименее противоречивые версии о возможных прототипах Робин Гуда) как минимум два века, от периода правления короля Ричарда Львиное Сердце до восстания Уота Тайлера, то есть с конца двенадцатого столетия по 1381 год. За это время Англия успела пережить несколько гражданских войн и эпидемию чумы, оправиться после них, принять Великую хартию вольностей, постепенно отойти от старой феодальной системы, вступить в Столетнюю войну, создать первый в мире парламент... Однако все эти события не нашли отражения в балладах.

Тем не менее, вовсе не историческая достоверность придает легенде о Робин Гуде неувядающий интерес. Можно даже сказать, что, наоборот, некоторые мифы робин-гудовских сюжетов буквально срослись с нашим представлением об истории. В самом деле, для поклонников знаменитого стрелка Веселая Англия вряд ли мыслима без доброго короля, прекрасной девицы Мэрион и жестокого ноттингемского шерифа.

Конечно, реальность историческая и реальность литературная — это разные сферы. Ведь если судить только по балладам, то представленная в них картина мира может показаться неполной и даже бедной по сравнению с подлинным многообразием средневековой жизни. Но, несомненно, в этих произведениях отражено многое: и материальные приметы быта, и психологические установки людей — глубоко укорененные представления, мотивы их поступков, идеалы. Справедливость, дружба, закон и порядок, щедрость, отвага, набожность — вот основные ценности робин-гудовской легенды, не претерпевшие особых изменений за семь столетий ее существования.

Однако на это историк, скорее всего, заметит, что «реальный Робин Гуд» (если таковой существовал) был, равно как и все его «веселые молодцы», жестоким и хладнокровным преступником, ничуть не похожим на романтизированный образ, который предстает перед читателем. Всякий, кто имел

дело с подлинными средневековыми документами — хрониками, судебными отчетами, жалобами и т. д., — знает, какой ужас реальные разбойники наводили на путешественников и окрестных жителей. Но, надо сказать, и в балладах благородство изгнанников далеко не безусловно. Когда дело касается друзей и соратников, Робин предстает честным и прямодушным, однако же, сталкиваясь с более сильным противником, он зачастую не стесняется прибегать к хитростям и одолевать его численным преимуществом. Стрелок охотно скликает товарищей и радуется замешательству врага, обнаружившего перед собой вместо одного человека целую толпу. В таких случаях мы видим своеобразный «перевертыш» «Песни о Роланде», главный герой которой гибнет, отказавшись затрубить в рог и позвать на помощь соратников[25].

Но, тем не менее, Робин Гуд продолжает традиции эпических персонажей, к которым мы причисляем и Роланда. Лесной стрелок, как положено, наделен многими достоинствами, благодаря чему он уже не выглядит простолюдином, а напоминает рыцаря: он благороден, набожен и смел, почитает женщин; мужество и щедрость — его прирожденные качества. Более того, герой не просто сражается за себя, но и, как настоящий правитель, защищает «подданных» (тех, кто ему доверился) и свою территорию, поэтому артуровские аллюзии в тексте «Деяний» смотрятся весьма органично. Недаром облагодетельствованный лесным стрелком сэр Ричард Ли предлагает ему карантен — сорокадневный срок вассального служения.

С другой стороны, Робин Гуд — настоящий герой своего времени; не сверхъестественное существо и не идеальный образец поведения, а человек с понятными слабостями и недостатками. Более того, в рамках одного и того же сюжета Робин — благородный воин может соседствовать с Робином-плутом, нередко страдающим от собственных хитростей.

О том, насколько образ отважного изгнанника, при всей его внешней незатейливости, оказывается неоднозначен, свидетельствуют и споры, веду-

---

[25] Ср.:

Роланд ответил: «Я в своем уме
И в рог не затрублю, на срам себе.
Нет, я возьмусь за Дюрандаль теперь,
По рукоять окрашу в кровь мой меч».

Роланд 1964: 35–36.
Пер. Ю.Б. Корнеева

щиеся вокруг возможного мифологического происхождения этого персонажа. Причем не исключено, что в данном случае движение шло в обратную сторону: Робин Гуд не вышел из народной мистики, а, напротив, вошел в нее, причем достаточно поздно. Быть может, не случайно имя «Робин», уже не первый век прочно связанное в сознании англичан с легендарным обитателем леса, закрепилось за еще одним лесным жителем — Робином Славным Малым, первое письменное упоминание о котором зафиксировано в Англии в 1530-х годах. Если в сказаниях германских и скандинавских народов это существо (известное также под именами Пак, Пэк или Поккер) демоническое — пугающее и коварное, то в английском фольклоре Пак предстает озорным шутником, чем-то средним между лешим и домовым. Именно таким он и выведен в пьесе Шекспира «Сон в летнюю ночь»:

Тот, кто пугает сельских рукодельниц,
Ломает им и портит ручки мельниц,
Мешает масло сбить исподтишка,
То сливки поснимает с молока,
То забродить дрожжам мешает в браге,
То ночью водит путников в овраге;
Но если кто зовет его дружком —
Тем помогает, счастье вносит в дом.

Акт II, сц. 1, стк 21–27.
Пер. Т.Н. Щепкиной-Куперник

Иными словами, образ Робин Гуда — плута, мастера переодеваний и всяческих уловок, возможно, самым естественным образом соединился с образом веселого проказливого духа.

Итак, реальный разбойник, по какой-то причине сделавшийся местной знаменитостью, вымышленный благородный герой, борец за национальную независимость, жуликоватый трикстер и, наконец, мифологическое существо, охраняющее лес, — вот какое количество граней с течением времени обрела незамысловатая, на первый взгляд, история йомена-изгнанника. И именно эта удивительная адаптивность позволяла «первому в мире лучнику» на века остаться в культурном пространстве и художественной литературе Англии.

МИР РОБИН-ГУДОВСКОЙ АНГЛИИ

От Львиного Сердца до Уота Тайлера

За два века Англия претерпела немало бурь. В 1199 году после смерти Ричарда I на престол взошел его брат, Иоанн Безземельный (до тех пор известный как принц Джон). В годы правления последнего государство пережило много военных неудач и территориальных потерь (в частности, английские владения на континенте — часть Нормандии и Анжу — перешли под власть французской короны). За свои поражения Иоанн получил еще одно нелестное прозвище — «Мягкий меч» (*англ.* Softsword), а его имя буквально стало считаться несчастливым: впредь ни один английский монарх не называл так своих сыновей. Но, тем не менее, именно в эту пору в Англии были заложены прочные основы новой политической системы. В 1215 году восставшие бароны (крупные владетельные дворяне) заставили короля подписать Великую хартию вольностей, даровавшую свободному населению ряд прав и привилегий.

Смерть Иоанна Безземельного в 1216 году положила конец очередной смуте, вспыхнувшей в связи с тем, что король пытался уклониться от исполнения условий хартии; бароны, стремившиеся низложить Иоанна, охотно поддержали Уильяма Маршала, 1-го герцога Пембрука, который принял титул лорда-протектора и возвел на трон Генриха III, девятилетнего сына покойного короля. В 1227 году Генрих объявил себя совершеннолетним и начал править самостоятельно. Но и его правление не было спокойным. Со временем он возбудил неудовольствие подданных неоднократными нарушениями хартии, очередными неудачами во Франции и расточительностью. Как следствие, в 1258 году монарх был вынужден заключить с баронами договор о регулярном созыве парламента и еще раз клятвенно подтвердить Великую хартию вольностей. Однако в 1261 году Папа Александр IV разрешил короля от этой клятвы, и в стране вновь началась междоусобица. Войско под предводительством Симона де Монфора, графа Лестера, разгромило при Льюисе армию Генриха; последний был захвачен в плен, однако бежал и в 1265 году вновь сразился с Монфором в битве при Ившеме, во время которой мятежный граф погиб. Это положило конец войне, и Генрих III был

восстановлен в прежних правах. Уцелевших мятежников вынудили подчиниться короне, и на некоторое время Англия успокоилась.

19 августа 1274 года на престол взошел Эдуард I, сын Генриха III. Уже в начале своего правления он укрепил английский парламент и придал ему тот облик, который сохранился до наших дней. Король привлек в него городских представителей, которые всегда составляли оппозицию крупной поместной аристократии и были кровно заинтересованы в укреплении центральной власти. Кроме того, в парламент теперь избирались не только по два дворянина от каждого графства (как во время предыдущего царствования), но и по два от каждого города. Депутаты имели право самостоятельно решать, насколько необходимы для блага государства требования короля, и, если те оказывались необоснованными, могли их отклонять. Неудивительно, что парламент практически сразу вынудил королевский совет — ближайших сподвижников монарха — заново подписать Великую хартию вольностей, добавив к ней параграф, в котором говорилось, что без согласия депутатов в стране не могут быть введены никакие новые налоги и выплаты. По примеру своих советников хартию подписал и Эдуард. Таким образом, после целого века политической борьбы этот документ получил окончательное признание.

Первые годы своего правления Эдуард I ознаменовал покорением неспокойного Уэльса и даровал новорожденному сыну титул принца Уэльского, который до сих пор носят наследники английского трона. Смерть в 1290 году малолетней шотландской королевы Маргариты послужила для Эдуарда поводом вторгнуться и в Шотландию — в попытке посадить на престол своего ставленника, однако во время очередного похода (в 1307 году) король скончался.

Его сын, Эдуард II, тоже вел боевые действия против Шотландии, однако весьма неудачно, в связи с чем был принужден в 1322 году признать независимость шотландской короны. К тому же его царствование омрачали баронские заговоры и народные волнения. Король не пользовался популярностью у населения, а его фавориты — корнуолльский граф Пирс Гавестон (1284—1312), а затем Хью ле Диспенсер (1285/1287—1326), — имевшие почти неограниченную власть и употреблявшие ее в своих интересах, вызывали сильнейшее недовольство при дворе и в народе. Это повлекло за собой несколько заговоров. В 1327 году один из них, во главе которого стояла супруга Эдуарда II, королева Изабелла (1295?—1358), увенчался успехом: собравшийся в Вестминстере парламент низложил короля; правителем был провозгла-

шен пятнадцатилетний принц, тоже Эдуард. Вскоре свергнутый монарх погиб при загадочных обстоятельствах, а Хью ле Диспенсер был казнен.

Поскольку новый король был еще слишком молод, для управления государством парламент учредил опекунский Тайный совет в составе двенадцати вельмож, однако на деле верховную власть в государстве осуществляла вдовствующая королева Изабелла вместе со своим фаворитом, Роджером Мортимером (1287–1330). По словам современников, Мортимер, живший в неслыханной роскоши, вел себя как король (см., напр.: Mortimer 2006: 219). В 1330 году его власть показалась повзрослевшему Эдуарду чересчур обременительной, и он казнил любовника матери, после чего стал править единолично.

На военном поприще Эдуард III достиг бо́льших успехов, чем его предшественник. В 1333 году монарх предпринял военную экспедицию в Шотландию и одержал блестящую победу в битве при Хэлидон-Хилл, вернув эту страну под власть Англии. Затем он предъявил права на французскую корону, на том основании, что его мать была дочерью французского короля Филиппа IV Красивого (1268–1314, правил с 1285 г.). Это стало поводом для начала Столетней войны (1337–1453 гг.).

При Эдуарде III Англия одержала во Франции ряд крупных побед. Начиная с 1346 года армией командовал его сын, также Эдуард, талантливый полководец, получивший из-за цвета своих доспехов прозвище Черный Принц (*англ.* Black Prince). Триумфом англичан закончились знаменитые битвы при Креси (1346 г.) и Пуатье (1356 г.); после годовой осады пала приморская крепость Кале, бывшая, по сути, воротами во Францию.

Но англичане оказались не в состоянии снабжать и поддерживать свою армию на континенте. Черный Принц, лишенный ресурсов, с ослабевшим здоровьем, вынужден был вернуться на родину. Вместе с отцом в 1372 году он предпринял еще один поход во Францию, однако погода оказалась неблагоприятной для высадки войск. В 1376 году принц Эдуард скончался. Смерть сына и наследника стала для короля тяжелой потерей, от которой он так и не сумел оправиться. Эдуард III полностью отстранился от государственных дел, передав власть в королевстве министрам, и вскоре умер.

В годы правления Эдуарда III продолжал эволюционировать парламент. Поначалу представители городских общин заседали отдельно от поместной знати. Затем городские депутаты и мелкое сельское дворянство (джентри) объединились, и в 1343 году возникла так называемая нижняя палата парла-

мента (Палата общин), принявшая на себя роль законодательного учреждения. Древнее собрание прямых вассалов короля (пэров) превратилось в верхнюю палату, сохранившую за собой право служить высшей судебной инстанцией. Так закладывались основы конституционной монархии.

После смерти Эдуарда III претендовать на английскую корону могли сразу несколько человек, в их числе был и Ричард (1367–1400), малолетний сын Черного Принца. Мальчик унаследовал благорасположение подданных, любивших его отца. Возможно, именно поэтому меньше чем за год до смерти немощный Эдуард назначил наследником своего десятилетнего внука, приведя к присяге ему всех епископов, баронов и рыцарей королевства.

В 1377 году Эдуард III скончался и престол перешел к Ричарду II. Между тем события Столетней войны складывались для Англии неудачно. Военные действия требовали дополнительных средств, государственная казна истощалась. Кроме того, англичане не успели оправиться после эпидемии чумы, разразившейся в 1347–1348 годах. Население сильно уменьшилось, и, в попытке справиться с нехваткой рабочих рук и преодолеть финансовый кризис, правительство выпустило ряд специальных статутов, искусственно понижавших заработную плату, и воспретило крестьянам свободное перемещение, по сути закрепостив их. Штрафы, аресты, заковывание в колодки, клеймение, невозможность уйти от нанимателя без его разрешения создавали жесткую систему принуждения. Ордонанс (от *фр.* ordonner – «приказывать») о рабочих и слугах 1349 года гласил:

> Чтобы каждый мужчина и каждая женщина королевства нашего Англии, какого бы состояния они ни были, свободного или крепостного, крепкие телом и в возрасте до шестидесяти лет, не живущие торговлей и не занимающиеся ремеслом и не имеющие собственности, которой бы жили, и собственной земли, и не находящиеся на службе у другого, если его или ее позовут служить соответственно их состоянию, обязаны служить тому, кто их позовет, и брать то вознаграждение деньгами и натурой, которое в местностях, где они обязаны будут служить, обыкновенно давали в двадцатый год царствования короля нашего (Эдуарда III. – *В.С.*) в Англии или в последние пять или шесть лет. <...> И если такой мужчина или женщина, когда его или ее станут нанимать на службу, не захочет этого сделать, и это будет доказано двумя заслуживающими доверия людьми перед шерифом или бейлифом короля или перед деревенским консте-

блем, где бы это ни произошло, они немедленно должны быть ими или кем-либо из их людей схвачены и отправлены в ближайшую тюрьму и там пребывать под строгим караулом, пока не найдут поручительства в том, что будут служить, как указано выше.

И если жнец, косец или другой сельский работник или слуга, какого бы состояния он ни был, находящийся у кого-либо на службе, раньше окончания условленного в договоре срока от названной службы без разумной причины или без позволения хозяина уйдет, то должен быть наказан заключением в тюрьму, и никто под страхом того же наказания не смеет принимать и держать у себя на службе такого человека.

Никто также никому не должен платить или обещать платить вознаграждение натурой или деньгами больше обычного, как сказано выше, и никто его в ином размере не должен требовать или получать. <...> Равным образом и седельные мастера, скорняки, кожевники, сапожники, портные, кузнецы, плотники, каменщики, кровельщики, кроющие крыши черепицей, лодочные и корабельные мастера, возчики и всякие иные ремесленники и работники не должны брать за свой труд и мастерство больше того, что в названный двадцатый год и в другие предшествующие обычные годы, как сказано раньше, было в обычае платить; и если кто возьмет больше, будет заключен в ближайшую тюрьму. <...> И так как многие здоровые нищие, пока имеют возможность жить выпрашиваемой милостыней, отказываются работать и проводят жизнь в праздности и грехах, а иногда и в грабеже и в других преступлениях, то никто под страхом заключения в тюрьму не смеет, по соображениям благочестия и в виде милостыни, что-либо давать таким, которые без всякого затруднения могут работать, чтобы принудить их зарабатывать необходимое для жизни.

Цит. по: ХПФГ 1961: 79–80

Кроме того, для компенсации военных расходов в 1379 году Палата общин ввела подушный налог, который на следующий год был утроен. Эта мера вызвала сильнейшее недовольство крестьян и стала одной из причин вспыхнувшего в 1381 году восстания. Оно началось в мае в юго-восточных графствах Эссекс и Кент и быстро охватило бо́льшую часть страны. Мятеж возглавили деревенский ремесленник Уот Тайлер и бродячий проповедник Джон Болл, автор знаменитых слов, ставших крылатым выражением: «Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто джентльменом был тогда?» («When Adam

delved and Eve span, who was then the gentleman?»)[26] Восставшие разрушали поместья, казнили лордов, судей, сборщиков налогов, жгли документы, в которых были зафиксированы крестьянские повинности. 13 июня отряды повстанцев, не встретив сопротивления, вошли в Лондон. Столица оказалась в руках крестьян и присоединившихся к ним горожан. 14 июня в лондонском предместье Майл-Энд (Mile End) мятежники встретились с юным королем Ричардом II; они потребовали отменить крепостное право, установить умеренный налог за пользование землей и объявить амнистии всем участникам восстания. Монарх был вынужден согласиться, и часть крестьян, удовлетворившись, покинула город. Однако остальные, во главе с Тайлером, настаивали на новом свидании с Ричардом, которое состоялось 15 июня на торговой площади Смитфилд. На сей раз требования были радикальнее: восставшие ратовали за возврат крестьянам всех общинных угодий, ранее превращенных в пастбища, отмену рабочих статутов, уравнивание сословий в правах, секуляризацию церковных земель.

Вот как эта встреча описана современником в анонимной хронике аббатства Св. Марии в Йорке:

> И, преклонив колено, он (Уот Тайлер. — *В.С.*) взял короля за руку, крепко и сильно пожал ее и сказал: «Будь спокоен и весел, брат. Через какие-нибудь две недели общины будут восхвалять тебя еще больше, чем сейчас, и мы станем добрыми друзьями». А король сказал Уоту: «Почему вы не желаете уйти восвояси?» Тот отвечал с божбой, что ни он, ни его товарищи не уйдут, пока не получат грамоту, именно такую, какую хотят получить, и пока не будут включены в грамоту все те пункты, какие им угодно потребовать, угрожая, что лорды королевства будут раскаиваться, если они (общины. — *В.С.*) не получат то, чего желают. Тогда король спросил Уота, какие это пункты, и сказал, что охотно и беспрекословно прикажет записать их и приложить к грамоте печать.
>
> АС 1970: 147

Однако во время переговоров возникло какое-то недоразумение; Уот Тайлер заспорил с королевскими приближенными — возможно, его обращение к

[26] Это фраза из проповеди, произнесенной Боллом перед повстанцами в городе Блэкхит, где он был освобожден ими из тюрьмы. Дж. Болл объявил, что рабство неестественно и все сотворены Богом равными, в качестве аргумента приведя в пример «бессословную» и полную честного труда жизнь первых людей в Эдемском саду.

королю было сочтено неуважительным. Тайлера попытались схватить, и в стычке он был убит. Воспользовавшись замешательством среди крестьян, Ричард убедил их разойтись.

Вскоре правительство начало репрессии. Руководители восстания (в том числе Дж. Болл) и многие рядовые участники оказались на плахе. К ноябрю 1381 года лишились жизни по меньшей мере полторы тысячи человек — они были казнены либо погибли в боях с карательными отрядами.

Таков исторический контекст, в котором начала складываться и развиваться легенда о Робин Гуде. И пусть в ранних балладах мы не находим реальных персоналий, за исключением некоего «короля Эдуарда», равно как и упоминаний о конкретных событиях (войнах, восстаниях, введении новых налогов), однако, с точки зрения содержания, в этих произведениях, несомненно, есть характерные приметы жизни англичан того времени — и гордость свободнорожденных йоменов и горожан, и меткие лучники, и борьба простых людей с «сильными мира сего».

Города

С начала XII века, с развитием торговли и ремесел, города стали стремиться к большей независимости от центральной власти. Постоянное нахождение «под рукой» государя уже не было для них необходимостью и становилось в тягость. Города требовали у короля права самостоятельно назначать или избирать местную администрацию, следовать местным обычаям в судопроизводстве, чеканить собственную монету, собирать таможенные пошлины и т. д. Кое-где жители особенно настаивали на том, чтобы в городские советы входили представители разных слоев общества, а не только дворяне. Для сформировавшихся сословий купцов и цеховых ремесленников возможность иметь право голоса была весьма желанной. Города, удостоенные этих и других специальных привилегий, назывались вольными (*англ.* free town).

В 1155 году Генрих II даровал статус вольного города Ноттингему. Согласно выданной хартии (документу, подтверждающему полученные льготы), Ноттингем имел право: взимать налоги с приезжих торговцев, брать пошлину с товаров, привозимых по реке Трент, проводить ярмарку по субботам. Вдобавок город обрел монополию на производство окрашенных тканей в пределах десяти миль. Более того, королевская хартия позволила Ноттингему иметь особый торговый суд, который разрешал коммерческие спо-

ры и наказывал тех, кто производил некачественный товар или обманывал покупателей.

Йорк также был обязан Генриху II хартией и статусом вольного города. Интересы богатого и бойкого Йорка в первую очередь защищали представители торговых гильдий, так называемые олдермены (от *англ.* aldermen — «старейшина»); изначально они ставились монархом, затем эта должность сделалась выборной. В 1173 году, стремясь к еще бóльшим свободам, горожане подняли бунт против короля и учредили у себя независимую коммуну (автономную систему местного самоуправления). Мятеж был подавлен, но наказание последовало относительно мягкое — зачинщики отделались только штрафами в пользу казны. Они не утратили прежних привилегий и в скором будущем даже приобрели некоторые новые.

К 1200 году и Йорк и Ноттингем получили право самостоятельно избирать себе главу из числа местных дворян[27]. Таким главой был мэр, которому помогали трое бейлифов (представителей короля). Мэр вместе с бейлифами председательствовал в суде и следил за состоянием городских финансов. Бейлифы также собирали налоги, регулировали торговлю, обеспечивали выполнение ассиз[28]. Они сами назначали себе преемников, хотя мэр и представители гильдий имели право наложить на их решение вето. Мэр, бейлифы и несколько наиболее уважаемых горожан (от восьми до двенадцати) входили в городской совет, выполнявший ряд важных функций: он даровал права гражданства, выдавал торговые лицензии, надзирал за проведением ярмарок, контролировал работу чиновников.

В числе прочих административных лиц были:

- «ривы» (*англ.* reeve — «смотритель, управляющий») — помощники шерифа, следившие, в частности, за поступлением налогов;

---

[27] Главой же графства являлся шериф. Он контролировал сбор налогов и исполнял обязанности блюстителя королевских прав и привилегий. Также он председательствовал в суде графства, отвечал за содержание городских тюрем и арестовывал должников и недоимщиков. На выездных сессиях шерифского суда, происходивших три или четыре раза в год, обычно разбирались крупные уголовные дела (о браконьерстве, грабежах, убийствах и т. д.).

[28] Ассизы — королевские указы и юридические акты, издаваемые, в первую очередь, для руководства суда. К наиболее известным относятся Великая, Кларендонская и Оружейная ассизы Генриха II, в которых, помимо прочего, шла речь о формировании суда присяжных.

- коронеры, в чьи обязанности входило расследовать дела об убийствах, грабежах, смерти заключенных, а также о разбойниках и их пособниках;
- архивариус — юрист, присутствовавший в городском суде;
- казначей, собиравший деньги с гильдий на различные общественные дела и мероприятия;
- «мостовые смотрители», которые взимали налоги на ремонт мостов и дорог;
- городские клерки (мелкие чиновники, секретари);
- городские старшины, которые наблюдали за порядком в пределах своих приходов и, помимо прочего, доставляли судебные повестки;
- привратники, взимавшие пошлину за въезд в город;
- мировые судьи, занимавшиеся расследованием некрупных городских правонарушений. Помощь им оказывали специальные судейские стражники, которые представляли собой своего рода «народных дружинников». К концу XIV века таких стражников в Ноттингеме было около тридцати: они избирались на определенный срок из числа местных жителей и обходили свои кварталы, которые хорошо знали. Как правило, хотя бы раз в жизни каждый гражданин мужского пола должен был отбыть эту повинность. Мировые судьи назначали штрафы за выбрасывание мусора и нечистот на улицу, кражу камней из городской стены, продажу испорченного мяса или недопеченного хлеба, нелегальное возведение построек, незаконный подъем цен, нарушение общественного спокойствия и т. д. Кроме того, они играли роль своеобразной полиции нравов, поскольку имели право наказывать сплетников и сквернословов.

В обоих названных городах в XIII–XVI веках имелось множество торговых и ремесленных гильдий. В Йорке тринадцатого столетия их насчитывалось около сотни. Сколько их возникло в Ноттингеме, в точности неизвестно, но, судя по названиям улиц, в нем существовало множество видов ремесел и занятий. На Флетчерс-гейт (от *старофр.* fleche — «стрела») обитали мастера, изготовлявшие стрелы; на Баркер-гейт — скорняки (*англ.* barker), на Листер-гейт — красильщики (*англ.* lister), на Уиллер-гейт — колесники (*англ.* wheeler), на Пилчер-гейт (от *англ.* pilch — «плащ, подбитый мехом») — меховщики, на Фишерс-гейт — рыбники (*англ.* fisher), на Смит-роу — кузнецы (*англ.* smith) и т. д. Количество ремесел не всегда поддается подсчету — помимо прочего,

еще и потому, что профессиональное деление было достаточно дробным: так, отдельно существовали шляпники и шапочники, башмачники и сапожники, лучные мастера и изготовители тетивы... Наиболее влиятельные торговые гильдии нередко бывали основаны «по инициативе сверху»: к примеру, первая торговая гильдия Ноттингема возникла в 1189 году благодаря указу принца Джона. Большинством ее членов являлись богатые горожане, в чьи обязанности входил контроль над городской коммерцией.

Неудивительно, что гильдии, служившие основой финансового благосостояния города, активно участвовали в его политической, социальной и религиозной жизни. В частности, многие из них занимались благотворительностью: если член гильдии терял возможность работать или разорялся, он получал пособие, пусть и небольшое; вдовы и сироты мастеров также могли рассчитывать на вспомоществование. Кроме того, братства раздавали милостыню, содержали священников, отправлявших заупокойные службы по усопшим членам гильдии, порой строили на свой счет приюты и богадельни. Зачастую стараниями торговых и ремесленных корпораций открывались городские школы, где детей и подростков обучали чтению, счету, письму, а также иностранным языкам и ведению бухгалтерии — то есть тому, что могло понадобиться будущим купцам и мастерам. По сути, эти школы стали основой светского обучения в городах.

Также у каждой гильдии, как правило, существовала «своя» церковь и определенные в ней обязанности: к примеру, в XIV–XV веках перчаточники и башмачники жертвовали деньги на негасимые свечи в кафедральном соборе Ноттингема. На Праздник Тела и Крови Христовых[29] гильдии разыгрывали пьесы на разные библейские сюжеты. В этих произведениях нередко усматривались более или менее явные ассоциации с ремеслом исполнителей. Так, историю о строительстве ковчега разыгрывали плотники, прямо на сцене демонстрируя свое мастерство; виноторговцы ставили пьесу о свадебном пире в Кане Галилейской; пекари инсценировали Тайную вечерю, а изготовители свечей — сюжет о Вифлеемской звезде.

У каждого ремесла имелся небесный покровитель из почитаемых Церковью святых. Обычно между ремеслом, с которым он ассоциировался, и личностью самого святого существовала некоторая связь. К примеру, пророк

---

[29] Этот праздник в Католической церкви отмечается в четверг, следующий за Днем Святой Троицы (в конце мая или в июне).

Илия, взятый на колеснице на небо, был покровителем конюших; святой Иосиф Обручник почитался плотниками; апостолы Андрей и Петр, будучи из рыбарей, считались хранителями рыбаков и корабельщиков.

Поскольку гильдии определяли ритм и жизнь торгового города, его естественный центр, разумеется, представляла торговая площадь. На ней находились многочисленные склады, а разные ее места зачастую носили красноречивые названия — Хен-кросс, Баттер-кросс, Молт-кросс (букв.: Куриный, Масляный, Солодовый перекрестки). Там продавались соответствующие товары, привозимые в город из ближайших деревень. Помимо небольшой еженедельной ярмарки, привлекавшей только окрестных жителей, на площади два-три раза в год проводилось и несколько крупных, на которые съезжались издалека. Главная ноттингемская ярмарка, получившая название Гусиной (*англ.* Goose Fair), начиналась в день св. апостола Матфея (21 сентября) и продолжалась неделю. Лентонская ярмарка устраивалась одноименным аббатством, расположенным близ Ноттингема, и также длилась семь дней, начинаясь 11 ноября.

Площадь служила не только пространством для торговли — по ней проходили торжественные процессии, во время праздников туда стягивались бродячие музыканты, жонглеры, акробаты и танцоры, там оглашались указы, объявления и приговоры, совершались казни. К XIV веку виселица и колодки сделались непременными атрибутами городской площади. Поэтому неудивительно, что именно туда приводят трех сыновей вдовы из соответствующей баллады и Виля Клаудсли — друга отважного Адама Белла.

Йомены

В балладах Робин и его друзья не раз называют себя йоменами. Но что же это за сословие, принадлежностью к которому так гордятся герои?

Йомены были лично свободными держателями земли. Получая надел от лорда, они при этом не становились зависимыми от него и могли переселиться куда угодно. Лорд, на земле которого они жили, не налагал на них никаких трудовых повинностей. Они платили ренту за землю, налоги и пошлины в королевскую казну, а также церковную десятину, имели право свидетельствовать в любом суде (гражданском и уголовном), выступать в качестве присяжных и апеллировать в королевский суд, в обход прочих инстанций, практически по любому поводу — от расследования убийства до земельной

тяжбы. При желании йомены могли исполнять должности деревенских старост, управляющих, сборщиков налогов, лесничих, присяжных, стражников и клерков в поместном суде.

Ни шериф, ни тем более отдельно взятый сеньор не имели права по собственному усмотрению и без веской причины арестовывать, штрафовать, лишать имущества, заточать в темницу, избивать, увечить и уж тем более убивать йоменов. Пока те были чисты перед законом, их жизнь и имущество оставались неприкосновенны.

Социальный статус персонажей баллад внешне обозначен довольно четко: все они носят меч (и тем отличаются от крестьян). В ранних текстах дубинкой (*англ.* quarterstaff) сражается только горшечник; самого Робина авторы вооружат ею не ранее XVII века. Действительно, владение оружием не только не воспрещалось йоменам, но и, фактически, вменялось в обязанность. С XIII века им стало прямо предписываться иметь дома лук и меч и регулярно, под угрозой штрафа, упражняться в стрельбе и фехтовании. Каждый вольный арендатор считался потенциальным ополченцем, который был обязан по призыву вступить в строй с оружием (умея, естественно, с ним обращаться)[30]. И именно свободнорожденные (*англ.* freeborn) йомены — своеобразный средний класс «старой веселой Англии» — составили ядро нации и утвердили ее могущество в эпоху Столетней войны, в битвах при Креси и Пуатье, где прославленные английские лучники одолели непобедимую прежде рыцарскую конницу.

Объявленные вне закона

Этот пережиток древнего права в Средние века использовался достаточно часто. Изначально объявление вне закона, по сути, представляло собой от-

---

[30] Винчестерский статут короля Эдуарда I (1285 г.) гласил:

> Далее приказано, чтобы каждый человек имел бы в своем доме вооружение, необходимое для охраны мира <...> каждый человек в возрасте от 15 до 60 лет должен принести присягу в том, что он будет иметь вооружение в соответствии с размерами его земельных владений и движимого имущества <...>. И в каждой сотне должны быть выбраны два констебля, чтобы проверять наличие предписанного вооружения.

Цит. по: ХПФГ 1961: 225

сроченный смертный приговор, изрекаемый обществом, в котором нет полиции и профессиональных палачей. Настичь изгнанника и убить, как дикого зверя, было правом и обязанностью всякого законопослушного человека. «Отныне на нем волчья голова» — эта фраза, официально обрекающая беглеца от правосудия на положение бесправного изгнанника, употреблялась в судах вплоть до XIII века, а в устной речи бытовала еще дольше. Но, по мере того как родоплеменные обычаи сменялись прочной государственной властью и увеличивалось количество законов, охраняющих человеческую жизнь, статус изгнанника переставал быть таким уж страшным. Объявление вне закона из самостоятельного наказания превратилось в уголовную процедуру, средство вынудить беглого обвиняемого предстать перед судом. Судьи и юристы настаивали, что к этой мере следует прибегать лишь в случае тяжкого злодеяния, караемого смертной казнью (убийство, грабеж). Но на практике нарушителя зачастую объявляли вне закона, даже если совершённое им преступление не относилось к уголовным. Такой человек мог еще оправдаться или добиться смягчения своей участи, добровольно явившись в суд. Убийца же или грабитель заочно приговаривался к смертной казни и лишался прав состояния с конфискацией имущества. Узы присяги и феодальной верности в отношении беглеца считались расторгнутыми. Все юридические действия с участием изгнанника аннулировались; брак, заключенный после совершения преступления, мог быть расторгнут.

Теоретически, с точки зрения закона, изгнанник был беззащитен. В одних графствах его разрешалось убить при любых обстоятельствах и совершенно безнаказанно, как волка; в других закон дозволял расправляться с таким преступником, только если он противился поимке или убегал от погони. Но, в любом случае, схватить его или объявить о нем властям считалось долгом каждого гражданина.

После вердикта шериф или иные представители местной власти являлись на ту землю, где проживал преступник (и, с большой вероятностью, продолжала жить его семья), чтобы арестовать его имущество. Если дело происходило в деревне, дом и прочие постройки порой разрушались до основания. И разумеется, впредь там должны были селиться люди, за благонамеренность которых землевладелец мог поручиться.

Традиционно объявлению вне закона подлежали только мужчины. Женщина не могла быть подвергнута этому наказанию, поскольку с древнейших времен считалась как бы не вполне дееспособной и не включалась в систему

права как самостоятельный субъект[31]. Однако начиная с середины XII века женщина могла стать если не «outlaw», то «waif» (*англ.* — букв.: «ничьей»), что влекло за собой сходные последствия.

Родственников же изгнанника не наказывали по факту кровной связи, хотя его семья рисковала лишиться имущества, конфискованного в пользу короля. Гораздо серьезнее дело обстояло с пособничеством. Укрыватели и сообщники воров, грабителей и разбойников, согласно Кларендонской ассизе (1166 г.), точно так же подлежали аресту и наказанию. За содействие преступникам полагалась смертная казнь через повешение, поскольку пособничество приравнивалось к измене. Таким образом, попытка поддерживать связь с родственником или другом-изгнанником была чревата большими неприятностями, а если дело происходило в деревне, могла пострадать вся крестьянская община, связанная круговой порукой. Протянутый за окно кусок хлеба, проданная незнакомцу рубашка, гостеприимство, оказанное преступнику, умолчание о подозрительном чужаке, появившемся по соседству, — всё это могли счесть пособничеством. Специально назначенные представители каждого населенного пункта — законопослушные и достойные доверия граждане — обязывались извещать власти о совершённых в округе преступлениях, а также о замеченных в последнее время сомнительных личностях.

Как правило, сообщать об изгнанниках было вполне в интересах местных жителей, поскольку лица, объявленные вне закона, зачастую представляли для них серьезную опасность. Но кто же были эти «лесные братья», которых следовало опасаться и крестьянам, и горожанам? Среди них встречались как профессиональные преступники, не признающие иного образа жизни, так и люди, загнанные в чащу страхом смерти — дезертиры, беглые крепостные, браконьеры, а также те, кого на нарушение закона толкнула нужда. Одни выходили грабить на большую дорогу, другие предпочитали бродяжничать и перебиваться по деревням мелким воровством. Нередко изгнанники сбивались в банды. В средневековой Англии последние представляли по-настоящему большую проблему: иногда разбойничьи шайки годами

[31] Если возникала необходимость участвовать в судебном процессе, законным представителем девушки или замужней женщины мог стать любой совершеннолетний родственник мужского пола; даже вдовам, обладавшим большей свободой, приличнее считалось вести дела через посредника.

безнаказанно терроризировали путников и местных жителей. В документах того времени мы находим немало жалоб на бандитов, не знающих никакого удержу. Так, доминиканский проповедник Джон Бромьярд (John Bromyard; ум. 1352?) в 1330 году писал:

> Что касается растущего [в лесах] количества мошенников и злоумышленников, это позор для страны даже в глазах иностранцев, и число преступников, несомненно, увеличивается, как и число обманщиков, лжесвидетелей и пособников всяческих негодяев. Злые люди множатся и действуют всё наглее: грабят, увечат, убивают, ломают руки и ноги, жестоко избивают — вот каковы дерзкие преступления злоумышленников и тех, кто оказывает им влиятельную поддержку в беззакониях, так что никто не осмеливается обвинить их или заключить в тюрьму.
>
> Bromyard 1518: 117

Пожалуй, даже современникам трудно было разобраться, кто разбойничал из жажды легкой наживы, а кто ушел в лес из-за несправедливости, поскольку в суде о своей невиновности заявляли практически все.

Таким образом, хотя в балладах и нет достоверного отражения конкретных исторических событий, эти произведения полны реалий, которые необходимо учитывать, если мы хотим максимально восстановить картину мира «робин-гудовской Англии». Ведь и гордые своими привилегиями йомены, и независимые горожане-ремесленники, и, наконец, изгнанники, окруженные многочисленными опасностями, от нее неотделимы.

РОБИН ГУД КАК ИСТОРИЧЕСКОЕ ЛИЦО

Как уже отмечалось, споры о том, существовал ли Робин Гуд на самом деле, не прекращаются до сих пор. Большинство современных ученых полагают, что прототипом легендарного героя действительно послужило реальное историческое лицо, хотя многие не берутся сказать наверняка, какое именно (см., напр.: Hilton 1958; RRH 1976; Holt 1982; Hanawalt 1992; Freeman 1993; Knight 1994; RH 1995; RHPC 2000). Отчасти проблема заключается в том, что имя «Роберт» в средневековой Англии, особенно в XIII—XIV веках, было

весьма распространенным, как и уменьшительное от него — Робин. Прозвище «Гуд» (в разных написаниях: Hood, Hode, Hude) также встречалось довольно часто, поскольку худ (*англ.* hood) — надевавшийся отдельно от верхней одежды капюшон с пелериной — был очень популярным элементом костюма той эпохи. То есть словосочетание «Robin Hood» можно с легкостью истолковать как «Робин Капюшон» или «Робин в капюшоне». Иными словами, неудивительно, что в средневековых документах значится изрядное количество Робертов, Робинов и Робин Гудов. И некоторые из них, нарушив закон, отправлялись в изгнание.

Самое первое упоминание некоего Робина-изгнанника в средневековых источниках относится к 1225 году. Тогда йоркширский шериф Юстас Лоудэм внес в список административных расходов два шиллинга — на покупку цепи, чтобы повесить некоего Роберта из Уэзерби (*англ.* Wetherby). Вероятно, тот был разбойником; в любом случае, на его ликвидацию власти истратили немалые средства: сначала королевский казначей выдал шерифу сорок шиллингов для того, чтобы «разыскать, изловить и казнить Роберта из Уэзерби, изгнанника и злодея» (цит. по: Crook 1988: 68), а затем, когда деньги закончились, еще двадцать восемь — с той же целью. Скорее всего, упомянутый преступник был убит при поимке, а его тело вывешено в Йорке на всеобщее обозрение. Однако этот Роберт не носил прозвища «Гуд».

Самое же раннее документальное упоминание о человеке по имени Роберт Год (Hode), или Гуд, относится к 1226 году. После того как он не вернул долг аббатству Св. Петра в Йорке, его имущество, стоимостью в тридцать два шиллинга и шесть пенсов, было конфисковано, а самого его объявили вне закона. Примечательно, что Роберт Год из Йорка — единственный известный нам ранний носитель этого имени, подвергнутый такому наказанию. Далее, в йоркширских документах с 1226 по 1234 год встречаются девять упоминаний о сбежавшем от суда Роберте с созвучными прозвищами (Год, Гуд, Хоббегуд), причем с большой долей вероятности можно утверждать, что это один и тот же человек. Хотя никаких свидетельств того, что злостный должник Роберт Год после своего бегства сделался разбойником, у исследователей не имеется, он, тем не менее, остается одним из наиболее вероятных кандидатов в «подлинные» Робин Гуды.

Не исключено, что определенный вклад в формирование образа Робин Гуда, особенно в варианте благородного героя, незаконно лишенного наследства, мог внести Фалк Фицуорен — могущественный шропширский лорд.

В 1200—1203 годах он вел настоящую войну с королем Иоанном Безземельным, преимущественно за восстановление своих прав на замок Виттингтон, и был объявлен вне закона.

Также стоит упомянуть и о сэре Роберте Туинге (Robert Thwinge, или Thweng), который, взяв себе имя Уилкин Уизер[32], в 1230 году собрал шайку, которая под его предводительством грабила монастыри и раздавала запасы зерна беднякам. Впрочем, здесь можно возразить, что в ранних балладах мы не находим мотива «Робин Гуд грабит богатых, чтобы помогать бедным», однако то, что объектом неприязни Роберта Туинга в первую очередь были священники, а местом, где разворачивались события, — северный Йоркшир, все-таки позволяет рассматривать этого человека в качестве возможного прототипа лесного стрелка. В 1239 году, вероятно, устав от бродячей жизни, сэр Роберт отправился в Рим и получил прощение от Папы, а в 1240-м, присоседившись к Ричарду Плантагенету, графу Корнуолльскому, отправился в крестовый поход, из которого вернулся в Англию спустя два года. Умер Роберт Туинг мирно, в 1247 году.

Был также и Роджер Годберг (Roger Godberg; ум. 1276?), рьяный сторонник графа Симона де Монфора и участник возглавленного им баронского восстания 1264—1267 годов против короля Генриха III. После разгрома мятежников Годберг был объявлен вне закона и бежал в Шервудский лес, где стал обитать со своими сподвижниками. При этом он пользовался покровительством одного из местных дворян-землевладельцев, что отчасти напоминает события «Деяний». Тем не менее нет никаких свидетельств того, что Годберг когда-либо выступал под прозвищем «Робин Гуд», а в ранних балладах о «зеленом лесе» мы не находим ни намека на восстание баронов.

Однако, скорее всего, прямым прототипом знаменитого стрелка Годберг все-таки не был: последнего объявили вне закона в 1267 году, а первое документальное упоминание Робин Гуда относится к 1262 году: в судебных отчетах графства Беркшир «Робингудом» (*sic*!), то есть вором, разбойником, назван некий правонарушитель. На протяжении следующих ста лет можно найти множество примеров сходного словоупотребления: Александра Робингуда разыскивали за кражу в Эссексе; Гилберта Робингуда освободили на поруки в Саффолке; Роберта Робингуда приговорили к смертной казни в

[32] Уилкин — уменьш. от Уильяма; фамилия образована от *среднеангл.* Wither — букв.: «бороться», «сопротивляться», «быть противником Бога, Церкви».

Гэмпшире за кражу овец; Джона Робингуда судили за убийство в пьяной драке в таверне; Уильяма Робингуда, члена разбойничьей шайки, повесили за грабеж и укрывательство, и т. д. Исходя из такого количества преступников с интересующим нас прозвищем, можно сделать два вывода: либо к середине XIII века легенда о Робин Гуде, в том или ином виде, уже сформировалась и имя лесного стрелка сделалось нарицательным, либо, наоборот, данное прозвище предшествовало появлению балладного персонажа, которого назвали Робин Гудом просто потому, что это было самое подходящее для разбойника имя. Глядя на некоторые варианты написания (например, Robehode или Robbehod), можно даже предположить, что «Робин Гуд» — вовсе не имя, а искаженное сочетание слов «robber in the hood» (*англ.* — букв.: «грабитель в капюшоне»). Глубокий капюшон — худ, который можно было натянуть на лицо, при необходимости вполне мог играть роль маски.

Но у знаменитого изгнанника было и другое прозвище — Локсли, приписанное ему английским антикваром Роджером Додсвортом (Roger Dodsworth; 1585–1654). По словам последнего, Робин родился в южном Йоркшире и был объявлен вне закона за убийство отчима; пока преступник прятался в лесу, ему помогала родная мать; позже он познакомился с Маленьким Джоном, который носил титул графа Хантингтона (см.: Knight 2003: 88). Неизвестно, почерпнул ли Додсворт эти сведения из какого-либо утраченного источника или же попросту выдумал их сам; однако хроники графства Йоркшир свидетельствуют, что в 1245 году перед судом действительно предстал некий Роберт Локсли (см.: CRR 1999: 449) — а брать в качестве прозвища название своего родного города или селения было в Средние века распространенной практикой.

Другой же антиквар, Джозеф Хантер (Joseph Hunter; 1783–1861), утверждал, что Робин Гуд обитал в йоркширских лесах в начале XIV века. В качестве доказательства он называл имя вполне реального человека, который, по его мнению, и был «тем самым» Робин Гудом. Это — некто Роберт Гуд из города Уэйкфилд, находившегося всего в десяти милях от Бернисдейла, традиционного места подвигов легендарного стрелка. Вдобавок названный Роберт был женат на женщине по имени Матильда — а именно это имя приписывали подруге Робина, принявшей в лесу прозвище «дева Мэрион». Дж. Хантер выдвинул довольно сложную теорию: он утверждал, что Роберт Гуд был сподвижником мятежного графа Ланкастера, который в 1322 году потерпел поражение от Эдуарда II в битве при Боробридже; но затем Роберт

получил прощение от короля во время визита последнего в Ноттингем (в ноябре 1323 года) и поступил к нему телохранителем. И действительно, в списке дворцовых слуг за 1232 год мы находим некоего Робина Года, или Хода (см.: Hunter 1852). Впрочем, версия Хантера не выдержала проверки временем: в XX веке удалось доказать, что Робин Год на самом деле был принят на службу намного раньше 1323 года, а потому не имел никакого отношения к графу Ланкастеру (см., напр.: RH 1999: 383).

Существует и еще один вариант ответа на вопрос: «Кем был Робин Гуд?» В XIX веке особую популярность обрела версия о лесном стрелке — англосаксе и отважном борце за справедливость. В немалой степени этому, разумеется, способствовал Вальтер Скотт, опубликовавший в 1819 году роман «Айвенго». То, что легенда о Робин Гуде — саксе и вправду могла иметь исторические корни, допускают и ученые: согласно этой версии, одним из наиболее вероятных его прототипов считается англосаксонский дворянин Херевард Зоркий (Hereward the Wake; 1035?–1072?), чьи приключения отчасти напоминают деяния Робин Гуда. Впрочем, известны и другие изгнанники-англосаксы: например, Эдрик Дикий (Eadric Silvaticus), один из вождей антинорманнского сопротивления, а также некий Суэйн, в XI веке рыскавший со своей шайкой по йоркширским лесам. Последний упоминается в картулярии (собрании записей) аббатства Селби (Selby). Помимо прочего, средневековый хронист описал, как один из приспешников Суэйна, «проклятый вор», ограбил местного аббата (см.: Green 1990: 67, 89; Dobson 1996: 34). Таким образом, не исключено, что похождения разных изгнанников-англосаксов, таких как Суэйн, Эдрик, Херевард и других, и их стычки с властями постепенно слились воедино, образовав ядро легенды о местном герое.

Подтверждением гипотезы о Робине-англосаксе может служить и то, что в балладах о «зеленом лесе» мы находим некоторое количество топонимов, отсылающих к саксонским временам: например, Уотлинг-стрит или церковь Св. Марии Магдалины в деревне Кэмпсолл (Бернисдейл), известная с XI века. По местному преданию, именно в этой церкви венчались Робин Гуд и дева Мэрион.

Как мы видим, у легендарного стрелка обнаруживается немало возможных прототипов, и большинство версий можно подкрепить достаточно убедительными аргументами. При этом окончательно подтвердить тот или иной вариант едва ли возможно, чему есть несколько вполне понятных причин. Объективных исторических примет в балладах немного; из реально

существовавших лиц в относительно ранних текстах названы лишь король Эдуард (в XIII—XIV веках это имя носили три монарха) и «королева Екатерина» (также одна из нескольких возможных), жившая уже в XVI веке, а в некоторых поздних — Ричард Львиное Сердце. Всё это, конечно, мало способствует достоверной «реконструкции».

Надо заметить, что первые ее попытки предпринимались достаточно рано, причем «вписать» Робина в реальную историю пытались не безымянные сочинители песен и баллад, а хронисты, не отделявшие факт от легенды. Что любопытно, имя знаменитого изгнанника поначалу фигурировало, в основном, в хрониках шотландских историков. Так, по мнению одного из них, Эндрю Уинтонского (Andrew of Wyntoun; 1350?—1425?), Робин жил во времена Эдуарда I, в конце XIII века. Примерно к той же эпохе похождения лесного стрелка отнес и анонимный автор, в середине XV века дополнивший латинский «Полихроникон»[33] бенедиктинского монаха Ранульфа Хигдена (Ranulf Higden; ум. 1364?) кратким упоминанием о легендарном разбойнике. Еще один шотландец, Уолтер Бауэр (Walter Bower; ок. 1385—1449), причислил Робин Гуда к участникам восстания 1264 года под предводительством графа Симона де Монфора. Однако самым известным хронистом, упомянувшим нашего героя, был Джон Мэйджор (John Major; 1467—1550), автор «Истории Великобритании» («Historia Majoris Brittaniae»; 1521), который назвал его современником короля Ричарда I. Он же первым поведал и об обыкновении Робин Гуда грабить богачей и раздавать их добро беднякам. Впрочем, окончательно образ лесного стрелка в массовом представлении сформировал Вальтер Скотт: во многом благодаря ему и доныне большинство людей, которым в том или ином виде знакома легенда о Робин Гуде, автоматически относят похождения героя к эпохе Ричарда Львиное Сердце.

Помимо прочих, существует и мифологическая теория происхождения образа Робин Гуда. Она восходит к 1584 году, когда английский землевладелец и член парламента Реджинальд Скот (Reginald Scot; 1538?—1599), автор книги «Открытие колдовства» («The Discoverie of Witchcraft»), отождествил Робин Гуда с германским кобольдом Ху́декином (*нем.* Hödeken, Hüdekin, Hütchen) и с лесным духом по прозвищу Робин Славный Малый.

---

[33] «Полихроникон» («Polychronicon»; ок. 1347) — хроника на латинском языке, описывающая исторические события от сотворения мира до 1342 г.

Мифологическая версия также нашла себе сторонников. Ее приверженцы, в основном в XX веке, отождествляли лесного стрелка уже не только с персонажами низшей демонологии, но и с языческими божествами, остатки культов которых сохранялись в средневековой Европе (см.: Murray 1931; Graves 1948; Tardif 1983; Stock 2000), например, с кельтским богом Кернунном или его воплощением — Герном-охотником, человеком с оленьими рогами на голове. Если верить У. Шекспиру, он представлялся людям так:

Есть старое преданье: Герн-охотник
Давно лесничим был в лесу Виндзорском;
Так будто он всегда зимою в полночь
Вкруг дуба бродит, страшный и рогатый;
Деревья рушит, похищает скот,
В кровь обращает молоко коровье...

Веселые виндзорские кумушки.
Акт IV, сц. 1, стк 2223–2228.
Пер. Т.Л. Щепкиной-Куперник

Конечно, этот пугающий образ мало чем напоминает веселого стрелка, но, тем не менее, определенные параллели между Герном и Робин Гудом провести все-таки можно. Последний также выглядит как нечто органически связанное с окружающей его природой, и для врагов, которые приходят в лес не с добром, он также бывает страшен.

Однако, несмотря на некоторое его сходство с мистическими существами, сторонникам мифологической теории можно возразить: хотя Робин и выказывает необыкновенное искусство стрельбы, фехтования и маскировки, его умения отнюдь не сверхъестественны. Столь же ловкими и могучими выглядят герои и многих других баллад, в которых речь совершенно точно идет о людях. Взяв, к примеру, серию «песен» о клане Армстронгов — обитателях англо-шотландского пограничья, — мы увидим, что они обладают теми же качествами, что и Робин Гуд (сила, сноровка, хитрость).

Есть, наконец, и теория, согласно которой легенда о лесном стрелке — это результат довольно сложной системы литературных заимствований. Так, некоторые исследователи предполагают, что свою лепту в создание образа Робина внесли средневековые французские пасторали, в частности «Игра о Робéне и Марион»: в ней мы найдем и жизнь на лоне природы, и верных

друзей, и бой на дубинках (см.: Knight 2008: 198). Впрочем, эту точку зрения не удается ни доказать, ни опровергнуть.

Не прекращаются споры и о том, к кому были обращены «истории» о Робин Гуде. Одни ученые считают, что они предназначались для мелкопоместных дворян (джентри), другие — что их сочиняли и исполняли в городской, в первую очередь торгово-ремесленной, среде. И действительно, в произведениях цикла, особенно ранних, обнаруживается немало примет городского быта. Так, «структура» лесного братства напоминает внутреннюю иерархию гильдии: разбойники обращаются к Робину «master» (*англ.* — «хозяин»), как подмастерья к наставнику, а друг к другу — «bretheren» (*англ.* — «братья») или «fellows» (*англ.* — «товарищи») (см.: Ohlgren 2000: 180). В текстах неоднократно упоминаются займы и поручительство, мена и продажа товара, линкольнское сукно в качестве «униформы» и т. д. Наконец, горожане вторгаются в границы леса лично: горшечник, скорняк, мясник, лудильщик — все они, приходя во владения Робина, вступают с ним в яростный бой.

Однако один из самых авторитетных современных «робиноведов» профессор Кардиффского университета Стефен Найт утверждает, что целевой аудиторией баллад изначально были не мастеровые и не джентри, а йомены — крестьяне-землевладельцы, к числу которых относил себя и Робин Гуд (см.: Knight 2003: 33—44). Ведь стрелок не просто зовется «славным йоменом», но и выражает идеи и настроения именно этого сословия.

Если касательно «адресатов» баллад в исследовательской среде обнаруживаются серьезные разногласия, то об их авторах можно говорить более уверенно. Скорее всего, до изобретения книгопечатания эти произведения слагались как неграмотными народными сказителями, так и опытными менестрелями — поэтами и музыкантами, хорошо знакомыми с рыцарскими романами и античной мифологией. Однако с развитием книжной торговли баллады в огромном количестве начали поставляться профессиональными сочинителями, которые буквально специализировались на этом жанре, сделавшемся в XVI—XVIII веках невероятно популярным. В результате легенда о Робин Гуде достаточно быстро перешла в область массовой литературы, производство которой было поставлено на поток.

* * *

Итак, на протяжении нескольких столетий — с XIV по XIX век — баллады пользовались огромным спросом. Причины этого успеха нетрудно понять. В первую очередь, баллада была обязана ему своей безыскусностью, простотой, общедоступностью, легкостью запоминания, незатейливым, даже грубоватым юмором и, несомненно, злободневностью. Причем справедливо это как для баллад-однодневок, которые не задерживались в народной памяти надолго, так и для произведений, передававшихся из уст в уста даже спустя много лет после их возникновения. Ведь некоторые сюжеты и темы — взаимоотношения правителя и подданного, отчаянные поиски правого суда, нелегкая жизнь простого человека и его вражда с сильными мира сего, дружба и верность, преграды, встающие на пути влюбленных, — остаются актуальными вне зависимости от эпохи.

Хотя баллада долго считалась исключительно простонародным развлечением, с течением времени она сделалась достойным образцом изящной литературы — и легенда о Робин Гуде обрела повсеместное признание, подкрепленное авторитетом ученых и профессиональных поэтов. Каким бы переделкам ни подвергалась легенда о знаменитом стрелке, как далеко бы она ни отходила от исторической реальности, кем бы ни был ее главный герой — угнетенным йоменом, несправедливо обиженным дворянином или загадочным хранителем леса, — неизменным оставалось то, что привлекало слушателей и читателей во все времена. Это пронзительная история о верности, дружбе и внутренней свободе — и вечная мечта о всеобщей справедливости.

ПРИМЕЧАНИЯ

РОБИН ГУД

Многие произведения из числа вошедших в настоящее издание уже известны отечественному читателю. С целым рядом баллад его познакомили профессиональные поэты и мэтры русской переводческой школы (Н.С. Гумилёв, М.И. Цветаева, С.Я. Маршак). Наконец, совсем недавно, в 2015 году, вышло «Полное собрание баллад о Робин Гуде» (сост. М. Кантор), куда были включены тексты, до тех пор мало кому известные.

Работая над новым переводом, переводчик старался возможно точнее передать специфические черты баллад и «игр», их жанровое, стилистическое и смысловое своеобразие. Кроме того, художественный текст снабжен подробным историко-культорологическим комментарием. Ряд произведений публикуется на русском языке впервые.

Переводы баллад и «игр», вошедших в данный том, выполнены по следующим изд.: Ritson 1832; Gutch 1847; Child 1882—1898; Roxburghe 1871—1899; Knight 1997. При этом основным источником послужил сборник Child 1882—1898, включающий наиболее полное собрание текстов о Робин Гуде (в том числе варианты баллад) с указанием даты и места их первых публикаций. Переводы отрывков из хроник, «Повести о деяниях Робин Гуда» и «Повести о Геймлине» выполнены по изд.: Knight 1997; «Деяний Хереварда» — по изд.: Hereward 1888; «Истории Фалка Фицуорена» — по изд.: FitzWarin 1855; «Жизни Робин Гуда» — по изд.: Gutch 1847; фрагментов из «Романа о Юстасе Монахе» — по изд.: Romans 1986.

При оформлении книги были использованы гравюры американского художника Луиса Джона Рида (Louis John Rhead; 1857—1926), опубликованные в изд.: Rhead 1912.

БАЛЛАДЫ

ПОВЕСТЬ О ДЕЯНИЯХ РОБИН ГУДА

A GESTE OF ROBYN HODE

«Повесть о деяниях Робин Гуда» (далее также — «Деяния») — самая фундаментальная баллада о Робине и его друзьях. Впервые это пространное произведение было опубликовано в первой половине XVI века, и о его популярности можно судить по тому, что на протяжении XVI—XVII веков оно переиздавалось более десяти раз. Оригинальной рукописи «Деяний» не сохранилось, и наиболее полная версия текста представляет собой серию фрагментов, опубликованных в Антверпене печатником Яном ван Дойсброхом (Jan van Doesbroch) около 1510 года под общим названием «Повесть о деяниях Робин Гуда» (см.: Doesbroch 1510?); ныне это издание хранится в Эдинбурге, в Национальной библиотеке Шотландии.

Примерно в это же время появилось и другое издание данной баллады, озаглавленное «Малая повесть о Робин Гуде, и его людях, и о гордом шерифе Ноттингемском» (см.: Worde 1506?/1510?), выпущенное Уинкином де Уордом (*англ.* Wynken de Worde, *нидерл.* Jan van Wynkyn; ум. 1534) — учеником и наследником английского первопечатника Уильяма Кэкстона (William Caxton; 1422?—1491). Именно этой версией текста воспользовался американский ученый, знаменитый собиратель баллад Фрэнсис Джеймс Чайлд (Francis James Child; 1825—1896) при составлении сборника «Английские и шотландские популярные баллады» — сначала в восьми частях, затем в десяти (см.: Child 1860; Child 1882—1898), — внеся в текст некоторые дополнения из других изданий XVI века. Это были: издание Ричарда Пинсона (Richard Pynson; 1448—1530), выпущенное около 1500 года (см.: Pynson 1500?); анонимные издания из коллекции антиквара Фрэнсиса Дауса (Francis Douce; 1757—1834), ныне хранящейся в Бодлеанской библиотеке в Оксфорде (см.: Douce [s. a.]); дешевые «народные» издания Уильяма Копленда (William Copland; ум. 1569) и Эдварда Уайта (Edward White; 1548?—1612?), выпущенные во второй половине XVI века (см.: Copland 1560?; White 1590?).

Точное время создания «Деяний» остается загадкой. Существуют два обоснованных мнения касательно этого вопроса. Так, некоторые исследова-

тели придерживаются той точки зрения, что это произведение появилось около 1400 года или даже раньше. Например, Фр.-Дж. Чайлд, в сборник которого оно вошло под номером 117 (см.: Child 1882–1898/III: 39–89), писал, что в нем есть множество среднеанглийских языковых форм, и высказывал предположение, что либо они были перенесены из баллад, на которых основывались «Деяния», либо сами «Деяния» возникли около 1400 года или даже раньше. Английский антиквар и историк-любитель Джон Гатч (John Gutch; 1746–1831), составитель сборника «Малая повесть о Робин Гуде, а также другие старинные и современные баллады и песни, имеющие отношение к этому знаменитому йомену» (см.: Gutch 1847), уверенно утверждал, что данная баллада была создана во времена Джеффри Чосера или незадолго до того (Ibid./I: 7). Таким образом, в качестве нижней границы датировки «Деяний» учеными был принят 1400 год, возможно, в связи с их сходством по объему и стилю с «Повестью о Геймлине», которую, несомненно, создали во времена Чосера.

Впрочем, остается не ясно, каким образом столь объемное компилятивное произведение, как «Деяния», появилось по крайней мере на полстолетия раньше, чем самые ранние из встречающихся в нем сюжетов (например, сюжет баллады «Смерть Робин Гуда»). Также вызывает удивление и то, что весьма пространное повествование об очень популярном герое не оставило никаких следов на протяжении века и дошло до стадии печатной публикации без вариаций и искажений. В связи с этим, по мнению ряда исследователей (см.: Fowler 1980: 1769; Knight 1997: 47–48), «Деяния» едва ли появились намного раньше изобретения печати (ок. 1440 года). Эти соображения, как и некоторые лингвистические свидетельства, указывают на то, что баллада, скорее всего, была написана не ранее середины XV века.

Однако сложности у исследователей вызывает датировка не только самого произведения, но и многих описываемых в нем событий. С точки зрения историков, упоминаемые в «Деяниях» юридические и социальные нормы позволяют отнести происходящее в тексте к XIII веку (см.: Maddicot 1978: 278; Holt 1989: 59); тем не менее «вневременной» характер средневекового повествования зачастую препятствует сколько-нибудь точной датировке. Одним из показательных примеров этого служит роман «Смерть Артура» («Le Morte d'Arthur»; опубл. 1485) Томаса Мэлори (Thomas Malory; 1405?–1471), в котором упоминается испытание поединком в его довольно архаичных формах, уже не существовавших в пору развитого Средневе-

ковья. Разного рода нестыковки — хронологические, исторические и географические — можно найти и в «Деяниях»: так, действие в балладе происходит в йоркширском* Бернисдейле (см. примеч. 4), при этом Маленький Джон** добирается туда из Ноттингема (см. примеч. 21), отстоящего от Бернисдейла на 80 км, всего лишь за один день.

Еще один вопрос, не имеющий однозначного ответа, — целевая аудитория «Деяний». Первые собиратели и комментаторы баллад, например Томас Перси (Thomas Percy; 1729—1811), предполагали, что данное произведение отвечало нуждам некоего «древнего» сообщества в целом, ныне затерянного в туманах прошлого, либо же что его авторы (составители), посредством «балладной музы», выражаясь словами Фр.-Дж. Чайлда, обращались к читателям будущего (см.: Percy 1765/I: 22; Child 1965: 42). Дж. Холт утверждал, что «Деяния» адресованы джентри — мелкопоместному дворянству (см.: Holt 1960: 109), Р. Добсон и Дж. Тейлор, напротив, предполагали, что безымянный автор ориентировался на вкусы простонародья, в первую очередь свободных крестьян — йоменов (см.: Dobson, Taylor 1995: 34). Р. Тардиф считал, что «Деяния», с их обилием отсылок к городским реалиям, адресованы мелким ремесленникам — членам гильдий (см.: Tardif 1983: 132). Впрочем, с тем же успехом можно предположить, что «Деяния» были созданы для довольно широкой аудитории, ведь в них лесные стрелки легко находят общий язык и с рыцарем, и с горожанином, и даже с королем. Представления о социальной справедливости в тексте не заходят далее беспрепятственного общения представителей разных сословий и необходимости соблюдать общепринятый порядок вещей (*среднеангл.* ordre, подробнее о нем см. примеч. 28).

Скорее всего, основным источником «Деяний» являются отдельные баллады. Так, спасение рыцаря Ричарда Ли напоминает эпизод с освобождением Робина из темницы в «Робин Гуде и монахе»; Маленький Джон дурачит шерифа примерно так же, как это делает Робин в «Робин Гуде и горшечнике»; а финальные строфы напрямую соотносятся со «Смертью Робин Гуда».

---

* Имеется в виду историческое графство Йоркшир. В настоящее время делится на три церемониальных графства: Норт-Йоркшир, Уэст-Йоркшир и Саут-Йоркшир.

** В переводах баллад и в произведениях по мотивам робин-гудовской легенды этого персонажа именуют по-разному (Крошка Джон, Малютка Джон, Малыш Джон и т. п.), однако в данном разделе, во избежание путаницы, мы будем называть его «Маленьким Джоном».

По мнению разных исследователей, в «Деяниях» собраны от четырех до двенадцати отдельных сюжетов, хотя лишь четыре баллады достаточно близки к ним хронологически (помимо трех вышеназванных, к ним относится текст «Робин Гуд и Гай Гисборн»).

В «Деяниях» прослеживаются параллели и с другими произведениями об изгнанниках (*англ.* outlaw — букв.: «человек, объявленный вне закона»), в первую очередь с «Историей Фалка Фицуорена» и «Романом о Юстасе Монахе». Кроме того, один из ключевых сюжетов баллады — о поручительстве Пресвятой Девы — встречается в популярном миракле* под названием «Поручительство христианина» («The Christian's Surety»; текст существует в двух версиях, созданных соответственно ок. 1390 года и ок. 1450 года). В нем благочестивый торговец Теодор, обеднев (хоть и по иной причине, нежели сэр Ричард Ли), также берет в долг и, обещая вернуть деньги в указанное время, призывает в качестве поручителя Деву Марию (см.: Miracles 1906: 107–120). Так же, как и Ричард Ли, Теодор сетует, что друзья оставались верны ему лишь до тех пор, пока он кормил и развлекал их. Впрочем, в «Деяниях» «чудо» совершает сам Робин, который, грабя монаха из аббатства Св. Марии, полуиронически объясняет ему основание своих действий:

И, стало быть, Она тебя
Сюда прислала в срок,
Чтоб ты вернул мне долг, а я
И впредь Ей верить мог.

Есть в «Деяниях» переклички и с рядом других мираклей, которые условно можно назвать историями «о рыцаре и Пресвятой Деве». В частности, подобного рода произведения входят в книгу «Чудеса Богоматери» («The Myracles of Oure Lady»), опубликованную лондонским издателем Уинкином де Уордом в начале XV века. Что характерно, одна из этих историй начинается так: «Жил в лесу некий разбойник, который грабил и убивал проезжих» (Myracle 1990: 61).

Таким образом, автор «Деяний», как и другой известный компилятор XV века, Томас Мэлори, сочетает разные сюжеты, добиваясь максимально-

* Миракль (от *лат.* miraculum — «чудо») — пьеса, посвященная житию святого или чуду, совершённому Богородицей.

го воздействия на читателей при помощи переплетения событий и довольно затейливой композиции. Впрочем, исследователи оценивали структуру этой баллады по-разному. Одни называли ее неуклюжей и неестественной (см.: Holt 1989: 17), тогда как другие, напротив, считали изящной и мастерски выстроенной (см.: Clawson 1909: 128).

«Повесть о деяниях Робин Гуда» можно условно разделить на несколько частей. Первые две песни повествуют об обедневшем рыцаре, который берет у Робина взаймы крупную сумму денег, чтобы выкупить свои земли у алчного аббата; в третьей песни и начале четвертой их герой, Маленький Джон, служит у шерифа, а затем, уйдя от него, завлекает бывшего хозяина в ловушку и грабит. Песнь пятая начинается с описания лучного турнира; в ней же рассказывается о том, как преследуемые людьми шерифа разбойники ищут убежища у рыцаря сэра Ричарда Ли, которому некогда оказали помощь. В шестой песни шериф берет этого рыцаря в плен, а лесные стрелки его освобождают. Наконец, в двух последних песнях одним из ключевых персонажей становится король.

Иными словами, в основе «Деяний» лежит не столько единый сюжет, сколько переплетение различных линий, так или иначе связанных с главным героем. И повсюду заметную роль играет сам «зеленый лес»*, где герои живут и откуда уходят в поисках приключений, наподобие артуровских рыцарей, покидающих Камелот (легендарный замок короля Артура) ради подвигов и славы. Судя по всему, автор «Деяний» сознательно усилил эту литературную параллель: соратники приветствуют лесного разбойника как короля, преклонив перед ним колено и обнажив голову, а Робин Гуд — совершенно в духе Артура — отказывается обедать, пока не появится какой-нибудь гость:

Заметил тут Малютка Джон,
Что полдень подошел,
И молвил так: «А не пора ль
Велеть собрать на стол?»

* З е л е н ы й л е с (*среднеангл.* grene wod, greenwood) — устойчивое сочетание в английских балладах о разбойниках и изгнанниках (не только о Робин Гуде). Именно лес, в отличие от города и других искусственных локаций, воплощает всё то, что так дорого его обитателям, — свободу, справедливость, независимость и верную дружбу.

Ответил славный Робин Гуд:
«Дотоле не велю,
Покуда трапезы лесной
Ни с кем не разделю».

Подобные артуровские аллюзии в «Деяниях», как и сюжет о Богоматери-поручительнице, по мнению Фр.-Дж. Чайлда, надлежит считать комическими, а равно и откровенно фарсовые эпизоды с участием Маленького Джона, когда тот отмеряет ткань при помощи своего большого лука, сражается с поваром или заманивает в лес злейшего врага лесных стрелков — ноттингемского шерифа (см.: Child 1965: 51). Юмор, несомненно, служит мощным авторским орудием и используется для унижения противников Робина (главным образом шерифа), но всё же в качестве трикстера, сообразительного озорника, Робин Гуд гораздо колоритнее обрисован в других произведениях цикла (ср. баллады «Робин Гуд и куцый монах», «Робин Гуд и Ален-э-Дэл», «Добыча Робин Гуда»).

Несомненно, в «Деяниях» сильны и сатирические ноты, что вынуждает некоторых исследователей приписывать этому произведению в первую очередь социальную или антицерковную направленность. По словам американского медиевиста Р. Кейпера, «это иллюстрация продажной власти шерифа и не менее продажного верховного судьи из Вестминстера» (Kaeuper 1988: 335–336). Но «Деяния» — это не памфлет, обличающий власть имущих. В них создан почти мистический образ «зеленого леса», где все равны и свободны. Живописуя социальное зло, причиняемое «добрым людям» бесчестными городскими и церковными властями, создатели баллады в целом развивают те же темы, что затронуты в других текстах о Робин Гуде: справедливость, дружба, верность, следование неписаным обычаям, которые оказываются естественнее и правильнее официальных законов.

Наконец, в предпоследней песни развивается еще один популярный фольклорный сюжет — «король инкогнито»: переодетый правитель встречается со своими подданными, вступает с ними в конфликт, но благодаря патриархальной простоте монарха и верности подданных всё завершается благополучно. В балладе такая встреча приводит к тому, что король Эдуард*

* Возможно, в «Деяниях», как и в балладе «Робин Гуд и монах» (см. преамбулу к этой балладе), имеется в виду король Эдуард III (1312–1377; правил с 1327 г.), но конкретных доказательств тому нет.

мирится с вольными стрелками и, по крайней мере символически, вступает в лесное братство; Робин принимает приглашение короля перебраться в Лондон, однако не приживается при дворе, и баллада заканчивается возвращением отважного йомена в лес. Финал «Деяний» похож на покаянное стихотворение — распространенный в средние века поэтический жанр: в последних строфах кратко излагается история смерти Робин Гуда, который, как и многие другие эпические герои, пав жертвой предательства, оставил после себя добрую память.

Как и большинство баллад цикла, «Деяния» написаны четырехстрочной строфой с рифмовкой *abcb* (лишь одна строфа рифмуется по принципу *abab*), с достаточно сильными рифмами, набор которых, впрочем, несколько ограничен; иногда ударный звук переходит из строфы в строфу, создавая своего рода восьмистишие. Количество образов и их описаний невелико; кроме того, в тексте регулярно повторяются оценочные определения: шерифа неизменно называют «гордым» (в оригинале — 23 раза), рыцаря — «учтивым» (19 раз), Робина и его друзей — «добрыми», «смелыми» и «веселыми». Гордыня чиновника почти аллегорически противопоставлена доброте йомена, который выручает обедневшего рыцаря, а тот, в свою очередь, платит ему верной дружбой.

Исследователи неоднократно предпринимали попытки найти реальный исторический прототип этого «учтивого рыцаря», тем более что в балладе он назван по имени — сэр Ричард Ли. Кроме того, в ней обозначено и место его жительства — Верисдейл (Verysdale), под которым, возможно, подразумевается деревушка Уайрсдейл (*англ.* Wyresdale) в графстве Ланкашир.

Одним из возможных прообразов Ричарда Ли считается некий сэр Ричард Торнхилл из Торнхилл-Ли (некогда — отдельный населенный пункт, ныне район города Дьюсбери в графстве Уэст-Йоркшир); в 1274 году этот человек фигурировал в судебных записях как нарушитель Лесного закона — введенного норманнами статута, согласно которому главным собственником многих лесных угодий Англии являлся король (см. примеч. 30). Также вероятным прототипом Ричарда Ли называют ноттингемширского рыцаря Ричарда Фолиота (ум. 1299) — покровителя известного разбойника Роджера Годберга (ум. 1276), вожака огромной шайки, которая грабила, убивала и браконьерствовала в Ноттингемшире в 1266–1272 годах. Когда Фолиот был официально обвинен в укрывательстве преступников, йоркширский шериф захватил его земли и осадил замок, который рыцарь был вынужден сдать,

после чего вместе с сыном добровольно явился на королевский суд. Представ в Вестминстере перед Генрихом III (1207–1272; правил с 1216 г.), Фолиот назвал имена двадцати баронов, готовых поручиться за его честность, и, по приказу короля, ему была возвращена конфискованная собственность. Что характерно, Ричард Фолиот владел землями вблизи деревни Уэнтбридж (*англ.* Wentbridge), неразрывно связанной с традицией робин-гудовских баллад (см. примеч. 1 к балладе «Робин Гуд и горшечник»); в XIII веке от Бернисдейла (традиционных охотничьих угодий Робин Гуда) до Фенвика (замка Фолиотов) было всего 8 км.

На одной из иллюстраций (с. 24 наст. изд.) к данной балладе художник изобразил аббата — это подтверждается другой иллюстрацией (с. 29 наст. изд.), где сэр Ричард Ли преклоняет перед аббатом колено, — однако в подписи назвал его приором (см. примеч. 12) и дал ему имя Винсент (Vincent). Во избежание путаницы в нашей подписи к иллюстрации мы называем персонажа аббатом.

[1] *С ним рядом были смелый Джон | И прочие стрелки.* — В ранних балладах «компания» Робин Гуда состоит из трех названных по именам персонажей — Джона, Мача и Вильяма Скейтлока (или Скарлока), а также некоторого количества безымянных йоменов, числом от двенадцати до ста сорока (впрочем, в «Деяниях» вскользь упоминаются имена еще двух стрелков — Гилберта и Рейнольда). Прозвище «Скейтлок» (Scathelock) не поддается однозначному толкованию, но, возможно, оно образовано от английских слов «[to] scathe» — «уничтожить» и «lock» — «замóк» и намекает на то, что персонаж является опытным взломщиком.

[2] *Покуда трапезы лесной | Ни с кем не разделю.* — «Деяния», несомненно, испытали влияние легенд артуровского цикла и средневековых рыцарских романов. Робин Гуд отказывается обедать, пока не появится какой-нибудь «неизвестный гость» (*среднеангл.* uncouth guest). Так же поступает и король Артур в поэме неизвестного автора XIV в. «Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь»: «<...> он не садился есть | В такой приятный день, пока ему не рассказывали | О каком-нибудь приключении или незнакомую историю | О каком-нибудь великом чуде»* («<...> he wolde neuer ete | Vpon such a dere day, er hym

* Ср. в пер. В.П. Бетаки: «Никогда, нипочем не начинал он обеда, | Пока от кого-нибудь не услышит рассказа | О поразительном подвиге или поединке, | Или иные изумительные истории...» (Гавейн 2003: 9).

deuised were | Of sum auenturus þyng an vncouþe tale | Of sum mayn meruayle». — Цит. по: Gawain 1967: 92).

[3] *Дойдите вы до Сайлис-кросс, | Потом до Уотлинг-стрит.* — Топоним Сайлис-кросс (Sayles Cross) упоминается не только в «Деяниях», но и в некоторых документах XIV—XVII вв., однако лишь в XIX в. усилиями антиквара Джозефа Хантера (Joseph Hunter; 1783—1861) удалось установить более или менее точное местонахождение этого географического объекта (чем конкретно он являлся, остается неизвестным): он был расположен в западной части исторического графства Йоркшир на небольшом холме к востоку от замка Понтефракт. Стоя там, некогда можно было держать под наблюдением долину реки Уэнт, где пролегал королевский тракт, поэтому неудивительно, что Сайлис-кросс облюбовали лесные разбойники.

Уотлинг-стрит (Watling Street) — часто упоминаемая в балладах дорога, которая вела из Донкастера в Тэдкастер (торговые города в Йоркшире) и была частью Эрмин-стрит (Ermine Street) — крупного торгового тракта из Лондона в Линкольн и Йорк, проложенного еще римлянами. Древнеанглийское название Уотлинг-стрит звучало как «Earninga Straete» (впервые упомянуто в 1012 г.) и было получено в честь саксонского племени эарнингов, обитавшего в тех самых краях. Также эта дорога была известна как «старый северный тракт».

Эти и другие топонимы, упоминаемые в балладах о «зеленом лесе», зачастую являются довольно точными ориентирами, позволяющими соотнести сюжет с реальной географией.

[4] *Бернисдейл* (Барнсдейл, Барнсдейлский лес, англ. Bernisdale) — в средние века лесной массив на севере Англии, в историческом графстве Йоркшир, с богатой историей и обширным местным фольклором; в настоящее время парковая зона в графстве Саут-Йоркшир. Шервуд (Шервудский лес, *англ.* Sherwood), соперничающий с Бернисдейлом за право называться исторической родиной Робин Гуда, ныне лежит от него в 80 км к югу, в графстве Ноттингемшир, но, возможно, в средние века оба этих леса были так велики, что представляли единое целое.

[5] *Блит* (Blyth) — небольшой город в графстве Нортумберленд на северо-востоке Англии; Сайлис-кросс расположен приблизительно в 50 км от него.

[6] *Сперва им воду поднесли | Для омовенья рук...* — Примерно с X—XI вв. застольные обычаи в Европе начали утончаться. Правила хорошего тона требовали, чтобы гости, сев за стол, обмывали руки в специально поданной

чаше с водой, иногда ароматизированной. В богатых домах Англии воду подносил специально назначенный слуга, называвшийся «ewer» (от *старофр.* eviere — «кувшин»). Также были слуги, в чьи обязанности входило читать молитву перед едой и раздавать нищим остатки трапезы (*англ.* almoner — букв.: «милостынник»), разливать господам вино (*англ.* cupbearer — букв.: «носитель чаш»), нарезать им мясо (*англ.* carver — букв.: «резатель») и т. д. Примечательно, что в «Деяниях» эти правила гигиены соблюдаются даже среди лесных разбойников — вероятно, это еще одна намеренная отсылка к рыцарским романам с изображаемым в них утонченным куртуазным этикетом.

[7] *Пируют йомены в лесу, | А платит господин*!» — Фактически, это единственное в «Деяниях» противопоставление рыцаря и йомена (аристократа и простолюдина). Понятие «йомен» (*англ.* yeoman) на протяжении средних веков было довольно расплывчатым и к концу XVI в. могло обозначать не только сословную принадлежность, но и должность вооруженного охранника или воина недворянского происхождения на службе у знатной особы. В XIII—XIV вв. йоменом называли лично свободного фермера — держателя земли, которая приносила минимум 40 шиллингов (см. примеч. 8) ежегодного дохода. Являясь владельцем земельной собственности, он был обязан выступать в качестве присяжного в суде и голосовать за выдвигаемых в парламент рыцарей — представителей графства. В XIV—XV вв. слово «йомен» могло употребляться и для обозначения мелкого сельского дворянина. Столь же неопределенным было и значение термина «сквайр» (*англ.* squire), которое зависело от контекста (см. примеч. 3 к балладе «Робин Гуд и Маленький Джон» и преамбулу к примечаниям к балладе «Робин Гуд спасает трех юношей»).

[8] *Шиллинг* — счетная денежная единица. До 1502 г. в Англии шиллинг не имел физического носителя в виде монеты. Во времена Вильгельма I Завоевателя (1028—1087; правил с 1066 г.) он был приравнен к 12 пенсам, и это значение сохранялось вплоть до 1971 г., когда произошел переход на десятичную систему. Впервые как реальная монета шиллинг был отчеканен в период царствования Эдуарда VI (1537—1553; правил с 1547 г.) — тогда он содержал около девяти граммов чистого серебра.

[9] *Он выехал на бой || И двух ланкастерских бойцов | Нашпилил на копье.* — Не вполне ясно, отчего убийство на турнире (неумышленное, а потому не караемое по закону) имело для сына Ричарда Ли весьма негативные послед-

ствия. Остается предполагать, что либо у погибших были влиятельные покровители, либо юноша грубо нарушил правила состязания, что привело к трагическому исходу. В оригинале один из ланкаширцев назван «squire bold» (*англ.* — букв.: «смелый сквайр»); это, с вероятностью, оруженосец погибшего рыцаря.

Ланкастер (Lancaster) — главный город графства Ланкашир, расположенного на северо-западе Англии и граничившего с историческим графством Йоркшир.

[10] «*Отмерь по ярду от кусков,* | *Да не плутуй смотри!*» | *Джон луком начал мерить ткань,* | *Накинув фута три.* — Ярд и фут — единицы измерения в английской системе мер; один ярд равен примерно 0,9 м, один фут — 0,3 м. Тисовые английские луки имели длину до 2 м.

[11] *Йорк* (York) — один из крупнейших и самых древних городов Англии, находится на севере страны; центр исторического графства Йоркшир.

[12] *Приор* (от лат. prior — «первый», «старший») — титул настоятеля небольшого мужского католического монастыря или первого помощника аббата.

[13] *Келарь* — монах, в чьи обязанности входит заведовать хозяйством монастыря, распоряжаться заготовкой продуктов, следить за сохранностью провизии; под его наблюдением находятся монастырская кухня, пекарня и т. д.

[14] *А будь ты вежливей со мной,* | *То был бы награжден».* — Очевидно, Ричард Ли имеет в виду, что сверх возвращенной суммы дал бы аббату некоторое вознаграждение, хотя изначально он не обязывался платить проценты (в средние века ростовщичество не приветствовалось, особенно если им занимались христиане).

[15] *Купил на сотню луков тис* | *И звонкой тетивы...* — Лук считался традиционным оружием английских йоменов. Тем не менее в конце XII — XIII в. ношение оружия частными лицами власти пытались пресекать — то под угрозой штрафа запрещая простолюдинам появление с мечом в городе, то объявляя подозрительным всякого человека, застигнутого с луком в лесу. «Король приказал, чтобы никто не появлялся в лесу с луками, стрелами и собаками, если только у этого человека нет разрешения от короля или за него законным образом не может поручиться кто-нибудь другой» (цит. по: Young 1979: 28), — гласит Лесная ассиза 1184 г., изданная Генрихом II Плантагенетом (1133–1189; правил с 1154 г.). В другом же королевском указе — Оружейной ассизе (1181 г.) — луки почему-то вообще не упоминаются, как будто не считаются настоящим оружием (см.: SDECH 1906: 23).

Однако уже меньше чем через сто лет ситуация кардинально изменилась — и регулярные лучные тренировки были вменены всем йоменам в обязанность (опять-таки под угрозой штрафа за уклонение). Учиться стрелять, поначалу из маленького лука, мальчики начинали с семи-восьми лет. Благодаря такой подготовке йомены-лучники утвердили свое превосходство над рыцарской конницей в битвах при Пуатье (1356 г.) и Азенкуре (1415 г.).

В балладах, помимо этого оружия, йомены также вооружены мечами (*англ.* sword), небольшими круглыми щитами (*англ.* buckle), дубинами (*англ.* quarterstaff; как правило, они были на четверть длиннее раскинутых в стороны рук, отсюда название — букв.: «четвертной посох»; «quarter» в переводе означает «четверть») и ножами (*англ.* knife; в балладе «Робин Гуд и Гай Гисборн» главный герой имеет при себе не простой, а ирландский нож — см. примеч. 8 к указанному произведению). Что касается дубинки, то она вовсе не обязательно являлась оружием простолюдина. Так, главный герой «Повести о Геймлине» сам принимает участие в йоменских забавах: умение драться на дубинках для рыцаря-сакса было вполне естественно.

[16] *И добрых линкольнских плащей, | Что зеленей травы...* — Зеленое линкольнское сукно неизменно ассоциируется с Робин Гудом и его друзьями. Эту шерстяную ткань производили в городе Линкольне (графство Линкольншир), который славился своими ткацкими и красильными мастерскими. Сукно сначала красили в синий цвет отваром вайды (растение из семейства крестоцветных, листья которого содержат пигмент индиго), а затем при помощи резеды или дрока придавали ему зеленый цвет, точнее, насыщенный оливковый. В честь городов назывались и некоторые другие разновидности сукна, например «ковентрийское синее» и «кендаллское зеленое». Алая же одежда, в которую Робин наряжается в некоторых балладах, стоила гораздо дороже — из-за импортных (средиземноморских) красителей, позволявших придавать сукну пурпурный цвет. Известно, что в 1198 г. линкольнский шериф приобрел около ста ярдов алого сукна стоимостью в тридцать фунтов; эта сумма равнялась годовому доходу небольшого поместья. К концу XVI в. «линкольнское зеленое сукно» уже становится приметой прошлого: в поэме Эдмунда Спенсера (Edmund Spenser; 1552?—1599) «Королева фей» («The Faerie Queene»; 1612) затейливый наряд лесничего (зеленая куртка, расшитая серебряным шнуром, см.: Кн. VI, песнь 2, строфа V) — это, скорее, примета пасторальной старины, чем современности.

[17] *Обещан тучный белый бык | Тому, кто всех сильней, | И конь под золотым седлом, | Что стоит двух коней...* — В качестве приза победители различных состязаний нередко получали животных; так, традиционной наградой в состязании борцов был баран (реже бык). Коня, как правило, получал победитель рыцарского турнира.

[18] *Марка* — единица веса серебра или золота в средневековой Западной Европе, приблизительно равная 250 г (или 2/3 фунта). В Англии марка никогда не имела физического носителя в виде монеты, однако активно использовалась как расчетная единица.

[19] *Холдернесс* (Holderness) — город в восточной части графства Йоркшир.

[20] *Ей-богу, двадцать марок в год | Готов я предложить».* — Конечно, в реальности шериф вряд ли стал бы платить своему слуге такие большие деньги; для сравнения, в XIV в. жалованье кухонной прислуги в поместье составляло 0,4—0,7 марки в год, а оклад «привилегированного» слуги, например сокольничего, мог достигать 1 марки.

[21] *Нóттингем* (Nottingham) — город в Англии, основанный около VII в.; административный центр графства Ноттингемшир (в центральной части страны). Долгое время состоял из двух частей — «английской» (более древней) и «французской», выстроенной норманнами после завоевания страны в XI в. В средние века Ноттингем был крупным торговым и ремесленным центром. Многие занятия горожан получили отражение в сохранившихся доныне названиях улиц, где жили ремесленники и мастеровые. На Флетчерсгейт обитали мастера-стрельники; на Баркер-гейт — скорняки, на Уиллергейт — колесники, на Фишерс-гейт — рыбники, на Брайдлсмит, Гейтсмит и Смит-роу — кузнецы, слесари и т. д.

До наших дней сохранились остатки Ноттингемского замка, возведенного в 1067 г. Вплоть до восстания 1194 г., когда городские власти открыто поддержали принца Джона (впоследствии — король Иоанн Безземельный; 1167—1216; правил с 1199 г.) против вернувшегося из Палестины короля Ричарда I Львиное Сердце (1157—1199; правил с 1189 г.), постоянно в этом замке никто не проживал. После подавления восстания он был отведен для жительства шерифу, до середины XIV в. осуществлявшему контроль сразу над двумя графствами — Ноттингемширом и Йоркширом.

[22] *Олени, цветом как трава, — | Ни словом не солгу! | Почти семь дюжин их стоит | Бок о бок на лугу.* — Очевидно, Джон намекает на компанию Ро-

бин Гуда — «семь дюжин» лесных стрелков (*англ.* seven score; это число упоминается и в других балладах). В таком случае понятен и необычный цвет оленей.

[23] *Дублет* — короткая куртка, верхняя мужская одежда, распространенная в Западной Европе в XIV—XVII вв.

[24] *Его я щедро награжу, | Коль он из бедняков».* — Идея о том, что Робин Гуд грабил богачей и оделял бедняков, возникает в период создания поздних баллад (см., например, «Правдивую историю Робин Гуда», написанную в 1632 г.). Ни в одном из ранних текстов не говорится, что лесные стрелки отбирают деньги у богатых специально ради того, чтобы помочь бедным.

Вообще же понятия «бедный» (*среднеангл.* pore) или «бедность» (*среднеангл.* pouerty) в робин-гудовских текстах довольно широки и встречаются в самых разных сочетаниях: «бедняки» (*среднеангл.* pore men), «бедный йомен» (*среднеангл.* a pore yeman), «учтивый рыцарь, впавший в бедность» (*среднеангл.* a gentyll knyght, that is fal in pouerty) и т. д. Таким образом, эти слова отнюдь не служат социальным маркером: «бедный» — вовсе не обязательно простолюдин; это любой, кто, с точки зрения Робина и его друзей, обижен и обездолен, кому не приходится ждать от власть имущих даже сочувствия. Пускай, по букве закона, Ричарду Ли и следует вернуть долг точно в срок, тем не менее в балладе он представлен в роли угнетенного — хотя бы из-за того, что жестокий кредитор не внимает его просьбам об отсрочке. Иными словами, «бедным» (то есть нуждающимся в помощи и восстановлении справедливости) может оказаться йомен, крестьянин, ремесленник и даже дворянин.

Отсутствие благородной цели у Робин Гуда и его друзей подтверждают и исторические свидетельства, согласно которым реальные лесные разбойники наводили ужас на всю округу, в равной мере устрашая и богачей и бедняков, и нередко добивались от небогатых местных жителей содействия при помощи угроз и принуждения. Не исключено, что они пользовались некоторым сочувствием простонародья, но, вероятно, это сочувствие было окрашено страхом, ведь разбойники, которым уже нечего было терять, могли убить доносчика или поджечь дом. Так, в 1213 г. двое подозреваемых в браконьерстве в Шервудском лесу, арестованных и посаженных в тюрьму вблизи Раффордского аббатства, ночью были освобождены напавшей на стражу бандой «неизвестных». Во время следствия выяснилось, что обоих браконьеров прекрасно знали в округе, однако против них не согласился выступить ни один свидетель.

[25] *Честнее Девы Пресвятой | Я дамы не встречал!* — Как уже не раз отмечали исследователи, Дева Мария играет роль традиционного небесного покровителя «разбойничьей гильдии» (так же, как она считалась, например, покровительницей моряков). Конечно, понятие «гильдия» в данном отношении крайне условно, однако внутренняя организация лесного братства очень напоминает иерархию мастеров и подмастерьев: к Робину стрелки обращаются «хозяин» (*англ.* master), а друг к другу — «братья» (*англ.* brethren) или «товарищи» (*англ.* fellows). Кроме того, все они носят liveries (*англ.* — букв.: «форменная одежда») из зеленого сукна: в такой одежде члены гильдий ходили по праздникам, во время торжественных процессий, общих пиров и т. д.

Если умирающий рыцарь Роланд, герой «Песни о Роланде» («La Chanson de Roland»; написана между 1040 и 1115 гг.), протягивает к небу перчатку, как бы давая присягу новому сеньору, и ее принимает архангел Гавриил (сф CLXXIV), то в «Деяниях» Робин Гуд предлагает свою дружбу Богородице — в знак благодарности за то, что Она оказалась верным поручителем. Стрелок чтит Пресвятую Деву, которая не обманывает его надежд*. В балладах он обращается к Ней по-разному: «кроткая Мария» (*среднеангл.* myld Mary), «честная Мария» (*англ.* true Mary), «Госпожа» (*англ.* Lady) и т. д.

Нужно отметить, что в Англии Богоматерь пользовалась особенной популярностью — бóльшая часть средневековых английских церквей и монастырей была освящена в Ее честь.

[26] *Кто попадет стрелою в прут, | Поставленный в тени?* — Стрельба по самым разным мишеням (в круглый щит, в стоячий прут, в венок, в живого петуха и т. д.) традиционно входила в состязания лучников.

[27] *И я шерифа не пущу, | Ей-богу, на порог!* — После издания Генрихом II Кларендонской ассизы (1166 г.), оказавшей серьезное влияние на английскую систему права, замок до некоторой степени перестал быть крепостью каждого отдельно взятого лорда. Хозяевам замков (а равно горожанам, крестьянам и даже монахам) было запрещено давать приют преступникам и сомнительным личностям. Им также вменялось в обязанность беспрекословно пускать на свои земли представителей властей и, в случае необходимости, способствовать поимке объявленного в розыск преступника. Давая изгнанни-

* Подробнее о генезисе и развитии мариального (то есть связанного с Девой Марией) культа в Средневековье см.: Clayton 2003, Shoemaker 2003.

ку приют в своем доме и столь явно объявляя себя противником шерифа (законного представителя короля), сэр Ричард Ли ставит себя в незавидное положение сообщника.

[28] *Здесь, в замке, будешь пить и есть | Ты вволю сорок дней*». — В ироническом ключе или же всерьез, но сэр Ричард Ли обещает Робину карантен (*фр.* quarantaine de l'ost) — сорокадневный обязательный срок служения вассала в войске у сюзерена. Вообще же «переворачивание» рыцарских традиций — непременный композиционный элемент «Деяний» («артуровский» обед в лесу у изгнанников, подобающая рыцарю щедрость, набожность вожака разбойников и т. д.).

Оказать помощь попавшему в беду другу для независимого духом Ричарда Ли совершенно естественно: он впускает лесных стрелков в замок точно так же, как Робин некогда впустил его в свои владения. Шериф же, связанный с Робином торжественной клятвой, данной на оружии, нарушает обещание, совершая по меркам балладного мира тяжкое преступление. При этом все заинтересованные лица по-разному понимают слово «предательство». В представлении шерифа предателем и изменником является Ричард Ли, который дает убежище врагам короля и тем самым нарушает закон и восстает против верховной власти. Сэр Ричард пытается отстоять свою правоту, поскольку он, во-первых, доказал верность короне службой в Святой земле, а во-вторых, не является буквальным клятвопреступником в отличие от шерифа. С точки зрения шерифа, нарушить слово, данное разбойнику, не является преступлением, поскольку клятва, данная под принуждением, не имеет юридической силы. Но нарушение неписаного обычая (*среднеангл.* ordre) — тяжкое преступление, и при столкновении двух принципов, юридического и морального, у Робина куда больше прав заговорить об измене, чем у шерифа. Для последнего верность королю означает безоговорочное подчинение местным властям, а Робин и местные джентри (в лице сэра Ричарда Ли) провозглашают преданность государю напрямую, минуя стадию подчинения королевским представителям.

В балладах о «зеленом лесе» абсолютное и естественное понимание и принятие концепта «ordre», объединяющего учтивость, гостеприимство, верность обещаниям, благодарность, правдивость и щедрость, пронизывает всю социальную иерархию снизу доверху. Оно роднит йомена Робина, сэра Ричарда Ли (рыцаря как минимум в третьем поколении) и мифологизирован-

ного «доброго короля» — едва ли не самого условного персонажа во всём цикле (см. примеч. 34).

[29] *Пломтон* (Пломтон-парк, Пломтонский лес, англ. Plompton Park). — Возможно, имеется в виду Пламптонский лес в графстве Ланкашир, где находились знаменитые королевские охотничьи угодья, или же лесной массив Инглуд близ Карлайла, города в графстве Камберленд (на северо-западе Англии).

[30] *И бьет оленей короля | Без промаха стрелой.* — Понятие королевского леса (то есть территории, принадлежащей лично королю) в английское законодательство ввел Вильгельм I Завоеватель. Согласно Лесному закону, принятому им в 1086 г., охотиться в королевском лесу, помимо монархов и членов их семей, имели право только представители аристократии, получившие на то Высочайшее разрешение. Англосаксонские законы также регулировали выпас скота и пахоту, охоту на диких животных и вырубку деревьев, но до Вильгельма I английские короли не ограничивали подданных в праве пользоваться лесными угодьями. В первую очередь Лесной закон охранял так называемую «благородную дичь» — оленей, ланей, кабанов, а также места их обитания. В конце XII — начале XIII в. треть территории Южной Англии (графства Беркшир, Хэмпшир, Кент и некоторые другие) представляла собой сплошной королевский лес. При своем вступлении на престол в 1154 г. Генрих II объявил «королевской территорией» также и весь Хантингдоншир — графство, находившееся в центральной части страны.

Согласно норманнскому Лесному закону, любой житель Англии мог подать ходатайство о разрешении выпасать скот или рубить деревья на территории королевского леса, но в случае благоприятного рассмотрения дела он был обязан заплатить в казну определенную сумму. Если собирать хворост для растопки всё же дозволялось бесплатно, то выносить из леса упавшие стволы или рубить ветви толщиной более чем в палец крестьяне могли только при условии ежегодной выплаты. По закону каралось убийство лесных животных и птиц: в понятие «дичи» входили олени, дикие кабаны, волки, косули, зайцы, лисы, куницы, бобры, выдры, барсуки, рыси, кролики, рыжие белки, а также фазаны, куропатки, голуби, вальдшнепы и бекасы. Дикие лебеди, утки и гуси в этот перечень, как ни странно, не попали, зато закон воспрещал ловить рыбу в лесных озерах, реках и ручьях. Все частные охотничьи угодья, примыкавшие к королевскому лесу, в обязательном порядке отделялись от королевских владений забором или канавой.

За соблюдением Лесного закона в каждом конкретном графстве в первую очередь следил шериф. Все землевладельцы в пределах графства и их главные лесничие также отвечали перед ним как перед представителем короны. Браконьеры и прочие нарушители Лесного закона доставлялись к нему на суд, совершавшийся именем короля. Назначенный государем смотритель (позже — так называемый королевский егерь), следивший за состоянием королевских угодий, считался равным по статусу шерифу.

Главной силой осуществления Лесного закона были лесничие. Они приносили особую клятву, в которой обещали внимательно следить за его исполнением. Важно отметить, что лесничие носили специальную «королевскую форму», включавшую вышитый герб с изображением охотничьего рога или топора (для тех, кто следил за вырубками). Ткань на пошив формы выдавалась дважды в год: четыре ярда серой шерстяной ткани зимой и столько же зеленой шерстяной ткани летом. Обязанности лесничих заключались в том, чтобы патрулировать территорию, а также арестовывать нарушителей и подозреваемых. В том случае, если те отказывались повиноваться, лесничие могли применить силу и даже убить их. Человек, который ехал по лесу на лошади или имел при себе лук со стрелами, охотничий нож или меч, мог быть остановлен и задержан до выяснения обстоятельств, как и всякий, кого в пределах королевского леса захватили red-handed (*англ.* — букв.: «с окровавленными руками»): если на нем самом или на его одежде были обнаружены пятна крови. Также преследованию подвергался и тот, кто нес или перевозил лесное животное, срубил ветку или даже подобрал палку толщиной больше пальца. Кроме того, королевские лесничие были обязаны регулярно показываться в деревнях, в пределах своих участков, чтобы местные жители хорошо их знали в лицо.

Самым горячим временем для лесничих были октябрь (когда спаривались олени) и так называемый fence-month (*англ.* — букв.: «закрытый месяц») — две недели до и после Иванова дня (23 июня), время, когда рождаются оленята. В эти периоды всем идущим и едущим через лес воспрещалось сходить с дороги, и любого человека, обнаруженного в зарослях, лесничие имели право задержать, а при сопротивлении или бегстве — застрелить.

Собакам, обитающим в пределах леса, в обязательном порядке отрубали три пальца или удаляли три когтя на передней лапе (иногда на обеих), чтобы не позволить им гоняться за дичью; в некоторых случаях им выдергивали клыки. Эта процедура носила название «lawing of dogs» (*англ.* — букв.:

«узаконивание собак») и проводилась официально, в суде. От нее освобождали только маленьких собачек, которые могли пролезть в железное кольцо диаметром шесть дюймов (около 15,2 см).

Что касается наказания за браконьерство, то Лесной закон с течением времени подвергался изменениям. Вильгельм I, согласно «Англосаксонской хронике»*, велел ослеплять тех, кто осмеливался убить «королевского оленя». Вильгельм II Руфус (1056?/1060?–1100; правил с 1087 г.) приравнял незаконную охоту на оленей к тяжким преступлениям: тому, кто выстрелил в оленя или хотя бы вспугнул его, грозило увечье, а браконьера, убившего животное, ждала смертная казнь. Генрих II смягчил Лесной закон: увечье грозило преступнику лишь при третьей поимке, а первые два раза браконьер отделывался штрафом. Однако Ричард I Львиное Сердце вновь ужесточил закон, вернув обычаи эпохи Вильгельма II Руфуса, когда браконьеры в обязательном порядке отвечали «with limb and life» (*англ.* — букв.: «членами и жизнью»), то есть подвергались смертной казни или увечью. Сходным образом за преступление платилась и собака браконьера — ее вешали или отрубали лапу. Лишь в 1217 г. смертную казнь за браконьерство вновь сменили штраф или изгнание из страны.

Что касается баллад о «зеленом лесе», то напрямую о нарушении Лесного закона речь идет только в более поздних текстах. Так, в балладе о спасении трех сквайров (см.: «Робин Гуд спасает трех юношей», «Робин Гуд и старик», «Робин Гуд спасает трех сквайров») главный герой освобождает молодых правонарушителей, приговоренных к казни за охоту на «королевских оленей». В ранних же балладах браконьерство — это нечто среднее между способом добычи пропитания и сознательным вызовом действующей власти.

[31] *И принял свиток Робин Гуд, | Колено преклоня.* — Примечательно, что главные враги Робин Гуда — это шериф и духовенство; нигде в «Деяниях» нет даже намека на то, что разбойник испытывает негативные чувства к королю Эдуарду. Идея безусловной верности монарху, при отказе повиноваться местным властям, не раз реализовывалась в исторической практике. Чрезвычайно показательным примером является крупнейшее в средневековой Англии крестьянское восстание, произошедшее в 1381 г. Его предводитель

* «Англосаксонская хроника» («The Anglo-Saxon Chronicle») — древнейшая летопись Англии, которая охватывает период с 495 до 1154 г.

Уолтер «Уот» Тайлер (Walter «Wat» Tyler; 1341—1381), будучи приверженцем Ричарда II (1367—1400, правил в 1377—1399 гг.), боролся исключительно против королевских сановников, в связи с чем восставшие заставляли всех проезжавших через их лагерь приносить присягу государю. По мнению ряда зарубежных литературоведов (см.: Keen 1961a: 160, 162, 165—167; Hilton 1976: 221—235), восстание У. Тайлера оказало значительное влияние на раннюю робин-гудовскую традицию, поскольку оно либо непосредственно предшествовало возникновению баллад о лесном стрелке, где монарх полностью условен, либо, наоборот, поставило точку в развитии оригинального цикла с его идеей «доброго короля» (см. примеч. 34). Согласно второй версии, все дальнейшие истории о «зеленом лесе» можно рассматривать лишь как подражание тому раннему своду баллад, который, оформившись как единое целое, закончился, что логично, смертью главного героя.

[32] *За то, что ты привез письмо, | Благодарю, монах.* — Упоминания о грамотности героев в балладах о «зеленом лесе» достаточно редки. Письма и документы, передаваемые из рук в руки, для героев важны не столько содержанием, сколько тем, что они подтверждают респектабельность посланца — самого наличия печати на них уже достаточно. Во всяком случае, в данном эпизоде не сказано, что Робин, принимая письмо, его читает. И это неудивительно, ведь в XIII—XIV вв. в английских деревнях были грамотны всего лишь около двух процентов мужского населения, в городах — около десяти, однако в последних процент неуклонно рос в связи с высокими требованиями при приеме в гильдии — и к XV в. дошел до пятидесяти. Несомненно, лесные стрелки умеют считать, система измерений им также знакома, пусть в качестве эталона они и используют собственный лук. Письма, написанные лично Робином, упоминаются лишь в некоторых поздних балладах (например, «Робин Гуд и золотая стрела»); в остальных же вся важная информация передается изустно (ср.: «Какие вести, славный Джон?», «Какие новости, отец?» и т. п.).

[33] *...я на йомена досель | Не подымал руки».* — В оригинале: «It falleth not for myn ordre, sayd our kynge» (*среднеангл.* — букв.: «Не в моем обычае бить доброго йомена»). Слово «ordre» не раз повторяется в балладах о «зеленом лесе». Как уже отмечалось выше, принятие именно этого концепта роднит короля Англии и лесного разбойника (см. примеч. 28).

[34] *И государь проговорил: | «Друзья, прощаю вам...* — Образ «доброго короля» — один из основополагающих в цикле робин-гудовских баллад. «Добрый

король» изначально справедлив, хоть и склонен слишком доверять своим ставленникам (например, получив жалобу от шерифа, он немедленно объявляет сэра Ричарда Ли вне закона и грозится поймать Робин Гуда). Также он не прочь лично навести порядок и пуститься в рискованную авантюру.

В «Деяниях» развивается традиционный для сказок и легенд сюжет: король инкогнито наблюдает за подданными, после чего справедливо распределяет награды и наказания*. Происходящие с ним события полны комизма, в связи с чем история о его приключениях в Ноттингеме и Бернисдейле сродни сказке либо фаблио: государь путешествует в обличье аббата, присутствует на разбойничьем пиру и состязании лучников, а в конце концов по тяжелой руке Робин узнаёт в мнимом аббате воина. «Лесной король» и король английский обращаются друг с другом запросто и даже фамильярно, после чего вся компания идет в Ноттингем. Сказочный сюжет вполне оправдывает большое количество условностей, например, долгое неузнавание переодетого монарха.

Король не только добрый, но и веселый, в простонародном грубоватом духе, поэтому справедливый суд он вершит с прибаутками, на пиру. Однако, покинув «зеленый лес», король в глазах Робин Гуда постепенно утрачивает значительную долю своей притягательности; он словно мимикрирует, приспосабливаясь к среде, где живут его подданные, в то время как стрелок остается прежним. Впрочем, ничто не мешает Робину покинуть «доброго короля», как только в столице ему становится скучно.

[35] *В честь мироносицы святой | Есть в Бернисдейле храм.* — В оригинале речь идет о храме в честь св. Марии Магдалины. Поскольку в средние века и позднее Новое время множество английских церквей освящались во имя этой святой, в данном случае очень трудно установить, какой конкретно храм имеется в виду и где он находился. Возможно, речь идет о церковке в деревне Кэмпсолл (Campsall); так или иначе, именно предполагаемая связь с Робин Гудом в 2013 г. помогла этому архитектурному памятнику XI в. войти в список особо охраняемых объектов культуры.

---

* Например, сходным образом развиваются события в балладе «Король Эдуард и скорняк из Тэмуорта» («King Edward and the Tanner of Tamworth»), внесенной в Издательский реестр 1564 г. Вообще же сюжет о странствующем инкогнито правителе встречается не только в английском фольклоре (ср. арабскую сказку «Султан и сапожник», итальянскую сказку «О человеке, который чинил старую обувь», истории о венгерском короле Матьяше Справедливом и польском короле Казимире Великом и т. д.).

[36] *Да аббатиса, на беду, | Ему роднёй была.* — Отсутствие у героев родни — одна из сюжетных лакун ранних баллад робин-гудовского цикла. В числе немногих обозначенных родственников — изменница-аббатиса, двоюродная сестра Робина по матери. Тем тяжелее совершённое ею преступление: не просто убийство, но предательство кровного родича. Кроме того, аббатиса нарушает право убежища (каковым в средние века считался монастырь, храм или часовня), убивая доверившегося ей путника. Поэтому в балладе «Смерть Робин Гуда», которая целиком посвящена этому сюжету, Робин справедливо употребляет слово «измена» (*англ.* treason).

В более поздних текстах происходит расширение и усложнение родственных связей, возникает непременный мотив узнавания: незнакомец оказывается двоюродным братом Маленького Джона («Робин Гуд и скорняк»), Скарлет встречает Робин Гуда, своего кузена («Робин Гуд и Виль Скарлет»), а позже находит отца («Робин Гуд и принц Арагонский»). В поздней балладе «Рождение, воспитание, подвиги и женитьба Робин Гуда» мы знакомимся с родителями главного героя и его дядей Гэмвеллом. Наконец, там же «романтизированный» Робин вступает в брак с пасторальной Клориндой, королевой пастушек. По другой версии его избранницей становится дева Мэрион (см. балладу «Робин Гуд и дева Мэрион»).

[37] *У аббатисы был дружок, | Сэр Роджер, ловкий плут.* — Имеется в виду любовник аббатисы, сэр Роджер Донкастер (см. преамбулу к примечаниям к балладе «Смерть Робин Гуда»).

[38] *Кирклéйс* (также: Ки́ркли, англ. Kirklees, Kirklee) — цистерцианский* женский монастырь (аббатство) в историческом графстве Йоркшир, основанный в 1155 г., в эпоху правления Генриха II, и освященный во имя Богородицы и св. Иакова. В 1539 г., в связи с парламентским Указом о роспуске монастырей, это аббатство, в котором на тот момент проживало всего восемь насельниц, прекратило свое существование. Его земля была передана частным лицам, монастырские здания снесены, и камень пошел на постройку Лоу-Холла — помещичьего дома для новых владельцев. До наших дней сохранились лишь остатки хозяйственных построек Кирклейса.

---

* Цистерцианцы — католический монашеский орден, созданный в XI в. Его название происходит от первой обители ордена — монастыря Сито́ (*фр.* Cîteaux, *лат.* Cistercium), основанного в 1098 г.

РОБИН ГУД И МОНАХ

ROBIN HODE AND THE MUNKE

Данная баллада сохранилась в так называемой Кембриджской рукописи, созданной примерно во второй половине XV века и представляющей собой нечто вроде сборника для личного употребления, составленного, предположительно, священником из Личфилда по имени Гилберт Пилкингтон (Gilbert Pilkington); ныне она находится в Университетской библиотеке Кембриджа. Рукопись содержит баллады, песни, молитвы, толкования пророчеств и даже бытовые заговоры. Обнаруженный в ней текст о Робин Гуде и монахе является наиболее полным вариантом этой истории — несмотря на то, что он поврежден, местами неразборчив и имеет лакуну (возникшую, вероятно, оттого, что был утерян лист манускрипта).

Другой экземпляр «Робин Гуда и монаха» был обнаружен собирателем баллад Джоном Бэгфордом (John Bagford; 1650?/1651?—1716) и ныне хранится в Британской библиотеке. Он представляет собой фрагмент текста, находящийся на вложенной странице из не дошедшего до нас манускрипта, также датируемого концом XV века.

В отличие от других ранних баллад, которые вместе с «Робин Гудом и монахом» составляют ядро цикла о «зеленом лесе», эта история была известна не всем крупным фольклористам; в частности, ее не знал Томас Перси, и она не вошла в «Памятники старинной английской поэзии». Впервые баллада была опубликована только в 1806 году шотландским антикваром Робертом Джемисоном (Robert Jamieson; 1780?—1844) в его книге «Популярные баллады и народные песни, рукописи и редкие издания, с переводом сходных отрывков с древнедатского языка» и им же озаглавлена («Робин Гуд и монах»), однако текст изобиловал ошибками, многие из которых были внесены самим составителем (см.: Jamieson 1806/II: 54—72).

Второй раз, уже гораздо точнее, данное произведение было воспроизведено в «Старинных стихотворных историях» (см.: AMT 1829: 179—197) под редакцией Чарльза Хартшорна (Charles Henry Hartshorn; 1802—1865), где оно получило название «История о Робин Гуде» («A Tale of Robin Hood»). Наконец, в 1832 году баллада, отредактированная известным собирателем и антикваром Фредериком Мэдденом (Frederic Madden; 1801—1873), под заглавием «Робин Гуд и монах», появилась в приложении к посмертному изданию сборника Джозефа Ритсона (Joseph Ritson; 1752—1803) «Робин Гуд: собрание

всех сохранившихся доныне старинных стихов, песен и баллад об этом знаменитом английском изгнаннике» (см.: Ritson 1832/II: 221–236). В сборник Фр.-Дж. Чайлда этот текст вошел под номером 119 (см.: Child 1882–1898/III: 94–102).

Что касается датировки баллады, то, вероятно, она была написана в конце XIV – начале XV века. По мнению исследователей, на это указывает упоминающийся в ней «наш красавец король»* (*среднеангл.* oure cumly kyng), традиционно воспринимающийся ими как Эдуард III. Кроме того, в Кембриджской рукописи имеется баллада «Король Эдуард и пастух» («King Edward and the Shepherd»), герой которой, как полагают исследователи, – уже несомненно Эдуард III. Впрочем, не исключено, что история о разбойнике и монахе, применяясь к актуальным реалиям, переписывалась несколько раз.

Вероятно, баллада «Робин Гуд и монах» является самым ранним образцом текста о Робин Гуде, который в 1370-х годах упоминал английский поэт Уильям Ленгленд (William Langland; 1332?–1386?), в 1420-х годах – шотландский поэт и хронист Эндрю Уинтонский (Andrew of Wyntoun; 1350?– 1425?), а в 1440-х годах – шотландский же хронист Уолтер Бауэр (Walter Bower; 1385?–1449). Латинский пересказ Бауэра истории о Робин Гуде (см. с. 533 наст. изд.) ближе всего стоит по времени именно к «Робин Гуду и монаху», и в обоих произведениях отражено как глубокое религиозное чувство героя, так и его враждебность по отношению к королевским чиновникам. Оба текста проникнуты суровым эпическим духом ранних баллад; им недостает легкой иронии, которой отмечены «Деяния» и которая характеризует всю позднюю робин-гудовскую традицию.

Несмотря на то, что баллада «Робин Гуд и монах» является одной из первых историй о Робине (или даже первой), она не оказала сколько-нибудь значительного влияния на позднейшие тексты (хотя, возможно, нашла отражение в «Деяниях» – в сценах ограбления монахов). Этот ранний текст не публиковался в популярных дешевых изданиях, так называемых «венках» (*англ.* garland)**, «уличных балладах» (*англ.* broadsheet, street ballad, stall ballad)

---

* Подобное сочетание встречается и в других произведениях цикла, например, в «Повести о деяниях Робин Гуда».

** «Венок» обычно представлял собой собрание баллад, расположенных в хронологической последовательности (если речь велась об одном герое) или посвященных одной теме.

или «листках» (*англ.* broadside)*, и отсутствовал в сборниках XVII–XVIII веков, однако история о Робин Гуде, попавшем в беду в Ноттингеме и спасенном друзьями, сразу же по вхождении баллады в широкий круг чтения была воспринята как классическая. Будучи написанной весьма искусно, она смогла приобрести немалую популярность, даже несмотря на явную лакуну в середине.

Рифмовка в балладе устойчивая, по схеме *abcb*, с относительно малым количеством бедных рифм. Как и в других английских народных балладах, здесь встречаются расхожие формулы, например, шесть раз повторяется фраза «The sothe as I you say» (*среднеангл.* – «Так, как я вам говорю»). Сюжет развивается стремительно и напряженно; финал можно назвать открытым: король не стремится наказать лесных стрелков и даже признаёт некоторые достоинства Робин Гуда и Маленького Джона, но тем не менее не приглашает их в Лондон.

В сжатом виде в «Робин Гуде и монахе» присутствуют все основные мотивы, характерные для робин-гудовского цикла: ссора друзей, взаимовыручка, искренняя вера Робина, враждебное отношение к Церкви, городские опасности, переодевания, досада шерифа, утверждение лесными стрелками истинных ценностей (таких как верность и дружба) и получение Робином королевского прощения. Кроме того, эта баллада, так же как и «Деяния», возможно, испытала влияние «Чудес Богоматери»: два миракля из этого сборника повествуют о благочестивых рыцарях, взятых в плен врагами и освобожденных благодаря «вмешательству» Девы Марии.

В «Робин Гуде и монахе», как и в других ранних текстах, Робин Гуд – несомненно, йомен, который возглавляет, по общему согласию, шайку лесных изгнанников. Правда, лидерство Робина оспаривается, когда он чересчур «заносится», но заново утверждается, как только он доказывает свою состоятельность. Взаимоотношения лесных стрелков основаны на системе естественных, общепонятных ценностей, а потому их братство – это своего рода воплощение простонародной мечты об идеальном обществе. В балладах оно недвусмысленно противопоставлено миру, где существуют города, тюрьмы, деньги, королевские печати, религиозные и правительственные организации,

* В словарях термины «broadside» и «broadsheet» обычно считаются синонимами, но в узкоспециальной библиографической терминологии «broadside» – это текст, напечатанный на одной стороне листа, а «broadsheet» – текст с продолжением на обороте.

которые воспринимаются лесными стрелками и просто «добрыми йоменами» как угроза свободе и которым, по крайней мере в воображении, можно бросить вызов. Вынужденной же — хотя и, вероятно, ничуть не преувеличенной — беспощадности стрелков по отношению к их противникам (в балладе незавидная участь выпадает монаху и тюремщику, а также мальчику-слуге* — случайному свидетелю) противопоставлена гармоничная жизнь в «зеленом лесу», куда удальцы возвращаются после своих приключений в городе.

«Робин Гуд и монах» является первой балладой цикла, в которой упоминается Шервуд, впоследствии ставший традиционным местом обитания вольных стрелков. В начале XIII века этот лес покрывал почти пятую часть графства Ноттингемшир, причем в его пределах находились всего пять деревень и два монастыря. Пользуясь малой заселенностью Шервуда, в нем настолько часто появлялись вооруженные браконьеры, что в 1138 году архиепископ Йоркский решил направить их энергию в мирное русло и лично обратился к лесным обитателям, призывая их взять свои луки и оказать посильную помощь Англии, боровшейся против шотландского вторжения. Иными словами, уже на тот момент «люди из Шервуда» повсеместно славились искусством стрельбы, а стало быть, у них появилась возможность использовать умения там, где они не рисковали угодить в тюрьму по обвинению в браконьерстве.

В конце 1190-х годов, чтобы противостоять регулярным разбойничьим набегам, один из служивших в это время ноттингемских шерифов выстроил замок в Шервуде и оставил там гарнизон, состоявший из ирландских наемников. Однако его замысел провалился, поскольку замок оказался чересчур изолированным и потому плохо снабжался припасами. В итоге, после нескольких стычек с лесными обитателями, строение было заброшено (его фундамент сохранился и поныне).

В 1260-х годах люди ноттингемского шерифа дважды сражались в Шервуде с разбойниками, которых возглавлял некто Роджер Годберг, бежавший в лес после разгрома баронского восстания** (1265 г.) под предводительством

* В оригинале: «a litul page» (*среднеангл.* — букв.: «маленький паж»).

** Баронские восстания (войны) — гражданские войны в Англии между силами мятежных баронов (крупных феодалов) и силами короля. Первая баронская война произошла в 1215—1217 гг.: неудачная внешняя политика Иоанна Безземельного вызвала восстание баронов, которое было поддержано Церковью, рыцарством и горожанами; в результате король был вынужден подписать Великую хартию вольностей, закрепив за →

Симона де Монфора, 6-го графа Лестера (Simon de Montfort, 6th Earl of Leicester; 1208?–1265). За поимку Годберга шериф назначил немалую по тем временам сумму в сто марок (ср. примеч. 18 к балладе «Повесть о деяниях Робин Гуда»). В конце концов Роджер Годберг был схвачен местными жителями, которых собрал и возглавил лично сын шерифа (см. примеч. 3), и отправлен в тюрьму в Брюгге (Бельгия). По недостоверным источникам, там он изъявил желание поступить на королевскую службу, однако более о нем ничего не известно.

В XIV веке в Шервудском лесу происходили настоящие войны между разбойниками и силами правопорядка. Несколько стычек в 1320-х годах были связаны с именами печально знаменитых братьев Фолвиллов, которые со своей шайкой, проникая в Шервуд со стороны города Дерби (графство Дербишир), терроризировали местные деревни и браконьерствовали. Лишь в 1341 году ноттингемский шериф начал предпринимать против них решительные действия, но даже назначение крупных сумм за головы самых известных разбойников не приносило особой пользы. В любом случае, охота на браконьеров представляла массу трудностей, и главная из них заключалась в том, что человека, который желал спрятаться в Шервудском лесу, занимавшем в 1200 году сто тысяч акров (около 400 кв. км), было очень нелегко найти.

Разбойничали в Шервуде не только простолюдины, но и люди благородного происхождения. Так, в 1326 году сэр Джослин Денвилл (Jocelyn Denville), чей отец был казнен после баронского восстания 1322 года, возглавив шайку из двухсот (по другим данным — четырехсот) наемников и разбойников, совершил беспримерно дерзкий рейд по йоркширским и шервудским деревням и монастырям. После того как йоркширский шериф привел в лес шестьсот вооруженных бойцов и состоялась отчаянная битва, унесшая жизни двухсот человек, сэр Джослин сдался. Однако разбойник-аристократ не понес никакого наказания, так как поспешно присягнул на верность Эдуарду II.

Средневековый лес традиционно служил убежищем для тех, кто находился в бегах, скрываясь от закона или собственного господина. И Шер-

→ населением Англии ряд гражданских прав. Вторая баронская война случилась в 1264–1267 гг. Наконец, в 1322 г. вспыхнуло восстание под предводительством Томаса Плантагенета, 2-го графа Ланкастера (Thomas, Earl of Lancaster; 1278?–1322), который возглавил баронскую оппозицию против короля Эдуарда II (1284–1327; правил с 1307 г.), дававшего своим фаворитам многочисленные привилегии в ущерб старой знати.

вуд не был исключением. В его дебрях, а также в немногочисленных лесных монастырях искало укрытия множество правонарушителей — убийц, воров и сбежавших крестьян. Известен, по крайней мере, один случай, когда преступник, спасавшийся от лесничих, попросил приюта в монастырской церкви.

Сотни людей укрывались в Шервудском лесу в период англосаксонских восстаний 1075—1076 годов, когда норманны, в отместку бунтовщикам, опустошили территорию от Ноттингема до Йорка. Бóльшая часть этих беженцев умерла от голода и лишений: даже Шервуд не смог прокормить такое количество людей одновременно. Но некоторые все-таки выжили и навсегда связали свою судьбу с этим местом: сначала они селились в естественных пещерах в глубине леса, затем принимались строить жилища на опушках. В период междоусобной войны 1135—1155 годов между королем Стефаном (1095—1154; правил с 1135 г.) и королевой Матильдой (1102—1167; правила с 8 апреля по 7 декабря 1141 г.), когда Ноттингем дважды выгорал, Шервуд вновь был в буквальном смысле наводнен людьми. Подобные ситуации возникали и в XIII—XIV веках, когда во время нескольких потрясений (Первая и Вторая баронские войны, восстание 1322 года и т. д.), в лесу искали убежище представители всех сторон конфликтов, в основном дезертиры. Многие из беглецов, отчаявшись, становились грабителями.

Запись в Ноттингемширской хронике от 1323 года гласит, что из-за обилия разбойничьих шаек по Шервудскому лесу невозможно было пройти без вооруженного сопровождения. Но даже если путникам удавалось благополучно миновать Шервуд, эскорт требовался опять — дальше дорога вела через Бернисдейл (см. примеч. 4 к балладе «Повесть о деяниях Робин Гуда»). Ведь и там после битвы при Боробридже (Боругбридже, *англ.* Boroughbridge) между армией короля Эдуарда II и повстанческими силами графа Ланкастера, произошедшей в 1322 году и закончившейся разгромом последнего, укрывалось немало мятежников, многие из которых занимались браконьерством и грабежами.

[1] *Духов день* — христианский праздник, установленный в честь Святого Духа и отмечаемый Католической церковью на пятидесятый день после Пасхи; как правило, приходится на конец мая. Хотя многие комментаторы связывают баллады и пьесы о Робин Гуде с так называемым Майским днем (*англ.* May Day; традиционный народный праздник в честь наступления вес-

ны, отмечаемый в начале мая), в наиболее ранних текстах очевидно, что действие происходит в конце мая — начале июня.

[2] *Один лишь Джон пойдет со мной, | Он понесет мой лук».* — Дружба и братство — основные мировоззренческие принципы главных героев баллад о «зеленом лесе», ведь самое тяжкое преступление в балладном мире — предать друга либо оставить его в беде, пусть даже по случайности. Робин и Джон — несомненно, самая прочная дружеская связка робин-гудовского цикла, и именно поэтому Джон обижается, когда Робин пытается навязать ему обязанности слуги. Однако при этом и сам Джон, и другие лесные стрелки зачастую приветствуют Робина, как вассалы — сеньора (обнажив голову и преклонив колено). Подобные тонкости отношений возникают, поскольку Робин Гуд является первым среди точно таких же достойных людей, а лесное братство предполагает одновременно равенство и послушание.

На идее неразрывной дружбы построены наиболее впечатляющие из ранних текстов цикла. О верных друзьях в них говорится многократно и на разных уровнях (например, в «Деяниях» Робин Гуд помогает сэру Ричарду Ли и отказывается бросить раненого Джона). С развитием робин-гудовской традиции «зеленый лес» «вбирает» в себя представителей всё большего количества сословий — в Бернисдейле и Шервуде появляются монах, благородная дева, ремесленники, рыцарь и т. д. Наконец, другом Робин Гуда, пусть даже номинальным, становится сам король. Таким образом, в балладах дружба не знает социальных различий.

[3] *Шериф вскочил из-за стола, | Созвал тотчас людей...* — В оригинале для определения людей, идущих арестовывать Робина, используется сочетание «every mother's son» (*англ.* — букв.: «сын каждой матери»). Таким образом, здесь имеются в виду не солдаты, а, скорее всего, либо набранная из местных жителей городская (так называемая «судейская») стража, либо наспех вооружившиеся обыватели, обязанные способствовать поимке преступника.

Если друзья Робина не всегда достаточно сплочены, то их противники неизменно выступают «единым фронтом», немедленно оказывая друг другу необходимую поддержку. Так, монах, увидев Робин Гуда, тут же сообщает о нем шерифу, тот направляет в церковь отряд, а монах, в свою очередь, несет весть королю. Быстрая реакция властей при борьбе с важными преступниками вполне исторична: городским чиновникам, в случае недосмотра, приходилось серьезно отвечать перед вышестоящей инстанцией.

[4] *Но об шерифов крепкий шлем | Сломал он свой клинок.* — Мотив «невер-

ного» оружия нередко встречается в эпической и героической поэзии. Так, в «Энеиде» греческий герой Турн ломает свой меч о доспехи Энея (см.: XII.731–732), а Беовульф в одноименной поэме — о чешую дракона (см.: 2678–2680).

[5] «*Всё оттого, что здесь сидит | В темнице Робин Гуд*! — В средние века лишение свободы само по себе редко служило наказанием. Арестованные сидели в тюрьме в ожидании суда, приговоренные — в ожидании казни, неисправные должники — до тех пор, пока семья, гильдия или община не уплачивала необходимую сумму. Для человека, заключенного в тюрьму по обвинению (или по подозрению) в преступлении, вынужденная отсидка могла затянуться надолго и закончиться плачевно: суд графства, возглавляемый шерифом, собирался на «сессии» лишь несколько раз в год (как правило, три или четыре), и потому арестанты подчас месяцами жили впроголодь, в грязи, нередко — в цепях или в колодках. Так, в годы правления Генриха III (1216–1272 гг.) в Ладинглонде (графство Саффолк) были арестованы

> двое мужчин, пришедших неизвестно откуда, и одна женщина. Их заточили в тюрьму и держали там в течение длительного времени; в результате один из мужчин умер, а другой потерял ногу. Женщина тоже лишилась ступни из-за грязи и заражения. Затем они предстали перед судом и были допрошены; когда же выяснилось, что они не причастны ни к какому грабежу или иному злодеянию, им позволено было уйти восвояси.
>
> Jusserand 1920: 267

[6] *Ве́стминстер* (правильнее — Уэстминстер, англ. Westminster) — бенедиктинское аббатство в Лондоне, основанное в 1065 г.; традиционное место коронации и захоронения британских монархов. С XVI в. и по настоящее время имеет статус церкви.

[7] *Аминь*. — Это слово, вероятно, было добавлено переписчиком.

РОБИН ГУД И ГАЙ ГИСБОРН

ROBIN HODE AND GUY OF GISBURNE

Данная баллада вошла в сборники Т. Перси (см.: Percy 1765/I: 74–86), Дж. Ритсона (см.: Ritson 1795/I: 114–125), Дж. Гатча (см.: Gutch 1847/II: 68–83)

и Фр.-Дж. Чайлда, присвоившего ей номер 118 (см.: Child 1882–1898/III: 89–94). Кроме того, основанный на ее сюжете драматический отрывок был обнаружен в рукописи, найденной в Эксетере (графство Девоншир) и датированной примерно 1475 годом. В этом отрывке некий безымянный рыцарь берется изловить Робин Гуда и представить его на суд шерифа, за что ему обещана богатая награда. Рыцарь встречает Робина и предлагает пострелять из лука, затем следует борцовская схватка и, наконец, финальный бой, в котором разбойник побеждает, отсекает противнику голову и надевает его одежду. Узнав у прохожего, что лесные стрелки захвачены шерифом, Робин отправляется им на выручку.

Также стоит сказать и об упоминании о Гае Гисборне в сатирической поэме шотландского поэта Уильяма Данбара (William Dunbar; 1460?–1520?) «Сэр Томас Норни» («Sir Thomas Norny»; ок. 1512), где этот персонаж назван в числе прочих знаменитых удальцов: «Ни буйный Робин в тени ветвей, ни Роджер из Клейкенклу не были такими смельчаками, ни Гай Гисборн, ни Алан (*sic*!) Белл, ни сыновья Саймона из Уайнфелла не сравнялись бы с ним (сэром Томасом. — *В.С.*) в стрельбе» (цит. по: Makars 2010: 320).

О возможных прототипах Гая Гисборна, впрочем, ничего не известно. Вероятно, свое прозвище герой получил по названию одного из населенных пунктов, реально существовавших в средние века в графстве Йоркшир: Гисборн (Гисберн, *англ.* Gisburne) или Гисборо (*англ.* Gisborough).

Текст истории о Робин Гуде и Гае Гисборне сохранился в рукописи, датированной серединой XVII века, но, несомненно, само произведение было создано ранее. Данный манускрипт был приобретен Т. Перси, который в 1765 году опубликовал балладу в своих «Памятниках старинной английской поэзии». Примечательно, что в присвоенном ей названии — «Робин Гуд и Гай Гисборн» — перед именем второго героя не было использовано обращение «сэр», хотя оно употребляется в самой балладе. Возможно, Т. Перси, как впоследствии и Фр.-Дж. Чайлд, не стал вводить в заглавие это слово, поскольку в тексте явственно сказано, что Гай и Робин — оба йомены; однако нужно отметить, что уважительное обращение «сэр» в средние века использовалось не только в отношении аристократов.

Показательно, что в XX веке Гай Гисборн также «обзавелся» высоким происхождением — в многочисленных прозаических переложениях легенды о Робин Гуде, а затем и в кинокартинах оба, Гай и Робин, зачастую предстают в аристократическом обличье. То, что в упомянутом выше драматиче-

ском отрывке безымянный противник Робина был назван рыцарем, возможно, также привело к тому, что в конце концов Гай Гисборн обрел благородные корни. Кроме того, вероятно, авторам казалось логичным «возвысить» и Гая, раз уж за Робин Гудом начиная с XVI века стало постепенно утверждаться дворянское происхождение.

В своем издании Фр.-Дж. Чайлд поместил эту балладу непосредственно после «Повести о деяниях Робин Гуда», основываясь на очевидных доказательствах ее давности (упоминание о Гае в поэме У. Данбара, драматический отрывок в рукописи 1475 года). Поскольку Чайлд исходил из предположения, что пьесы основывались на балладах, а не наоборот, он сделал вывод, что баллада «Робин Гуд и Гай Гисборн» чисто хронологически предшествовала остальным известным историям робин-гудовского цикла; это и обусловило расположение текстов в его сборнике. Кроме того, по мнению исследователя, данное произведение несет следы своего архаического происхождения в большей мере, нежели прочие тексты о «зеленом лесе» (к такому же выводу пришел и Т. Перси, см.: Percy 1765/I: 74). На эту мысль Фр.-Дж. Чайлда навел странный наряд Гая Гисборна, больше похожий на ритуальный костюм, чем на средство маскировки, а также исключительная, по его словам, жестокость баллады.

Вопрос о том, кто же такой Робин Гуд — реальный человек или мифологический обитатель леса, — по-прежнему вызывает споры среди исследователей, но в истории о Гае Гисборне, несомненно, есть множество мотивов, создающих особый образ Робина, отличный от того, который предстает в других ранних текстах. Это и соперничество между подлинным и мнимым «хранителями» лесных угодий (Робин и Гай меряются силами и умениями), и неумолимая жестокость к врагам, и способность к перевоплощению (в том числе переодевание в чужой ритуальный костюм — Робин изображает Гая, а кроме того, готов взять на себя и функции священника), и стремление непременно встретиться с опасным противником самому, даже ценой потери друга.

Действие баллады происходит в йоркширском Бернисдейле, хотя в качестве главного преследователя Робина назван шериф ноттингемский. Возможно, это свидетельство дальнейшего географического распространения истории об изначально местном — йоркширском — герое.

Сюжет развивается живо и напряженно, хотя не всегда логично (так, Робин, поссорившись с Джоном, не может знать, что тот попал в плен, — но

тем не менее сразу идет на выручку). В связи с этим некоторые исследователи предполагают, что в начале баллады есть лакуна, поскольку, опустив традиционное развернутое вступление, рассказчик сразу переходит к описанию действий, из-за чего создается впечатление, что слушатели хорошо знают, о ком идет речь и что происходит*. Также остается непонятным, отчего Робин называет Гая Гисборна «предателем» (*среднеангл.* traytor).

С точки зрения стиля текст «Робин Гуда и Гая Гисборна» похож на текст «Робин Гуда и монаха»: небольшое количество бедных рифм, относительно устойчивый метрический рисунок, рифмовка *abcb* (с одним исключением в виде шестистишия и периодическими вкраплениями перекрестной рифмовки *abab*). Отличительной особенностью баллады о Гае Гисборне является малочисленность клише и устойчивых «формульных» строчек, столь характерных для народной лироэпики**. Энергичный тон подчеркивает быстроту и драматизм развития сюжета, лишь усиливая воздействие этой загадочной истории на аудиторию.

В данном произведении соединены многие главные мотивы баллад о «зеленом лесе», в частности ссора, которая разделяет друзей и обоих делает уязвимыми. Драматическая схватка и спасение друга — это темы, которые лежат в основе всей робин-гудовской традиции.

Что же касается самого Гая Гисборна, то складывается впечатление, будто противник Робина — его личный враг, мстительный, почти демонический персонаж. Поэтому неудивительно, что при дальнейшем развитии легенды Гай Гисборн стал одним из самых популярных героев, хотя он фигурирует лишь в одной балладе.

[1] «*Двух крепких йоменов во сне | Я видел, Боже мой.* — Это одно из неудобопонятных мест баллады. По мнению некоторых исследователей, после вступления с традиционным описанием леса пропущен фрагмент текста, ко-

* Неудивительно, что Джозеф Ритсон в своем сборнике «исправил» эту погрешность, убрав строчку про двух йоменов, которых Робин Гуд видел во сне. В его варианте финал строфы выглядит так: «Soe lowed, he wakened Robin Hood | In the greenwood where he lay — «Так громко [пела птица], что разбудила Робин Гуда | В зеленом лесу, где он лежал» (Ritson 1823: 95).

** Например, «сны, что ветер на холмах», «в плащах зеленых, как трава». К лироэпической поэзии относятся поэтические произведения, в которых лирическое начало соединено с повествовательным, героическим (баллады, поэмы, оды и т. д.).

торый объяснял, о каких двух йоменах идет речь (см., напр.: Child 1882–1898/III: 90).

[2] *Он в шкуру конскую одет, | С ушами и хвостом.* – Примечательно, что на иллюстрации к балладе «Робин Гуд и Гай Гисборн» в переиздании классического сборника Дж. Ритсона Гай Гисборн изображен в шотландском костюме (см.: Ritson 1832/I: 114). Возможно, художник (имя которого, к сожалению, неизвестно) отдал дань вальтер-скоттовским воззрениям на романтических «диких шотландцев». Хотя нужно заметить, что в целом робин-гудовский цикл не является чисто английским: несколько поздних текстов считаются по происхождению шотландскими, например, «Робин Гуд и Маленький Джон» и «Робин Гуд и королева Екатерина». В связи с этим М.И. Цветаева в своем переводе баллады «Робин Гуд и Маленький Джон» даже переносит место действия в Шотландию, вложив в уста Робин Гуда такие слова: «Кто владельцы Шотландии? Мы!» (Ср. с. 633 наст. изд.) Некоторые же исследователи, например, известный английский историк-медиевист Ст. Найт, высказывали предположения, что создатели баллад о Робин Гуде вдохновлялись вполне реальными приключениями Уильяма Уоллеса (1270–1305) – вождя шотландского сопротивления (см.: Knight 2003: 52).

Вопрос о том, кто такой Гай Гисборн, по-прежнему остается открытым. Можно предположить, что Гисборн сродни «дикому пастуху» — необузданному и свирепому мужлану, с которым сталкивается благородный герой, как это бывает в рыцарских романах, например, в «Ивейне, или Рыцаре со львом» («Yvain ou le Chevalier au lion») Кретьена де Труа (Chrétien de Troyes; 1130–1190), или, наоборот, легендарному сэру Гаю из Уорика, который, став отшельником, носил коровью шкуру («Гай из Уорика»; «Guy of Warwick»; ок. 1300). Некоторые исследователи называют Гая Гисборна архаическим «духом зимы», с которым сражается Майский король — воплощение весенней природы (см.: Frazer 1923: 296–300; Wiles 1999). Наконец, право на существование имеет и шотландская версия, называвшая Гая Гисборна кельтским наемником — керном (*ирл.* ceithern — букв.: «воин»). Начиная с XIII в. керны — пешие бойцы смешанного шотландско-ирландского происхождения — целыми отрядами поступали на службу к английским лордам. В смутные времена лорды позволяли им самостоятельно добывать себе пропитание у мирного населения, как на своих землях, так и у соседей. Неудивительно, что само слово «керн» со временем стало синонимом разбойника. Так, один

из ирландских хронистов в сердцах называет набеги кернов «адской бурей» (*ирл.* cioth Ifrinn). Зачастую керны не носили доспехов и одевались как крестьяне: рубаха с широкими рукавами, узкие штаны, короткая накидка из козьей шкуры либо широкий плащ (*гэльск.* shag-rug), украшенный длинной бахромой. Оружие этих наемников было разнородным: мечи, топоры, дротики, луки и даже пращи, но практически каждый носил длинный кинжал (*гэльск.* skean). Таким образом, в облике Гая Гисборна прослеживается явное сходство с керном: он появляется в балладе с мечом и кинжалом, в накидке из лошадиной шкуры.

[3] *И Вильям с Трента мертвым пал, | Хороший был солдат.* — Вильям (Уильям) с Трента упоминается только в данной балладе, хотя этот персонаж — человек шерифа — нередко встречается в поздней англоязычной приключенческой литературе о Робин Гуде и в прозаических пересказах баллад*.

Трент — крупнейшая по площади бассейна река в Англии, протекающая через Ноттингемшир, Линкольншир, Саут-Йоркшир и некоторые другие графства.

[4] *Ох, лучше было бы ему | Висеть в тугой петле, | Чем с острою стрелой в спине | Валяться на земле.* — Вероятно, автор имеет в виду, что лучше быть казненным на виселице (пусть в те времена такая смерть и считалась позорной), чем умереть без покаяния и остаться непогребенным.

[5] «*Тебя дотащат до холма, | Где виселица ждет*». — В текстах баллад не раз упоминается казнь через повешение (причем применительно не только к простолюдинам, но и к аристократам — см. «Повесть о деяниях Робин Гуда»), а также ее разновидность под названием «draw and hang» (*англ.* — букв.: «протащить и повесить»), когда преступника везли к месту казни на «позорной телеге» или волочили по земле за лошадью, а потом вешали. Шериф грозит захваченному Джону именно казнью «draw and hang», обычно назначаемой за измену, поскольку разбойник, нарушивший «королевский мир» (то есть порядок, обеспечиваемый государственными законами), фактически приравнивался к изменнику. Грабители в любом случае платились жизнью, какой бы ни была похищенная ими сумма: разбой на большой дороге расценивался как тяжкое преступление и наказывался смертью через повешение.

* Например, в романе «Робин Гуд» («Robin Hood»; 1891) Джозефа Уокера Макспаддена (Joseph Walker McSpadden; 1874—1960).

[6] *Вот Гай, стреляя вдругорядь, | В кольцо попал стрелой, | Но прутик расщепить сумел | Лишь Робин удалой.* — Речь идет о том, что Гай Гисборн попал в кольцо, представлявшее собой согнутую ветку, а Робин расщепил стрелой палку, на которой укреплялось это «кольцо».

[7] *Взглянуть, как бились на мечах...* — В оригинале мечи героев названы коричневыми (*среднеангл.* browne). Подробнее об этом эпитете см. примеч. 3 к балладе «Робин Гуд и нищий (I)».

[8] *Ирландский нож* — кинжал с длинным прямым клинком.

[9] *Не опознает Гая тот, | Кто женщиной рожден.* — Имеется в виду: не опознает ни один человек.

[10] «*Ты фьеф прекрасный за труды | Достоин получить...* — Фьефом назывались земли, которые господин (сеньор) жаловал вассалу в пользование при условии несения службы. Таким образом, шериф, возможно, намекает мнимому Гисборну, что тот за свои заслуги достоин посвящения в рыцари (ведь за этой процедурой, как правило, следовало дарование фьефа).

СМЕРТЬ РОБИН ГУДА

ROBIN HOOD'S DEATH

Первая публикация данной баллады была обнаружена Т. Перси в анонимном сборнике, составленном в XVII веке и ныне известном под названием «Фолио Перси» (см.: Folio 1867: 50–58). Однако собиратель не включил ее в «Памятники старинной английской поэзии», возможно из-за того, что эта версия произведения имела существенные недостатки: в ней было множество лакун и искажений. Полный же текст баллады, написанный, по замечанию Фр.-Дж. Чайлда, «на старинный манер» (Child 1965: 103), был опубликован только в 1786 году — в сборнике шотландского издателя Джона Нейлсона (John Neilson) «Английский лучник» (см.: Neilson 1786: 81). В свою очередь, Фр.-Дж. Чайлд, скомбинировав две ранние версии, обнародовал третью редакцию «Смерти Робин Гуда» (см.: Child 1882–1898/III: 102–108), которая и вошла в настоящее издание. В сборнике Чайлда эта баллада имеет номер 120 и относится к группе наиболее ранних текстов, что вполне объяснимо: автор «Деяний», по всей вероятности, был с нею знаком.

Но есть и другие причины, позволяющие считать «Смерть Робин Гуда» ранним произведением. Во-первых, рассказом о гибели легендарного разбой-

ника заканчивается так называемая Слоанская рукопись (Sloane manuscript)* — собрание текстов, которые датируются XV—XVI веками (см. преамбулу к примечаниям к «Жизни Робин Гуда»); во-вторых, некоторые подробности о ней излагаются в выпущенной в 1569 году «Хронике большой и славной истории английских деяний и королей Англии»** (см.: Grafton 1569) издателя и ученого Ричарда Графтона (Richard Grafton; 1511?—1572). Кроме того, история об убийстве Робин Гуда, вероятно, входит в число тех «трагедий», которыми, по словам автора «Шотландских хроник» (1440-е годы) У. Бауэра, люди чествовали память разных местных героев, своих любимцев. «Эти глупцы неразумно прославляли преступников», — писал по этому поводу Бауэр, выражая тем самым явное возмущение (цит. по: Dobson, Taylor 1976: 5). Таким образом, скорее всего, баллада «Смерть Робин Гуда» существовала уже в середине XV века. По языку и стилю она очень похожа на историю о Гае Гисборне, датирующуюся примерно тем же временем.

Любопытно, что текст, столь важный для общей робин-гудовской традиции, не сохранился в более ранних вариантах — и особенно удивительно, что он не оставил никакого следа в дешевых народных изданиях, так называемых «венках». Возможно, издатели последних ценили трагедийные сюжеты меньше, чем похождения ловких плутов. Впрочем, «Смерть Робин Гуда» не сильно выделяется на фоне других баллад о «зеленом лесе» — с ними ее объединяет множество весьма характерных мотивов: тесная дружба Робина и Маленького Джона, помощь соратника, подлость служителей Церкви и неуклонное желание Робина следовать своим высоким принципам.

Детали этой истории варьируются, но большинство авторов сходятся в том, что именно настоятельница йоркширского аббатства Кирклейс, род-

---

* Рукопись названа по имени коллекционера сэра Ганса Слоана (Sir Hans Sloane; 1660—1753), чье собрание положило начало Британскому музею; хранится в Библиотеке Британского музея.

** Полное название: «Хроника большой и славной истории английских деяний и королей Англии, начиная от сотворения мира до первоначального заселения острова и вплоть до первых лет правления нашей обожаемой государыни королевы Елизаветы; почерпнуто у различных авторов, которые перечислены на следующей странице» («A chronicle at large and meere history of the affayres of Englande and kinges of the same deduced from the Creation of the vvorlde, vnto the first habitation of thys islande: and so by contynuance vnto the first yere of the reigne of our most deere and souereigne Lady Queene Elizabeth: collected out of sundry aucthors, whose names are expressed in the next page of this leafe»).

ственница Робин Гуда, лишила его жизни — в одиночку или в сговоре с неким Роджером Донкастером, упомянутом не только в «Смерти Робин Гуда», но и в «Деяниях» (см. также примеч. 37 к данной балладе). Иного же мнения придерживались поэт Мартин Паркер (Martin Parker; 1600?—1656?), который в «Правдивой истории о Робин Гуде» в качестве злодея вывел некоего безымянного священника (см. с. 363 наст. изд.), и драматург Энтони Мандэй (Anthony Munday; 1553—1633), в чьей пьесе «Падение Роберта, графа Хантингтона» Робина отравляют его враги-священники, а аббатиса не упомянута вовсе (см.: Munday 1601).

Есть в балладе и еще один женский персонаж — загадочная старуха. Проклинает она у реки Робин Гуда или оплакивает его — это вопрос, которым задавались многие исследователи. В любом случае, таинственная женщина, как мифологическая кельтская прачка у брода, стирающая запачканные кровью одежды павших героев*, предвещает смерть Робина, которую никто не в силах отвратить — ни сам Робин, ни верный Джон. В версии Т. Перси Джон всё время находится в Кирклейсе вместе с Робином, а в варианте из «Английского лучника» он появляется, заслышав звук рога. Оба текста одинаково передают философское отношение героя к собственной смерти, хотя в варианте Перси нет эпизода, в котором Робин просит лук и стрелу, чтобы найти место для своей могилы.

[1] *О прежних спорах речь вели | Отважные стрелки...* — Возможно, имеются в виду споры, описанные в балладах «Робин Гуд и монах» и «Робин Гуд и Гай Гисборн».

[2] *Даун-э-даун-э-даун-э-даун ~ Хэй и т. д.* — В оригинале: «Down a down a down a down <...> Hey, *etc.*». В этой балладе присутствует традиционный песенный рефрен, представляющий собой набор слогов. В переводе он опущен во всех строфах, кроме первой.

[3] *Живет там йомен удалой...* — Возможно, имеется в виду Роджер, любовник аббатисы, упоминающийся также в «Деяниях» (см. примеч. 37 к балладе «Повесть о деяниях Робин Гуда»).

[4] *Ножи, завернутые в шелк, | С собою принесла.* — Обращение за врачебной помощью в монастырь для героя вполне естественно. В средние века

* Этот архетипический персонаж более известен как бин-ни (*гэльск.* bean nighe — «прачка»); в кельтской мифологии так традиционно зовется женщина, считающаяся →

монахи обладали достаточно развитыми знаниями в области медицины, изучать которую их побуждала не только идея христианского милосердия, но и некоторые положения монастырских уставов (например, устав ордена св. Бенедикта обязывал монахов ухаживать за больными братьями).

В крупных монастырях переводились и переписывались античные медицинские трактаты, в школах при епископских кафедрах составлялись собрания античных сочинений, которым предстояло несколько столетий служить путеводной нитью в лекарской практике. В X–XII вв. монастырская медицина достигла своего расцвета. Монахи практиковали лечение травами, произраставшими на монастырском огороде, а также минералами, знания о свойствах которых черпали из античных трактатов. Не чуждались они и хирургии. Особой популярностью в монастырских лечебницах пользовалось кровопускание: считалось, что, удаляя из организма «испорченную» кровь, медики освобождали своих пациентов не только от физических недугов, но и от скверны грехов. По сути, телесное исцеление не отделялось от духовного.

Однако в 1139 г. Латеранский собор осудил медицинскую практику монахов в миру, а собор 1162 г. в Монпелье положил конец приему посторонних в монастырские больницы. Годом позже собор в Туре сделал невозможным для монахов обучение в светских медицинских школах, установив максимальный срок отлучки из монастырей в два месяца. Заодно клиру в целом запретили занятия хирургией и акушерством. После Реймсского церковного собора 1219 г. монахам строго возбранялось практиковать врачебное искусство за пределами монастырей. Наконец, в 1243 г. Папа Иннокентий IV (1195?–1254) потребовал внести в уставы монашеских орденов пункт о запрете монахам учиться медицине вообще. Тем не менее монахи продолжали учреждать благотворительные больницы и осуществлять уход за больными, в том числе неимущими и странниками.

[5] *Путь продолжали целый день ~ Что он попал впросак.* — В варианте баллады из сборника Т. Перси этот отрывок изложен так:

→ предвозвестницей смерти. Часто она изображается как уродливая старуха, но иногда появляется и как красивая девушка. Ее можно повстречать в пустынных местах на берегу рек или озер, где она стирает запачканную кровью одежду тех, кому суждено умереть. Например, в сказаниях Уладского цикла ирландский герой Кухулин встречает у брода плачущую девушку, которая стирает его окровавленные одежды, и понимает, что сражение, на которое он отправляется, будет последним (см.: Cuchulain 1907: 335).

И Робин зашагал в Кирклейс
Через зеленый дол,
Но расхворался сильно он,
Пока туда дошел.

Вот и Кирклейс уж перед ним.
Он в дверь кольцом стучит,
И аббатиса отпирать
Сама во двор бежит.

«Со мною выпить, мой кузен,
Ты, верно, будешь рад?» —
«Нет, я не стану пить, пока
Мне кровь не отворят». —

«Я отведу тебя в покой,
Где нас не отвлекут,
И кровь сама тебе пущу —
Согласен, Робин Гуд?»

Она, взяв под руку стрелка,
Ведет его в покой
И отворяет кровь ему,
И та течет рекой.

Она ему пустила кровь
И двери заперла,
И струйка алая всю ночь
И целый день текла.

Цит. по: Neilson 1786: 81.
Пер. В.С. Сергеевой

[6] *Я не умру, не помолясь, — | Промолвил Робин Гуд.* — Исповедь в христианской традиции принимает, разумеется, священник. Мирянину же совершать некоторые церковные таинства разрешалось (и в ряде случаев разрешается до сих пор) только в отсутствие служителя Церкви и лишь в экстренной ситуации. Например, рыцарям в Святой земле дозволялось исповедовать

друг друга, а средневековые акушерки официальным указом имели право самостоятельно крестить новорожденного, если ребенок был слишком слаб и мог умереть вскоре после рождения.

[7] *Вреда я вдовам не чинил | До нынешнего дня. || Девиц вовек не обижал | И не намерен впредь.* – В другом варианте этой баллады, опубликованном в сборнике «Английский лучник», Робин излагает свое кредо в «расширенном» виде:

«Нет, не позволю, Крошка Джон, –
Стрелок проговорил. –
Щадил я женщин – и мужчин
При женщинах щадил».

Цит. по: Neilson 1786: 82.
Пер. В.С. Сергеевой

[8] *В ногах пусть будет мягкий мох ~ И выстели травой.* – В балладе из сборника «Английский лучник» Робин описывает свою могилу так:

Меня отсюда унеси,
Покуда я живой.
Могилу вырыв, застели
Зеленою травой.

Меч в изголовье положи,
Колчан оставь в ногах,
Пусть рядом будет крепкий лук,
Мой мерный* <...>

Цит. по: Folio 1867: 58.
Пер. В.С. Сергеевой

---

* В оригинале: «met-yard» (*среднеангл.* – букв.: «мерный ярд»). Об использовании лука в качестве «измерительного инструмента» говорилось также и в «Деяниях» (см. примеч. 10 к данной балладе).

РОБИН ГУД И ГОРШЕЧНИК

ROBIN HOOD AND THE POTTER

Данная баллада, обнаруженная в Кембриджской рукописи, сохранилась в единственном варианте, но в достаточно полном виде: не считая одной строчки, выпавшей, вероятно, в результате ошибки переписчика, в ней нет лакун. Как и «Робин Гуд и монах» — другой ранний текст из этого источника, — история о горшечнике не попала в популярные дешевые издания, хотя близкая к ней по сюжету баллада «Робин Гуд и мясник» есть в нескольких сборниках, например, в самых ранних из сохранившихся «венков» — 1663 и 1670 годов (см.: Garland 1663; Garland 1670). Однако, несомненно, сюжет «Робин Гуда и горшечника» был известен много ранее, поскольку к опубликованной Уильямом Коплендом около 1560 года поэме о деяниях Робин Гуда (см.: Copland 1560?) прилагались также две короткие пьесы, одна из которых представляла собой инсценировку встречи Робина с горшечником (см.: «Робин Гуд и куцый монах, а также Робин Гуд и горшечник»).

Баллада «Робин Гуд и горшечник» имеет трехчастную композицию. Сюжет первой части разворачивается в лесу, и ее содержание достаточно традиционно: Робин Гуд сходится с достойным противником. Во второй части действие переносится в Ноттингем, куда Робин является переодетым в горшечника. Там он встречается с шерифом и участвует в состязании стрелков (как, например, в «Деяниях» или поздней балладе «Робин Гуд и золотая стрела»). В третьей части стрелок, вместе с обманутым шерифом, возвращается назад и с помощью охотничьего рога созывает своих людей, после чего грабит представителя власти и отпускает его домой.

В балладе присутствуют многие привычные элементы: «зеленый лес» как воплощение свободы противопоставлен городу, а главный герой — первый среди равных, искусный стрелок — не только щедр и честен, но и плутоват: шутка, которую он сыграл с шерифом, обрисована с несомненным юмором, а его реплики полны насмешки. Здесь, как и в «Деяниях» (где Маленький Джон меряет ткань длинным луком; см. примеч. 10 к указанной балладе), добродушно высмеиваются городские реалии: Робин Гуд — подчеркнуто плохой торговец, и ноттингемцы сбегаются к нему, чтобы, воспользовавшись его простотой, дешево купить хорошую посуду. Но, несмотря на то, что лесной стрелок распродает горшки по невыгодной цене, он вновь проявляет свою

прославленную щедрость и с лихвой платит горшечнику за весь его товар. Столь же демонстративно Робин бранит непрочные городские луки, которые предлагает ему шериф, наносит поражение опытным стрелкам и делает посмешищем чиновника, представляющего для разбойников смертельную угрозу.

«Робин Гуд и горшечник» принадлежит к числу тех немногих текстов, где главный герой вступает в продолжительный и активный контакт с женщиной. Мир в ранних балладах преимущественно мужской; немногочисленные женщины, среди которых стоит назвать Богородицу, изменницу аббатису и жен Ричарда Ли и шерифа, — сугубо эпизодические персонажи. Некоторые исследователи полагают, что шерифову жену влечет к статному «горшечнику» не просто любопытство, а романтический интерес, ведь при первой встрече она обходится с ним гораздо уважительней, чем можно ожидать, обращаясь к нему «сэр», а в конце баллады сравнивает его со своим незадачливым мужем, причем явно не в пользу последнего. Робин же посылает ей в подарок белую лошадь, традиционную принадлежность благородных дам в рыцарских романах. Возможно, это авторская пародия на куртуазную любовь — в балладе, во многом похожей на фаблио.

Произведение о горшечнике относительно просто по стилю и, возможно, написано менее опытным автором, если сравнивать его с балладами «Робин Гуд и монах» или «Смерть Робин Гуда», — Дж. Ритсон даже предположил, что оно сочинено малограмотным простолюдином (см.: Ritson 1795/I: 60). Рифмы в нем довольно однообразны, ритм неровен, строфика местами не выдержана — присутствуют шестистишия и даже одно семистишие (впрочем, неизвестно, авторская ли это строфа или же результат ошибки переписчика). По сравнению с другими ранними текстами, в этой балладе больше диалогов, благодаря чему сюжет развивается стремительно и эффектно. Робин Гуд в ней, безусловно, йомен, однако его характеризуют не самые частотные эпитеты: corteys (*среднеангл.* — «учтивый») и free (*англ.* — «свободный, независимый», а также «благородный» и «щедрый»). Возможно, в «Робин Гуде и горшечнике» нашла отражение новая социальная формация — оставшиеся за рамками гильдий плутоватые бродячие ремесленники, не слуги и не господа, заинтересованные в поддержании традиционного образа жизни и чувствующие угрозу со стороны больших городов. Для них молодой, остроумный, смелый и хитрый герой, возглавляющий шайку равных, был не просто плутом и шутником, а своего рода идеалом.

[1] *Уэнтбридж* (Wentbridge) — деревня в историческом графстве Йоркшир, неподалеку от Бернисдейла (см. примеч. 4 к балладе «Повесть о деяниях Робин Гуда»).

[2] «*Клянусь, дешевле не найти!*» — | *Кричал задорно он...* — В реальности Робину, конечно, вряд ли бы удалось таким образом привлечь к себе покупателей. Городские гильдейские ремесленники и торговцы (а горшечники во всех крупных городах объединялись в гильдию) строго следили за тем, чтобы никто, а уж тем более приезжие, не сбивал цену. В некоторых английских городах, например в Йорке, пришлых торговцев вынуждали продавать свой товар по более высокой цене, чем у местных, чтобы «чужаки» не составляли конкуренцию горожанам.

[3] *Обмывши руки, Робин Гуд* | *С шерифом сел за стол.* — См. примеч. 6 к балладе «Повесть о деяниях Робин Гуда».

[4] *Пошли те лучники во двор,* | *Стрелять готовясь в цель.* — Чтобы поощрять йоменов к регулярным лучным тренировкам и отбирать наиболее опытных стрелков, городские и окружные власти зачастую устраивали состязания. С конца XIII в. такие тренировки были и вовсе вменены всем йоменам в обязанность (ср. примеч. 15 к балладе «Повесть о деяниях Робин Гуда»). В балладах упоминаются и «неформальные» дружеские соревнования, например, в «Робин Гуде и монахе» Робин и Джон разыгрывают несколько шиллингов.

[5] *Гран мерси* (от фр. grand merci) — большое спасибо. В оригинале искаженно — «Gramarsey».

[6] *Нобль* — высокопробная золотая монета, введенная в обращение Эдуардом III в 1344 г. Один нобль был приравнен к шести шиллингам и восьми пенсам, или к одной трети фунта.

РОБИН ГУД И КУЦЫЙ МОНАХ

ROBIN HOOD AND THE CURTAL FRIAR

История о куцем монахе, получившая в сборнике Фр.-Дж. Чайлда номер 123 (см.: Child 1882–1898/III: 120–129), а также вошедшая в состав «Фолио Перси» (см.: Folio 1867: 26–31), несомненно, относится к числу самых известных робин-гудовских текстов, хотя ее герой, развеселый священник, не фигури-

рует ни в одной из ранних баллад цикла. Со временем этот не названный по имени монах стал ассоциироваться с жизнерадостным братом Туком, одним из популярных героев Майских игр, которые до сих пор проводятся во многих местностях Англии во время Майского дня.

Как один из разбойников Тук появляется в анонимном драматическом отрывке 1475 года «Робин Гуд и шериф Ноттингемский» и в анонимной пьесе 1560 года «Робин и куцый монах, а также Робин Гуд и горшечник», сходной по сюжету с данной балладой. Таким образом, присутствие этого персонажа в пьесах позволяет предположить, что в традицию историй о «зеленом лесе» он вошел примерно в XV веке — в те времена, когда были созданы самые ранние из сохранившихся списков баллад о Робин Гуде. По поводу того, был ли брат Тук историческим лицом, среди исследователей ведется столько же споров, сколько и об историчности Ричарда Ли и некоторых лесных стрелков.

Возможно, прообразом этого легендарного монаха был Роберт Стаффорд (Robert Stafford), капеллан из Сассекса, упоминающийся в двух королевских постановлениях от 1417 года, согласно которым он, приняв имя «брат Тук», возглавил шайку, промышлявшую грабежами и убийствами. Судя по оговорке, которую сочли нужным сделать королевские чиновники, — о том, что имя Тука было известно среди простонародья, — можно предположить, что сами они услышали его впервые, тогда как в низах оно уже влекло за собой определенные ассоциации. Но, возможно, Роберт Стаффорд был первым человеком, принявшим это прозвище, тем, кто положил начало легенде. В таком случае, истории о реальных разбойниках соединились с историями о веселом монахе — герое Майских игр — и создали цельный образ. В упомянутой пьесе 1560 года за «куцым монахом» уже окончательно утверждается имя Тук.

[1] *А сколько месяцев в году? | Тринадцать, так и знай...* — Исследователи полагают, что в балладе нашли отражение остатки языческих верований. В галльском календаре из Колиньи — возможно, старейшем кельтском ритуальном календаре (I в. до н. э.) — год делится или на двенадцать, или на тринадцать месяцев: дополнительный месяц вводится для того, чтобы согласовать солнечный и лунный циклы.

[2] *Мидж.* — Видимо, имеется в виду персонаж, который в других текстах цикла носит имя Мач.

[3] *Фаунтинс* (Фаунтейнс, англ. Fountains) — цистерцианское аббатство, основанное в 1132 г. и находившееся неподалеку от города Рипон в историческом графстве Йоркшир.

[4] *Живет в аббатстве куцый брат...* — Прозвание монаха — «куцый» (*англ.* curtal) — может означать укороченную (*англ.* curtailed) для удобства рясу или быть «народным» переосмыслением латинского слова «curtilarius» — «монах, ведающий садом или огородом обители». Вероятно, сходным образом образовано и имя Тук (от *англ.* tucked — «подоткнутый», «укороченный»).

[5] *Монах же этот, видит Бог, | Подчас добро творил...* — Вероятно, иронический намек на упоминаемую выше встречу монаха с Вилем.

В версии из сборника Т. Перси дальнейшая сцена переправы через реку представлена чередой почти дословных повторений, как часто бывает в балладах позднего происхождения, представляющих собой не «повесть» (*англ.* tale), а «песню» (*англ.* song, ditty):

Явился Робин в Фаунтинс,
В красивый тихий дол,
И там на берегу реки
Монаха он нашел.

На том кольчуга, добрый шлем,
Широкий меч в руках,
И носит щит не для красы
Воинственный монах.

Вот Робин, увидав его,
Идет, незван, нежадн:
«Эй, переправь скорей меня
Ты, куцый капеллан!»

Лихой монах молчит в ответ,
Ногою ищет брод —
И через реку на спине
Он Робина несет.

Проворно Робин соскочил.
«Снеси меня назад, —

Сказал монах ему, — не то,
Клянусь, не будешь рад».

Молчит веселый Робин Гуд,
Ногою ищет брод —
И через реку на спине
Монаха он несет.

Монах проворно соскочил.
«Тащи меня назад, —
Промолвил Робин, — а не то
Ты сам не будешь рад».

Монах на йомена взглянул,
Нахмурился слегка,
Но молча нес до полпути
Веселого стрелка,

А там, внезапно наклонясь,
Спихнул его долой.
«Нам по пути до полпути,
Наездник удалой!»

Цит. по:
Child 1882–1898/III: 124–125.
Пер. В.С. Сергеевой

[6] *Полсотни злобных куцых псов...* — Возможно, речь идет о бладхаундах, которые издавна использовались как служебные собаки. Достоверные сведения об истоках данной породы отсутствуют, однако считается, что она была выведена священнослужителями примерно в XIII в. Примечательно, что собаки в балладе куцые, как и их хозяин.

[7] *Ох, мощно дует в звонкий рог | Отважный Робин Гуд ~ И псы послушно улеглись | Ковром мохнатых тел.* — В сборнике Фр.-Дж. Чайлда приводится и другой вариант этой баллады, в котором события развиваются несколько иначе:

Трубит, трубит в свой звонкий рог
Отважный Робин Гуд —

Полсотни смелых молодцов
На выручку бегут.

«Кто там спешит к тебе гурьбой?» —
Спросил его монах.
«Мои друзья, — сказал стрелок. —
Сейчас узнаешь страх!» —

«Теперь о милости просить
Уж очередь моя.
Дай поднесу к губам кулак
И трижды свистну я!»

....

Один стрелка схватил за плащ,
Другой вцепился в бок —
Из куртки плотного сукна
Изрядный выдрал клок.

Не могут вольные стрелки
Убить одну иль двух:
Собаки стрелы на лету
Хватают, словно мух.

«Эй, отзови своих собак!» —
Сказал Малютка Джон.
«Ты кто такой, — спросил монах, —
Что лезешь на рожон?»

Тот отвечал: «Кому служу,
Отнюдь я не таю,
И, если псов не отзовешь,
Я всех их перебью».

Малютка лук сорвал с плеча,
Согнул его в дугу —

И вскоре дюжина собак
Лежала на лугу.

Цит. по:
Child 1882–1898/III: 125.
Пер. В.С. Сергеевой

ВЕСЕЛЫЙ СТОРОЖ ИЗ УЭЙКФИЛДА

THE JOLLY PINDAR OF WAKEFIELD

Наиболее ранние из дошедших до нас публикаций баллады «Веселый сторож из Уэйкфилда» (в оригинале: «pindar» — сторож, в чьи обязанности входило ловить и загонять топчущих посевы животных) относятся ко второй половине XVII века. В это время ее текст был напечатан в ряде популярных дешевых изданий — в «уличных балладах» или «листках», а также в составе двух «венков», первый из которых получил название «Венок Робин Гуда, или Приятные песни, повествующие о благородных деяниях Робин Гуда и его йоменов» (см.: Garland 1663), а второй — «Венок Робин Гуда, описывающий его веселые подвиги и некоторые стычки, в которых принимал участие он сам, Маленький Джон и Виль Скарлет» (см.: Garland 1670). Таким образом, на тот момент, когда данная баллада была включена в «Фолио Перси» (см.: Folio 1867: 32–36), история о стычке Робин Гуда с отважным уэйкфилдским сторожем уже имела довольно широкую известность. Позже она вошла в сборники Дж. Ритсона (см.: Ritson 1795/I: 166–169) и Фр.-Дж. Чайлда, присвоившего ей номер 124 (см.: Child 1882–1898/III: 129–132).

Что касается датировки данного текста, то, скорее всего, он был написан в XVI веке — задолго до своей первой публикации, — о чем свидетельствуют следующие факты. Баллада с таким названием цитируется в пьесе Э. Мандея «Смерть Роберта, графа Хантингтона» (см.: Munday 1828: 19), а в прозаическом жизнеописании Робин Гуда, включенном в Слоанскую рукопись, говорится о том, что Робин завлек в свою разбойничью банду «уэйкфилдского полевого сторожа» (см. с. 466 наст. изд.). Наконец, об этом персонаже существуют особые произведения — написанная во второй половине XVI века прозаическая анонимная «История Джорджа-э-Грина, сторожа из Уэйкфилда» («The History of George a Green; Pindar of the Town of Wakefield») и пяти-

актная пьеса известного драматурга Роберта Грина (Robert Greene; 1558?–1592) «Приятная затейливая комедия о Джордже-э-Грине» («A Pleasant Conceited Comedy of George a Greene»), сочиненная в 1594 году. Кроме того, Фр.-Дж. Чайлд предполагал, что фрагмент именно из баллады о веселом стороже напевает Сайленс — герой шекспировской хроники «Генрих IV», но, поскольку в пьесе приведена лишь одна строка, представляющая собой перечисление имен: «Робин, Скарлет и Джон» («And Robin-hood, Scarlet, and Iohn» — Act V, sc. 3, ln 3124; текст цит. по изд.: Shakespeare 2007: 481), невозможно утверждать это с полной уверенностью (см.: Child 1882–1898/III: 129).

Уэйкфилдский сторож, как и монах из аббатства Фаунтинс (см.: «Робин Гуд и куцый монах»), — один из локальных героев, вовлеченных в робин-гудовскую традицию. Несомненно, жители Уэйкфилда, торгового города в графстве Йоркшир, с восторгом слушали историю о столкновении своего земляка с легендарными стрелками.

В композиционном отношении баллада проста: как и во многих других текстах на тему «Робин Гуд встречает достойного противника», в ней рассказывается о стычке Робина и его друзей с отважным незнакомцем, которому в конце концов главный герой предлагает заключить мир и вступить в его шайку. Примечательно, что уэйкфилдский сторож, защищающий от потравы местное поле, — это не просто йомен или ремесленник, а представитель городской администрации. Таким образом, торжество Робин Гуда здесь сродни его победам над лесниками и прочими представителями власти.

[1] «*В Михайлов день, как ведется у нас,* | *Хозяин мне даст расчет...* — Михайлов день, или День Архангела Михаила, — христианский праздник, отмечающийся католиками 29 сентября; до сих пор считается в Англии одним из так называемых «квартальных дней» (наряду с Рождеством, Благовещением и Днем памяти св. Иоанна Предтечи). Вплоть до XIX в. в эти дни производилась уплата налогов, ренты, жалованья и т. д., а в настоящее время во многих школах к ним приурочено начало каникул.

[2] *Оставь ты, сторож, свое ремесло!* | *Какой от него доход?* | *Два новых наряда разных цветов* | *Не хочешь ли каждый год?*» — В другом варианте этой баллады, также приведенном в сборнике Фр.-Дж. Чайлда, предпоследняя строфа является шестистишием:

А хочешь служить мне, — спросил стрелок, —
Гулять в лесу без забот?
Одежду из линкольнского сукна
Я дам тебе дважды в год —
Цветные обновки в награду дарю
Тем, кто со мной живет.

Цит. по: Child 1882–1898/III: 132.
Пер. В.С. Сергеевой

В оригинале упоминается одежда двух цветов — зеленого и коричневого («The one green, the other brown»). Зеленое сукно — это, скорее всего, относительно дорогое линкольнское или кендалское (см. примеч. 16 к балладе «Повесть о деяниях Робин Гуда» и примеч. 4 к пьесе «Робин Гуд и куцый монах, а также Робин Гуд и горшечник»). Коричневая же ткань стоила дешевле и считалась более практичной и простой, потому одежду из такого сукна носили крестьяне.

РОБИН ГУД
И МЯСНИК

ROBIN HOOD AND THE BUTCHER

В сборнике Фр.-Дж. Чайлда эта баллада присутствует в двух вариантах, значащихся под номерами 122A и 122B (см.: Child 1882–1898/III: 115–120). По тематике и сюжету она отчасти повторяет более раннюю и пространную балладу «Робин Гуд и горшечник». В варианте «B», относительно позднем, полностью отсутствует сцена драки, которая в варианте «A», равно как и в «Робин Гуде и горшечнике», занимает значительное место. Эпизоды сходной тематики — о стычке главного героя с достойным противником — встречаются во множестве других поздних баллад цикла (см.: «Робин Гуд и куцый монах», «Робин Гуд и Маленький Джон» и др.).

В варианте «A» девятая строфа оборвана — недостает примерно половины страницы текста; также имеются лакуны после строф 17 и 26.

[1] *Ударил смелый Робин Гуд, | Нацелясь во врага...* — Исходя из сюжета баллады «Робин Гуд и горшечник», можно предположить, что далее Робин

проигрывает схватку, после чего покупает у мясника его товар, переодевается торговцем, едет в Ноттингем и привлекает внимание жены шерифа.

[2] *За пенс он больше продавал, | Чем прочие за пять.* — Как и в случае с горшками (см. примеч. 2 к балладе «Робин Гуд и горшечник»), в реальности Робин не смог бы настолько сильно снизить цену на свой товар, — это ему не позволили бы сделать объединенные в гильдию мясники.

РОБИН ГУД И МАЛЕНЬКИЙ ДЖОН

ROBIN HOOD AND LITTLE JOHN

В сборник Фр.-Дж. Чайлда эта баллада вошла под номером 125 (см.: Child 1882–1898/III: 133–137): сначала исследователь обнаружил ее в анонимном «Собрании старинных баллад» (см.: London 1723: 75–82), а затем — в одном из дешевых изданий («листке»), которое в 1680 или 1685 году выпустил лондонский печатник Уильям Онли (William Onley).

Как и в случае с балладами «Робин Гуд и куцый монах» и «Веселый сторож из Уэйкфилда», имеются явные свидетельства того, что данная история существовала задолго до своего появления в печати. На это указывает так называемый Издательский реестр* города Лондона: в его выпусках за 1594 и 1624 годы значатся две не дошедшие до нас пьесы под названием «Робин Гуд и Маленький Джон», которые, видимо, ставились на столичной сцене. Впрочем, нельзя исключать и того, что в их основе лежали эпизоды из «Повести о деяниях Робин Гуда» или сюжет «Робин Гуда и монаха».

Балладу о встрече Робина и Маленького Джона Фр.-Дж. Чайлд отнес к поздним текстам, датировав ее XVII веком. И действительно, на это указывают и ее язык, и стиль — в частности, наличие внутренней рифмы в третьем стихе большинства строф, характерной для многих робин-гудовских произ-

* Издательский реестр (Stationers' Register) — книга учета, которая велась лондонской гильдией издателей. Гильдия эта была основана в 1557 г. и объединила различные профессии, связанные с выпуском печатной продукции. Уплатив от 4 до 6 пенсов, издатель мог документально зафиксировать свое право обнародовать то или иное произведение. Гильдия была вольна налагать арест на незаконные издания и запрещать публикацию книг, не внесенных в реестр.

ведений конца XVII–XVIII века. Метрика, в сравнении с ранними балладами, достаточно ровная.

Некоторые исследователи, в том числе Фр.-Дж. Чайлд, полагали, что данный текст, местами весьма сентиментальный, был написан профессиональным автором, сочинителем популярных «песенок»*, пожелавшим объяснить, каким образом Маленький Джон получил свое прозвище и присоединился к лесным стрелкам (см.: Dobson, Taylor 1976: 165; Child 1965: 133). По их мнению, это своего рода предыстория, цель которой — найти истоки уже сложившейся традиции. Тем не менее баллада имеет вполне классический сюжет «Робин Гуд встречает достойного противника»; в ней, как и в ряде ее предшественниц, рассказывается о неизменных ценностях лесного братства — верности, дружбе и хитроумии.

Что касается биографических сведений о Маленьком Джоне, то в «Повести о деяниях Робин Гуда» в разговоре с шерифом он заявляет, что родился в Холдернессе (графство Йоркшир). Похоронен же, по мнению жителей графства Дербишир, Джон был именно в их краях, на церковном дворе в Хэзерсейдже (Hathersage). О том же свидетельствовал и британский антиквар и политик Элиас Эшмол (Elias Ashmole; 1617–1692), заявлявший, что лук Маленького Джона висит в хэзерсейджской часовне, а сам стрелок погребен в могиле необыкновенной длины, камни в изголовье и в изножье которой отстоят друг от друга на четыре метра (см.: Cawthorne 2013: 132). В 1784 году местный викарий отметил в своих записях, что в начале XVIII века могила была разрыта и в ней обнаружен скелет весьма рослого человека, в том числе чрезвычайно длинные берцовые кости (см.: Cooke 1820: 91). Однако всё это едва ли можно считать историческими доказательствами того, что в Хэзерсейдже был погребен именно Маленький Джон — герой робин-гудовских баллад.

Фамилия героя Литл (*англ.* Little), превратившаяся в прозвище, буквально означает «маленький». Статистические исследования обнаруживают мно-

---

* Необходимо заметить, что в XIV–XVI вв. слово «баллада» (*англ.* ballad) не использовалось для обозначения того устного жанра английской и шотландской народной поэзии, который сейчас в англоязычной традиции называют «народной балладой» (*англ.* popular ballad, иногда Child ballad, в честь Фр.-Дж. Чайлда). Эти произведения в пору своего бытования, в XIV–XVI вв., были известны под названием «повести» (*англ.* tales) или «песенки» (*англ.* ditties).

гочисленных носителей той же самой фамилии. Среди них оказался даже лондонский шериф, занимавший свой пост в 1354—1367 годах. Зато другой Джон Литл состоял в шайке грабителей, похитившей в 1318 году сумму в 138 фунтов. В 1323 году еще один тезка лесного стрелка оставил след в документах графства Йоркшир, где он назван известным браконьером.

[1] *...был ростом немал, | Аж семь футов...* — То есть более двух метров. Неудивительно, что Маленький Джон вызывал изумление окружающих, поскольку средний рост мужчины в те времена был около 165 см. Известно, что королева Шотландии Мария Стюарт (1542—1587; правление: 1561—1567 гг.), чей рост составлял около 180 см, была выше не только женщин, но и многих мужчин при своем дворе.

[2] «*Окрестить его нужно, — Виль Статли сказал, — | Буду я ему крестным отцом.* — Комическое подражание известным обрядам и вышучивание установленных ритуалов — непременная черта средневековой народной культуры. Расцвет карнавальной традиции в европейских странах пришелся на начало XIII — середину XVI в. В рамках карнавала традиционные ритуальные формы пародировались и даже высмеивались; нормальное и привычное переворачивались с ног на голову. Ряженье накануне Рождества, Масленица с ее разгулом, всевозможные шуточные турниры и процессии — всё это разные формы карнавальных увеселений, сохраняющие явные языческие черты. Существовали и специфические местные обычаи. Так, в Англии в XII в. возникла традиция избрания «мальчика-епископа», чье «правление» продолжалось с 6 декабря (день памяти Святителя Николая Чудотворца) до 28 декабря (день Святых Невинных Младенцев Вифлеемских). «Епископа» выбирали в приходской церкви, обычно из числа хористов; его наряжали в литургические одежды, после чего он произносил проповедь и возглавлял торжественную процессию, во время которой благословлял жителей. Примечательно, что в этом развлечении участвовали даже английские короли: так, в 1299 г. один «мальчик-епископ» произносил проповедь перед Эдуардом I (1239—1307; правил с 1272 г.), а в 1316 г. Эдуард II наградил маленького «епископа» десятью шиллингами (см.: Archaeologia 1836: 342).

[3] *Мы как сквайры...* — Здесь термин «сквайр» используется в значении «мелкий землевладелец из дворян».

[4] *А когда Феб исчез, все отправились в лес, | Мирно спать по пещерам своим.* — Это первый случай в балладах столь реалистичного описания обита-

лица вольных стрелков; обычно же в текстах говорится, что Робин Гуд и его люди просто жили в зеленом лесу. Важно отметить, что в Шервуде и в окрестностях Ноттингема до сих пор существуют естественные пещеры.

Феб (*др.-греч.* Φοῖβος — «лучезарный», «сияющий») — второе имя Аполлона, древнегреческого бога солнца, ставшее поэтическим обозначением небесного светила. В ряде поздних баллад встречаются и другие метафоры, основанные на мифологических образах, например, Аврора (заря).

РОБИН ГУД И СКОРНЯК

ROBIN HOOD AND THE TANNER

Текст данной баллады впервые был опубликован в составе «венка» 1663 года (см.: Garland 1663), а затем вошел в изданный в 1795 году сборник Дж. Ритсона (см.: Ritson 1795/I: 181—188). В собрании Фр.-Дж. Чайлда он получил номер 126 (см.: Child 1882—1898/III: 137—140). В устной англоязычной традиции эта баллада бытовала до середины XX века: известно, что в США и Канаде она исполнялась вплоть до 1940-х годов (см.: Coffin, Renwick 1950: 103).

Интересно, что в тексте «Рождения, воспитания, подвигов и женитьбы Робин Гуда» упоминается герой «Робин Гуда и скорняка» Артур-э-Блэнд (Артур-э-Брэдли), а точнее, песня о нем (см. с. 313 наст. изд.), которая, по всей видимости, существовала отдельно от соответствующей баллады и вообще от произведений робин-гудовского цикла, что свидетельствует о популярности данного персонажа. Возможно, именно благодаря своей известности Артур-э-Блэнд, не будучи оригинальным героем историй о «зеленом лесе», стал родичем Маленького Джона.

РОБИН ГУД И ЛУДИЛЬЩИК

ROBIN HOOD AND THE TINKER

Данная баллада была опубликована в составе нескольких «венков» конца XVII века (годы их издания установить не удалось). В них она зачастую снабжалась подзаголовком, например: «Новая песенка, чтоб провести время зи-

мой, повествующая о Робин Гуде и веселом лудильщике: как Робин сперва лудильщика обманул, а тот об этом проведал и Робина вздул, и как потом они помирились и жить в согласии и дружбе с тех пор решились» («A new song to drive away cold winter, between Robin Hood and the jovial tinker: how Robin by a wile the Tinker he did cheat; but at the length, as you shall hear, the Tinker did him beat, whereby the same they did then so agree, they after liv'd in love and unity»). Кроме того, ее текст в 1795 году был опубликован Дж. Ритсоном (см.: Ritson 1795/I: 189–196). В издании Фр.-Дж. Чайлда она значится под номером 127 (см.: Child 1882–1898/III: 140–144). Также — в разных вариантах — история о лудильщике имелась в коллекциях собирателей народных баллад XVII–XVIII веков — Энтони Вуда (Anthony Wood; 1632–1695), Сэмюела Пипса (Samuel Pepys; 1633–1703), Джона Кера, герцога Роксбурга (John Ker, Duke of Roxburghe; 1740–1804) и Фрэнсиса Дауса.

Вероятно, эта баллада возникла в промежутке между 1670 и 1695 годами (год смерти Энтони Вуда). Нижняя граница связана с тем, что она отсутствовала в «венках» 1663 и 1670 годов, а верхняя — с тем, что Э. Вуд первым включил ее в свое собрание.

[1] *Банбери* (Banbury) — городок в графстве Оксфордшир на юге Англии.

[2] *...ставят медников к столбу | За то, что много пьют».* — К стоянию у позорного столба (или заключению в колодки) приговаривали обычно административных правонарушителей — буйных пьяниц, сквернословов, драчунов. Подобные позорящие мероприятия были широко распространены во всей Европе; в английской провинции они существовали вплоть до XIX в. Для наказания женщин зачастую использовался так называемый «позорный стул»: усаженную на него нарушительницу под насмешки толпы возили по городу, выставляли на всеобщее обозрение в церкви или же окунали в реку.

[3] *Вот в городской они трактир | Зашли передохнуть: | Кто пьет вино и крепкий эль, | Тот не грешит ничуть.* — Таверны и трактиры в средневековой Англии были излюбленным местом увеселения горожан и сельских жителей. Таверны (*англ.* tavern, alehouse) появились в XII–XIII вв. и уже к XV в. получили повсеместное распространение, особенно в городах. Типичная таверна конца средних веков — это помещение из нескольких комнат и объемного погреба. Самые незамысловатые из подобных заведений представляли собой одноэтажный дом, где в лучшем случае имелись два зала для посетителей и комната для ночлега. В небольших тавернах продавали только

напитки — за кушаньем хозяева посылали в ближайшую поварскую лавку. В заведениях покрупнее пекли пироги, готовили рыбу и мясо, но и там, в отличие от постоялых дворов, или трактиров (*англ.* inn), стол не отличался разнообразием, поскольку обычно туда захаживали клиенты невысокого ранга. Преимущественно таверны обслуживали батраков, коробейников, возчиков, мостильщиков, жестянщиков и прочих ремесленников, хотя нередко их посещали и люди побогаче. Питейные заведения более высокого класса имели право торговать не только пивом и элем, но и вином (для этого требовался отдельный патент). В лучших из них также подавали и «сладкие (пряные) вина», в том числе ипокрас — напиток из подогретого вина с медом и специями (см., напр.: Myers 1972: 195—196). Основными развлечениями для посетителей были игра в кости, пение и, разумеется, общение с доступными женщинами. Деревенские таверны и трактиры, несомненно, являлись самым популярным местом у взрослых обитателей деревни, чьи посиделки зачастую сопровождались или заканчивались ссорами, скандалами, драками и несчастными случаями; свидетельства тому можно обнаружить в судебных хрониках различных графств. Например, однажды некто Осберт ле Вуэл, сын Уильяма, проведя целый вечер в бедфордской таверне и идя домой «отвратительно пьяным и объевшимся» (цит. по: Hanawalt 1986: 44), упал и насмерть разбил голову о камень. Другой человек, возвращаясь из таверны, свалился с коня, третий упал в колодец на рыночной площади и утонул, четвертого искусала собака, когда он шел по улице, неся кувшин с элем, а некая женщина, будучи в нетрезвом состоянии, уронила ребенка с колен в котел с кипящим молоком (см.: Ibid.: 60).

И Церковь, и писатели-моралисты всячески предостерегали порядочную публику от частого посещения трактиров и таверн. Герои популярных в XIV в. нравоучительных стихотворений, например, «Как добрый человек учил своего сына» («How the Goode Man Taght Hys Sone») и «Как добрая женщина учила свою дочь» («How the Goode Wife Taught Hyr Doughter»), строго воспрещали своим детям ходить в таверны и злоупотреблять выпивкой. «Никогда не ходи в таверну — добродетель покинет тебя там; а если доведется пить эль или вино, не пей слишком много!» — напрямик говорит своей дочери «добрая женщина» (цит. по: TJM 2002: 221).

Если посещение таверн считалось предосудительным даже для порядочных мужчин, то особенно неприличным было оно для женщин и девушек. Проповедники и авторы назидательных произведений всячески подчеркива-

ли, что в таких местах бывают лишь безнравственные особы. В любом случае, приход замужней дамы в таверну расценивался как признак неповиновения мужу, бунта против его власти. Тем не менее у женщин таверны пользовались популярностью — свидетельством тому служит назидательное стихотворение Джона Скелтона (John Skelton; 1460–1529) «Пивоварня Элинор Рамминг» («The Tunning of Elynour Rumming»). Называя Элинор «дьявольским созданием, сестрой Сатаны», автор с негодованием рассказывает, что в ее заведении всегда огромная толпа женщин, жаждущих хмельного:

Вот Кейт и Пегги,
От пьянства пеги,
Вот Джил — она
С утра пьяна,
Трясет рубашкой,
Сверкает ляжкой.
Грязны и босы,
Как пакля, косы,
Бегут вбежки,
Забыв шнурки
Стянуть потуже —
Вся грудь наружу!

Skelton 1855: 127.
Пер. В.С. Сергеевой

Некоторые из героинь стихотворения, боясь, как бы их не заметили мужья, крадутся с заднего хода или разговаривают с хозяйкой через забор — и «всё ради эля!»

Несут в заклад
Ведро, ушат,
Колечко с пальца,
Одеяльце,
Пояс, чулки,
Платок, башмаки,
Ухват и скалку,
Кудель и прялку,

Заступ, сито,
Люльку, корыто,
Топор, черпак,
Мужнин колпак.

Ibid.: 128.
Пер. В.С. Сергеевой

Таверна всегда оставалась символом неповиновения — хозяевам, родителям, даже правительству, ведь именно в питейных заведениях порой начинались беспорядки, которые потом переносились на улицу. Хотя бóльшая часть инцидентов в них относилась к разряду мелких правонарушений, имели место и печальные происшествия — случайные смерти и даже убийства в результате драки. Но при этом для представителей тех слоев общества, которые составляли основную аудиторию баллад, посещение таверн и трактиров было обычным делом и, зачастую, основным доступным развлечением, поэтому замечание рассказчика о том, что пить вино и эль не грешно, вполне объяснимо.

РОБИН ГУД И ВИЛЬ СКАРЛЕТ

ROBIN HOOD AND WILL SCARLET

Известно несколько названий данной баллады. В популярных изданиях и «венках» XVII века (см.: Garland 1663; Garland 1670) она публиковалась под заглавием «Робин Гуд возрожденный» («Robin Hood the Newly Revival») и под ним же вошла в собрание Фр.-Дж. Чайлда, получив номер 128 (см.: Child 1882–1898/III: 144–147). В сборнике Дж. Ритсона (см.: Ritson 1795/I: 217–221) ей присвоено другое название, «Робин Гуд и незнакомец» («Robin Hood and the Stranger»), которое трудно назвать удачным, поскольку оно подходит для целого ряда баллад, повествующих о встрече Робин Гуда с путниками на лесной тропе.

История о Виле Скарлете относится к числу сюжетов, объясняющих появление в разбойничьей шайке того или иного популярного персонажа. В данном случае речь идет о Виле Скейтлоке (Скедлоке, Скарлоке) — ведь именно так этот герой именуется в ранних балладах. Виль Скейтлок — пер-

сонаж, который вошел в робин-гудовскую легенду очень давно и, наряду с Маленьким Джоном, всегда принадлежал к числу ближайших соратников Робина (см. примеч. 1 к балладе «Повесть о деяниях Робин Гуда»). Впрочем, тот, кто изображен в балладе «Робин Гуд и Виль Скарлет», заметно отличается от «раннего» Виля Скейтлока. Если Скарлет (урожденный Гэмвелл) — это изящный франт в шелковом дублете и алых чулках, то Скейтлок — незатейливый молодец, который, как и прочие лесные стрелки, скор на расправу. Но, в любом случае, он — один из самых уважаемых членов шайки, следующий по значимости после Робина и Маленького Джона, и его советы почитаются другими разбойниками дельными и разумными.

Произведение содержит множество узнаваемых черт: традиционный зачин с обращением к слушателям, приключение перед обедом, встреча в лесу с незнакомцем, который ведет себя вызывающе, и, наконец, яростный бой (ср.: «Робин Гуд и мясник», «Робин Гуд и лудильщик»). В развязке молодой человек сообщает, что его зовут Гэмвелл и что, лишив жизни отцовского управляющего, он вынужден был уйти в изгнание. Это напоминает эпизод «Повести о Геймлине», в котором главный герой, убив привратника своего брата, бежит в лес, где встречает теплый прием со стороны разбойничьего «короля». На данное сходство обратил внимание и Фр.-Дж. Чайлд, высказавший мнение о том, что «вся баллада [“Робин Гуд и Виль Скарлет”] создана <...> на руинах изящной “Повести о Геймлине”» (Child 1965: 144).

С точки зрения формы история о Виле Скарлете достаточно проста. В ней отсутствует характерная для «песенок» внутренняя рифма. В отличие от некоторых других баллад, обнаруженных в изданиях XVII века, нет причин утверждать, что данный текст возник задолго до того, как был впервые опубликован, хотя название «Робин Гуд возрожденный», возможно, всё же указывает на существование более ранней версии, впоследствии подвергшейся переработке.

Продолжением «Робин Гуда и Виля Скарлета» служит баллада «Робин Гуд и принц Арагонский».

[1] *Максфилд* (Maxfield). — Возможно, имеется в виду городок Маклсфилд (Macclesfield) в графстве Чешир (на северо-западе Англии), однако от традиционного места действия баллад он находится довольно далеко. Не исключено также, что автор подразумевал поместье Максфилд-Плейн (Maxfield Plain) в северной части графства Йоркшир.

[2] *...я эконома убил | И в срок не явился на суд.* — Иными словами, Гэмвелл был объявлен вне закона за то, что, совершив убийство, сбежал и не явился в суд в день разбирательства.

[3] *Я — Робин Гуд, ты — Джон, а его | Скарлетом станут звать.* — Возможно, Гэмвелл получил свое прозвище за цвет одежды (от *англ.* scarlet — «ярко-красный», «пунцовый»).

РОБИН ГУД И ПРИНЦ АРАГОНСКИЙ

ROBIN HOOD AND THE PRINCE OF ARAGON

Данная баллада вошла в коллекции С. Пипса и герцога Роксбурга, а также (как продолжение баллады «Робин Гуд и незнакомец») в собрание Дж. Ритсона (см.: Ritson 1795/I: 222–234) и двухтомный сборник Томаса Эванса (Thomas Evans; 1742–1784) «Старинные баллады, исторические и повествовательные» (см.: Evans 1777: 142–152). Кроме того, под указанным названием она была опубликована в составе «венка» 1749 года (см.: Garland 1749), а во второй половине XVIII века дважды выходила в виде «листка», под заглавием «Робин Гуд, Виль Скедлок и Маленький Джон, или Повесть об их победе, одержанной над принцем Арагонским и двумя великанами, а также о том, как Виль Скедлок женился на принцессе» («Robin Hood, Will Scadlock, and Little John, or, A narrative of their victory obtained against the Prince of Aragon, and the two giants: and how Will Scadlock married the princess»). В сборнике Фр.-Дж. Чайлда текст «Робин Гуд и принц Арагонский» получил номер 129 (см.: Child 1882–1898/III: 147–150).

По тематике данная баллада представляет собой продолжение «Робин Гуда и Виля Скарлета», однако, в отличие от этой и многих других историй цикла, она написана в духе не столько баллад о «зеленом лесе», сколько псевдоартуровских романов. Очевидно, что историческая достоверность в ней отсутствует; достаточно указать наиболее грубую ошибку автора: арагонский принц, осаждающий Лондон, назван турком, тогда как королевство Арагон (ныне его территория входит в состав Испании) являлось христианским государством. Не исключено, что, задумывая временнýю эпоху для своей баллады, автор имел в виду Англо-испанскую войну 1585–1604 годов, отмеченную разгромом Непобедимой армады (испанского военного флота),

или вооруженный конфликт между Англией и Испанией 1654—1660 годов за торговое господство в Вест-Индии и обладание островами Испаньола и Ямайка; однако в ходе обеих войн, как известно, вторжения испанцев в Англию не происходило.

[1] *Робин, и Джон, и храбрец Виль Скейтлок...* — В данной балладе Виль назван Скейтлоком, но это, несомненно, Гэмвелл-Скарлет, герой предыдущей баллады.

[2] *И вдруг увидал удалой Робин Гуд | Под сводом густых древес | Юную деву на черном коне...* — В балладу введен непременный персонаж романов артуровского цикла — благородная девушка, отправленная на поиски героя (*англ.* champion).

[3] *Плюмаж* (от фр. plumage — «оперение») — украшение из перьев на головном уборе или шлеме. Некоторые плюмажи, помимо декоративной, имели и защитную функцию, предохраняя голову от рубящих ударов сверху.

[4] *Акарон* — возможно, искаженное название Корана (Алькорана), которое в представлении автора баллады превратилось в имя некоего языческого божества.

[5] *Два Голиафа, слуги твои, | Рядом с тобой стоят. | Но два Давида, что нынче со мной, | Гордость их укротят».* — Здесь Робин Гуд намекает на известный библейский сюжет — описанный в Ветхом завете поединок между великаном Голиафом, воином язычников-филистимлян, и израильтянином, пророком Давидом (см.: 1 Цар. 17: 41—51). Согласно Священному Писанию, Давид вышел к противнику с пастушеской пращой; Голиаф, увидев юношу, стал смеяться над ним, и тот ответил: «<...> ты идешь против меня с мечом и копьем и щитом, а я иду против тебя во имя Господа <...>» (1 Цар. 17: 45). Метнув камень из пращи, Давид поразил великана насмерть. История о победе Давида над Голиафом, «слабого» над «сильным», имеет символический смысл торжества закона Божьего.

[6] *И принцу голову Робин срубил | Одним ударом меча, | Она свалилась с широких плеч, | Ругаясь, шипя и ворча.* — Сходным образом описываются поединки в рыцарских романах, например, в «Смерти Артура» Т. Мэлори. Ср.:

> Взвыл, взревел великан и еще яростнее ударил палицей, да промахнулся и не задел сэра Артура, а ударил палицей оземь, так что взрыл борозду на три фута

в глубину. Тут подскочил к нему король и нанес ему мечом удар такой силы, что раскроил череп, и хлынула кровь, запятнав кругом всю землю и траву.

Мэлори 2005: 140

[7] *Доблесть твоя говорит о том, | Что ты благородных кровей».* — Данное утверждение — явный признак того, что автор «Робин Гуда и принца Арагонского» ориентировался на рыцарские романы, а не на оригинальные народные баллады, в которых храбрость и прочие достоинства героев никак не связывались с их происхождением.

[8] *Граф Максфилд.* — Сведений об этом титуле, а также о носивших его людях обнаружить не удалось. Вероятней всего, данный персонаж является вымышленным.

РОБИН ГУД И ШОТЛАНДЕЦ

ROBIN HOOD AND THE SCOTCHMAN

Первый вариант этой баллады, в объеме семи строф, довольно невнятный и с очевидными пропусками, был опубликован в 1663 году, вместе с «Робин Гудом и Вилем Скарлетом», в сборнике «Венок Робин Гуда, или Прекрасные песни, изображающие благородные подвиги Робин Гуда и его йоменов» (см.: Garland 1663). В собрании Фр.-Дж. Чайлда этот вариант получил номер 130A (см.: Child 1882–1898/III: 150–151).

Вторая, более полная, версия, в которой противники становятся друзьями, была издана в ирландском городе Монахан (*англ.* Monaghan, *ирл.* Muineachán) в 1796 году, а также вошла в состав утраченного ныне «венка». В ней также имеются лакуны, а именно отсутствуют два довольно крупных (примерно по полстраницы) фрагмента — после третьей строфы и перед заключительной. Текст этой баллады вошел в сборники Дж. Гатча (см.: Gutch 1847/II: 336–337) и Фр.-Дж. Чайлда, присвоившего ему номер 130B (см.: Child 1882–1898/III: 151).

[1] *Ты верен допрежь никому не бывал, | Слуга из шотландца плохой».* — Шотландцы на протяжении трех столетий, вплоть до конца XVIII в., нередко становились героями английских памфлетов, анекдотов и других произведе-

ний, где они изображались грубыми, бесчестными и невежественными*. Очевидно, что подобные негативные оценки являлись следствием многолетней вражды англичан и шотландцев, связанной с постоянными войнами на границе их стран, мятежами, династическими претензиями и грабительскими рейдами с обеих сторон. Например, в 1377 г. английские войска вторглись на территорию Шотландии, а в 1402 г. шотландская армия разграбила английское графство Нортумберленд. Наконец, в 1745 г. предпоследний представитель династии Стюартов, Карл Эдуард, также известный как Красавчик Чарли (1720—1788), поднял восстание в надежде захватить шотландский трон.

[2] *Я буду хорошим слугой»*. — Во втором варианте баллады следующее четверостишие начинается с ответа Робина:

«Но, прежде чем в слуги тебя я возьму,
Испробую силу твою». —
«Я вызов приму, — шотландец ему, —
Тебя без труда я побью».

Немедленно начали драться они,
Сражались и час, и другой.
Оставшись без сил, пощады просил
У Шони стрелок удалой.

«Пощады, шотландец! — вскричал Робин Гуд. —
Урок я усвоил вполне.
Пойдем-ка со мной — противник такой
Впервые встречается мне».

И Шони решился уйти с ним в леса
И сделаться вольным стрелком.

---

* Впрочем, традиция рассказывать анекдоты, в которых шотландцы выглядят как минимум чудаками, существует в Англии до сих пор (во всяком случае, пока сохраняются следы национального своеобразия, отличающего шотландцев от англичан). Как известно, анекдоты про национальные черты, традиции и т. д. существуют во многих странах мира.

Окончен был бой, и в Шервуд, домой,
Они зашагали вдвоем.

Цит. по: Child 1882–1898/III: 151.
Пер. В.С. Сергеевой

О прозвище «Шони» см. примеч. 3.

[3] *Джоки-шотландец.* — Джоки и Шони — пренебрежительные прозвища шотландцев. Первое из них образовано от популярного шотландского имени Джок (уменьш. от «Джон», ср. английское имя «Джек»), второе — от имени Шон, изначально ирландского происхождения (оно также является вариантом «Джона»).

РОБИН ГУД
И ЕГЕРЬ

ROBIN HOOD AND THE RANGER

Наиболее ранний вариант данной баллады датируется 1741 годом, когда она вышла в виде «листка». Начиная со второй половины XVIII века, эта история неоднократно публиковалась в составе «венков» (см.: Garland 1663; Garland 1670), а кроме того, вошла в сборники Т. Эванса и Дж. Ритсона: «Старинные баллады, исторические и повествовательные» (см.: Evans 1777: 220–224) и «Робин Гуд» (см.: Ritson 1795/I: 285–289) соответственно. В собрании Фр.-Дж. Чайлда ей присвоен номер 131 (см.: Child 1882–1898/III: 152–154).

Хотя в заглавии противник главного героя обозначен как «егерь» (*англ.* ranger), на протяжении всей баллады он называется лесником или лесничим (*англ.* forester). Поскольку королевские егеря (не рядовые смотрители, а специально назначенные монархом лица) за свою службу получали солидное жалованье, вполне возможно, что они, в отличие от простых лесничих, были менее склонны присоединиться к разбойничьей шайке.

[1] *Я главный лесник, и я не привык, | Чтоб всякий тут вольно стрелял».* — См. примеч. 30 к балладе «Повесть о деяниях Робин Гуда».

[2] *И эль и вино — ведь пить не грешно — | К утру не иссякли у них.* — См. примеч. 3 к балладе «Робин Гуд и лудильщик».

[3] *Дал егерю Робин охотничьих стрел...* — В оригинале: «broad arrows» (*англ.* — букв.: «широкие стрелы»). Во времена Робин Гуда под этим терми-

ном понимали стрелы, имевшие широкий наконечник и преимущественно использовавшиеся для охоты — в отличие от боевых стрел с узким наконечником (меньше диаметра древка), так называемых «livery arrows» (*англ.* — букв.: «ливрейные стрелы»), предназначенных для того, чтобы пробивать доспехи. Поэтому можно предположить, что в финале баллады Робин как бы официально принимает новичка в лесное братство, даря ему стрелы, которые будут использоваться для охоты на «королевскую дичь» (запретное для егеря удовольствие). Но, возможно, «broad arrows» — это просто устойчивое выражение, уже утратившее конкретику, поскольку к моменту написания данной баллады стрелы полностью вышли из военного и охотничьего обихода.

СМЕЛЫЙ КОРОБЕЙНИК И РОБИН ГУД

THE BOLD PEDLAR AND ROBIN HOOD

Данная баллада впервые увидела свет в составе «Венка Робин Гуда, описывающего его веселые подвиги и некоторые стычки, в которых принимали участие он сам, Маленький Джон и Виль Скарлет» (см.: Garland 1670; переизд.: 1684/1686). Под тем же названием она вошла в сборник Фр.-Дж. Чайлда, получив в нем номер 132 (см.: Child 1882–1898/III: 154–155). Не исключено, что это произведение представляет собой вариант «Робин Гуда и Виля Скарлета», поскольку в обоих текстах пришлого героя зовут Гэмвелл.

История о смелом коробейнике пользовалась большой популярностью и долго бытовала в устной песенной традиции. Так, собиратель Джеймс Генри Диксон (James Henry Dixon; 1803–1876) слышал ее от крестьянки, которая понятия не имела, что текст данной баллады опубликован (см.: Dixon 1846: 71). Однако это произведение ускользнуло от внимания Дж. Ритсона, Т. Перси и других знатоков английского фольклора.

[1] *Коробейник* — мелкий торговец-разносчик, зачастую хранивший свои товары за спиной — в плетеном коробе (иногда складном), на котором, как на прилавке, можно было их разложить. Впрочем, коробейники пользовались также мешками, корзинами и т. д.

В средние века по дорогам Англии расхаживало множество бродячих

торговцев. По большей части, преуспеяние последних зависело от умения завлекать покупателей, поэтому опытные коробейники всегда были бойки и остры на язык. Шутки и прибаутки придавали привлекательности старым, иногда поломанным вещицам, помогая скрывать даже очевидные дефекты. Некоторые рифмованные «кричалки», которыми коробейники зазывали покупателей, дошли и до наших дней:

Вишни, вишни,
Спелые вишни,
Фунт за пенни
Для Лиззи и Дженни!

Вот апельсины
Глядят из корзины,
За пенс две штуки,
Крепкие, гладкие,
Сочные, сладкие,
Просятся в руки!

В жару, и в дождик, и в мороз
Брожу туда-сюда.
Эй, масло, сливки, молоко
Берите, господа!
Для пудинга и к чаю –
За свежесть отвечаю!

А вот орешки,
Бери с тележки,
Фунт за грот*,
Суй прямо в рот,
Попробуй, раскуси,
Побольше попроси!

Цит. по: Hindley 1884: 183.
Пер. В.С. Сергеевой

---

* См. примеч. 2 к балладе «Добыча Робин Гуда».

Какой бы ни была мера коммерческой честности коробейников, в средневековой Англии они оставались в ладах с законом. Пусть местные власти порой и приравнивали их к бродягам, однако вплоть до эпохи Эдуарда IV (1442–1483; правил с 1461 г.) против торговцев-разносчиков не было издано ни одного официального эдикта (указа).

Коробейники свободно ходили по дорогам, снабжая деревенских и городских жителей различными товарами домашнего обихода, одеждой и прочей мелочью. В их мешках и коробах лежали нижние рубашки, шапки, перчатки, пояса, кошельки, дудки и свистульки, столовые ножи, оловянная посуда и многое другое. Торговали они и различной снедью — орехами, фруктами, пряниками и т. д.

[2] *Перч* (англ. perch) — единица измерения, равная приблизительно 5 м.

РОБИН ГУД И НИЩИЙ [I]

ROBIN HOOD AND THE BEGGAR [I]

Под этим названием Фр.-Дж. Чайлд опубликовал две самостоятельные баллады, взятые из разных источников. Данный текст, получивший в его сборнике номер 133 (см.: Child 1882–1898/III: 155–158), имеется в составе «венков» 1663 и 1670 годов (см.: Garland 1663; Garland 1670), собраниях Э. Вуда и С. Пипса, а также в сборниках Т. Эванса (см.: Evans 1777: 210–215) и Дж. Ритсона (см.: Ritson 1795/I: 274–279).

Вероятно, автор баллады вдохновился сюжетной канвой других сочинений о «зеленом лесе», где главный герой тоже встречает достойного противника, завязывает поединок, после чего меняется с новым другом одеждой и отправляется в город (см.: «Робин Гуд и горшечник», «Робин Гуд и мясник»). Кроме того, это произведение напоминает историю и о вызволении трех нарушителей лесного закона (см.: «Робин Гуд спасает трех юношей», «Робин Гуд спасает трех сквайров», «Робин Гуд и старик»). Таким образом, сюжетные линии «Робин Гуда и нищего», несомненно, продолжают старинную балладную традицию; автор сознательно относит действие к «давним временам» (*англ.* elder times), хотя, судя по лексике, сам текст создан не ранее XVII века.

[1] *Тот стоил десять монет.* — В оригинале: «The which was worth angels ten» — букв.: «Стоившего десять ангелов». Ангел (энджел, *англ.* angel) — анг-

лийская золотая монета, введенная в обращение королем Эдуардом IV в 1465 г. и названная так потому, что на ее аверсе был изображен архангел Михаил, поражающий копьем дракона. Номинал монеты с течением времени менялся от 6 шиллингов 8 пенсов до 11 шиллингов. В 1663 г. ангелы вышли из обращения.

[2] *Но нищий с сумой, детина лихой, | Попался ему по пути.* — Крепкие на вид мнимые нищие, в большинстве своем крестьяне и разорившиеся ремесленники, были характерной приметой английской провинции с начала эпохи огораживания (конец XV в.) и вплоть до девятнадцатого столетия*. Причины, побуждавшие земледельцев становиться профессиональными попрошайками, могли быть разными. Одни уходили из деревень в надежде на лучшие заработки, других сгоняли с земли помещики, предпочитавшие хлебопашеству разведение овец, третьи бежали, спасаясь от хозяйского произвола, а четвертые просто не желали работать, пользуясь любым предлогом (например, паломничество), чтобы покинуть родные края. Число мнимых нищих не уменьшали ни тюрьмы, ни колодки. По свидетельствам современников, эти люди нередко становились грабителями или попросту утрачивали всяческое желание трудиться. Поэт Уильям Лэнгленд, автор «Видения о Петре-пахаре» («Vision of Piers Plowman»; ок. 1370–1390), гневно обрушивался на «попрошаек, которые расхаживают по округе, пока не набьют и брюхо и мешок, клянчат еду, дерутся за выпивкой и засыпают <...> прямо во время пирушек» (Langland 1886: 4).

[3] *А Робин выхватил меч.* — В оригинале говорится о «мече, коричневом как орех» (*англ.* nut-brown sword). В средневековой английской поэзии прилагательные «коричневый» (*англ.* brown) и «черный» (*англ.* black) являлись

---

* Огораживанием назывался процесс ликвидации общинных земель, ранее принадлежавших крестьянам. С развитием английской суконной промышленности в XV—XVI вв. и ростом цен на шерсть лорды-землевладельцы стали изымать пахотные земли у арендаторов и сдавать их внаем под пастбища. В своем большинстве английские крестьяне не обладали правом собственности на свои земельные наделы, так как являлись лишь наследственными или пожизненными держателями участков и платили за них лорду ренту. Пользуясь этим, землевладельцы удваивали, утраивали, иногда даже в пять—семь раз увеличивали плату, повышали сумму налога за вступление в наследство и таким образом вынуждали нанимателей отказаться от земли. Экспроприированные участки отгораживались от наделов, оставленных крестьянам, — отсюда и название самого ликвидационного процесса, который продолжался вплоть до начала XIX в. Множество бывших земледельцев, утративших не только участки, но и жилище, становились бродягами.

устойчивыми эпитетами для стального оружия. Объясняется это тем, что староанглийское слово «blæk» означало не только «черный», «темный» (изначально — «обожженный, обгоревший»), но и «яркий», «сияющий» (возможно, также из-за семантической связи с огнем); аналогичное значение — «блестящий» — было и у староанглийского прилагательного «brun»*. Когда его внутренняя форма стерлась, оно сделалось своего рода штампом. Н.С. Гумилёв в своем переводе баллады «Робин Гуд и Гай Гисборн» в какой-то мере сохранил этот «экзотический» эпитет, передав его как «темный блеск мечей» (с. 616 наст. изд.).

РОБИН ГУД И НИЩИЙ [II]

ROBIN HOOD AND THE BEGGAR [II]

Эта баллада была написана позднее предыдущей и, возможно, имеет шотландское происхождение, на что намекают некоторые характерные слова и обороты**. Она вошла в собрание Фр. Дауса (см.: Douce [s. a.]), сборники Дж. Ритсона (см.: Ritson 1795/I: 97–113) и Дж. Гатча (см.: Gutch 1847/II: 208–221), а также была опубликована отдельно в виде «листка» (см.: Beggar 1810?–1835?). Фр.-Дж. Чайлд, которого эта история смутила своей жестокостью, присвоил ей номер 134 (см.: Child 1882–1898/III: 158–165).

Главная особенность баллады заключается в отсутствии привычного героического пафоса, а также в том, что Робин Гуд лишен большинства своих прежних привлекательных черт, главным образом великодушия: оттого здесь он напоминает, скорее, дорожного грабителя вроде Дика Тёрпина***,

---

* Недаром в эпической поэме «Беовульф» в качестве постоянного определения для меча используется исключительно слово «brown».

** Например, «baith» вместо «both» (*англ.* оба), «troth» вместо «truth» (*англ.* правда) и т. д.

*** Ричард «Дик» Тёрпин (Richard «Dick» Turpin; 1705–1739) – знаменитый английский разбойник, герой множества историй и баллад. К наиболее популярным произведениям о его «подвигах» можно отнести роман Уильяма Гаррисона Эйнсворта (William Harrison Ainsworth; 1805–1882) «Руквуд» («Rookwood»; 1834) и анонимный роман «Черная Бесс, или Рыцарь с большой дороги» («Black Bess, or The Knight of the Road»), выходивший еженедельно, маленькими книжечками, в 1867–1868 гг. (всего появилось 254 выпуска).

нежели славного йомена из «Деяний». В этом произведении, как и в ряде классических баллад, главный герой встречает достойного противника — но, потерпев поражение, посылает за ним вдогонку двух стрелков. Однако разбойникам, встретившим серьезный отпор со стороны хитрого нищего, не удается схватить обидчика, и их хозяин остается неотомщенным. Несмотря на несколько сцен насилия, баллада написана с несомненным юмором.

[1] *Эй, господа, чей род высок...* — Обращение к слушателям знатного происхождения (*англ.* «of high born blood» — «высокого рода») необычно для историй о «зеленом лесе». Возможно, автор ориентировался на литературные баллады XVIII в., предназначавшиеся, в первую очередь, для салонной публики.

[2] *Фартинг* — мелкая английская монета стоимостью в четверть пенса.

[3] *Широкая стрела.* — См. примеч. 3 к балладе «Робин Гуд и егерь».

[4] *Пек* — английская мера объема, равная примерно 9 л.

РОБИН ГУД И ПАСТУХ

ROBIN HOOD AND THE SHEPHERD

Данная баллада, вошедшая в сборник Фр.-Дж. Чайлда под номером 135 (см.: Child 1882–1898/III: 165–167), публиковалась в составе «венков» 1663 и 1670 годов (см.: Garland 1663; Garland 1670), а также была включена в собрания С. Пипса и Фр. Дауса.

Язык произведения достаточно прост, действие развивается динамично. В этой балладе, как и в ряде других историй о «зеленом лесе», главный герой встречает достойного противника, однако сюжет движется нетривиальным образом: когда Робин Гуд, сразившись с незнакомцем, терпит поражение, Джону также предоставляется возможность испытать свои силы. Более того, оставшись непобежденным, «достойный противник» не вступает в лесное братство, хотя остальные сюжетные условия соблюдены. Робин привычно щедр (ставит на кон двадцать фунтов), а когда понимает, что проиграл, он, как обычно, трубит в рог, подавая сигнал о помощи.

Возможно, продолжением этой истории служит баллада «Робин Гуд и епископ», в которой стрелок и его люди переодеваются в пастухов.

[1] *Еще не знал я пастуха, | Что был бы так силен».* — В оригинале пастух назван «the flower of shepherd swains» (*англ.* — букв.: «цвет свинопасов»). Вероятно, здесь имеет место пародия на устойчивые выражения куртуазной литературы: «цвет рыцарства», «цвет прекрасных дам» и т. д.

ТОРЖЕСТВО РОБИН ГУДА

ROBIN HOOD'S DELIGHT

Данная баллада была опубликована в «венках» 1663 и 1670 годов (см.: Garland 1663; Garland 1670), сборниках Т. Эванса (см.: Evans 1777: 188–192), Дж. Ритсона (см.: Ritson 1795/II: 116–125) и Фр.-Дж. Чайлда, присвоившего ей номер 136 (см.: Child 1882–1898/III: 168–170), а также вошла в коллекции Э. Вуда и С. Пипса.

В этой истории, повествующей о том, как Робин, Джон и Виль Скарлет повстречали достойных противников в лице трех удалых лесничих, имеются несомненные текстовые переклички с другими балладами цикла (см.: «Робин Гуд и пастух», «Смелый коробейник и Робин Гуд»). Недругами вольных стрелков лесники изображены также в балладах «Робин Гуд и егерь» и «Робин Гуд идет в Ноттингем».

[1] «*Сюда прислал нас государь...* — В оригинале называется имя короля — Генрих. Возможно, как и в балладах «Робин Гуд и королева Екатерина» и «Погоня за Робин Гудом», имеется в виду Генрих VIII (1491–1547; правил с 1509 г.).

[2] «*Ну что ж, разбойник, по рукам! | Мы, как и вы, втроем, | И некого бояться нам, | Ведь мы закон блюдем!*» — В средние века Шервуд и Бернисдейл буквально кишели разбойниками, вследствие чего в них нередко происходили настоящие баталии между разбойничьими бандами и силами закона (подробнее об этом см. в преамбуле к примечаниям к балладе «Робин Гуд и монах»). Несмотря на все попытки властей очистить от преступников леса Йоркшира и Ноттингемшира, в XIII–XIV вв. странствовать там небольшой компанией было попросту опасно для жизни.

РОБИН ГУД И КОРОБЕЙНИКИ

ROBIN HOOD AND THE PEDLARS

Текст данной баллады содержится в рукописи, обнаруженной лондонским ученым и критиком Джоном Пейном Кольером (John Payne Collier; 1789–1883). Однако необходимо заметить, что Кольер, изучавший творчество У. Шекспира, был известен своими литературными фальсификациями*, а потому, вероятно, и в случае с «Робин Гудом и коробейниками» мы имеем дело с очередным подлогом. Одним из доводов в пользу такого предположения может служить то, что все баллады в манускрипте Кольера записаны почерком XIX века**, хотя некоторые ее фрагменты и датируются серединой XVII. Обратив на это внимание, Фр.-Дж. Чайлд допустил, что настоящим автором баллады является сам Кольер, но тем не менее ввел историю о коробейниках в свой сборник, где она получила номер 137 (см.: Child 1882–1898/III: 170–172). Возможно, текст «Робин Гуда и коробейников» был переписан с утраченного впоследствии «листка»; однако не исключено, что это произведение действительно сочинил какой-нибудь собиратель древностей, хорошо знакомый со стилем робин-гудовских баллад и умело стилизовавший их незатейливый юмор, который шокировал издателей XIX века.

[1] *Вас, верно, зовут явиться на суд, | Где вам не сносить головы».* – Очевидно, Робин Гуд подозревает, что перед ним не просто коробейники, а преступ-

* В частности, Дж. Кольер заявлял, что обнаружил несколько ранее неизвестных документов, имеющих отношение к жизни и творчеству У. Шекспира. Одним из них было так называемое «Издание Перкинса» («Perkins Folio») – собрание пьес Шекспира, выпущенное ок. 1632 г., с многочисленными рукописными поправками, сделанными, по утверждению Кольера, корректором. С этими изменениями ученый опубликовал новое издание сочинений великого поэта, получившее название «Пьесы Шекспира, отредактированные по старинным изданиям и по недавно обнаруженному фолио 1632 года, с ранней рукописной правкой» («The Plays of Shakespeare: The Text Regulated by the Old Copies, and by the Recently Discovered Folio of 1632, Containing Early Manuscript Emendations»; 1853). Однако в 1859 г. эксперты Британского музея доказали, что все случаи «корректуры» являются поздними интерполяциями.

** Для этой эпохи был характерен растянутый курсив – результат быстрого, размашистого движения руки пишущего.

ники, очень заинтересованные в том, чтобы быстрее скрыться, о чем свидетельствует произнесенное им в оригинале обращение «bold outlaws» (*англ.* — «смелые изгнанники»). Иными словами, герой намекает, что мнимые коробейники сбежали от наказания и были объявлены вне закона. Прав Робин или нет, в рамках сюжета остается неизвестным.

РОБИН ГУД И АЛЕН-Э-ДЭЛ

ROBIN HOOD AND ALLEN-A-DALE

Первые публикации данной баллады относятся ко второй половине XVII века. Известно, что в то время она несколько раз выходила в виде «листков», но, к сожалению, ни одно из тех ранних изданий до нас не дошло. Однако в «венки» 1663 и 1670 годов это произведение включено не было — вероятно из-за того, что Ален (в некоторых вариантах — Алин или Алан, *англ.* Alin, Allan) ранее нигде не упоминался как член шайки Робин Гуда. Позднее оно вошло в анонимное «Собрание старинных баллад» (см.: London 1723: 44–48), сборники Т. Эванса (см.: Evans 1777: 126–130) и Дж. Ритсона (см.: Ritson 1795/II: 46–51), а также собрания Фр. Дауса и герцога Роксбурга. В сборнике Фр.-Дж. Чайлда оно значится под номером 138 (см.: Child 1882–1898/III: 172–175).

Баллада достаточно проста по форме. Ритм стиха неровный. Отсутствие внутренней рифмы — характерного признака баллад XVII–XVIII веков, — возможно, указывает на то, что она была написана в подражание ранним текстам о «зеленом лесе». О том же свидетельствует и заимствованный сюжет, основанный на эпизоде из прозаического произведения «Жизнь Робин Гуда» (Слоанская рукопись), хотя там роль влюбленного играет Скарлок, а Робин появляется в церкви, переодевшись нищим (ср.: «Робин Гуд спасает трех юношей»). В Форестерской рукописи (Forresters Manuscript; ок. 1670) эта баллада озаглавлена «Робин Гуд и невеста» («Robin Hood and the Bride»), и имя жениха в ней не названо.

Композиция «Робин Гуда и Ален-э-Дэла» несколько необычна для традиционных робин-гудовских текстов: хотя незнакомец и присоединяется к разбойничьей шайке, это отнюдь не история из серии «Робин Гуд встречает достойного противника». Данное произведение относится к группе «баллад о

спасении», когда Робин и его молодцы вынуждены вмешаться в происходящее, чтобы восстановить попранную справедливость. Финал же можно назвать театрально-фарсовым: Маленький Джон, исполняя роль священника, семь раз подряд спрашивает согласия молодых, тогда как, по правилам, достаточно трех (см. примеч. 3). Такие комические элементы весьма характерны для протестантских баллад, высмеивающих и «переворачивающих» католические церковные обряды.

Другой особенностью «Робин Гуда и Ален-э-Дэла» является наличие любовной линии. Хотя подобные мотивы чужды традиционным балладам о Робин Гуде, романтический колорит истории об Ален-э-Дэле оказался привлекателен: ее сюжет неоднократно перерабатывался, в том числе и для театральной сцены. Так, в 1751 году он был использован в оперной постановке «Робин Гуд, или Новое музыкальное представление» («Robin Hood: A New Musical Entertainment») лондонского театра «Друри-Лейн». Специально для него эту пьесу написали популярный автор комических опер Мозес Мендес (Moses Mendez; 1690?—1758) и молодой композитор Чарлз Берни (Charles Burney; 1726—1814), впоследствии ставший знаменитым историком музыки.

[1] *Рондель* (от фр. rondelle — «круглый») — песня на повторяющуюся (круговую) мелодию, а также стихотворение из трех строф, включающих в общей сложности тринадцать строк, некоторые из которых дублируются. Данная форма возникла в средневековой французской поэзии.

[2] *Ник.* — В оригинале Ник называется сыном мельника (*англ.* «Nick the miller's son»). Очевидно, имеется в виду персонаж, который в других произведениях цикла носит имя Мач или Мидж (ср., напр., балладу «Робин Гуд и монах»). Возможно, само по себе имя «Мач» — уменьшительное от Марка или Майкла.

[3] *Я трижды согласья их должен спросить, | Чтобы законным был брак».* — Согласно церковным правилам, официальному заключению брака должно было предшествовать троекратное (в три ближайших воскресенья) извещение о предстоящей церемонии, чтобы намерение лиц, желающих вступить в супружеский союз, стало известно всем членам прихода. Это служило мерой предосторожности от незаконных браков — близкородственных, насильственных, заключаемых без согласия родителей и т. д.

[4] *Клянусь, одежда творит господ»...* — В оригинале: «This cloath doth make thee a man». Данная фраза вполне отражает историческую действительность.

Одежда и в самом деле до некоторой степени служила показателем социального положения, отсюда многочисленные «законы о роскоши», регламентировавшие стоимость тканей, количество украшений и т. п. и закреплявшие право на ношение дорогих вещей и аксессуаров за определенными сословиями. Одним из первых подобных указов было постановление императора Карла Великого (742?/747?–814; правил с 800 г.), предписавшего крестьянам носить скромное платье темных тонов; знати же дозволялось одеваться в синее, красное и зеленое. В 1190 г. король Англии Ричард I Львиное Сердце и король Франции Филипп II Август (1165–1223; правил с 1179 г.) предписали рыцарям избегать в отделке одежды пурпура, меха горностая и драгоценных камней. В XIV–XV вв. жительницам Лондона купеческого звания под угрозой крупного штрафа воспрещалось носить платья с серебряной и золотой отделкой, оторачивать их мехом, а также переплетать волосы золотом, серебром или жемчугом.

Сходная фраза — «Одежда делает людей» (*англ.* «It's good habit that makes a man») — произносится в балладе «Робин Гуд спасает трех юношей», в сцене, где главный герой переодевается нищим. Подобные поговорки встречаются и в русской фольклористической традиции; ср.: «Приобуть, приодеть, так и есть на что глядеть», «Соболья шуба впереди себя двери открывает» и т. д.

РОБИН ГУД ИДЕТ В НОТТИНГЕМ

ROBIN HOOD'S PROGRESS TO NOTTINGHAM

Данная баллада, также известная под названием «Робин Гуд и лесники» («Robin Hood and the Forresters»), вошла в собрания Э. Вуда, С. Пипса, герцога Роксбурга и Фр. Дауса, а также публиковалась в составе «венков» XVII века (см.: Garland 1663; Garland 1670) и сборников Т. Эванса (см.: Evans 1777: 96–99), Дж. Ритсона (см.: Ritson 1795/II: 12–17) и Фр.-Дж. Чайлда (под номером 139; см.: Child 1882–1898/III: 175–177).

«Робин Гуд идет в Ноттингем» — относительно поздний текст, притом, вероятно, дошедший до нас не в первоначальном виде. Можно предположить, что баллады с подобным сюжетом существовали и ранее, до XVII века: в частности, о стычке молодого стрелка с лесниками рассказывается в

«Жизни Робин Гуда» (Слоанская рукопись). В этом прозаическом произведении главный герой, с чрезвычайно тугим луком, отправляется на охоту и встречает лесничих, которые высмеивают его, утверждая, что ни один человек не способен справиться с таким оружием. Робин бьется об заклад, что подстрелит из него оленя — и выигрывает спор. Однако один из лесничих задирает юношу, начинается ссора, и Робин убивает своих противников, а потом убегает в лес и там становится вожаком шайки (см. с. 465—466 наст. изд.). Таким образом, баллада «Робин Гуд идет в Ноттингем» принадлежит к числу текстов, которые, можно сказать, заполняют сюжетные лакуны в стихотворной «биографии» героя. Здесь, в отличие от уже устоявшейся традиции XVI—XVII веков, Робин не благородного происхождения.

По сравнению с большинством робин-гудовских текстов XVII века, повествующих о веселых похождениях разбойников, эта баллада достаточно мрачна: Робин учиняет настоящее побоище, убивая лесников и калеча жителей Ноттингема, пытающихся его задержать. Жестокость юноши вполне в духе ранних произведений цикла (ср.: «Робин Гуд и монах»). По сюжету «Робин Гуд идет в Ноттингем» отчасти напоминает «Джонни Кока» (см. с. 577—579 наст. изд.), которого Фр.-Дж. Чайлд в своем сборнике помещает непосредственно перед балладами о Робин Гуде, а по конфликту — историю о Гае Гисборне (демонстрация своих умений перед противником, а затем — смертельный бой).

[1] *Я безутешно горевать | Оставлю ваших вдов...* — Данное высказывание противоречит принципу Робина «не делать женщинам зла». Очевидно, авторы поздних баллад всё меньше опирались на предшествующие тексты, даже такие известные, как «Деяния». Ср. также примеч. 1 к балладе «Робин Гуд и епископ».

РОБИН ГУД
СПАСАЕТ ТРЕХ ЮНОШЕЙ

ROBIN HOOD RESCUING THREE SQUIRES

Самая ранняя версия данной баллады, датируемая XVII веком, вошла в сборник Т. Перси (см.: Folio 1867: 13—18). В дешевых изданиях, в том или ином варианте, она появилась не раньше 1777 года и немедленно обрела

огромную популярность, не угасшую за последующие два столетия. В XVIII–XIX веках эта история публиковалась под названиями «Робин Гуд спасает трех сквайров от Ноттингемской виселицы» («Robin Hood Rescuing the Three Squires from Nottingham Gallows»; 1777), «Робин Гуд спасает трех сыновей вдовы от шерифа, когда их собирались казнить» («Robin Hood Rescuing the Widow's Three Sons from the Sheriff When Going to be Executed»; 1786), «Робин Гуд и старик» («Robin Hood and the Old Man»; 1806) и, собственно, «Робин Гуд спасает трех юношей». Последнее она получила в сборнике Фр.-Дж. Чайлда, где ей был присвоен номер 140 (см.: Child 1882–1898/III: 177–183). Там же Чайлд поместил вариант этой баллады под названием «Робин Гуд и шериф» («Robin Hood and the Sheriff»; см.: Ibid.: 184–185). В устной традиции, хотя и в сокращенном виде, баллада бытовала вплоть до середины XX века, причем не только в Англии, но и в Северной Америке и Австралии.

Тематика истории о вызволении юношей, которых автор называет сквайрами, напоминает некоторые другие робин-гудовские баллады, например, «Робин Гуд спасает Виля Статли» и «Робин Гуд и нищий (I)». Под «сквайрами» здесь, вероятно, надлежит понимать мелкопоместных дворян, которые в описываемые времена нередко занимались браконьерством. Возможно, по внутренней хронологии цикла данному тексту предшествует баллада «Робин Гуд и епископ», в которой, спасаясь от погони, главный герой укрывается в доме старухи — а теперь, в благодарность за ее помощь идет выручать трех юношей.

Сходный сюжет обнаруживается в пьесе Э. Мандэя «Падение Роберта, графа Хантингтона», где Скарлет и Скейтлок, два сына вдовы, приговорены к смертной казни. В тюрьме под предлогом исповеди их навещает брат Тук; туда же, прикинувшись бедным стариком, приходит и Робин Гуд и просит разрешения лично отомстить им за убийство своих сыновей. Шериф позволяет развязать приговоренных; тогда Робин трубит в рог, и Маленький Джон, Мач и брат Тук вступают в бой со стражей.

[1] *Ему тринадцать пенсов в день | К тому же я плачу*». — Предположительно, со времен короля Иакова I (1566–1625; правил с 1603 г.) жалованье заплечных дел мастера действительно составляло тринадцать пенсов (см.: Brewer 1898: 585). Выражение «плата палачу» (*англ.* hangman's fee) даже вошло в поговорку: «He was born to pay the hangman's fee» — «Ему судьба умереть на виселице» (букв.: «Он родился, чтобы заплатить палачу»).

[2] *Тут виселицу удальцы | На луг перенесли, | Шерифа вздернули на ней...* — Данная любопытная деталь в балладе, возможно, отражает древнее представление о том, что преступник должен быть казнен там, где совершил злодеяние; таким образом, шерифа вешают на «территории» вольных стрелков, на которую городские власти посягнули, намереваясь наказать браконьеров. Вообще же вплоть до XVIII в. казни в Англии совершались не только на площадях и территориях тюрем. Так, до 1783 г. осужденных в Лондоне лишали жизни за городской чертой: официальным местом для этого была деревушка Тайберн (Tybyrn), где стояло печально знаменитое «тройное дерево» (*англ.* triple tree) — большая трехногая виселица, на которой могли быть повешены одновременно несколько человек.

РОБИН ГУД СПАСАЕТ ВИЛЯ СТАТЛИ

ROBIN HOOD RESCUING WILL STUTLEY

Данная баллада вошла в «венки» 1663 и 1670 годов (см.: Garland 1663; Garland 1670), сборники Т. Эванса (см.: Evans 1777: 164—169), Дж. Ритсона (см.: Ritson 1795/I: 102—113) и Фр.-Дж. Чайлда (под номером 141; см.: Child 1882—1898/III: 185—187), а также собрания Э. Вуда и С. Пипса. В другом ее варианте, обнаруженном в Форрестерской рукописи (The Forresters Manuscript)*, ключевого героя зовут Виль Скейтлок.

Сюжет о спасении Виля Статли, в том или ином варианте, был известен автору прозаического произведения «Жизнь Робин Гуда» (Слоанская рукопись) — и, таким образом, можно утверждать, что сама история возникла раньше 1600 года, до того, как она получила стихотворное оформление. По мнению Фр.-Дж. Чайлда, ее текст был написан в подражание балладе о спасении трех сквайров (см.: «Робин Гуд спасает трех юношей»).

---

* Данный манускрипт, созданный около 1670 г. и обнаруженный в 1993 г. бристольским книготорговцем А.-Р. Хизом, содержит списки двадцати одной робин-гудовской баллады, в том числе «Робин Гуда и Ален-э-Дэла», «Робин Гуда и епископа», «Робин Гуда и королевы Екатерины», «Робин Гуда и мясника». Ныне рукопись хранится в Британской библиотеке. К сожалению, исследователям не удалось установить, кем она была составлена и кому изначально принадлежала.

[1] *Досель повешен не бывал | Еще лесной стрелок.* — Действительно, ни в одной из баллад цикла не говорится о том, что кто-либо из лесных стрелков был казнен столь унизительным способом. Видимо, в мире Робин Гуда и его друзей это везение считалось поводом для особой гордости.

[2] *Пусть оба этих бунтаря...* — Это первый случай, когда лесные стрелки в балладе названы «бунтарями» (*англ.* rebel).

КАК КРОШКА ДЖОН ПРОСИЛ МИЛОСТЫНЮ

LITTLE JOHN GOES A-BEGGING

Данная баллада впервые была опубликована в «венке» 1663 года (см.: Garland 1663), а затем в разных вариантах (под другим названием или с некоторыми изменениями сюжета*) вошла в сборники Дж. Ритсона (см.: Ritson 1832/II: 132–141) и Фр.-Дж. Чайлда (под номером 142; см.: Child 1882–1898/III: 188–190). Также она имелась в собраниях Э. Вуда, С. Пипса и герцога Роксбурга.

Это единственная баллада о «зеленом лесе», в которой разбойники не грабят путников, а просят милостыню. В данной связи возникает резонный вопрос: насколько вероятно, что Робин Гуд, «гордый изгнанник» (*англ.* bold outlaw), как его называют в «Деяниях», позволил бы своим людям попрошайничать, или что Джон, не меньший гордец, согласился бы на это даже под принуждением? По-видимому, основной целью автора, ради достижения которой он и придумал такой сюжет, столь нехарактерный для баллад робингудовской традиции, было разоблачение мнимых нищих.

Тем не менее в этом произведении прослеживаются явные параллели с другими текстами цикла. Так, его начало перекликается с событиями истории о спасении трех нарушителей «лесного закона» (ср.: «Робин Гуд спасает трех юношей», «Робин Гуд и старик», «Робин Гуд спасает трех сквайров»), в которой герой также переодевается нищим и отправляется в опасный путь. Кроме того, Джон, хвалясь своей удачей, называет нищенский промысел «ремеслом» (*англ.* trade), что напоминает перевоплощение Робина в горшеч-

* Например, разница в количестве нищих, которых встречает Джон.

ника и мясника в двух соответствующих балладах. Как и там, в этой необычной истории лесной изгнанник неожиданно берется за новое дело, пародирует его, высмеивает, но в конце концов получает огромную прибыль.

[1] *Дувр* (Dover) — портовый город на юго-востоке Англии, расположенный в графстве Кент, у пролива Па-де-Кале.

РОБИН ГУД И ЕПИСКОП

ROBIN HOOD AND THE BISHOP

Данная баллада вошла в «венки» 1663 и 1670 годов (см.: Garland 1663; Garland 1670), сборники Т. Эванса (см.: Evans 1777: 103–107), Дж. Ритсона (см.: Ritson 1795/II: 19–23) и Фр.-Дж. Чайлда (см.: Child 1882–1898/III: 191–193; номер 143), а также собрания Э. Вуда, С. Пипса и герцога Роксбурга. Кроме того, в Форрестерской рукописи обнаружен еще один вариант этой истории под названием «Робин Гуд и старуха» («Robin Hood and the Old Woman»), однако там роль отрицательного персонажа играет не священнослужитель, а шериф. Поэтому можно предположить, что шериф изначально фигурировал и в данной балладе, а образ злодея-епископа был привнесен в нее после Реформации, годом окончания которой историки считают 1648-й. Не исключено, что автор «Робин Гуда и старухи» обратился за вдохновением к «Повести о деяниях Робин Гуда», где в качестве антагониста выведен именно этот королевский чиновник. Интересно, что в балладе «Робин Гуд и епископ» священник, преследуя лесного разбойника, по сути, выполняет обязанности шерифа, что, впрочем, вполне соответствует средневековым английским реалиям, поскольку в те времена епископам нередко вменялось в обязанность возглавлять в своем округе карательные операции.

По своей форме история о епископе — классическая баллада, ориентированная на широкую публику, с традиционным зачином, внутренней рифмой и некоторыми чертами «высокого» литературного стиля; при этом ее язык в основном достаточно прост. Хотя произведение едва ли было написано ранее XVII века, Фр.-Дж. Чайлд отмечал, что в нем присутствует множество элементов, характерных для ранних текстов, в частности, шутовское переодевание героев и враждебное отношение к представителям Церкви (ср.: «Повесть

о деяниях Робин Гуда», «Робин Гуд и монах»). Сюжет развивается динамично, в комическом ключе. Своеобразным продолжением этой истории служат баллады «Робин Гуд спасает трех юношей» и «Робин Гуд и королева Екатерина» (в последней фигурирует обиженный на лесного стрелка епископ).

[1] *Старуха ищет нас. | Ее одной моей стрелой | Остановлю сейчас».* — Очевидно, автор баллады забыл или не знал об одном из основных моральных принципов Робин Гуда «не делать женщинам зла» — или предположил, что другие лесные стрелки, в отличие от вожака, данного принципа не разделяли.

РОБИН ГУД И ЕПИСКОП ХЕРЕФОРДСКИЙ

ROBIN HOOD
AND THE BISHOP OF HEREFORD

Данная баллада вошла в собрание Фр. Дауса, сборники Т. Эванса (см.: Evans 1777: 211–214), Дж. Ритсона (см.: Ritson 1795/II: 146–154) и Фр.-Дж. Чайлда (под номером 144; см.: Child 1882–1898/III: 193–196), а также несколько раз публиковалась в популярных изданиях, например, в составе «венков» 1749 и 1753 годов (см.: Garland 1749; Garland 1753?). В последнем она имеет довольно развернутое название: «Как Робин Гуд, Маленький Джон и другие развлекали епископа Херефордского в веселом Барнсдейле» («The Bishop of Hereford's Entertainment by Robin Hood and Little John, *etc.*, in Merry Barnsdale»). Наиболее ранний из сохранившихся списков баллады представлен в Форрестерской рукописи.

Текст «Робин Гуд и епископ Херефордский» тематически связан с несколькими балладами цикла, в частности с «Робин Гудом и епископом» (хотя там невольный гость веселых стрелков остается неназванным, история заканчивается сходным образом) и «Робин Гудом и королевой Екатериной», где обиженный епископ Херефордский жалуется королю, что Робин его ограбил и заставил в неурочный час отслужить в лесу мессу. Сюжет же, возможно, подсказан «Повестью о деяниях Робин Гуда».

Вполне вероятно, что прообразом ключевого героя послужил один из реально существовавших епископов города Херефорд (см. примеч. 2). В их

числе исследователи — например, Ст. Найт — называют Адама Орлетона (Adam Orleton; ум. 1345), служившего епископом в 1317—1327 годах и не пользовавшегося любовью населения (см.: FM 1998: 144). В период правления Эдуарда II (1307—1327 гг.), когда, скорее всего, начало формироваться ядро робин-гудовского цикла, А. Орлетон был известным государственным деятелем. В 1322 году, после баронского восстания, в котором, по мнению ряда историков, участвовали и возможные исторические прототипы Робин Гуда, он был обвинен в измене, однако Иоанн XXII (1244?/1249?—1334; Папа Римский с 1316 г.) отказался лишить его епископского сана, сославшись на отсутствие доказательств его вины. Вскоре Орлетон поддержал заговор Изабеллы Французской (1295—1358), результатом которого стало свержение Эдуарда II.

Еще одним прототипом епископа мог быть Питер Эгюбланш (Peter Aigueblanche; ум. 1269), поддерживавший Генриха III в войне против мятежных баронов (1264—1267 гг.). Шотландский хронист Уолтер Бауэр уверенно утверждал, что Робин Гуд был участником вышеупомянутого баронского восстания — а следовательно, врагом епископа (см.: Dobson, Taylor 1976: 5).

Поскольку в балладе король назван Ричардом, можно предположить, что епископом Херефордским является современник Ричарда I Уильям де Вир (William de Vere; ум. 1198), но это менее вероятно.

Примечательно, что здесь, как и в ранних текстах, действие происходит в Бернисдейле, а не в Шервуде. Возможно, автор хотел придать балладе более аутентичный характер, как бы подтверждающий ее подлинность и верность традиции.

[1] *...о графах...* — В оригинале: «barons bold» (*англ.* — букв.: «смелые бароны»). Данный образ, расхожий в английской народной литературе, встречается и в ряде других популярных баллад. Английские бароны как влиятельные феодалы нередко составляли оппозицию королю, а порой и оказывали ему серьезное сопротивление (подробнее об этом см. преамбулу к примечаниям к балладе «Робин Гуд и монах»).

[2] *Херефорд* (Hereford) — главный город графства Херефордшир; в средние века был центром епископства.

РОБИН ГУД И КОРОЛЕВА ЕКАТЕРИНА

ROBIN HOOD
AND QUEEN CATHERINE

Предположительно, данная баллада, пользовавшаяся широкой популярностью в XVII веке, была написана до начала гражданской войны в Англии (1642—1652 гг.). Во второй половине семнадцатого столетия ее текст, в двух разных вариантах, публиковался в составе «венков» (см.: Garland 1663; Garland 1670), а также издавался отдельно, в виде так называемых «листков», наиболее ранний из которых увидел свет около 1655 года. Кроме того, она вошла в сборники Т. Перси (см.: Folio 1867: 37—46), Т. Эванса (см.: Evans 1777: 149—156), Дж. Ритсона (см.: Ritson 1795/II: 82—90) и Фр.-Дж. Чайлда (под номером 145; см.: Child 1882—1898/III: 196—205), а также собрания Э. Вуда, герцога Роксбурга и С. Пипса.

Вариант баллады, попавший в коллекцию Перси, оказался неполным (были утрачены несколько листов); другая же версия, сохранившаяся в нескольких дешевых изданиях, лакун не имела. Тем не менее до обнаружения в 1993 году Форрестерской рукописи сюжет этой истории оставался местами не вполне ясен. В частности, отсутствовала информация о том, сколько друзей Робин Гуда участвовало в состязании, какие они взяли себе имена, кто такой Клифтон — один из лесных стрелков или же лучник, выступавший на стороне короля. В названной же рукописи был обнаружен третий, наиболее связный вариант (именно он помещен в основном разделе наст. изд.).

Однако один из ключевых вопросов до сих пор остается открытым. Непонятно, о какой именно королеве Екатерине идет речь — супруге Генриха V (1387—1422; правил с 1413 г.) или одной из жен Генриха VIII — Екатерине Арагонской (1485—1536), Екатерине Говард (1520?/1525?—1542) или Екатерине Парр (1512?—1548).

Источником материала для данной баллады, по-видимому, послужил целый ряд произведений, среди которых можно выделить «Правдивую историю о Робин Гуде» Мартина Паркера, «Робин Гуда и епископа» и «Повесть о деяниях Робин Гуда». Например, из последней был взят один из ее ключевых персонажей — сэр Ричард (или Роберт) Ли. Кроме того, автор «Робин Гуда и королевы Екатерины», возможно, вдохновился пьесой Энтони Мандэя «Падение Роберта, графа Хантингтона» и балладой «Адам Белл, Клем

из Клу и Вильям Клаудсли», в которой королева также сочувствует изгнанникам.

По сюжету Робин Гуд состоит в хороших отношениях с Екатериной и тепло принимается при дворе, но всё еще остается лесным разбойником непонятного происхождения. Единственный шаг в сторону «нобилизации» главного героя был сделан в издании 1663 года, где в финале король прощает Робина и дает ему титул графа. Два других варианта заканчиваются небольшим спором Робина и Джона – нехарактерным для поздних баллад сюжетным ходом, напоминающим «Робин Гуда и монаха» и «Робин Гуда и Гая Гисборна» и наводящим на мысль о продолжении. Таковым, очевидно, служит «Погоня за Робин Гудом» (в Форрестерской рукописи данные тексты идут подряд).

Что касается целевой аудитории «Робин Гуда и королевы Екатерины», то, по-видимому, эта баллада предназначалась в первую очередь для городской, а скорее, даже столичной, публики – ведь про Ноттингем в ней с легкой иронией говорится, что он расположен где-то далеко на севере.

В подписи к иллюстрации (с. 281 наст. изд.) к данной балладе Л.-Дж. Рид назвал королеву Элеонорой (намекая, очевидно, на Элеонору Аквитанскую, королеву Англии в 1154–1189 гг.). Однако история, приведенная в его книге, сюжетно повторяет балладу, а следовательно, это переосмысление не играет существенной роли.

[1] *Из Дэлломских лугов»*. – Возможно, имеются в виду окрестности небольшого города Далэма (Dalham) в восточной части Англии или, что вероятнее, города Дэллоу-Мур (Dallow Moor) в графстве Йоркшир, с которым связано множество топонимов робин-гудовской легенды.

[2] *Свой плащ зеленого сукна | Отважный Робин снял | И королеве сей же час | В подарок отослал*. – Возможно, данная сцена призвана напомнить читателю эпизод «Деяний», в котором Робин дарит королю зеленую разбойничью одежду.

[3] *Реннет* – вариант имени Рейнольд. Вероятно, речь идет о некоем стрелке Рейнольде, упомянутом в «Повести о деяниях Робин Гуда» (см. с. 56 наст. изд.). Кроме того, в последней прозвище «Рейнольд» (а точнее – «Рейнольд Зеленый Лист») берет себе Маленький Джон, заступая на службу к шерифу. Впрочем, не исключено, что Реннет перекочевал в данную балладу из анонимной песни о молодом стрелке Рейнольде, в финале которой главный

герой становится соратником Робин Гуда, — ее текст был опубликован в Лондоне в 1609 г. под названием «Песня фримена»* («The Freemans Song»). Местами она не очень понятна, зато «маркеры», отсылающие читателя (или слушателя) к общему своду текстов о «зеленом лесе», опознаются безошибочно:

By Lands-dale hey ho, By mery Lands-dale hey ho, There dwelt a jolly miller, And a very good old man was he, hey ho.	В Ландсдейле**, хей-хо, В веселом Ландсдейле, хей-хо, Жил славный мельник, И очень хорошим стариком был он, хей-хо.
He had, he had and a sonne a, Men called him Renold, And mickle of his might Was he, was he, hey ho.	Он имел, он имел сына; Люди звали того Рейнольдом, И весьма силен Был он, был он, хей-хо.
And from his father a wode a, His fortune for to seeke, From mery Lands-dale Wode he, wode he, hey ho.	И ушел он от отца в лес На поиски счастья, Из веселого Ландсдейла Ушел он, ушел он, хей-хо.
His father would him seeke a, And found him fast a sleepe; Among the leaves greene Was he, was he, hey ho.	Отец отправился его искать И нашел его крепко спящим — Среди зеленой листвы Был он, был он, хей-хо.
He tooke, he tooke him up a, All by the lilly-white hand, And set him on his feet, And bad him stand, hey ho.	Он взял, он взял его За лилейно-белую руку И поставил на ноги И велел ему стоять, хей-хо.

* Фримены (*англ.* freeman) — общее название свободнорожденных полноправных граждан.

** Возможно, имеется в виду Лонсдейл (Lonsdale) — долина в графстве Ланкашир, или городок Керби-Лонсдейл (Kirby Lonsdale) в графстве Камбрия, на северо-западе Англии.

He gave to him a benbow,
Made all of a trusty tree,
And arrowes in his hand,
And bad him let them flee.

Он дал ему лук,
Сделанный из крепкого дерева,
И стрелы в руку
И велел пустить их в полет.

And shoote was that that a did a,
Some say he shot a mile,
But halfe a mile and more
Was it, was it, hey ho.

И тот выстрелил,
Говорят, что стрела пролетела милю,
Но немногим больше полмили
Был тот выстрел, был выстрел, хей-хо.

And at the halfe miles end,
There stood an armed man;
The childe he shot him through,
And through and through, hey ho.

И где кончались эти полмили,
Стоял вооруженный человек;
Юноша прострелил его насквозь,
Насквозь, насквозь, хей-хо.

His beard was all on a white a,
As white as whale is bone,
His eyes they were as cleare
As christall stone, hey ho.

Борода у него была сплошь белая,
Белая, как китовая кость,
Его глаза были ясными,
Как горный хрусталь, хей-хо.

And there of him they made
Good yeoman, Robin Hood,
Scarlet, and Little John,
And Little John, hey ho.

И тогда они сделали из юноши
Доброго йомена — Робин Гуд,
Скарлет и Маленький Джон,
И Маленький Джон, хей-хо.

[4] *Локсли.* — В данной балладе Робин Гуд впервые называется этим именем. В прозаическом произведении «Жизнь Робин Гуда» сказано, что Локсли — это городок, где родился Робин, находящийся в Йоркшире или в Ноттингемшире (см. с. 465 наст. изд.). Той же традиции следует и баллада «Рождение, воспитание, подвиги и женитьба Робин Гуда»: в ней говорится, что городок Локсли расположен в Ноттингемшире (см. с. 307 наст. изд.).

[5] *Финсбери* (Finsbury) — в описываемые времена лес к северу от Лондона; в XIX в. он был превращен в парк.

[6] *Пэр* — титул представителя высшего английского дворянства, а также человек, обладающий этим титулом и пользующийся особыми привилегиями.

[7] *Гавейн.* — Имеется в виду сэр Гавейн Оркнейский (*англ.* Gawain; *фр.* Gauvain) — рыцарь Круглого стола, племянник легендарного короля Артура и один из центральных персонажей артуровского цикла.

[8] *«Эй, вальдшнеп, глаз побереги!» — | Красавицы кричат.* — Вальдшнеп — птица семейства бекасовых. Однако Т. Перси утверждал, что здесь речь идет «не о птице, в которую стреляют, а о короле и его партии: в Англии вальдшнеп печально знаменит своей глупостью, в связи с чем это слово употребляют в иносказательном смысле, имея в виду простака, дурачка» (цит. по: Folio 1867: 44).

[9] *Но Робин Гуд своей стрелой | Подшиб его стрелу.* — Это первое упоминание о том, как Робин или кто-то из его друзей проявил столь незаурядную меткость. Ту же сцену воссоздает и Вальтер Скотт в тринадцатой главе «Айвенго»: там Локсли расщепляет стрелу лесничего Губерта (см.: Скотт 1990/VI: 146). Впрочем, доподлинно неизвестно, был ли В. Скотт знаком с балладой «Робин Гуд и королева Екатерина».

[10] *В лесу под вечер подстерег | Меня он как-то раз | И мессу связанным служить | Заставил в поздний час».* — Негодование епископа вызвано не только тем, что его силой принудили служить мессу, но еще и тем, что это пришлось делать в нарушение церковных правил: месса традиционно проводится утром.

ПОГОНЯ ЗА РОБИН ГУДОМ

ROBIN HOOD CHASE

Данная баллада была включена в «венки» 1663 и 1670 годов (см.: Garland 1663; Garland 1670), а также в сборники Т. Эванса (см.: Evans 1777: 156–160), Дж. Ритсона (см.: Ritson 1795/II: 92–100) и Фр.-Дж. Чайлда (под номером 146; см.: Child 1882–1898/III: 205–207). Кроме того, она имелась в коллекциях Э. Вуда, С. Пипса, герцога Роксбурга и Фр. Дауса.

Эта история представляет собой продолжение одной из версий баллады «Робин Гуд и королева Екатерина» (текст из Форрестерской рукописи, см. преамбулу к примечаниям к соответствующей балладе); другие варианты заканчиваются тем, что король прощает Робина.

[1] *Беглецы до Ньюкасла домчались тогда ~ Мы в Карлайл от погони уйдем! ~ В страхе в Честер и в Ланкастер мчались стрелки...* — Ньюкасл (Newcastle) — город на северо-востоке Англии; Карлайл (Carlisle), Честер (Chester) и Ланкастер (Lancaster) — города в северо-западной части страны.

[2] *Фортуна* — древнеримская богиня удачи. В оригинале ее имя дано с прописной литеры, однако, очевидно, здесь оно использовано в нарицательном значении.

ДОБЫЧА РОБИН ГУДА

ROBIN HOOD'S GOLDEN PRIZE

Наиболее ранними из сохранившихся изданий, включающих данную балладу, являются «венки» 1663 и 1670 годов (см.: Garland 1663; Garland 1670), однако известно, что она публиковалась и ранее, о чем свидетельствует Издательский реестр 1656 года. Также баллада вошла в сборники Т. Эванса (см.: Evans 1777: 160–164), Дж. Ритсона (см.: Ritson 1795/II: 97–105) и Фр.-Дж. Чайлда (под номером 147; см.: Child 1882–1898/III: 208–210) и собрания Э. Вуда, С. Пипса, герцога Роксбурга и Фр. Дауса.

Некоторые исследователи высказывают мнение, что «Добыча Робин Гуда» принадлежит перу Лоренса Прайса (Laurence Price; 1628?–1680?), автора сатирических баллад и памфлетов, объясняя свои догадки ее отчетливой антиклерикальной направленностью (на протяжении всего XVII века в Англии возрастали враждебные католичеству настроения)*. Однако этот единственный довод не может рассматриваться в качестве доказательства, поскольку существуют и другие тексты, в которых Робин Гуд выражает явную неприязнь к священнослужителям и прибегает к хитрости, чтобы добиться своего (см.: «Повесть о деяниях Робин Гуда», «Робин Гуд и епископ»). В основе же баллады лежит достаточно популярный фольклорный сюжет о лов-

* В 1605 г. был раскрыт так называемый Пороховой заговор (*англ.* Gunpowder Plot) — неудачная попытка покушения группы английских католиков на короля Иакова I: во время тронной речи монарха предполагалось взорвать здание парламента. До сих пор народная традиция отмечает Ночь Гая Фокса (Guy Fawkes' Night): люди сжигают соломенное чучело, изображающее названного — самого знаменитого — участника заговора.

ком плуте, который подстраивает «чудо»*. Впрочем, в данном случае не вполне ясно, с какой целью в самом начале истории Робин Гуд надевает рясу — возможно, здесь отразился уже усвоенный фольклором образ «веселого монаха», брата Тука, близкого по духу к лесным стрелкам, а потому вызывавшего у слушателей симпатию.

[1] *О Loксли...* — Это одно из немногих упоминаний Локсли как самостоятельного персонажа (в ряде текстов о «зеленом лесе» данное имя принадлежит Робин Гуду). Подобное упоминание встречается и в балладе «Робин Гуд и отважный рыцарь», где говорится о некоем Виле Локсли — соратнике Робин Гуда; возможно, автор имел в виду Виля Скейтлока (или Скарлета).

[2] *Грот* (гроут) — серебряная английская монета в четыре пенса, введенная при Эдуарде I в 1279 г.

[3] *Святой травой, — он приказал, — | Клянитесь, господа...* — Данная клятва вполне соответствует фарсовой атмосфере баллады. Вероятно, здесь обыгрываются близкие по звучанию слова «grass» (*англ.* — «трава») и «cross» (*англ.* — «крест»).

БЛАГОРОДНЫЙ РЫБАК, ИЛИ ВЫБОР РОБИН ГУДА

THE NOBLE FISHERMAN, OR ROBIN HOOD'S PREFERMENT

Впервые данная баллада — под заглавием «Благородный рыбак, или Большая добыча Робин Гуда» («The Noble Fisherman, or Robin Hood's Great Prize») — упоминается в Издательском реестре 1631 года. Однако в «венках» 1663 и 1670 годов (см.: Garland 1663; Garland 1670) ей было присвоено другое название: «Благородный рыбак, или Выбор Робин Гуда»; под ним же она во-

* Например, в анонимном английском фаблио XIII в. «Госпожа Сириц» («Dame Sirith») хитрая старуха показывает молодому человеку собачку, в которую якобы превратилась ее дочь, а в шотландской сказке «Бервикские монахи» («The Freiris of Berwik»; известна с XVI в.) герой при помощи мнимого волшебства вынуждает хозяев угостить его ужином.

шла в сборники Т. Эванса (см.: Evans 1777: 171–176), Дж. Ритсона (Ritson 1795/I: 110–116) и Фр.-Дж. Чайлда (под номером 148; см.: Child 1882–1898/III: 211–213), а также в собрания Э. Вуда, С. Пипса и герцога Роксбурга.

События баллады разворачиваются на море. Хотя в ней Робин Гуд вырван из привычного окружения — «зеленого леса», она, тем не менее, пользовалась довольно широкой популярностью. Следует заметить, что морские приключения переживали и другие известные герои-изгнанники, например, Юстас Монах, Фалк Фицуорен и Херевард Зоркий, чьи истории послужили несомненным подспорьем при формировании робин-гудовского цикла.

На свой лад данное произведение продолжает традицию «Робин Гуда и горшечника» — самой ранней из историй, где лесной стрелок пробует себя в новой для него сфере деятельности. В «Благородном рыбаке...» главный герой также принимается за чуждое ремесло, но в конце концов добивается успеха благодаря привычному для себя занятию — стрельбе из лука. Впрочем, остается не вполне понятным, отчего Робин избирает именно работу рыбака, опасную и не самую доходную. Для сравнения: моряк на королевской службе во время Столетней войны (серия военных конфликтов между Англией и Францией в 1337–1453 годах) получал три пенса в день, а хороший лучник в сухопутной армии — как минимум вдвое больше.

[1] *Скарборо* (Scarborough) — город в графстве Йоркшир на берегу Северного моря.

[2] *Стрелок ответил: «Саймон Ли | Зовусь на родине своей».* — Возможно, намек на первоначальное имя апостола Петра: до того как стать учеником Христа, он звался Симон (в английском произношении — Саймон) и был рыбаком.

[3] *Французы грабят всех подряд, | И нет пощады никому.* — Очевидно, описанная в произведении стычка английских моряков с французскими пиратами стала отражением событий Англо-французской войны 1627–1629 гг., основные боевые действия которой велись на море. Она стала очередным столкновением Англии и Франции: конфликты между этими державами происходили регулярно начиная с XII в.

[4] *На эти деньги я велю | Для бедных выстроить приют».* — Строительство по обету часовен, приютов, больниц и т. д. было распространенной практикой как в средние века, так и в Новое время. Нередко деньги на благотворительные цели жертвовались по окончании какого-нибудь опасного путеше-

ствия или предприятия. Зачастую делалось это и во искупление грехов (что для изгнанника могло быть весьма актуально). Кроме того, в финале баллады явно находит отражение традиционная щедрость Робин Гуда по отношению к беднякам — с тою лишь разницей, что стрелок не просто раздает деньги, а ведет себя как респектабельный филантроп.

РОЖДЕНИЕ, ВОСПИТАНИЕ, ПОДВИГИ И ЖЕНИТЬБА РОБИН ГУДА

ROBIN HOOD'S BIRTH, BREEDING, DEEDS AND MARRIAGE

В 1760–1780-е годы в русле робин-гудовской традиции активно создавались новые тексты, как поэтические, так и драматургические и прозаические. Именно к ним, вероятно, следует отнести это, достаточно пространное, произведение, вошедшее в собрания герцога Роксбурга и С. Пипса. Несмотря на то, что экземпляр из коллекции Роксбурга предположительно датируется 1685 годом, данная баллада впервые увидела свет лишь в 1716 году, будучи включенной в «Антологию Джона Драйдена» («John Dryden's Miscellanies»), которая получила название от имени своего составителя — английского поэта, переводчика и драматурга (John Dryden; 1631–1700). Спустя семь лет Драйден опубликовал эту историю в уже более крупном сборнике, озаглавленном «Собрание старых баллад» («A Collection of Old Ballads»; 1723). Кроме того, она вошла в сборники Дж. Ритсона (см.: Ritson 1795/II: 2–12) и Фр.-Дж. Чайлда, присвоившего ей номер 149 (см.: Child 1882–1898/III: 214–218).

Главной особенностью произведения является характерное для поздних баллад стремление связать воедино другие тексты цикла — во многом путем заполнения лакун в биографиях Робин Гуда, его родственников и ближайших друзей. По-видимому, с этой целью автор «знакомит» главных героев баллады «Адам Белл, Клем из Клу и Вильям Клаудсли» с отцом Робин Гуда, а одного из ключевых персонажей называет именем Гэмвелл, уже встречавшимся в «Робин Гуде и Виле Скарлете». Отца же Робина автор делает лесничим, то ли намеренно уходя от уже устоявшейся традиции, согласно кото-

рой Робин Гуд — изгнанный граф Хантингтон, то ли не будучи знакомым с пьесой Энтони Мандэя, неоднократно служившей источником для сочинителей робин-гудовских баллад. Несмотря на то, что Робин в этой истории не граф, он и не простой йомен: здесь стрелок — племянник сельского сквайра по имени Гэмвелл (брат его матери), одного из тех колоритных провинциальных дворян, которые в дальнейшем перекочуют в произведения Генри Филдинга (Henry Fielding; 1707—1754) и Лоренса Стерна (Laurence Sterne; 1713—1768)*. Примечательно, что в этой балладе рассказывается и о юности Маленького Джона как одного из домочадцев старого Гэмвелла.

Уход Робин Гуда и Маленького Джона в лес в данной истории происходит максимально бесконфликтно: он представляется изящной игрой «золотой молодежи», которая отправляется на лесной пикник и ради собственного развлечения состязается в стрельбе. С появлением пасторальной Клоринды, «королевы пастушек», это ощущение только усиливается. Доподлинно известно, что такие увеселения аристократии имели место и в реальной жизни.

Введению робин-гудовской темы в аристократический обиход во многом способствовал один из английских монархов — Генрих VIII, при дворе которого неоднократно разыгрывались сценки и представления с участием персонажей популярных баллад. Так, в мае 1515 года король с супругой, Екатериной Арагонской, отправились в Шутерс-Хилл (парк в окрестностях Лондона) и по пути встретили компанию «веселых молодцов» в зеленых капюшонах, с луками и стрелами, числом около двухсот (разумеется, это были королевские гвардейцы, переодетые лесными разбойниками). Один из них, назвавшись Робин Гудом, подошел к королю и пригласил его в лесную беседку, где уже ждал обед. Пока Генрих и Екатерина сидели за столом, «разбойники», среди которых были Маленький Джон, дева Мэрион и монах Тук, развлекали их состязанием в стрельбе.

Несколько необычен финал баллады: она завершается пожеланием королю наследников. Возможно, речь в данном случае идет о Карле II (1630—1685; правил с 1660 г.), не имевшем законных детей, — после его смерти трон

* См., например, романы Г. Филдинга «История Тома Джонса, найденыша» («The History of Tom Jones, a Foundling»; 1749) и Л. Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» («The Life and Opinions of Tristram Shandy, Gentleman»; 1759—1767).

отошел к его брату-католику, Иакову II (1633—1701; правление: 1685—1688 гг.), что в 1688 году привело к «Славной революции»*. Однако английская история знала и других бездетных королей, в частности, Ричарда I, которого литературная традиция XVII века уже прочно связала с робин-гудовской легендой.

Вполне вероятно, что автор делает намек и на другую историческую персоналию — а именно на некоего Роджера Маршалла, который в 1497 году возглавил так называемое «восстание Робин Гуда», произошедшее в городке Уолсол — неподалеку от упомянутого в балладе города Титбери (см. примеч. 7). Известно, что Маршалл в одежде лесного стрелка, собрав толпу в сто человек, отправился выручать из городской тюрьмы своего друга и впоследствии предстал перед судом за нарушение общественного порядка. Не исключено, что и другие имена собственные, упоминаемые в тексте, служат отсылками к каким-либо местным реалиям и событиям (подробнее см.: Knight 2003: 7—8).

[1] *Как сторож уэйкфилдский, метко стрелу | В мишень за две мили пускал.* — Персонаж баллады «Веселый сторож из Уэйкфилда» не стрелял из лука (ср. с. 140—143 наст. изд.), однако этим умением славился герой опубликованной в 1706 г. анонимной «Повести о Джордже-э-Грине, стороже из Уэйкфилда» («The History of George a Green; Pindar of the Town of Wakefield»). Книга о стороже Джордже-э-Грине была очень популярна и неоднократно переиздавалась.

[2] *Раз с Адамом, Вилем и Клемом из Клу...* — Подразумеваются три знаменитых стрелка, герои баллады «Адам Белл, Клем из Клу и Вильям Клаудсли».

[3] *Уорикский рыцарь по имени Гай...* — Имеется в виду Гай из Уорика (Ги де Уорик) — персонаж одноименного стихотворного романа («Gui de Ware-

* Вскоре после коронации Иаков II, открыто исповедовавший католическую веру, начал проводить политику, вызвавшую крайнее неудовольствие протестантского большинства. В частности, в годы его правления был распущен Парламент, на ключевые посты в стране назначались преимущественно католики, а при наборе солдат в армию предпочтение отдавалось католикам-ирландцам. В связи с этим противники короля решили сменить его на голландского принца Вильгельма Оранского (1650—1702), который в результате государственного переворота, получившего название «Славная революция», занял английский престол и в 1689—1702 гг. правил под именем Вильгельма III.

wic»; ок. 1220), популярного в Англии и Франции в XIII–XVI вв. Согласно сюжету, юный Гай из любви к даме совершает множество подвигов, а в конце жизни принимает монашество.

[4] *...в Гэмвелле жил...* – Речь идет о Гэмвелл-Холле – поместье сквайра Гэмвелла. «Холл» (*англ.* hall – «дом», «крытый зал», «просторное помещение») и «мэнор» (*англ.* manor – «имение», «особняк») – традиционные прибавки к названиям английских поместий.

[5] *На даме изящный зеленый наряд – | Не сыщешь красивей сукна.* – В оригинале мать Робина одета в линкольнское сукно (см. о нем примеч. 16 к балладе «Повесть о деяниях Робин Гуда»). В ранних балладах одежда из такой ткани – непременный атрибут Робина и его друзей, в поздних же текстах подобные детали постепенно утрачивают свой изначальный смысл, превращаясь в сугубо декоративные элементы.

[6] *Кэрол* (от лат. choraula – «танец под аккомпанемент флейты», через старофр. carole – «круговой танец») – английское рождественское песнопение, изначально исполнявшееся во время танца и близкое к народной песне; большинство кэролов написано простым языком, в форме куплетов, многие имеют припев или рефрен. Данный жанр был распространен в Англии начиная с XII в. и не утратил популярность вплоть до наших дней. Один из самых известных старинных кэролов называется «Двенадцать дней Рождества» («Twelve Days of Christmas»); в России он известен в переложении бардов Сергея и Татьяны Никитиных («Рождественская песня»).

[7] *Титбери* (Titbury). – Очевидно, имеется в виду Татбери – город в графстве Стаффордшир, в центральной части Англии.

[8] *И бой я видал, и на скрипке играл...* – Это единственная баллада в робингудовском легендариуме, где рассказчик упоминает о себе как о непосредственном очевидце и даже участнике описываемых им событий. Возможно, в данном случае он примеряет на себя образ Алена-э-Дэла, бродячего менестреля, принятого в компанию лесных стрелков (см.: «Робин Гуд и Ален-э-Дэл»).

[9] *Бобби* – как и «Робин», простонародная форма имени «Роберт».

[10] *Моррис* (от среднеангл. morisk или morisse – «мавританский») – популярный танец, исполняемый в кругу или в колонне, с разнообразными предметами (палки, мечи, платки и т. д.), которые в процессе танца подбрасывают или складывают определенным образом. Судя по этимологии его названия, можно предположить, что он возник в Европе в XV в. как стили-

зация — в связи с существовавшей тогда модой на «экзотические», особенно восточные, зрелища — и изначально исполнялся в необычных костюмах или сопровождался особо причудливыми движениями. Не исключено, что в Англию моррис пришел из Италии или Испании; в частности, последнюю версию подтверждают лондонские хроники, где упоминается, что в 1494 г. труппа испанских танцоров исполняла его перед Генрихом VII. К середине XVII в. моррис окончательно утвердился в качестве английского народного танца: в это время крестьяне уже вовсю плясали его на деревенских праздниках, особенно в Троицын день (седьмое воскресенье после Пасхи, когда отмечается сошествие Святого Духа на апостолов).

[11] *Кто «Артур-э-Брэдли» орал.* — См. преамбулу к примечаниям к балладе «Робин Гуд и скорняк».

[12] *Даббридж* (Dubbridge). — Возможно, автор имел в виду деревню Даддбридж в Глостершире, однако, в отличие от Йоркшира и Ноттингемшира, данное графство никак не связано с робин-гудовской традицией. Впрочем, собственно в Йоркшире существовало несколько населенных пунктов с тем же кельтским корнем «dubh» (*гэльск.* — «черный», «темный»), например, Дабкот и Дабгарт.

РОБИН ГУД И ДЕВА МЭРИОН

ROBIN HOOD AND MAID MARIAN

Данная баллада, датирующаяся приблизительно XVII веком, вошла в собрание Э. Вуда, но при этом не публиковалась в составе ранних «венков». Позже она была включена в сборники Дж. Ритсона (см.: Ritson 1795/II: 157–165) и Фр.-Дж. Чайлда, присвоившего ей номер 150 (см.: Child 1882–1898/III: 218–219).

Собиратели и исследователи в большинстве своем невысоко оценивали художественный уровень данного текста: Р. Добсон и Дж. Тэйлор утверждали, что ему недостает литературных достоинств (см.: Dobson, Taylor 1976: 176), Фр.-Дж. Чайлд же и вовсе назвал его «глупой песенкой» (Child 1965: 218). Впрочем, как бы ни была безыскусна эта баллада, нужно признать, что она играет важную роль предыстории, заполняя лакуны в биографии глав-

ного героя. Создание подобных текстов стало неизбежным этапом формирования робин-гудовского цикла.

Хотя с XVI века Робина и Мэрион уже объединяли Майские игры, данное произведение — одно из немногих, где они появляются вдвоем. Нужно заметить, что к таковым не относятся баллады «Робин Гуд и королева Екатерина» и «Добыча Робин Гуда», поскольку там о Мэрион говорится лишь вскользь. Также нельзя принимать в расчет и эклогу английского поэта Александра Барклея (Alexander Barclay; 1476?—1552), написанную вскоре после 1500 года и содержащую, возможно, самое раннее упоминание о деве Мэрион, — в ней эти два персонажа и вовсе подчеркнуто «разделены»: «Yet would I gladly heare nowe some mery fit | Of maide Marian, or els of Robin Hoode (*среднеангл.* — «Я бы охотно послушал какую-нибудь веселую песню | О деве Мэрион *или* о Робин Гуде»; курсив наш. — *В.С.*). Только в пьесе Энтони Мандэя «Падение Роберта, графа Хантингтона» героев наконец связывают любовные узы: дева Матильда (она же Мэрион*), дочь лорда Ласи, в день помолвки отправляется вместе с графом Робертом, объявленным вне закона, в Шервудский лес и живет там целомудренной жизнью, ожидая того момента, когда Роберт сможет взять ее в жены.

Однако отсутствие Мэрион в ранних текстах робин-гудовской традиции вовсе не удивительно. Мир героических баллад XIV—XVI веков — преимущественно мужской; женским персонажам в нем отведено очень мало места. Среди таковых стоит назвать Богородицу, изменницу-аббатису, а также жен Ричарда Ли и шерифа. Даже на смертном одре Робин не говорит о супруге и детях (если они у него были), а лишь упоминает о том, что никогда не причинял вреда женщинам (ср. с. 114, 116 наст. изд.).

Впрочем, и в Майских играх дева Мэрион является относительно «поздним» персонажем, присоединившимся к уже устоявшемуся кругу робин-гудовских героев. Более того, ее традиционным «кавалером» в этих представлениях был вовсе не Робин Гуд, а отец Тук, хотя никаких отдельных историй, повествующих о Мэрион и монахе, не сохранилось, если не считать краткого упоминания о них в пьесе «Знаменитая хроника короля Эдуарда I»

---

* Мэрион — уменьшительное от Марии; Матильда (или Мод) — совершенно отдельное имя. Вероятно, Э. Мандэй дал своей героине прозвище «Мэрион», поскольку в XVII в. данное имя уже, так или иначе, связывалось с историями «о зеленом лесе», и Матильде было логично его принять.

(«The Famous Chronicle of King Edward the First»; 1593) английского драматурга Джорджа Пила (George Peele; 1556—1596): «All were not lies that beldames told | Of Robin Hood and Little John, | Friar Tuck and Maid Marian» (*англ.* — «Всё то не ложь, что рассказывают почтенные женщины | О Робин Гуде и Маленьком Джоне, | Отце Туке и деве Мэрион»).

Что касается происхождения Мэрион как персонажа робин-гудовской легенды, то, возможно, ее прообразом послужила французская пастушка Марион (или Мариот), подруга пастуха Робéна из пьесы «Игра о Робене и Марион» («Jeu de Robin et Marion»; ок. 1285) трувера Адама де ла Аля (Adam de la Halle; 1240—1287). Во французской традиции эти имена уже в XIII веке стали устойчивым обозначением сельской романтической четы. Так, в «Рассказе пастушки» («Dit de la pastoure»; 1403) Кристины Пизанской (Christine de Pizan; 1364/1365—1430) повествование ведется от лица девушки по имени Марот (это тоже — как Мэрион, Марион и Мариот — вариант имени «Мария»), которую покинул ее возлюбленный Робен. Текст «Игры о Робене и Марион» и французские пасторали могли также перекочевать в Англию, как и рыцарские романы.

Однако в балладе «Робин Гуд и Мэрион» герои представлены не только как влюбленные. С формальной точки зрения она написана в духе тех историй о «зеленом лесе», в которых Робин Гуд встречает достойного противника: Мэрион ведет себя так, как и положено «незнакомцу в лесу», — и достойно выдерживает бой с вожаком вольных стрелков.

В те времена, к которым обычно относят действие баллад о Робин Гуде, женщина наравне с мужчиной за совершённое преступление и неявку на суд могла оказаться вне закона — с той лишь разницей, что в таком случае она называлась не «outlaw», а «waif» (*англ.* — букв.: «никому не принадлежащая, ничья»). Встречались также и женщины, которые, не подпадая под действие приговора, добровольно уходили в изгнание вместе со своими братьями, мужьями или возлюбленными. В частности, известны истории о трех Матильдах (или Мод), поступивших подобным образом; в той или иной мере, все они послужили прообразом героини робин-гудовской традиции.

Одна из этих Матильд — супруга реально существовавшего изгнанника Роберта Хода (или Года; *англ.* Robert Hode) из Уэйкфилда. Бытует мнение, что она по собственной воле разделила судьбу мужа, сбежав вместе с ним в Бернисдейлский лес после того, как в 1322 году его покровитель, мятежный

Томас Плантагенет, граф Ланкастер, потерпел поражение у Боробриджа в стычке с королевскими войсками, — однако доподлинно это неизвестно.

Другая Матильда — дочь предводителя очередного баронского восстания Роберта Фицуолтера (Robert Fitz-Walter; ум. 1235), которому после неудавшегося покушения на короля Иоанна Безземельного вовсе пришлось бежать из Англии. Легенда гласит, что за некоторое время до восстания Иоанн пытался соблазнить Матильду, чем и вызвал месть разгневанного отца. Однако данная версия представляется весьма сомнительной: ведь Фицуолтер принял участие в баронском заговоре в 1212 году, а Матильда умерла в 1190-х годах (как гласит другая легенда, по вине того же короля Иоанна, который ее отравил). Впрочем, недостоверность этой истории не помешала ей передаваться из уст в уста и стать широко известной. Поэтому неудивительно, что именно дочь Фицуолтера послужила прототипом «прекрасной Мэрион», героини драматической дилогии Энтони Мандэя, полное название которой звучит так: «Падение Роберта, графа Хантингтона, впоследствии названного Робин Гудом из веселого Шервуда, его любовь к целомудренной Матильде, дочери лорда Фицуотера, впоследствии названной прекрасной девой Мэрион, а также смерть Робин Гуда и прискорбная трагедия целомудренной Матильды, или прекрасной девы Мэрион, отравленной Королем Джоном» («The Downfall of Robert, Earle of Huntington, afterward called Robin Hood of merrie Sherwodde: with his love to chaste Matilda, the Lord Fitzwater's daughter, afterwardes his faire maide Marian; and also the Death of Robert, Earle of Huntingon, otherwise called Robin Hood of merrie Sherwodde: with the lamentable Tragedie of chaste Matilda, his faire maid Marian, poysoned at Dunmowe by King John»).

Литературная традиция XVII—XVIII веков нередко связывала деву Мэрион с аббатством Св. Девы Марии в городе Литл-Данмоу (графство Эссекс), в котором находилась фамильная церковь Роберта Фицуолтера, где погребли тело Матильды Фицуолтер. Несмотря на то, что оно было туда перевезено, легенда оказалась сильнее: так, эссекский историк Томас Райт (Thomas Wright; 1810—1877) с уверенностью написал: «Матильда, дочь лорда Роберта Фицуолтера, была отравлена в аббатстве Данмоу королем Иоанном» (Wright 1831: 87).

Еще одна героическая женщина, также послужившая возможным прототипом девы Мэрион, — это дочь ланкаширского шерифа, Мод Вавасур (Maud le Vavasour), которая в 1206 году вышла замуж за лорда Фалка Фицу-

орена из Шропшира (1160?–1258; подробнее о нем см. в «Истории Фалка Фицуорена»). К тому времени ее супруг уже успел принять участие в баронском мятеже 1200 года и побывать вне закона. Когда в 1207 году Фицуорен, серьезно поссорившись с королем, вновь лишился всех своих земель и оказался изгнанником, Мод добровольно ушла с ним жить в лес. Этого мятежного лорда, обладателя столь бурной биографии, также рассматривают как одного из прототипов Робин Гуда, а «История о Фалке Фицуорене» (сохранилась только в прозаическом пересказе), которая, возможно, была написана при жизни Фалка, почти буквально повторяет некоторые сюжетные повороты баллад о лесном разбойнике.

[1] *На севере жила...* — Возможно, речь идет о Йоркшире или даже Шотландии.

[2] *Самой Елены, что навек | Прославилась красой...* — Имеется в виду Елена Прекрасная, героиня поэмы «Илиада» древнегреческого поэта Гомера; по легенде, самая красивая женщина на свете, чье похищение стало причиной Троянской войны.

[3] *И Розамунда, и Джейн Шор...* — Розамунда (от *лат.* rosamonde — «роза мира») — прозвище Джоан Клиффорд (ум. 1176), возлюбленной короля Англии Генриха II, полученное ею за свою красоту; согласно легенде, она была отравлена женой Генриха — королевой Элеонорой Аквитанской (1124?–1204). Джейн Шор (1445–1527) — фаворитка английского короля Эдуарда IV.

КАК КОРОЛЬ ПЕРЕОДЕТЫМ ЯВИЛСЯ В ЛЕС И ПОДРУЖИЛСЯ С РОБИН ГУДОМ

THE KING'S DISGUISE
AND HIS FRIENDSHIP WITH ROBIN HOOD

Данная баллада, обнаруженная в Форрестерской рукописи, была опубликована в составе нескольких «венков» XVIII века (см.: Garland [s. a.]; Garland 1753?; Garland 1790?), а также в сборниках Т. Эванса (см.: Evans 1777: 218–226), Дж. Ритсона (см.: Ritson 1795/II: 162–170) и Фр.-Дж. Чайлда, присвоившего ей номер 151 (см.: Child 1882–1898/III: 220–222). Кроме того, она имелась в собрании Фр. Дауса.

Эта история, по сути, представляет собой вольный и укороченный пересказ нескольких эпизодов «Деяний». Отдельные пассажи, судя по всему, были заимствованы из «Правдивой истории о Робин Гуде» Мартина Паркера, а прообразом священника, послужившего причиной бедствий Робин Гуда, стал, вероятно, йоркский аббат из пьесы Энтони Мандэя «Падение Роберта, графа Хантингтона». Последние две строки баллады логически связывают ее с текстом «Робин Гуд и отважный рыцарь», который, по сути, является ее продолжением. Однако, несмотря на это, в названных выше «венках» между ними была помещена баллада «Робин Гуд и золотая стрела».

Как уже отмечалось, сюжет о короле, который путешествует инкогнито и общается со своими подданными, довольно широко распространен в фольклоре разных стран мира (см. преамбулу к примечаниям к балладе «Повесть о деяниях Робин Гуда»). Упомянутый же здесь монарх, по-видимому, является Ричардом I, что вполне соответствует уже сложившейся к XVII веку традиции относить похождения Робин Гуда к эпохе данного короля, как это делает, например, автор вышеупомянутой пьесы. Примечательно, что Ричарду I действительно приходилось прибегать к переодеванию, дабы не быть узнанным, — на обратном пути из Крестового похода (1192 г.), когда он получил известие о том, что император Священной Римской империи Генрих VI (1165—1197; правил с 1191 г.) намеревается захватить его в плен. Возможно, Ричард использовал данную уловку и во время карательной экспедиции в Ноттингем (1194 г.), где собирались сторонники его брата, принца Джона.

РОБИН ГУД И ЗОЛОТАЯ СТРЕЛА

ROBIN HOOD AND THE GOLDEN ARROW

В XVIII веке данная баллада публиковалась в составе «венков», наиболее ранний из которых датируется 1741 годом (см.: Garland 1741?). Также она вошла в сборники Т. Эванса (см.: Evans 1777: 226), Дж. Ритсона (см.: Ritson 1810: 252—257) и Фр.-Дж. Чайлда, присвоившего ей номер 152 (см.: Child 1882—1898/III: 223—225).

Сюжет этого произведения основан на эпизоде из «Повести о деяниях Робин Гуда», однако с некоторыми отличиями. Если в «Деяниях», после того как Робин Гуд выигрывает на турнире главный приз — золотую стрелу, его

узна́ют и преследуют, вынуждая искать убежища в замке сэра Ричарда Ли, то в данной балладе он, одержав победу, остается неузнанным и считает делом чести сообщить обо всём шерифу. Возможно, это пародийная аллюзия на рыцарские романы, герои которых нередко выходят на турнир инкогнито (например, сэр Ланселот в «Рыцаре Телеги» Кретьена де Труа и «Смерти Артура» Томаса Мэлори). Кроме того, если в ранних балладах, к которым можно отнести и «Деяния», конфликт, как правило, приводит к смерти одного из антагонистов (ср.: «Робин Гуд и монах», «Робин Гуд и Гай Гисборн», «Смерть Робин Гуда»), то в поздних стрелкам достаточно оставить противника в дураках. Что характерно, авторы большинства современных интерпретаций — писатели и сценаристы — предпочитают вариант «Деяний», динамичный и полный опасностей, а не бесконфликтный финал «Робин Гуда и золотой стрелы»*.

Другим важным сюжетным заимствованием является необычная передача письма из «зеленого леса». Как и в «Правдивой истории о Робин Гуде», разбойники, привязав послание к стреле, выпускают ее в направлении города, после чего весточка доставляется адресату кем-то из местных жителей.

Продолжением «Робин Гуда и золотой стрелы» служит баллада «Робин Гуд и отважный рыцарь».

[1] *Фа-ляль-даль-ди.* — Этот необычный для традиционной баллады, но характерный для песен припев, представляющий собой набор слогов, свидетельствует о том, что в XVIII в. баллады перестали восприниматься как повествовательные произведения эпического толка и перешли в разряд «песенок» (*англ.* ditty).

[2] *Тут вышел Дэвид удалой.* — Лесной стрелок Дэвид, называемый иногда Дэвидом из Донкастера, не упоминается ни в какой другой балладе. Примечательно, что в «Смерти Робин Гуда» фигурирует еще один персонаж из этого города, Роджер Донкастер; однако тот — враг Робина, в отличие от Дэвида, который в «Робин Гуде и золотой стреле» играет традиционную роль благоразумного советчика.

Донкастер (Doncaster) — город в южной части исторического графства Йоркшира, недалеко от Бернисдейла (см. примеч. 4 к балладе «Повесть о деяниях Робин Гуда»).

* Например, в советском кинофильме «Стрелы Робин Гуда» (1975; реж. С.С. Тарасов) лесные стрелки уходят с турнира, взяв шерифа в заложники.

[3] *Ристалище* — место для рыцарских и иных состязаний, скачек и т. п.

[4] *«Хозяин! Нужно поскорей | Шерифу написать...* — Это одно из немногих мест в балладах, где говорится о грамотности лесных стрелков, причем об их умении не только читать и считать (см. примеч. 32 к балладе «Повесть о деяниях Робин Гуда»), но и писать.

РОБИН ГУД И ОТВАЖНЫЙ РЫЦАРЬ

ROBIN HOOD AND THE VALIANT KNIGHT

Впервые текст данной баллады был опубликован в составе «венка», датируемого 1741 годом (см.: Garland 1741?), а затем еще в двух дешевых изданиях (см.: Garland 1749; Garland 1790?). Также он вошел в сборники Дж. Ритсона (см.: Ritson 1795: 330–334), Т. Эванса (см.: Evans 1810: 258–261) и Фр.-Дж. Чайлда, присвоившего ему номер 153 (см.: Child 1882–1898/III: 225–226). В устной традиции эта история, скорее всего, не бытовала.

По замечанию Фр.-Дж. Чайлда, данное произведение, возможно, написано человеком, решившим, что представители власти в конце концов должны быть отомщены (см.: Ibid.: 225). Впрочем, нельзя сказать, что этот анонимный автор оказался новатором: его баллада фактически продолжила уже существующую традицию, заложенную пьесой «Падение Роберта, графа Хантингтона» Э. Мандэя и «Правдивой историей о Робин Гуде» М. Паркера — ведь, в отличие от «Деяний» и «Смерти Робин Гуда», виновником гибели главного героя в них также становится не аббатиса со своим любовником, а некий безымянный монах.

[1] *Чтоб стрелка укротить, чтобы лихо избыть, | Порешили облавой пойти.* — Большинство браконьеров и разбойников властям удавалось в конце концов арестовать. Иногда их выдавали или предавали, но подчас шайку попросту окружал большой вооруженный отряд. Облава, несомненно, требовала значительных расходов, а потому устраивалась лишь в исключительных случаях. Такие масштабные операции против преступников проводились редко еще и потому, что наносили серьезный ущерб лесным экосистемам, на восстановление которых могло потребоваться немало лет. Иными словами, поощрять частые рейды, при которых на обширных территориях

вытаптывались растения и распугивались животные, было отнюдь не в интересах короля. Тем не менее в беспокойные времена монархи нередко издавали специальные указы, требуя вырубать деревья и кусты по обе стороны королевского тракта (см. примеч. 3 к балладе «Повесть о деяниях Робин Гуда») на расстояние «полета стрелы» (около 100 ярдов, или 90 м), чтобы предотвратить возможность нападения из засады.

[2] *Виль Локсли.* — См. примеч. 1 к балладе «Добыча Робин Гуда».

[3] *Бирксли* (Birkslay). — В действительности такого монастыря не существовало; очевидно, имеется в виду аббатство Кирклейс (см. примеч. 38 к балладе «Повесть о деяниях Робин Гуда»).

РОБИН И ГАНДЛЕЙН

ROBYN AND GANDELYN

Текст данной баллады был обнаружен в Слоанской рукописи. Впоследствии он вошел в издание Дж. Ритсона «Старинные песни от эпохи короля Генриха Третьего до Революции» (см.: Ritson 1790: 48–51), сборник «Песни и кэролы, напечатанные по рукописи из Слоанского собрания Британского музея» (см.: Manuscript 1836*) Томаса Райта (Thomas Wright; 1810–1877) и собрание Фр.-Дж. Чайлда, в котором получил номер 115 (см.: Child 1965: 12–13).

Большинство собирателей не относили эту балладу к робин-гудовской традиции. И действительно, хотя Гандлейн верен своему хозяину, как Маленький Джон Робин Гуду, всё же нельзя с уверенностью сказать, что упомянутый здесь Робин и есть тот самый предводитель лесных стрелков. Именно поэтому Фр.-Дж. Чайлд включил эту историю в число «параллельных» произведений об изгнанниках (ср.: «Джонни Кок», «Адам Белл, Клем из Клу и Вильям Клаудсли»).

Т. Ритсон также полагал, что речь в балладе идет не о Робин Гуде, в связи с чем опубликовал ее под заглавием «Робин Лит» («Robin Lyth»)**, со-

* Страницы в издании не пронумерованы; данное произведение в нем идет под номером 10.

** Это сочетание встречается в первой и последней, ни с чем не рифмующихся, строках баллады: «Robyn lyth in grene wode bowndyn» (*среднеангл.* — букв.: «Робин связанный лежит в зеленом лесу»). Не исключено, что данная фраза отсылает к известному духов- →

чтя среднеанглийское слово «lyth» («лежит»), дважды использующееся в тексте после имени героя, его прозвищем, возможно, образованным от названия реально существовавшей в графстве Йоркшир деревни Лит.

Еще одно имя внутри текста, которое хотя бы косвенно указывает на робин-гудовскую традицию, — это Реннок. Когда шотландский историк и философ Джон Мэйджор (John Major; 1467—1550), а вместе с ним и другие авторы XVI века, начали пересказывать легенду о Робин Гуде как историю ушедшего в изгнание дворянина, жившего во время правления короля Иоанна Безземельного, они, скорее всего, ориентировались на биографию Фалка Фицуорена, одним из злейших врагов которого был валлиец Моррис, имевший сына по имени Реннок.

Кроме того, между «Робином и Гандлейном» и балладами робин-гудовского цикла можно отыскать сюжетные переклички. Так, в произведениях о вольных стрелках последние часто бродят по лесу в поисках дичи и случайно сталкиваются с недругами. В результате противостояния Робин Гуд нередко оказывается повержен — и тогда, чтобы отомстить за него обидчику, на помощь главному герою приходят друзья. Впрочем, ни в одной из баллад стычка не имеет для Робина смертельного исхода, а в «Робин Гуде и Гае Гисборне» сражение, наоборот, оканчивается гибелью врага. Как и в историях на тему «Робин Гуд встречает достойного противника», основное внимание в «Робине и Гандлейне» уделено поединку. Полная постоянных угроз жизнь изгнанника, непоколебимая верность друзей, радости и опасности леса — всё это ближе к робин-гудовской традиции, нежели к любому другому пласту средневековой повествовательной лирики.

Баллада «Робин и Гандлейн» достаточно коротка и проста, с устойчивой рифмовкой и минимумом слабых рифм, однако при внешней незатейливости она загадочна и даже зловеща, особенно учитывая странный зачин и финал: как будто за убийство «запретного» оленя героя карают мистические силы.

→ ному стиху XV в. «Адам связанный лежит» («Adam lay ybounden»), который тоже имеется в Слоанской рукописи.

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ О РОБИН ГУДЕ

THE TRUE TALE OF ROBIN HOOD

Мартин Паркер (Martin Parker; 1600?–1656?), известный автор баллад и песен, представил данное произведение на суд публики в начале 1632 года, опубликовав его отдельным изданием (см.: Parker 1632). В феврале того же года баллада была внесена в Издательский реестр; ее полное название гласило: «Правдивая история о Робине [Гуде], или Краткий рассказ о жизни и смерти знаменитого изгнанника Роберта, графа Хантин[гтона], в просторечии называемого Робин Гудом, который жил и умер в 1198 году [от Р. Х.], в девятый год правления короля Рич[арда] Первого, также называемого Львиным Сердцем. Тщательно собрано у самых правдивых авторов наших английских хроник и опубликовано Мартином Паркером ради удовлетворения тех, кто желает знать правду, очищенную ото лжи»*. Впрочем, Фр.-Дж. Чайлд скептически заметил, что «стремящийся к правде» поэт прибег к массе традиционных балладных условностей. И действительно — М. Паркер, скорее всего, в качестве источника использовал «Деяния», а кроме того, последовал примеру Э. Мандэя, автора пьесы «Падение Роберта, графа Хантингтона», сделав главного героя аристократом. Различные эпизоды «Правдивой истории...» также почерпнуты из баллад «Робин Гуд и епископ», «Робин Гуд и королева Екатерина», «Благородный рыбак, или Выбор Робин Гуда».

По сути, это произведение представляет собой новую версию «Деяний» — пространную компиляцию, рассчитанную на достаточно серьезную аудиторию, которую интересовали не столько похождения героев, сколько нравственные выводы. Но если «Деяния» с их калейдоскопичностью, юмором, ненавязчивым морализаторством и откровенной неприязнью к власть имущим передают вкусы XV века, то баллада М. Паркера создавалась совершенно в ином контексте. Она отражает уже другие, новые, художественные приоритеты, в том числе интерес к биографическому жанру. В отличие от более ранних произведений робин-гудовского цикла главный герой «закреплен» не только географически, но и хронологически (в тексте указано

* В квадратных скобках даны слова или части слов, восстановленные по изданию 1686 г. (см.: Parker 1686).

имя короля, а значит, известен исторический период); кроме того, здесь подробно описано и прошлое Робина, в котором кроются мотивы его поступков.

По сравнению со многими другими историями о «зеленом лесе», баллада носит ярко выраженный антиклерикальный характер. В первой половине XVII века, во время Реформации, борьба против Римско-католической церкви шла особенно активно, а потому неудивительно, что главными врагами лесных стрелков в «Правдивой истории...» становятся не представители светской власти, а католические священники. Возникает ощущение, что пока разбойники нападают на клириков, они достойны хвалы, но как только они начинают угрожать государству и закону, отношение автора к ним меняется в противоположную сторону. Традиционные же лесные ценности в балладе практически отсутствуют: М. Паркер восхваляет Робина в первую очередь за то, что он — благородный, щедрый и смелый человек, который проливает кровь только для собственной защиты (и то преимущественно это кровь ненавистных автору «заносчивых попов»). Не дождавшись королевского прощения, Робин, по сути, прекращает свое героическое существование и бесславно гибнет.

В финале на протяжении примерно двадцати строф подводится итог. Он таков: под властью гуманного правительства, в эпоху изобилия, мира и справедливых законов, кровавые злодеяния окончательно ушли в прошлое. Робин Гуд — несомненно, преступник, а потому по-настоящему восхищаться им нельзя; можно лишь с удивлением рассматривать его в числе прочих «экспонатов» давней старины.

«Правдивая история о Робин Гуде» оказалась слишком длинна и непритязательна, чтобы стать по-настоящему популярной, в том числе из-за попытки свести тематику исключительно к антицерковной, как бы ни была эта проблема актуальна для XVI—XVII веков. Что характерно, в русле робингудовской традиции данная тема так никогда и не стала ведущей.

[1] *Он упражнялся с ранних лет | И ловко мог стрелять.* — Хотя в XVI в. лук уже перестал быть грозным боевым оружием, практика в стрельбе продолжала вменяться в обязанность всем горожанам мужского пола вплоть до начала XVII в.

[2] *Известно всем, как в оны дни | Попам был лаком блуд. | Чтоб не грешили впредь они, | Скопил их Робин Гуд.* — Такое проявление жестокости в отноше-

нии священников выглядит весьма необычно и даже странно, особенно рядом с описанием доброты лесного стрелка в следующих строфах.

[3] *Деньгами щедро помогал | Он всем до одного, | Любой бедняк, и стар и мал, | Молился за него.* — Это одно из первых в рамках робин-гудовской традиции упоминаний о том, что лесной стрелок грабил богатых, чтобы помогать бедным.

[4] *Король, храни его Господь, | Наш Ричард Кер-де-Льон, | Решив неверных побороть, | Поехал на Сион.* — Сион — гора в Иерусалиме, на которой находилась крепость. Во время Третьего крестового похода (1189—1192 гг.) король Ричард I предпринял неудачную попытку захватить этот город (1192 г.).

Кер-де-Льон — французская версия прозвища Ричарда I (*фр.* Coeur de Lion — «Львиное Сердце»).

[5] *Епископ Ильский...* — Имеется в виду архиерей, управлявший епархией Йли (Ely) — области в графстве Кембриджшир, которая включала одноименный город и его окрестности. Исторически данная область нередко именовалась «островом», поскольку город Или издревле окружали болота (их осушение началось в 1626 г.).

[6] *Уоррингтон* (Warrington) — город в графстве Чешир на северо-западе Англии.

[7] *Возвел семь богаделен он | На деньги, что добыл, | И мнил, что будет в рай введен, | Хоть многих погубил.* — См. примеч. 4 к балладе «Благородный рыбак, или Выбор Робин Гуда».

[8] *Неужто с турками почти | Сравнялись мы тогда?* — Вероятно, для автора, как и для многих европейцев того времени, турки представлялись воплощением религиозного фанатизма и лицемерия.

ВИЛЛИ И ДОЧЬ ГРАФА РИЧАРДА

WILLIE AND EARL RICHARD'S DAUGHTER

Впервые данная баллада — под названием «Рождение Робин Гуда» («Robin Hood's Birth») — была опубликована в 1806 году в сборнике антиквара Роберта Джемисона (см.: Jamieson 1806/I: 44—48), услышавшего ее шестью годами ранее от шотландки Анны Браун (она же продиктовала ему и текст «Алой Розы и Белой Лилии»; подробнее об этом см. в преамбуле к указанному про-

изведению). Судя по некоторым характерным оборотам и грамматическим формам оригинала, эта баллада и в самом деле имеет шотландские корни. Однако то, что она была обнаружена уже после выхода нашумевшего сборника Дж. Ритсона (см.: Ritson 1810), во многом обусловило сомнения по поводу ее подлинно фольклорных истоков. И действительно: единственное, что позволяет связать ее с робин-гудовской легендой, — то, как зовут младенца: в одном из вариантов он назван просто Робином (впрочем, данное имя было достаточно популярно и само по себе), а в другом — Робин Гудом. Фр.-Дж. Чайлд же не включил «Вилли и дочь графа Ричарда» в цикл текстов о лесном разбойнике, мотивируя это тем, что «у Робин Гуда нет никаких романтических историй в старинных произведениях, хотя его имя втискивают в современные любовные баллады, наподобие “Дочери скорняка” (имеется в виду “Робин Гуд и дочь скорняка”. — *В.С.*)» (Child 1882–1898/II: 417).

Характерно, что история о Вилли и дочери графа Ричарда никогда не пользовалась особой популярностью и у других собирателей и исследователей. Главным образом, их смущала явная вторичность баллады: безымянный автор, очевидно, по примеру некоторых своих предшественников желал приписать лесному изгнаннику благородное происхождение, о котором нет речи в ранних текстах. Только в начале XX века это сочинение наконец было причислено к робин-гудовскому циклу, после того как вошло в «Оксфордский сборник баллад» (см.: Oxford 1910: 465–468).

Сюжет «Вилли и дочери графа Ричарда» характерен для романтических произведений: благородная девушка влюбляется в мужчину более низкого происхождения и беременеет от него. Несколько подобных историй вошли и в сборник Р. Джемисона, в том числе баллады «Вилли из Дутлас-Дэйла» («Willie O'Douglas Dale») и «Леди Элспет» («Lady Elspat»). Героиня первой из них также рожает в лесу ребенка, после чего благополучно воссоединяется со своим избранником; во второй повествуется о знатной девушке, влюбленной в молодого человека по прозвищу «милый Вильям» (*англ.* sweet William).

[1] *Мне снилось, будто дочь моя | В воде морской лежит.* — Этот трагический символ смерти далее не находит себе подтверждения. Однако в другом варианте произведения (источник его неизвестен), опубликованном в 1828 г. в сборнике шотландского фольклориста Питера Бьюкена (Peter Buchan; 1790–1854) «Старинные баллады и песни Северной Шотландии» (см.: Buchan 1828:

1–6), дочь графа Ричарда умирает, и отец находит ее мертвой в лесу, рядом с живым ребенком.

РОБИН ГУД И ДОЧЬ СКОРНЯКА

ROBIN HOOD AND THE TANNER'S DAUGHTER

Первым данную балладу включил в коллекцию Дж. Кольер, утверждавший, что списал ее, как и некоторые другие произведения, с дешевых популярных изданий середины XVII века, которые впоследствии затерялись. Впрочем, поскольку Кольер небезосновательно обвинялся в литературных фальсификациях (см. преамбулу к примечаниям к балладе «Робин Гуд и коробейники»), можно допустить, что это сочинение всё же принадлежит его собственному перу.

История о дочери скорняка также вошла в сборники Дж. Гатча (см.: Gutch 1847/II: 345) и Фр.-Дж. Чайлда (см.: Child 1882–1898/III: 109–111), который включил ее в свое собрание под номером 8C, как версию баллады «Эрлинтон» («Erlinton»): герой последней, увозя возлюбленную в лес, убивает всех преследователей — кроме одного, которого с вестями отпускает домой (см.: Ibid./I: 106–111).

[1] *Хоть нет овец в тени лесной...* — С развитием суконной промышленности в XV–XVI вв. и ростом цен на шерсть особое значение в Англии приобрело овцеводство, которое оказалось доходнее и проще, чем земледелие. Очевидно, слова «нет овец» служат красноречивой характеристикой бедного молодого человека, который вряд ли может быть сочтен подходящим женихом.

АЛАЯ РОЗА И БЕЛАЯ ЛИЛИЯ

ROSE THE RED AND WHITE LILY

Впервые это произведение было опубликовано в 1802 году Вальтером Скоттом в сборнике «Песни шотландской границы» (см.: Scott 1802: 60–72), а позже вошло в два собрания шотландских баллад (см.: Buchan 1828: 76–87; Kinloch 1827: 69–73).

Возможно, изначально этот довольно поздний текст, написанный во второй половине XVIII века, не имел никакого отношения к робин-гудовской традиции и был причислен к ней лишь благодаря совпадению имен. В двух вариантах «Алой Розы и Белой Лилии» упоминаются Робин Гуд, а также Маленький Джон и Виль Скарлет; в третьем предводитель лесных стрелков носит имя Смуглый Робин (*англ.* Brown Robin). Также в одной из версий встречается топоним Бернисдейл — но только как место жительства отца главных героинь.

В основу произведения легли популярные мотивы романтических баллад: рождение ребенка в лесу (см.: «Вилли и дочь графа Ричарда») и долгое неузнавание возлюбленной или возлюбленного в чужом костюме (см.: «Робин Гуд и дева Мэрион»). Развязка не вполне ясна; можно лишь предположить, что двое стрелков, с которыми в финале девушки вступают в брак, — это сыновья мачехи, сбежавшие в поисках пропавших подруг. В другом варианте Алая Роза и Белая Лилия идут под венец с Маленьким Джоном и Вилем Скарлетом, так или иначе вступая в мир робин-гудовской легенды.

[1] «*Из Файфшира мы, из города Анстер...* — Файфшир (ныне Файф) — крупная область на востоке Шотландии, на побережье Северного моря. Анстер — небольшой город в Файфшире, изначально рыбацкая деревушка.

[2] *Но вот однажды метать каменья | Стрелки на лужок пошли...* — Метание камней — традиционная шотландская народная забава.

[3] *Ведь это воистину стыд — | Оставить мужчину с женщиной вместе, | Когда она в муках родит.* — В средние века беременность и роды долгое время оставались «табу» даже для профессиональных медиков. Комнату роженицы наполняли исключительно женщины; мужчину призывали лишь в том случае, если требовалось хирургическое вмешательство (оно заключалось в кесаревом сечении — которое, впрочем, производилось достаточно редко — или в том, чтобы по частям извлечь из утробы мертвого ребенка). Во всех остальных случаях матери, будь она крестьянка, горожанка или дворянка, помогали повитухи, способные оказать помощь даже в довольно сложных случаях (например, они могли развернуть ребенка в утробе, придавая ему правильное положение). Родственницы и подруги роженицы также нередко находились рядом с ней, всячески ее поддерживая и ободряя. Супруг же в это время ожидал за дверью и мог лишь молиться о благополучном исходе.

АДАМ БЕЛЛ, КЛЕМ ИЗ КЛУ И ВИЛЬЯМ КЛАУДСЛИ

ADAM BELL, CLEM OF CLOUGH
AND WILLIAM CLOUDESLEY

В 1536 году два фрагмента данной баллады — строфы 113–128 и 161–170, повествующие о прибытии изгнанников к королю и о выстреле в яблоко, лежащее на голове ребенка, — были изданы в Лондоне Джоном Байделлом (John Bydell) под общим названием «Адамбел (*sic!*), Клем из Клу и Вильям Клаудсли» (см.: Byddell 1536). Еще один отрывок, также датирующийся XVI веком (без каких-либо выходных данных), был впоследствии обнаружен в собрании Дж. Кольера. Полностью это произведение (под тем же заглавием) опубликовал в Лондоне сначала неизвестный издатель, между 1548 и 1568 годами, а затем, в 1605 году, печатник Джеймс Робертс (James Roberts; 1564?–1606). В Издательском реестре баллада о трех стрелках упоминается дважды — в 1557 и 1558 годах. В XVII веке она вышла еще как минимум семь раз. Кроме того, уже под названием «Адам Белл, Клем из Клу и Вильям Клаудсли», эта история была включена в сборники Т. Перси (см.: Percy 1765/I: 129–160), Дж. Ритсона (см.: Ritson 1791: 5–30) и Фр.-Дж. Чайлда (под номером 116; см.: Child 1882–1898/III: 22–30).

Выдержав столько переизданий, баллада обрела настоящую популярность: об этом, в частности, свидетельствуют неоднократные упоминания одного из главных героев в произведениях современников, для которых имя Адама, по-видимому, стало метафорическим обозначением меткого стрелка. Так, шекспировский Бенедикт, герой пьесы «Много шума из ничего» («Much Ado About Nothing»; опубл. 1623), говорит: «If I do, hang me in a bottle like a cat and shoot at me, and he that hits me, let him be clapped on the shoulder and called Adam» — «Если я это сделаю, то повесьте меня в кувшине, как кошку, и стреляйте; и кто попадет в меня, потреплите его по плечу и назовите Адамом» (Act I, sc. 1, ls 231–233). В интересующем нас контексте данное имя упоминается и в трагедии «Ромео и Джульетта» («Romeo and Juliet»; опубл. 1597): «Young Adam Cupid, he that shot so trim» — «Юный Адам Купидон, который выстрелил так ловко» (Act II, sc. 1, ln 812). С большой долей уверенности можно сказать, что в обоих случаях речь идет именно об Адаме Белле.

Нетрудно заметить, что некоторые эпизоды «Адама Белла...» напоминают сюжетные перипетии историй о Робин Гуде. Действие в них также происходит в «зеленом лесу», герои добывают себе пропитание незаконной охотой, а Вильям Клаудсли избегает смерти во многом так же, как вожак вольных стрелков и его друг Виль в балладах «Робин Гуд и монах» и «Робин Гуд спасает Виля Статли» соответственно. Наконец, как и в данном произведении, в нескольких историях робин-гудовской традиции есть финальное примирение разбойников с королем (ср.: «Повесть о деяниях Робин Гуда», «Робин Гуд и королева Екатерина»). В этой связи многие исследователи даже рассматривали «Адама Белла...» как первоисточник баллад о «зеленом лесе». Что интересно, при всей своей популярности данное сочинение не образовало вокруг себя цикла, но тем не менее сходство с робин-гудовской легендой определенно способствовало его успеху.

Как и ранние тексты «Робин Гуд и монах» и «Робин Гуд и горшечник», баллада об отважной троице делится на три части. В первой повествуется о том, как Вильям отправляется в город и попадает в большую беду, во второй Адам и Клем спасают его прямо перед казнью, а в третьей все они примиряются с королем. Короткий энергичный зачин также роднит это произведение с «Робин Гудом и монахом», равно как дружеский совет не ходить в город, образы жестоких представителей власти и королевская печать, которой пользуются стрелки, чтобы проникнуть за ворота.

Если в ранних балладах о Робин Гуде, как правило, не упоминаются семьи лесных стрелков, то в «Адаме Белле...» в центре внимания оказывается история мужа и отца, разлученного с родными. Хотя после своего спасения семейство Вильяма играет в сюжете, скорее, декоративную роль, его жена и дети, тем не менее, остаются в поле зрения читателя до самого конца. Также, в отличие от ранних робин-гудовских баллад, на протяжении всего повествования важное место в нем занимают женщины. Вильям попадает в беду, потому что идет к жене; верная супруга поддерживает его, а старуха, которая кормится в их доме, предает; неожиданную помощь разбойники получают от великодушной королевы, напоминающей мужу об обещании, данном ей в день свадьбы, — исполнить любую ее просьбу.

Кульминационный момент баллады — демонстрация меткой стрельбы. Эта сцена, сама по себе весьма типичная для историй о «зеленом лесе», здесь обретает несколько неожиданный поворот: лучник стреляет не только в тонкий прут (см. примеч. 26 к балладе «Повесть о деяниях Робин Гуда»), но и в

яблоко, лежащее на голове ребенка. Впрочем, сцены испытаний, во время которых опасности подвергается чья-либо жизнь, достаточно часто встречаются в литературе северных народов. Так, в исландской саге о Дитрихе Бернском молодой Эгиль, чтобы доказать свою меткость, сбивает яблоко с головы трехлетнего сына и на вопрос, отчего он взял три стрелы, отвечает, что две предназначались бы для короля, если бы первым выстрелом он убил мальчика (см.: Saga 1887: 404). То же самое под страхом смерти проделывает и сакс Токо, воин короля Дании и Норвегии Харальда Синезубого (935?–986?; правил с 958? г.), причем он, как и Вильям Клаудсли, отворачивает лицо ребенка в сторону (см.: Keightley 1834: 293–294). Норвежский же властитель Харальд Суровый (1015?–1066; правил с 1046 г.) в тексте одной из хроник приказывает некоему Гемингру, который превосходит его во многих воинских умениях, сбить выстрелом орех с головы младшего брата; при этом Гемингр предлагает государю встать рядом с юношей (см.: Grammaticus 1980–1981: 172). Еще один норвежский король — Олаф II (995–1030; правил в 1015–1028 гг.), состязаясь с молодым воином Эйндриди, укрепляет на голове его четырехлетнего племянника шахматную фигурку и стреляет в нее. Олаф слегка ранит мальчика, и мать с сестрой уговаривают Эйндриди отказаться от дальнейших состязаний (см.: Grimm 1882: 381). Разумеется, история Вильгельма Телля продолжает ту же самую традицию — с той лишь разницей, что Телль стреляет не из лука, а из арбалета (см.: Bergier 1990: 80–81).

Впрочем, в «Адаме Белле...» Вильям Клаудсли вызывается выстрелить в яблоко, лежащее на голове сына, совершенно добровольно — в подтверждение своей меткости (тем не менее король, как и монархи в большинстве северных саг, угрожает ему смертью, если он не сдержит слова). Таким образом, здесь стрельба в опасную мишень — это, скорее, отголосок германо-скандинавских произведений, вероятно, известных автору баллады, нежели подлинно необходимый сюжетный ход. Волнение отца (или старшего родича), принужденного стрелять в ребенка, — вот что становится основным содержанием подобных эпизодов в других текстах, тогда как Клаудсли настолько хладнокровен, что сам вызывается пройти испытание.

Еще одна примечательная черта баллады — это закрытый финал. Большинство текстов о Робин Гуде заканчиваются тем, что разбойники возвращаются к прежнему образу жизни и восстанавливают хрупкий баланс сил. Некоторые же из оставшихся завершаются трагически (см.: «Повесть о деяниях Робин Гуда», «Смерть Робин Гуда», «Робин Гуд и отважный рыцарь»), и

лишь весьма немногие рисуют картины безбедного и безопасного существования (см.: «Робин Гуд и дева Мэрион», «Рождение, воспитание, подвиги и женитьба Робин Гуда»). На этом фоне бесконфликтный счастливый финал «Адама Белла...» кажется довольно нетипичным для баллад о «зеленом лесе». Вильям Клаудсли становится знатной особой, его друзья — личными слугами королевы, а сыну обещана карьера при дворе. В краткой концовке автор подводит итог, желая всем хорошим лучникам стрелять без промаха, и этот финал напрямую отсылает к эпизоду, наименее похожему на приключения Робин Гуда с их драками и незатейливыми хитростями, — к той сцене, когда Вильям, подобно эпическому герою, доказывает свою меткость и выдержку, стреляя в яблоко на голове сына.

Само возникновение истории о трех лесных героях из Камберленда*, по-видимому, уходит корнями в столь же глубокое прошлое, как и легенда о Робин Гуде. В 1432 году, при переписи населения графства Уилтшир, местные власти (видимо, в шутку) «добавили» к числу местных жителей нескольких знаменитых разбойников — Робин Гуда, Маленького Джона, Скейтлока, Мача, Рейнольда, а также Адама Белла, Клема из Клу и Вильяма Клаудсли. Очевидно, последние пользовались некоторой известностью за сто лет до издания баллады. Также стрелок по фамилии Белл (правда, с именем Алан — хотя не исключено, что это ошибка автора) упоминается и в комической поэме У. Данбара «Сэр Томас Норни», написанной около 1512 года.

Поиски возможных прототипов героев баллады, как и в случае с робингудовским циклом, ни к чему не привели, хотя некоторые исследователи всё же были склонны считать, что из трех стрелков как минимум Адам Белл являлся подлинным историческим лицом (см.: Hunter 1845: 245–247). Надо отметить, что, судя по различным документам, и фамилия «Белл», и имя «Адам» в XV–XVI веках были достаточно распространены. Так, в 1406 году Генрих IV (1366–1413; правил с 1399 г.) пожаловал некоему Адаму Беллу поместье Клипстон (Clipston), расположенное в Шервудском лесу; однако впоследствии этот Белл заключил союз с шотландцами, врагами короля, и спустя десять лет, уже при Генрихе V, Клипстон перешел в другие руки (см.: Ibid.: 245). Однако в балладе Адам и его друзья живут не в Шервуде, а в Инглисвуде (графство Камберленд). И если исторический Адам Белл поте-

* Камберленд — графство на севере Англии, со столицей в городе Карлайл; упразднено в 1974 г.

рял свои владения за измену, то герой баллады оказался вне закона за браконьерство, а также за нападение на королевских слуг, но, в конце концов, получив монаршее прощение, поступил на службу к королеве, поселился при дворе и умер честным человеком.

Повествование в «Адаме Белле, Клеме из Клу и Вильяме Клаудсли» идет энергично, действия героев снабжены логичными объяснениями. Рифмовка достаточно ровная, количество слабых рифм невелико. Это произведение, живое и драматичное, обладает лучшими признаками классических разбойничьих баллад.

[1] *Шериф тревогу объявил | И горожан собрал...* — См. примеч. 3 к балладе «Робин Гуд и монах».

[2] *Констеблей нет в живых, | А что до приставов — никто | Не уцелел из них. || И бидлы с бейлифами им | Отправлены вослед...* — Констебль — низший полицейский чин в городе или в деревне; пристав — должностное лицо, в чьи обязанности входило арестовывать неисправных должников; бидл — мелкий чиновник, исполнявший поручения городских властей, следивший за порядком в своем приходе и т. д.; бейлиф — ответственный за проведение в жизнь судебных решений.

[3] *За восемнадцать пенсов в день | Иди ко мне слугой.* — Названная сумма — чрезвычайно высокая плата для стрелка; в реальности такой воин получал бы в два-три раза меньше (см. преамбулу к примечаниям к балладе «Благородный рыбак, или Выбор Робин Гуда»).

[4] *Чашник* — должность при дворе короля или знатного феодала. Чашники (или виночерпии) прислуживали хозяевам дома и их гостям, разливая и поднося напитки. Эту обязанность могли выполнять мальчики-пажи, обучавшиеся хорошим манерам и правилам куртуазного поведения.

[5] *Сперва нам надо в Рим...* — Герои хотят совершить паломничество, стремясь получить отпущение грехов. Столь дальние и трудные путешествия (по собственному желанию, а иногда и по приговору суда) нередко предпринимались, чтобы «очистить душу» от особенно серьезного проступка. Впрочем, Рим упоминается только в одном, самом раннем, варианте баллады; во всех позднейших изданиях говорится: «Мы сходим к какому-нибудь епископу» (*среднеангл.* — «To some bishop we will wende»). Данная правка — несомненно, результат влияния английской Реформации, с ее резким отказом от католического наследия.

ПОВЕСТЬ О ГЕЙМЛИНЕ

TALE OF GAMELYN

«Повесть о Геймлине» сохранилась в двадцати пяти списках, по большей части представляющих собой рукописные сборники художественных произведений, принадлежавших частным лицам. Это дает некоторое представление о популярности данной баллады; для сравнения: другое известное средневековое произведение, роман «Бевис Хэмптонский» («Bevis of Hampton»), написанный в 1320-е годы, сохранился лишь в восьми копиях.

Первое издание «Повести о Геймлине» пришлось на 1884 год, когда ее текст был опубликован по так называемой рукописи Харли (см.: Gamelyn 1884), владельцами которой были два оксфордских графа, Роберт и Эдвард Харли (Robert Harley; 1661—1724; Edward Harley; 1689—1741); ныне она хранится в Британском музее. Спустя десять лет баллада вышла в качестве приложения к «Полному собранию сочинений Джеффри Чосера» (см.: Chaucer 1894), поскольку поэт включил ее в число черновых материалов для «Кентерберийских рассказов», возможно, намереваясь сделать ее вторым рассказом Повара. Последнее также подтверждает ее широкую известность.

Происхождение «Повести о Геймлине» во многом остается загадкой. По этому поводу у исследователей существуют различные мнения: некоторые ученые, например, считают, что это произведение имеет англо-французские корни (см.: Gamelyn 1884: 7) или что оно было создано на основе биографии Фалка Фицуорена (см.: Prideaux 1886: 421—424), хотя сюжетных совпадений с соответствующей историей у «Повести...» очень мало. Комментаторы пытались провести параллели между деяниями Геймлина и других благородных героев, также отличавшихся мужеством и силой (Хэвлок Датский, Ательстан, король Горн), но, в отличие от них, Геймлин не принадлежал к королевскому роду, и потому баллада о нем стоит гораздо ближе к произведениям, которые можно условно назвать «историями о мятежниках», таким как поэма XII века «Рауль де Камбре» («Raoul de Cambrai»), «История Фалка Фицуорена» и «Песнь о битве при Льюисе» («The Song of Lewes»), написанная в 1260-е годы.

Что касается жанровой принадлежности, то исследователи называют «Повесть о Геймлине» и «длинной балладой», и «романом», и «эпической повестью» (см.: Gamelyn 1884: 7; Pearsall 1965: 111; Schmidt, Jacobs 1980: 1—7;

Kaeuper 1983: 51). Впрочем, отсутствие традиционных для средневекового романа черт — рыцарских подвигов и романтической линии — делает это произведение, скорее, «миниатюрным эпосом», наподобие «Повести о деяниях Робин Гуда» и длинных баллад XVI века — «Охоты в Чевиотских холмах» («Chevy Chase»), «Адама Белла, Клема из Клу и Вильяма Клаудсли», «Битвы при Оттерборне» («The Battle of Otterburn») и др. Некоторые комментаторы, отмечая многочисленные текстовые переклички с подлинной судебной практикой эпохи Средневековья, предположили, что в основе сюжета лежат реальные исторические события (подробнее об этом см.: Romances 1966: 154–181; Kaeuper 1988: 51–62; Scattergood 1994). Однако в «Повести о Геймлине» очевиден и фольклорный сюжет — о злоключениях несправедливо обиженного младшего отпрыска (ср., например, сказки из собрания братьев Гримм: «Три перышка», «Золотая птица», «Золотой гусь»).

Время создания произведения установлено достаточно точно: после нескольких попыток датировать его (на основании описанных в тексте событий и социальных структур) тринадцатым столетием или началом четырнадцатого, исследователи, основываясь на языке и стиле баллады, пришли к выводу, что она возникла в середине либо во второй половине XIV века (см.: Keen 1961b: 78; Dunn 1967: 17–37; Holt 1989: 71). При этом обнаруживаются в «Повести...» и темы, весьма актуальные для предшествующих десятилетий: неразрывное единство хозяина и земли, борьба за наследство, справедливое или несправедливое распределение имущества. До эпидемии чумы 1348 года Англия ощутимо страдала от перенаселения и малоземелья, а потому вопросы наследования нередко обретали крайнюю остроту.

Судя по некоторым диалектным особенностям, «Повесть о Геймлине» была создана в северной части Мидлендса*, возможно, в Ноттингемшире. Таким образом, лес, в который уходит Геймлин, — это, скорее всего, Шервуд. Впрочем, географических названий в самом тексте нет, а родовое имя Геймлина — Баунд (*среднеангл.* Boundys) — означает всего лишь «границу». Иными словами, отец Геймлина, Джон Баунд, буквально: «Джон с Границы».

На какую аудиторию была ориентирована «Повесть...», доподлинно неизвестно. Сочинение это достаточно просто по форме, и можно предполо-

* Мидлендс — регион, охватывающий центральную часть Англии; включает в себя графства Вустершир, Дербишир, Лестершир, Линкольншир, Нортгемптоншир, Ноттингемшир, Ратленд, Стаффордшир, Уорикшир, Херефордшир и Шропшир.

жить, что его создатель обращался в первую очередь к простонародью и, вероятно, нижнему слою сельского дворянства. Однако всё же было бы ошибкой сказать, что данная баллада предназначалась для какого-то конкретного сословия, ведь в ней представлен довольно широкий социальный «срез». В «Повести...» переплетаются интересы и несправедливо обезземеленного дворянина (Геймлин), и изгнанника (главарь разбойников), и слуги (эконом Адам), и, наконец, сервов, которые терпят притеснения со стороны бесчестного брата. Это довольно размытая социальная среда, состоящая из мелких землевладельцев, крестьян, рыцарей и слуг. «Не закреплен» и сам Геймлин — с одной стороны, это хороший сеньор, заботливый и рачительный хозяин, который платит добром за верную службу, а с другой — пародия на могучего, но не слишком сообразительного представителя среднего класса, который предпочитает решать все проблемы с помощью кулака и дубины.

«Повесть о Геймлине» написана неровным метром; в ней встречаются восьми-, семи-, шести- и пятистопные строки*, местами напоминающие традиционные балладные стихи, а местами — аллитерационные, хотя никакой регулярной аллитерации в произведении нет. Впрочем, компромисс между аллитерационным и рифмованным стихом — вовсе не редкое явление для поэзии XIV века. Рифма в балладе достаточно точная; каждая мысль, как правило, выражена законченным «блоком» из двух или четырех строк. Художественные образы довольно шаблонны, в целом характерны для народной лироэпики (например, встречаются клише «легок как ветер», «как лев разъяренный»), и практически всё, что в художественно-выразительном смысле есть в тексте оригинального, сосредоточено в сцене побоища, когда Геймлин и Адам мстят гостям-священникам. Главный герой «кропит» их и «отпускает грехи» дубиной — и этот мрачный юмор вполне в духе средневековой героической поэзии. В ее же стиле и некоторая недосказанность, обрыв логических связей. Отчего у Геймлина, судя по тексту, уходит целых шестнадцать лет, чтобы осознать бедственность своего положения? Отчего брат внезапно отказывается впустить его, когда тот победителем возвращается с состязания борцов? Почему Адам не освобождает Геймлина сразу же и предпочитает дожидаться пира? Наконец, почему в финале баллады герой

* О вариативном метре «Повести о Геймлине» писали многие исследователи, затрудняясь дать ему точное определение. Тем не менее, принято считать, что баллада написана семистопным стихом (см.: Romances 1966: 154—181).

отступает от изначального плана — вернуть себе то, что полагалось ему по завещанию, — и соглашается стать наследником сэра Ота? Судя по всему, автор произведения не считал эти вопросы важными.

«Повесть о Геймлине» представляет собой цепь драматических столкновений, объединенных ведущей идеей — восстановлением справедливости. Юный герой грозит брату кухонным пестом, а впоследствии с особым удовольствием расправляется с бессердечными гостями; Геймлин и Адам колотят людей шерифа, пытающихся их арестовать; наконец, Геймлин является в суд, чтобы наказать судью и повесить присяжных. Таким образом, результатом столкновения «правых» и «неправых» всякий раз становится сцена активного, порой даже чрезмерно жестокого, противления злу. Это суровое правосудие оправдано тем, что Геймлин не получает ответа на свои изустные просьбы, а местные чиновники и помогающие им люди оказываются корыстными и продажными; поэтому единственным средством противостоять им становится «честная» физическая сила.

Если в рыцарских романах герой, незаконно лишенный наследства, в финале нередко одерживает верх при помощи сверхъестественных сил*, то Геймлин получает помощь от вполне реальных, минимально романтизированных разбойников. Сам же он, будучи номинально разбойником и изгоем, в свою очередь спасает честного рыцаря (сэра Ота) из рук бесчестного. Что характерно, завещание старого сэра Джона так и остается невыполненным: Геймлин, совершив множество подвигов, скромно возвращается в лоно семьи, как только ее главой становится достойный человек. Таким образом, принцип первородства остается ненарушенным. Семья, честь, сила и закон — вот главные добродетели «Повести...», и все они торжествуют в финале, когда король, признав заслуги главного героя, делает его смотрителем лесов, чтобы отныне удивительная сила Геймлина оказалась направлена на службу обществу.

---

* Например, в романе «Гавелок Датский» («Havelok the Dane»; 1280–1290-е годы) главный герой, являясь законным наследником трона, растет в крестьянской семье; когда он становится взрослым, однажды ночью его жена видит исходящий от него свет и слышит голос ангела, рассказывающего ей о подлинном происхождении мужа. В «Романе о Силенсе» («Le Roman de Silence», пер. пол. XIII в.) встреча героини с волшебником способствует отмене несправедливого указа, не позволяющего женщинам становиться наследницами.

Несмотря на некоторые сюжетные переклички данного произведения с робин-гудовскими балладами, Геймлин сильно отличается от Робин Гуда. Во-первых, он принадлежит к джентри, а не к йоменскому сословию; во-вторых, борется за законное наследство, вместо того чтобы «осваивать» обширные лесные угодья; в-третьих, предпочитает решать вопросы не хитростью, а силой. Однако легенда о лесном разбойнике всё же родственна истории Геймлина. Последний тоже скрывается в зеленом лесу и делает то, что считает правильным и справедливым, а его верный друг Адам сродни Маленькому Джону. Таким образом, можно сказать, что «Повесть о Геймлине» служит связующим звеном между ранними, напоминающими рыцарские романы, произведениями об изгнанниках и разбойниках (например, о Юстасе Монахе и Фалке Фицуорене) и простонародными балладами о лесных стрелках — Робин Гуде и Адаме Белле с его друзьями.

[1] *И теперь порешил: «Что имею, раздам | Перед смертью, как дóлжно, своим сыновьям».* — Наследование недвижимого имущества в средневековой Англии подчинялось так называемому принципу майората: земельный надел полностью доставался старшему сыну. Если тот умирал раньше оглашения завещания — то его потомству; при отсутствии же у него детей мужского пола — следующему по старшинству сыну. Назначение младшего прямым наследником было возможно в том случае, если старший по каким-либо причинам утрачивал права на отцовское имущество (например, становился объявленным вне закона преступником).

[2] *Не оставив для Геймлина ярда земли, | Весь надел поделили они пополам...* — Возможно, таким образом друзья сэра Джона решили достичь компромисса между желанием умирающего (разделить надел на три части) и собственным, вполне традиционным, стремлением передать всю землю в одни руки.

[3] *«Кровь Господня! — воскликнул немедленно он.* — В оригинале сэр Джон клянется св. Мартином Турским (он же Мартин Милостивый; 316?–397). Неудивительно, что, ведя речь о справедливом разделе имущества, старый рыцарь обращается именно к нему: согласно житию святого, однажды зимой Мартин разорвал свой плащ и отдал половину нагому нищему.

[4] *Запашка* — единица измерения площади земли в средневековой Англии; одна запашка соответствовала такому участку, который было возможно

вспахать на восьми быках в течение сельскохозяйственного сезона (около 120 акров, или 48,5 га).

[5] *Гладя бороду, Геймлин однажды стоял...* — Скорее всего, борода упоминается здесь, дабы подчеркнуть, что герой уже достиг зрелости. Ниже в тексте баллады говорится, что брат неправедно распоряжался имуществом Геймлина в течение шестнадцати лет, прежде чем тот вырос; видимо, на момент смерти отца Геймлин был еще маленьким.

[6] *Брат на это ответил: «Вот истинный крест...* — В оригинале герой клянется неким святым Ричардом. Вероятно, имеется в виду св. Ричард Чичестерский (1197—1253), который вполне мог служить символом самоотверженной братской любви. Он был младшим сыном в семье джентри; после смерти родителей его старший брат еще не достиг совершеннолетия, поэтому имение перешло под королевскую опеку. Вступив наконец во владение землей, брат оказался вынужден заплатить такой большой налог на наследство*, что семья оказалась на грани нищеты. Стремясь поправить дела, Ричард несколько лет проработал в поле и на скотном дворе; в благодарность родственники подыскали ему богатую невесту, однако юноша отказался от брака, предложив жениться на этой девушке своему брату, а сам отправился учиться в Оксфорд.

[7] *Вот борцы на лужайку собрались гурьбой: | Им барана и перстень сулят золотой.* — См. примеч. 17 к балладе «Повесть о деяниях Робин Гуда».

[8] *Франклин* — свободный землевладелец недворянского происхождения. По своему статусу он ниже рыцаря, и потому Геймлин выказывает великодушие, помогая ему. Здесь прослеживается некоторое сходство с эпизодом «Деяний», в котором рыцарь сэр Ричард Ли выручает йомена, попавшего в беду после состязаний.

[9] *Крикнул франклин, лишившийся двух сыновей...* — Здесь, говоря о франклине, автор употребляет сочетание «that had the sones there» (*среднеангл.* — букв.: «у которого там были сыновья»). Данную фразу можно трактовать по-разному: и как «чьи сыновья участвовали в состязаниях», и как «чьи сыновья были там, рядом с ним». Таким образом, не вполне ясно, что произошло с молодыми людьми; сначала франклин оплакивает их как убитых, но после

---

* Этот налог выплачивался наследником за право владеть или пользоваться землей, полученной от отца. Арендаторы — крестьяне и мелкие фермеры-йомены — платили лорду-землевладельцу, а рыцари — своему сеньору, которым иногда являлся король.

состязания как будто воссоединяется с ними. Возможно, поначалу мужчина попросту боится, что его дети, столкнувшись с превосходящим соперником, могут погибнуть (несчастные случаи во время борцовских схваток случались нередко). Отчасти это напоминает полную недомолвок историю о сыне сэра Ричарда Ли (см. примеч. 9 к балладе «Повесть о деяниях Робин Гуда»).

[10] *После пира, как воду для рук подадут...* — См. примеч. 6 к балладе «Повесть о деяниях Робин Гуда».

[11] «*Вне закона наш лорд, вроде волка он стал*». — «Отныне на нем волчья голова» (*лат.* «caput gerat lupinum») — такова была официальная формулировка объявления вне закона (см.: Brackton 1968: 362). Поскольку правосудие не защищало беглого преступника, любой законопослушный гражданин мог убить его как дикого зверя. За голову изгоя нередко объявлялась награда в 3—5 шиллингов (см. примеч. 8 к балладе «Повесть о деяниях Робин Гуда»), как за голову убитого волка*.

[12] *Суд в условленный день соберется опять, | И пред ним будет Геймлин себя защищать*». — Как правило, суд графства собирался четыре раза в год. Сессии были приурочены к так называемым «квартальным дням»: 25 марта — Благовещение, 24 июня — День памяти св. Иоанна Предтечи, 29 сентября — Михайлов день, 25 декабря — Рождество. Члены суда рассматривали дела заключенных, содержащихся в тюрьме в ожидании слушания, а также принимали жалобы. Это была непростая обязанность, поскольку обращения в суд, особенно по вопросам землевладения и наследования, случались весьма часто. Кроме того, именно на этих сессиях обычно происходило расследование крупных уголовных дел, связанных с браконьерством, грабежами и убийствами.

[13] *Чтобы суд был неправым, присяжным платил.* — Одной из примет последних годов правления Эдуарда III (1327—1377 гг.) были громкие коррупционные скандалы. Обвинения звучали в адрес наиболее влиятельных членов парламента — королевского лорда-камергера Уильяма Лэтимера (William Latimer; 1330—1381) и смотрителя монетного двора Ричарда Лайонса (Richard Lyons; 1310—1381), которые брали взятки и пускались в незаконные финансовые авантюры. Вдобавок возлюбленная Эдуарда, Элис Перрерс (Alice Perrers; 1348—1400), в качестве подарков от короля получала не только

* В средневековой Англии, поросшей густыми лесами, волков было множество, и в XI—XV вв. их разрешалось истреблять безнаказанно и в любом количестве.

драгоценности, но и недвижимость, что вызывало повсеместное недовольство. В 1376 г. парламент попытался положить конец порочной практике: Лэтимера и Лайонса арестовали, а Перрерс изгнали из Англии, конфисковав все ее земли. Но меньше чем через год решение парламента было аннулировано королем, и оба бывших чиновника вновь заняли прежние посты. Однако ненависть к Лайонсу в народе была столь велика, что во время восстания Уота Тайлера (см. примеч. 31 к балладе «Повесть о деяниях Робин Гуда») мятежники схватили его в Лондоне и обезглавили.

ИГРЫ

РОБИН ГУД И ШЕРИФ НОТТИНГЕМСКИЙ

ROBYN HOD
AND THE SHRYFF OFF NOTYNGHAM

В XV–XVI веках Робин Гуд был известен в Англии не только как главный герой многочисленных баллад, но и как персонаж разнообразных драматических представлений — так называемых «игр» (*англ.* plays) — театрализованных танцев, костюмированных процессий и тому подобных мероприятий, о которых в основном остались лишь отдельные упоминания в светских и церковных хрониках. Не будет преувеличением сказать, что эти театрализованные действа, в которых перед зрителями представал Робин Гуд со своими друзьями и где зачастую, как и в балладах, вышучивались представители власти, пользовались в английской провинции исключительной популярностью. Нередко «игры» завершались общим пиром и представляли для зрителей нечто вроде социально приемлемой «отдушины» — возможности безнаказанно посмеяться над сильными мира сего.

Сведений о народных пьесах, а тем более самих произведений, сохранилось совсем немного — в первую очередь потому, что они редко фиксировались и публиковались. Только в XX веке архивисты и историки начали собирать разрозненные записи, а также систематически отмечать упоминания о непрофессиональных театральных постановках в Англии эпохи Возрождения и раннего Нового времени.

Хотя первые из известных нам пьес о Робин Гуде ставились в Эксетере в 1426–1427 годах (см.: Redford 1935: 367), самый ранний из сохранившихся текстов — драматический фрагмент объемом в двадцать одну строфу, получивший название «Робин Гуд и шериф Ноттингемский», — дошел до наших дней в рукописи, созданной лишь полвека спустя (ныне она хранится в библиотеке Тринити-колледжа в Кембридже). Он был записан на обороте листа, где в 1475–1476 годах велся учет доходов некоего Джона Стерндейла. Исследователи связывают данный фрагмент с историей норфолкского семейства Пастонов (см.: Rymes 1976: 203–207), оставившим многотомную переписку по самым разным бытовым, юридическим и тому подобным вопросам (см.: Paston 1965). В одном из писем, датированном апрелем 1473 года, глава семейства сэр Джон Пастон жалуется, что от него ушел эконом, «который в этом году играл св. Георгия, а также Робин Гуда и шерифа Ноттингемского» (Ibid.: 185). Не исключено, что данное драматическое произведение и есть то, которое ставилось в семье Пастонов (роли, по-видимому, исполняли слуги).

Дошедшие до нас записи пьесы выглядят необычно: в них нет деления на реплики и сцены, отсутствуют и ремарки (разбивку впоследствии делали комментаторы). Возможно, текст представлял собой, скорее, основу для импровизации, нежели завершенный сценарий. Хотя в связи с этим в пьесе есть некоторые неудобопонятные места, за сменой действий и обстановки следить достаточно легко, особенно в первом эпизоде. Упоминания «тени лесной» и «темницы» дают понять, что события происходят в двух локусах — лесу и городе, причем, вероятно, и то и другое изображалось весьма условно.

Важную роль в данной пьесе играют непосредственно действия — состязание в стрельбе, бросание камней и деревянной оси, борьба и, конечно, яростный бой на мечах. Диалоги же в ней только оттеняют происходящее. Героический поединок с врагом в первой сцене и общая стычка в финале второй роднят «Робин Гуда и шерифа Ноттингемского» с другими популярными образцами народной драмы XV века — в частности, с сюжетом о св. Георгии, убивающем дракона, и пьесами, в которых комически изображалось произошедшее в 1002 году побоище между саксами и датчанами*.

---

* Пьесы о событиях 1002 г. разыгрывались в понедельник и вторник второй недели после Пасхи и носили название «Hocktide plays» (словом «hocktide» именуются указанные дни).

Сюжет первой сцены «Робин Гуда и шерифа Ноттингемского» довольно прост: безымянный рыцарь вызывается изловить лесного стрелка, а шериф обещает ему в случае поимки большую награду. Рыцарь обнаруживает разбойника в лесу под деревом и предлагает посостязаться в стрельбе; Робин соглашается и побеждает, расколов мишень надвое. Затем они соревнуются в бросании камней и деревянной оси от телеги, а также в борьбе. Рыцарь швыряет Робина наземь, и тот трубит в рог, призывая на помощь друзей, после чего вступает с противником в смертельный бой, убивает его, отсекает трупу голову и меняется с ним одеждой. В начале второй сцены двое безымянных разбойников приветствуют друг друга, и один из них рассказывает, что Робин и его стрелки попали к шерифу в плен, хотя это отнюдь не следует логически из событий первой сцены. Судя по всему, Робина, переодетого рыцарем, опознали и схватили, а стало быть, в пьесе, вероятно, пропущен фрагмент. Далее разбойники видят брата Тука, который в одиночку сражается с людьми шерифа; в конце концов всех троих окружают солдаты и принуждают сдаться. Когда пленников подводят к воротам тюрьмы, шериф приказывает тем, «кто бил оленей короля» — очевидно, Робин Гуду и его соратникам, которые находятся внутри, — приготовиться к казни. Однако когда ворота открываются, арестанты нападают на шерифа, освобождают друзей и спасаются бегством.

Первая сцена кажется чуть более связной, нежели вторая. Судя по обращениям в оригинале — «сэр шериф», «Робин Гуд», «сэр рыцарь» — в ней участвовало не менее трех персонажей. Возможно, в финале появлялись и другие лесные стрелки, которые откликались на сигнал рога. Свои основные действия герои четко обозначают сами: «бросим камень», «затрублю я в рог», «голову снесу». Во второй же сцене уже не так ясно, кто говорит и действует, хотя можно сделать вывод, что количество персонажей увеличилось — теперь их стало как минимум семь (двое разбойников, отец Тук, шериф, его помощники и, наконец, Робин Гуд).

Как видно, у пьесы есть некоторое сходство с балладой «Робин Гуд и Гай Гисборн»: шериф нанимает убийцу, противники состязаются в стрельбе, а затем сходятся в бою на мечах, и Робин выигрывает схватку. Следом он отрезает голову погибшего врага и забирает его одежду. Однако вопрос о том, какое из двух произведений было создано раньше, остается открытым.

Примечательно, что в пьесе XV века фигурирует брат Тук — и это первое упоминание разбойного священника в цикле о «зеленом лесе». В ранних

балладах, таких как «Робин Гуд и монах», «Робин Гуд и горшечник» и «Деяния», в числе вольных стрелков, помимо Робина, называется еще несколько человек: Маленький Джон, Виль, Мач, Рейнольд и Гилберт, но никакого брата Тука среди них нет. Последнее подтверждается и тем, что в «Робин Гуде и монахе» главный герой вынужден идти на мессу в Ноттингем — а значит, среди его друзей священнослужителя не было. Следовательно, подобно деве Мэрион, брат Тук вошел в сферу робин-гудовских баллад достаточно поздно (см. также преамбулы к примечаниям к балладам «Робин Гуд и куцый монах» и «Робин Гуд и дева Мэрион»).

Несмотря на популярность среди простонародья, пьесы о Робин Гуде встречали неоднозначный отклик у людей рангом выше. Так, в 1540 году советник Генриха VIII Ричард Моррисон (Richard Morrison; 1513?—1556) жестко осудил «непристойность и грубость, которые изображаются в этих “играх”; их герои учат противиться королевским чиновникам и отнимают у шерифа Ноттингемского тех, кого за преступления против закона следовало бы казнить» (цит. по: Anglo 1957: 179). Бывали случаи, когда представления пьес о Робин Гуде даже заканчивались общественными беспорядками; однако документы либо умалчивают об их причинах, либо дают понять, что беспорядки являлись, скорее, результатом вмешательства властей в народные увеселения, нежели следствием того, что видели зрители.

[1] *Башку же суну в капюшон.* — Средневековый капюшон, или худ (от *англ.* hood — «капюшон», «капор»), представлял собой отдельный предмет одежды, надевавшийся на плечи и не крепившийся к куртке.

РОБИН ГУД И КУЦЫЙ МОНАХ, А ТАКЖЕ РОБИН ГУД И ГОРШЕЧНИК

ROBIN HOOD AND THE CURTAL FRIAR AND ROBIN HOOD AND THE POTTER

Эти два драматических фрагмента сохранились благодаря тому, что лондонский печатник Уильям Копленд выпустил их в качестве приложения к «Деяниям», опубликованных под заглавием «Веселая повесть о Робин Гуде и

его жизни, с приложением новой пьесы, подходящей для Майских игр, очень приятной и полной веселья» (см.: Copland 1560?). Возможно, тогда же данные отрывки вышли и в виде отдельных публикаций — ведь в 1560 году Копленд внес в Издательский реестр некую «пьесу о Робин Гуде» (не исключено, впрочем, что она была написана им самим).

Первый из фрагментов — это хорошо известный сюжет о стычке лесного стрелка с могучим монахом (ср.: «Робин Гуд и куцый монах»), с той разницей, что после примирения Робин предлагает брату Туку в качестве вознаграждения «даму». Второй представляет собой еще одну вариацию темы «Робин Гуд встречает достойного противника», и на сей раз главный герой сталкивается с горшечником, который отказывается платить за проезд через лес (ср.: «Робин Гуд и горшечник»).

В отличие от «Робин Гуда и шерифа Ноттингемского», никаких сведений о возможных меценатах и постановщиках данных пьес обнаружить не удалось. В предисловии к своему изданию У. Копленд указал, что они предназначались для исполнения во время Майских игр.

Эти празднества оказались достаточно рано связаны с образом Робин Гуда. Их кульминацией становились выборы Майских короля и королевы («лорда» и «леди»)*, которые председательствовали на различных увеселениях, будь то танцы вокруг Майского шеста, торжественные шествия, прогулки по лесу или спортивные состязания, в том числе борьба и стрельба из лука. К концу пятнадцатого столетия за «лордом» уже утвердилось имя «Робин Гуд», а за «леди» — «Мэрион». Легендарный английский стрелок, изначально связанный с миром природы и славившийся силой и отвагой, идеально подходил на роль Майского короля, хотя вовсе и не обязательно полностью вытеснял этот архаичный образ. Например, в городе Уэллсе (Wells) в 1607 году Майский король возглавлял процессию, которая включала Робин Гуда и его «веселых молодцов» в числе прочих праздничных персонажей. Спутники «майского Робина», игравшие на дудках, тамбуринах и барабанах,

* В архаической народной традиции Майский король (также его называли Летним лордом, Майским лордом, Лордом беспорядков) и Майская королева — персонажи, олицетворяющие природу и плодородие. Майским королем, как правило, становился победитель ритуальных состязаний (кулачных боев, скачек и т. д.), Майскую королеву выбирали из числа самых красивых местных девушек; после этого праздновалась Майская свадьба, символизирующая извечное обновление природы.

разумеется, стали называться братом Туком, Маленьким Джоном и другими именами вольных стрелков. Так, в шотландском городе Эбердине (Aberdeen) в указе от 1508 года было официально объявлено, что традиционную праздничную процессию возглавят «Робин Гуд и Маленький Джон», также известные как «аббат и приор Доброго согласия» (цит. по: Mills 1983: 135). Колоритные лесные стрелки, хорошо известные своими приключениями, придавали Майским играм дополнительную яркость.

Скорее всего, представления пьес о Робин Гуде, как и большинство событий Майских игр, проходили на свежем воздухе. Сцену с участием брата Тука, возможно, играли рядом с рекой или ручьем, и монах, неся на спине Робина, на самом деле сбрасывал его в воду. В приходских документах зачастую указывался реквизит, требовавшийся для этих любительских постановок; например, в них упоминается куртка, перчатки и башмаки, а также небольшое количество прочих элементов костюма и вооружения. Таким образом, актеры обходились лишь самыми необходимыми вещами (подробнее об этом см.: Ibid.: 122–151).

Если пьесы «Робин Гуд и куцый монах» и «Робин Гуд и горшечник» игрались вместе, то для постановки их требовалось как минимум семь актеров (вероятно, роль девы Мэрион исполнял переодетый мужчина). Перед зрителями вполне могли появиться и собаки, с которыми охотился монах: настоящие животные не были такой уж редкостью в представлениях того времени. Однако Катт и Боуз, которые нападают на Робина в пьесе, видимо, всё же люди, поскольку, судя по словам Тука, они вооружены дубинками.

Фрагмент «Робин Гуд и куцый монах» предшествует соответствующей балладе примерно на сто лет. Вероятно, история о лихом монахе-полуразбойнике существовала задолго до того, как оформилась в балладу, поскольку Тук упоминается также и в «Робин Гуде и шерифе Ноттингемском», а сатирические нотки в пьесе заставляют вспомнить чосеровское описание брата Губерта:*

Он в капюшоне для своих подружек
Хранил булавок пачки, ниток, кружев.
Был влюбчив, говорлив и беззаботен.

* Это несомненная перекличка двух «параллельных» образов. Вообще изображение малопочтенных монахов было характерно для низовой, народной литературы.

Умел он петь и побренчать на роте*.
Никто не пел тех песен веселей.
Был телом пухл он, лилии белей,
А впрочем, был силач, драчун изрядный,
Любил пиров церемониал парадный,
Трактирщиков веселых и служанок
И разбитных, дебелых содержанок.

Чосер 2012: 13.
Пер. И.А. Кашкина

Разгульные монахи встречались и в протестантских балладах и пьесах XVI–XVII веков, где они нередко изображались прожорливыми, хвастливыми и развратными. Например, в балладе «Монах в колодце» («The Friar in the Well»; ок. 1580) священнослужитель желает совратить юную особу, в балладе «Изобретательная лондонская девушка, или Монах, получивший по заслугам» («The Crafty Miss of London, or The Fryar Well Fitted»; ок. 1600) он пляшет вместе со своей дамой, раздевшись донага, а в «Хитром священнике» («The Cunning Clerk»; ок. 1560) пробирается в дом к возлюбленной через крышу и пугает ее мать. Следует отметить, что в своем издании Фр.-Дж. Чайлд опустил малопристойную речь брата Тука в финале, тем самым несколько смягчив антиклерикальное звучание пьесы и общий карнавальный тон Майских игр, с их пренебрежением к приличиям и условностям (см.: Child 1882–1898/III: 127–128).

Баллада «Робин Гуд и горшечник», напротив, судя по языку и стилю, была написана раньше, чем соответствующий драматический фрагмент. Возможно, в данном случае лироэпическое произведение переработали для сцены. На это указывает тот факт, что некоторые эпизоды в обоих текстах практически дословно совпадают.

[1] *Майские игры.* – См. преамбулу к примечаниям к балладе «Робин Гуд и куцый монах», а также к наст. пьесе.

[2] *Deus hic*! – Знание братом Туком латыни весьма спорно. Скорее всего, данная фраза представляет собой искаженное «hæc dicit Dominus Deus»

* Рота – средневековый струнный инструмент, на котором играли лукообразным смычком; предок современной скрипки.

(*лат.* — «так сказал Господь»). Те же самые слова, правда в другом порядке («Hic Deus!»), произносит и монах-сборщик в «Рассказе Пристава Церковного суда» из «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера (см.: Чосер 2012: 201).

[3] *Храни Господь всех вас, друзья!* — В данном случае актер обращается к зрителям. Этот прием был характерной чертой народного театра; иногда персонажи даже проходили через собравшуюся толпу, как бы вовлекая людей в происходящее.

[4] *Кендалское сукно* — зеленая ткань, производившаяся в городе Кендал, на северо-западе Англии. Там, как и в Линкольне, было множество мануфактур, занимавшихся обработкой шерсти.

[5] *Эй, Катт и Бауз!* — См. преамбулу к примечаниям к наст. пьесе.

ХРОНИКИ

ЖИЗНЬ РОБИН ГУДА

LYFFE OF ROBYN HOD

Это произведение — самая ранняя прозаическая версия биографии Робин Гуда. Оно было обнаружено в анонимной рукописи, входящей в состав собрания сэра Ганса Слоана, английского медика, натуралиста, члена Лондонского королевского общества*. С этим манускриптом Дж. Ритсон познакомился в Британском музее и использовал «Жизнь Робин Гуда» в качестве введения к первому изданию своего сборника, вышедшего в 1795 году (см.: Ritson 1777/I: I–XIV). Судя по всему, повествование о лесном стрелке в Слоанской рукописи — это история, заимствованная из более раннего источника, созданного до того, как авторы эпохи королевы Елизаветы I (1533–1603; правила с 1558 г.) начали «облагораживать» Робин Гуда, делая его графом Хантингтоном.

«Жизнь Робин Гуда», предположительно, была написана на рубеже XVI и XVII веков. По сути, ее содержание представляет собой пересказ «Дея-

* В его обширной коллекции были также редкие книги, растения, животные, старинные монеты и прочие редкости.

ний», с незначительными добавлениями, вероятно почерпнутыми из других баллад, а также хроник и пьес. Несомненная новизна данного произведения заключается лишь в том, что в нем впервые упомянуто место рождения лесного стрелка — Локсли. Возможно, под этим топонимом подразумевается некий вполне реальный населенный пункт: в тексте дается указание на два графства, но городок под названием Локсли, насколько нам известно, существовал лишь в одном из них, а именно в Йоркшире. Однако в 1863 году антиквар и драматург Джеймс Робинсон Планше (James Robinson Planché; 1796–1880) опубликовал статью «Прогулка с Робин Гудом» («A Ramble with Robin Hood»), в которой заявил, что Локсли — это деревушка в графстве Уорикшир; свою версию Планше аргументировал так: одним из имен, которым наделяли Робин Гуда позднейшие авторы, в том числе Э. Мандэй, было Роберт Фицут (Robert Fitzooth); а в уорикширском Локсли в период правления короля Ричарда I жил вполне реальный рыцарь Роберт Фиц Одо (см.: Panché 1864: 157–174). Впрочем, нет никаких свидетельств того, что этого человека когда-либо объявляли вне закона, а потому его вряд ли можно назвать прототипом Робин Гуда.

[1] *Кломптон-парк* (Clomptoun parke). — Возможно, имеются в виду охотничьи угодья Клоптон-парк в графстве Уорикшир (впервые упоминаются в 1564 г.).

[2] <...>. — В данном месте мы имеем дело либо с лакуной, либо с результатом ошибки переписчика.

[3] *...одного монаха по имени Мачел...* — Очевидно, автор свел воедино двух персонажей цикла — Мача, сына мельника, и куцего монаха, ассоциирующегося с братом Туком.

[4] *...тот был каким-то другим служителем Божьим, поскольку монашествующих братьев тогда еще не водилось.* — Можно предположить, что Мачел был членом одного из нищенствующих орденов (францисканцы, кармелиты, доминиканцы и некоторые другие), самые ранние из которых были основаны в начале XIII в.

[5] *...и заставил священника обвенчать девушку со Скарлоком.* — Тот же сюжет развивается в балладе «Робин Гуд и Ален-э-Дэл». Однако в этом произведении, ставшем классикой робин-гудовского канона, лесной стрелок и его друзья возвращают возлюбленную не Скарлоку, а юноше, чье имя приведено в заглавии.

[6] *...сэр Ричард Ли, рыцарь из Ланкашира, владелец* <...>. — В оригинале название замка написано неразборчиво.

[7] *...Джон Мэйджор назвал его принцем воров и грабителей.* — Ссылаясь на хронику Дж. Мейджора, автор «Жизни...» воспроизводит характеристику Робин Гуда весьма неточно (ср. с. 535 наст. изд.).

[8] *...в Блите или Донкастере.* — См. примеч. 5 к балладе «Повесть о деяниях Робин Гуда» и примеч. 2 к балладе «Робин Гуд и золотая стрела».

[9] *...назвавшись Рейнольдом Гринлифом...* — Таким же образом Маленький Джон именует себя в «Деяниях»; фамилия или прозвище «Гринлиф» (Greenlefe, от *англ.* green leaf) буквально означает «Зеленый Лист».

[10] *...убил стрелой и* <...> *его голова* <...> *он спросил, какое послание тот привез от короля* <...> *объявив, что шериф нарушил обещание, которое дал Робину в лесу.* — В данном фрагменте имеются явные лакуны, затрудняющие понимание текста. Возможно, разговаривая с Робин Гудом, жена сэра Ричарда предположила, что ее муж убит.

[11] *...король — тоже один из разбойников* <...> *королю вместе стрелять в цель на тумаки...* — В данном месте находится лакуна. Очевидно, здесь Робин Гуд предлагает королю посоревноваться в стрельбе из лука.

[12] *...была весьма искусна в медицине и хирургии.* — В средние века медицина и хирургия считались разными областями знания. Врачи получали медицинское образование в университетах и занимались только диагностикой и терапевтическим лечением болезней, без операционного вмешательства. Хирурги же научного образования не имели, в городской иерархии приравнивались к ремесленникам и, преимущественно, были практиками (пускали кровь, извлекали камни из внутренних органов, вправляли вывихи, вырывали зубы и т. д.). Нередко хирургические обязанности исполняли цирюльники, банщики и даже палачи.

[13] *...там были найдены превосходные точильные камни.* — По-видимому, имеется в виду, что точильные камни были обнаружены не подле захоронения, а внутри него. Однако традиция помещать различные предметы в могилу вместе с усопшим в Англии относится, скорее, к англосаксонским временам (середина V — XI в.).

ИСТОРИЯ ФАЛКА ФИЦУОРЕНА

Фрагменты

FULK LE FITZWARIN

Это прозаическое сочинение на старофранцузском языке сохранилось в собрании латинских, французских и английских текстов, датируемых 1320–1340 годами. Ныне его манускрипт находится в Британской библиотеке (Royal 12.C.XII); в рукописи содержится около шестидесяти разнородных произведений: литургических текстов, пародий, гимнов Богоматери, пророчеств, сатирических стихотворений, загадок, рецептов, хроник, научных рассуждений и т. п.

Известно, что повесть о Фалке Фицуорене основана на утраченном стихотворном романе XIII века, дошедшем до нас лишь в немногочисленных отрывках. Анонимного автора «Истории...» зачастую называют составителем или популяризатором; вполне возможно, что он был знаком с оригинальным романом, на основании которого создал прозаический пересказ.

Семейная хроника, прозаическая или стихотворная, вообще была популярным жанром в Англии XII–XIV веков («Гильом Английский», «Вальдёф», «Бёв из Амтона», «Ги де Уорик»). Зачастую эти произведения сочиняли в монастырях, которые пользовались покровительством семей, прославляемых в хрониках. По большей части в таких текстах имеются сходные эпизоды: герой отправляется в изгнание на чужбину, переживает фантастические приключения (например, сражается с драконом), а в финале примиряется с королем, возвращает себе законное наследство и становится основателем рода.

«История Фалка Фицуорена» охватывает период от норманнского завоевания до середины XIII века; первая треть (здесь опущенная) излагает историю рода от Уорена де Метца до рождения главного героя романа — Фалка Фицуорена III. Его приключения — это, по большей части, смесь истории и фольклора. Восстание 1200–1201 годов, изгнанничество, завершившееся в 1203 году прощением Фалка и его сподвижников, а также женитьба на Матильде де Ко суть реальные факты. В то же время другие эпизоды его жизни написаны вполне в духе рыцарских романов (например, приключение на острове пиратов и спасение прекрасных девиц) или являют разительное сходство с классическими балладами о «зеленом лесе». Фалк, буквально,

стоит на той точке, откуда расходятся литературные пути романтического рыцаря, который убивает драконов и спасает принцесс, — и отважного изгнанника, карающего продажных судей. В мире Робин Гуда, Геймлина и Адама Белла уже нет места чудовищам и великанам.

Сходство «Истории...» с робин-гудовской традицией местами особенно отчетливо. Брат главного героя, Джон Фицуорен, встречает торговцев, везущих королю дорогие ткани, меха и специи, — а в «Деяниях» Маленький Джон и Мач останавливают монахов, сопровождающих товары из монастыря Св. Марии в Йорк. В обоих случаях путников расспрашивают о количестве везомых ценностей, и от правдивости ответа зависит, ограбят их или нет. В обоих случаях гостей угощают обедом, а потом отпускают, предварительно обобрав. Чтобы завлечь жертву, и Фалк и Робин прибегают к переодеваниям и обману. Прячась в Виндзорском лесу, Фалк притворяется угольщиком и заманивает короля в чащу, где таятся изгнанники; опасаясь за свою жизнь, король Джон клятвенно обещает восстановить Фалка в правах и не преследовать его более, однако не держит слово. В «Деяниях» Маленький Джон, под именем Рейнольда Зеленый Лист, завлекает в лес шерифа, с которого затем берут клятву не вредить Робину и его людям; вернувшись в Ноттингем, на лучном состязании шериф пытается захватить Робина в плен. Уильям, брат Фалка, раненный в бою, просит вожака убить его, но Фалк отвечает, что не сделает этого ни за что на свете; в «Деяниях» раненный в стычке с шерифом Маленький Джон просит Робина отрубить ему голову, и тот отказывается, поясняя поступок примерно теми же словами.

Тем не менее, несмотря на почти дословное сходство некоторых эпизодов, история Фалка (как и истории Юстаса Монаха, Хереварда и Геймлина) главным образом вращается вокруг утраченного наследства и связанных с ним коллизий. Робин Гуд (еще не ставший графом Хантингтоном тюдоровских баллад) живет и действует в ином мире, нежели несправедливо обиженный дворянин.

Дополнительные сведения внесены по изд.: Fitz Waryn 1975. Как правило, это либо двойные формы имен и названий, либо материал, добавленный комментаторами для ясности. В тех случаях, когда информация грамматически согласуется с текстом и не мешает его восприятию, она вводится в квадратных скобках (как и в издании, по которому она восстановлена), во всех остальных же — выносится в постраничные сноски.

[1] *За то же самое время у короля Генриха родились четверо сыновей: Генрих, Ричард Львиное Сердце, Джон и Джеффри, ставший впоследствии герцогом Бретани.* — Генрих по прозвищу Молодой Король (1155–1183) был коронован в возрасте пятнадцати лет при жизни отца (Генриха II), однако никогда не правил самостоятельно; в итоге Генриху II наследовал Ричард I Львиное Сердце, его же преемником стал Иоанн (Джон) Безземельный. Младший из сыновей Генриха II, Джеффри II Плантагенет (1158–1186), был провозглашен герцогом Бретани и, согласно распространенной версии, погиб во время рыцарского турнира.

[2] *Ви́нчестер* (правильнее: Уинчестер; англ. Winchester) — город в графстве Хэмпшир, на юге Англии. В 1016 г. Кнуд Великий (*др.-англ.* Cnūt se Micela; 994/995–1035; правил с 1016 г.) сделал его столицей; более ста лет, начиная с 1067 г., там находилась и резиденция нормандских королей. После крупного пожара в 1141 г., уничтожившего бо́льшую часть города, Винчестер утратил прежний статус.

[3] *...доверил управление всей Валлийской Маркой сэру Фалку.* — Валлийская Марка — традиционное название областей на границе Уэльса и Англии. Основными городами этого региона были Глостер, Херефорд, Честер, Шрусбери. Английское слово «marsh» буквально означает «топь»; изначально так называлась заболоченная пограничная территория между Англией и Уэльсом, но затем «маркой» стали именовать также и прилегающие земли. В обязанности лорда Валлийской Марки входило наблюдать за порядком на границе, строить защитные сооружения, осуществлять суд и т. д.; в награду за исполнение этих обязанностей он зачастую наделялся значительными, почти королевскими, привилегиями (в частности, имел право по собственной инициативе конфисковывать имущество и земли изменников).

[4] *...Болдуин, ныне именуемый замком Монтгомери.* — Этот замок в Центральном Уэльсе был выстроен Роджером де Монтгомери, графом Шрусбери (в 1071–1074 гг.), а впоследствии перешел во владение дворянина Болдуина де Бульера, от имени которого и получил свое валлийское название (Trefaldwyn — букв.: «город Болдуина»).

[5] *...Уиттингтона, что в Шропшире...* — Имеется в виду замок, выстроенный около 1138 г. на севере Шропшира — графства в Центральной Англии, граничащего с Уэльсом.

[6] *Бланшвиль* (Blauncheville; от фр. blanche ville — букв.: «белый город») —

французский аналог английского топонима «Уиттингтон» (от *др.-англ.* hwit — «белый» и «tūn» — «огражденное место, поселение»).

[7] *...отъехали на пол-лиги...* — Лига — английская мера длины, составляющая около 4,8 км.

[8] *Олбербери* (Alberbury) — деревня в западной части графства Шропшир, на границе Англии и Уэльса.

[9] *...уехал... в [Малую] Бретань...* — Бретань — историческая область во Франции, занимающая северо-западную часть полуострова. В V—VI вв. н. э. предки бретонцев переселились туда с английских островов и нарекли свою новую родину Малой Бретанью (в отличие от Большой, или Великой Британи, откуда они происходили). В 939 г. эта территория была захвачена норманнами, которые основали там герцогство, подвластное Франции.

[10] *Хигфорд* (Higford) — деревня в западной части графства Шропшир.

[11] *...прибыл в Брэйдонский лес [в Уилтшире]...* — Имеется в виду Брейдонвуд (Braydon Wood) — зеленый массив в графстве Уилтшир на юго-западе Англии; упоминается в англосаксонских документах с VII в.; во времена Фалка он покрывал до трети территории графства.

[12] *...измерил богатые ткани и дорогие меха... копьем...* — Ср. аналогичную сцену в «Деяниях», где Маленький Джон меряет ткань своим луком, на с. 21 наст. изд.

[13] *Кентербери* (Canterbury) — древний город на юго-востоке Англии, в графстве Кент; место нахождения кафедры архиепископа Кентерберийского.

[14] *...от Хьюберта, архиепископа Кентерберийского.* — Имеется в виду реальное историческое лицо, прелат Хьюберт Уолтер (Hubert Walter; 1160—1205), занимавший пост архиепископа Кентерберийского в 1193—1205 гг.

[15] *...сэр Тибо ле Ботилер ~ Теобальд Уолтер, главный виночерпий Ирландии.* — Должность главного виночерпия (или распорядителя) предполагала прислуживание государю во время коронационных торжеств. Так, первому носителю этого звания Тибо (Теобальду) Уолтеру (Theobald Walter; 1165—1206) — младшему брату архиепископа Хьюберта (см. примеч. 14), — а затем и его потомкам полагалось присутствовать на коронации английских королей и подносить монарху первую чашу. Согласно особому указу, Теобальд Уолтер получал два бочонка вина с каждого корабля, который разгружался в любом торговом порту Ирландии.

Вкладывая в уста архиепископа слова о кончине Тибо ле Ботилера, автор «Истории...» допускает анахронизм: на самом деле младший брат на год пережил старшего.

[16] *...с согласия своего брата Уильяма... Фалк женился на даме Матильде де Ко.* — Не очень понятно, отчего Фалку понадобилось согласие младшего брата для того, чтобы вступить в брак. Можно предположить, что Уильям играл при нем роль советника либо же автор ошибся в последовательности братьев по старшинству.

[17] *Жонглер* (старофр. jougleor, jongleur) — странствующий музыкант. Нередко такие исполнители умели играть на самых разных инструментах (до десятка наименований); зачастую они выступали вместе с танцорами, акробатами, фокусниками и т. д.

[18] *...из Поркингтона ~ Ныне Броджинтин в Шропшире.* — Имеется в виду поместье в графстве Шропшир, принадлежавшее членам королевской династии Уэльса; многократно перестраивалось, ныне заброшено.

[19] *Грейт-Несс* (Great Ness) — область в графстве Шропшир, включающая несколько деревень.

[20] *...поехали в Ритлан [во Флинтшире]...* — Ритлан (Rhuddlan) — город в северо-восточной части Уэльса, на территории графства Флинтшир (образовано указом короля Эдуарда I в 1284 г.; в момент повествования еще не существовало).

[21] *...чтобы поговорить с сэром Льюисом ~ Ллевеллин Великий, принц Гвинеда.* — Имеется в виду Ллеве́лин ап Иорверт (*валл.* Llywelyn ab Iorwerth), или Ллевеллин Великий (ок. 1173—1240) — фактический правитель и самый могущественный монарх Уэльса, разделенного в IV—XIII вв. на несколько королевств (наиболее крупными из которых были Гвинед, Дехейбарт и Поуис); сохранял ведущую роль в Уэльсе на протяжении почти сорока лет.

[22] *...был женат на Джоанне, дочери короля Генриха и сестре короля Джона.* — Ошибка автора «Истории...»: Джоанна (ок. 1191—1237), жена Ллевеллина, в действительности была незаконной дочерью короля Иоанна Безземельного. Вероятно, автор перепутал ее с другой Джоанной (1165—1199), сестрой Иоанна, бывшей замужем сперва за королем Сицилии, а затем за графом Тулузским.

[23] *...велел бы его волочить и повесить...* — См. примеч. 5 к балладе «Робин Гуд и Гай Гисборн».

[24] *...помирив принца Льюиса с Гвенвинвином, правителем южной части По-*

уиса... — Речь идет о Гвенвивине ап Оуайне (Gwenwynwyn ap Owain; ум. 1216), одном из валлийских правителей и сопернике Ллевеллина Великого. Поуис (Powys) — средневековое королевство на востоке Уэльса (см. также примеч. 21).

[25] *Анжу* (Anjou) — историческая область на западе Франции.

[26] *...тридцать тысяч доверенных людей в замке Бала в Пеннлине* [*графство Мерионетшир*]. — Пеннлин (Pennlyn) — область на севере Уэльса; на ее территории находится город Бала́, близ которого расположен одноименный замок, выстроенный, вероятно, в конце XI в. Графство Мерионетшир, как и Флинтшир, было учреждено указом Эдуарда I в 1284 г. (ср. примеч. 20).

[27] *Гимельский брод* (ford of Gymele). — К сожалению, точное местоположение данного топонима трудно определить. Возможно, здесь имеется в виду не речная переправа, а старинная дорога под названием Гам-Элен (Gam Elen), идущая через Бервинские горы на северо-востоке Уэльса. С другой стороны, местное предание утверждает, что описанное событие произошло на реке Ллинор на северо-востоке Уэльса (якобы там до сих пор можно увидеть остатки рва, о котором упоминает и автор «Истории Фалка Фицуорена»).

[28] *Виель* — струнный смычковый инструмент, напоминающий современную скрипку.

[29] *Псалтерион* — щипковый музыкальный инструмент, родственный лире и гуслям.

[30] *Северн* (Severn) — самая длинная река на территории Великобритании, протекающая, в том числе, через графство Шропшир.

[31] *Оркни* (Оркнейские острова, англ. Orkney Islands) — архипелаг к северо-востоку от Шотландии, в 16 км от ее северной оконечности, на границе Северного моря и Атлантического океана.

[32] *Готланд* (Gotland) — остров в Балтийском море; в настоящее время принадлежит Швеции.

[33] *...где обитают рогатые гадюки и ядовитые чудовища с собачьими головами, изгнанные из Ирландии святым Патриком.* — Согласно легенде, св. Патрик, покровитель Ирландии, приказал всем змеям, жабам и ящерицам покинуть остров; по другой версии, он превратил их в камни. Эта история имеет, в том числе, аллегорическое толкование: победу св. Патрика над язычниками-друидами.

[34] *Виндзор* (Windsor) — небольшой город в графстве Беркшир, на юге Англии; с 1110 г. и до сих пор там находится королевская резиденция.

[35] *Виндзорский лес* — королевские охотничьи угодья вблизи города Виндзор и одноименного замка.

[36] *Безант* — золотая византийская монета, имевшая хождение в Европе до середины XIII в.

[37] *...если бы его не остановил граф-маршал.* — Граф-маршал — наследственная должность, одна из высших в Великобритании. Первоначально это был придворный, который отвечал за содержание лошадей и соблюдение порядка в дворцовых службах. Впоследствии на граф-маршала были также возложены обязанности главного герольдмейстера страны (он должен был выносить решение по всем вопросам, касающимся геральдики, установления принадлежности к знатным родам и т. д.). В эпоху Фалка обязанности граф-маршала исполнял Уильям Маршал (William Marshal; ок. 1146—1219): он возглавил королевскую армию во время Первой баронской войны (1215—1217 гг.), а после смерти Иоанна Безземельного стал регентом при малолетнем Генрихе III.

[38] *Берберия* (от др.-греч. βάρβαροι, старофр. berbère — «варвар») — общее европейское название средиземноморского побережья Северной Африки (Алжир, Тунис, Марокко).

[39] *Я бывал в Вавилоне ~ То есть в старом Каире.* — Имеется в виду Вавилон Египетский — древний город-крепость в дельте Нила, в районе нынешнего Каира; пал во время мусульманского завоевания Египта в 641 г.

[40] *Александрия* — город в дельте Нила, главный морской порт и второй по величине город Египта; в средние века через Александрию главным образом шла торговля с Индией.

[41] *Большая Индия.* — Подразумевается Великая Индия, исторический регион, находившийся под влиянием индийской культуры; простирался от Афганистана до стран Дальнего Востока, от Цейлона и до Тибета.

[42] *Нью-Форест* (New Forest) — лес в графстве Хэмпшир, на южном побережье Англии; после норманнского завоевания был причислен к королевским охотничьим угодьям.

[43] *...аббатство в окрестностях Олбербери, которое стало называться Новым.* — Речь идет об аббатстве Олбербери (Alberbury) — небольшом монастыре в графстве Шропшир, заложенном около 1230 г. Сначала там обитали монахи из ордена августинцев, а затем гранмонтанцы (основой их устава были простота жизни, благотворительность и гостеприимство).

[44] *Кларисса д'Обервиль* (ок. 1215 — ок. 1258) — реальное историческое лицо, дочь дворянина из графства Сассекс на юго-востоке Англии.

[45] *...подле замка его имения в Олвестоне.* — Олвестон (Alveston) — деревня в графстве Глостершир, на юго-западе Англии; поместье и охотничьи угодья существовали там еще в англосаксонские времена. В 1149 г. Олвестон был дарован королем Генрихом II отцу Фалка Фицуорена (ум. 1171) в награду за верную службу.

[46] <...>. — В оригинале здесь следует стихотворное предсказание, которое автор «Истории...» приписывает волшебнику Мерлину; речь в этом тексте идет о том, что «волк из Уиттингтона» (то есть Фалк) прогонит «леопарда», под которым подразумевается король Иоанн Безземельный. Ввиду невысокой художественной ценности, стихотворение было нами купировано.

РОМАН
О ЮСТАСЕ МОНАХЕ

Фрагменты

LI ROMANS DE WITASSE LE MOINE

Это произведение, в оригинале написанное на старофранцузском языке — тем же стихотворным размером, что и романы Кретьена де Труа, — и, предположительно, созданное не ранее 1220-х годов, сохранилось в единственной рукописи, датируемой 1284 годом (ныне хранится в Национальной библиотеке Франции). Оно основано на биографии реального исторического лица — Юстаса (или Эсташа) Баскета (*фр.* Eustache Busket; ок. 1170–1217), однако в своем сочинении безымянный автор обильно смешал подлинные события с вымыслом.

О Юстасе известно следующее. Он родился в деревне Курсэ (см. примеч. 7), в окрестностях Булони, небольшого графства на севере Франции, и в ранней юности стал монахом обители Сен-Сомер (см. примеч. 1). В 1190 году, после того как его отец был убит, он покинул монастырь и потребовал правосудия у Рено Даммартена, графа Булонского. Для решения дела назначили судебный поединок, на котором выставленный Баскетом боец погиб. В 1200 году Юстас стал сенешалем (см. примеч. 11) названного графа, но спустя три года был обвинен в мошенничестве и стал скрываться в лесу, после чего сделался пиратом и наемником. Поступив на службу к Иоанну

Безземельному, он сражался на его стороне в войне с французским королем Филиппом II Августом (1165–1223; правил с 1180 г.), но в 1212 году, когда Иоанн заключил союз с графом Рено, Юстас, опасаясь за свою жизнь, перешел на сторону Филиппа. В 1214 году Баскет доставлял оружие баронам, восставшим против Иоанна Безземельного, и держал в своих руках Ла-Манш. Жизнь же его закончилась трагично, хотя и в чем-то закономерно: в августе 1216 года он попал в плен к английским морякам и был обезглавлен на месте. Неудивительно, что все эти исторические сведения нашли отражение в данном произведении — однако автор добавил к ним немало фантастических эпизодов, почерпнутых из других популярных романов, жест* и фаблио. Например, некоторые эпизоды (переодевание паломником, горшечником, музыкантом** и т. д.) напоминают «Роман о лисе» («Roman de Renard»), некоторые части которого были созданы на рубеже XII–XIII веков — в то самое время, к которому относится действие «Романа о Юстасе Монахе».

Целый ряд черт роднит это произведение и с балладами о Робин Гуде. Так, оба героя живут в лесу, добывают пропитание грабежом и унижают своих облеченных властью врагов. Кроме того, обнаруживается множество параллельных сцен, которые трудно объяснить простым совпадением. Перечислим некоторые из них: и граф Булонский, и шериф Ноттингемский сталкиваются в лесу с разбойниками, куда те заманивают их при помощи хитрых уловок; оба обещают впредь не вредить своему противнику, но не сдерживают сло́ва. И Юстас и Робин дают гостям возможность уйти, не понеся урона, — для этого нужно честно ответить на вопрос о количестве имеющихся при себе денег. И, разумеется, Юстас Монах и Робин Гуд — мастера переодеваний и маскировки, причем Робин так же, как и Юстас, однажды прикидывается горшечником.

Впрочем, несмотря на очевидные сходства, между этими героями есть и существенные отличия. Хотя и Юстас, и Робин во многом близки к одному из любимых типажей Возрождения и раннего Нового времени — «пикаро» (ловкому плуту, который для достижения собственных целей не гнушается никакими средствами), все-таки возникает впечатление, что первый совер-

---

* Жеста (*старофр.* geste; от *лат.* gesta — «деяния») — жанр французской эпической литературы, повествование о подвигах отдельного персонажа либо целого рода. Самая известная жеста — «Песнь о Роланде».

** Не все эти эпизоды вошли в публикуемые в настоящем издании фрагменты.

шенно не заботится о своем моральном облике. Разрозненные приключения Юстаса сродни фаблио, причем не всегда приличным: так, однажды плутоватый монах переодевается женщиной легкого поведения и «соблазняет» одного из слуг графа Булонского. Можно назвать и другой эпизод, который также наглядно доказывает, насколько главный герой романа далек от легендарного стрелка с точки зрения этики. В его основе лежит тот же сюжет, что и в балладе «Робин Гуд и горшечник», однако мотивы и поведение Юстаса откровенно противоречат нравственному кодексу знаменитого английского разбойника. Как и последний, Юстас меняется с горшечником одеждой, а затем (чего никогда не сделал бы Робин) пускает погоню по чужому следу, навлекая серьезные неприятности на ни в чем не повинного человека. При этом автор романа, который явно одобряет ловкий поступок своего героя, отпускает назидательный комментарий в адрес пострадавшего «простака»: «Горшечник поступил глупо, оставив свое ремесло». А Юстас, как бы щеголяя своей хитроумностью, повторяет тот же трюк с переодеванием, сменив наряд горшечника на одежду угольщика — и вся ситуация повторяется снова: люди графа Булонского ловят и до полусмерти избивают очередного «простофилю». В робин-гудовских же балладах страдают обыкновенно либо противники главного героя, либо он сам или его ближайшие друзья — но никогда сторонние, случайно оказавшиеся поблизости люди.

[1] *Сен-Сомер* (Сен-Ломер, фр. Saint-Saumer, Saint-Laumer) — монастырь в центральной Франции, вблизи города Шартра, основанный в VI в.

[2] *Часы* — богослужения, отмечающие определенное время суток; включают чтение текстов, подобранных соответственно к каждой четверти дня и к определенным обстоятельствам земных страданий Христа.

[3] *Базен* де Жен (Basin de Gênes) — волшебник, герой романа «Жан де Лансон» («Jehan de Lanson»), союзник легендарного графа Роланда.

[4] *Можис* д'Эгремон (Maugis d'Aigremont) — герой ряда эпических поэм, рыцарь-колдун.

[5] *...Жуайёз, Корт, Отклер и яркий Дюрандаль.* — Здесь перечисляются мечи знаменитых исторических деятелей или персонажей героических легенд и преданий. Жуайёз (*фр.* Joyeuse — «радостный» или «радужный») — меч императора Карла Великого; долгое время использовался при коронации французских монархов; в настоящее время хранится в Лувре. Корт (Курт, *фр.* Court — «короткий») — меч Ожье Датчанина (*фр.* Ogier le Danois), героя эпи-

ческих сказаний, в которых тот представлен как соратник Карла. Отклер (*фр.* Hauteclaire — «высокий и ясный») — меч, принадлежавший рыцарю Оливье, другу Роланда. Дюрандаль (Durandal, от *фр.* dur — «твердый, прочный») — меч самого Роланда.

[6] *Ни Барат, ни Эмет...*— Барат (Barat, Baras) и Эмет (Haimés, Haimét) — ловкие воры, герои популярного фаблио XII в.

[7] *Курсэ* (Courçais) — деревня в центральной Франции.

[8] *Базенган* (Bazinghen) — населенный пункт на северном побережье Франции.

[9] *...на бой за него выйдет какой-нибудь родственник или сержант.* — Согласно средневековым европейским нормам права, если установить истину путем допроса свидетелей было невозможно, назначался так называемый судебный поединок. Бой должен был проходить на равных, поэтому малолетние, престарелые, больные, священнослужители и женщины могли выставлять вместо себя наемных бойцов. Победившая сторона провозглашалась выигравшей тяжбу.

Сержант (*фр.* sergent, от *лат.* serviens — служащий) — в средневековой Франции воин, находившийся на постоянной службе у рыцаря, представителя власти и т. д.

[10] *Этапль* (Etaples) — населенный пункт на северном побережье Франции.

[11] *...став сенешалем графства Булонского, пэром и бальи...* — Сенешаль — изначально придворный, заведовавший внутренним распорядком при дворе; в его обязанности входила организация пиров и официальных церемоний. При короле Филиппе II Августе сенешали превратились в чиновников, занимавшихся военными и финансовыми вопросами отдельных регионов. Бальи — представитель короля, управлявший областью, в которой он представлял административную, судебную и военную власть. Функции бальи и сенешалей были во многом схожи.

[12] *...в замок Ардело...* — Ардело (Карделло; *фр.* Ardelot, Hardelot, Cardello) — лес в окрестностях Булони, на севере Франции, принадлежавший графу Булонскому. В XII в. в этом лесу был возведен одноименный замок, с тех пор неоднократно перестраивавшийся и сохранившийся до наших дней.

[13] *Прево* — в XI–XV вв. королевский чиновник, обладавший на вверенной ему территории судебной, военной и фискальной властью.

[14] *Клермарэ* (Clairmarais) — цистерцианское аббатство неподалеку от города Сент-Омер (см. примеч. 15), основанное в 1140 г.

[15] *Сент-Омер* (Saint-Omer) — город на северо-востоке Франции; там находилось аббатство, основанное в VII в. св. Омером (см. примеч. 30).

[16] *Как безрассуден был этот поступок, ведь Юстас хорошо знал, что его сожгут...* — Во Франции на рубеже XII—XIII вв., согласно закону, введенному еще Карлом Великим, колдовство (особенно с намерением причинить вред) каралось смертью через сожжение.

[17] *Ленс* (Lens) — деревня на севере Франции.

[18] *Энен.* — Подразумевается Энен-Бомон (*фр.* Hénin-Beaumont), город на севере Франции.

[19] *«Miserere»* — пятидесятый псалом из Книги Псалтири, один из наиболее употребительных в богослужении римского и византийского обрядов; начинается со слов «Miserere mei Deus» (*лат.* — «Помилуй меня, Боже»).

[20] *...клянусь святым Гонорием!* — Имеется в виду св. Гонорий (Оноре) Амьенский (ум. ок. 600), который, благодаря многочисленным чудесам, связанным с его именем, считается одним из самых почитаемых во Франции святых.

[21] *...в лес Карделло...* — См. примеч. 12.

[22] *Дамуазо* (фр. damoiseau, от лат. dominus — «господин») — молодой человек, готовящийся стать рыцарем и прислуживающий своему сеньору.

[23] *...клянусь святым Реми...* — Св. Реми (или Ремигий; ок. 437—533) — епископ Реймсский, просветитель франков; в 498 г. он крестил короля Франкского государства Хлодвига I (ок. 466—511, правил с 481/482 г.), а также его воинов и приближенных. Наряду со св. Гонорием (см. примеч. 20), является одним из самых популярных во Франции святых.

[24] *Лез-Андели* (Les Andelys) — город в Нормандии, на севере Франции.

[25] *Брюгге* — в период описываемых событий главный город Фландрии (см. примеч. 1 к «Деяниям Хереварда»); ныне находится на территории Бельгии.

[26] *Ливр* (фр. livre) — счетно-весовая единица средневековой Франции. Впервые ливр появился во времена Карла Великого и равнялся фунту серебра: сначала римскому (ок. 327 г), затем каролингскому (407,9 г). В виде монеты он был отчеканен лишь в середине XVII в. Существовали так называемые парижские и турские ливры, имевшие хождение в разных регионах страны (ср. примеч. 29).

[27] *Су* (или соль; фр. sol, от лат. solidus — «прочный, массивный») — изначально счетно-денежная единица, затем монета, составлявшая двадцатую часть ливра (см. примеч. 26).

[28] *Денье* (фр. denier, от лат. denarius — «денарий») — французская средневековая разменная монета, имевшая хождение по всей Европе. Впервые была отчеканена королем Пипином Коротким (714—768, правил с 751 г.). Составляла двенадцатую часть су (см. примеч. 27).

[29] *...трех... анжуйских су...* — Монеты, о которых идет речь, чеканились в Анжу, исторической области на западе Франции, отчего и получили свое название (см. также примеч. 27).

[30] «*Клянусь святым Омером...* — Св. Омер (или Аудомар; *лат.* Audomarus, Odemarus, *фр.* Omer; ум. 670) был епископом города Теруана (на северо-востоке Франции); таким образом, для графа Булонского он является местночтимым святым.

[31] *Нефшатель* (Нефшато; фр. Neufchateau) — город на севере Франции.

[32] *Однажды Юстас был в Капелле.* — Местоположение данного населенного пункта не установлено.

[33] *Жен-Иверньи* (Gennes-Ivergny) — город на севере Франции.

[34] *...короля Филиппа, который приехал с большой свитой, и его сына, короля Людовика...* — Имеются в виду, соответственно, Филипп II Август и будущий Людовик VIII, по прозвищу Лев (1187—1226, правил с 1223 г.).

[35] *...прочие остались в обители Святой Марии в Лесу...* — Вероятно, имеется в виду монастырь Сен-Мари-о-Буа (*фр.* Sainte-Marie-au-Bois) на северо-востоке Франции, основанный в XII в.

[36] *...горожанина из Корбе...* — На севере и северо-востоке Франции нет населенного пункта с таким названием, однако есть городки Корбейль (Corbeil) и Корбейль-Серф (Corbeil-Cerf), один из которых, возможно, и имеется здесь в виду.

[37] *Сангатт* (Sangatte) — деревня на севере Франции, неподалеку от Булони.

[38] *Но, поскольку ты трапезничал со мной, отныне не бойся меня.* — Совместное вкушение пищи — это древний ритуал, знак побратимства, демонстрация того, что у хозяина нет недобрых чувств к тем, кто сидит с ним за одним столом; символический смысл общей трапезы в разных странах в той или иной мере сохраняется до сих пор.

[39] *...Монах переоделся прокаженным. У него были чашка, костыль и трещотка.* — В средневековой Европе прокаженным, чтобы отличаться от здоровых людей, полагалось носить особую одежду (балахоны с капюшонами, иногда с нашивками определенных цветов), а также обязательно иметь с собой тре-

щотку или колокольчик, чтобы еще издалека возвещать о своем приближении.

[40] *Лобзание мира* — обряд, происходящий на литургии во время подготовки к причастию и заключающийся в обмене поцелуями между клириками, а также, согласно древней традиции, между мирянами; символически обозначает внутреннее примирение среди христиан, собирающихся участвовать в таинстве.

ДЕЯНИЯ ХЕРЕВАРДА

Фрагменты

GESTA HEREWARDI

Исторический Херевард, согласно Книге Судного дня* и некоторым англосаксонским хроникам, был мелким землевладельцем из южной части Линкольншира, державшим земли от аббатов Кроуленда и Петерборо. Норманнская колонизация после битвы при Гастингсе (1066 г.) далеко не сразу достигла восточной Англии — и та сделалась очагом сопротивления захватчикам. В 1070 году в Англию, вместе с большим флотом, прибыл датский король Свен Эстрихсон (Svend Estridsen; 1020—1076; правил с 1047 г.), считавший себя законным наследником английского трона. В том же году он послал отряд, чтобы выстроить укрепленный лагерь на острове Или, участке плодородной земли посреди болот Кембриджшира (см. примеч. 6), который прекрасно подходил для обороны, потому что был труднодоступен. Там к датчанам присоединились местные жители, а также Херевард и его соратники. Незадолго до этого в аббатстве Петерборо скончался настоятель, и Херевард вознамерился вывезти монастырские ценности в безопасное место, пока не приехал новый аббат — ставленник Вильгельма Завоевателя. Очевидно, монахи воспротивились этому, опасаясь лишиться реликвий навсегда; однако люди Херевардa, вместе с датчанами, подожгли укрепление, выбили ворота и разграбили монастырь. Вскоре после того северяне вернулись на родину, забрав добычу с собой, а Херевард остался в Англии, сделавшись у норманнов «персоной нон грата».

---

* «Книга Судного дня» («Книга Страшного Суда»; *среднеангл.* Domesday Book) — свод материалов всеобщей переписи, проведенной в Англии в 1085—1086 гг. по приказу Вильгельма Завоевателя.

В 1070–1071 годах остров Или стал центром антинорманнского сопротивления, и карательную экспедицию туда возглавил сам король Вильгельм. После долгой борьбы Или наконец пал, но Хереварду, вместе с несколькими сподвижниками, во время окончательного разгрома удалось сбежать с «острова», и более в официальных документах этот легендарный сакс не упоминался. Не исключено, что спустя какое-то время ему удалось примириться с королем: так, в последние годы правления Вильгельма человек по имени Херевард держал в Уорикшире земли, а некий Роберт Херевард (возможно, его потомок) в 1290-е годы был бейлифом и сенешалем епископа Или.

Приключения столь примечательной личности, разумеется, нашли отражение в фольклоре. Через несколько лет после упомянутых событий, по свидетельствам современников, о Хереварде уже начали слагать песни и истории, сюжеты которых впоследствии, вероятно, вошли в состав «Деяний...», в которых ему было приписано высокое происхождение. Кроме того, в ряде произведений герой получил прозвище — «Зоркий» (*англ.* Wake), возможно, в связи с тем, что благодаря своей бдительности ему неоднократно удавалось избежать опасности; впервые оно встречается в хронике Иоанна из Петерборо (John of Peterborough; ум. ок. 1262).

«Деяния Хереварда» можно условно разделить на две части. Первая (опущенная в настоящем издании) повествует о полной фантастических приключений юности героя. Согласно предисловию анонимного автора*, эти сведения были почерпнуты из некоего собрания легенд и сказаний, записанных на «местном языке» (англо-норманнском диалекте). Молодой Херевард, как и положено герою рыцарского романа, посещает дворы иностранных государей и проявляет свою доблесть, сражаясь с чудовищами и спасая принцесс. Он с ранних лет обладает теми качествами, которые проявит в будущем как активный участник антинорманнского сопротивления: Херевард смел, сообразителен и искусен в маскировке. Во второй же части «Деяний...», где речь идет о борьбе с захватчиками, повествование выглядит гораздо реалистичней — по словам автора, она написана по воспоминаниям прежних соратни-

---

* В середине XII в. неизвестный монах из аббатства Или, составляя историю своей обители, заметил, что почерпнул некоторые сведения из «Деяний Хереварда», написанных незадолго до того его собратом по имени Ричард. Был ли названный Ричард действительно автором этого произведения или он просто объединил какие-то разрозненные записи, остается неизвестным.

ков Хереварда, в числе которых были и те, кто пострадал, угодив в руки норманнов после падения Или. Впрочем, романные элементы проникли и сюда: героя посещают видения, волшебный волк проводит его спутников через болото, финальное примирение с королем происходит усилиями некой прекрасной знатной дамы и т. д. (все эти эпизоды также опущены в настоящем издании). Параллелей большинству данных сюжетных ходов в робин-гудовских балладах мы не находим; но с идейной точки зрения Хереварда, неустрашимого борца с норманнами, вполне можно назвать литературным предшественником Робин Гуда, ведь он — благородный изгнанник, защитник коренного населения страны от королевских чиновников, обременяющих народ непосильными налогами и несправедливо лишающих англичан законных привилегий.

Если предположить, что «Деяния Хереварда» действительно основаны на свидетельствах непосредственных участников, то данное произведение, скорее всего, создавалось в первой четверти XII века, когда сам Херевард, предположительно, уже умер, но некоторые его прежние сподвижники, хоть и постаревшие, были еще живы.

[1] *Фландрия* — средневековое графство, до XV в. входившее в состав Французского королевства (ныне — часть территории Нидерландов, Франции и Бельгии).

[2] *Туника* (лат. tunica) — одежда, появившаяся в Древнем Риме и вошедшая в обиход также в Византии и средневековой Европе; в описываемые времена представляла собой рубаху прямоугольного кроя, без воротника, иногда без рукавов.

[3] *Фризия* (Фрисландия) — историческая область на побережье Северного моря, тянущаяся от центральных Нидерландов до границы Дании.

[4] *Петерборо* (Питерборо; англ. Peterborough) — город в графстве Кембриджшир; в середине VII в. там был воздвигнут монастырь Св. Петра, Павла и Андрея — один из крупнейших в раннесредневековой Англии.

[5] *...в день рождества апостолов Петра и Павла.* — В оригинале налицо некоторая неточность: в действительности апостолы Петр и Павел родились в разные дни, а вот казнены в один — 29 июня (именно к этой дате в христианских Церквях и приурочено чествование их памяти).

[6] *...один монах с Или...* — См. примеч. 5 к балладе «Правдивая история о Робин Гуде». Монастырь, о котором идет речь, был основан в VII в.

[7] *...три деревни в Бруннесволде, неподалеку от Бурна...* — Под «Бруннесволдом», вероятно, имеется в виду Бурнвуд (Bourne Wood) — лес в графстве Линкольншир; Бурн, торговый городок в соседнем графстве Нортхэмптоншир, расположен от него примерно в 16 км.

[8] *...дабы сообща участвовать в защите родной земли и потомственных вольностей...* — В англосаксонскую эпоху местные обычаи имели одинаковую или почти одинаковую силу с официальным законодательством, и право следовать этим обычаям (например, в судопроизводстве) было неотъемлемой дворянской привилегией, которую при вступлении на престол подтверждал каждый следующий король. В данной связи нормы административного управления и землевладения в разных регионах могли заметно различаться. К упомянутым вольностям относились и широкие возможности самоуправления: так, города и «сотни»* могли самостоятельно вершить суд над своими гражданами, совершившими даже тяжкие преступления, а иногда и предоставлять им убежище, выступая в их защиту как единое сообщество. Даже право короля при необходимости требовать от своих вассалов военной поддержки периодически оспаривалось.

[9] *Бардни* (Bardney) — деревня в графстве Линкольншир, на берегу реки Уитэм (Withem).

[10] *...граф де Варенн, чьего брата недавно собственноручно убил Херевард...* — Имеется в виду Уильям де Варенн (William de Warenne; ум. 1088), граф Суррей, нормандский дворянин, соратник Вильгельма Завоевателя, сражавшийся вместе с ним в битве при Гастингсе и участвовавший в карательной экспедиции на Или. Его брат действительно был убит Херевардом, однако прочие подробности известны нам только в изложении автора данного произведения.

[11] *Эрит* (Earith) — деревня в графстве Кембриджшир, стоящая на судоходной реке Грейт-Уз (Great Ouse).

[12] *...Эдвин, бывший граф Лестер...* — Здесь мы имеем дело с ошибкой автора или переписчика: на самом деле Эдвин (*англ.* Edwin, *староангл.* Ēadwine.; ум. 1071) был графом Мерсийским; он действительно участвовал в восстании

---

* Сотня (*англ.* hundred) — историческая административная единица в Англии и ряде других стран; в англосаксонские времена представляла собой территорию, площадь пахотных земель на которой примерно равнялась 100 гайдам (один гайд соответствовал участку, достаточному для прокормления одной семьи).

против Вильгельма Завоевателя и в 1071 г., по пути в Шотландию, его предательски выдали норманнам и убили. Титул графа Лестера был впервые пожалован лишь в 1107 г.

Уолтер Бауэр

ПРОДОЛЖЕНИЕ «ШОТЛАНДСКОЙ ХРОНИКИ» ДЖОНА ФОРДУНСКОГО

Фрагмент

Walter Bower

SCOTICHRONICON

В 1440-х годах Уолтер Бауэр (Walter Bower; ок. 1385—1449), каноник*, а впоследствии настоятель аббатства Инчколм (Inchcolm Abbey), расположенного неподалеку от Эдинбурга, переработал «Шотландскую хронику» («Chronica Gentis Scotorum»), составленную примерно двадцатью годами ранее шотландским хронистом Джоном (Иоанном) Фордунским (John of Fordun; ум. 1384). Расширяя и пополняя ее актуальной информацией, он, помимо прочего, включил туда сведения о Робин Гуде и Маленьком Джоне.

У. Бауэр рассказывает о Робине довольно пространно. Приключения этого персонажа он относит к временам восстания Симона де Монфора против Генриха III в 1263—1265 годах и числит его среди «лишенных наследства», как именовались сподвижники мятежного графа. Самого же Робина хронист называет «известным головорезом», чью память простонародье прославляет в трагедиях и комедиях. Под комедиями Бауэр, возможно, подразумевал истории на сюжет «Робин Гуд встречает достойного противника», однако остается непонятным, что́ он имел в виду под трагедиями. Единственное трагическое событие в дошедших до нас текстах о легендарном разбойнике — это его кончина; впрочем, не исключено, что в XV веке повествование о гибели знаменитого стрелка было также хорошо известно.

---

* Каноники — духовные особы в Римско-католической церкви, соединяющие священнослужение с монашескими обетами; с IX в. им предписывалось вести совместную жизнь и подчиняться дисциплине настоятеля. При этом, в отличие от монахов, они могли владеть собственностью.

Как и У. Лэнгленд, У. Бауэр утверждает, что истории о Робин Гуде были популярны среди невежественного простонародья. При этом главного героя он показывает с двух сторон: и как «головореза», и как верного сына Церкви. Робин в лесу внимает мессе (от которой его не отрывает даже появление шерифа), а по окончании службы наголову разбивает врага. Таким образом, в хронике присутствуют непременные атрибуты робин-гудовской традиции: набожность прославленного изгнанника и безуспешная лесная экспедиция шерифа.

[1] *Наместник* (лат. vicecomite). — В оригинальном тексте, вероятно, имеется в виду шериф, но, поскольку точный аналог английского термина, обозначающего эту должность, в латинском языке отсутствует, главный враг Робина назван именно таким образом.

Эндрю Уинтонский

ОРИГИНАЛЬНАЯ ШОТЛАНДСКАЯ ХРОНИКА

Фрагмент

Andrew of Wyntoun

ORYGYNALE CRONYKIL OF SCOTLAND

Стихотворная «Оригинальная хроника» Эндрю Уинтонского, монаха-августинца из обители, расположенной на озере Лох-Левен (Loch Leven), была составлена в Шотландии в 1420-х годах. По своему содержанию данное произведение откровенно антианглийское, в частности, оно направлено против Эдуарда I, «проклятого тирана» (как его называет автор), жестоко расправившегося с мятежными шотландцами и их национальным героем — Уильямом Уолласом (William Wallace; ок. 1270—1305). После сражений при Данбаре (1296 г.) и Фолкирке (1298 г.) Уоллас скрывался в лесах — и потому современные исследователи порой пытаются провести параллель между Робин Гудом и этим известным борцом за независимость (см., например: Nollen 2008: 26—46; Cooper 2010).

Эндрю Уинтонский относит похождения Робин Гуда и Маленького Джона к периоду около 1283 года и отзывается о них с одобрением — несомненно, в связи с тем, что считает их врагами английского короля и его ставленни-

ков. По словам хрониста, легендарные стрелки действовали в окрестностях Карлайла, в Инглвуде, а также южнее, в Бернисдейле. Упоминание о последнем выглядит довольно странно, поскольку этот йоркширский лес, традиционное место подвигов Робин Гуда, находится слишком далеко к югу от англошотландской границы; возможно, таким образом автор отдает дань традиции повествований о знаменитом разбойнике.

Судя по всему, Эндрю Уинтонский не сомневался в том, что Робин Гуд и Маленький Джон действительно существовали. Он писал о них как о реальных исторических лицах, живших за десять лет до восстания Уолласа и пользовавшихся уважением местных жителей.

Джон Мэйджор

ИСТОРИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Фрагмент

John Major

HISTORIA MAJORIS BRITANNIAE

Джон Мэйджор (John Major; 1467—1550) — шотландский историк, философ и богослов; в течение длительного времени проживал за границей: учился и преподавал в Сорбонне, а затем, около 1518 года, вернулся на родину и возглавил университет Глазго. К моменту возвращения в Шотландию Мэйджор, предположительно, уже закончил один из своих основных трудов, «Историю Великобритании». Та была написана на латыни и в гораздо меньшей степени, чем сочинение Эндрю Уинтонского, отличалась антианглийской направленностью: в целом, автор описывал правление короля Эдуарда I в довольно сдержанных тонах, избегая негативных оценок. Кроме того, в отличие от своих предшественников, хронист отнес историю Робин Гуда к XII веку, связав ее с эпохой Ричарда Львиное Сердце (возможно, под влиянием повести о Фалке Фицуорене). Знаменитый стрелок в «Истории Великобритании» — смелый и нравственный человек, защитник женщин и бедняков, убивающий только в целях самообороны; однако, в отличие от У. Бауэра, у Дж. Мэйджора благочестие полностью перестает быть определяющей чертой Робин Гуда, уступив место великодушию и благородству.

Ричард Графтон

ПОЛНАЯ ХРОНИКА

Фрагмент

Richard Grafton

CHRONICLE AT LARGE

Ричард Графтон (Richard Grafton; ок. 1506–1573), издатель и ученый, включил в свою «Полную хронику» (1569) достаточно подробный пассаж о Робин Гуде, представив того реальным историческим лицом, но, в отличие от Эндрю Уинтонского и Уолтера Бауэра, вовсе не упомянул Маленького Джона. Что интересно, Графтон явно опирался на сведения из баллад — как минимум, на «Смерть Робин Гуда».

Возможно, именно «Полная хроника», повествующая о легендарном стрелке — разорившемся дворянине, послужила основой для квазибиографической «Правдивой истории...» М. Паркера, герой которой обеднел из-за своей расточительности и за долги оказался объявлен вне закона. В доказательство того, что Робин действительно существовал, автор ссылается на старинные документы, словно предлагая желающим поискать в них исторических свидетельств; о том же, по его словам, свидетельствуют надгробие и крест знаменитого изгнанника, которые, как бы то ни было, до наших дней не сохранились. Не сохранилась и «старинная книжица», откуда хронист якобы почерпнул сюжет о графе, сделавшемся вожаком разбойничьей шайки и врагом короля; возможно, этим источником была изрядно переосмысленная «Повесть о Геймлине», детально излагающая историю бедствующего аристократа.

[1] *...йоркширское аббатство под названием Бирклейс...* — Скорее всего, имеется в виду Кирклейс (см. примеч. 38 к балладе «Повесть о деяниях Робин Гуда»).

[2] *...Вильяма из Голдсборо...* — О человеке с таким прозваньем в балладах ничего не говорится; возможно, Графтон имел в виду Виля Скейтлока. Голдсборо (*англ.* Goldesborough) — деревня в историческом графстве Норт-Йоркшир на севере Англии.

ДОПОЛНЕНИЯ

ВАРИАНТЫ БАЛЛАД

РОБИН ГУД И МЯСНИК

ROBIN HOOD AND THE BUTCHER

Данная версия баллады вошла в два «венка» (см.: Garland 1663; Garland 1670), куда, вероятно, попала вскоре после создания, так как, судя по внутренней рифме (ср., например: «Робин Гуд и Маленький Джон»), была написана не раньше XVII века. С некоторыми изменениями этот текст опубликовал Дж. Ритсон (см.: Ritson 1777/I: 106–111). Фр.-Дж. Чайлд включил его в свое издание под номером 122В (см.: Child 1882–1898/III: 118–119). Кроме того, он имеется в собрании С. Пипса.

В данном варианте отсутствует сцена драки главного героя с мясником, однако, в отличие от текста «А», где мы явно имеем дело с лакуной, здесь это, очевидно, результат авторской воли.

[1] *Несите вина, мы выпьем до дна, | Клянусь, заплачу я за всех.* – Устроение общих пиров, в которых принимали участие все члены гильдии, было в торговых городах обычной практикой. Иногда такие празднества, например, в честь какой-нибудь памятной даты или проезда короля, организовывали и оплачивали городские власти, но чаще это делало какое-то коммерческое или ремесленное объединение (иногда – несколько сразу). В данном случае Робин, возможно, собирается возместить разницу, если пирующие пожелают выпить больше, чем выставлено для общего употребления на пиру.

[2] *Акр* – единица измерения площади, равная примерно 4050 кв. м. Первоначально акр обозначал такое количество пахотной земли, которое за день мог обработать крестьянин с одним волом.

РОБИН ГУД
И СТАРИК

ROBIN HOOD AND THE OLD MAN

Эта баллада, в неполном виде, была обнаружена Т. Перси в «венке» 1670 года (см.: Garland 1670), а также в найденном им манускрипте XVII века, который впоследствии получил название «Фолио Перси» (см.: Folio 1867/I: 14). Исследователь не пожелал опубликовать рукопись, однако познакомил с нею коллег, один из которых, Р. Джемисон, включил «Робин Гуда и старика» в свой сборник «Народные баллады и песни» (см.: Jamieson 1806/II: 49–53). В собрании Фр.-Дж. Чайлда данный текст помещен под номером 140, как вариант истории о спасении трех сквайров.

Несмотря на лакуны, сюжет произведения вполне понятен: Робин Гуд меняется одеждой со стариком (вероятно, нищим) и приказывает своим людям ждать в лесу, пока те не услышат условный сигнал. По звуку рога к вожаку являются «три сотни молодцов», тот сбрасывает лохмотья и показывается во всей красе. Шериф молит о пощаде, но тем не менее отказывается отдать трех приговоренных к смерти юношей — и потому, очевидно, баллада завершается его гибелью.

В комментариях к этой балладе Фр.-Дж. Чайлд предполагает, что мотив переодевания в ней мог быть заимствован из переводного анонимного романа «Благородная история о великолепном и могучем принце и прославленном рыцаре Понтусе, короле Галисии и Малой Британии» («The Noble History of the Most Excellent and Mighty Prynce and High Renowned Knight Kynge Ponthus of Galyce and of Lytell Brytayne»), изданного в Лондоне в 1511 году. Ср.:

> И по пути Понтус встретил бедного паломника, который просил хлеба; на нем были сплошь изорванный плащ и старая шляпа. Поэтому он спешился и сказал паломнику: «Друг, давай обменяемся одеждой, и ты получишь мое платье, а я возьму твое и шляпу». — «О, сэр, — сказал пилигрим, — вы шутите со мной». — «Ей-богу, — отвечал Понтус, — нет». И он раздел его и нарядил в свои одежды, а сам надел лохмотья бедняка: его пояс, чулки и башмаки, шляпу и суму.
>
> Цит. по: Child 1882–1898/III: 179

[1] [*Тут Робин громко*] *затрубил*... — В оригинале начало строки отсутствует; оно восстановлено нами.

РОБИН ГУД СПАСАЕТ ТРЕХ СКВАЙРОВ

ROBIN HOOD RESCUING THREE SQUIRES

Данная версия баллады вошла в состав нескольких «венков» XVIII века (см., напр.: Garland [s. a.]; Garland 1741?; Garland 1790?), а также в собрание Фр. Дауса.

Произведение начинается со сцены в духе рыцарского романа: герой встречает прекрасную даму, которая ищет заступника (ср.: «Робин Гуд и принц Арагонский»). Стрелок охотно помогает ей, как и предписывает ему личный этический кодекс, колоритно обрисованный в «Деяниях». Примечательно, что Робин обращается к вдове как к типичной «девице в беде», хотя перед ним, несомненно, почтенная женщина (мать троих взрослых сыновей). Возможно, это авторская ирония.

КАК МАЛЕНЬКИЙ ДЖОН ПРОСИЛ МИЛОСТЫНЮ

LITTLE JOHN A BEGGING

Данная версия баллады была опубликована только в составе одного сборника — «Фолио Перси» (см.: Folio 1867/I: 47–49). Возможно, ее малоизвестность объясняется тем, что текст неполон: в самом начале и перед финальным четверостишием имеются большие — примерно по полстраницы — лакуны.

Завязка произведения напоминает зачин истории о спасении трех юношей, однако здесь переодевание главного героя преследует совсем другую цель. Маленький Джон убеждает старого нищего поменяться с ним одеждой и заодно получает несколько советов, как правильно просить милостыню. Подготовившись таким образом, он пытается пристать к компании трех паломников, однако те оказывают ему весьма суровый прием. Можно предположить, что Джон отвечает им не меньшей грубостью и забирает у них все деньги.

[1] *Три лучших церкви бы купил...* — Скорее всего, речь идет о покупке земли или финансировании постройки; либо же (поскольку баллада относительно поздняя — XVII в.) автор попытался сделать отсылку к католическому прошлому Англии, когда, в представлении широкой публики, «спасение души» обеспечивалось финансовыми вложениями.

РОБИН ГУД И ЕПИСКОП ХЕРЕФОРДСКИЙ

ROBIN HOOD
AND THE BISHOP OF HEREFORD

Фр.-Дж. Чайлд обнаружил данную версию баллады в рукописном сборнике «Собрание английских и шотландских песен» («Collection of Songs English and Scots»), составленном некой Элизабет Кокран (Elizabeth Cochrane) около 1730 года. Возможно, именно этот текст послужил своеобразным «приквелом» к «Робин Гуду и королеве Екатерине», где в финале епископ жалуется королю на то, что разбойники вынудили его в лесу отслужить мессу (в другом варианте «Робин Гуда и епископа Херефордского» пленника заставляют плясать).

[1] *Лэрд* (шотл. laird) — название шотландских землевладельцев.

РОБИН ГУД И КОРОЛЕВА ЕКАТЕРИНА

Версия первая

ROBIN HOOD
AND QUEEN CATHERINE

Эта версия баллады опубликована в составе лишь одного сборника — «Фолио Перси» (см.: Folio 1867/I: 38–46). Как и в случае со вторым вариантом баллады «Как Маленький Джон просил милостыню», ее непопулярность можно объяснить значительными пропусками текста. В оригинале имеются четыре лакуны (примерно по полстраницы), из-за чего, например, отсутствуют подробности о том, как Робин и его друзья проявили себя на турнире.

[1] *Ковентри* — город в Центральной Англии (графство Уэст-Мидлендс); к XV в. сделался одним из крупнейших английских городов.

[2] *Юрьев день* — день памяти св. Георгия Победоносца. В западной традиции отмечается 23 апреля.

[3] [*В столице увидать.*] — Строка восстановлена самим Т. Перси.

РОБИН ГУД И КОРОЛЕВА ЕКАТЕРИНА

Версия вторая

ROBIN HOOD AND QUEEN CATHERINE

Эта версия баллады вошла в «венок» 1663 года (см.: Garland 1663). Фр.-Дж. Чайлд включил ее в свой сборник под номером 145С (см.: Child 1882–1898/ III: 202–204), однако отнесся к ней скептически, назвав «грубой поделкой». В частности, он отметил, что анонимный автор превратил хорошо известного сэра Ричарда Ли в Роберта Ли, возможно спутав его с Робертом Хантингтоном из пьесы Э. Мандэя (см.: Ibid.: 197).

[1] *На севере жил он, под сенью ветвей...* — Ноттингем и Шервуд находятся не на севере Англии, а в ее центральной части. Вероятно, данную балладу сочинил некий лондонский автор, специализировавшийся на незатейливых виршах для «листков» и довольно плохо разбиравшийся в географии страны.

КАК РОБИН ГУД РЫБАЧИЛ

ROBIN HOOD'S FISHING

Известно, что баллада с таким названием внесена в Издательский реестр 1631 года. Вариант, приводимый в настоящем издании, был обнаружен в Форрестерской рукописи; он же вошел в собрание Э. Вуда. Вероятно, источником произведения послужил некий «венок», поскольку в конце оно словно обрывается, по-видимому, из-за жесткой необходимости уместить текст на одной странице.

Лексика баллады до некоторой степени выдает ее «коммерческое» происхождение: в ней мы находим типичные для профессиональных сочинителей того времени слова — наподобие «desperately» (*англ.* — «отчаянно») и «gallantly» (*англ.* — «учтиво, отважно»). Но, с другой стороны, своей простотой она во многом напоминает классические народные баллады о Робин Гуде.

[1] «*Коль ты зовешься Саймон Ли, | Тем паче мне ты будешь мил*». — Возможно, реакция женщины объясняется тем, что ее собеседник носит узнаваемое, символическое имя Симон (или Саймон) — первоначальное имя апостола Петра, считающегося покровителем рыбаков (см. примеч. 2 к балладе «Благородный рыбак, или Выбор Робин Гуда»).

[2] *Уитби* (Whitby) — приморский город и порт в графстве Норт-Йоркшир.

[3] *Покуда жив я, до тех пор | Священник будет там служить*. — В оригинале Робин говорит, что обещает на протяжении всей жизни содержать священника построенной им церкви. В средние века эта практика была довольно распространенной: «своих» священников нередко нанимали как частные лица, так и целые гильдии.

ДЖОННИ КОК

JOHNNY COCK

В собрание Фр.-Дж. Чайлда данная баллада была включена под номером 114 (см.: Child 1882–1898/III: 4); однако многие другие крупные фольклористы обошли ее вниманием. Известно, что еще 1780 году некая мисс Фишер из Карлайла прислала «Джонни Кока» Т. Перси (см.: Ibid.: 1), но собиратель не воспользовался полученным текстом и не включил его в «Памятники старинной английской поэзии». Краткое упоминание о балладе (но не более!) мы находим также у Дж. Ритсона, в сборнике «Шотландская песня»: составитель отмечает, что его знакомый некогда слышал произведение под названием «Джонни Кокс (*sic!*)» (см.: Ritson 1794/I: XXXVI).

Один из вариантов данного сочинения в 1802 году опубликовал Вальтер Скотт (см.: Scott 1802/I: 59), сведя воедино несколько списков конца XVIII века. Судя по количеству версий, эта баллада была весьма популярна в устной традиции, хотя и не выходила в формате «листка». Впрочем, во всех версиях сюжет оставался одинаковым: храбрый молодой человек, презирающий

Лесной закон, вопреки предостережениям матери отправляется на охоту, убивает оленя — и становится жертвой лесников, успевая перед смертью отправить домой последнюю весточку.

Несмотря на трагический исход баллады, в ней прослеживается некоторое сходство с робин-гудовскими историями, главное из которых состоит в том, что герой, одетый в плащ линкольнского сукна, сражается с пятнадцатью лесничими (ср.: «Робин Гуд идет в Ноттингем»). Незадолго до этого он трубит в охотничий рог — непременный атрибут Робин Гуда, — хотя и не с целью позвать на выручку друзей. Наконец, Джонни Коку встречается знакомый читателю второстепенный персонаж — паломник (правда, в отличие от истории о спасении Робин Гудом трех юношей, он не помогает герою, а выдает его).

[1] *Брейд.* — Трудно сказать наверняка, какое конкретно место имеется в виду в данном случае, поскольку известен целый ряд топонимов, включающих данное слово. В основном поименованные так географические объекты расположены в окрестностях Эдинбурга: это и поместье с охотничьим парком Хермитедж-оф-Брейд (Hermitage of Braid), и холмы Брейд-Хиллз (Braid Hills), ныне вошедшие в городскую черту, и долина небольшой реки Брейд-Берн (Braid Burn).

ДРУГИЕ ПЕРЕВОДЫ БАЛЛАД

В данном разделе представлены переводы баллад о «зеленом лесе», не раз перепечатывавшиеся и давно признанные классическими. При их отборе подготовитель руководствовался художественной ценностью и адекватностью передачи оригинального материала либо же его индивидуальным переосмыслением именитыми поэтами как дореволюционной, так и советской эпохи.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Берман 1998	*Берман Г.-Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Изд-во МГУ; Издательская группа ИНФРА-М НОРМА, 1998.
Гавейн 2003	Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь / Изд. подгот. В.П. Бетаки, М.В. Оверченко. М.: Наука, 2003 (Литературные памятники).
Морозов 1954	*Морозов М.М.* Избранные статьи и переводы. М.: Художественная литература, 1954.
Мэлори 2005	*Мэлори Т.* Смерть Артура / Изд. подг. И.М. Бернштейн, В.М. Жирмунский, А.Д. Михайлов, Б.И. Пуришев. СПб.: Наука, 2005 (Репринт 1974) (Литературные памятники).
ПИА 1936	Памятники истории Англии XI–XIII вв. / Под ред. Д.М. Петрушевского М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936.
Роланд 1964	Песнь о Роланде: Старофранцузский героический эпос / Изд. подгот. И.Н. Голенищев-Кутузов, Ю.Б. Корнеев, А.А. Смирнов, Г.А. Стратановский. М.; Л.: Наука, 1964. (Библиотека всемирной литературы. Т. 10).
ПТ 1974	Поэзия трубадуров; Поэзия миннезингеров; Поэзия вагантов. М.: Художественная литература, 1974.
Скотт 1990	*Скотт В.* Собрание сочинений: В 8 т. М.: Правда, 1990.
Фома Аквинский 2013	*Фома Аквинский.* Сумма Теологии: В 12 т. Киев: Ника-Центр, 2013. Т. 8.
ХПФГ 1961	Хрестоматия памятников феодального государства и права

стран Европы / Под ред. В.М. Корецкого. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1961.

Чосер 2012 — *Чосер Дж.* Кентерберийские рассказы / Изд. подгот. А.Н. Горбунов, В.С. Макаров. М.: Наука, 2012 (Литературные памятники).

ЭА 1989 — Эолова арфа: Антология баллады / Сост., предисл., коммент. А.А. Гугнина. М.: Высшая школа, 1989.

AC 1970 — The Anonimalle Chronicle, 1333 to 1381: From a MS. Written at St Mary's Abbey, York / Ed. V.H. Galbraith. Manchester: Manchester University Press; N. Y.: Barnes & Noble, 1970.

AMT 1829 — Ancient Metrical Tales Printed Chiefly From Original Sources / Ed. Ch.H. Hartshorne. L.: Pickering, 1829.

Anglo 1957 — *Anglo S.* An Early Tudor Programme for Plays and Other Demonstrations against the Pope // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1957. № 20. P. 176–179.

Archaeologia 1836 — A Brief Summary of the Wardrobe Accounts of the Tenth, Eleventh, and Fourteenth Years of King Edward the Second, Contained in a Letter Addressed by Thomas Stapleton, Esq. F.S.A. to John Gage, Esq. F.R.S., Director // Archaeologia. 1836. Vol. 26. P. 318–345.

Beggar 1810?–1835? — The History of Robin Hood and the Beggar. Aberdeen: Printed by and for A. Keith, 1810?–1835?

Bergier 1990 — *Bergier J.-Fr.* Wilhelm Tell: Realität und Mythos. Munich: List, 1990.

Bolland 1925 — *Bolland W.C.* A Manual of Year Book Studies. Cambridge: Cambridge University Press, 1925.

Brackton 1968 — *Brackton H.* On the Laws and Customs of England. Cambridge: Harvard University Press, 1968.

Brewer 1898 — *Brewer E. Cobham.* Dictionary of Phrase and Fable. L.; P.; N. Y.; Melbourne: Cassell & C°, 1898.

Bromyard 1518 — *Bromyard J.* Summa Predicantium. Nuremberg, 1518.

Bryant 1913 — *Bryant F.E.* A History of English Balladry, and Other Studies. Boston: R.G. Badger, 1913.

Buchan 1828 — *Buchan P.* Ancient Ballads and Songs of the North of Scotland:

	Hitherto Unpublished, with Explanatory Notes: In 2 vol. Edinburgh: Printed for W. & D. Laing and J. Stevenson, 1828. Vol. 1.
Byddell 1536	Adambel, Clym of the Cloughe, and Wyllyam of Coudesle. L.: Byddell, 1536.
Cawthorne 2013	*Cawthorne N.* A Brief History of Robin Hood. L.: Hachette UK, 2013.
Chaucer 1894	The Complete Works of Geoffrey Chaucer: In 6 vol. / Ed. from Numerous Manuscripts by the Rev. Walter W. Skeat. Oxford: The Clarendon Press, 1894.
Child 1860	English and Scottish Ballads: In 8 vol. / Ed. Fr.J. Child. Boston: Little, Brown & C°, 1860.
Child 1882–1898	The English and Scottish Popular Ballads: In 10 vol. / Ed. Fr.J. Child. Boston; N. Y.: Houghton, Mifflin & C°, 1882–1898.
Child 1965	The English and Scottish Popular Ballads: In 5 vol. Rpt. / Ed. Fr.J. Child. N. Y.: Dover, 1965. Vol. 3.
Clawson 1909	*Clawson W.H.* The Gest of Robin Hood. Toronto: University of Toronto Library, 1909.
Clayton 2003	*Clayton M.* The Cult of the Virgin Mary in Anglo-Saxon England. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
Coffin, Renwick 1950	*Coffin T.P., Renwick R.* The British Traditional Ballad in North America. Austin (TX): University of Texas Press, 1950.
Cooke 1820	*Cooke G.A.* Topography of Great Britain or, British Traveller's Pocket Directory. L.: Sherwood, Neely & Jones, 1820.
Cooper 2010	*Cooper A.* WilliamWallace: Robin Hood Revealed. Halifax: BVM Publishing, 2010.
Copland 1560?	A Mery Geste of Robyn Hoode and of Hys Lyfe, wyth a Newe Playe for to be Played in Maye Games Very Plesaunte and Full of Pastyme. L.: Copland, 1560?
Crook 1988	*Crook D.* The Sheriff of Nottingham and Robin Hood: The Genesis of the Legend? // Thirteenth Century England. Proceedings of the Newcastle upon Tyne Conference 1987 / Ed. P.R. Coss, S.D. Lloyd. Woodbridge: Boydell & Brewer, 1988. P. 59–68.
CRR 1999	Curia Regis Rolls: In 18 vol. / Ed. P. Brand. Woodbridge: Boydell Press, 1999. Vol. XVIII. 1243–1245.

Cuchulain 1907 — Cuchulain of Muirthemne. The Story of the Men of the Red Branch of Ulster / Arranged and Put into English by Lady Gregory; with a Preface by W.B. Yeats. L.: John Murray, 1907.

Dixon 1846 — Ancient Poems, Ballads, and Songs of the Peasantry of England / Ed. J.H. Dixon. L.: Percy Society, 1846.

Dobson 1996 — *Dobson R.B.* Church and Society in the Medieval North of England. L.: A. & C. Black, 1996.

Dobson, Taylor 1976 — *Dobson R.B., Taylor J.* Rymes of Robyn Hood: An Introduction to the English Outlaw. L.: Heinemann, 1976.

Dobson, Taylor 1995 — *Dobson R.B., Taylor J.* Rhymes of Robin Hood: The Early Ballads and the Gest // Robin Hood: The Many Faces of that Celebrated English Outlaw / Ed. K. Carpenter. Oldenburg: Bibliotteks- und Enformationssystem der Universität Oldenburg, 1995. P. 35–44.

Doesbroch 1510? — A Gest of Robyn Hode. Antwerp: Van Doesbroch, 1510?

Douce [s. a.] — Douce Collection. Bodleian Library (Oxford).

DP 1980 — Dives and Pauper: In 2 vol. / Ed. P.H. Barnum. L.: Oxford University Press, 1980 [1976]. Vol. 1.

Dunn 1967 — *Dunn C.W.* Romances Derived from English Legend // Manual of Writings in Middle English, 1050–1500: In 11 vol. / Ed. J.B. Severs. New Haven (CT): The Connecticut Academy of Arts and Sciences, 1967. Vol. 1. Romances. P. 17–37.

Evans 1777 — Old Ballads, Historical and Narrative, with Some of Modern Date, Now First Collected and Reprinted from Rare Copies: In 2 vol. / Ed. Th. Evans. L.: Th. Evans, 1777. Vol. 1.

Evans 1810 — Old Ballads, Historical and Narrative, with Some of Modern Date: Collected from Rare Copies and Manuscripts: In 4 vol. / Ed. Th. Evans, R.H. Evans. L.: Printed for R.H. Evans, Pall-Mall, by W. Bulmer and C°, 1810. Vol. 2.

FitzWarin 1855 — The History of Fulk FitzWarin, an Outlawed Baron, in the Reign of King John: Edited from a Manuscript Preserved in the British Museum, with an English Translation and Illustrative Notes / Ed. Th. Wright. L.: Printed for the Warton Club, 1855.

Fitz Waryn 1975 — Fouke Le Fitz Waryn / Ed. E.J. Hathaway, P.T. Ricketts, C.A. Robson, A.D. Wilshere. Anglo-Norman Text Society. Oxford: Basil Blackwell, 1975.

FM 1998 — Robin Hood: The Forresters Manuscript (British Library Additional MS 71158) / Ed. St.Th. Knight. Woodbridge: Boydell & Brewer Ltd, 1998.

Folio 1867 — Bishop Percy's Folio Manuscript. Ballads and Romances: In 3 vol. / Ed. J.W. Hales, F.J. Furnivall. L.: N. Trubner & C°, 1867. Vol. 1.

Fowler 1980 — *Fowler D.C.* The Literary History of Popular Ballads // The Manual of Writings of Middle English, 1050–1550: In 6 vol. / Ed. A.E. Hartung. New Haven (CT): The Connecticut Academy of Arts and Sciences, 1980. P. 1753–1808.

Frazer 1923 — *Frazer J.* The Golden Bough: A Study of Magic and Religion. L.: Macmillan & C°, 1923.

Freeman 1993 — *Freeman A.* Robin Hood: The «Forresters» Manuscript. L.: Bernard Quaritch, 1993.

Friedman 1961 — *Friedman A.B.* The Ballad Revival. Studies in the Influences of Popular on Sophisticated Poetry. Chicago (IL): Chicago University Press, 1961

Gamelyn 1884 — The Tale of Gamelyn / Ed. W.W. Skeat. Oxford: Clarendon Press, 1884.

Garland [s. a.] — Robin Hood's Garland. L.: Printed by L. How in Peticoat Lane, [s. a.].

Garland 1663 — Robin Hoods Garland; or Delightful Songs, Shewing the Noble Exploits of Robin Hood, and His Yeomendrie. With new Edditions and Emendations'. L.: Printed for W. Gilbertson, at the Bible in Giltspur Street without Newgate, 1663.

Garland 1670 — Robin Hoods Garland. Containing His Merry Exploits, and the Several Fights Which He, Little John, and Will. Scarlet Had, upon Several Occasions. Some of Them Never Before Printed. L.: Printed for F. Coles, T. Vere, and J. Wright, 1670.

Garland 1741? — Robin Hood's Garland Being a Compleat History of All the Notable and Merry Exploits Perform'd by Him and His Men on Divers Occasions. Adorn'd with Twenty-Seven Neat and Curious Cuts, Proper to the Subject of Each Song. L.: Printed by C. Dicey in Bow Church Yard, 1741?

Garland 1749 — Robin Hoods Garland. [s. l.], 1749.

Garland 1753? — Robin Hoods Garland. L.: Printed by W. & C. Dicey, in St

	Mary Aldermary Church Yard, Bow Lane, Cheapside, and sold at the Warehouse in Northampton, 1753?
Garland 1790?	Robin Hood's Garland. Being a Complete History of all the Notable and Merry Exploits Performed by Him and His Men on Many Occasions. To Which is Added a Preface, Giving a More Full and Particular Account of His Birth, &c. Then Any Hitherto Published. Adorned with Twenty-Seven Neat and Curious Cuts Adapted to the Subject of Each Song. L.: J. Marshall & C°, Aldermary Churchyard, 1790?
Gawain 1967	Sir Gawain and the Green Knight / Ed. J.R.R. Tolkien, E.V. Gordon. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press, 1967.
Geoffrey of Monmuth 1842	Geoffrey of Monmuth's British History: In 12 bk / Trans. from the Latin by A. Thompson, Esq. L.: James Bohn, 1842.
Gower 1899	The Complete Works of John Gower / Ed. G.C. Macauley. Oxford: Clarendon Press, 1899.
Grammaticus 1980–1981	Saxo Grammaticus. Danorum regum heroumque historia. Books X–XVI. The Text of the First Edition with Translation and Commentary: In 3 vol. / Ed. E. Christiansen, Oxford: B.A.R., 1980–1981. Vol. 1.
Graves 1948	*Graves R.* The White Goddess. L.: Faber, 1948.
Green 1990	*Green J.A.* English Sheriffs to 1154 // Public Records Handbook. 1990. №. 24. P. 65–66.
Grimm 1882	*Grimm J.* Teutonic Mythology: In 4 vol. L.: George Bell & Sons, 1882. Vol. 1.
Grafton 1569	*Grafton R.* A Chronicle at Large and Meere History of the Affayres of Englande and Kinges of the Same Deduced from the Creation of the Vvorlde, vnto the First Habitation of Thys Islande; and So by Contynuance vnto the First Yere of the Reigne of our Most Deere and Souereigne Lady Queene Elizabeth: Collected out of Sundry Aucthors, Whose Names are Expressed in the Next Page of this Leafe. L.: By Henry Denham, dwelling in Paternoster Rowe, for Richarde Tottle and Humffrey Toye, 1569.
Gutch 1847	A Lytelle Gest of Robin Hood with other Auncient and Modern Ballads and Songs Relating to the Celebrated Yeoman: In 2 vol. / Ed. J.M. Gutch. L.: Longman, 1847.

Hanawalt 1986 — *Hanawalt B.* The Ties That Bound: Peasant Families in Medieval England. N. Y.; Oxford: Oxford University Press, 1986.

Hanawalt 1992 — *Hanawalt B.A.* Ballads and Bandits: Fourteenth-Century Outlaw and the Robin Hood Poems // Chaucer's England: Literature in Historical Context. Minneapolis (MN): University of Minnesota Press, 1992. P. 154–175.

Hazlitt 1904 — The Collected Works of William Hazzlit: In 12 vol. L.: J.M. Dent & C°, 1904. Vol. 12.

Hereward 1888 — Gesta Herewardi Saxoni / Ed. Th.D. Hardy, C.T. Martin // Lestoire des Engles solum la translaction maistre Geffrei Gaimar. In 2 vol. L.: Eyre & Spottiswoode, 1888. Vol 1. P. 339–404.

Hilton 1976 — *Hilton R.* Peasants, Knights and Heretics. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.

Hilton 1958 — *Hilton R.* The Origins of Robin Hood // Past and Present. 1958. № 14. P. 30–34.

Hindley 1884 — *Hindley C.* A History of the Cries of London, Ancient and Modern. L.: C. Hindley, 1884.

Holt 1960 — *Holt J.C.* The Origins and Audience of the Ballads of Robin Hood // Past and Present. 1960. № 18. P. 89–110.

Holt 1982 — *Holt J.C.* Robin Hood. L.: Thames & Hudson, 1982.

Holt 1989 — *Holt J.C.* Robin Hood. 2nd ed. L.: Thames & Hudson, 1989.

Horgan 2015 — *Horgan K.* The Politics of Songs in Eighteenth-Century Britain, 1723–1795. L.; N. Y.: Routledge, 2015.

Hunter 1845 — *Hunter J.* New Illustrations of the Life, Studies, and Writings of Shakespeare: In 2 vol. L.: Nichols, 1845. Vol. 1.

Hunter 1852 — *Hunter J.* The Great Hero of the Ancient Minstrelsy of England: Robin Hood, His Period, Real Character, *etc*., Investigated // Critical and Historical Tracts. L.: Smith, 1852. P. 28–38.

Hutton 1994 — *Hutton R.* The Rise and Fall of Merry England: The Ritual Year 1400–1700. Oxford: Oxford University Press, 1994.

Interlude 1848 — The Interlude of the Four Elements: An Early Moral Play. L.: Printed for the Percy Society, 1848.

Jamieson 1806 — Popular Ballads and Songs, From Traditions, Manuscripts, and Scarce Editions with Translations of Similar Pieces from the An-

	cient Danish Language, and a Few Originals by the Editor. In 2 vol. / Ed. R. Jamieson. Edinburgh: Constable, 1806.
Johnson 1783	*Johnson B.* The Sad Shepherd, or A Tale of Robin Hood. L.: Printed for J. Nichols, 1783.
Jusserand 1920	English Wayfaring Life in the Middle Ages (XIVth century) / Ed. J. Jusserand, L.T. Smith. N. Y.: G.P. Putnam's sons; L.: T.F. Unwin, 1920.
Justinian 1888	The Institutes of Justinian / Transl., introd. and notes by Th.C. Sandars. L.: Longmans, Green & C°, 1888.
Kaeuper 1983	*Kaeuper R.W.* An Historian's Reading of The Tale of Gamelyn // Medium Aevum. 1983. № 52. P. 51–62.
Kaeuper 1988	*Kaeuper R.W.* War, Justice and Public Order. Oxford: Clarendon Press, 1988.
Keen 1961a	*Keen M.* The Outlaws of Medieval Legend. L.: Routledge: Kegan Paul, 1961.
Keen 1961b	*Keen M.* Robin Hood: Peasant or Gentleman? // Past and Present. 1961. № 19. P. 7–15.
Keightley 1834	*Keightley T.* Tales and Popular Fictions: Their Resemblance and Transmission from Country to Country. L.: Whittaker, 1834.
Kinloch 1827	*Kinloch G.R.* Ancient Scottish ballads, recovered from tradition. L.: Longman, Rees, Orme, Brown, & Green; [*etc.*, *etc.*], 1827.
Knight 1994	*Knight St.Th.* Robin Hood: A Complete Study of the English Outlaw. Oxford: Blackwell, 1994.
Knight 1997	Robin Hood and Other Outlaw Tales / Ed. St.Th. Knight, T.H. Ohlgren. Kalamazoo (MI): Medieval Institute Publications, 1997.
Knight 2003	*Knight St.Th.* Robin Hood: A Mythic Biography. Ithaca (NY); L.: Cornell University Press, 2003.
Knight 2008	*Knight St.Th.* The Earliest Contexts // Images of Robin Hood: Medieval to Modern / Ed. L. Potter, J. Calhoun. Newark: University of Delaware Press, 2008. P. 29–33.
Langland 1886	*Langland W.* The Vision of William Concerning Piers the Plowman: In 2 vol. / Ed. Rev. W.W. Skeat. Vol. I. Oxford: Clarendon press, 1886.
Latimer 1844	The Works of Hugh Latimer, Sometime Bishop of Worcester,

	Martyr, 1555: In 2 vol. Cambridge: The University Press, 1844. Vol 1.
Letters 1965	The Paston A.D. 1422–1509 / Ed. J. Gairdner. N. Y.: AMS Press, 1965.
Maddicot 1978	*Maddicot J.R.* The Birth and Setting of the Ballads of Robin Hood // English Historical Review. 1978. № 93. P. 276–299.
Makars 2010	The Makars: An Anthology / Ed. J. Tasioulas. Edinburgh: Canongate Books, 2010.
Manuscript 1836	Songs and Carols Printed From A Manuscript in the Sloane Collection in the British Museum / Ed. T. Wright. L.: William Pickering, 1836. № 10.
Maskell 1845	*Maskell W.* A History of Martin Marprelate Controversy in the Reigh on Queen Elizabeth. L.: William Pickering, 1845.
Mills 1983	*Mills D.* Drama and Folk-Ritual // The Revels History of Drama in English: In 2 vol. L.: Methuen, 1983. Vol. 1: Medieval Drama. P. 122–151.
Miracles 1906	The Miracles of Our Lady Saint Mary: Brought out of Divers Tongues and Newly Set Forth in English / Ed. E. Underhill. N. Y.: E.P. Dutton & C°, 1906.
Munday 1601	*Munday A.* The Downfall of Robert, Earle of Huntington, afterward Called Robin Hood of Merrie Sherwodde: with His Loue to Chaste Matilda, the Lord Fitzwaters Daughter, afterwardes His Faire Maide Marian; and Also the Death of Robert, Earle of Huntingon, otherwise Called Robin Hood of Merrie Sherwodde: with the Lamentable Tragedie of Chaste Matilda, His Faire Maid Marian, Poysoned at Dunmowe by King John. L.: Printed by William Leake, 1601.
Munday 1828	*Munday A.* The Death of Robert Earl of Huntington / Ed. H. Chettle. L.: Septimus Prowett, 1828.
Murray 1931	*Murray M.* The God of the Witches. L.: Faber, 1931.
Myers 1972	*Myers A.R.* London in the Age of Chaucer. Norman (OK): University of Oklahoma Press, 1972.
Myracle 1990	Also an Other Myracle of a Certayne Thefe // The Myracles of Oure Lady: Edited from Wynken de Worde's Edition / Ed. P. Whiteford. Heidelberg: Carl Winter, 1990. P. 76.

Neilson 1786	The English Archer, or Robin Hood's Garland. Paisley: Printed by John Neilson for George Caldwell, Bookseller, near the Cross, 1786. Bodleian Library, Douce, F. F. 71 (6).
Nollen 2008	*Nollen S.A.* Robin Hood: A Cinematic History of the English Outlaw and His Scottish Counterparts. Jefferson: McFarland and C°, 2008.
NQ 1879	Tale of a Tub // Notes & Queries. 1879. Vol. XII. P. 216.
OATD 2014	The Oxford Anthology of Tudor Drama / Ed. G. Walker. Oxford: Oxford University Press, 2014.
Ohlgren 2000	*Ohlgren T.H.* The «Marchaunt» of Sherwood: Mercantile Ideology in «A Gest of Robyn Hode» // Robin Hood in Popular Culture: Violence, Transgression, and Justice / Ed. T. Hahn. Woodbridge: D. S. Brewer, 2000. P. 175–190.
Oxford 1910	The Oxford Book of Ballads / Ed. A. Quiller-Couch. Oxford: Oxford Clarendon Press, 1910.
Parker 1632	A True Tale of Robbin [Hood] or, A Briefe Touch of the Life and Death o[f that] Renowned Outlaw, Robert Earle of Huntin[gton] Vulgarly Called Robbin Hood, Who Lived and Died in [A.D.] 1198, Being the 9. Yeare of the Reigne of King Ric[hard] the First, Commonly Called Richard Cuer de Lyon. Carefully Collected out of the Truest Writers of our English C[hroni]cles. And Published for the Satisfaction of Those Who Desire to s[ee] Truth Purged from Falsehood by Martin Parker. L.: For T. Cotes, 1632.
Parker 1686	A True Tale of Robin Hood, or, A Brief Touch of the Life and Death of that Renowned Outlaw, Robert, Earl of Huntington, Vulgarly Called Robin Hood Who Lived and Dyed in A.D. 1198, Being the 9th Year of the Reign of King Richard the First, Commonly Called Richard Coeur de Lyon, Carefully Collected out of the Truest Writers of our English Chronicles and Published for the Satisfaction of Those Who Desire Truth from Falsehood by Martin Parker. L.: Printed for J. Clark, W. Thackeray, and T. Passinger, 1686.
Paston 1723	A Collection of Old Ballads Corrected from the Best and Most Ancient Copies Extant: With Introductions Historical and Critical, Illustrated with Copper Plates: In 3 vol. L.: Printed for J. Roberts and D. Leach, 1723.

Pearsall 1965 — *Pearsall D.A.* The Development of Middle English Romance // Medieval Studies. 1965. № 27. P. 91–116.

Percy 1765 — Reliques of Ancient English Poetry: Consisting of Old Heroic Ballads, Songs, and Other Pieces of Our Earlier Poets, Chiefly of the Lyric Kind: Together with Some Few of Later Date. In 3 vol. / Ed. Th. Percy L.: Printed for J. Dodsley in Pall-Mall, 1765.

Pollard 2005 — *Pollard A.J.* Imagining Robin Hood: The Late Medieval Stories in Historical Context. N. Y.: Routledge, 2005.

PPMF 1828 — The Progresses, Processions, and Magnificent Festivities, of King James the First, His Royal Consort, Family, and Court: Collected from Original MSS., Scarce Pamphlets, Corporation Records, Parochials Registers, *etc.*, *etc.*: In 4 vol. L.: J. Nichols, 1828. Vol. 3.

Prideaux 1886 — *Prideaux W.F.* Who Was Robin Hood? // Notes and Queries. 1886. Vol. II. P. 421–424.

Pynson 1500? — A Gest of Robyn Hode. L.: Richard Pynson, 1500?

Redford 1935 — *Redford C.* Early Drama in Exeter // Transactions of the Devonshire Assoc. 1935. № 67. P. 361–370.

RH 1995 — Robin Hood: The Many Faces of that Celebrated Outlaw / Ed. K. Carpenter. Aldenburg: Bibliotheks- und Informationssystem der Universität, 1995.

RH 1999 — Robin Hood: An Anthology of Scholarship and Criticism / Ed. St.Th. Knight. Cambridge: D.S. Brewer, 1999.

RHPC 2000 — Robin Hood in Popular Culture: Violence, Transgression, and Justice / Ed. T. Hahn. Woodbridge: D.S. Brewer, 2000.

Rhead 1912 — *Rhead L.J.* Robin Hood and His Outlaw Band: Their Famous Exploits in Sherwood Forest. L.; N. Y.: Harper & Brothers, 1912.

Ritson 1790 — Ancient Songs from the Time of King Henry the Third to the Revolution / Ed. J. Ritson. L.: J. Johnson, 1790.

Ritson 1791 — Pieces of Ancient Popular Poetry / Ed. J. Ritson. L.: Printed by C. Clark, 1791.

Ritson 1795 — Robin Hood: A Collection of All the Ancient Poems, Songs, and Ballads Now extant Relative to the Celebrated English Outlaw: In 2 vol. / Ed. J. Ritson. L.: Egerton & Johnson, 1795.

Ritson 1823 — Robin Hood: A Collection of All the Ancient Poems, Songs and Ballads, Now Extant, Relative to that Celebrated English Outlaw: To which are Prefixed Historical Anecdotes of His Life / Ed. J. Ritson. L.: Printed for C. Stoking, 1823.

Ritson 1832 — Robin Hood: A Collection of All the Ancient Poems, Songs and Ballads Relative to the Celebrated English Outlaw: In 2 vol. 2nd ed. / Ed. J. Ritson. L.: Pickering, 1832.

Romans 1986 — Romans, Lais, Fabliaux, Contes, Moralité et Miracles Inédites-des XII et XIIIe Siécles / Ed. M. Monmerqué, P. de Larenaudière, F. Michel. P.: Silvestre, 1986

Romances 1966 — Middle English Verse Romances / Ed D.B. Sands. N. Y.: Holt Rinehart, 1966.

Roxburghe 1871–1899 — The Roxburghe Ballads: In 9 vol. / Ed. W. Chappell, J.W. Ebsworth. Hertford: Printed for the Ballad Society by S. Austin & Sons, 1871–1899.

RRH 1976 — Rymes of Robin Hood: An Introduction to the English Outlaw / Ed. R.B. Dobson, J. Taylor. Pittsburgh: Pittsburgh University Press, 1976.

Rymes 1976 — Rymes of Robin Hood: An Introduction to the English Outlaw / Ed. R.J. Dobson, J. Taylor. L.: Heinemann, 1976.

Saga 1887 — Orkneyinga Saga and Magnus Saga, with Appendices / Ed. G. Vigfusson, Sir G. Dasent. L.: Byrn & Spottiswoode, 1887.

Scattergood 1994 — *Scattergood J.* The Tale of Gamelyn: The Noble Robber as Provincial Hero // Readings in Medieval English Romance / Ed. C.M. Meale. Cambridge: Brewer, 1994. P. 159–194.

Scott 1802 — *Scott W.* The Minstrelsy of the Scottish Border: In 3 vol. L.: Printed by J. Ballantyne, for T. Cadell, jun. and W. Davies, 1802–1803. Vol. 2.

Schmidt, Jakobs 1980 — *Schmidt A.V.C., Jacobs N.* Medieval English Romances. L.: Hodder & Stoughton, 1980.

SDECH 1906 — Select Documents of English Constitutional History / Ed. G.B. Adams, H.M. Stephens. L.: Macmillan, 1906.

Shakespeare 2007 — *Shakespeare W.* Henry IV // The Complete Works of William Shakespeare. Ware: Wordsworth Editions, 2007. P. 559–740. (Wordsworth Library Collection).

Shoemaker 2003 — *Shoemaker S.J.* Ancient Traditions of the Virgin Mary's Dormition and Assumption. Eugene: OSU Press, 2003.

Singman, Forgeng 1998 — *Singman J., Forgeng J.* Robin Hood: The Shaping of the Legend. Westport (CT): Greenwood Publishing Group, 1998.

Skelton 1855 — The Poetical Works of John Skelton: In 3 vol. / Ed. Rev. A. Dyce. Boston: Little, Brown & Company, 1855. Vol. 1.

Stock 2000 — *Stock L.K.* Lords of the Wildwood: The Wild Man, the Green Man and Robin Hood // Robin Hood in Popular Culture / Ed. T.G. Hahn. Cambridge: Brewer, 2000. P. 239–249.

Tardif 1983 — *Tardif R.* The «Mistery» of Robin Hood: A New Social Context for the Texts // Worlds and Words: Studies in the Social Role of Verbal Culture / Ed. St.Th. Knight, S.N. Mukherjee. Sydney: Sydney Association for Studies in Society and Culture, 1983. P. 130–145.

TJM 2002 — The Trials and Joys of Marriage / Ed. E. Salisbury. Kalamazoo (MI): Medieval Institute Publications, 2002.

White 1590? — A Merry Jest of Robin Hood, and of His Life: With a Newe Play for to be Plaied in May-Games. Very Pleasant and Full of Pastime. L.: Edward White, 1590?

Wiles 1999 — *Wiles D.* Robin Hood as Sumner Lord // Robin Hood: An Anthology of Scholarship and Criticism / Ed. St.Th. Knight. Suffolk: Boydell & Brewer, 1999. P. 77–99.

Worde 1506?/1510? — A Lyttel Geste, of Robyn Hode and his Meyne, and of the Proude Sheryfe of Notyngham. L.: Wynkyn de Worde, 1506?/1510?

Wright 1831 — *Wright T.* The History and Topography of the County of Essex, Comprising Its Ancient and Modern History: A General View of Its Physical Character, Productions, Agricultural Condition, Statistics &c. &c. L.: Geo. Virtue, 1831.

Young 1979 — *Young C.R.* The Royal Forests of Medieval England. Philadelphia (PA): University of Pennsylvania Press, 1979.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Which are Prefixed Historical Anecdotes of His Life. L.: Printed for C. Stocking, 1823.

Ил. 9 К балладе «Повесть о деяниях Робин Гуда». Гравюра. *Худ. не установлен.* XV (?) в. Частная коллекция.

Ил. 10 Йомен верхом на лошади. Гравюра. *Худ. не установлен.* Ок. 1500 г. Публ. по изд.: *Knight St.* Robin Hood and the Crusades: When and Why Did the Longbowman of the People Mount Up Like a Lord? // Florilegium. 2006. Vol. 23. № 1. P. 203.

Ил. 11 Робин Гуд. Гравюра. *Худ. не установлен.* Ок. 1500 г. Частная коллекция.

Ил. 12 Робин Гуд и Маленький Джон. Гравюра. *Худ. не установлен.* 1600 г. Коллекция герцога Роксбурга.

Ил. 13 Робин Гуд, Маленький Джон и Виль Скарлет. Гравюра. *Худ. не установлен.* XVII в. Коллекция герцога Роксбурга.

Ил. 14, 15 Иллюстрации к балладе «Правдивая история о Робин Гуде». Гравюры. *Худ. не установлен.* XVIII в. Частная коллекция.

Ил. 16 Титульная страница изд.: The Robin Hood Ballads / Ed. E. Pierce. L.: [s. n.], 1840.

Ил. 17–21 публ. по изд. 1840 г.

Ил. 17. К балладе «Повесть о деяниях Робин Гуда».
Ил. 18. К балладе «Робин Гуд и куцый монах».
Ил. 19. К балладе «Благородный рыбак, или Выбор Робин Гуда».
Ил. 20. К балладе «Робин Гуд и нищий [II]».
Ил. 21. К балладе «Робин Гуд и Ален-э-Дэл».

Ил. 22–23 публ. по изд.: *Pierce E.* Robin Hood. L.: [s. n.], 1838–1840.

Ил. 22. Сцена драки на мечах (Робин Гуд и Гай Гисборн).
Ил. 23. Сцена гибели от стрелы.

Ил. 24 К балладе «Робин Гуд и скорняк». Гравюра. *Худ. не установлен.* Ок. 1845 г. 12 × 13,5 см. Частная коллекция.

Ил. 25 К балладе «Робин Гуд и Виль Скарлет». Гравюра. *Худ. не установлен.* Ок. 1845 г. 12 × 13,5 см. Частная коллекция.

Ил. 26 К балладе «Робин Гуд и Маленький Джон». Гравюра. *Худ. не установлен.* Ок. 1845 г. 12 × 13,5 см. Частная коллекция.

Ил. 27 Робин Гуд и его люди преклоняют колена перед королем под зеленым деревом. Гравюра. *Худ. Г.-Дж. Форд* (Henry Justice Ford; 1860–

СОДЕРЖАНИЕ

РОБИН ГУД

Перевод с английского
В.С. Сергеевой

БАЛЛАДЫ

ИГРЫ

ХРОНИКИ

ДОПОЛНЕНИЯ

ВАРИАНТЫ БАЛЛАД

Перевод с английского
В.С. Сергеевой

ДРУГИЕ ПЕРЕВОДЫ БАЛЛАД

ПРИЛОЖЕНИЯ

Робин Гуд: / Изд. подгот. В.С. Сергеева. — М.: Ладомир: Наука, 2018. — 888 с., ил. (Литературные памятники / РАН)

ISBN 978-5-94451-055-6
ISBN 978-5-86218-562-1

Наряду с легендарным королем Артуром Робин Гуд относится к числу самых популярных героев английского фольклора. В Средневековье вокруг фигуры благородного предводителя лесных разбойников и изгнанника сложился большой цикл замечательных произведений. Полный научный перевод этого цикла впервые предлагается вниманию отечественного читателя.

Баллады о Робине создавались на протяжении шести столетий. В них то звучат отголоски рыцарских романов, то проявляется изысканность, присущая стилю барокко, простота же и веселость народного стихотворного текста перемежаются остроумной и тонко продуманной пародией. Баллады и по сей день не утратили свежести и актуальности. Их вечные темы: противостояние слепого закона и нравственной справедливости, мечта о добром и справедливом заступнике, алчность и духовная слепота сильных мира сего, итоговое торжество добродетели. Перед читателем предстают обитатели Зеленого леса: Робин Гуд и дева Мэрион, Маленький Джон и Виль Статли, монах Тук и Гай Гисборн, король Эдуард и шериф Ноттингемский — во всём их многообразии и многообличии; открывается «старая добрая Англия», по знаменитому выражению «не существовавшая никогда, но словно бы совсем недавно оставшаяся где-то за поворотом». Баллады о Робине — это воплощение британского духа, свободы и чести, не скованной цепями закона; английская вольница, просторы зеленых лесов и залитых солнцем лужаек; вечный «веселый месяц май», который так дорог сердцу свободолюбивого жителя Туманного Альбиона.

Помимо баллад, в том вошли пьесы-«игры», приуроченные к празднованию Майского Дня (веселого торжества весны и ежегодного возрождения, известного в Англии с древнейших времен), а также фрагменты исторических хроник, позволяющие соотнести собирательный образ Робина с действительно жившими когда-то людьми, имена которых встречаются то в домовых книгах именитых семей, то в переписях населения, то в неоплаченных трактирных счетах за эль и говядину, а то и в судебных протоколах.

В раздел «Дополнения» вошли лучшие из известных в наши дни классических переводов баллад, а также варианты историй о Робине, сюжет и развязка которых подчас противоположны тем, что опубликованы в основном разделе.

Научное издание

РОБИН ГУД

Утверждено к печати
Редакционной коллегией серии «Литературные памятники»

Редактор *Д.В. Власов*
Корректор *О.Г. Наренкова*
Компьютерная верстка *О.Л. Кудрявцевой*

ИД № 02944 от 03.10.2000 г. Подписано в печать 25.07.2018 г.
Формат 70 × 90 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Гарнитура «Баскервиль». Печ. л. 55,5.
Тираж 800 экз. Зак. №К-4354.

Научно-издательский центр «Ладомир»
при участии ООО «ВРС»
124365, Москва, ул. Заводская, д. 4
Тел. склада: 8-499-729-96-70. E-mail: ladomirbook@gmail.com

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами в АО «ИПК “Чувашия”»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13

НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «ЛАДОМИР»
ВЫПУСТИЛ

Серия «Литературные памятники»

Данте Габриэль Россетти

ДОМ ЖИЗНИ

В 2-х книгах

Данте Габриэль Россетти (1828–1882) – выдающийся английский поэт, переводчик, иллюстратор и художник, один из создателей «Братства прерафаэлитов» – объединения поэтов, стремившихся возвратить искусство к его дорафаэлевской наивной форме, к эстетическому совершенству и гармонии, что особенно отчетливо проявилось в рожденных ими произведениях.

Главным поэтическим памятником Д.Г. Россетти явился цикл сонетов «Дом Жизни», создававшийся на протяжении почти всего его творческого пути. Название сборника указывает на специфическое содержание: дом жизни для поэта – это творчество, любовь, философия и природа, частью которой является человек. В сонетной форме Россетти видел возможность воплотить мгновение во всей полноте. Каждый сонет воссоздает некий определенный час из жизни поэта, настроение, атмосферу, картину, которые он счел достойными увековечения. Одним из главных персонажей в сонетах выступает Любовь, которая предстает на стыке эротического и духовного – не идеализированной «прекрасной дамой», но женщиной из плоти и крови. Сонеты Россетти отмечены яркими иллюстративными эффектами и атмосферой роскошной красоты, служат прекрасными «иллюстрациями» к его картинам.

Научно-комментированный перевод «Дома Жизни» подготовлен для серии «Литературные памятники» крупнейшим отечественным специалистом по творчеству Россетти, доктором филологических наук В.С. Некляевым. Также издание сопровождают обстоятельные статьи о жизненном пути Россетти (В.С. Некляев) и о восприятии творчества этого художника и поэта в России (Д.Н. Жаткин).
Поскольку многие сонеты Россетти перекликаются с его картинами, данная «парность» была положена в основу настоящего издания. В целом изобразительный ряд из живописных творений Россетти (свыше 150 картин), представленный в двухтомнике, позволит отечественным любителям искусства получить масштабное представление о творческом пути этого гениального художника и поэта.